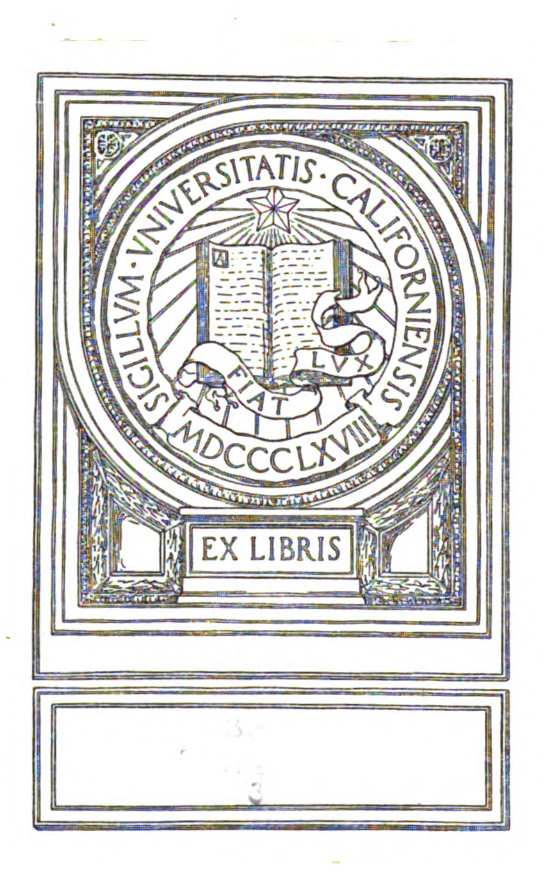

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ XIII-й. № 10-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ОКТЯБРЬ.

1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1904.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Годъ XIII-й. № 10-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

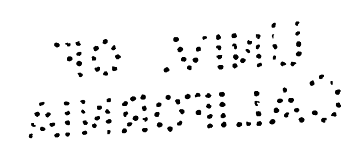
ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ОКТЯБРЬ.

1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1904.



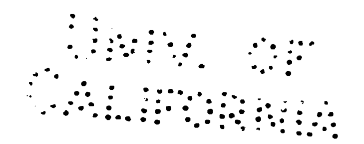
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29-го сентября 1904 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.



ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ.

I.

Лордъ Чӧрчиль (R. Churchill), политическій дѣятель, извѣстный своею пылкостью и прямолинейностью, послѣ осмотра алмазныхъ полей Кимберлея, при взглядѣ на цѣлую груду добытыхъ алмазовъ, замѣтилъ: «и все это ради тщеславія женщины», а одна изъ присутствовавшихъ при этомъ дамъ прибавила: «и ради испорченности мужчины».

Совсѣмъ иначе къ драгоцѣннымъ камнямъ относятся люди, настроенные менѣе прямолинейно.

«Драгоцѣнные камни! Ихъ имена вызываютъ головокруженіе, но не ради ихъ цѣнности, а поэзіи, которою они вдохновляютъ. Это цвѣты минеральнаго царства, распуствившіеся въ нѣдрахъ земли. Это звѣзды этихъ мрачныхъ нѣдръ, сравнимыя только съ звѣздами неба: не безчисленные ли алмазы сверкаютъ на лазоревомъ сводѣ тихой и свѣтлой ночью?

«Часто эти блестящія драгоцѣнности служатъ семейными реликвіями, сохраняющими въ ихъ мягкомъ сверканіи послѣднія воспоминанія о нѣжной матери, дорогомъ отцѣ, любимой сестрѣ. Невольныя слезы вызываютъ такія завѣщанныя бездѣлушки. Безмолвно онѣ вызываютъ въ воспоминаніи трогательные звуки голосовъ; онѣ напоминаютъ прошлое, грустное и нѣжное, волшебные праздники или дни печали, исторію дорогихъ существъ, которыхъ болѣе нѣтъ, и счастье, которое мы такъ бы жаждали вернуть. Онѣ часто вызываютъ волненіе, пробуждаемое жалобными переливами щебетанія одинокой птицы среди черныхъ кипарисовъ, отѣняющихъ послѣднее жилище того, что намъ такъ дорого».

Эта сентиментальная тирада французскаго автора относится по времени къ послѣднимъ днямъ второй Имперіи; съ блескомъ двора Евгеніи плохо гармонировало бы напоминаніе о горькой правдѣ: какъ мало радости доставляли эти «цвѣты» тѣмъ, которые ихъ срывали. Тотъ же авторъ *) скромно умалчиваетъ о хорошо извѣстныхъ мѣрахъ, какія

*) L. Rambosson. „Les pierres précieuses“, 1870.

принимались для устраненія воровства алмазовъ въ Бразиліи, доставлявшей въ тѣ годы наибольшее количество алмазовъ, а только указываетъ, что негровъ-рабовъ (въ пятидесятыхъ годахъ) поощряли наградами—новыми рубашками, шляпой и т. п.; а находившаго алмазъ вѣсомъ въ 17 съ половиной каратовъ украшали цвѣтами, и правительственный инспекторъ объявлялъ его свободнымъ, съ правомъ работать на свой собственный страхъ. «Въ Цехуко произошла одна трогательная сцена. Негръ нашелъ крупный алмазъ. Всѣ его товарищи радовались, что свобода будетъ его наградой, но при взвѣшиваніи оказалось, что алмазъ вѣсилъ только 16½ каратовъ: еще одинъ каратъ, и онъ получилъ бы свободу! Бѣдный негръ былъ обманутъ въ своихъ надеждахъ; его судьба возбудила къ себѣ общій интересъ». Романтически настроенный французъ не замѣтилъ страшной драмы въ этой трогательной сцѣнѣ; сколько драмъ, еще болѣе ужасныхъ, могъ бы разсказать любой изъ такихъ крупныхъ «цвѣтковъ».

Кто не слыхалъ о Ко-и-нурѣ (гора свѣта), считаемомъ величайшимъ изъ историческихъ алмазовъ? Брилліантъ такого названія въ сокровищницѣ англійской короны нѣкоторые считаютъ только частью настоящаго Ко-и-нура, исторія котораго нисходитъ до легендарныхъ войнъ Индіи.

Одинъ изъ послѣднихъ эпизодовъ исторіи этого камня уже въ началѣ XIX ст. относится къ моменту, когда ослѣпленный шахъ Шуя, сынъ Ахмедъ-шаха, знаменитаго основателя афганской династіи Абдалидовъ въ Кабулѣ, искалъ убѣжища въ логовищѣ «Пенджабскаго льва» Рундшитъ-синга. Единственнымъ спутникомъ злосчастнаго шаха въ его скитаніяхъ изъ Пешаура въ Кашмиръ, изъ Кашмира въ Лагоръ въ качествѣ гостя, а на самомъ дѣлѣ плѣнника Рундшитъ-синга, былъ Ко-и-нуръ. Рундшитъ-сингъ думалъ, что камень, о которомъ онъ много слышалъ, находится въ рукахъ Вуффо-бегумъ, жены Шуи-шаха, также искавшей у него убѣжища, и не вѣря ея словамъ, что камня у нея нѣтъ, хотѣлъ вырвать камень, подвергая голоду ее и ребенка своего друга, пока тотъ самъ не принесъ Ко-и-нура къ ногамъ своего хозяина. «Во что ты оцѣниваешь его стоимость?»—спросилъ Рундшитъ, не скрывая своей радости. «Въ хорошее счастье,—возразилъ слѣпой шахъ, — такъ какъ онъ составляетъ всегда собственность того, кто торжествуетъ надъ своими врагами». Этотъ отвѣтъ, павшаго властелина, поразившій своей силой даже грубаго Рундшитасинга, выражаетъ вѣру въ значеніе этого талисмана. Его жаждали всѣ султаны, раджи и шахи, его вырывали при первомъ же побѣдномъ грабежѣ, исторгали пытками, ослѣпленіемъ. Кровавая исторія этого легендарнаго камня, попавшаго послѣ занятія Лагора англійскими войсками въ собственность остъ-индской компаніи и поднесеннаго ею 3-го іюня 1850 г. королевѣ Викторіи, есть только одна изъ многихъ подобныхъ же другихъ исторій знаменитыхъ камней.

Ради нихъ были поругаемы храмы, разушаемы дворцы, низвергаемы троны, ради нихъ подвергали пыткамъ властителей, женщинъ; хозяева отравляли своихъ гостей; ради нихъ вырывали внутренности рабовъ и слугъ *).

Современная исторія этихъ «цвѣтковъ» минеральнаго царства болѣе прозаична; все романтическое жизнь изъ нея выкинула, но тѣмъ рѣзче проглядываетъ трагизмъ въ столкновеніи людскихъ страстей надъ иными изъ этихъ дѣйствительно чудныхъ созданій природы.

Въ 1902 году на міровой рынокъ поступило алмазовъ изъ южной Африки на сумму болѣе 40 милл. руб. (4.687.194 ф. ст.); за все время (съ 1877 г.) добычи тамъ алмазовъ южная Африка выбросила ихъ на міровой рынокъ на сумму около 900 милл. руб. Добыча Надиръшаха при разгромѣ Дели въ 1739 г. оцѣнивается приблизительно въ 600 милл. рублей, причемъ большая часть этой добычи выражалась драгоцѣнными камнями. Хотя съ тѣхъ поръ въ однѣхъ рукахъ не скоплялось драгоцѣнныхъ камней въ подобномъ количествѣ, но и въ настоящее время драгоцѣнности, напримѣръ, англійской и русской коронъ оцѣниваются весьма крупными суммами. Въ Америкѣ извѣстно уже до полдюжины частныхъ коллекцій, оцѣниваемыхъ милліонами долларовъ; въ одной изъ нихъ хранится ожерелье стоимостью въ 320.000 долларовъ, т.-е. больше ½ милл. руб. **). Общая стоимость драгоцѣнныхъ камней въ рукахъ болѣе богатыхъ частныхъ лицъ Стараго и Новаго Свѣта, вѣроятно, значительно превышаетъ цѣнность коронныхъ драгоцѣнностей, скоплявшихся сотнями лѣтъ. Отъ зари человѣческихъ культуръ до нашихъ дней люди гоняются за этими сверкающими камнями. Какъ ни колоссаленъ капиталъ, выражающій стоимость драгоцѣнныхъ камней на протяженіи всей исторіи человѣческой культуры, но онъ не можетъ все-таки выразить и ничтожной доли многосторонняго вліянія ихъ въ ряду разнообразныхъ стимуловъ, вызывавшихъ тѣ или другія движенія въ жизни отдѣльныхъ людей, обществъ и даже цѣлыхъ народовъ,—движенія, совокупность которыхъ выражается неуклонной эволюціей человѣчества. Въ ряду этихъ стимуловъ драгоцѣнные камни занимаютъ своеобразное положеніе; они не имѣютъ никакого реальнаго значенія, подобнаго, напримѣръ, значенію желѣза, хлопка и т. п., они не имѣютъ значенія мѣновой единицы, подобнаго значенію золота и серебра. Въ чемъ же ихъ значеніе? Какъ первое открытіе ихъ связано съ психическимъ воздѣйствіемъ на дикаря, обратившаго вниманіе на блескъ или цвѣтъ безполезнаго для него вещества, такъ и дальнѣйшая ихъ роль выражается въ неизмѣнномъ вліяніи на нѣкоторыя стороны духовной

---

*) Gardner F. Williams „The diamond Mines of South Africa", 1902.

**) Kunz, George F. „Gems and precious stones of North America" 1893 г. (второе изданіе).

жизни человѣка. Тщеславіе, расточительность, распущенность и въ гораздо меньшей степени чувство красоты—вотъ прежде всего тѣ стороны духовной природы человѣка, на которыя драгоцѣнные камни имѣли всегда преимущественное вліяніе. И если драгоцѣнные камни дали, быть можетъ, первый толчокъ къ познанію естественныхъ тѣлъ неорганической природы, то дѣйствительное развитіе познаній о неорганической минеральной природѣ вызвали все-таки не они, а горное дѣло, основанное ради болѣе насущныхъ потребностей — соли, серебра, мѣди, желѣза.

Въ исторіи культуры человѣчества можно прослѣдить, правда, что, прежде чѣмъ служить выразителями тщеславія и грубаго стремленія къ украшенію, драгоцѣнные камни были тѣсно связаны съ представленіями о сверхъестественныхъ силахъ, управлявшихъ судьбой, счастьемъ и здоровьемъ человѣка. Такое символическое отношеніе къ нимъ въ теченіе вѣковъ уживалось вмѣстѣ съ развивающимся все болѣе отношеніемъ къ драгоцѣннымъ камнямъ, какъ предметамъ только украшенія; мы достигли, вѣроятно, уже крайнихъ предѣловъ послѣдняго увлеченія, такъ какъ капиталъ, наука и искусство соединяются для эксплоатаціи низменныхъ инстинктовъ человѣка.

Равнодушіе дикаря, въ теченіе тысячелѣтій, быть можетъ, попиравшаго ногами чудные изумруды и рубины, прежде чѣмъ онъ нагнулся къ нимъ, смѣнилось патологической жаждой обладанія этими ненужными человѣку предметами; давно уже пора, чтобы это болѣзненное стремленіе смѣнилось здоровой жаждой познанія.

Не ради того, чтобы только научить, какъ отличить алмазъ отъ безцвѣтнаго корунда, рубинъ отъ розовой шпинели и т. д., начаты эти наброски. Задача ихъ и шире, и проще—возбудить въ иномъ читателѣ желаніе ближе проникнуть въ области окружающей насъ минеральной природы и познакомить читателей съ дѣйствительнымъ мѣстомъ въ этой природѣ столь знакомыхъ всѣмъ ея «цвѣтовъ» — драгоцѣнныхъ камней.

Иностранная литература за послѣдніе годы обогатилась рядомъ изданій, посвященныхъ драгоцѣннымъ камнямъ. Труды Бауэра *), Штритера, Кунца, Гарднера и Браунса **) соперничаютъ роскошью картинъ и богатствомъ, разнообразіемъ содержанія; если прибавить сюда болѣе старыя сочиненія, менѣе богатыя внѣшностью, какъ Брарда, Блюма, Барбота, Клюге, Шрауфа, Рамбоссона, Дёльтера и многія другія, напримѣръ, старинныя—Брюкмана (1757 г.) и Дютена (1778 г.), то составится цѣлая библіотека, посвященная исключительно драгоцѣн-

*) Max Bauer. „Edelsteinkunde", 1896 г. Streeter, Edwin W., „Precious stones and gems", 1898 г. шестое изданіе. Kunz, George F., l. c, Gardner, F. Wlliams, l. c. E. C. Brauns, R. „Das Mineralreich", 1903—1904 гг. (не законченное еще).

**) Въ текущемъ году началъ выходить выпусками русскій переводъ упомянутаго выше сочиненія Браунса „Das Mineralreich".

нымъ камнямъ. Русская литература по обыкновенію значительно бѣднѣе; кромѣ небольшихъ очерковъ, можно назвать только переводы Брикмана (изданный горнымъ училищемъ въ 1779 г.) и Гюриха («Минеральное царство», 1903 г.) и сочиненія Щеглова (1824 г.), Пыляева (1877 г.), Святскаго (1902 г.); послѣднія два выдержали по нѣскольку изданій. Сочиненія Пыляева и Святскаго выгодно отличаются отъ многихъ иностранныхъ, при своей бѣдной внѣшности, популярностью, а Пыляева и оригинальностью въ частяхъ, касающихся распространенія драгоцѣнныхъ камней въ Россіи.

Лучшія изъ сочиненій, какъ Клюге, Бауэра, Дёльтера, Штритера, имѣютъ въ виду лицъ, близко интересующихся драгоцѣнными камнями, въ особенности торговцевъ ими, гранильщиковъ и ювелировъ имѣющихъ нѣкоторыя основныя естественно-историческія познанія. Упомянутыя русскія сочиненія разсчитаны, конечно, на болѣе широкій кругъ читателей; у Пыляева преобладаетъ историческая сторона, у Святскаго прибавлено о способахъ искусственнаго воспроизведенія драгоцѣнныхъ камней.

Царство минераловъ настолько еще чуждо большинству русской читающей публики, что, вѣроятно, мнѣ простятъ желаніе прежде всего возбудить къ нему интересъ. Что можетъ быть, напримѣръ, удивительнѣе образованія минераловъ и ихъ измѣняемости?

II.

Что же такое драгоцѣнные камни?

Если сказать, что они представляютъ собою минералы, отличающіеся своею красотою, блескомъ, цвѣтомъ, прозрачностью, твердостью и, наконецъ, рѣдкостью, то, вѣроятно, большинство читателей спроситъ что же такое минералъ?

Наша земля, какъ міровое тѣло, состоитъ не только изъ твердыхъ веществъ, но окружена воздушной оболочкой и покрыта на значительной части своей поверхности (около 0,7) водою. Газы и вода принимаютъ участіе въ составѣ и твердой земной коры; источники и выдѣленія газовъ изъ нѣдръ земли представляютъ, вѣроятно, всѣмъ знакомое явленіе. Газы, заключенные въ порахъ и пустотахъ твердыхъ каменныхъ массъ, въ отличіе отъ воздушной оболочки земли, т.-е. атмосферы, часто называютъ атмосфериліями. Вода въ твердомъ видѣ, т.-е. льда и снѣга, принимаетъ существенное участіе въ составѣ твердой поверхности земли. Кромѣ воды, въ твердомъ тѣлѣ земли мы встрѣчаемъ и другія капельно-жидкія вещества, напримѣръ, нефть, ртуть. Хотя водная и воздушная оболочки земли составляютъ предметъ отдѣльныхъ наукъ, но въ сущности нѣтъ никакого основанія выдѣлять воду, и не только атмосферилии, но и атмосферу изъ области минеральнаго царства. Мине-

ральное царство обнимаетъ, слѣдовательно, всю совокупность составляющихъ землю естественныхъ тѣлъ, твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ. Всѣ такія тѣла, которыя мы можемъ воспринять и различить доступными намъ способами, можно называть *минералами*, если они состоятъ изъ химически и физически однороднаго вещества, т.-е. могутъ быть разсматриваемы, какъ отдѣльные индивидуумы или отдѣльные члены минеральнаго царства.

Составъ земли доступенъ намъ до сихъ поръ только до сравнительно ничтожной глубины (около $^1/_{3000}$ земного радіуса), и на этомъ пространствѣ она сложена преимущественно изъ твердыхъ тѣлъ, образующихъ какъ бы твердую кору вокругъ неизвѣстныхъ намъ внутреннихъ массъ. Невѣрное представленіе о минералахъ, какъ исключительно твердыхъ тѣлахъ, извлекаемыхъ изъ нѣдръ земли, выразилось въ старинномъ названіи для науки, разсматривающей эти тѣла,— *ориктогнозія*, т.-е. наука объ ископаемыхъ тѣлахъ. Это названіе въ Россіи удерживалось еще въ 40 годахъ: извѣстный академикъ Эйхвальдъ не одобрялъ такихъ гебридныхъ названій, какъ *минералогія*, сложенныхъ изъ греческаго и французскаго словъ. Слово «mina»— старое провансальское слово для обозначенія различныхъ подземныхъ выработокъ, откуда и современное французское слово «mine», т.-е. рудникъ. Постепенно это слово распространилось во всѣхъ языкахъ для обозначенія различныхъ тѣлъ, образующихъ каменныя массы земли, а терминъ *минералогія* — для обозначенія науки, объектомъ которой являются минералы *).

*) Въ Россіи слова минералъ, минералогія были введены замѣчательно правильно Ломоносовымъ въ его знаменитомъ и совершенно забытомъ затѣмъ сочиненіи „Первыя основанія металлургіи", изданномъ въ 1763 году. Ломоносовъ, какъ извѣстно, исправлялъ языкъ многочисленныхъ переводчиковъ при академіи наукъ того времени; тѣмъ не менѣе горнымъ училищемъ въ восьмидесятыхъ годахъ того же столѣтія издаются переводы извѣстныхъ сочиненій Кронштедта и Эллера, гдѣ вводится новое слово „рудословіе", какъ точный переводъ „минералогіи". (Эллера. „Опытъ о началѣ и рожденіи металловъ, изъ первой части рудословныхъ увеселеній" Переведенъ съ нѣмецкаго языка горнаго училища студентомъ Андреемъ Пикараномъ. 1780. „Опытъ рудословной системы" г. Кронштета. 1776 году переведенъ съ нѣм. на россійскій языкъ с.-петерб. горн. училища студ. Матвѣемъ Курдымановъ. Изданіе второе 1789 года).

Это слово успѣха не имѣло, а извѣстный академикъ Севергинъ своими многочисленными работами, въ особенности „Подробнымъ словаремъ минералогическимъ" 1807 года, утвердилъ слова минералъ и минералогія, противъ которыхъ позднѣе возставали въ особенности профессора медико-хирургическихъ академій, московскаго отдѣленія—Фишеръ (1818 г.) и петербургской— Эйхвальдъ (1844 г.), возвращающіеся къ старому названію Вернера—ориктогнозія или ориктологія, почти совершенно забытому уже къ этому времени на его родинѣ, въ Германіи.

Естественныя науки медленно завоевывали себѣ права гражданства въ Россіи, а изъ этихъ наукъ группа, имѣющая своимъ предметомъ всю сово-

Въ тѣсномъ смыслѣ минералами называютъ только тѣ неорганизованныя тѣла, которыя произошли естественными процессами безъ какого-либо участія человѣка; однородныя вещества, опредѣленныхъ химическихъ и физическихъ свойствъ, тожественныя съ какимъ-либо природнымъ минераломъ, но полученныя при непосредственномъ участіи человѣка, называютъ «искуственными минералами». Существуютъ минералы, которые, очевидно, произошли изъ органическихъ тѣлъ, растительныхъ или животныхъ, представляя продукты ихъ выдѣленія, разложенія или измѣненія и въ то же время являясь теперь естественными составными частями земной коры; таковы, напр., янтарь,

---

купность неорганическихъ веществъ, слагающихъ земной шаръ, т.-е. циклъ геологическихъ наукъ, менѣе всего останавливала на себѣ вниманіе русскаго образованнаго класса. Понятны поэтому колебанія даже въ самомъ названіи одной изъ этихъ наукъ, популяризація которой въ Россіи стояла всегда неудовлетворительно. Со второй половины прошлаго столѣтія въ Россіи выдвигаются крупныя научныя изслѣдованія въ области минералогіи; имена Кокшарова, Еремѣева, Гадолина, Ерофѣева, Федорова и др. извѣстны минералогамъ всѣхъ странъ. Литература же учебная, задача которой состоитъ въ представленіи въ сжатой и критической формѣ всей совокупности положеній данной науки и ея успѣховъ, до сихъ поръ для минералогіи такъ же мало оригинальна въ Россіи, какъ и въ началѣ прошлаго столѣтія. Замѣчательно, что со второй половины 19-го столѣтія въ Россіи появилось менѣе учебниковъ по минералогіи, чѣмъ въ предшествующее полстолѣтіе.

Между руководствами съ конца XVIII ст. по 1850 г. (Севергина 1798 и 1804, Фишера 1818, Щеглова 1824, Зембницкаго 1831, Соколова 1832, Ловецкаго 1832, Горяинова 1835, Штурма 1838, Гофмана 1840, Эйхвальда 1844 и друг.) наибольшею оригинальностью и научностью выдѣляются труды Соколова и Штурма. Со второй половины столѣтія по настоящее время мы имѣли только сочиненія: Медвѣдева 1863, переводъ Наумана 1860, переводъ Чермака 1884, Лебедева 1890—91, переводъ Лаппарана 1899, неоконченный трудъ Вернадскаго 1899, Земятченскаго 1900, не считая нѣкоторыхъ переводныхъ сочиненій или элементарныхъ учебниковъ: впрочемъ, между послѣдними можно отмѣтить Александрова 1864 г., прямо выдающійся по своей содержательности и сжатости.

Если припомнить быстрое развитіе научной мысли въ Россіи за послѣднее полстолѣтіе, то появленіе за это время только двухъ въ сущности оригинальныхъ руководствъ—Лебедева и Вернадскаго, заслуживаетъ, конечно, вниманія и показываетъ, что минералогія до сихъ поръ не вышла въ Россіи за предѣлы узкихъ сферъ вліянія университетскихъ каѳедръ. Учебно-популярная литература со временъ Вернера, т.-е. конца XVIII ст., до 1860 года напр., въ Польшѣ значительно богаче, чѣмъ въ Россіи. Польская минералогическая литература имѣетъ и рядъ любопытныхъ сочиненій XVI вѣка; это медицинскія энциклопедіи, въ которыхъ разсматриваются на ряду съ органическими лечебными веществами и неорганическія. Въ Россіи нѣкоторыя аналогичныя описанія появлялись въ такъ называемыхъ изборникахъ, азбучникахъ, правда, еще въ XI ст. Въ торговой книгѣ для русскихъ купцовъ 1575 и 1610 годовъ (по Пыляеву) имѣлся особый отдѣлъ „О всякихъ каменьяхъ дорогихъ"; къ XVII же столѣтію относятся и русскіе „Лечебники", со многими свѣдѣніями, явно заимствованными съ Запада, сравнительно съ древнѣйшими (XI ст.) данными греческаго происхожденія.

представляющій смолу различныхъ хвойныхъ деревьевъ; инфузорная земля (трепелъ) или тонко-землистый водный кремнеземъ изъ панцырей діатомовыхъ—простѣйшихъ, причисляемыхъ многими естествоиспытателями къ водорослямъ (на отложеніяхъ такого рода, мощностью до 40 футовъ, расположенъ, между прочимъ, Берлинъ); сюда же относятся также различныя ископаемыя горючія (каменный и бурый угли, частью нефть).

Иныя неорганическія тѣла, являющіяся продуктами отдѣленія животныхъ или внѣ этихъ организмовъ, напр., жемчугъ, или въ самомъ организмѣ, никогда не появляются въ видѣ естественныхъ составныхъ частей твердой земной коры. Современная химія показала также существованіе чрезвычайно разнообразныхъ новыхъ неорганическихъ соединеній опредѣленныхъ физическихъ и химическихъ свойствъ. Всѣ такія вещества составляютъ предметъ анорганологіи, т.-е. науки о всѣхъ вообще неорганическихъ тѣлахъ. Если опредѣлять минералогію, какъ науку о природныхъ неорганическихъ тѣлахъ, возникающихъ въ земной корѣ, то она составляетъ только часть анорганологіи. Минералы отличаются, слѣдовательно, отъ другихъ неорганическихъ тѣлъ только характеромъ своего нахожденія; можно различать такимъ образомъ минеральныя и неминеральныя неорганизованныя тѣла. Первыя и составляютъ предметъ минералогіи по существу. Съ понятіемъ о минералѣ связывается, слѣдовательно, представленіе о характерѣ его залеганія, и только такія геологическія особенности позволяютъ отличить минералъ отъ тожественныхъ съ нимъ по качествамъ неорганическихъ тѣлъ. Исторія образованія минераловъ есть, слѣдовательно, часть исторіи земли; именно геологія раскрываетъ процессы, которые ведутъ въ природѣ къ образованію минераловъ.

Каждый твердый минералъ характеризуется своимъ наружнымъ видомъ, т.-е. такъ называемыми морфологическими признаками, и также физическими и химическими особенностями; совокупность всѣхъ этихъ признаковъ служитъ для отличія однихъ минераловъ отъ другихъ. Тѣла, имѣющія правильную геометрическую форму, называютъ кристаллами; каждый такой кристаллъ представляетъ неорганическій индивидуумъ, или недѣлимое. Вслѣдствіе нарушенія правильности процесса образованія кристалла, напр., отъ внѣшнихъ препятствій, онъ можетъ получить и неопредѣленную, случайную форму; такіе минералы, уже нельзя назвать кристаллами, и имъ даютъ болѣе общее названіе—кристаллическихъ. Къ кристаллическимъ минераламъ относятся, конечно, и минералы окристаллованные (т.-е. кристаллы). Внутреннее строеніе кристалла и кристаллическаго недѣлимаго одного и того же минерала одинаковы. Нетрудно замѣтить, что величина такихъ недѣлимыхъ для одного и того же минерала часто уменьшается до микроскопическихъ размѣровъ и что такія недѣлимыя имѣютъ свойство давать сочетанія, или такъ называемыя аггрегаты, иногда не раздѣлимые на отдѣльные индивидуумы

даже при помощи самаго сильнаго микроскопа. Тѣла, которыя не обнаруживаютъ никакихъ слѣдовъ кристаллическаго строенія, называютъ аморфными, т.-е. не имѣющими правильной формы: они или должны быть составлены изъ мельчайшихъ, недоступныхъ нашему наблюденію, кристаллическихъ же недѣлимыхъ, или даже вовсе не принадлежатъ къ классу твердыхъ тѣлъ. Аморфныя тѣла начинаютъ разсматривать (Тамманъ, 1896 г.), какъ жидкости съ очень большимъ внутреннимъ треніемъ, т.-е. какъ бы переохлажденныя жидкости.

Кристаллическія формы представляютъ геометрическіе многогранники различнаго вида; ограничивающими элементами ихъ являются— грань, ребра и углы, закономѣрно расположенные относительно нѣкоторыхъ постоянныхъ линій, воображаемыхъ внутри кристалла. Эти линіи, которыя называютъ кристаллическими осями, пересѣкаются въ общей точкѣ, образуя между собою прямые или косые углы; все разнообразіе геометрическихъ формъ кристалловъ можно свести къ опредѣленнымъ группамъ, характеризующимся извѣстнымъ сочетаніемъ осей. Такія группы называютъ кристаллическими системами; ихъ различаютъ шесть: правильная, шестиугольная, квадратная, ромбическая, моноклиническая и триклиническая. Необходимо обратить вниманіе, что правильное расположеніе точекъ въ пространствѣ, выражающееся въ извѣстной повторяемости ихъ свойствъ, называютъ симметріей. Въ большей части кристаллическихъ формъ можно найти положеніе плоскости, дѣлящей кристаллъ на двѣ равныя половины, изъ которыхъ каждая представляетъ зеркальное изображеніе другой. Въ различныхъ кристаллахъ число такихъ плоскостей симметріи будетъ неодинаковымъ, и чѣмъ больше ихъ, тѣмъ выше степень симметріи кристалла. Кромѣ симметріи относительно плоскостей, различаютъ еще симметрію относительно осей и точки; мы говоримъ, что тѣло симметрично относительно оси, если при вращеніи его около этой оси на опредѣленной уголъ фигура совмѣщается само съ собою. Тѣло симметрично относительно точки, называемой центромъ симметріи если всякая линія, проведенная черезъ него, соединяетъ однородныя точки поверхности многогранника и дѣлится въ центрѣ пополамъ. Въ кристаллахъ триклинической системы возможна симметрія только относительно точки; въ формахъ другихъ системъ возможны и оси симметріи, притомъ для нѣкоторыхъ формъ по нѣскольку осей. Въ зависимости отъ количества такихъ элементовъ симметріи, какъ плоскости, оси и центръ, всѣ многогранники могутъ быть раздѣлены на 32 класса или вида, которые и группируются въ болѣе широкія группы—упомянутыя выше системы.

Каждый минералъ, являющійся въ геометрически правильной формѣ, относится къ одному изъ этихъ 32 классовъ. Онъ получаетъ эту форму при своемъ образованіи подъ вліяніемъ внутреннихъ силъ самого вещества; этотъ процессъ и называютъ кристаллизаціей. Аморфныя тѣла не имѣютъ, вообще, этой способности при своемъ отвер-

дѣваніи принимать какую-либо правильную форму, ограниченную равными плоскостями. Кристаллизація опредѣляетъ въ кристаллическихъ тѣлахъ и извѣстныя особенности въ физическихъ свойствахъ, какихъ въ аморфныхъ тѣлахъ мы уже не замѣчаемъ. Свойство однородности минераловъ выражается тѣмъ, что малѣйшій кусокъ ихъ имѣетъ тѣ же физическія свойства, что и все тѣло, какъ и всякая другая точка того же тѣла. Но въ кристаллахъ не всѣ ихъ физическія свойства остаются одинаковыми по всѣмъ направленіямъ; по различнымъ направленіямъ (какъ говорятъ, векторамъ) явленія, изучаемыя въ кристаллѣ, неодинаковы, въ то же время оставаясь неизмѣнными по направленіямъ, параллельнымъ другъ другу. Это замѣчательное свойство кристаллическихъ тѣлъ называютъ анизотропіей или также векторіальностью (по Фогту и Тамману) кристалловъ. Аморфныя тѣла этимъ свойствомъ не обладаютъ; они, напр., жидкости или стекло, изотропны, т.-е. одинаковаго строенія по всѣмъ возможнымъ направленіямъ. При полной однородности они не обладаютъ векторіальностью. Если разсматривать аморфныя тѣла, именно твердыя, за сочетаніе безконечно малыхъ кристаллическихъ индивидуумовъ, расположенныхъ по всевозможнымъ направленіямъ то такое тѣло можетъ дать суммарное впечатлѣніе, при которомъ анизотропія отдѣльныхъ элементовъ исчезаетъ, т.-е они представляются изотропными; всѣ ихъ физическія свойства, какъ упругость, сцѣпленіе, преломленіе свѣта, по всѣмъ направленіямъ одинаковы. Въ нихъ мельчайшія частицы, составляющія тѣло, соединены, какъ въ жидкости, безъ всякаго порядка; они и отличаются отъ жидкостей только болѣе значительнымъ внутреннимъ треніемъ, слѣдовательно, большимъ сопротивленіемъ всякому внѣшнему вліянію на измѣненіе ихъ формы. Такія аморфныя тѣла, не принимающія какой-либо правильной формы подъ вліяніемъ внутреннихъ силъ, имѣютъ обыкновенно округлую, почковидную, желвакообразную и тому подобныя формы.

Замѣтимъ, что анизотропія кристаллическихъ тѣлъ можетъ не относиться ко всѣмъ ихъ свойствамъ; такъ, напр., кристаллическія тѣла правильной системы относятся къ явленіямъ распространенія свѣта изотропно, т.-е. свѣтъ распространяется одинаково быстро по всѣмъ направленіямъ; но внѣшняя форма ихъ составляетъ слѣдствіе извѣстнаго строенія, т.-е. неодинаковаго отношенія къ упругости, что обнаруживается, напр., спайностью, т.-е. способностью раскалываться только въ опредѣленныхъ направленіяхъ по ровнымъ поверхностямъ; такія поверхности имѣютъ то же положеніе, что и опредѣленныя плоскости огранения данныхъ кристалловъ. Внѣшній видъ кристалла есть только повтореніе его внутренняго строенія; ничего подобнаго мы не замѣтимъ въ аморфномъ тѣлѣ.

Сущности процесса кристаллизаціи, опредѣляющей физическія особенности кристалловъ, т.-е. извѣстную группировку молекулъ, мы, ко-

нечно, не знаемъ; мы можемъ только прослѣдить нѣкоторыя явленія, предшествующія и сопровождающія этотъ процессъ; можно говорить только о ростѣ кристалловъ. Способъ и родъ, какимъ частицы какого-нибудь вещества соединяются въ цѣлое, опредѣляютъ такъ называемое аггрегатное состояніе; съ измѣненіемъ этого состоянія измѣняются и свойства вещества, таковы состоянія—твердое, жидкое и газообразное. Мы уже видѣли, что въ твердомъ состояніи могутъ быть тѣла кристаллическія и аморфныя; поэтому правильнѣе считать два главныхъ аггрегатныхъ состоянія: изотропное и анизотропное; къ первому относятся газообразныя, жидкія и аморфныя состоянія; ко второму— кристаллическое состояніе. Изотропныя состоянія представляютъ болѣе подвижныя, активныя, чѣмъ анизотропныя. Кристаллизація и есть явленіе перехода вещества изъ состоянія активнаго въ иную фазу, которую можно называть твердымъ состояніемъ, если не считать аморфныя тѣла за твердыя.

Изотропное состояніе выражается постепеннымъ, непрерывнымъ переходомъ вещества изъ одной фазы въ другую, напр., отъ аморфной въ жидкую и газообразную при нагрѣваніи или при измѣненіи давленія; никакихъ скачковъ при этомъ не наблюдается, вязкость аморфнаго тѣла постепенно измѣняется въ жидкое состояніе и обратно. Выше такъ называемой критической температуры при достаточно сильномъ давленіи исчезаетъ различіе между газомъ и жидкостью; вещество газообразно и въ то же время трудно сжимаемо подобно жидкости. Всѣ свойства такого вещества измѣняются непрерывно, подобно измѣненію самихъ объемовъ, и переходъ изъ одной фазы въ другую можетъ быть воспроизведенъ безъ всякихъ скачковъ. Совсѣмъ иное происходитъ при кристаллизаціи.

Состояніе кристаллическое зависитъ отъ различнаго расположенія молекулъ, и въ моментъ перехода вещества въ такое состояніе, при непрерывномъ измѣненіи давленія и температуры, происходитъ рѣзкое измѣненіе объемовъ; если значительное количество какого-нибудь вещества находится въ переохлажденномъ состояніи, совершенно заполняя собою закрытое пространство, то моментъ кристаллизаціи, вслѣдствіе измѣненія объема, вызываетъ внезапное повышеніе давленія, ведущее къ ударамъ и даже взрыву.

Кристаллизація можетъ происходить какъ изъ газообразнаго, такъ и жидкаго состоянія. Типомъ кристалловъ перваго рода можетъ служить снѣгъ, т.-е. ледяные кристаллики, образующіеся при охлажденіи изъ водяныхъ паровъ; также многочисленные продукты возгонки или сублимаціи, напр., различные кристаллическіе минералы изъ газообразныхъ выдѣленій вулкановъ. Болѣе распространено въ природѣ образованіе кристалловъ изъ жидкаго состоянія, именно путемъ плавленія или изъ растворовъ. Если соединеніе, образующее минералъ, переходитъ изъ жидкаго состоянія, то или жидкость становится неоднородной, причемъ

въ ней выдѣляются первые кристаллы, постепенно увеличивающіеся при продолжительномъ соприкосновеніи съ нею, или она остается однородной, затвердѣвая въ видѣ какъ бы жидкости, т.-е. аморфнаго вещества. Растворъ долженъ быть пересыщенъ, чтобы наступило выдѣленіе вещества, иначе не было бы и повода для выдѣленія. Исключеніемъ является образованіе кристалловъ вслѣдствіе химическихъ реакцій между двумя ненасыщенными растворами или электролитическимъ путемъ. Кристаллы образуются различно: или плавая въ жидкости, выдѣляющей вещество, причемъ самое образованіе перваго кристалла, затѣмъ наростающаго, не можетъ быть уловлено никоимъ наблюденіемъ; или покоясь одной плоскостью на какомъ-нибудь твердомъ предметѣ, причемъ другія части кристалла остаются въ окружающей средѣ. Загадка кристаллизаціи нѣсколько объясняется предположеніемъ, что мельчайшія частички вещества обладаютъ способностью къ соединенію; занимая извѣстное положеніе другъ относительно друга, вслѣдствіе подвижности элементовъ раствора, онѣ соединяются въ одну уже различимую частичку, которую мы и наблюдаемъ въ видѣ внезапно появляющагося кристалла. Если бы удалось сдѣлать такія частички видимыми, быть можетъ, мы и приблизились бы къ разрѣшенію этой загадки, пока же мы можемъ наблюдать только увеличеніе кристалловъ, а не ихъ зарожденіе.

Ростъ кристалловъ состоитъ въ равномѣрномъ отложеніи вещества, переходящаго изъ изотропнаго состоянія въ анизотропное. Вслѣдствіе уменьшенія насыщенія среды около кристалла и освобожденія тепла, возникаютъ кристаллизаціонные токи въ окружающей средѣ; чѣмъ сильнѣе и неравномѣрнѣе такіе токи, тѣмъ неравномѣрнѣе происходитъ и отложеніе вещества на различныхъ плоскостяхъ первоначальнаго кристалла, но все-таки безъ нарушенія внутренней симметріи, хотя возникающіе кристаллы и получаются изуродованными. Кристаллы тѣмъ правильнѣе, чѣмъ вязче выдѣляющіе растворы, когда кристаллы могутъ, такъ сказать, висѣть въ жидкости. Быстрота наростанія также мѣшаетъ правильному развитію кристалловъ. Различныя уродливыя формы, недоразвившіеся кристаллы одного и того же минерала, хотя и отличаются своимъ внѣшнимъ видомъ, но по физическимъ свойствамъ совершенно тожественны. Недоразвившіеся кристаллы часто представляютъ нѣсколько вѣтвей по нѣсколькимъ плоскостямъ, образуя какъ бы кристаллическій скелетъ или остовъ неразвившагося кристалла; примѣрами такихъ кристалловъ могутъ служить различные рудные минералы (свинцовый блескъ, шпейсовый кобальтъ, магнитный желѣзнякъ) въ изверженныхъ породахъ. Отчасти сюда же относятся дендритовыя образованія, т.-е. древовидныя и цвѣткообразныя формы, напр., самородныхъ мѣди, золота и серебра. Величина кристаллизованныхъ индивидуумовъ для одного и того же минерала можетъ быть крайне разнообразна—отъ микроскопической до измѣряемой уже дюй-

мами и больше; иные минералы никогда не встрѣчаются въ сколько-нибудь крупныхъ размѣрахъ, а другіе иногда появляются въ размѣрахъ прямо гигантскихъ для минеральнаго царства; такіе монстры длиною до фута и болѣе и вѣсомъ въ пуды особенно часты, напр., для горнаго хрусталя (напр., изъ извѣстныхъ кристальныхъ погребовъ въ Швейцаріи, кантонъ Ури, также у насъ на Уралѣ около Мурзинки). Въ общемъ же минеральное царство отличается миніатюрностью своихъ индивидуумовъ и изящностью ихъ формъ.

Аморфныя твердыя тѣла образуются иначе, чѣмъ кристаллическія; какихъ-либо особенныхъ явленій роста такихъ тѣлъ не можетъ быть; если увеличивается объемъ раньше существовавшаго аморфнаго тѣла, то это только случайное явленіе; между такимъ тѣломъ и выдѣленіемъ новаго вещества нѣтъ никакой законной связи. Они образуются посредствомъ постепеннаго высыханія (напр., опалъ изъ кремневаго студня), внезапнаго охлажденія (стекло), вслѣдствіе поглощенія воды и набуханія при этомъ и, наконецъ, изъ кристаллическихъ тѣлъ, посредствомъ перегруппировки молекулъ. Аморфные минералы легко узнаются по плоскостямъ излома, всегда криволинейнымъ и блестящимъ, какъ у обыкновеннаго стекла или смолы; минералы, имѣющіе кристаллическое сложеніе, всегда обнаруживаютъ болѣе или менѣе матовыя поверхности излома.

До сихъ поръ мы не коснулись еще химической природы минераловъ. Въ нихъ встрѣчаются всѣ до сихъ поръ извѣстные элементы, т.-е. неразложенныя вещества (около 70), но только немногіе элементы (числомъ до 19) находятся въ земной корѣ въ свободномъ состояніи; обыкновенно, вслѣдствіе сродства ихъ къ другимъ элементамъ, они образуютъ химическія соединенія, которыя и являются въ видѣ наиболѣе распространенныхъ минераловъ. Въ самородномъ состояніи чаще всего встрѣчаются—золото, платина, серебро, мѣдь, сѣра и углеродъ; только два послѣдніе находятся иногда крупными массами. Болѣе распространенными, хотя рѣдко значительными скопленіями, являются соединенія двухъ элементовъ, напр., кварцъ (SiO_2—кремнеземъ), хлористый натрій ($NaCl$—каменная соль), фтористый кальцій, различные окислы желѣза. Наиболѣе распространенными являются сложныя соединенія нѣсколькихъ элементовъ, напр., различные такъ называемые силикаты, которые образуютъ своими сочетаніями большую часть горныхъ породъ, т.-е. каменныхъ массъ, слагающихъ земную кору. Изъ 70 элементовъ только 15, принимая постоянное участіе въ составѣ горныхъ породъ, образуютъ 99% всей земной коры; слѣдовательно, если бы вовсе не было остальныхъ элементовъ, то составъ земной коры измѣнился бы очень немного. Число возможныхъ химическихъ соединеній безконечно велико, но число минераловъ ограничено; до сихъ поръ извѣстно нѣсколько болѣе 1.000. Дѣло въ томъ, что значительное число элементовъ, какъ мы сейчасъ сказали, можно назвать рѣдкими, напр., рубидій, галлій,

индій, цезій и друг. Нѣкоторые элементы, хотя являются иногда существенными составными частями минераловъ, иногда даже нѣсколькихъ, но самые минералы эти мало распространены; изъ такихъ элементовъ назовемъ, напр., бериллій, литій, уранъ, цирконій, даже ртуть, хромъ, олово и друг. Третьи элементы встрѣчаются въ болѣе распространенныхъ минералахъ и часто большими массами, напр., барій, цинкъ, свинецъ, мѣдь, серебро, боръ, фторъ и друг. Наконецъ, бо̀льшую часть минераловъ, притомъ наиболѣе распространенныхъ, образуютъ всего 15 элементовъ, изъ нихъ 7 металловъ (калій, натрій, кальцій, магній, аллюминій, желѣзо и марганецъ), 7 неметаллическихъ (кислородъ, хлоръ, сѣра, азотъ, фосфоръ, кремній и углеродъ) и водородъ. Эти же элементы являются главными составными частями органическихъ веществъ и организованныхъ существъ и поэтому правильно разсматриваются, какъ носители жизни на землѣ.

Въ общемъ составѣ земной коры и въ преобладаніи немногихъ минераловъ рѣзко обнаруживается замѣчательное однообразіе въ неорганической природѣ. Многія возможныя соединенія не извѣстны намъ въ видѣ минераловъ, потому что или на землѣ отсутствуютъ условія для ихъ образованія, или же они слишкомъ непостоянны, хотя и возникаютъ. Дѣйствительно, въ земной корѣ, какъ на это обратилъ вниманіе еще знаменитый Бишофъ въ пятидесятыхъ годахъ, находятся въ преобладающемъ количествѣ соединенія наиболѣе трудно растворимыя, слѣдовательно, наиболѣе постоянныя. Минералы въ природѣ постоянно подвергаются различнымъ химическимъ измѣненіямъ, какъ подъ вліяніемъ поверхностныхъ водяныхъ растворовъ и атмосферныхъ агентовъ (CO_2, O) такъ и газовыхъ и газо-водныхъ выдѣленій (эманацій) изъ нѣдръ земли; это процессы вывѣтриванія и разложенія; первые имѣютъ распространеніе рѣшительно повсюду; вторые значительно болѣе ограничены, исключительно въ связи съ перемѣщеніями расплавленныхъ массъ въ земной корѣ (явленія вулканизма). Эти процессы ведутъ къ непрерывному исчезновенію однихъ минераловъ и новообразованію другихъ; дольше сохраняются тѣ, которые устойчивѣе, труднѣе растворимы въ наиболѣе распространенныхъ растворахъ, непрерывно циркулирующихъ въ земной корѣ. Слѣдовательно, и въ неорганической природѣ происходитъ непрерывный естественный подборъ, ведущій, такъ сказать, къ переживанію наиболѣе устойчивыхъ формъ, рѣшительно подавляющихъ своей массой формы часто болѣе оригинальныя. Впечатлѣніе вѣчности и неизмѣняемости въ неорганической природѣ падаетъ при болѣе внимательномъ отношеніи къ явленіямъ, совершающимся на каждомъ шагу. Измѣненіе, исчезновеніе однихъ минераловъ вызываетъ образованіе, нарожденіе новыхъ; минералы, поражающіе насъ своей кажущейся законченностью, продолжаютъ часто расти и теперь. Каждый минералъ является какъ бы промежуточнымъ временнымъ

членомъ одного и того же химическаго процесса, непрерывно возобновляемаго въ природѣ.

Мы уже говорили, что кристаллъ представляетъ извѣстную группировку мельчайшихъ частицъ—молекулъ; такъ какъ всѣ твердыя тѣла обнаруживаютъ нѣкоторую способность сжиматься, то можно предполагать, что молекулы отстоятъ другъ отъ друга на извѣстномъ разстояніи. Такія молекулы называютъ кристаллическими или физическими. Отношеніе ихъ къ химическимъ частицамъ, т.-е. къ системѣ атомовъ, вступающихъ въ химическое взаимодѣйствіе съ другими частицами, составляетъ одинъ изъ наиболѣе сложныхъ вопросовъ физической химіи минераловъ; мы не знаемъ, представляютъ ли такія молекулы простыя химическія частицы или же комплексъ нѣсколькихъ такихъ частицъ. Какое отношеніе между кристаллической формой и химическимъ составомъ минераловъ? Первоначально считалось установленнымъ, что каждое тѣло опредѣленнаго химическаго состава имѣетъ и опредѣленную же кристаллическую форму. Затѣмъ было доказано, что одно и то же вещество появляется въ природѣ въ различныхъ рядахъ формъ (такъ называемый полиморфизмъ), часто относящихся къ различнымъ кристаллическимъ системамъ. Было бы затруднительнымъ останавливаться здѣсь на различныхъ объясненіяхъ явленій полиморфизма, но въ связи со сдѣланными раньше указаніями можно замѣтить, что различныя формы полиморфныхъ минераловъ могутъ отличаться другъ отъ друга только инымъ распредѣленіемъ, иной группировкой молекулъ.

Большая часть минераловъ представляетъ не химически опредѣленныя соединенія (съ простой химической формулой), а смѣси нѣсколькихъ опредѣленныхъ соединеній, причемъ такія отдѣльныя части нельзя ни выдѣлить, ни усмотрѣть даже при самомъ сильномъ увеличеніи. Впервые Митчерлихъ еще въ началѣ прошлаго столѣтія отмѣтилъ, что тѣла, имѣющія подобный химическій составъ, или, какъ говорятъ, одинаковое атомное строеніе (напр., $BaSO_4$ и $PbSO_4$ и т. д. съ одинаковымъ числомъ равнозначныхъ атомовъ), кристаллизуются въ сходныхъ или даже одинаковыхъ формахъ—явленіе изоморфизма. Такія изоморфныя тѣла и образуютъ упомянутые выше смѣшанные кристаллы. Можно себѣ представить, что химическія частицы, имѣющія одинаковое строеніе, будутъ слагаться и въ кристаллическія молекулы, одинаково построенныя. Если въ растворѣ имѣются два такихъ соединенія, то ихъ кристаллическія молекулы могутъ оказывать одинаковое воздѣйствіе другъ на друга, въ зависимости отъ расположенія атомовъ, а не ихъ качества, и образующійся кристаллъ будетъ состоять изъ молекулъ обоихъ соединеній; такими изоморфными смѣсями и является значительное количество минераловъ. Мы предполагаемъ, слѣдовательно, что такіе минералы состоятъ изъ различныхъ молекулъ, подобно зданію изъ различныхъ камней; нельзя рѣшить только, какъ расположены

такіе камни: представляютъ ли они такое же смѣшеніе, какъ смѣсь молекулъ въ любомъ растворѣ, или они расположены какъ бы параллельными тончайшими слоями.

Отъ химическихъ свойствъ вещества и его аггрегатнаго состоянія зависятъ всѣ особенности минераловъ. Эти особенности выражаются въ химическомъ составѣ, кристаллической формѣ, удѣльномъ вѣсѣ, твердости, характерѣ блеска, иногда цвѣтѣ, спайности, отношеніи къ преломленію лучей свѣта и поглощенію ихъ (такъ называемыя оптическія свойства), въ отношеніи къ электричеству, магнитизму, теплотѣ. Совокупность всѣхъ минераловъ съ одинаковыми существенными свойствами называютъ минеральнымъ «видомъ»; виды различаются между собою или химическимъ составомъ, или аггрегатнымъ состояніямъ, т.-е. иными существенно формами. Труднѣе, конечно, устанавливать виды для минераловъ, представляющихъ изоморфныя смѣшенія, такъ какъ рѣзкія границы видовъ, естественно, здѣсь исчезаютъ въ зависимости отъ преобладанія того или другого соединенія.

Изъ этого краткаго очерка, который едва ли удовлетворитъ пытливаго читателя, можно видѣть, что въ минералахъ насъ поражаютъ прежде всего ихъ наружная форма и внутреннее строеніе; на эти признаки прежде всего и обратила вниманія научная мысль еще въ XVII столѣтіи. Къ началу XVII ст. было уже замѣчено соотношеніе между кристаллической формой и химическимъ составомъ минераловъ. Еще позднѣе возбудились вопросы образованія и измѣненія минераловъ, и въ настоящее время задачи минералогіи выражаются въ приложеніи къ познанію минераловъ данныхъ химіи, физики и кристаллографіи, при особенномъ вниманіи къ образу нахожденія ихъ въ природѣ, ихъ образованію, измѣненію и исчезновенію подъ вліяніемъ химическихъ и физическихъ силъ, неуклонно дѣйствующихъ какъ на поверхности, такъ и внутри земной коры.

Знакомство человѣка съ отдѣльными составными частями земной коры началось съ такихъ тѣлъ, какъ золото и драгоцѣнные камни, игравшихъ роль въ торговлѣ и сношеніяхъ людей. Вернемся и мы теперь къ наиболѣе знакомымъ всѣмъ минераламъ, нѣкоторымъ драгоцѣннымъ камнямъ.

III.

Среди минераловъ, преимущественно окристаллованныхъ, нѣкорые въ особенности обращаютъ на себя вниманіе своей красотою; она выражается въ прозрачности и чистотѣ, блескомъ, цвѣтомъ или даже игрой цвѣтовъ, которая вызывается отраженіемъ лучей свѣта отъ ихъ поверхности или преломленіемъ лучей въ самихъ камняхъ. Въ иныхъ изъ такихъ минераловъ соединяются всѣ эти свойства, напр., въ рѣдчайшихъ красныхъ или голубыхъ алмазахъ; или они поражаютъ

своею прозрачностью, блескомъ и цвѣтомъ, какъ рубины; въ-третьихъ, наоборотъ, глазъ не можетъ оторваться отъ переливовъ красокъ, не зависящихъ отъ собственной окраски камня, какъ въ благородныхъ опалахъ, или отъ чуднаго цвѣта непрозрачнаго и съ слабымъ блескомъ вещества, какъ въ бирюзѣ; или, наконецъ, вся красота заключается въ блескѣ, прозрачности и безподобной игрѣ всѣхъ цвѣтовъ радуги безцвѣтнаго камня, какъ въ чистѣйшихъ алмазахъ.

Камень, имѣющій въ свѣжемъ состояніи самый красивый видъ, можетъ быстро потерять свою красоту, если онъ не имѣетъ достаточной твердости, если отъ соприкосновенія съ руками, съ влажной атмосферой онъ начинаетъ подвергаться медленному измѣненію. При малой твердости камня достаточно уже тѣхъ мельчайшихъ кварцевыхъ частицъ, которыя всегда находятся въ пыли, чтобы измѣнить его блескъ, прозрачность и цвѣтъ. Твердость и неизмѣняемость подъ вліяніемъ внѣшнихъ причинъ являются, слѣдовательно, также необходимыми условіями для возможности примѣненія минерала, какъ украшенія. Минералы, выдающіеся своей красотою, обладающіе достаточными твердостью и неизмѣняемостью, называютъ драгоцѣнными камнями (Edelsteine. Pierres precieuses. Precious stones, gems). Среди громаднаго разнообразія минераловъ только немногіе соединяютъ въ себѣ всѣ эти качества, и природа разсѣяла такіе камни въ земной корѣ далеко не щедрою рукою. Тщеславіе человѣка заставляетъ его цѣнить въ особенности наиболѣе рѣдкіе предметы; изъ драгоцѣнныхъ камней наиболѣе красивые, какъ сапфиръ, рубинъ, изумрудъ и алмазъ, являются наиболѣе рѣдкими и, слѣдовательно, самыми дорогими. Чѣмъ болѣе другіе камни отличаются отъ этихъ своей твердостью, тѣмъ ихъ считаютъ и менѣе цѣнными. Твердость можетъ служить до нѣкоторой степени основаніемъ для раздѣленія драгоцѣнныхъ камней на двѣ группы: собственно драгоцѣнныхъ, наиболѣе дорогихъ, и полудрагоцѣнныхъ, менѣе твердыхъ и болѣе обыкновенныхъ. Такое дѣленіе имѣетъ, конечно, большія ограниченія, такъ какъ при оцѣнкѣ камня принимается во вниманіе совокупность всѣхъ качествъ; изумрудъ, твердость котораго только немного болѣе твердости кварца, относится къ числу наиболѣе дорогихъ камней не только вслѣдствіе своего удивительнаго цвѣта, но также по причинѣ необыкновенной рѣдкости экземпляровъ безъ всякихъ пороковъ, въ особенности трещинъ; опалъ и бирюза, твердость которыхъ меньше твердости кварца, цѣнятся значительно выше, чѣмъ прозрачные и болѣе твердые аметисты или гранаты, которые вслѣдствіе своей распространенности относятся къ полудрагоцѣннымъ камнямъ.

Индивидуумы одного и того же минеральнаго вида, сходные по своимъ существеннымъ признакамъ, могутъ рѣзко отличаться цвѣтомъ, прозрачностью и игрой цвѣтовъ, поэтому для многихъ минераловъ прозрачныя и чистыя видоизмѣненія или разновидности съ богатой игрой цвѣ-

товъ отмѣчаютъ названіемъ «благородныя» въ отличіе отъ мутныхъ, непрозрачныхъ, называемыхъ «обыкновенными», напр., благородный и обыкновенный топазы, бериллы, опалы, турмалины, шпинели, гранаты. Кромѣ естественныхъ качествъ драгоцѣнныхъ камней на оцѣнку ихъ оказываетъ немалое значеніе и мода, напр., въ настоящее время предпочитаютъ цвѣтные камни (fancy stones, pierres de fantaisie) безцвѣтнымъ алмазамъ. Еще недавно ювелиры не держали другихъ камней, кромѣ алмазовъ, рубиновъ, сапфировъ, изумрудовъ, топазовъ и гранатовъ, а теперь рѣшительно всѣ окрашенные минералы, сколько-нибудь приближающіеся по своимъ качествамъ къ драгоцѣннымъ, шлифуются и усиленно предлагаются, напр., шпинели, хризолиты, турмалины, цирконы и друг. Нерѣдко играетъ роль и патріотизмъ, заставляющій предпочитать продукты родной природы, прежде оставлявшіеся безъ всякаго вниманія.

Среди драгоцѣнныхъ камней обыкновенно разсматриваютъ, какъ примѣняемые для той же цѣли украшенія, и нѣкоторые продукты жизнедѣятельности организмовъ, именно жемчугъ, янтарь и кораллы. Мы уже говорили, что по существу они не относятся къ минеральнымъ продуктамъ, въ особенности жемчугъ. Въ зависимости отъ моды стоимость жемчуга теперь страшно возросла; жемчужина извѣстной величины и вѣса, которая стоила двадцать пять лѣтъ тому назадъ около 600—800 рублей, въ настоящее время оцѣнивается до 5.000—6.000 р. Въ зависимости отъ предложенія и спроса драгоцѣнные камни можно раздѣлить теперь приблизительно на V классовъ по ихъ цѣнности: I. Жемчугъ. II. Во главѣ собственно драгоцѣнныхъ камней безъ сомнѣнія стоитъ рубинъ Бирмы. III. Алмазъ занимаетъ только третье мѣсто, такъ какъ производительность южно-африканскихъ копей, доставляющихъ нерѣдко камни самой чистой воды, значительно подорвала его стоимость. Со временемъ, можно думать, онъ снова займетъ первое мѣсто. IV. Здѣсь прежде всего нужно назвать изумрудъ, затѣмъ сапфиръ, восточный кошачій глазъ, александритъ (хризобериллъ) и благородный опалъ. V классъ занимаютъ полудрагоцѣнные камни: хризолитъ (или перидотъ, оливинъ), цирконъ (гіацинтъ), топазъ, гранатъ и всѣ остальные, около 38 видовъ и разновидностей.

Число минераловъ, относимыхъ къ драгоцѣннымъ камнямъ, не было постояннымъ, какъ мы видѣли, даже въ ближайшее къ намъ время; только самые красивые и рѣдкіе, приблизительно первыхъ четырехъ классовъ, цѣнили, какъ драгоцѣнные, съ древнѣйшихъ временъ.

Сдѣлаемъ небольшую экскурсію въ культурно-историческое прошлое драгоцѣнныхъ камней.

Первобытные люди не имѣли вовсе представленія о красотѣ. Дѣти двадцатаго столѣтія, быть можетъ, сильнѣе тянутся къ свѣту камней, чѣмъ дѣти каменнаго вѣка; дитя нашихъ дней какъ бы унаслѣдовало возбуждающее чувство цѣлаго ряда поколѣній. Первобытный

человѣкъ былъ слабымъ существомъ въ своихъ ощущеніяхъ; прежде чѣмъ онъ сталъ различать явленія внѣ тѣснаго круга его животной жизни, онъ слѣдилъ глазами только за солнцемъ, поднимающимся надъ горизонтомъ и озаряющимъ землю своими лучами, за блѣднымъ серпомъ луны и за звѣздами, сверкающими на небосклонѣ; онъ присматривался къ бурному волненію океана и другимъ грознымъ стихіямъ, поражавшимъ его внезапными проявленіями своей силы. Кто знаетъ, сколько тысячелѣтій прошло прежде, чѣмъ дикарь, гоняясь за оленемъ или послѣ удачной борьбы со львомъ или тигромъ, обратилъ вниманіе на блестящіе камни, попираемые имъ ногами?

Блескъ камней—первое, что могло привлечь его вниманіе и заставить склониться надъ землей не только ради отыскиванія подходящаго камня для пращи или топора. Первый, поднятый такимъ образомъ камень былъ найденъ, конечно, прямо на поверхности, какъ сверкающій въ щебнѣ, вымытый дождемъ или прибоемъ волнъ на берегу моря или озера. Тысячи такихъ камней были подобраны, быть можетъ, дѣтьми, ползавшими по щебню и гравію, и брошены, какъ ненужные осколки полезнаго кремня, прежде чѣмъ ихъ стали сохранять и придавать имъ какую-либо цѣнность. Блестящія раковины легче было собирать и нанизывать, легче было даже выковывать грубыя запястья изъ металловъ, чѣмъ примѣнить, какъ украшеніе, какой-либо камень. Первое примѣненіе поднятыхъ блестящихъ камней было вызвано удивленіемъ къ ихъ особенному блеску и значительной твердости. Ихъ стали носить за пазухой, какъ амулеты или талисманы, отвращающіе гибель, внушающіе мужество, утоляющіе боль, отталкивающіе злыхъ духовъ и привлекающіе любовь неприступныхъ дѣвушекъ. Блескъ одного изъ такихъ камней въ военномъ уборѣ изъ перьевъ служилъ не для украшенія, а для мистическаго выраженія власти и увеличенія доблести. Вѣра въ значеніе и силу различныхъ камней среди народныхъ массъ Азіи имѣетъ такимъ образомъ свое начало въ глубочайшей древности. Первый амулетъ, который стали носить, какъ дающій здоровье и предохраняющій отъ болѣзней, положилъ основаніе медицинскому примѣненію камней *).

Родиной такого примѣненія блестящихъ камней нужно считать легендарную Индію, гдѣ до сихъ поръ населеніе глубоко вѣритъ, что сафиры и рубины очищаютъ кровь, укрѣпляютъ тѣло, утоляютъ жажду, разсѣиваютъ меланхолію, отвращаютъ опасность и упрочиваютъ честь и счастье. Изумрудъ въ ихъ глазахъ имѣетъ силу разсѣивать зловѣщія сновидѣнія, излѣчивать параличъ и лихорадку. Бирюза проясняетъ умъ, излѣчиваетъ слабость и боль глазъ, предохраняетъ отъ послѣдствій укушенія ядовитыми змѣями. Алмазъ высоко цѣнился и

---

*) Hermann Fühner, Dr., „Lithotherapie“, Historische Studien über medizinische Verwendung der Edelsteine. 1902.

цѣнится, какъ средство отъ сумасшествія,вслѣдствіе силы «стирать смятеніе, написанное въ мозгу» *).

Теряется въ преданіяхъ и вѣра въ силу алмаза--поражать сердце, откуда и представленіе объ алмазныхъ наконечникахъ стрѣлъ Купидона.

Когда постепенно стали различать отдѣльные драгоцѣнные камни, народы древняго востока, этой колыбели культуры, съ каждымъ камнемъ связали представленіе о той или другой планетѣ, о томъ или другомъ божествѣ; драгоцѣнные камни получили эблематическое значеніе. Знакомство съ драгоцѣнными камнями несомнѣнно идетъ изъ Индіи и Египта; другіе народы востока, напр., Вавилона, познакомились съ драгоцѣнными камнями, вѣроятно, путемъ сношеній съ Индіей и Египтомъ, но еще за 6000—7000 л. до Р. Х. Напр., названія камней у израильтянъ показываютъ, что знакомство съ ними шло изъ Египта. Какъ примѣръ эмблематическаго значенія камней, могутъ служить двѣнадцать различныхъ камней въ золотой оправѣ на одеждѣ израильскаго первосвященника, обозначавшіе двѣнадцать колѣнъ Израиля.

Когда начало письменности и изящныхъ искусствъ привело къ изобрѣтенію символовъ и вырѣзыванію фигуръ и знаковъ, предполагаемую силу амулетовъ стали увеличивать надписями.

Наиболѣе древними образчиками такого искусства служатъ такъ называемые скарабеи, или священные жуки, Египта и цилиндры, несомнѣнно игравшіе роль печатей въ Вавилонѣ.

Въ особенности халдеи старались разжигать суевѣрія, поддерживая преувеличенныя представленія о силѣ такихъ талисмановъ со знаками. Съ теченіемъ времени такіе камни съ надписями стали служить отличительными печатями. Для удобства при постоянныхъ и продолжительныхъ передвиженіяхъ того времени такія печати стали задѣлывать въ оправы въ видѣ колецъ и застежекъ, болѣе удовлетворяющихъ и постепенно развивающемуся вкусу къ изящному. Печать Соломона, имѣвшая силу призывать духовъ и приказывать имъ, кольцо Поликрата и другіе не менѣе чудесные талисманы сдѣлались самыми популярными, благодаря разсказчикамъ востока.

Красота драгоцѣнныхъ камней настолько зависитъ отъ успѣховъ въ искусствѣ ихъ полировки и огранки, что, вѣроятно, обычай пользоваться ими собственно для украшенія развился значительно позднѣе, чѣмъ окрѣпла вѣра въ ихъ сверхъестественную силу.

Древнѣйшія скарабеи Египта сдѣланы изъ мягкаго жировика, хотя гранильщики Вавилона уже раньше умѣли рѣзать и полировать болѣе твердые сердоликъ и ониксъ, т.-е. полудрагоцѣнные камни. Твердость настоящихъ драгоцѣнныхъ камней исключала возможность огранки примитивными орудіями. Первая грубая полировка была до-

*) Gardner., F. W., l. c.

стигнута, конечно, медленнымъ треніемъ камня о камень. Со временемъ замѣтили направленія естественной трещиноватости и воспользовались гладкими естественными гранями. Къ V вѣку до Р. Х. искусство гравировки на драгоцѣнныхъ камняхъ (камеи) достигло въ Греціи высокой степени совершенства, и оно же служило для еще большаго усиленія вѣры въ чудесныя свойства камней. Ономакритъ, жрецъ и основатель эллинской мистики (около 500 г. до Р. Х.), въ своей поэмѣ (приписываемой имъ Орфею) о силѣ извѣстныхъ тогда драгоцѣнныхъ камней говоритъ о прозрачномъ кристаллѣ, «что боги не могутъ противиться его силѣ, и всякій, входящій въ храмъ съ этимъ камнемъ въ рукахъ, можетъ быть увѣренъ въ исполненіи его молитвы». Примѣненіе такихъ прозрачныхъ кристалловъ, какъ зажигательныхъ стеколъ, сдѣлалось священнодѣйствіемъ, и огонь, получаемый этимъ путемъ, считался жрецами и народомъ священнымъ.

Одной изъ датъ въ исторіи примѣненія драгоцѣнныхъ камней для украшеній могутъ служить золотые браслеты съ аметистами, бирюзой и ляписъ-лазурью, найденные въ гробницѣ царя Зефъ при раскопкахъ въ Абидосѣ въ Египтѣ и относимые къ 5000 г. до Р. Х. Съ развитіемъ искусствъ возрастаетъ спросъ на камни и усиливаются, конечно, стремленія къ его удовлетворенію. Такъ, финикіане привозили въ Карѳагенъ драгоцѣнности изъ всѣхъ извѣстныхъ тогда странъ.

Езекіилъ говоритъ о Тирѣ, что Сирія была рынкомъ драгоцѣнностей, вслѣдствіе ея непрерывныхъ войнъ. Іудея въ свое время также играла роль въ такомъ обмѣнѣ драгоцѣнностями; такъ, царица савская вмѣстѣ съ данью золотомъ принесла Соломону (1015—975 г. до Р. Х.) и «огромное количество драгоцѣнныхъ камней», но это было каплей по сравненію съ потокомъ драгоцѣнностей, устремившимся позднѣе въ Финикію и Вавилонъ. Уже задолго до дней плѣна одежды царей и знатныхъ Вавилона сверкали драгоцѣнными камнями, и ихъ пышныя облаченія казались чудомъ для бѣдныхъ изгнанниковъ Израиля.

Съ развитіемъ греческой торговли и греческаго корыстолюбія различныя богатства востока, а въ томъ числѣ и драгоцѣнные камни, начинаютъ въ изобиліи достигать и Европы. Геродотъ (484 г. до Р. Х.) первый изъ греческихъ писателей особенно оттѣняетъ появленіе драгоцѣнныхъ камней во дворцахъ и храмахъ; извѣстны его разсказы о кольцѣ-печати Дарія, изумрудномъ кольцѣ Поликрата и изумрудной же колоннѣ въ храмѣ Геркулеса въ Тирѣ. Хотя можно сомнѣваться относительно этой колонны, «сверкавшей ночью подобно огненному зеленому столбу», но нѣтъ сомнѣнія, что къ этому времени настоящіе изумруды добывались уже въ копяхъ Верхняго Египта. Преемники Александра Македонскаго (334—423 г. до Р. Х.) славятся своею роскошью, заимствованною отъ всѣхъ побѣжденныхъ власти-

телей отъ Сиріи до Индіи. Время Птоломеидовъ въ Египтѣ и Селевкидовъ въ Сиріи отличается безумной роскошью; обиліе камней показываетъ, что постоянный притокъ ихъ поддерживался все новыми находками, преимущественно въ Индіи. Плиній разсказываетъ о статуѣ Арсинои, жены Птоломея (283 г. до Р. Х.), сдѣланной изъ топаза вышиною въ четыре локтя. Названіе τοπαζα, «искать», происходитъ по преданію отъ мѣстонахожденія его въ Красномъ морѣ на проблематическомъ островѣ (Топазонъ), который часто трудно было найти вслѣдствіе окружающаго его тумана. Настоящій топазъ былъ извѣстенъ уже древнимъ египтянамъ въ изумрудныхъ копяхъ Джебель Цабара; восточный топазъ могъ быть желтымъ сапфиромъ, а греческій даже оливиномъ.

Съ развитіемъ римской имперіи, съ ея развратной роскошью, драгоцѣнные камни направляются въ Римъ, въ особенности послѣ побѣды Помпея надъ Митридатомъ (66 г. до Р. Х.). Плиній разсказываетъ: «мы пили изъ чашъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями, и наши кубки были изъ изумруда». Вѣроятно, здѣсь подъ изумрудомъ нужно подразумѣвать малахитъ, также какъ подъ карбункуломъ, въ другихъ разсказахъ Плинія, обыкновенный гранатъ изъ Карѳагена. Римскія камеи и инталье (Intagli) *), по художественности работы не уступающія греческимъ, обыкновенно дѣлались изъ берилла, сердолика, аметиста. Послѣдній предпочитался для изготовленія чашъ, вслѣдствіе приписываемаго ему свойства препятствовать опьяненію, откуда и происходитъ греческое названіе—А, т.-е. не и ΜΕΘΥΨ, т.-е. «напоить до пьяна». Опалъ въ римскую эпоху считался уже драгоцѣннымъ камнемъ перваго разряда. Жемчугъ цѣнился еще выше. Лолія Паулина, жена Калигулы (37—41 гг. по Р. Х.), имѣла уборъ, стоившій до 2½ милл. рублей; расточительность ея дошла до такой степени, что она украшала жемчугомъ свои сандаліи. Неронъ покрывалъ жемчугомъ свои ложа и бросалъ его пригоршнями окружающимъ женщинамъ. Старались подражать своимъ императорамъ патриціи и патриціанки; римлянки часто носили жемчуга болѣе чѣмъ на 1 милл. сестерцій, т.-е. до 100.000 руб. Послѣ завоеванія Египта эта расточительность достигла крайнихъ предѣловъ. Одна изъ знаменитыхъ жемчужинъ Клеопатры (30 г.) много лѣтъ послѣ смерти знаменитой царицы была доставлена благородному Септимію Северу (193—211 гг.) въ даръ его супругѣ; императоръ, чтобы остановить невѣроятную страсть римлянъ къ жемчугу, повелѣлъ продать жемчужину въ пользу государства; такъ какъ на такую цѣнность покупателя не нашлось, то императоръ велѣлъ распилить ее пополамъ и посвятилъ на подвѣски къ статуѣ Венеры въ Пантеонѣ, объявивъ, что императрица подавала бы пло-

*) Камеи—рѣзные камни съ рельефнымъ изображеніемъ, а инталье—съ вдавленнымъ внутрь; послѣднія и служили печатями.

хой примѣръ, если бы стала носить такія драгоцѣнности. Сравнительно съ этой роскошью временъ императорскаго Рима тускнѣетъ роскошь XVII вѣка, когда герцогъ Букингамъ на одномъ изъ баловъ у Анны Австрійской растерялъ жемчуга на 300.000 фр.

Насколько римляне цѣнили иногда не самую красоту камней, а ихъ рѣдкость, показываетъ исторія загадочнаго камня «муррина», который впервые былъ ввезенъ въ Римъ Помпеемъ. Сосудъ изъ этого камня, величиною въ полторы кружки, стоилъ по Плинію около 70 талантовъ (около 136.000 рублей). У знаменитаго Петронія была умывальница изъ муррина, стоившая 300 талантовъ; умирая, онъ приказалъ ее разбить, чтобы она не попала въ руки Нерона; послѣдній пріобрѣлъ за такую же цѣну только одинъ стаканчикъ изъ этого камня. Мурринъ, вѣроятно, нужно считать нефритомъ, излюбленнымъ камнемъ Китая, а можетъ быть, даже еще болѣе дешевымъ камнемъ центральной и восточной Азіи—агальматолитомъ, или фигурнымъ камнемъ китайцевъ, какъ показываетъ его мягкость; Плиній говоритъ объ одномъ консулѣ, обгрызшемъ край мурриноваго сосуда. Впрочемъ, отъ этого стоимость сосуда, по словамъ Плинія, еще болѣе возросла.

Отъ личнаго украшенія, украшенія оружія, сбруи и принадлежностей пиршествъ обычай пользоваться драгоцѣнными камнями постепенно распространился на украшенія статуй и даже рамъ художественныхъ издѣлій. Константину Великому (274—337 г.) принадлежитъ первая мысль украсить драгоцѣнными каменьями императорскую корону, что затѣмъ сдѣлалось всеобщимъ обычаемъ. Замѣчательно, что среди этого изобилія алмазъ упоминается только рѣдкими и сомнительными намеками. Нѣтъ никакой возможности хоть сколько нибудь опредѣленно отмѣтить время, когда впервые появляется алмазъ въ спискахъ драгоцѣнныхъ камней востока. Преданія заслуживаютъ мало довѣрія, а древніе писатели, довольно свободно пользуясь различными названіями, еще болѣе увеличиваютъ трудность. Мы уже видѣли, что карбункулъ Плинія могъ относиться къ гранату, также къ красной шпинели и всякимъ краснаго цвѣта камнямъ, въ томъ числѣ и рубину. Подъ названіемъ изумруда, smaragdus, описывались различные камни зеленаго цвѣта. Гіацинты древнихъ могли быть и сапфирами, а saphirus древнихъ включалъ ляписъ-лазурь и разные корунды, зеленые, хотя и рѣдкіе, и желтые, безцвѣтные сапфиры. По мнѣнію многихъ знатоковъ драгоцѣнныхъ камней, напр., Штритера *), эти разновидности корунда и сдѣлались впервые извѣстными грекамъ подъ именемъ «adamas».

Нѣтъ сомнѣнія, что сапфиры и различные корунды были болѣе обыкновенными, чѣмъ алмазы, въ рукахъ купцовъ и властителей востока дохристіанской эры. Сапфиръ былъ однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ драгоцѣнныхъ камней; какъ высоко его цѣнили,

*) Streeter, l. c., стр. 152.

видно по тѣмъ достоинствамъ, какія ему приписывались священными писателями. Езекіилъ уподоблялъ «сапфировому камню» внѣшній видъ трона Господня на небесахъ. Яковъ сдѣлалъ его представителемъ всѣхъ драгоцѣнностей въ своемъ замѣчательномъ описаніи отваги рудокоповъ (Яковъ, XXVIII). Но рядомъ съ сапфиромъ писатели Іудеи часто упоминаютъ и алмазъ; такъ, тотъ же Езекіилъ ставилъ его на первомъ мѣстѣ среди камней нагрудника первосвященника. Іеремія говоритъ о грѣхѣ Іуды, какъ написанномъ остріемъ алмаза (puncto adamantinis).

При неточности опредѣленій древнихъ авторовъ, сомнѣнія Штритера получаютъ большое вѣроятіе, тѣмъ болѣе, что современныя раскопки на мѣстѣ древнихъ городовъ ни разу не показали присутствія алмазовъ. Нѣтъ его въ коллекціяхъ изъ Вавилона, ни въ гробницахъ Египта, ни изъ развалинъ древняго Рима; изумруды и другіе камни въ различныхъ оправахъ извлечены изъ развалинъ Геркуланума и Помпеи, погребенныхъ подъ вулканическими туфами Везувія, но алмазовъ нѣтъ среди этихъ находокъ. На мѣстѣ древнихъ городовъ Кипра бывали находимы скарабеи только изъ агата, оникса, сердолика и различныя реликвіи временъ Этеандра, VII столѣтія до Р. Х., и ни разу не былъ найденъ алмазъ. Это показываетъ несомнѣнную рѣдкость алмаза среди драгоцѣнностей, служившихъ украшеніями и амулетами у народовъ западной Азіи, сѣверной Африки и южной Европы до начала христіанской эры.

Адамасъ, неукротимый, адамантъ древнихъ было именемъ алмаза, вслѣдствіе его необыкновенной твердости. Это названіе примѣнялось древними ко всякому веществу особенной твердости, адамантовыми назывались оружіе и доспѣхи боговъ и героевъ. У Гомера, какъ замѣчаетъ Штритеръ, слово адамасъ встрѣчается только какъ собственное имя, у Гезіода и Пиндара оно употребляется для обозначенія всякаго твердаго оружія. Первое болѣе или менѣе опредѣленное отожествленіе адамаса и алмаза дѣлаетъ только Плиній (23—79 по Р. Х.). «Величайшую цѣну между человѣческими вещами, не только между драгоцѣнными камнями, имѣетъ адамасъ, который долгое время только царямъ, да и то весьма немногимъ, былъ извѣстенъ... Нынѣ извѣстно шесть онаго родовъ». «Индѣйскій» безцвѣтный и прозрачный камень «при гладкихъ своихъ шести сторонахъ оканчивается заостреніемъ въ двухъ противоположныхъ концахъ, какъ бы двѣ кегли (пирамиды) соединяются вмѣстѣ наиболѣе широкими своими плоскостями» *). Сомнительно, чтобы Плиній даже былъ знакомъ съ этимъ камнемъ, какъ можно думать по его описанію, едва ли кѣмъ испытаннаго, опыта на опредѣленіе твердости индійскаго и аравійскаго алмазовъ.

---

*) Каія Плинія Секунда „Естественная исторія ископаемыхъ тѣлъ“, переложенная на россійскій языкъ трудами В. Севергина, 1819 г., стр. 4—5.

«Сіи испытываются на наковальнѣ, ибо они такъ сопротивляются ударамъ, что желѣзо съ обѣихъ сторонъ разлетается, и самая наковальня растрескивается». Рядомъ съ этимъ онъ указываетъ, что осколки алмаза стараются пріобрѣсти «вырѣзыватели на камняхъ». Шестигранная форма камня, описаннаго Плиніемъ, позволяетъ и здѣсь усомниться. говоритъ ли онъ объ алмазѣ, который долженъ былъ бы имѣть восемь граней (октаэдръ); кубическія (шестигранныя) формы извѣстны теперь только изъ Бразиліи; возможно, что и въ этомъ описаніи смѣшаны съ алмазомъ какая нибудь ромбоэдрическая форма (т.-е. съ преобладаніемъ шести граней ромбоэдра надъ шестью сильно укороченными гранями призмы) безцвѣтнаго корунда.

Корундъ и его разновидности по твердости уступаютъ только алмазу, и, конечно, онъ вполнѣ удовлетворялъ понятію грековъ и римлянъ объ адамасѣ не только до времени Плинія, но и много позднѣе, въ особенности благодаря ловкости торговцевъ драгоцѣнностями, выдававшихъ за адамасъ не только корунды и топазы, но и горный хрусталь. Если на счетъ адамаса заблуждались европейцы, то нѣтъ основаній сомнѣваться все-таки въ вѣроятности открытія и настоящаго алмаза въ галечникахъ Индіи за много столѣтій до христіанской эры. Относительную рѣдкость алмаза Плиній какъ бы подчеркиваетъ словами, что эта индійская драгоцѣнность достойна только царей. Возможно, что ограниченное примѣненіе для украшеній алмаза, мелкіе камни котораго не могли не попасть черезъ руки купцовъ изъ Индіи въ Грецію и Римъ, зависѣло также отъ недостатка въ искусствѣ огранки камня такой выдающейся твердости.

Христіанство не могло особенно ослабить ни пристрастія къ украшеніямъ изъ драгоцѣнныхъ камней, ни вѣры въ ихъ символическое значеніе, ни тѣмъ болѣе вѣры въ ихъ лечебныя свойства. Люди примѣнились только къ новымъ обстоятельствамъ, перенося на новую почву греческія и римскія преданія. Двѣнадцать камней, какъ эмблемы двѣнадцати колѣнъ Израиля, переносятся еще римлянами на двѣнадцать мѣсяцевъ. Создаются эмблемы двѣнадцати апостоловъ: яшма, какъ знакъ твердости и прочности, посвящается Петру; небесно-голубой сапфиръ—Андрею, какъ знакъ небеснаго упованія и постоянства; аметистъ, какъ эмблема воздержанности, апостолу Матвѣю; неопредѣленный бериллъ—невѣрному Ѳомѣ; хризопразъ—чистому и радостному Ѳаддею и т. д. Вѣра въ лечебныя и сверхъестественныя свойства камней не только не ослабѣла, но въ средніе вѣка еще болѣе окрѣпла, быть можетъ, частью благодаря распространенію письменности и вліянію мистическихъ представленій алхимиковъ. Первыя книги о камняхъ относятся къ VII ст., именно Исидора, епископа севильскаго (различныя lapidibus); въ XI ст. появляется латинская поэма, «Lapidarium», епископа Марбоджа, составленная отчасти по образцу древне-греческой «Ономакрита» и заимствовавшая матеріалъ главнѣйше изъ Плинія. Къ XVII ст.

количество такихъ ляпидарій и гербаріевъ, или лечебниковъ, значительно увеличивается, глубоко распространяя суевѣрія древнихъ вплоть до нашихъ дней. Императрица Евгенія никогда не носила опала, считая его вызывающимъ несчастье; королева Викторія, вслѣдствіе противоположнаго предразсудка, дѣлала каждой своей дочери свадебный подарокъ въ видѣ порфиры изъ опаловъ и алмазовъ. Наполеонъ всегда носилъ при себѣ крупный алмазъ, въ 34 карата*) вѣсомъ, вѣроятно слѣдуя преданію арабовъ, что побѣдителемъ изъ двухъ воюющихъ всегда будетъ тотъ, кто владѣетъ болѣе крупнымъ алмазомъ; этотъ камень исчезъ послѣ Ватерлоо. Также Карлъ Смѣлый, герцогъ Бургундскій, всегда носилъ знаменитый алмазъ, впослѣдствіи названный «Санси», и потеряный имъ въ роковомъ для него сраженіи со швейцарцами подъ Грансономъ (1476 г.).

Алмазъ исторической пряжки королевской мантіи Карла Великаго, IX ст., хранящейся въ Парижѣ въ національной коллекціи, представляетъ только слабую полировку естественныхъ граней кристалла. Искусство усиливать блескъ и красоту алмазовъ ихъ огранкой относится къ XV ст. До того времени удавалось придавать алмазамъ только плоскую грань на вершинѣ или выпуклую поверхность на усѣченной пирамидѣ; древніе гранильщики Индіи иногда ухитрялись придавать нѣсколько граней, но онѣ располагались безъ всякой симметріи, какъ видно на изображеніяхъ алмаза «Санси» до его перегранки первымъ артистомъ въ дѣлѣ огранки алмазовъ Людовикомъ Беркемомъ, голландскимъ дворяниномъ, въ 1475 г. Первые шлифовальщики появляются въ Парижѣ еще въ 1290 г., затѣмъ въ Нюренбергѣ и Страсбургѣ. Беркему (въ 1456 г.) принадлежитъ честь открытія способа правильной огранки, хотя еще въ 1407 г. во Франціи были сдѣланы въ этомъ отношеніи уже значительные успѣхи. Кромѣ «Санси», другой замѣчательной работой Беркема была огранка первоначально безформеннаго алмаза въ трехъугольную форму. Этотъ камень былъ оправленъ въ кольцо въ видѣ двухъ соединенныхъ рукъ, какъ эмблема вѣрности; по злой ироніи судьбы этотъ перстень былъ подаренъ Карломъ Смѣлымъ вѣроломному Людовику XI. Ученики Беркема раздѣлились между Парижемъ, Антверпеномъ и Амстердамомъ. Въ Парижѣ, вслѣдствіе отсутствія сырого матеріала, искусство пало, несмотря

---

*) Драгоцѣнные камни съ незапамятнаго времени продаются на вѣсъ. Единицей вѣса служитъ каратъ. Слово куара (солнце) на одномъ изъ африканскихъ нарѣчій означаетъ одинъ изъ видовъ бобоваго растенія, сухіе бобы котораго, какъ имѣющіе приблизительно одинаковый вѣсъ, служили для взвѣшиванія золота. Эти бобы позднѣе дошли до Индіи, и ихъ стали примѣнять для взвѣшиванія алмазовъ. Теперь вѣсъ карата не всюду одинаковъ, хотя колеблется въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ итальянскихъ городовъ (Ливорно и Флоренціи); въ среднемъ вѣсъ карата равняется 205 миллиграммамъ, т.-е. приблизительно 1/5 грамма.

на временный блестящій успѣхъ при кардиналѣ Мазарини и послѣ него. Въ настоящее время въ Парижѣ занимаются только исправленіемъ поврежденныхъ граней. Искусство огранки алмазовъ утвердилось только въ Голландіи, преимущественно въ Амстердамѣ. Когда Португалія достигла своего наибольшаго могущества въ XVI ст., почти главнымъ рынкомъ драгоцѣнныхъ камней былъ Лиссабонъ, гдѣ вся эта отрасль торговли была въ рукахъ евреевъ, которые создали тамъ и мастерство шлифовки и огранки алмазовъ, доведенное до высокой степени совершенства. Старая лиссабонская огранка считается знатоками не имѣющей равныхъ.

Переселеніе евреевъ въ свободную Голландію, вслѣдствіе извѣстныхъ религіозныхъ гоненій въ концѣ XVI вѣка, перенесло навсегда искусство шлифованія алмазовъ вмѣстѣ съ торговлей ими изъ Лиссабона въ Амстердамъ. Изъ 35 тысячъ евреевъ Амстердама нашихъ дней около одной трети такъ или иначе связано съ торговлей алмазами и гранильными фабриками. Лондонскіе мастера считаются лучшими по огранкѣ цвѣтныхъ камней, совершенствуясь въ настоящее время въ огранкѣ и алмазовъ; за послѣднія двадцать лѣтъ количество искусныхъ мастеровъ въ Лондонѣ замѣтно возрастаетъ. Наконецъ, въ настоящее время, съ 1866 г., возникла крупная гранильная фабрика алмазовъ въ Бостонѣ, особенность которой составляетъ, что тамъ наиболѣе искусными мастерами являются женщины, отчасти какъ и у насъ среди кустарей Урала; недавно на этой фабрикѣ получилъ огранку превосходный африканскій алмазъ въ 125 каратовъ. Старинные рынки драгоцѣнныхъ камней, Лондонъ и Амстердамъ, привлекаютъ эту торговлю въ особенности еще тѣмъ, что банки Англіи и Голландіи выдаютъ ссуды подъ сырые алмазы въ полной увѣренности, что послѣ огранки цѣнность камней значительно возрастетъ; тѣмъ не менѣе дѣло огранки алмазовъ въ Америкѣ такъ настойчиво развивается, что въ настоящее время уже до половины алмазовъ, ввозимыхъ туда, поступаетъ въ сыромъ видѣ.

Соединенные Штаты занимаютъ теперь первое мѣсто по ввозу алмазовъ и другихъ драгоцѣнныхъ камней (на сумму болѣе 50 милл. рублей въ 1902 г.); затѣмъ слѣдуютъ Англія, Германія, Франція и Италія. По обзорамъ внѣшней торговли Россіи, къ намъ привезено въ 1901 году драгоцѣнныхъ камней, включая сюда и искусственные, на сумму 2.538.000; что этотъ ввозъ вообще не великъ, можно было судить по бѣдной выставкѣ драгоцѣнныхъ камней въ Петербургѣ въ 1904 г. Количество бриллiантовъ, рубиновъ и жемчуга было очень ограниченное; одной изъ наиболѣе крупныхъ фирмъ были выставлены рубиновое колье и другое изъ жемчуга съ бриллiантами, стоимостью каждое не выше 50 тыс. рублей. Витрина другой извѣстной фирмы заключала болѣе крупныхъ драгоцѣнностей на сумму не болѣе 200 т. рублей. Это, конечно, только слабая тѣнь тѣхъ безполезныхъ богатствъ,

которыя можно постоянно видѣть въ витринахъ, напримѣръ, всемірно извѣстной фирмы Tiffany & C°. въ Нью-Іоркѣ на Union Square или въ ея отдѣленіяхъ въ Парижѣ и Лондонѣ.

Жалѣть ли намъ объ этомъ, или радоваться?

Привозъ драгоцѣнныхъ камней можетъ служить до извѣстной степени мѣриломъ уровня благосостоянія страны; подъ драгоцѣнными здѣсь нужно понимать, конечно, камни первыхъ четырехъ классовъ, включая и жемчугъ; а изъ нихъ главную роль играетъ алмазъ. Распредѣленіе алмазовъ по государствамъ отъ Соедин. Штатовъ до Италіи, конечно, весьма характерно; если посмотрѣть на цифры импорта въ Соедин. Штатахъ за много лѣтъ, то оказывается, что за послѣдніе двадцать четыре года (до 1893 г., по Кунцу), привозъ выразился суммой въ 120 мил. долларовъ, изъ нихъ на послѣдніе двѣнадцать лѣтъ приходится 90 мил. долар.; въ 1868 г. было ввезено на 1 милл., въ 1888 г. на 11 милл. долл., а въ 1902 г., какъ мы видѣли, почти на 25 милл. долл. Съ 1868 г. по настоящее время ни народонаселеніе, ни благосостояніе его въ Соедин. Штатахъ не возрасло въ 25 разъ; эти цифры показываютъ ростъ неравномѣрности въ распредѣленіи избытка благосостоянія. Торжествовать американцамъ при видѣ такихъ цифръ еще нечего, онѣ имѣютъ и свою оборотную сторону. Если бы мы могли гордиться большимъ равнодушіемъ къ украшеніямъ, чѣмъ почтенные буржуа Соедин. Штатовъ, отсутствіе Россіи въ спискахъ крупныхъ потребителей алмазовъ могло бы насъ радовать. Но неуклонный притокъ такъ называемыхъ имитацій, въ особенности изъ Вѣны, а въ послѣднее время также изъ Соедин. Штатовъ, которые начинаютъ снабжать этимъ товаромъ весь свѣтъ,—мало утѣшителенъ.

Сравнительно ничтожное количество драгоцѣнныхъ и полудрагоцѣнныхъ камней потребляется при фабрикаціи часовъ. Въ Соедин. Штатахъ ежегодно производится до 1½ милл. часовъ; на это количество расходуется около 12 милл. мелкихъ камней, всего на сумму около 300 т. долларовъ. Извѣстная фирма Вальдгама въ настоящее время ставитъ на огранку этихъ камней болѣе 100 человѣкъ. По Кунцу въ 1892 году огранкой высокихъ сортовъ драгоцѣнныхъ камней въ Бостонѣ и Нью-Іоркѣ занято было всетаки не болѣе ста человѣкъ, производительность которыхъ благодаря усовершенствованнымъ машинамъ значительно выше, чѣмъ въ Амстердамѣ; заработная плата этихъ мастеровъ колеблется отъ 20 до 50 долл. въ недѣлю.

Въ Соедин. Штатахъ теперь находится и нѣсколько историческихъ алмазовъ. Въ 1887 г., при продажѣ французскихъ коронныхъ бриліантовъ четыре изъ числа такъ называемыхъ «двѣнадцати Мазарини» были куплены въ Америку. По оцѣнкѣ въ разное время этихъ камней можно замѣтить паденіе цѣнъ на алмазы съ открытіемъ южно-африканскихъ копей: наиболѣе крупный изъ этихъ четырехъ камней (въ $28^1/_{16}$ карата) былъ оцѣненъ въ 1792 году въ 50.000 долл.

а проданъ въ 1887 г. за 31 т. долл., а наименьшій (въ 22$^1/_4$ карата) по оцѣнкѣ 1792 г. въ 32 т. долл. былъ купленъ за 16 т. долл. Алмазы худшихъ качествъ теперь стоятъ только отъ $^1/_{10}$ до $^1/_4$ ихъ стоимости лѣтъ двадцать пять тому назадъ. Въ Соедин. Штатахъ, говорятъ (Кунцъ), имѣется одинъ изъ крупныхъ бриллiантовъ, принадлежавшихъ Екатеринѣ II, тамъ же имѣется и рубинъ въ 9$^3/_8$ карата, стоящій 33 т. долл., и значительное количество рубиновъ стоимостью каждый выше 10 т. долл., жемчужины стоимостью до 11 т. долл., изумрудъ болѣе 12 т. долл.; если прибавить сюда нѣсколько алмазовъ отъ 25 до 125$^3/_8$ каратовъ (послѣдній принадлежитъ компаніи Tiffany), то драгоцѣнности немногихъ милліардеровъ Соедин. Штатовъ, пожалуй, уже не уступаютъ коронным драгоцѣнностямъ.

Къ чести милліардеровъ, ихъ страсть не всегда направляется для удовлетворенія только своихъ личныхъ фантазій. Знаменитый Пирпонтъ Морганъ въ 1889 г. пріобрѣлъ въ даръ американскому музею естественной исторіи въ Нью-Іоркѣ (Central Park) коллекцію, собранную комп. Тиффани для парижской выставки 1889 г.; эта коллекція заключаетъ больше тысячи драгоцѣнныхъ камней и вообще орнаментныхъ камней изъ мѣсторожденій Соедин. Штатовъ и всего свѣта. Богатая коллекція этой компаніи съ парижской выставки 1900 года, кажется, также была кѣмъ то подарена одному изъ американскихъ музеевъ.

Благородное стремленіе отдѣльныхъ лицъ сдѣлать всѣмъ доступными дорогіе и рѣдкіе представители минеральнаго царства какъ своей родной природы, такъ и всего свѣта, для удивленія какъ ими, такъ и искуствомъ человѣка, конечно, нѣсколько уже искупаетъ болѣзненное стремленіе массъ къ украшеніямъ.

Проф. **К. И. Богдановичъ.**

ВЪ ВИШНЕВОМЪ САДУ.

(Памяти А. П. Чехова).

Блистала въ сумеркахъ звѣзда
И сквозь вишневый садъ
Роняла въ зеркало пруда
Съ небесъ лучистый взглядъ.

И тѣни хмурыя толпой
Сходились къ берегамъ,
Скользя неслышною стопой
По бархатнымъ лугамъ.

И тихо плакали, въ мечтахъ
О счастьи на землѣ,
И садъ вишневый, весь въ цвѣтахъ,
Томился въ полумглѣ.

Но вдругъ исчезла, словно сонъ,
Прекрасная звѣзда,
И тусклы стали небосклонъ
И зеркало пруда...

Плыветъ туманъ, легла роса,
И въ царствѣ тишины
Разсѣкъ нѣмыя небеса
Холодный серпъ луны.

Е. Чернобаевъ.

ДИПЛОМЪ.

Разсказъ.

I.

Позолоченное солнцемъ облако тончайшей пыли медленно плавало у потолка громаднаго актоваго зала. Два ряда бѣлыхъ полированныхъ колоннъ, странно-холодныхъ и неподвижныхъ среди разогрѣтой, движущейся массы воздуха, влажными зигзагами дробились въ зеркально-желтомъ паркетѣ. Черезъ открытыя на время экзаменаціоннаго перерыва окна въ прозрачную и гулкую пустоту зала вливался запахъ утренняго дождя и молодыхъ листьевъ. А за окнами, въ запущенномъ университетскомъ саду, цѣломудренно качались тонкія березовыя вѣтки.

На первомъ планѣ, передъ большимъ царскимъ портретомъ рельефно и грозно выдѣлялся длинный столъ, покрытый краснымъ сукномъ, съ пышной золотой бахромой и кистями. Въ противоположномъ концѣ зала, ближе къ выходу, тянулись ряды старыхъ, изрѣзанныхъ и разрисованныхъ студентами партъ. Эти уродливыя подобія столовъ, шаткія и колеблющіяся, по контрасту съ окружающей чистотою и казеннымъ блескомъ, казались толпою нищихъ на соборной паперти и были живы затаенной мистической жизнью множества былыхъ прикосновеній, интимно довѣренныхъ тревогъ и думъ. Безчисленныя надписи, иниціалы, причудливые іероглифы сплошь покрывали покатыя, порыжѣвшія отъ времени, залитыя чернилами доски. Разобраться въ этихъ случайныхъ обрывкахъ когда-то реальной и бьющей ключомъ жизни было бы совершенно невозможно, но въ отдѣльныхъ четкихъ восклицаніяхъ и фразахъ чувствовалось величавое спокойствіе и краткость лѣтописи. Поэзія юности, гордость первыхъ мужественныхъ движеній честнаго сердца сочетались съ трагизмами боеваго ума, велѣніями корпоративнаго долга.

«Нина. Люблю. Товарищи. Организація. Кавальери. Какая низость!.. Спящая красавица. Помни, мерзавецъ педель!.. Если бы

они знали... Рабочіе всѣхъ странъ, соединяйтесь!.. Сегодня ты, а завтра я... Чиновники, формалисты! Право сильнаго. Великіе учители. Карлъ Марксъ. Не надо подачекъ!.. Маленькія ручки. Я умираю. Предательство. Буржуазный строй. Ахъ какъ я люблю...» и проч., и проч.

Кромѣ студента Кузмина, худого, блѣднаго, съ нервными складками въ углахъ рта и между бровами, въ актовомъ залѣ, опустѣвшемъ на время перерыва, никого не было. Ничто не напоминало о близости экзаменаціонной битвы, и только вѣтеръ, врываясь въ окна, трепалъ и перелистывалъ разбросанныя по красному сукну программы уголовнаго права.

Кузминъ сидѣлъ на подоконникѣ и, волнуясь, перечитывалъ полученное утромъ письмо изъ далекой провинціи отъ матери. Письмо было нѣжное, переполненное ласкательными эпитетами, неизмѣнными съ дѣтства, но наряду съ лаской слышались упрекъ и требованіе.

«Всѣ твои товарищи давно на твердой дорогѣ,—писала мать,—всѣ зарабатываютъ деньги и кормятъ себя и свою семью, а главное имѣютъ дипломъ. Ты знаешь, дорогой Петичка, какъ тяжело твоему отцу содержать тебя столько лѣтъ, отдавая тебѣ чуть не половину жалованья. Въ настоящее же время—я не могу этого скрыть отъ тебя—здоровье нашего бѣднаго труженика ухудшается съ каждымъ днемъ, и просто страшно подумать, что будетъ съ нами, если онъ не перенесетъ всѣхъ невзгодъ. Безцѣнный мой маленькій зайчикъ! напряги всѣ свои силы, чтобы сдать государственные экзамены. Ты самъ отлично знаешь, что безъ диплома никуда нѣтъ ходу. Отслужи молебенъ Спасителю и Казанской Царицѣ небесной, и все будетъ хорошо. Отецъ сказалъ, что если ты и въ этомъ году провалишься, то онъ немедленно подастъ въ отставку, и умретъ отъ позора. Мы всѣ молимся о тебѣ, а я цѣлыми ночами плачу передъ образомъ Покрова Пресвятой Богородицы, да сохранитъ Она тебя, моего крошечнаго, и поддержитъ твои силы...»

Отъ смѣшаннаго чувства какой-то неловкости и грусти Кузминъ не могъ дочитать письма и положилъ его въ карманъ. Оглядѣвшись кругомъ, увидавъ бѣлыя колонны, красное сукно и зеркально-желтый паркетъ попрежнему пустого зала, онъ сразу ощутилъ ту сосущую тревогу, похожую на боль обнаженной язвы, которую носилъ въ груди съ утра. И сразу къ нему вернулась сложная сумятица мысли, безформенный клубокъ ощущеній, который весь состоялъ изъ борьбы и въ которомъ преобладалъ стыдъ. Стыдъ своего большого, стройнаго и замѣтнаго тѣла, солидной бороды, обручальнаго кольца, портфеля, наполненнаго учебниками и талисманами, подсунутыми женой,—образками, ладонками

и засушенной куриной лапкой. Но больше всего ему было стыдно собственнаго страха передъ процедурой экзаменовъ, страха за возможный провалъ, который для него, Кузьмина, представлялся немыслимымъ. Вѣянія весны, влекущей и полнозвучной, эти ароматы, льющіеся въ окна, золото играющихъ лучей, приподнятость молодыхъ нервовъ, все это знакомое Кузмину чисто весеннее подтягиваніе и охорашиваніе въ немъ самомъ было задавлено мальчишескимъ и рабскимъ чувствомъ страха передъ экзаменомъ.

Были, впрочемъ, и гордыя струйки увѣренности въ себѣ, какіе-то смѣлые и нетерпѣливые импульсы, хотѣлось быстро пройти къ столу и сразиться съ судьбой въ вицмундирѣ со звѣздами. Но экзаменаціонный столъ былъ пустъ, а ожиданіе тоскливо-длительно, и въ этомъ ожиданіи тонули увѣренность и живость, уступая мѣсто тревогамъ памяти: «знаю... забылъ... ахъ, какъ бы повторить!..» И навыки пятнадцатилѣтней школьной давности, этой хронической войны съ весной, призывами земли, неба и воздуха, чуткаго и молодого тѣла, войны съ учебниками и карандашами въ рукахъ, подавляли личность, солидность семейнаго положенія Кузмина, имѣющаго жену и ребенка.

II.

Кузминъ перелистывалъ конспекты, весь охваченный искрометнымъ обиліемъ теорій, перечисленій, радостями вспоминаемыхъ цитатъ, ужасами остановокъ, припадковъ мозгового упрямства, капризныхъ отказовъ соображенія. Гдѣ-то на чуткой и болѣзненно-нѣжной поверхности мозга ярко вспыхивала необозримая сѣть этаповъ и вѣхъ огромной системы, калейдоскопъ сцѣпленій, группъ и случаевъ, оплодотворенный острой и какой-то одновременной мыслью обо всемъ. И если она на минуту потухала эта мысль, то сразу окутывался тьмою весь пестрый коверъ насильственно привитыхъ и наболѣвшихъ знаній, а сердце Кузмина трепетало въ испугѣ.

Очнулся онъ только тогда, когда, окруженная толпой молодежи, медленно вошла въ залъ изъ корридора группа экзаменаторовъ. Впереди барской и развалистой походкой плылъ предсѣдатель коммиссіи, полный мужчина въ элегантномъ вицъ-мундирѣ, съ невозмутимымъ розовымъ лицомъ и равнодушными глазами. Сухо и отрывисто покашливая, прошелъ сгорбленный старичокъ, тоже въ вицъ-мундирѣ, но съ двумя звѣздами, знаменитый криминалистъ, а за нимъ двое молодыхъ приватъ-доцентовъ, еще совсѣмъ недавно бывшихъ студентами.

Первые ряды партъ мигомъ заполнились экзаменующимися,

напряглись молчаливой и недвижной жизнью ожиданія, спѣшной подготовки, лихорадочнаго перелистыванія программъ и конспектовъ. Экзаменаторы тасовали и раскладывали билеты, старый профессоръ усердно откашливался и сморкался, предсѣдатель витіеватымъ движеніемъ рукъ перелистывалъ какіе-то списки.

И на мгновеніе точно враждебный холодъ прошелъ по залу между двумя лагерями, и вмѣстѣ съ тишиной воцарилось чувство общей неловкости, причемъ одновременно опустили глаза и члены коммиссіи, и студенты.

— Вы на какую букву?—чуть не десятый разъ, толкая Кузмина въ бокъ, спрашивалъ сосѣдъ справа.

— На «К»,—съ волненіемъ, похожимъ на тошноту, отвѣчалъ Кузминъ.

Въ эту минуту изъ устъ троихъ экзаменаторовъ, какъ залпъ изъ скорострѣльныхъ ружей, послышалось ровное и быстрое выкрикиваніе фамилій. И точно раненые пулями, одинъ за другимъ задвигались и, шатаясь, пошли къ столу экзаменующіеся, въ томъ числѣ и спрашивавшій сосѣдъ Кузмина.

— Каблуковъ, Казинъ, Караваевъ,—монотоннымъ, но веселымъ голосомъ выкрикивалъ молодой приватъ-доцентъ Михальскій, съ совершенно юношескимъ лицомъ, въ вицъ-мундирѣ и шаржированно-открытомъ жилетѣ, обнажавшемъ великолѣпное бѣлье съ крупными золотыми запонками.

Экзаменаторы вызывали по списку, каждый съ начала своей группы, пропуская тѣхъ, кто уже экзаменовался до перерыва, и Кузминъ зналъ, что вотъ-вотъ услышитъ свою фамилію. Онъ невольно зажмурилъ глаза, и чувство страха, холодное и злое, похожее на приступъ тошноты, поднялось въ нёмъ. Затанцовали въ мозгу обрывки цитатъ, опредѣленій, статей закона, строчки изъ письма матери, нѣжныя напутствія жены. Назойливо, ни съ того ни съ сего, прозвучалъ въ сознаніи нелѣпый глаголъ «аркебузировать», проплылъ мимо закрытыхъ глазъ огромный силуэтъ куриной лапы... И въ то же мгновеніе совершенно реально Кузминъ показался себѣ какъ бы лишеннымъ тѣла, легкимъ-легкимъ, а затѣмъ остро почувствовалъ всего себя, свое туловище, руки и ноги, большія, странно-тяжелыя и угловатыя.

— Ради Бога,—шепнулъ онъ товарищамъ, сидѣвшимъ ближе къ краю,—пропустите скорѣе.

— Котельниковъ, Красновъ, Краузе, Кузминъ,—продолжалъ вызывать приватъ-доцентъ.

Поднялись Котельниковъ и Краузе, а Кузминъ, судорожно протиснувшись черезъ толпу студентовъ, вылетѣлъ изъ зала въ безконечно длинную и ровную, какъ труба, галлерею-корридоръ, сплошь залитую солнцемъ.

III.

Одна изъ маленькихъ аудиторій, ближайшихъ къ актовому залу, была превращена въ буфетную комнату для «государственниковъ». На двухъ столахъ, отгораживавшихъ уголъ для вахтера съ помогавшимъ ему сторожемъ, возвышались два большихъ самовара и стояли тарелки съ бутербродами, сладками пирожками и булками. За другими столами сидѣли экзаменующіеся въ формѣ и штатскомъ, сдавшіе, готовящіеся, провалившіеся и пришедшіе посмотрѣть и послушать.

Свернувъ изъ корридора въ буфетную, Кузминъ тотчасъ былъ охваченъ говоромъ, гуломъ зубрежки, звономъ стакановъ и ободряющимъ запахомъ самоварнаго пара и лимона. Онъ быстро пришелъ въ себя и спросилъ у вахтера стаканъ чаю. Высокій мужчина, въ сюртукѣ съ нашивками и большой золотой медалью, хорошо зналъ Кузмина еще съ того дня, какъ распоряжался и хлопоталъ на его свадьбѣ въ университетской церкви. Тогда бравая фигура вахтера въ бѣлыхъ перчаткахъ и неизбѣжныхъ сапогахъ со скрипомъ дышала торжественностью, а теперь, увидавъ Кузмина, онъ сдѣлалъ испуганное лицо и спросилъ:

— Изволили экзаменоваться, благополучно?

— Скоро, сейчасъ,—съ напускной небрежностью отвѣчалъ Кузминъ, вдругъ почувствовавъ отвращеніе и къ налитому стакану чая, и къ тарелкамъ булокъ, показавшихся ему до приторности сладкими и большими.

— Сегодня что-то немного экзаменуется,—сказалъ вахтеръ,—рано должны кончить.

— Человѣкъ десять осталось,—вмѣшался широкоплечій студентъ въ сѣрой тужуркѣ, сидѣвшій поблизости и за обѣ щеки уписывавшій бутерброды.

— Тогда на полчаса,—спокойно заявилъ вахтеръ и почему-то махнулъ рукой.

— А вы еще не подвергались?—спросилъ Кузмина тотъ же здоровякъ въ сѣрой тужуркѣ.

— Нѣтъ,—холодѣя сказалъ онъ.

— Не волнуйтесь,—видя его блѣдность, но хладнокровно продолжая жевать ветчину, произнесъ студентъ,—берите примѣръ съ меня.

— А вы уже?

— По обоимъ «весьма», да еще съ трескомъ, а между тѣмъ, клянусь Богомъ, уголовное еще туда-сюда, а процессъ, ну, положительно—ни папы, ни мамы. По праву вынулъ изъ общей части билетъ о необходимой оборонѣ, который превосходно зналъ, а по процессу,—онъ понизилъ голосъ,—пока готовился, подчитали

товарищи. Эдакъ, знаете, изъ-за колонки. А то бы чубукъ дѣло совсѣмъ.

— А вы у кого экзаменовались?—спросилъ Кузминъ.

— У Михальскаго. Ничего себѣ паренекъ, кривляется малость, но это съ непривычки. Выучатъ.

— Кто здѣсь Кузминъ и Никифораки?—вбѣгая въ буфетную, закричалъ маленькій юркій юноша въ золотомъ пенснэ.—Ихъ вызываютъ безъ конца, съ Михальскимъ прямо истерика.

— Поторопитесь,—сказалъ Кузмину вахтёръ и прибавилъ:— ничего, съ Богомъ!

И Кузминъ помчался по корридору, полный физической тоски и жалобнаго дѣтскаго страха, улыбающійся, блѣдный, съ ослабѣвшими, трясущимися губами. Солнечный блескъ стеклянной галлереи, жаркой и безконечно-длинной, слѣпилъ глаза и убивалъ мысль, рука Кузмина широко размахивала портфелемъ, а губы судорожно твердили безсмысленную фразу:

— Артезіанскіе колодцы и буреніе скважинъ, Конрадъ Валленродъ, Конрадъ Валленродъ...

Мелькнула «комната для объявленій», площадка вестибюля, стеклянныя двери въ залъ, чернѣющая группа студентовъ, уголокъ красной скатерти... Кузминъ сбѣжалъ внизъ, обогнулъ нѣсколько закоулковъ шинельной и наконецъ, немного придя въ себя, схватился за голову.

— Буреніе скважинъ, Конрадъ Валленродъ, аркебузировать,— продолжали шептать его губы, а въ мозгу пламенѣла и ширилась невыносимая мысль о неизбѣжности экзамена и мукахъ возможной неудачи.

Кузминъ раскрылъ портфель и выронилъ на полъ два образка, свертокъ программъ и крошечную склянку изъ-подъ валеріановыхъ капель, выпитыхъ еще утромъ. Но у него не было силы ни развернуть учебникъ, ни поднять образки. Онъ такъ и оставилъ портфель въ шинельной на подоконникѣ и, точно въ гипнозѣ, поправляя волосы, галстухъ, безсмысленно шаря по карманамъ и тщетно стараясь припомнить № какой-то статьи уложенія о наказаніяхъ, побѣжалъ обратно наверхъ.

IV.

За столомъ уже не было ни предсѣдателя коммиссіи, ни знаменитиго старичка - криминалиста, а у молодыхъ профессоровъ оставалось всего трое экзаменующихся. Кузминъ надолго запомнилъ странное, почти сладостное ощущеніе безразличія, смѣнившее пытку отчаянія и боли, когда онъ самъ, не дожидаясь вызова, двинулся къ столу—прямо къ тому экзаменатору съ юно-

шескимъ лицомъ и широкимъ вырѣзомъ жилета, который вызывалъ его раньше. Идя впередъ, онъ отчетливо слышалъ какой-то чуждый стукъ собственныхъ каблуковъ, а самые шаги его казались ему несоразмѣрно большими. И красный столъ съ жирной золотой бахромой и кистями, представлявлявшійся такимъ далекимъ, ужасающе быстро выросъ передъ глазами.

Приватъ-доцентъ Михальскій стоялъ у конца стола и, держа за пуговицу сюртука высокаго и лысаго господина, любезно улыбался и говорилъ слегка скандирующимъ тономъ:

— Я отлично понимаю васъ, но все же это не можетъ послужить для меня нравственнымъ оправданіемъ, чтобы оцѣнить вашъ отвѣтъ удовлетворительнымъ балломъ. Я сдѣлалъ все для того, чтобы уловить въ вашемъ отвѣтѣ хотя бы проблески знанія. Извините меня, семейное положеніе, нездоровье, нужда — для меня очень серьезныя, значительныя слова, но я считаю ихъ совершенно неудобнымъ пріемомъ воздѣйствія на профессорскую совѣсть... Я вамъ поставлю неудовлетворительно, — холодно и переставъ улыбаться, докончилъ онъ, отходя къ журналу.

— Профессоръ! ради Бога... — произнесъ лысый господинъ, страшно покраснѣвъ и дѣлая шагъ къ столу.

— Извините, — не глядя на него, сказалъ экзаменаторъ и оживленно обратился къ Кузмину:—Вамъ угодно отвѣчать? Ваша фамилія?

Кузминъ отъ неожиданности поперхнулся воздухомъ, и чьи-то постороннія губы и чужой голосъ произнесли за него фамилію, а затѣмъ № вынутаго билета.

— Превосходно, — сказалъ приватъ-доцентъ, — возьмите программу.

Въ его спокойномъ голосѣ, размѣренныхъ движеніяхъ, привѣтливомъ и какомъ-то слишкомъ простодушномъ взорѣ не было замѣтно рисовки. Но въ то же время чувствовалось, что Михальскій усталъ и что Кузминъ для него не больше, какъ послѣдній изъ длиннаго ряда докучныхъ иксовъ, которыхъ случайное дѣленіе алфавита направило къ этому концу стола, а не къ другому. Непроницаемая стѣна раздѣляла двухъ людей, въ глубинѣ души одинаково смотрящихъ на экзаменъ, какъ на тяжелую, никому не нужную формальность. И странно было видѣть рядомъ, въ рельефномъ сочетаніи контраста, розовое, совершенно юное лицо приватъ-доцента и блѣдныя искривленныя робостью, но мужественныя черты Кузмина, съ большими усами и круглой солидной бородой. Студентъ застѣнчиво мялъ программу, переминался съ ноги на ногу, а отъ молодого профессора безмятежно пахло духами, и жаркое солнце заставляло искриться синіе выпукло заостренные сапфиры на плоскихъ и безукоризненно бѣлыхъ манжетахъ.

— Вы не стѣсняйтесь, что вы послѣдній,—сказалъ Михальскій, вынувъ часы и небрежно играя цѣпочкой,—можете готовиться сколько вамъ угодно.

— Нѣтъ, зачѣмъ же, хорошо, немного...—растерянно заговорилъ Кузминъ и вдругъ рѣшилъ, что готовиться безполезно и чѣмъ скорѣе конецъ, тѣмъ лучше.

Это рѣшеніе на минуту придало ему бодрости.

— Впрочемъ, я совершенно готовъ,—деревяннымъ тономъ добавилъ онъ.

— Тѣмъ лучше, тогда начнемте,—привѣтливо отозвался экзаменаторъ, подходя къ нему вплотную и беря за бортъ пиджака,—ну-съ, что у васъ тамъ?

— О мошенничествѣ,—сказалъ Кузминъ и замолчалъ, обливаясь безнадежно-холоднымъ потомъ.

— Великолѣпно. Начнемте.

Мертвенный покой, охватившій Кузмина, затопилъ послѣдніе остатки научной системы, но какая-то инерція толкала его рѣчь, и похолодѣвшія губы говорили:

— Кража есть... это самое, тайное похищеніе...

— Простите,—мягко выразилъ экзаменаторъ,—вашъ билетъ, кажется, о мошенничествѣ.

— Ну, да, да,—снова заволновался Кузминъ,—мошенничество есть сознательное... виноватъ, т.-е. умышленное, посредствомъ обмана, и потомъ...

— Вы не волнуйтесь,—съ убійственной снисходительностью въ голосѣ говорилъ молодой профессоръ, кивая головой и улыбаясь,—такъ, такъ, вы вѣрно начали.

Впослѣдствіи, перебирая въ памяти подробности экзамена, Кузминъ чуть не корчился отъ стыда, и та же яркая краска, что и теперь, заливала его щеки. Было что-то обезличивающее, бьющее по самолюбію въ этомъ волненіи съ глазу на глазъ съ одинаковымъ по возрасту, недавнимъ студентомъ, надѣвшимъ вицъ-мундиръ и щеголяющимъ модными запонками и духами. Впрочемъ, приватъ-доцентъ не замѣчалъ или дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ безконечныхъ остановокъ Кузмина, срывовъ голоса, повтореній ненужныхъ словъ, въ родѣ «и потомъ» и «это самое»,—всей этой мальчишеской робости, дѣлавшей солиднаго и взрослаго человѣка каррикатурно-жалкимъ. Въ машинальномъ, нелѣпо построенномъ отвѣтѣ профессоръ усмотрѣлъ достаточное количество знаній, ибо, задавъ нѣсколько бѣглыхъ вопросовъ по судопроизводству, онъ отпустилъ Кузмина тремя словами, заключавшими великій, радостный смыслъ:

— Удовлетворительно и удовлетворительно.

V.

Въ шинельной Кузминъ прежде всего разыскалъ портфель и заглянулъ на полъ, чтобы подобрать образки, но не нашелъ ихъ, а когда раскрылъ портфель, то они оказались на мѣстѣ. Кузмину сдѣлалось неловко передъ подошедшимъ сторожемъ.

— Не ищите, баринъ,—сказалъ тотъ,—вы изволили обронить, такъ я, значитъ, положилъ обратно. Премного благодаренъ,—заключилъ онъ, получивъ полтинникъ.

Точно вихрь пронесся въ сознаніи Кузмина, опустошивъ его, разрушивъ прочныя перегородки суевѣрія, стыда и страха, не оставивъ камня на камнѣ. И онъ опомнился, только пройдя длинную рѣшетку университетскаго сада, когда южный вѣтеръ охватилъ его грудь могучей лаской, а разсыпанное сверкающее серебро невской воды зарябило въ глазахъ. Только тогда онъ сообразилъ, что пробѣжалъ бѣгомъ этотъ кусокъ до набережной, что пальто надѣто на одно плечо, а шляпа у него въ рукахъ вмѣстѣ съ портфелемъ и палкой.

— Конрадъ Валленродъ!—сказалъ онъ громко и разсмѣялся.

Кузминъ стоялъ посреди тротуара, точно свалившійся съ неба, жадно глоталъ воздухъ и весь горѣлъ отъ чувства ребяческой и дикой радости. Потомъ, черезъ какую-нибудь минуту, онъ устыдился этого чувства такъ же, какъ полчаса тому назадъ ему было стыдно своего страха, вспомнилъ о своемъ высокомъ ростѣ, солидной бородѣ, портфелѣ съ лекціями и постепенно привелъ въ порядокъ мысли. Теперь, по крайней мѣрѣ до завтра, позабыть о зубрежкѣ, дышать, смотрѣть, наслаждаться погодой, а главное «забрать себя въ узду» и не торопиться.

По-порядку, по-порядку! Прежде всего перейти мостъ, медленнымъ шагомъ пройти по Невскому до Михайловской, послать телеграмму родителямъ, купить конфектъ женѣ, затѣмъ на вокзалъ и въ Шувалово. Слѣдить за собой все время, не бѣжать бѣгомъ, не улыбаться безсмысленно, да еще завернуть перекусить къ Доминику.

Но размышляя объ этомъ, Кузминъ попрежнему почти бѣжалъ, широко улыбался, толкалъ встрѣчныхъ и говорилъ вслухъ:

— Ну вотъ, да, да, что же дальше, что дальше, Конрадъ Валленродъ, ахъ, чортъ его возьми!..

И нѣсколько разъ подрядъ отчетливо, какъ въ галлюцинаціи, передъ глазами Кузмина предстала элегантная фигура приватъ-доцента, и чей-то голосъ протрубилъ прямо въ ухо:

— У-до-вле-тво-ри-тель-но!

Почувствовавъ подъ ногами хрустѣніе песку Александровскаго сада, Кузминъ, наконецъ, сбавилъ шагъ, дѣйствительно забралъ

себя въ узду и продолжалъ думать уже систематически и «по пунктамъ». Произошло, въ сущности, очень немного, чтобы торжествовать и бѣсноваться. Сданъ только одинъ экзаменъ, тотъ самый, на которомъ Кузминъ провалился въ прошломъ году, и впереди еще пять недѣль подготовки и такіе солидные рубиконы, какъ римское и гражданское право. Провалиться можно даже на послѣднемъ экзаменѣ по международному, и сегодняшняя удача Кузмина вознаграждаетъ его развѣ только за муки прошлогодняго провала. Это—удовлетвореніе мелкаго самолюбія и маленькій кусочекъ диплома, притомъ нужнаго не самому Кузмину, а двумъ, вѣрнѣе тремъ, семьямъ его близкихъ. У него, Кузмина, есть нѣчто, болѣе важное, чѣмъ всѣ эти экзамены, мальчишескіе страхи, вожделѣнные дипломы, и ему не слѣдовало бы забывать объ этомъ. Можно радоваться за родителей, жену, но дѣлать событіе изъ глупой формальности, изъ отмѣтки въ графѣ казеннаго журнала, стыдно и недостойно послѣдняго открытія Кузмина въ немъ самомъ и въ окружающей жизни. Но что касается этого открытія, то на сегодняшній день его также не нужно, иначе получится больная и тяжкая путаница въ мысляхъ, столь знакомая Кузмину въ минуты каждаго условнаго успѣха.

Невскій проспектъ стоялъ окутанный знойной вуалью, переходящей въ темную синеву далеко за Николаевскимъ вокзаломъ. Мостовая просыхала отъ недавней поливки, и въ воздухѣ, пахнущемъ промоченной пылью, сверкали золотистыя водяныя брызги. Въ тысячеустомъ крикѣ толпы, въ привычно-неслышномъ шумѣ улицы, въ титаническомъ дыханіи сложной тѣлесной массы, самая радость Кузмина растворилась и приняла микроскопическіе размѣры, оставивъ по себѣ легкій горделивый осадокъ. Онъ расправилъ грудь, высоко поднялъ голову и шелъ навстрѣчу разноцвѣтному морю форменныхъ фуражекъ, цилиндровъ, страусовыхъ перьевъ, соломы и бархата, и его глаза жмурились и расширялись въ мгновенномъ сліяніи съ чужими взорами—внимательными, слѣпыми, ищущими и безстрастными. Какъ бываетъ часто на Невскомъ въ яркіе, погожіе дни, попадались почти исключительно красивыя женскія лица, блѣдныя, согрѣтыя внутреннимъ огнемъ, съ глазами ясными и строгими, но въ то же время полными тайнаго зова. И хотя тутъ же рядомъ шли торопливая забота, холодная и тоскующая праздность, а въ зломъ хитросплетеніи замысловъ и судорожномъ страхѣ разоблаченій двигалась неоткровенная и трусливая столичная суета, несмотря на это Кузмину казалось, что по Невскому идутъ однѣ женщины и что въ честь ихъ совершается какой-то праздникъ.

И это соблазнительно расцвѣченное и задрапированное шествіе, размѣренная и чувственная пляска шаговъ невольно влекли Куз-

мина впередъ, и онъ, совершенно позабывъ объ экзаменѣ, шелъ какой-то легкой, подпрыгивающей походкой, стуча каблуками по тротуару. Изъ раскрытыхъ дверей магазиновъ вѣяло прохладой, зеркальныя стекла сіяли темнымъ блескомъ, отражали улицу, удваивали очаровательную измѣнчивость сочетаній изъ франтихъ и франтовъ.

Позавтракавъ у Доминика, а затѣмъ купивъ конфектъ женѣ, Кузминъ свернулъ на Михайловскую и послалъ телеграмму родителямъ. Знакомый чиновникъ принялъ отъ него синій листокъ съ адресомъ и лаконической фразой: «уголовное весьма». Кузминъ слегка покраснѣлъ, на секунду ему сдѣлалось стыдно за свою невольную мальчишескую ложь, и онъ рѣшилъ исправить это «весьма» на «удовлетворительно», но чиновникъ, протянувъ руку въ окошечко, уже совалъ ему квитанцію и, громко улыбаясь, говорилъ:

— Поздравляю, поздравляю...

Потомъ Кузминъ ѣхалъ на Финляндскій вокзалъ и, глядя по сторонамъ, думалъ о томъ, какимъ онъ былъ маленькимъ передъ экзаменаціоннымъ столомъ, и какъ, въ свою очередь, этотъ столъ микроскопиченъ теперь въ его памяти и въ этой радости, слитой съ волнами воздуха, красками неба, шумомъ толпы и улицы.

VI.

На станціи въ Шуваловѣ Кузминъ былъ встрѣченъ женой, поджидавшей его уже съ нѣсколькими поѣздами. Увидавъ его еще въ окнѣ вагона, она радостно закивала головой. Маленькая брюнетка съ глазами цвѣта васильковъ и подвижнымъ лицомъ, на которое безостановочно набѣгала шаловливая гримаска, схватила Кузмина за портфель и, угадывая отвѣтъ въ улыбкѣ мужа и въ кругломъ сверткѣ отъ Конради, не то спрашивала, не то утверждала:

— Ну, конечно, слава Богу, удачно? Весьма?

— Весьма, весьма!—говорилъ Кузминъ, беря ее подъ-руку и направляясь домой.

Въ десять минутъ ходьбы, отдѣлявшихъ его отъ дачи, онъ постепенно, торопясь и волнуясь отъ воспоминанія о пережитыхъ страхахъ, разсказалъ женѣ всѣ подробности, не пропустивъ ни валеріаны, ни подобранныхъ сторожемъ образковъ, ни Конрада Валленрода, ни сапфировыхъ запонокъ приватъ-доцента Михальскаго. По инерціи онъ солгалъ только въ опредѣленіи отмѣтки. Его жена перестала дѣлать гримаску, слушала съ серьезнымъ расширеннымъ взоромъ, и ничтожное событіе снова, какъ и въ шинельной университета, начинало расти и пріобрѣтать вѣсъ въ сознаніи Кузмина.

Усталый, разнѣженный, онъ огибалъ великолѣпное озеро, окаймленное стрѣльчатыми ярусами сосенъ, дышалъ ароматомъ хвои и полушутливо говорилъ:

— Да, Ниночка, еще двѣ-три такихъ удачи, и ты будешь женой кандидата правъ, а по нынѣшнему — коллежскаго секретаря такого-то.

На террасѣ, шаблонно-задрапированной парусиной съ кумачными бантами и каймами, стояла пожилая мать Ниночки — полная, съ круглымъ лицомъ и выпуклыми недоумѣвающими глазами. Кузминъ хорошо зналъ все, что могла сказать теща, предвидѣлъ неудержимо-монотонную, безъ конца и начала, рѣчь Макрины Аѳанасьевны, но онъ улыбался, поддакивалъ и кивалъ головой, пока та говорила:

— Ничего? Выдержали? Ну, вотъ прекрасно. Неудовлетворительно, не весьма удовлетворительно? Ахъ, я, право, простужусь, тутъ сквозитъ, а, вѣдь, это страшная бѣда, когда просквозитъ. Ну что, я вамъ неправду говорила, что выдержите? И остальные отлично выдержите, ужъ я знаю, знаю. Я и въ прошломъ году знала, что вы провалитесь, только не хотѣла васъ огорчать. Ужъ если я вамъ говорю, то можете быть увѣрены. Ну что съ васъ взять за пророчество? Ахъ, право я простужусь, надо уйти въ комнаты, тутъ сквозитъ, просто ужасъ...

И уйдя съ террасы, она продолжала сыпать мелкой дробью, не давая вставить слова ни дочери, ни зятю.

— А какой билетъ достался? Навѣрное десятый? Ну, я такъ и была увѣрена, что десятый... Ахъ, не десятый? Ну, я потомъ такъ и думала, что, пожалуй, и не десятый. А вы знаете, что я вамъ скажу... Ниночка, закрой поплотнѣе дверь, что-то сквозитъ. Вотъ вы опять смѣетесь, Петя, смотрите, у васъ у самого зубы заболятъ, помните, какъ въ прошломъ году? Помоему, нѣтъ ничего хуже зубной боли. А когда болитъ голова, ну просто я вамъ скажу, хоть умирай... Ну, слава Богу, слава Богу, выдержите остальные экзамены, и кончите курсъ. Получите дипломъ,— все будетъ хорошо. Сначала, я вамъ прямо скажу, будете бѣдствовать, а потомъ сразу разбогатѣете и вообще... купите рояль и велосипедъ...

Въ обычное время эта неудержимо-быстрая рѣчь, нудная, какъ осенній дождикъ, усыпляла Кузмина, дѣлала его разсѣяннымъ и вялымъ, и часто ему хотѣлось зажать уши и убѣжать безъ оглядки. Но сегодня онъ благодушно потягивался, улыбался, забросилъ портфель на шкафъ, и, безостановочно цѣлуя жену, говорилъ ей:

— Честное слово, Ниночка, я чувствую себя выпускнымъ гимназистомъ. Даже стыдно...

На слѣдующемъ поѣздѣ пріѣхалъ тесть Кузмина, Егоръ Иванычъ, который, увидавъ брошенную на террасѣ шляпу и трость зятя, закричалъ еще со ступенекъ:

— Ахъ, онъ пріѣхалъ, скажите пожалуйста, Петя уже дома, навѣрное экзаменъ выдержалъ, и дома...

Егоръ Иванычъ служилъ бухгалтеромъ въ страховомъ обществѣ, имѣлъ огромный кругъ пріятелей, велъ ресторанную жизнь, игралъ на бѣгахъ и скачкахъ и почти всегда былъ безъ денегъ, а посему въ настроеніи пасмурномъ и брезгливомъ. Но если онъ говорилъ немного въ носъ и обращался къ собесѣднику въ третьемъ лицѣ, то это свидѣтельствовало о хорошемъ расположеніи духа и о томъ, что ему удалось перехватить «малую-толику до 1-го».

— Ну-ка, гдѣ онъ юрисъ-консультъ?—говорилъ Егоръ Иванычъ, поднимаясь на террасу.—Покажите мнѣ юрисъ-консульта... Ага, вотъ онъ, — воскликнулъ тесть, увидавъ Кузмина, выходящаго изъ комнатъ навстрѣчу,—ну, какъ у него дѣла?

Кузминъ, которому все это ломаніе опротивѣло не меньше сорочьей болтовни тещи, и который, въ сущности, съ самаго дня женитьбы на Ниночкѣ былъ съ Егоромъ Иванычемъ въ напряженно-неестественныхъ почти враждебныхъ отношеніяхъ, на этотъ разъ не усмотрѣлъ въ тонѣ тестя никакой натяжки, весело поздоровался и сказалъ:

— Да что-жъ, экзамены—глупая лоттерея: сегодня «весьма», а завтра провалился, и крышка.

— Скажите, какъ онъ свысока — «лоттерея»! А самъ, держу пари, получилъ пять, или какъ тамъ у него — весьма-развесьма... Вѣдь да? Молодцомъ, молодцомъ. А что я думаю, не сыграть ли намъ немного погодя, на радостяхъ, въ банчокъ по семейному, чортъ побери-то въ самомъ-то дѣлѣ! Наши дома?

И Кузминъ съ тестемъ прошли въ дѣтскую къ маленькому Мишѣ.

VII.

Весь вечеръ играли «по-семейному» въ банчокъ. Съ террасы открывался великолѣпный, поэтически-суровый видъ на озеро. Вода была голубая отъ неба, розовая отъ заката и гладкая, какъ стекло. На противоположномъ берегу, среди темной зелени сосенъ то и дѣло прямой и бѣлой струйкой вился дымъ отъ проходящихъ поѣздовъ. И стукъ колесъ доносился по водѣ ритмическій и плавный, точно аккомпаниментъ вальса. Воздухъ, какъ и днемъ, былъ на рѣдкость теплый, къ вечеру сдѣлался неподвижнымъ, не хотѣлось уходить въ комнаты, только Макрина Аѳанасьевна, кутаясь въ большой пуховый платокъ, твердила свое:

— Ахъ, сквозитъ, ну, ей-Богу, я простужусь!..

Егоръ Ивановичъ вносилъ въ грошовый банчокъ такое оживленіе, какъ будто игралъ въ клубѣ. Увидавъ накопившуюся кучку марокъ и мѣди копеекъ въ шестьдесятъ, онъ азартно стучалъ по столу серебрянымъ рублемъ и восклицалъ:

— Рвать его, рвать!

И шелъ по банку.

За ужиномъ онъ суетился и, посыпая яичницу мелко искрошеннымъ укропомъ, говорилъ Макринѣ Аѳанасьевнѣ:

— Укропъ это, я вамъ доложу, и есть самая суть. Отъ самаго слова «укропъ» пахнетъ укропомъ. Тутъ нужно немножко понимать, чортъ побери-то въ самомъ-то дѣлѣ! Это вы только думаете, что какъ бы ни съѣсть, лишь бы съѣсть. Каждое блюдо имѣетъ свою исторію и философію.

И обращаясь къ Кузмину, добавлялъ:

— А вѣдь онъ сегодня выпьетъ, на радости, зюнзюбелю? Ну, конечно, выпьетъ.

Кузминъ пилъ водку, любовался озеромъ, слушалъ тестя и тещу, не жалѣлъ о четырехъ послѣднихъ рубляхъ, проигранныхъ въ карты, и у него на душѣ было хорошее, мирное чувство. Балаганный тонъ Егора Ивановича, безнадежно-сыпучая, какъ сквозь частое сито, рѣчь Макрины Аѳанасьевны не вызывали раздраженія и обычной тупости во всемъ тѣлѣ. Все это ему даже нравилось, а философія съ укропомъ и комически-надоѣдливая манія простуды отъ несуществующаго сквозняка представлялись какимъ-то цѣльнымъ, выдержаннымъ жанромъ.

Макрина Аѳанасьевна и Ниночка отправились спать, и Кузминъ съ тестемъ, перейдя въ гостиную, затѣяли безконечный споръ на тему о разницѣ между дипломомъ и высшимъ образованіемъ, причемъ студентъ огуломъ ополчался противъ всякаго формализма, а бухгалтеръ страхового общества стоялъ за формализмъ. Егоръ Ивановичъ, сдѣлавъ глубокомысленное лицо и придавъ небрежную иронію глазамъ, старался внести особое мнѣніе даже въ самыя трафаретныя истины и говорилъ:

— Позвольте-съ, позвольте-съ. Я тутъ въ одномъ только отношеніи не понимаю. Тутъ может быть другого рода вещь, тутъ можетъ быть вотъ какого рода вещь...

Но преднамѣренная, шитая бѣлыми нитками придирчивость звучала скорѣе шуткой и не была похожа на обычную манеру Егора Ивановича ни съ кѣмъ не соглашаться до конца, спорить противъ очевидности—манеру, бѣсившую Кузмина и отравлявшую его отношенія съ тестемъ.

Въ четыре часа утра, когда Егоръ Ивановичъ уже клевалъ

носомъ, но все-таки, изъ упрямства, продолжалъ оставаться при особомъ мнѣніи, Кузмину принесли телеграмму.

Онъ распечаталъ ее и прочелъ:

«Безпредѣльно рады. Поздравляемъ. Готовься дальше, укрѣпись духомъ, береги себя. Завтра переведемъ сто.

«Кузмины».

Онъ прошелъ къ женѣ, разбудилъ ее и, показавъ телеграмму, улегся на свою кровать растроганный, счастливый и уставшій до изнеможенія, до сладости.

VIII.

Черезъ два дня Кузминъ проснулся уже на городской квартирѣ, и не успѣлъ раскрыть глазъ, какъ увидалъ въ простѣнкѣ между окнами письменный столъ съ приготовленными еще ночью книгами, конспектами, заново очиненнымъ синимъ и краснымъ карандашомъ. И онъ не могъ пролежать въ постели ни минуты, одѣлся, наскоро выпилъ первый стаканъ чаю въ столовой, а со вторымъ вернулся въ свою комнату и сѣлъ за столъ. Прямо противъ него висѣло тщательно расчерченное расписаніе экзаменовъ по днямъ и числамъ, съ распредѣленіемъ страницъ зубрежки и повторенія. И сразу въ глаза Кузмину подлѣ графы уголовнаго права глянула сдѣланная вчера надпись краснымъ карандашомъ: «весьма». Онъ улыбнулся, но не ощутилъ никакой неловкости, ибо эта ложь казалась ему теперь совершенно невинной.

Итакъ, за римское! Остается ровно недѣля, читать придется по полтораста страницъ въ сутки, и на повтореніе почти не будетъ времени. Кузминъ сразу углубился въ книгу, и нѣсколько свѣжихъ, утреннихъ часовъ ушло на просмотръ громаднаго «Ефимовскаго» курса. Просмотръ показался ему почти наслажденіемъ: въ быстрой смѣнѣ страницъ, точно въ мельканіи снимковъ кинематографа, вся великая система предстала, какъ на полотнѣ—ясная, стройная, идеально-пластическая. Кузминъ еще въ году прочитывалъ римское право, но въ памяти не сохранилось ничего, кромѣ миніатюрнаго ощущенія какой-то стройности и красоты; теперь же это ощущеніе разрослось почти въ восторженное чувство, и онъ взволнованный всталъ изъ-за стола.

Съ улицы въ раскрытыя окна мягко вѣялъ воздухъ, небо было слегка затуманено пушистымъ и легкимъ слоемъ облаковъ, набѣгавшихъ на солнце, но не скрывавшихъ свѣта, дѣлавшихъ его молочно-бѣлымъ, какъ сквозь штору. Воздушными колеблющимися пятнами ложился свѣтъ на стѣны противоположныхъ домовъ нешумной и узкой улицы, а въ пятиэтажномъ темноко-

ричневомъ домѣ, какъ разъ напротивъ, тамъ и здѣсь чернѣли раскрытыя окна.

Было что-то похожее на сладкую дремоту въ этомъ набѣганіи молочно-бѣлой дымки, и у Кузмина, сидѣвшаго на подоконникѣ, кромѣ легкой усталости отъ пересмотра курса, явилось чувство пріятной и удовлетворенной лѣни. Потомъ ему захотѣлось ѣсть, и молодая прислуга Дуня, оставленная на городской квартирѣ до конца его экзаменовъ, подала завтракъ.

У Дуни, дѣвушки средняго роста, ни худой, ни полной, былъ какой-то черезчуръ открытый лобъ и глаза чрезмѣрно-черные и большіе, что при желтоватомъ тонѣ кожи дѣлало ея лицо какимъ-то иконописнымъ. «Богомазная мордочка», какъ прозвалъ ее кто-то изъ пріятелей Кузмина. Все свободное время Дуня сидѣла сложа руки въ кухнѣ у окошка и смотрѣла на дворъ. Неподвижное сидѣніе на одномъ мѣстѣ, и глаза, и лобъ, и желтый цвѣтъ лица въ эти минуты носили странный полуболѣзненный, полузагадочный отпечатокъ какого-то тихаго помѣшательства, почти идіотизма. За это Кузминъ не любилъ Дуню, никогда съ ней не разговаривалъ, но сегодня его настроеніе было исключительно доброе, разнѣженное, и онъ, кончивъ завтракать, сказалъ:

— Я буду обѣдать попозже. Убери посуду, и можешь сидѣть у окошка хоть до семи часовъ.

— Все въ книжку будете глядѣть?—спросила Дуня.

— Да, да, въ книжку.

— Смотрите, глаза попортите,—сказала она игривымъ голосомъ, до того не идущимъ къ ея неподвижному, постному лицу, что Кузмину сдѣлалось какъ-то не по себѣ.

Она не собирала посуды, не уходила, и Кузминъ, быстро поднявшись изъ-за стола, ушелъ въ свою комнату и плотно закрылъ дверь.

— Хи-хи-хи!—какъ будто послышалось изъ столовой.

«Дурища!» съ недоумѣніемъ, безъ малѣйшей злобы подумалъ Кузминъ, сѣлъ за книгу и отыскалъ первый билетъ по программѣ. Двѣ-три страницы прошли такъ-себѣ, ни легко, ни трудно, надъ четвертой и пятой Кузминъ просидѣлъ цѣлый часъ, а изъ шестой прочелъ одну строчку, безнадежно застрялъ на ней и не могъ двинуться дальше. Произошло что-то невѣроятное, не на шутку встревожившее Кузмина. Совершенно мертвыя строки плыли у него передъ глазами, а отъ безсмертнаго созданія, волнующаго, живого, какъ изваяніе античнаго рѣзца, не осталось и тѣни.

Онъ быстро перелисталъ страницы и замеръ въ какомъ-то испугѣ... Мелькнуло нѣсколько яркихъ граней, острыхъ и блестящихъ афоризмовъ, но не было стройнаго цѣлаго, ничего не было. «Ужъ не сплю ли я?» подумалъ Кузминъ. Проходили часы,

Кузминъ бросался то къ концу, то къ началу курса. Слова, слова, слѣпыя цитаты, мертвое казуистическое остроуміе, зеленовато-сѣрая улыбка трупа... Даже холодно стало. Невыразимымъ усиліемъ Кузминъ забралъ себя въ руки и совершенно по-гимназически, со скрежетомъ зубовнымъ, строчка за строчкой, съ синимъ и краснымъ карандашомъ въ рукахъ, одолѣлъ первыя 30 страницъ. И затѣмъ поднялся со стула, разбитый, въ полномъ изнеможеніи. Изъ сегодняшней порціи остается 120 страницъ. Если предположить, что онъ не вошелъ во вкусъ, если не тратить безполезно времени, не читать черезъ силу, то сегодня еще 30. Остающіяся 90 разложить на три дня по 30-ти. Слѣдовательно, съ завтрашняго дня придется читать не по полтораста страницъ, а по сто восьмидесяти.

IX.

Разсѣянно и торопливо поглощая обѣдъ, поданный Дуней, онъ продолжалъ недоумѣвать надъ страннымъ превращеніемъ грандіозно-прекраснаго, пластическаго цѣлаго въ скучный и тягостный матеріалъ для зубрежки, тягостный своей очевидной непримѣнимостью къ жизни, своей ненужностью. Вѣроятно, его обманула утренняя свѣжесть мозга, а главное свойственная ему привычка схватывать прежде всего то общее, красивое и стройное, что возможно даже въ самомъ скучномъ предметѣ. Вспомнилъ Кузминъ, что при первомъ перелистываніи уголовнаго права онъ почти такъ же былъ взволнованъ, а потомъ обманутъ красотой системы и непоколебимостью тезисовъ, такъ же радовался и предвкушалъ сладкіе плоды знанія—ненасильственнаго, живого и нужнаго, раскрывающаго прекрасные горизонты.

Разочарованный и упавшій духомъ, онъ перешелъ къ себѣ, сѣлъ къ столу и долго просидѣлъ, боясь заглянуть въ учебникъ. Только теперь онъ припомнилъ послѣдній мѣсяцъ своей жизни здраво и объективно,—все было заполнено безысходной ежечасной и ежеминутной зубрежкой, все заглушено арестантскимъ сидѣніемъ на одномъ мѣстѣ,—и то открытіе въ немъ самомъ, о которомъ онъ думалъ, возвращаясь съ перваго экзамена, и даже самое чувство протеста противъ насильственной процедуры подготовки. И теперь эта длинная цѣпь дней съ незамѣтной въ работѣ смѣной разсвѣтовъ и сумерокъ, механическимъ укладомъ жизни—сна, зубренія, обѣда, короткой прогулки, снова зубренія,—представлялась Кузмину безконечно-тоскливой вереницей.

Машинально и тупо глядѣлъ Кузминъ на большой листъ пропускной бумаги, весь исчерченный цитатами изъ уголовнаго права, непонятными узорами и іероглифами, сдѣланными въ минуты

мозгового оцѣпенѣнія. Въ самомъ центрѣ листа такъ и выдѣлялся жирно нарисованный синимъ карандашомъ крестъ, увѣнчанный двуглавымъ орломъ на крошечномъ вѣнкѣ изъ лавровъ и окруженный продолговатымъ ромбомъ. И этотъ правильно вычерченный ромбъ дѣлалъ неподвижной память Кузмина, оставляя одно какое-то физическое сознаніе необходимости, во что бы то ни стало, добыть завѣтный крестикъ, поднести его кому-то на подносѣ, а тамъ... будь что будетъ. «Ну, и прекрасно,—подумалъ Кузминъ и всталъ изъ-за стола, такъ и не заглянувъ въ учебникъ, — завтра, послѣзавтра тысячу, милліонъ двѣсти тысячъ страницъ, но сейчасъ ни строчки, ни буквы!..»

И онъ раздраженно метнулся къ окну. Чтобы выйти прогуляться, нужно было бы надѣвать крахмальное бѣлье, подвязывать галстухъ, на что у Кузмина не оказалось иниціативы. Онъ остался на подоконникѣ. Сгущались сумерки, блѣднѣло небо и быстро утихало раздраженіе Кузмина. Квартира, въ которой онъ жилъ, находилась въ одной изъ глухихъ улицъ Измайловскаго полка, безъ магазиновъ, частой ѣзды, докучнаго шума, и была въ первомъ этажѣ. Окна были расположены низко надъ тротуаромъ, и вмѣстѣ съ мягкимъ вѣяніемъ воздуха чувствовался какъ бы запахъ пригрѣтой пыли и мостовой. Сидя на подоконникѣ, Кузминъ внимательно и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на противоположный темнокоричневый домъ, весь озаренный нежаркимъ предзакатнымъ свѣтомъ, и съ такимъ же удовольствіемъ, оборачиваясь назадъ, внутрь своей комнатѣ, видѣлъ въ привычной и уютной группировкѣ никогда ненадоѣдающіе предметы. И эта мебель въ чехлахъ, на которой онъ сидѣлъ каждый день, и книжныя полки, встрѣчавшія его пробужденіе каждое утро, столы, покрытые налетомъ пыли, которую Кузминъ охотно испещрялъ разными надписями каждый вечеръ,—все это мирное, ежедневное, будничное теперь казалось ему въ тысячу разъ интереснѣе и нужнѣе римскаго права.

И снова, послѣ долгаго промежутка, то, что было подавлено зубрежкой и ажитаціей перваго экзамена, что составляло важное открытіе Кузмина, формировалось въ немъ пока неясно и лежало на самомъ днѣ его души, начало пробуждаться, просясь наружу.

Что это было за странное, еще неиспытанное порываніе, что за сладостная чуткость?..

Въ дыханіи согрѣтыхъ за день стѣнъ, въ лихорадочно-красныхъ пятнахъ заката, въ мягкомъ и упругомъ стукѣ резиновыхъ колесъ о мостовую улицы, во всѣхъ этихъ умирающихъ звукахъ и куда-то бѣгущихъ тѣняхъ чувствовался неутомимый зовъ и тайная радостная тревога какой-то титанически-сложной души.

Кузминъ жутко-внимательнымъ, какимъ-то верхнимъ чувствомъ прислушивался къ незамѣтной, но въ то же время напряженной

и дружной работѣ, совершавшейся вокругъ. Его сердце замирало отъ подступающаго безпредметнаго экстаза, а вся окружающая матеріальная жизнь, и его комната, и улица, коричневыя посвѣтлѣвшія отъ заката стѣны противоположнаго дома, мостовая, пробѣгающія лошади, собаки, мелькающіе въ черныхъ впадинахъ оконъ силуэты людей, собственное тѣло Кузмина казались ему странно-объединенными, родными и чьей-то разумной волей предназначенными для общаго пира жизни.

А все прошлое, въ сравненіи съ этимъ безпредметнымъ порывомъ куда-то, этой игрой интуиціи, быть можетъ, утомленныхъ нервовъ, представлялось Кузмину маленькимъ, примитивнымъ и шаблоннымъ до ужаса. Становились понятными вспышки недовольства собой, привычнымъ строемъ жизни, всѣ эти исканія новыхъ встрѣчъ, влеченіе къ толпѣ, улицѣ, театру, и боль зависимости отъ семьи, службы въ конторѣ, заботъ и тяготѣній дня. А развѣ не насмѣшка это добываніе кому-то нужнаго синяго крестика, навязанное судьбой въ самомъ разгарѣ пробуждающагося въ немъ культа жизни для жизни, жизни изъ любопытства, самаго первобытнаго, животнаго любопытства къ землѣ, предметамъ, людямъ, всему окружающему...

Это любопытство, минутами страстное, пламенное, и было тѣмъ важнымъ открытіемъ въ самомъ себѣ, которое, просыпаясь, наполняло сердце Кузмина великой радостью, а потухая, оставляло слѣдъ непостижимой тоски.

X.

Когда совсѣмъ смеркалось, въ окнахъ темно-коричневаго дома, какъ разъ напротивъ квартиры Кузмина и тоже въ первомъ этажѣ, показались двѣ женскія фигуры. Обѣ онѣ были одѣты, какъ на прогулку, въ нарядные свѣтлые жакеты и большія модныя шляпки. Обѣ рисовались на черномъ фонѣ неосвѣщенныхъ комнатъ заманчиво и неясно, и только бѣлыя руки, закрывавшія окна, должно быть, передъ уходомъ, поочередно выступили изъ тьмы. Сквозь закрытыя стекла Кузминъ нѣкоторое время видѣлъ, что руки эти затягивались въ длинныя перчатки. Затѣмъ, черезъ минуту, тѣ же женскія фигуры вышли изъ подъѣзда, въ сопровожденіи двухъ студентовъ-технологовъ, которые подозвали двухъ извозчиковъ, усадили дамъ и быстро уѣхали съ нимъ вмѣстѣ.

Кузминъ помнилъ, что въ этихъ окнахъ, визави съ его комнатой, и раньше мелькали молодыя женскія и мужскія лица, слышались звуки рояля или мандолины съ гитарой, и часто студенческія фуражки вмѣстѣ съ дамскими шляпками валялись брошенныя на подоконникахъ. Тамъ, повидимому, жила веселая мо-

лодая семья, но Кузминъ какъ-то не интересовался сосѣдями и сосѣдками. Почему сегодня, когда затихъ стукъ отъѣхавшихъ колесъ, онъ долго просидѣлъ у своего окна и даже, взявъ бинокль, безплодно нѣсколько минутъ вперялъ взоръ въ пустыя и темныя впадины оконъ незнакомой квартиры? Кто знаетъ, какое случайное теченіе мыслей остановило его взоръ на людяхъ, цѣлый годъ жившихъ съ нимъ рядомъ, ежедневно подходившихъ къ окнамъ и незамѣтно скрывавшихся въ своей обособленной уютной глубинѣ.

Бинокль Кузмина ходилъ съ этажа на этажъ. Кое-гдѣ горѣлъ огонь, кое-гдѣ были раскрыты окна и вездѣ текла своя обособленная жизнь. Сладостное новое чувство водило рукою Кузмина, и четырехъугольники оконъ, то освѣщенные, съ живыми, странно-подвижными очертаніями лампъ, то слѣпые, сѣрые, съ тусклымъ отблескомъ неба, вырисовались передъ глазами близко-близко. Становилось свѣжо. Въ темно-коричневомъ домѣ, теперь уже совершенно черномъ, одно за другимъ захлопывались окошки. Кузминъ закрылъ свое и опустилъ штору.

При свѣтѣ лампы онъ увидалъ, что на часахъ уже около одиннадцати. Онъ зналъ, что дольше трехъ часовъ ночи ему не просидѣть за книгой, а между тѣмъ тридцать страницъ пройти нужно обязательно. «Впрочемъ,—подумалъ онъ,—если и эти тридцать разложить на три дня, то разница получится совсѣмъ пустяшная,—вмѣсто 180-ти по 190 страницъ въ день». Въ крайнемъ случаѣ онъ такъ и поступитъ, но все-таки «нужно же, нужно» хоть сдѣлать попытку, хоть сѣсть за столъ.

Онъ сѣлъ и прочелъ страницу, другую, третью. Тѣмъ временемъ Дуня зажгла въ столовой висячую лампу, подала самоваръ и, отворивъ дверь въ комнату Кузмина, громко проговорила:

— Баринъ, а баринъ! еще глазъ не проглядѣли? Пожалуйте чай пить.

Она не отходила отъ двери, и ея желтое лицо при желтомъ свѣтѣ лампы казалось матовымъ и смуглымъ. Отъ черныхъ волосъ падала тѣнь на чрезмѣрно-выпуклый лобъ и скрадывала его размѣры. Все это маскировало постную иконописность ея лица, а въ черныхъ глазахъ, смотрѣвшихъ на Кузмина, по обыкновенію пристально и прямо, появилось новое, какъ будто слегка заигрывающее выраженіе.

Можетъ быть, это показалось Кузмину, но онъ поднялся со стула и рѣзко сказалъ Дунѣ:

— Что ты стоишь? Мнѣ больше ничего не понадобится. Постель я сдѣлаю потомъ, а самоваръ пусть останется на ночь. Иди спать!

Она неуклюже вздернула плечами, повернулась и спокойно ушла въ кухню.

«Чортъ знаетъ, что за непонятное существо», подумалъ Кузминъ.

XI.

Въ столовой, за тремя стаканами чаю, онъ прочелъ еще десятокъ страницъ. Потомъ всталъ, потянулся, похрустѣлъ суставами и рѣшилъ сдѣлать передышку. Онъ ходилъ по двумъ комнатамъ, дотрогивался до стульевъ, передвигалъ ихъ, и какое-то странное, созерцательное вниманіе овладѣвало имъ, сближая его со стѣнами, уютомъ угловъ, планировкой мебели. Начиналось время тихаго, умиротворяющаго сліянія съ предметами, мистически-одухотворенными, теплыми, какъ бы воспріявшими частицы тающаго человѣческаго тѣла. Въ такія минуты Кузмину обыкновенно не хотѣлось ни читать, ни спать, ни думать, и это не было похоже ни на лѣнь, ни на усталость. Это было именно какой-то близостью къ своему крову, своеобразнымъ нѣмымъ разговоромъ, и за цѣлыя недѣли почти безвыходнаго сидѣнія дома обращалось въ серьезное занятіе. Переходя изъ комнаты въ комнату, онъ намѣренно толкалъ предметы и вслушивался въ звуки—глухіе, визжащіе, царапающіе, звонкіе, издаваемые при передвиженіи ножками столовъ, креселъ и стульевъ. Онъ рельефно ощущалъ подъ ногами сопротивленіе пола, мягкость ковра, а когда, напримѣръ, размазывалъ и собиралъ кучками пыль на полированной поверхности подзеркальника, то его пальцы казались ему чужими, а подзеркальникъ холоднымъ, какъ ледъ. Этотъ холодъ въ пальцахъ, запахъ растираемой пыли и множество другихъ ощущеній, вызываемыхъ одинокой бесѣдой съ мебелью и стѣнами, составляли совсѣмъ особый міръ, наполняли минуты отдыха въ томительно-долгіе дни зубрежки и, въ общемъ, были тщательно оберегаемымъ секретомъ Кузмина.

Отъ спущенныхъ штор, двухъ ярко-горѣвшихъ лампъ, выпитаго чаю, сдѣлалось душно, и Кузминъ снова открылъ окно въ своей комнатѣ.

Обитатели заинтересовавшей его квартиры, повидимому, уже вернулись, и дальнія отъ улицы комнаты были освѣщены, а у раскрытаго окошка рисовался силуэтъ сидящей женщины. За этимъ силуэтомъ двигались другіе и тамъ же слышалось pianissimo гитары.

Снова Кузминъ, странно заинтригованный, сидѣлъ на подоконникѣ и не могъ отвести глазъ отъ чуждой и заманчивой полутьмы. Появилась другая женская фигура и усѣлась у окна напротивъ первой. Въ глубинѣ комнаты вспыхивалъ огонекъ папи-

росы, отчетливо, но тихо рокотали аккорды струнъ и замирающій сладкій теноръ пѣлъ вполголоса:

Шепнувъ: «прости», удалились вы,
Сжимая руку мнѣ...

Кузминъ все сидѣлъ на подоконникѣ, смотрѣлъ и думалъ. Вотъ на разстояніи какихъ-нибудь пятнадцати шаговъ течетъ размѣренная своимъ теченіемъ *другая* жизнь, горятъ другія лампы, дымится самоваръ, и красивыя молодыя лица то появляются у оконъ, то скрываются въ глубинѣ другихъ, чуждыхъ Кузмину комнатъ. И тепло тамъ своимъ тепломъ, и мебель скрипитъ, навѣрное, особымъ скрипомъ, и все тамъ какъ будто такое же, но другое... И эта простая мысль, столь же простая, какъ то, что сначала бываетъ утро, а потомъ вечеръ, вызывала въ душѣ Кузмина поэтически-грустное и нѣжное чувство.

А сладкій теноръ такъ и таялъ на высокихъ нотахъ:

Не знали вы, какъ я страдалъ,
И ка-акъ я васъ люби-илъ...

Какая-то школьническая смѣлость толкнула Кузмина взять бинокль и навести его на соблазнительное окошко. И онъ увидалъ, какъ одна изъ женщинъ наклонилась къ плечу другой и, повидимому, что-то сказала на ухо. Въ ту же минуту чье-то горлышко довольно мелодично и тонко кашлянуло, а другой, болѣе низкій голосъ совершенно явственно произнесъ:

— Дѣлать нечего,—придется закрыть окно...

И когда для этого протянулась рука, Кузминъ замѣтилъ распущенные волосы и бѣлую, должно быть, ночную кофточку. Потомъ въ сосѣдней комнатѣ потухла лампа.

Кузминъ хотѣлъ закрыть окно, какъ вдругъ мимо него скользнулъ какъ будто знакомый силуэтъ въ сѣромъ пальто и съ палкой, звонко стучащей о тротуаръ.

— Это онъ, ей-Богу, это онъ,—раздался уже совершенно знакомый голосъ, немного въ носъ, — сидитъ, изволите видѣть, на окошечкѣ и отдыхаетъ.

— Какими судьбами?—сказалъ Кузминъ.

— Да что, чортъ побери-то въ самомъ-то дѣлѣ, провозился тутъ съ однимъ дѣломъ и ужасно не хочется изъ-за ночевки ѣхать на дачу.

Отъ Егора Иваныча пахло водкой, и тонъ его голоса, несмотря на произношеніе въ носъ и обращеніе къ Кузмину въ третьемъ лицѣ, былъ минорный. Возможно, что у тестя просто не нашлось денегъ на извозчика, чтобы доѣхать до вокзала. И теперь онъ будетъ рыться въ буфетѣ и по всей кухнѣ, искать закусокъ и пива. Все это заранѣе было извѣстно Кузмину, какъ свои пять пальцевъ, и такъ не вязалось съ впечатлѣніями вечера, что онъ

съ досадой и грустью пошелъ въ прихожую открывать Егору Ивановичу дверь.

XII.

Хотя Кузмину послѣ идиллическаго сидѣнія на подоконникѣ и не легко было бы вновь приняться за римское право, но появленіе тестя создававшее лишній предлогъ не заниматься, а просто лечь спать, ни мало его не утѣшило. Навѣрное, слово за слово они разговорятся, перейдутъ въ обычный споръ, причемъ Егоръ Иванычъ на зло Кузмину будетъ идти напроломъ противъ очевидности, сдѣлается грубъ и намѣренно непонятливъ. Кузьминъ будетъ опускать глаза, говорить робкимъ и тихимъ голосомъ, и у него не хватитъ характера попросить Егора Иваныча оставить его въ покоѣ. И снова выплыветъ на сцену этотъ докучный для Кузмина вопросъ объ отношеніяхъ къ родителямъ жены, тяготящихъ его давно, неестественныхъ и напряженныхъ до крайности. Женился онъ на своей Ниночкѣ безъ ихъ согласія, и потомъ, когда произошло примиреніе и они стали жить вмѣстѣ на одной квартирѣ, матеріально совершенно не зависѣлъ отъ тестя, зарабатывая уроками, службой въ конторѣ, получая ежемѣсячную помощь отъ отца. Общее хозяйство стариковъ и молодыхъ велось на строго-американскихъ началахъ, но тѣмъ не менѣе, съ самаго перваго дня жизни подъ однимъ кровомъ, установилось странное неравенство, и доминирующій тонъ былъ взятъ тестемъ и тещей. При этомъ въ дурномъ расположеніи духа Егоръ Иванычъ безцеремонно обращался къ нему на «ты», говорилъ съ иронической или презрительной усмѣшкой, обезоруживавшей Кузьмина, заставлявшей его блѣднѣть и опускать глаза.

Кузминъ отперъ дверь и пропустилъ Егора Иваныча впередъ. Тотъ, раздѣваясь, нѣсколько разъ уронилъ палку, со злостью плюнулъ и сказалъ:

— Нѣтъ ли у насъ пива? Феноменальная жажда, чортъ побери-то въ самомъ-то дѣлѣ!

— Кажется, нѣтъ,—отвѣчалъ Кузминъ,—а вотъ чай въ столовой еще теплый.

— Ну, еще бы, брандахлыстъ этотъ у насъ всегда есть... И что за охота карасей въ животѣ разводить! Можетъ быть, есть бутылочка, а?

— Поищите въ кухнѣ,—коротко сказалъ Кузминъ.

Егоръ Иванычъ ушелъ и черезъ минуту вернулся обратно.

— Чорта съ два, нашлась! Развѣ у насъ въ домѣ можетъ водиться что-нибудь настоящее...

И онъ, развалившись на диванѣ въ комнатѣ Кузмина, закурилъ папиросу, предварительно сломавъ штукъ пять спичекъ.

Немного погодя онъ громко, со вздохомъ зѣвнулъ и куда-то въ сторону произнесъ:

— Главное меня бѣситъ проклятое безденежье. Положимъ, черезъ три дня первое число, и я получу, но завтра нужно цѣлый день разъѣзжать по городу, когда въ карманѣ ни шиша-шишащаго. Перваго-то я ужъ навѣрняка бы отдалъ, какъ въ аптекѣ, а занять не у кого, чортъ побери-то въ самомъ-то дѣлѣ!

— Я самъ со дня на день жду изъ дому денегъ, — сказалъ Кузминъ,—да что-то запоздали.

— Ну, понятное дѣло,—презрительно произнесъ тесть,—развѣ у этихъ людей есть какое-нибудь соображеніе.

— У кого?—спросилъ Кузминъ и поблѣднѣлъ.

— Да у твоихъ милѣйшихъ родителей. Имъ вѣдь все равно, когда ни выслать—двадцатаго такъ двадцатаго, а то и двадцать пятаго... А вотъ тутъ жди.

— Я ничего, жду, — сказалъ Кузминъ, волнуясь, — и... и я очень благодаренъ своимъ родителямъ. Слава Богу, не могу пожаловаться, помогаютъ уже восьмой годъ ..

— Кто же виноватъ-то?—иронически произнесъ тесть.

— Въ чемъ?

— Въ томъ, что подобные господа изволятъ сидѣть по восьми лѣтъ.

— Никто не виноватъ,—сказалъ Кузминъ и началъ ходить по комнатѣ,—а если хотите, виноватъ я.

— То-то и оно.

— Да въ чемъ дѣло?—надстреснутымъ голосомъ воскликнулъ Кузминъ,—къ чему весь этотъ разговоръ, я ей-Богу не понимаю...

— А то, что есть люди, которые говорятъ и то и се, что и дипломъ чушь, и образованіе не нужно, такъ вотъ всю бы жизнь баклуши бить!.. Гимназистъ не гимназистъ, а такъ что-то такое...

— Это я говорилъ, что образованіе не нужно? — спросилъ Кузминъ и быстрѣе заходилъ по комнатѣ.—Кажется, это кто-то другой говорилъ, а не я... И, наконецъ, я, право не понимаю... Это какъ будто никого не касается, кромѣ меня, и ужъ если тутъ примѣшивать матеріальную сторону, то моихъ родителей.

Его голосъ начиналъ дрожать отъ волненія, а Егоръ Иванычъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, притушилъ ногой папиросу, всталъ съ дивана и сказалъ:

— Пойти развѣ этого брандахлысту выпить. Вотъ жажда, чортъ побери-то въ самомъ-то дѣлѣ!

Онъ повозился въ столовой у самовара и вернулся назадъ со стаканомъ холоднаго и жидкаго чаю. Кузминъ стоялъ у стола и машинально перелистывалъ програму римскаго права.

— Неужели еще будешь зубрить?—небрежно спросилъ Егоръ Иванычъ.

Кузминъ не отвѣчалъ и чувствовалъ, что человѣкъ, стоящій передъ нимъ, небрежно улыбающійся, говорящій какимъ-то легковѣснымъ и свободнымъ тономъ, чуждъ ему до холода, до ужаса, а самъ Кузминъ какъ будто скованъ, придавленъ къ полу. И это наполняло его стыдомъ и болью, и ему страстно хотѣлось поднять голову, взглянуть Егору Иванычу прямо въ глаза, также свободно жестикулируя пройти мимо и сказать не подавленнымъ, а легкимъ и спокойнымъ голосомъ что-нибудь въ родѣ:

— Послушайте, убирайтесь-ка вы къ чорту.

Но вмѣсто этого онъ отошелъ отъ стола въ противоположный уголъ, потрогалъ книги на полкѣ и глухо, отрывисто спросилъ:

— А завтра вы поѣдете на дачу?

— Да что,—сказалъ Егоръ Иванычъ,—ужъ и не знаю, какъ обернусь... Вотъ развѣ кто-нибудь мнѣ ссудитъ до послѣзавтра пятерку, а еще лучше до 1-го. Я бы ему навѣрное отдалъ.

Обычная манера Егора Иванычa просить взаймы, наконецъ, подѣйствовала на Кузмина, и онъ, вынувъ изъ кошелька послѣдніе три рубля, протянулъ ихъ тестю.

— Вотъ возьмите у меня, я, должно быть, завтра получу.

— Да, вѣдь, у тебя у самого нѣтъ, — сказалъ Егоръ Иванычъ, и взялъ.

XIII.

Незамѣтно, слово за слово завязался безконечный, сумбурный споръ. Въ 3 часа ночи Егоръ Иванычъ стоялъ передъ зятемъ, махалъ руками мимо его носа и кричалъ деревяннымъ и злымъ голосомъ:

— Такъ что-жъ ты думаешь, эти болваны, прохвосты стали бы читать свои лекціи, если бы имъ не платили жалованья? Ерунда-съ! Астрономій и философій съ кашей не съѣшь, чортъ побери-то въ самомъ-то дѣлѣ! Вѣдь это совершенно безмозглымъ нужно быть, чтобы думать, что всѣ подобные господа не хотятъ жрать. Тоже, подумаешь, служители науки!.. А казенное жалованье подай!..

Презрительно фыркая, онъ обдавалъ Кузмина запахомъ водки, которую гдѣ-то разыскалъ въ концѣ концовъ, и отчаянно размахивалъ руками, причемъ слышался ненавистный Кузмину стукъ тяжелыхъ металлическихъ запонокъ о бумажныя манжеты. Наступилъ кульминаціонный моментъ спора, безконечной придирчивости Егора Иванычa къ каждому слову, притворнаго непониманія самыхъ простыхъ вещей. Его нападенія на ученыхъ, писате-

лей и поэтовъ были самымъ обиднымъ и больнымъ мѣстомъ для Кузмина, и Егоръ Иванычъ, зная это, приберегалъ жестокое оружіе къ концу.

— Теперь нѣтъ писателей,—кричалъ онъ, разгромивъ профессоровъ за то, что они читаютъ лекціи за деньги,—какіе это писатели?—еще громче восклицалъ онъ, нарочно выбирая самыя священныя для зятя имена и какъ-то звѣрски ударяя на каждомъ слогѣ,—развѣ ихъ можно назвать писателями, когда они не въ состояніи сочинить вещи длиннѣе собственнаго носа! Какіе-то пи́счики, писачки́, чортъ побери-то въ самомъ-то дѣлѣ! Одни дураки и гимназисты могутъ восторгаться, курить ѳиміамъ какимъ-то писчикамъ...

Кузьминъ, весь горя отъ негодованія и въ то же время подавленный, оглушенный апломбомъ Егора Иваныча, этими косвенно направленными по его адресу «дураками» и «гимназистами», не могъ прекратить спора, катился по наклонной плоскости и дрожащимъ голосомъ отстаивалъ своихъ любимцевъ. Въ пылу защиты онъ нечаянно поднялъ глаза и увидалъ, что тесть съ открытымъ ртомъ и блаженно раскинутыми руками спитъ на его кровати. Тогда только онъ сообразилъ, что на дворѣ утро, оборвалъ рѣчь на полусловѣ и, перейдя въ столовую, повалился на холодный и скользкій клеенчатый диванъ.

Кузминъ лежалъ на спинѣ странно спокойный, съ какой-то опустѣвшей головой, и медленно, помимо воли, катились его мысли. Вотъ такъ три года проходила его домашняя жизнь, въ тяжкихъ своей безсмысленностью столкновеніяхъ съ тестемъ и тещей—людьми, пришедшими точно изъ какой-то чуждой страны, ни съ того, ни съ сего поселившимися съ нимъ вмѣстѣ. И несмотря на очевидную невозможность когда-либо сговориться, онъ тратилъ время вотъ въ такихъ же, какъ и сегодня, унизительныхъ и безполезныхъ спорахъ. Бывали случаи, когда Егоръ Иванычъ, оторвавъ его отъ срочной работы, уводилъ въ ресторанъ и почти насильно заставлялъ пить водку, и у него не хватало характера отказаться. Егоръ Иванычъ просилъ взаймы, и онъ отдавалъ ему послѣднія деньги, Егоръ Иванычъ унижалъ святыя для него имена, и онъ самъ унижался до ихъ защиты.

И теперь, на холодномъ клеенчатомъ диванѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ тестя, спокойно спящаго на его же кровати, у Кузмина было какое-то стыдное и зябкое чувство, точно онъ лежалъ безъ рубашки. Ему совершенно не хотѣлось спать. Онъ потихоньку всталъ, надѣлъ пальто и, разбудивъ швейцара, ушелъ изъ дому.

На улицѣ стояла тишина, утро было пасмурное, но теплое и ласкающее. Сильно пахло березовыми почками и какимъ-то пред-

чувствіемъ мягкаго весенняго дождя. Часа полтора ходилъ Кузминъ по пустыннымъ улицамъ и видѣлъ мирно-закрытыя, спящія окна домовъ. Спала утомленная титаническая душа на безчисленныхъ постеляхъ, подъ безчисленными одѣялами, не трепетала сложнымъ трепетаньемъ, но попрежнему звала подчиниться своей власти, слиться съ собой. И Кузминъ, исполненный мирнаго чувства, вернулся домой, сдѣлалъ себѣ постель въ столовой и легъ.

Засыпая и слыша изъ сосѣдней комнатѣ какой-то откровенный и вольный храпъ Егора Иваныча, онъ въ тысячу первый разъ давалъ себѣ слово, что проснется уже другимъ, новымъ человѣкомъ, имѣющимъ волю, сознательнымъ и гордымъ. Съ завтрашняго же дня онъ будетъ дѣлать только то, что ему подскажетъ долгъ и чувство достоинства, смѣло обойдетъ фальшивые и потому только страшные рубиконы, а главное отринетъ отъ себя людей маленькихъ, злыхъ и упрямыхъ, перестанетъ бояться ихъ и свободно взглянетъ имъ въ глаза. Эти люди, ихъ грубый эгоизмъ и воля мѣшаютъ ему сосредоточиться на волнующемъ его открытіи, становятся между нимъ и ожидающимъ его прекраснымъ, весеннимъ пиромъ жизни.

XIV.

Въ первомъ часу дня Кузмина разбудилъ голосъ жены. Онъ открылъ глаза и увидалъ, кромѣ Ниночки, сѣрѣющую за окнами пелену мелкаго, пасмурнаго дождя.

— А я не утерпѣла и пріѣхала на полчаса помѣшать тебѣ заниматься,—говорила Ниночка,—у насъ страшная скука, папа не ночевалъ дома, а затѣмъ, Петя, тебѣ, кажется, извѣстно, что у меня нѣтъ денегъ. Впрочемъ, я совсѣмъ кстати: у тебя на столѣ повѣстка и письмо отъ мамаши. Можно распечатать?

Кузминъ поспѣшно одѣвался, а жена читала вслухъ. Въ письмѣ, еще болѣе нѣжномъ, чѣмъ предыдущее, не было слышно ни жалобы, ни упрека, но все-таки, какъ и въ прошлый разъ, Кузмина охватило смѣшанное чувство какой-то неловкости и грусти. Въ трогательныхъ выраженіяхъ описывала мать безпредѣльную радость, вызванную въ семьѣ извѣстіемъ о его первомъ успѣхѣ.

«Папаша носился съ твоей телеграммой по всей квартирѣ,—читала жена,—и чуть не танцовалъ отъ восторга, а вечеромъ у насъ случайно собрались гости, и онъ съ гордостью разсказывалъ о тебѣ. Ты себѣ не можешь представить, дорогой Петичка, какъ это подбодрило старика. Онъ просто помолодѣлъ на десять лѣтъ. Вѣдь ты знаешь, что онъ любитъ тебя до обожанія и вѣритъ въ твою свѣтлую будущность. Теперь мы всѣ только и мечтаемъ, какъ вы съ Ниночкой, послѣ твоего окончанія, пріѣдете къ намъ

погостить на все лѣто. Какъ счастливы будутъ твои сестры, и какое веселье воцарится у насъ въ домѣ съ вашимъ пріѣздомъ...»

Дальше шли благословенія, напутствія, мольбы, въ которыхъ слышалась ободренная первымъ успѣхомъ надежда. Теперь его родные уже не сомнѣвались въ полученіи имъ диплома и при этомъ высылали двойную сумму денегъ, чтобы онъ могъ совершенно спокойно работать. Благодарное, растроганное чувство наполнило Кузмина и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ невольно вспомнилъ, что послѣ перваго экзамена прошло три дня, что теперь уже второй часъ, что остается всего шесть дней до римскаго, а у него прочитанъ одинъ билетъ.

Кузминъ позвалъ швейцара, показалъ ему повѣстку, попросилъ опустить въ ящикъ и взялъ у него до вечера 25 рублей, которые и передалъ женѣ. Между тѣмъ, Ниночка ходила по комнатѣ, заглядывала во всѣ углы, и ея быстрая рѣчь, слегка напоминавшая манеру Макрины Аѳанасьевны, слышалась все время:

— Бинокль на подоконникѣ. Чтобы это значило, Петичка, а? Ужъ не изволитъ ли ваша милость переглядываться съ кѣмъ-нибудь?.. Не хорошо, не хорошо... Изъ дивана выворочепъ энциклопедическій словарь. Чертежи какіе-то на полу. Зачѣмъ тебѣ понадобилась трисекція угла? Развѣ это относится къ римскому праву, Петичка?

Кузминъ разсказалъ о своихъ вчерашнихъ спорахъ съ Егоромъ Иванычемъ и о томъ, какъ цѣлый часъ онъ доказывалъ тестю, что такая на первый взглядъ простая задача, какъ раздѣлить уголъ на три равныя части, далеко не такъ проста и вовсе не дискредитируетъ ни науки, ни математиковъ.

— Хорошо же ты готовишься къ экзамену,—полушутливо-полустрого говорила Ниночка,—ты увѣрялъ, что тебѣ все мѣшаетъ у насъ; вотъ теперь ты сидишь одинъ, кажется, всѣ условія на лицо, ну и, ради Бога, милый, возьми себя въ руки и занимайся. Видишь, какъ всѣ рады твоему успѣху. Мама мнѣ передавала, что папочка просто ушамъ не вѣрилъ, что ты получилъ «весьма». Ну, милый, ну, дай мнѣ слово, что ты будешь хорошо заниматься. Вѣдь отъ этого зависитъ все наше счастье, все будущее. Вдругъ, Петичка, у тебя будетъ дипломъ, ты поступишь на государственную службу... Ахъ, я просто не могу себѣ представить, что это будетъ за блаженство. Я даже не знаю, какъ это ты можешь говорить, что дипломъ ничего не значитъ. Да по моему, у кого нѣтъ диплома, тотъ просто не человѣкъ.

Ея щебетаніе было въ тысячу разъ мелодичнѣе рѣчи Макрины Аѳанасьевны, на хорошенькое личико то и дѣло набѣгала кокетливая гримаска, маленькія, замѣчательной красоты, ручки теребили Кузмина за бороду, но во всемъ этомъ чувствовалась какая-то

разсудочная сухость, нотка преждевременной уравновѣшенности и покоя.

Уходя, Ниночка цѣловала его лицо, и въ этихъ поцѣлуяхъ, супружески-привычныхъ и машинальныхъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ покровительственный оттѣнокъ, точно она говорила: «Ну, вотъ, будь паинька, веди себя хорошенько».

— Ахъ, да,—спохватилась она въ передней,—главное-то я чуть и не позабыла.

И вернувшись въ комнату мужа, она взяла съ подоконника бинокль и положила его въ свой маленькій ридикюль.

— У насъ тамъ чудесные виды на озеро, какія стройныя сосны, какъ красиво бѣгутъ поѣзда... До свиданья, до свиданья!..

— Послушай, что за ребячество, къ чему это?—невольно вырвалось у Кузмина, и онъ почувствовалъ въ груди какой-то горестный холодокъ.

— До свиданья, до свиданья,—щебетала Ниночка, граціозными, танцующими шагами отступая къ двери.

XV.

Къ вечеру слѣдующаго дня прояснилась погода, и Кузминъ, переходя изъ своей комнаты въ столовую обѣдать, вдругъ почувствовалъ острое пресыщеніе зубрежкой и рѣшилъ забастовать часа на два. Было пройдено ровно половина курса. Если такъ пойдетъ дальше, и Кузмину, при повтореніи, удастся составить конспектъ, то, Богъ дастъ, синенькій крестикъ придвинется къ нему еще на одну солидную дистанцію.

Дуня, увидавъ прояснѣніе на лицѣ суроваго барина, совсѣмъ было рехнувшагося надъ книжкой, весело зазвенѣла посудой, подавая жаркое. И самъ Кузминъ вспомнилъ о ея существованіи.

— Ну, какъ дѣла?—спросилъ онъ Дуню.

Та, видимо, не ожидала вопроса, и ея бездонно-черные глаза испуганно и въ то же время радостно сверкнули на желтомъ, слегка порозовѣвшемъ лицѣ.

— Чего-съ?—переспросила она.

— А вотъ чего-съ,—сыто и спокойно улыбаясь, сказалъ Кузминъ.—Поставь теперь же самоваръ, а потомъ къ ночи его подогрѣешь, да сходи-ка на уголъ за газетой. Я думаю малость отдохнуть.

— Слава тебѣ, Господи!—глуповато ухмыляясь, сказала Дуня,—только невеселый вамъ будетъ отдыхъ, биноклика-то барыня съ собой увезли.

— Что такое?—спросилъ Кузминъ.

А Дуня, неуклюже передерну въ плечами, уже быстро уходила съ посудой въ коридоръ.

Услыхавъ о биноклѣ, онъ вспомнилъ объ улицѣ, о сладостныхъ порываніяхъ волшебно-чуткаго вечера, бодро всталъ изъ-за обѣда и съ шумомъ распахнулъ окно. И сегодня былъ такой же теплый вечеръ, какъ двумя днями раньше, только прибавился великолѣпный запахъ дождя да просыхающія лужи на тротуарахъ. Верхніе этажи темно-коричневаго дома такъ же, какъ и тогда, были въ лихорадочно-красныхъ пятнахъ, но въ закрытыхъ окнахъ знакомой квартиры стоялъ молчаливый сумракъ.

Когда Дуня принесла газету и подала самоваръ, Кузминъ небрежно спросилъ ее:

— Скажи пожалуйста, ты не слыхала тамъ у себя на дворѣ, кто это живетъ напротивъ насъ въ первомъ этажѣ? Студенты какіе-то?

— А вотъ я возьму и не скажу!—странно присѣдая и разводя руками, сказала Дуня, попятилась назадъ и скрылась за дверью въ коридорѣ.

— Дуня, Дуня!—громко позвалъ Кузминъ.

Та сейчасъ же вернулась.

— Чего вамъ?—какъ-то лѣниво протянула она, берясь рукой за притолоку.

— Я не намѣренъ повторять по тридцати разъ,—сердито сказалъ Кузминъ.

— Да откуда я знаю? Живутъ себѣ и живутъ. Студентъ, говорятъ, съ женой, да барышня, сестрица женина, да еще студентъ какой-то... Откуда я-то знаю?..

— Да мнѣ больше ничего и не нужно!—весело воскликнулъ Кузминъ и подошелъ къ Дунѣ.—Вотъ что,—внушительно произнесъ онъ,—сходи къ кому-нибудь по парадной лѣстницѣ и попроси денька на два бинокль.

— Хи-хи-хи!—засмѣялась Дуня и убѣжала въ коридоръ.

— Дуня, Дуня!—закричалъ Кузминъ во все горло.

— Ну, что вамъ?—лѣниво идя назадъ говорила она.

— Ты слышала?

— Слышала, слышала,—какимъ-то страннымъ пронзительнымъ и стонущимъ голосомъ отвѣчала Дуня.

— Ну и что же?

— Не пойду я вамъ за биноклемъ, а вотъ какъ барыня пріѣдутъ, все имъ возьму да и выложу.

— Ахъ ты, эдакая!—не зная что сказать, произнесъ Кузминъ и, притворно сердясь, взялъ ее за локоть.

— Ай-ай-ай!—безсмысленно запищала она, полузакрывъ глаза и какъ-то бокомъ припадая къ его плечу.

«Что за чортъ!» подумалъ онъ, отстранилъ Дуню и молча ушелъ къ себѣ.

— Что за дьявольщина!—сказалъ онъ уже вслухъ у себя въ комнатѣ, тщательно закрывая двери въ столовую и въ корридоръ.

Кузминъ попробовалъ заниматься, но у него ничего не вышло. До глубокой ночи онъ то сидѣлъ за столомъ, то ходилъ по комнатѣ, двигая и переставляя мебель, безъ скуки и безъ мысли, съ одной какой-то неподвижной и тупой точкой въ сознаніи. Онъ ступалъ то вдоль, то поперекъ четырехъугольниковъ паркета, считалъ ихъ и пересчитывалъ, изобрѣтая все новыя и новыя комбинаціи хожденія черезъ квадратъ, черезъ два квадрата и т. п. Додумавшихъ до хода шахматнаго коня, онъ опомнился и рѣшилъ завтра же съѣздить въ университетъ, чтобы взять отсрочку.

XVI.

Кузминъ пріѣхалъ въ самый разгаръ экзамена первой группы. Въ актовомъ залѣ была большая толпа студентовъ. У столовъ, вблизи засѣдавшей коммиссіи, готовилось шесть человѣкъ, а трое экзаменующихся, какъ симметрично разставленные часовые, стояли передъ красной скатертью. Такъ же, какъ и въ день экзамена по уголовному праву, стѣна напряженнаго молчанія раздѣляла два враждебныхъ лагеря, такъ же лихорадочно перелистывались учебники и конспекты, такъ же за окнами сіялъ и переливался воздухъ, качая тонкія березовыя вѣтки, но въ атмосферѣ зала чувствовалась какая-то перемѣна. И молчаніе было суровѣе и глубже, и экзаменующіеся стояли у стола, какъ-то слишкомъ прямо вытянувъ руки, а у экзаменаторовъ положительно было новое и вмѣстѣ съ тѣмъ общее выраженіе лицъ. Что-то знакомое мелькнуло въ памяти Кузмина, когда онъ, прислонившись къ бѣлой полированной колоннѣ, внимательно вглядѣлся въ лица профессоровъ и предсѣдателя. Какъ на прошломъ экзаменѣ легко было прочитать на лицахъ экзаменаторовъ отраженіе предмета науки, сложнаго и подчасъ сухого, но все же одухотвореннаго волнующей и тревожной психикой преступленія, такъ сегодня великимъ покоемъ вѣяло вкругъ экзаменаціоннаго стола. Полное, выхоленное лицо предсѣдателя было неподвижно, дышало нескрываемой скукой, а на серьезныхъ, пергаментно-блѣдныхъ лицахъ профессоровъ точно лежалъ отпечатокъ далекой, ветхой, но величественной древности. Пластически-красивая система, спокойно и мелочно разграниченный укладъ мирной жизни народа—культурнаго, но примитивнаго, поэтически настроеннаго, но невѣжественнаго, великаго своимъ уваженіемъ къ свободѣ и достоинству человѣческой личности и въ то же время безпощаднаго къ

рабу и чужеземцу, — все это невидимо воскресало въ складкахъ классически-безстрастныхъ лицъ двухъ почтенныхъ профессоровъ и молодого приватъ-доцента.

Кузминъ подошелъ къ предсѣдателю, взялъ у него отсрочку, и когда возвращался отъ стола, то какой-то студентъ въ старенькой тужуркѣ нервно схватилъ его за рукавъ и спросилъ:

— Ну что, коллега, благополучно? Строго экзаменуютъ?

— Я не экзаменовался, а бралъ отсрочку,—отвѣчалъ Кузминъ.

А студентъ, уловивъ отвѣтъ на полусловѣ и скользнувъ по Кузмину машинальнымъ, невидящимъ взглядомъ, уже хваталъ за руку другого, такого же, какъ и самъ, растеряннаго и ничего не видящаго студента, дѣйствительно только что державшаго экзаменъ.

— Ничего, такъ себѣ,—отвѣчалъ тотъ, идя впередъ, судорожно разстегивая тужурку и засовывая чуть не за пазуху теперь уже ненужную программу.

Въ буфетѣ Кузминъ узналъ много новостей, пробѣжавшихъ холодными мурашками по спинѣ. По уголовному провалилось и, такимъ образомъ, выбыло изъ строя около ста человѣкъ. По римскому экзаменуютъ необычайно строго и сегодня уже четыре «неудовлетворительно». Требуютъ отвѣта систематическаго, а главное спокойнаго и связнаго.

— По уголовному еще можно было хватить съ плеча,—разсказывалъ Кузмину одинъ изъ «наслушавшихся» у колонны,— еще можно было поразить случайно зазубренной мелочью или текстомъ статьи закона, а тутъ — шалишь, приходится обсасывать конфетку. Красоты требуютъ, римскіе палачи, чтобъ имъ пусто было...

И Кузминъ, напуганный, умчался домой на извозчикѣ. По дорогѣ онъ думалъ: «Половина курса пройдена. Впереди опять почти цѣлая недѣля. Сегодня, завтра и послѣзавтра — вторая половина. Три дня на повтореніе и отдѣлку. Составлю конспектъ. Неужели не отзубрю?.. Впрочемъ, все это еще ничего, а вотъ стоять у стола... б-р-р»...

XVII.

Солнце съ набѣгающими молочно-бѣлыми тучками давало слегка затуманенную, мягкую, но безконечно-разнообразную игру тоновъ, переходовъ и линій. Въ перспективахъ улицъ, наполненныхъ колеблющимся и теплымъ воздухомъ, шипя, сверкая радужными брызгами, сплетались упругія струи поливки, а гдѣ-то выше мостовой, подъ самыми карнизами домовъ, отчетливо и звонко стучали колеса и копыта. Спущенныя парусиновыя маркизы ма-

нили въ сумрачную прохладу магазиновъ, дѣлали самую улицу живой, кокетливой и жеманной. И все это, вмѣстѣ съ говоромъ толпы, мельканіемъ женскихъ лицъ, разноцвѣтныхъ шляпокъ и зонтиковъ, за полчаса ѣзды, настроило Кузмина на какой-то новый ладъ. Хотѣлось самому быть шумнымъ, подвижнымъ и откровеннымъ, какъ улица, говорить съ незнакомыми людьми, широко жестикулировать и прямо смотрѣть въ глаза.

И когда онъ, вернувшись домой, прежде всего распахнулъ окно, то чуть не ахнулъ отъ радости—простой, мальчишеской и откровенной. Въ одномъ изъ оконъ знакомой квартиры, ярко освѣщенныя, стояли двѣ молодыхъ женщины въ восхитительныхъ легкихъ шляпкахъ — одна блондинка съ золотыми свѣтящимися волосами, другая—полный контрастъ первой, съ тяжелой и матовой массой черныхъ волосъ, тонкими и рѣзкими черными бровями. Обѣ — почти красавицы, если бы носъ блондинки не былъ вызывающе вздернутъ, а у брюнетки въ углахъ губъ не изгибалась слегка язвительная, мефистофельская складка. Молодыя женщины, очевидно, только что вернулись съ прогулки, не отходили отъ окна и стягивали съ рукъ перчатки.

Кузминъ, продолжая испытывать какое-то дѣтски-безстыдное, школьническое чувство, не могъ удержаться отъ улыбки, и что-то толкнуло его сдѣлать широкій театральный жестъ рукой, прижать ее къ сердцу и низко поклониться. Тамъ, видимо, не ожидали такой смѣлости, но и не испугались ея, и, хотя не отвѣтили на поклонъ, однако тоже улыбнулись и опустили глаза. Кузминъ тотчасъ почувствовалъ, что между нимъ и незнакомыми, молодыми женщинами рушилась преграда неловкости и предразсудка, что на той сторонѣ улицы вмѣстѣ съ мелодіей романсовъ льется жизнь цѣльная и сладостная своей студенческой простотой. Тогда онъ совершенно спокойно подошелъ къ столу, взялъ одинъ изъ листовъ бумаги, приготовленной для конспекта, и крупно, во всю длину написалъ двѣ строчки:

«Эти дни безъ васъ было скучно»!

И закрывъ одну половину оконной рамы, онъ прислонилъ листокъ къ стеклу. Придерживая листокъ рукой онъ стоялъ лицомъ на улицу, улыбался хорошей, откровенной и простой улыбкой и ждалъ. И вдругъ, безъ удивленія, но съ торжествомъ, онъ увидалъ, что и эта, казалось бы, неудобная шутка никого не разсердила. Брюнетка съ мефистофельской складкой губъ придвинулась ближе къ подоконнику, сощурила глаза и какъ-то притворно-озабоченно старалась прочесть написанное, а блондинка, уйдя въ глубину комнаты, скоро вернулась, и, оставаясь въ тѣни, смотрѣла въ бинокль. Потомъ обѣ женщины кивнули головой Кузмину, чтобы онъ снялъ бумагу. Онъ опустилъ листокъ, а моло-

дыя особы скрылись въ глубинѣ комнаты. Не прошло и минуты, какъ онѣ вернулись, причемъ брюнетка была впереди, а блондинка, смѣясь пряталась за ея спиной. Также захлопнулась одна половина окошка и посреди стекла появился большой бѣлый листокъ съ крупными печатными буквами.

Кузминъ напрягъ зрѣніе и прочелъ:

«Очень польщены».

Тогда онъ взялъ другой листокъ и написалъ: «Позвольте представиться—Кузминъ». Послѣдовалъ отвѣтъ: «Мы знаемъ, очень пріятно».—«Какъ зовутъ брюнетку?» спросилъ онъ тѣми же крупными синими буквами. Появилась отчетливая надпись: «Габріэль».—«А блондинка?»—«Марчелла».—«Вы итальянки?»—«Да».—«Сестры?»—«Да».—«Какъ ваши экзамены?» спросили его. «Будь они прокляты!» написалъ Кузминъ.

Пошли перекрестныя разспросы, изъ которыхъ выяснилось, что Марчелла замужемъ за студентомъ-технологомъ Погодинымъ, съ которымъ познакомилась въ Парижѣ, а Габріэль пріѣхала гостить къ нимъ на зиму. Другой студентъ—товарищъ Погодина и ихъ жилецъ. Поетъ романсы и аккомпанирудтъ на гитарѣ онъ; а на мандолинѣ иногда играетъ Габріэль. Выяснилось также, что сестры были наблюдательнѣе и любопытнѣе Кузмина, знали о немъ многое, знали, что онъ женатъ, имѣетъ ребенка (вопросъ: «какъ зовутъ маленькаго бэби»), который вмѣстѣ съ мамой и бабушкой отправлены на дачу.

Летѣли минуты, и бумага, приготовленная для конспекта, быстро таяла. Габріэль и Марчелла такъ увлеклись перепиской, такъ беззаботно смѣялись, что не замѣтили, какъ къ ихъ окну подошли двое технологовъ—очевидно мужъ Марчеллы и его товарищъ-жилецъ. Казалось, онѣ были немного смущены, пытались спрятать исписанные листки, потомъ, видимо, призналась во всемъ, смѣясь и перебивая другъ друга. Онѣ кивали на окно, за которымъ, въ углу, малодушно скрывался Кузминъ, стѣсняясь выглянуть. И оба студента, широко улыбаясь, шутливо грозя имъ пальцами, прошли въ подъѣздъ.

XVIII.

Кузминъ собралъ исписанную бумагу, прошелся по комнатамъ, не рѣшаясь приблизиться къ окну, и вдругъ что-то вспомнилъ, схватился за часы. Боже мой! Шесть часовъ, а учебникъ сегодня и не раскрывался; между тѣмъ, нужно обѣдать, писать домой письмо объ отсрочкѣ, чтобы не испугать телеграммой. Отъ сегодняшняго дня почти ничего и не останется. Скорѣй, скорѣй!

Онъ торопливо перелисталъ курсъ римскаго права, намѣчая

по программѣ билеты, загибая углы страницъ тамъ, гдѣ кончалась сегодняшняя, завтрашняя и послѣзавтрашняя доля подготовки, и все время порывался къ окну. Распредѣливъ остатокъ курса по билетамъ, Кузминъ прочелъ начало перваго изъ нихъ. Ничего, легко, все понятно, голова свѣжая и возбужденная. Три страницы онъ прочиталъ моментально. Потомъ неподвижная, упрямая мысль овладѣла имъ, и строчки учебника уплыли куда-то вдаль. «Подойти, или не подойти?»

И онъ смѣло подошелъ къ окну. Въ квартирѣ напротивъ спущены всѣ шторы. Не только спущены, но и тщательно обдернуты сбоковъ и снизу, чтобы и щелки не оставалось наружу. Смущенный Кузминъ постоялъ у окна, потомъ вглядѣлся. Въ уголкѣ, въ самомъ низу одной изъ шторъ, былъ пришпиленъ клочокъ бумаги, съ довольно крупными буквами, однако, не настолько, чтобы Кузминъ могъ прочитать простымъ глазомъ. Шторы не шевелились, записка могла уже давно дожидаться Кузмина. И въ какомъ-то испугѣ, что билетикъ могутъ снять, онъ побѣжалъ къ швейцару просить его достать гдѣ-нибудь бинокль. Бинокля не нашлось и Кузминъ, давъ швейцару денегъ, отрядилъ его на всѣхъ парахъ въ ближайшій оптическій магазинъ на Забалканскій. Пока ѣздилъ швейцаръ, Дуня подала обѣдъ.

Ея черные волосы были замѣтно взбиты и слегка надвинуты на лобъ, желтоватое лицо какъ-будто припудрено, а глаза, обычно матовые, какъ сажа, увлажены какимъ-то тайнымъ блескомъ. На Дунѣ была новая шелковая кофточка съ открытымъ воротомъ и короткими рукавами, обнажавшими красивую бѣлую шею и нѣжныя кисти рукъ. «Что за перемѣна?» подумалъ Кузминъ и спросилъ:

— Ты собираешься въ гости?

— Нѣтъ,—коротко и не глядя на него, сказала Дуня.

— Для чего же ты расфрантилась?

— Отчего же мнѣ не расфрантиться?—грубовато отвѣтила она и по своему передернула плечами.

Все время пока она прислуживала Кузмину, ея губы были странно надуты, а глаза, всегда смотрѣвшіе на него прямо и до жуткаго пристально, на этотъ разъ были устремлены куда-то въ сторону. «Что-то не ладное!» думалъ Кузминъ, съ любопытствомъ поглядывая на до сихъ поръ незнакомую бѣлизну рукъ и шеи. Потомъ швейцаръ привезъ бинокль, а Дуня подала послѣобѣденный чай. Кузминъ развязывалъ маленькій свертокъ, отрывалъ отъ бинокля пломбу. Дуня взглянула на покупку, потомъ ея взглядъ быстро скользнулъ по лицу Кузмина и снова отошелъ въ сторону.

— Ну, и что же теперь будетъ?—страннымъ, не то насмѣшливымъ, не то обиженнымъ тономъ произнесла она.

— Что такое, я не понимаю?—сказалъ онъ.

— Опять, значитъ, глаза будете наводить?

— Какое тебѣ дѣло? — смѣясь и направляясь къ себѣ въ комнату, говорилъ Кузминъ.

— А вотъ я барынѣ ужотка все разъясню,—мрачно заявила она и, громко звякнувъ тарелками, удалилась въ кухню.

На листкѣ, приколотомъ булавкой къ уголку шторы, Кузминъ прочелъ:

«Мужъ запретилъ мѣшать вамъ заниматься. Спокойной ночи. До завтра. М. и Г.».

Черезъ часъ онъ сидѣлъ за столомъ, и думалъ, и говорилъ, вслухъ:

«Такъ невозможно .. Что за идіотство?.. Сегодня же нужно... Что нужно? Что нужно?.. Во-первыхъ, забрать въ узду себя. Надо же имѣть волю!.. Семьдесятъ страницъ, хоть тресни, необходимо пройти... Мужъ запретилъ вамъ мѣшать... Ахъ, какъ весело жить на свѣтѣ!.. Прочь, дурацкія мысли! Итакъ, двадцать пятый билетъ, двадцать пятый билетъ... Ну, что двадцать пятый билетъ? Великолѣпно... Габріэль — маленькій Мефистофель... Марчелла замужемъ. Мужъ запретилъ... Жилецъ играетъ на гитарѣ».

Чтобы создать иллюзію ночи, Кузминъ уже съ семи часовъ закупорился отовсюду шторами и дверями, зажегъ лампу и низко опустилъ абажуръ. Въ груди стояло тягостное, нетерпѣливое, безтолковое чувство. Было тутъ и упрямство, и какія-то навязчивыя, безформенныя мысли, и борьба съ собой. Въ то же время отъ утренняго посѣщенія университета у Кузмина осталась какая-то инерція какой-то холодокъ испуга и пріятное щекочущее желаніе отзубрить курсъ и во всеоружіи предстать предъ грознымъ ареопагомъ. «У приватъ-доцента совершенно правильный римскій носъ,— вспоминалъ Кузминъ, — и сѣрое бритое лицо. Точь-въ-точь какъ у римскаго нотаріуса. Впрочемъ, были ли въ Римѣ нотаріусы?..»

— Ахъ, что за вздоръ! — громко произнесъ онъ, мучительно сжимая руками голову.

Въ рѣзкомъ свѣтовомъ кругу отъ абажура лампы не хватало воздуха, было какъ-то томительно, душно. Слишкомъ громко тикали лежавшіе на столѣ часы. Очиненный съ двухъ сторонъ красно-синій карандашъ казался толстымъ, какъ бревно, и точно силился разорваться пополамъ. А въ глубину правильно вычерченнаго ромба съ синимъ крестикомъ можно было бы налить воды. «Почему воды, почему воды?.. Ахъ ты, Боже мой», спохватывался Кузминъ, выпрямляясь и протирая глаза, отчего и карандашъ, и синій крестикъ принимали нормальные размѣры.

Онъ разстегнулъ воротникъ рубашки, натеръ одеколономъ виски и, сначала ничего не понимая, останавливаясь на каждомъ

словѣ, а затѣмъ съ жестокимъ надрывомъ воли, шагъ за шагомъ, глава за главой быстро пошелъ впередъ. А для того, чтобы не отвлекаться, «держать себя въ уздѣ», онъ придумалъ особое «memento»: вынулъ изъ конверта и положилъ рядомъ съ учебникомъ послѣднее письмо матери съ жирно подчеркнутыми краснымъ карандашомъ строками: «Папаша носился съ твой телеграммой по всей квартирѣ, и чуть не танцовалъ отъ восторга».

XIX.

Проснувшись въ одиннадцать часовъ, Кузминъ поспѣшно одѣлся и съ биноклемъ подошелъ къ окну. Устанавливая стекло по глазамъ, онъ видѣлъ, какъ большой, странно-движущійся и темный квадратъ постепенно прояснился, надвинулся и замеръ въ двухъ шагахъ отъ него, маня прохладной полутьмой. Онъ перевелъ бинокль на другое окно и отъ неожиданности обомлѣлъ. Прямо въ упоръ ему блистали лучистые свѣтло-каріе глаза съ капризно загнутыми рѣсницами, сіяли свѣжестью матово-розовыя щеки и улыбались губки, тонкія и влажно-алыя, съ мефистофельской складкой.

Съ какимъ-то испугомъ Кузминъ опустилъ бинокль и увидалъ Габріэль, смѣющуюся, киваюшую головкой. Онъ раскланялся и сдѣлалъ театральный жестъ рукой. Ему отвѣтили такимъ же поклономъ и жестомъ. И въ ту же минуту рядомъ съ Габріэлью появилась Марчелла. Кузминъ вторично поклонился и поспѣшно навелъ бинокль... Скользнуло блѣдное, немного пухлое личико съ роскошнымъ золотомъ волосъ и исчезло. Кузминъ опустилъ бинокль и увидалъ грозящій изъ-за спины Габріэли пальчикъ. Онъ умоляюще развелъ руками и снова взялся за бинокль. Тогда быстро упала штора. Кузминъ прождалъ минуту. За штору просунулся листокъ бумаги съ крупными печатными буквами: «Вы нескромны». Онъ быстро написалъ: «извиняюсь», приставилъ бумагу къ окну и отошелъ, потомъ вернулся. Штора качалась наверху, и обѣ женщины, улыбаясь, стояли рядомъ. «Какъ ваши занятія?» появился вопросъ и завязался перекрестный разговоръ. Кузминъ разошелся, проклиналъ экзамены, писалъ, что онъ очарованъ. Габріэль и Марчелла безъ тѣни смущенія наивно спрашивали: «Кѣмъ?» Онъ отвѣчалъ: «Вами». — «М. или Г.?» спросили его. Онъ отвѣтилъ: «Обѣими». Черезъ полчаса бесѣды появилась грозная надпись: «Довольно, до вечера», и упали шторы.

До обѣда Кузминъ чередовалъ занятія съ машинальнымъ хожденіемъ изъ угла въ уголъ, счетомъ паркетныхъ четырехъ-угольниковъ, передвиганіемъ мебели и разглядываніемъ себя въ зеркало. Кое-какъ было пройдено страницъ 30.

За обѣдомъ на Дунѣ была вчерашняя новая кофточка, волосы взбиты еще пышнѣе, и цвѣтокъ красной гвоздики вколотъ около уха. Кузминъ внимательно и съ какимъ-то страхомъ посматривалъ на Дуню, и тайная, брезгливо-жуткая догадка закрадывалась ему въ душу. Онъ вспомнилъ вчерашній разговоръ о биноклѣ, надутыя губы прислуги, оттѣнки ея голоса, и вдругъ мысль опредѣленная, тошнотворная, какъ желтое лицо Дуни, и неподвижно тяжкая, какъ выраженіе ея глазъ, остановилась у него въ мозгу. «Ну, конечно, здравствуйте, ничего не можетъ быть проще», подумалъ онъ, разсерженно стукнулъ тарелкой и неожиданно для себя произнесъ:

— Къ чорту!..

Дуня полупритворно, полуиспуганно вскрикнула.

— Послушайте,—сказалъ онъ почему-то на «вы»,—нельзя ли не устраивать маскарадовъ! Кофточки какія-то, цвѣты... Что за гадость!

Дуня оторопѣла и чуть не выронила посуды.

— То-есть что это?—недоумѣвающимъ и обиженнымъ тономъ спросила она.

— Вы отлично понимаете,—сказалъ Кузминъ,—и я бы попросилъ васъ, чтобы этого больше не было. Къ чорту!

— Мнѣ просто, баринъ, ни къ чему. Это даже довольно стыдно съ вашей стороны, что вы говорите.

Кузминъ опомнился и сказалъ:

— Что такое? Въ чемъ дѣло? Давай-ка, матушка, чай.

И когда она ушла, твердя про себя какимъ-то всхлипывающимъ голосомъ: «Вотъ еще новости, скажите пожалуйста», Кузминъ сконфуженно прошелся по комнатѣ и подумалъ: «Что за ерунда, и съ чего это я расходился». Но чувство, похожее на нетерпѣніе, какой-то нудный безпорядокъ мыслей, вмѣстѣ съ шумомъ въ вискахъ, охватывали и душили его..

Дуня подала чай. Ея глаза были слегка заплаканы, но веселы. Она смотрѣла на Кузмина своимъ прежнимъ пристальнымъ, ничего не выражающимъ взглядомъ, и какія-то искорки вспыхивали и потухали въ глазахъ. Этотъ взглядъ гипнотизировалъ и былъ тяжелъ, какъ блескъ болота ночью, а въ болѣзненно-желтомъ цвѣтѣ лица было что-то горячечное, вызывающее и страхъ, и одурь. Въ связи съ догадкой, мелькнувшей у Кузмина, этотъ взглядъ Дуни и тайная теплота ея щекъ и яркій цвѣтокъ гвоздики въ пышномъ локонѣ надъ ухомъ,—все это внушало какую-то брезгливость, отталкивало и вмѣстѣ съ тѣмъ манило упрямымъ, противорѣчивымъ и жуткимъ чувствомъ. Кузминъ всталъ изъ за стола. Дуня молчала, держась за притолку въ дверяхъ, и не уходила. Онъ безсознательно двинулся къ ней. Дуня смотрѣла на него пристально, слегка покраснѣла и не улыбалась.

— Уходи вонъ! Что тебѣ нужно?—крикнулъ онъ на полдорогѣ и весь задрожалъ отъ гнѣва, обиды и какого-то самолюбиваго стыда, нахлынувшаго на него съ невѣдомою силой.

Кузминъ стремительно прошелъ къ себѣ, выпилъ стаканъ воды и преслѣдуемый неотступной мыслью, страшной своей новизной и уродливой, какъ обрывокъ кошмарнаго бреда, взялъ шляпу, надѣлъ пальто и выбѣжалъ изъ квартиры.

Онъ нанялъ извозчика и цѣлыхъ два часа ѣздилъ по городу, недоумѣвающій, растерянный, почти разбитый. Положительно онъ боленъ. Что за постыдная слабость нервовъ, что за безтолковые скачки мысли, отсутствіе солидности, выдержки. Какая-то институтская переписка, глазѣніе въ бинокль, когда черезъ пять дней послѣдній срокъ экзамена, какія-то нелѣпыя подозрѣнія и чуть не мистическій страхъ передъ глупой бабой, досидѣвшейся до чортиковъ у кухоннаго окошка. Надо же, наконецъ, работать. Сегодня же онъ пройдетъ остатокъ курса до конца. Пусть это будетъ для него испытаніемъ. Иначе онъ въ неоплатномъ долгу передъ самимъ собой, передъ своей совѣстью.

Вернувшись домой, дѣйствительно, пристыженный, серьезный, Кузминъ, не глядя на Дуню, спокойно приказалъ ей подать самоваръ и оставить его на всю ночь въ столовой. Онъ сдержалъ слово и, почти не разгибаясь, живо, возбужденно, страстно работалъ до утра. И незамѣтно подошелъ конецъ громаднаго ефимовскаго курса.

XX.

Когда Кузминъ проснулся, швейцаръ подалъ ему небольшой темно-синій конвертъ съ золотой декадентской головкой. Онъ вскрылъ конвертъ и вынулъ листокъ такой же синей бумаги, отъ котораго сильно пахло духами.

Въ письмѣ стояло:

«Monsieur Pierre! Вы прочтете эти строки, когда насъ уже не будетъ въ городѣ. Мы уѣзжаемъ на недѣлю къ знакомымъ на дачу. Очень сожалѣемъ, что наша милая переписка должна на время прекратиться. Можетъ быть, это и къ лучшему—все-таки мы вамъ мѣшали заниматься. Желаемъ вамъ всякаго успѣха. Конечно, черезъ недѣлю увидимся.

«Ваши искренніе друзья Габріэль и Марчелла».

Въ золотой декадентской головкѣ съ пышными волосами было отдаленное сходство съ Марчеллой, а въ запахѣ духовъ, которыми была пропитана записка, таилось что-то острое, язвительное, странно вызывавшее образъ Габріэли, капризный изгибъ ея бровей и мефистофельскую складку губъ. Впослѣдствіи, вспоминая

свое знакомство съ молодыми сосѣдками, Кузминъ ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что составляло поэтическую прелесть этого знакомства, ничѣмъ не кончившагося, не перешедшаго даже за предѣлы узкой уличной мостовой. И ему было совершенно понятно, что весь секретъ—въ этой границѣ, раздѣлявшей его отъ молодыхъ, очаровательныхъ женщинъ, въ манящемъ полумракѣ чужой квартиры, въ обманчивомъ приближеніи стеклами бинокля подвижныхъ и неуловимыхъ образовъ. Но сегодня извѣстіе о разлукѣ на цѣлую недѣлю опечалило Кузмина, тѣмъ болѣе, что хорошенькія головки итальянокъ врывались контрастомъ въ прозаическую скуку зубрежки, отупѣлаго хожденія изъ угла въ уголъ, и звучали кристально-тонкой весенней ноткой въ общей симфоніи внѣшней, влекущей и многозвучной жизни.

Вотъ почему мрачный, пасмурный день, встрѣтившій Кузмина вмѣстѣ съ темно-синимъ конвертомъ, показался ему еще мрачнѣе. Прежде чѣмъ приняться за повтореніе курса, онъ позволилъ себѣ рѣдкую роскошь и послалъ Дуню за газетой, которую читалъ отъ доски до доски часа два. Затѣмъ онъ долго разглядывалъ программу римскаго права, силясь возстановить цѣликомъ, хотя бы безъ подробностей, стройность великой системы. Затѣмъ нарѣзалъ изъ бумаги билетовъ и перенумеровалъ ихъ. Такъ ушло время до завтрака.

Послѣ завтрака Кузминъ подошелъ къ окну, распахнулъ его на минуту. Было очень холодно, несмотря на первый майскій день, а отъ противоположныхъ оконъ, черныхъ, завѣдомо опустѣвшихъ, вѣяло еще большимъ холодомъ.

Заниматься, работать!

Въ шесть часовъ, во время обѣда, небо обложили такія сплошныя и черныя тучи, что въ квартирѣ стало темно, какъ ночью. Не шелъ дождь, не разражалась гроза, и тишина, стоявшая за окнами, казалось, проникла въ комнаты вмѣстѣ съ тьмою, наполнила углы, залегла въ наклонахъ картинъ, надвинулась со всѣхъ сторонъ на Кузмина. Онъ не догадывался зажечь лампы, хотя почти не видѣлъ того, что ѣлъ. И ему чудилось, что отъ матово-черныхъ глазъ Дуни, безъ малѣйшаго блеска, отъ случайно надѣтой черной кофточки окружающій мракъ сдѣлался гуще, а его настроеніе напряженнѣе. Дуня молчала, молчалъ Кузминъ. И тарелки сегодня стучали глухо. Кончился обѣдъ, тучи не разсѣивались, Кузмину все не приходило въ голову зажечь лампы. Онъ бродилъ по комнатамъ, дотрогивался до мебели, которая сегодня не казалась ни живой, ни теплой, молчала той же густой и мрачной тишиной. И Кузмину хотѣлось брести куда-то, искать причудливо-новыхъ очертаній—сѣрыхъ, закутанныхъ, притаившихся и ждущихъ.

. .

Незамѣтно онъ свернулъ въ корридоръ, въ концѣ котораго едва выдѣлялась стеклянная дверь въ кухню. Что влекло его впередъ, что наполняло безпредметнымъ, тайно-лихорадочнымъ ожиданіемъ, отталкивало и манило, внушало отвращеніе и любопытство?.. Да, онъ это зналъ, но всякая борьба была придавлена мрачной тишиной и тьмою, властью деспотически-знакомыхъ стѣнъ, угловъ и закоулковъ. Жутко стучало сердце, Кузминъ хотѣлъ вернуться назадъ, но шелъ впередъ...

Онъ отворилъ дверь въ кухню. Та же сѣрая, закутанная полутьма... У окошка, противъ обыкновенія никого не было. Слегка шумѣлъ поставленный около плиты самоваръ. Потомъ послышался шорохъ за деревянной перегородкой, отдѣлявшей уголъ для прислуги, отодвинулась ситцевая занавѣска, и появилась Дуня. Не было видно ея темнаго платья, едва бѣлѣло лицо, черные волосы рисовались уклончиво, сливаясь съ тьмою. Дуня молчала, точно не удивилась его приходу. Онъ стоялъ противъ нея, пристально всматривался, и уродливыя темно-сѣрыя закутанныя тѣни плыли мимо его глазъ, сливались, приближались, уходили въ даль, приближая и отдаляя Дуню.

— Вамъ самоваръ, баринъ?—спросила она откуда-то издали, лѣниво поднимая руки, чтобы поправить прическу.

И звукъ ея голоса былъ глухъ, словно придавленъ тьмою. Кузминъ подошелъ въ упоръ, увидѣлъ ея лицо, незнакомое, странно-плоское и большое.

— Да, да, да, самоваръ, мнѣ нужно самоваръ,—машинально и глухо твердили его губы.

И тайная теплота ея щекъ, какой-то уютный и теплый запахъ черной шерстяной кофточки, гибкая сила рукъ, сухихъ горячихъ, судорожно, но безъ сопротивленія, охватившихъ его шею,—все утонуло въ смѣшанномъ ощущеніи больной, кошмарной одури, отвращенія и сладостно-жуткаго любопытства...

XXI.

Кузминъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ на диванѣ. На окнахъ бѣлѣли спущенныя шторы, освѣщенныя лампой. Опредѣленно и скучно выдѣлялись письменный столъ, книжныя полки, мебель въ чехлахъ, картины. Онъ сидѣлъ и остро-внимательнымъ взоромъ продолжалъ вглядываться въ окружающіе предметы... Ахъ, какъ все съежилось, обезцвѣтилось и посѣрѣло, утратило выпуклость и блескъ въ глазахъ Кузмина. И комната казалась ему слишкомъ бѣдной, и картины висѣли криво и потолокъ былъ грязенъ, и обои мѣщански-пошлы. А главное отъ всего вѣяло такимъ холодомъ, все было такъ неуютно, мертво и сухо такъ отдѣльно

отъ Кузмина и чуждо ему, точно онъ никогда здѣсь не жилъ. Онъ подошелъ къ столу, перелисталъ нѣсколько страницъ учебника,—ясныя, отчетливыя строки, умныя, равнодушныя, никому ненужныя слова. Онъ развернулъ альбомъ съ карточками близкихъ,—хорошія, но для него безразличныя, чужія лица. Тогда Кузминъ отодвинулъ штору, поглядѣлъ на улицу и вспомнилъ о Габріэли и Марчеллѣ. Ихъ силуэты выплыли изъ мрака на секунду, какъ прелестныя, но безжизненныя, лишенныя влекущаго интереса, картинки. Онъ попробовалъ думать о женѣ, стараясь вызвать ея образъ, представить теплоту и формы ея тѣла, ея голосъ, ласки, и все это рисовалось какими-то отвлеченными контурами. Между тѣмъ его мозгъ былъ возбужденъ и ясенъ, и мысли текли размѣренно, логично, съ убійственно-равнодушной правильностью какого-то чуждаго механизма. И въ этой странной объективности, въ обезцѣненіи привычныхъ цѣнностей, въ потускнѣніи красокъ чудилась Кузмину какая-то разгадка, страшная, какъ смертный приговоръ надъ человѣкомъ. Неужели, неужели? Но и это не волновало его, и мысль о томъ, что вся живая матерія, весь спектръ красокъ, вся человѣческая исторія, всѣ великія цѣли прорѣзаны единой главной цѣлью грубаго наслажденія, дающаго цвѣтъ и смыслъ жизни — эта мысль казалась ему совершенно нормальной. Ему даже пріятно было думать объ этомъ, и онъ невольно вспомнилъ, какъ иногда въ подобныя минуты ему хотѣлось отвлеченныхъ размышленій и съ какимъ, напримѣръ, удовольствіемъ онъ брался за какую-нибудь трудную шахматную или математическую задачу.

Кузминъ сѣлъ за столъ и взялъ программу Римскаго права, на угадъ выхватилъ изъ курса билетъ. Какъ весело было перелистывать страницы и какъ легко шагъ за шагомъ, припоминались сухія, игрушечныя мелочи попавшейся ему главы.

Вдругъ у него съ силой забилось сердце и въ груди сдѣлалось холодно, тоскливо и страшно. Тѣ подробности сегодняшняго вечера, къ которымъ онъ какъ-то случайно не возвращался, вдругъ выплыли изъ мрака. И было вызвано это слабымъ шумомъ въ столовой. Съ великой ясностью, въ одно мгновеніе Кузминъ припомнилъ, что произошло часъ тому назадъ, и всѣ свои прежнія будничныя и незначительныя столкновенія съ женщиной, которая неожиданно сдѣлалась ему близкой. И попрежнему образъ Дуни, ея желтыя щеки, чрезмѣрно большой и выпуклый лобъ, тупая непроницаемость взора ничего не вызвали въ немъ, кромѣ чувства, похожаго на болѣзненную брезгливостъ. «Богомазная мордочка», ни съ того, ни съ сего вспомнилось ему.

Кто-то продолжалъ ходить по столовой. «Она»—думалъ Кузминъ, и весь ужасъ новаго, случайно созданнаго положенія вста-

валъ предъ нимъ съ гнетущей скукой, тяжестью насильной зависимости отъ чуждаго и случайно-близкаго человѣка. Тихонько постучали въ дверь. Кузмина охватило отчаяніе, стыдъ и мертвенно упала душа. Стукъ раздался снова.

— Ну что? — не своимъ голосомъ спросилъ онъ и двинулъ стуломъ.

Отворилась дверь, и вошелъ Егоръ Иванычъ.

— Ахъ,—радостно и облегченно вздохнулъ Кузминъ, не вѣря своимъ глазамъ.

Въ рукахъ Егора Иваныча была продолговатая обвязанная и обернутая бумагой—корзинка, а самъ онъ смѣялся легковѣснымъ дурашливымъ смѣхомъ, который свидѣтельствовалъ о томъ, что у него есть деньги и что жизнь въ настоящій моментъ представляется ему сплошнымъ прекраснымъ ресторанομъ.

— Ну, конечно, занимается, зудитъ, увлекся и ничего не слышитъ,—началъ Егоръ Иванычъ,—а я думаю, чорта ли мнѣ ѣхать на дачу, когда тамъ люди ничего настоящаго не смыслятъ: яичвицу подаютъ безъ укропу, водку держатъ чуть не въ печкѣ, а пива прямо ни за какія деньги не достать. Чортъ побери-то въ самомъ-то дѣлѣ! Вотъ и зашелъ къ нему посмотрѣть, что онъ несчастный дѣлаетъ. Ну, понятное дѣло, зубритъ.

Кузминъ тоже улыбался, смотрѣлъ попеременно то на тестя, то на желтый свертокъ и говорилъ:

— Воображаю, чего только вы ни навезли.

— А вотъ не угадаешь, держу пари. Тутъ есть одна такая фильтикультяпистая штука, что ни за что не угадать.

— Раки?—спросилъ Кузьминъ.

— Нѣтъ.

— Болгарскій перецъ?

— Экая, подумаешь, вещь — раки, болгарскій перецъ! Тутъ братъ, почище перца! Тутъ, во-первыхъ, есть такой бальзамчикъ, что во рту будетъ прямо садъ, форменный настоящій садъ, съ деревьями, клумбами, со скамейками, чортъ побери-то въ самомъто дѣлѣ! Закуски я даже и не считаю, — конечно, и перецъ, и всякая всячина... Нѣтъ, есть у насъ сегодня эдакая бутылочка, солидненькая, бѣленькая, квадратненькая...

— Джинджеръ,—сказалъ Кузминъ.

— Ге-ге-ге, угадалъ-таки, ге-ге-ге!

До глубокой ночи затянулось пиршество, причемъ Егоръ Иванычъ безъ конца распространялся на гастрономическія темы; разсказывалъ невѣроятныя легенды о тысячелѣтнихъ винахъ и такихъ поистинѣ «фильтикультяпистыхъ» закускахъ, что Кузмину становилось страшно. И онъ съ удовольствіемъ пилъ сначала водку съ «бальзамчикомъ», отъ котораго у него во рту появлялся садъ

съ деревьми и клумбами, а затѣмъ—ядовито-вкрадчивый ликеръ джинджеръ. Между тѣмъ Дуня, появляясь въ столовой, тихонько изъ-за спины Егора Иваныча улыбалась Кузмину; проходя мимо него, задѣвала его грудью или локтемъ, а мѣняя у него тарелку, нагибалась надъ нимъ низко-низко, причемъ онъ ощущалъ ея дыханіе и какой-то беззвучный шопотъ. «Боже мой, что дѣлать, куда бѣжать?» болѣзненно думалось ему, и онъ пьянѣлъ, нарочно подливая себѣ ликеръ, стремясь забыться и ничего не видѣть.

Наконецъ Егоръ Иванычъ утомился, прилегъ «на минуточку, на одну только секундочку» на холодный клеенчатый диванъ, и тотчасъ же заснулъ съ блаженно раскрытымъ ртомъ.

Кузминъ, пошатываясь поднялся изъ-за стола, повернулъ лицо къ своей комнатѣ и увидалъ Дуню. Она стояла въ дверяхъ на цыпочкахъ, приложивъ палецъ къ губамъ, и указывала Кузмину глазами на Егора Иваныча. На Дунѣ уже не было бѣлаго передника, распущенные волоса падали на плечи, а тонкая ситцевая кофточка колебалась отъ ея дыханія.

И снова больная кошмарная одурь нахлынула на Кузмина съ притягивающей и отталкивающей силой...

XXII.

На другой день Кузминъ, угрюмый, странно уравновѣшенный и злой стоялъ передъ письменнымъ столомъ и мысленно разсчитывалъ, успѣетъ онъ или не успѣетъ составить конспектъ по римскому праву. Брезгливо передергивая плечомъ, онъ гналъ отъ себя мысль о проведенной ночи и не замѣтилъ, какъ въ комнату вошла Дуня. Вошла она тихонько, на цыпочкахъ, и сзади охватила руками его глаза. И эта шутка показалась ему фамиліарной, плоской и обидной до горечи. Онъ отстранилъ ея руки и мрачно взглянулъ ей въ лицо.

— Хи-хи-хи!—засмѣялась Дуня.

Въ этомъ смѣхѣ звучала новая нотка какого-то превосходства, выпуклый лобъ Дуни казался откровенно-наглымъ, а желтый цвѣтъ лица и несвѣжій кухонный передникъ вызывали въ Кузминѣ брезгливое, тошнотворное чувство.

— Ахъ,—сказалъ онъ, теряя разсудокъ отъ внезапнаго приступа бѣшенства и потянулся къ массивному, чугунному пресъ-папье.

— Баринъ, голубчикъ, вы что это?—испуганно и простодушно сказала Дуня.

Кузминъ вдругъ опомнился и подошелъ къ ней.

— Дуня,—произнесъ онъ съ трясущимися челюстями,—вотъ я... собственно... видишь ли, ты должна понять. Я не знаю, какъ

все это случилось, но дальше это невозможно... Какъ тебѣ объяснить... неравенство...

Она иронически улыбалась, качала головой, смотрѣла на него пристально и прямо. Въ эту минуту съ улицы послышался стукъ подъѣхавшаго экипажа. Дуня подбѣжала къ окну и вскрикнула:

— Ай, батюшки, барыня!

Она суетливо бѣгала по комнатѣ, осматривала ее и говорила.

— Не сердись, Петруша, вотъ ужотка все перетолкуемъ.

Раздался звонокъ, Дуня отперла дверь, и Ниночка оживленная, сіяющая впорхнула въ комнату.

— Здравствуй, моя цыпа!—щебетала она цѣлуя мужа,—ты не можешь себѣ представить, какъ я о тебѣ соскучилась. Ну, что это, Петичка, за мученіе! Одна, одна, одна, хоть бы скорѣй кончались противные экзамены! Ну, какъ у тебя дѣла, хорошо ли ты занимался?.. Ай!—испуганно вскрикнула она, что-то увидавъ, и замолчала.

Кузминъ даже вздрогнулъ. Появленіе жены, ея привѣтливая радость внесли рѣжущую боль въ его раздраженное, стыдное и какое-то голое чувство. Но все-таки минутнымъ освобожденіемъ повѣяло на него вмѣстѣ съ голосомъ жены и запахомъ весенняго воздуха, который она принесла съ собой. Ея внезапный крикъ немного смутилъ его, ибо въ самомъ оттѣнкѣ этого крика онъ угадалъ его причину. Ниночка стояла у стола и въ одной рукѣ держала новенькій бинокль, а въ другой синій листокъ бумаги съ золотой декадентской головкой.

— Петичка! что это? У тебя опять бинокль, какая-то раздушенная записка, — плачущимъ голосомъ говорила она, а въ ея дѣтскихъ глазахъ цвѣта васильковъ стояли слезы.

— Ахъ, Боже мой, какіе пустяки! — произнесъ Кузминъ искреннимъ и бодрымъ голосомъ.—Да я тебѣ все сейчасъ разскажу.

И онъ описалъ ей свое поэтическое знакомство съ итальянками, начавъ съ того, что Марчелла замужемъ, и невольно привравъ, что Габріэль невѣста жильца-студента.

— Представь себѣ, Ниночка, — говорилъ Кузминъ, самъ совершенно вѣря въ свою искренность,— такая же молодая пара какъ мы, также у мужа экзамены, ну развѣ ну естественно ихъ участіе ко мнѣ?

— Однако,—возразила Ниночка,—технологи ни съ кѣмъ, навѣрное, не переглядывались, а занимались себѣ.

— Ахъ, какіе пустяки, не со мной же имъ было переглядываться.

Та уже сдавалась, успокоенная, но все-таки говорила:

— Ну, положимъ, что не пустяки...

— Вѣрно, вѣрно, барыня, очень даже не пустяки,—раздался

протяжный, стонущій голосъ, отъ котораго Кузминъ поблѣднѣлъ, какъ полотно.

На порогѣ стояла Дуня. Ниночка обратила къ ней лицо.

— Пожурите хорошенько барина, пожурите, — стараясь избѣжать остраго, ненавидящаго взора Кузмина, продолжала Дуня, — а то они тутъ безъ васъ отъ окошка не отходили. Съ биноклемъ всѣ съ ногъ сбились, а Михайла такъ даже ѣздилъ за нимъ на извозчикѣ. Ишь какъ ловко придумали — пустяки... Хорошенько ихъ, барыня!

— Совершенная идіотка! — сквозь зубы сказалъ Кузминъ.

Жена растерянно смотрѣла то на него, то на прислугу, а въ глазахъ Дуни Кузминъ съ отвращеніемъ и ужасомъ увидалъ слезы, странно похожія на тѣ, которыя только что блестѣли въ васильковыхъ глазахъ Ниночки. «Какая наглость, какая наглость», думалъ онъ, пронзительно и злобно глядя на это желтое, постное, вдругъ постарѣвшее лицо съ высокимъ выпуклымъ лбомъ.

— Совершенная идіотка!—смѣлѣе повторилъ Кузминъ и сразу почувствовалъ, что если сейчасъ не удалится Дуня, то можетъ произойти сцена — пошлая, безобразная, унизительная, которая тѣснѣе затянетъ и безъ того тѣсное кольцо его обезличенной жизни.

Онъ призвалъ къ себѣ всю твердость, на какую былъ способенъ, отошелъ къ окну, и тихо, но авторитетно произнесъ по-французски:

— Eloignez cette bête, je vous en prie!

— Дуня, уйдите, намъ... намъ некогда, — растерянно сказала Ниночка.

Та удалилась, а Кузминъ повернулся отъ окна и произнесъ усталымъ тономъ:

— Положительно это животное меня изводитъ цѣлыми днями,— безтолкова, надоѣдлива и упряма. Я долженъ поблагодарить тебя, Ниночка, за эту цапу. И притомъ, ты знаешъ, ея ужасный лобъ, глаза, серьезно, начинаютъ дѣйствовать на настроеніе: вечерами прямо жутко... А это, напримѣръ, вмѣшательство? Очевидно, подслушивала. Ну, допустимъ, я смотрѣлъ въ бинокль—и, конечно, ты сама понимаешь, не цѣлыми днями — ей-то какое дѣло?

— Потерпи нѣсколько дней,—сказала жена,—я и сама вижу: въ квартирѣ грязь, безпорядокъ, постель не убрана... Вотъ я посовѣтуюсь съ мамой, и откажу ей.

XXIII.

Когда Ниночка, совершенно успокоенная убѣдительнымъ и твердымъ тономъ мужа, собралась уѣзжать домой, она стыдливо улыбнулась и спросила:

— Петя, ты не разсердишься на мою просьбу?

— Ну, что?

— Вотъ, ты будешь опять смѣяться, ну и смѣйся, Богъ съ тобой, а все-таки сдѣлай. Милый! Когда будешь, отправляться на экзаменъ,—ну что тебѣ стоитъ?—положи въ портфель... Вотъ ты смѣешься, а между тѣмъ вѣдь прошлый разъ тебѣ помогло! Мнѣ всегда, всегда въ гимназіи помогало. Образки мамашины, а мамаша тебя такъ любитъ, сдѣлай это хоть для нея... Ну, и лапку. Это, право, хорошая, добрая лапка, она тебѣ вытянетъ легкій-прелегкій билетъ.

Кузминъ благодушно смѣялся и провожалъ жену въ переднюю. Захлопнулась парадная дверь, и повернувшись, онъ увидалъ въ концѣ корридора Дуню. Точно спасаясь отъ разбойниковъ, онъ проскользнулъ въ свою комнату и съ торопливостью отчаянія заперся съ обѣихъ сторонъ на ключъ. Онъ затаилъ дыханіе и ждалъ. Зашевелилась одна изъ дверныхъ ручекъ, послышался дробный стукъ. Онъ молчалъ, Дуня перешла къ другой двери, постучала снова.

— Баринъ, а баринъ! откройтесь, уѣхала, — говорилъ монотонный, постный голосъ.

— Хорошо, черезъ полчаса! — крикнулъ онъ.

— Ну, ладно, — протянула Дуня.

«А теперь бѣжать!» думалъ Кузминъ, вытирая пыль съ маленькаго сакъ-вояжа, съ которымъ обыкновенно ходилъ въ баню. Дрожащими руками онъ собиралъ учебникъ, бумагу, карандаши, полотенце, зубную щетку, сунулъ въ саквояжъ нѣсколько крахмальныхъ воротничковъ, порылся въ письменномъ столѣ, у себя въ карманахъ. Кажется, ничего не позабыто. Потомъ Кузминъ написалъ на всякій случай записку Егору Иванычу: «На два дня переѣхалъ зубрить къ товарищу. До скораго свиданія въ день экзамена, послѣзавтра». О портфелѣ съ образками и куриной лапкой онъ такъ и не вспомнилъ. Надѣвъ шляпу и взявъ саквояжъ, онъ тихонько отперъ дверь. Дуни не было видно. Онъ поспѣшно надѣлъ пальто и, крадучись, прошелъ на лѣстницу. Тамъ онъ позвалъ швейцара, передалъ ему записку, три рубля денегъ и сказалъ:

— Я уѣзжаю на два дня. Записку отдашь Егору Иванычу, а деньги Дунѣ.

И выйдя изъ подъѣзда онъ почти добѣжалъ до ближайшаго извозчика.

Онъ, не торгуясь, сѣлъ и назвалъ адресъ случайно пришедшихъ ему на память меблированныхъ комнатъ на Невскомъ.

Былъ холодный, но солнечный день, съ небольшимъ, но суровымъ вѣтромъ, и улица бѣжала навстрѣчу Кузмину, отчетливо

освѣщенная и строгая. Какъ просто, какъ легко разрѣшилась задача. Не только Дуня, но и все скучное, ненужное, тягостное, съ чѣмъ онъ не могъ бороться дома, что вызывало въ его душѣ затаенный бунтъ, отходило отъ него вмѣстѣ съ мелькающими окнами, переулками и магазинами. А что если сдѣлать дальнѣйшій опытъ? А что если и другое, многое, отбросить отъ себя съ такой же легкостью? Кузминъ думалъ и смотрѣлъ на небо, но тамъ было прозрачно, холодно и пусто. Онъ оглядывался по сторонамъ, смотрѣлъ въ спину извозчика и отчего-то ему становилось ясно, что всѣ эти тревоги и мелкія житейскія дѣла остаются въ немъ самомъ, никому не интересны, не нужны, и никто, кромѣ него самого, не дастъ ему отвѣта. «Послѣзавтра экзаменъ, крайній срокъ,—размышлялъ Кузминъ,—что-жъ, и прекрасно. Конспектъ не составленъ, и не будетъ составленъ, даже не удастся пробѣжать курсъ, и великолѣпно».

— Такъ роскошно, что лучше и некуда,—сказалъ онъ вслухъ.

И возможный провалъ на слѣдующемъ экзаменѣ казался ему менѣе страшнымъ, чѣмъ перспектива возвращенія въ опостылѣвшія стѣны съ кошмарно-желтымъ лицомъ Дуни, уродливыми вечерними тѣнями, деспотически-властной, одуряющей, слишкомъ привычной обстановкой.

Въ меблированномъ домѣ Кузминъ взялъ себѣ маленькую комнату, съ наслажденіемъ умылся изъ *незнакомаго* умывальника, съ удовольствіемъ осмотрѣлъ *незнакомые* корридоры и вышелъ на улицу. Онъ бродилъ цѣлый день, обѣдалъ нарочно въ незнакомомъ ресторанѣ и потомъ въ какой-то захудалой кофейной на Вознесенскомъ, съ удовольствіемъ и долго читалъ газеты.

И всѣ эти полтора дня и двѣ ночи, остававшіеся до экзамена, Кузминъ провелъ въ мучительныхъ переходахъ отъ пріятнаго душевнаго равновѣсія къ напряженной борьбѣ съ собой. Вернувшись домой изъ кофейной, онъ такъ и не выходилъ изъ комнаты до той минуты, когда рѣшилъ безповоротно, что на экзаменъ поѣдетъ, что бы тамъ ни было. И все время онъ то брался за повтореніе курса, то отбрасывалъ книгу, волнуясь и стыдясь самого себя. Минутами, рѣдкими и сладостными, предстоящій экзаменъ казался ему какимъ-то символомъ, какой-то пробой себя въ борьбѣ съ неумолимымъ формализмомъ окружающей жизни, съ цѣлымъ рядомъ предъявленныхъ ему отовсюду скучныхъ и насильственныхъ требованій.

— Рѣшусь или не рѣшусь?—шептали его губы въ эти безсонныя, бѣлыя, истерическія ночи. И простѣйшій выходъ изъ положенія, столь же простой, какъ его внезапный переѣздъ въ гостинницу, казался ему идеально-красивымъ, смѣлымъ и благороднымъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть проще, — внутренно терзаясь, думалъ онъ въ послѣднюю ночь, послѣ цѣлаго дня поспѣшной зубрежки,—возьму и прямо не пойду на экзаменъ, *самъ* не пойду, и не только завтра, но и никогда. Какой это будетъ побѣдой, и какъ легко будетъ потомъ одержать одну за другой и остальныя! Вотъ когда наступитъ обѣтованный пиръ моей жизни, вотъ когда начнется главная и самая нужная для меня работа».

Что это будутъ за побѣды и въ чемъ будетъ заключаться эта работа, Кузминъ чувствовалъ только инстинктивно, такъ же, какъ и въ тотъ чуткій вечеръ, когда сидѣлъ на подоконникѣ и мечталъ о жизни для жизни, для великаго, пламеннаго любопытства. Никакой реально-опредѣленной цѣли не вставало передъ нимъ, но, засыпая, онъ испытывалъ волненіе и радость, и давалъ себѣ клятву, что съ завтрашняго дня все начнется сызнова.

XXIV.

Очень рано, не больше, какъ черезъ три часа послѣ этой клятвы, Кузминъ проснулся совершенно свѣжій, точно отъ какого-то внѣшняго толчка. Онъ спустилъ ноги на полъ и сѣлъ на кровати. Въ окно смотрѣло свѣтло-сѣрое спокойное утро. Что такое было вчера, съ какими сладостными думами онъ заснулъ, и съ нимъ ли все это было? Какія радужныя перспективы, какое чудное, крупное и важное дѣло рисовалось ему, обѣщая полное обновленіе всей его жизни?

И въ ясномъ, освѣженномъ сознаніи Кузмина не было никакого отвѣта. Теоретически, отвлеченно онъ помнилъ, что сегодня— первый день его новой, смѣлой и осмысленной жизни въ борьбѣ съ какимъ-то формализмомъ и рутиной окружающаго.

— Такъ, прекрасно,—по установившейся въ послѣднее время привычкѣ сказалъ онъ вслухъ и всталъ съ постели.

«Что же дѣлать,—думалось ему,—надо же что-нибудь дѣлать, съ чего-нибудь начинать». И впервые Кузминъ испыталъ совершенно особое ощущеніе. Очевидно, все, что было вчера, третьяго дня, годъ и пять лѣтъ тому назадъ, не должно повториться сегодня. Но тогда у него на каждый день была намѣченная не имъ, но кѣмъ-то, нужная не ему, но кому-то, а главное вполнѣ опредѣленная программа. И вся его жизнь, хотя и складывалась помимо его воли, хотя и приводила его въ отчаяніе своей шаблонностью и мѣщанствомъ, однако, въ ней была своеобразная теплота покоя, скучнаго, но размѣреннаго теченія. Теперь одинокъ, свободенъ, рѣшился на все, отчего же ему такъ холодно?..

— Что за вздоръ, — опять сказалъ онъ вслухъ, — начинать, такъ начинать, надо куда-нибудь идти!

Но идти было некуда.

Онъ распахнулъ окошко, подышалъ воздухомъ и началъ одѣваться. Открывъ саквояжъ, чтобы достать чистый воротничокъ, Кузминъ вмѣстѣ съ нимъ вытащилъ исписанный мелкимъ почеркомъ листокъ бумаги, среди котораго краснѣлись три жирно отчеркнутыя строчки. «Папаша,—прочелъ онъ,—носился съ твоей телеграммой...» и не сталъ читать дальше. Не нужно этого, не нужно мѣщанскихъ сожалѣній, довольно руководиться чужими слезами, жалобами и причитаніями. Ихъ заколдованный кругъ подавляетъ личность, приводитъ живого человѣка къ гибели. Но и эти мысли, вчера столь жаркія и рѣшительныя, сегодня были холодны и отвлеченны. Кузминъ отбросилъ письмо, швырнулъ въ уголъ учебникъ, потомъ съ серьезнымъ и дѣловитымъ видомъ подстригалъ себѣ передъ зеркаломъ бороду, умывался и завязывалъ галстухъ. Мелькомъ онъ взглянулъ на часы—семь. Вотъ черезъ пять часовъ, если бы онъ оставался рабомъ, то пошелъ бы на экзаменъ, а теперь не пойдетъ. Вечеромъ родители будутъ ждать отъ него телеграммы, и не дождутся. Теперь онъ вольный человѣкъ и никому не обязанъ отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Одѣвшись, Кузминъ долго звонилъ прислугѣ и, когда та, наконецъ, явилась, приказалъ подать самоваръ. Потомъ онъ пилъ чай и разсматривалъ на стѣнѣ правила объ отдачѣ въ наемъ меблированныхъ комнатъ. У него на душѣ было холодно, спокойно и пусто, и только минутами въ его сознаніи шевелился какой-то горделивый червячокъ.

Какъ смѣнилось это настроеніе другимъ—сосущимъ и безпокойнымъ, какъ на столѣ рядомъ съ часами, положенными на видномъ мѣстѣ, очутился учебникъ римскаго права, какимъ образомъ всѣ прекрасныя рѣшенія и благородные выходы оказались постыдной игрой съ самимъ собой въ прятки,—Кузминъ не могъ себѣ объяснить потомъ. Помнилъ онъ, что машинально нагнулся за книгой, чтобы положить на столъ (не валяться же ей въ самомъ дѣлѣ на полу), что такъ же машинально перелисталъ страницы и увидалъ нѣсколько карандашныхъ замѣтокъ. А затѣмъ онъ оторвался отъ учебника только тогда, когда нужно было ѣхать на экзаменъ. Почему нужно?—этимъ вопросомъ Кузминъ почти не задавался. Потому,—что уже одиннадцать часовъ, что сегодня послѣдняя группа, что на дачѣ въ трепетной надеждѣ пребываетъ Ниночка, а въ далекомъ уѣздномъ городѣ—отецъ, который въ случаѣ его успѣха будетъ танцовать отъ радости и потрясать телеграммой, а въ случаѣ неудачи «подастъ въ отставку и умретъ отъ позора».

И мертвый, сосущій холодъ охватилъ Кузмина знакомымъ властнымъ кольцомъ, а въ сознаніи такъ и ожили бѣлыя полированныя колонны, зеркально-желтый паркетъ и красная скатерть съ пышной золотой бахромой и кистями.

Скорѣе, скорѣе... А гдѣ же портфель, образки, куриная лапка?.. Какъ грустно, что все это осталось на старой квартирѣ.

XXV.

Стоя передъ красной скатертью, Кузминъ такъ же, какъ и на экзаменѣ по уголовному праву, не могъ побороть унизительныхъ срывовъ своего голоса, безтолковости рѣчи и жестикуляціи, сознавалъ все это и горѣлъ отъ стыда. Профессоръ холодно смотрѣлъ на него большими зелеными глазами, и въ неподвижности его лица, великомъ спокойствіи руки, застывшей надъ графой отмѣтокъ, чувствовалась неумолимая сила. Отъ этой обыкновенной, ни большой, ни маленькой руки, съ массивнымъ золотымъ перстнемъ въ видѣ печати, зависѣло приподнять упавшую душу Кузмина подъемомъ огромной радости.

— Я затрудняюсь поставить вамъ удовлетворительно,—сухо и безукоризненно вѣжливо произнесъ профессоръ,—на половину вопросовъ вы совсѣмъ не отвѣтили, а изъ билета ограничились сообщеніемъ однихъ общихъ мѣстъ.

Кузминъ потиралъ вспотѣвшія отъ волненія руки и молчалъ. Экзаменаторъ подумалъ еще немного.

— Въ чемъ заключается содержаніе новеллы 115-й?—вдругъ спросилъ онъ, не отводя руки отъ журнала.

Кузминъ даже вздрогнулъ. Конечно, онъ знаетъ. Только сегодня утромъ онъ читалъ объ этой новеллѣ, отлично помнилъ ее, еще сидя на извозчикѣ. Ну да, ну да, одно ничтожное напряженіе, и онъ вспомнитъ. Кузминъ поблѣднѣлъ. Въ страшномъ смятеніи забилось сердце.

— Я знаю, сейчасъ, сейчасъ...—твердили его губы, и онъ то хватался за голову, то опускалъ руку на край стола.

Но въ его мозгу не было никакихъ мыслей, ничего, кромѣ страха, что черезъ минуту профессору надоѣстъ ждать, и тогда... Вотъ отъ другого экзаменатора отошелъ послѣдній студентъ, вотъ предсѣдатель поднялся съ мѣста, складываетъ вѣдомости и списки... Господи, помоги!

— Этого вы также не знаете,—спокойно, съ какимъ-то облегченіемъ сказалъ профессоръ и быстро поставилъ баллъ.

— Неудовлетворительно,—отчетливо добавилъ онъ.

Какъ и въ прошлый разъ, Кузминъ экзаменовался однимъ изъ послѣднихъ, въ шестомъ часу вечера. Профессоръ долго продер-

жалъ его, и когда онъ отходилъ отъ стола, въ актовомъ залѣ почти никого не было. Никто не пересѣкъ ему дороги, никто не схватилъ за рукавъ съ обычнымъ вопросомъ: «ну, что, коллега, благополучно?» Тѣмъ не менѣе у него было такое чувство, точно на него смотрѣли тысячи глазъ. Все было кончено, связь съ университетомъ порывалась, по крайней мѣрѣ, на годъ, а для Кузмина, можетъ быть, навсегда; отходилъ онъ отъ стола, пожалуй, болѣе свободнымъ, чѣмъ въ прошлый разъ, когда выдержалъ экзаменъ, но все-таки странное, пригнетающее ощущеніе было у него во всемъ тѣлѣ. Какъ будто люди, оставшіеся позади,—профессора и предсѣдатель комиссіи—издали пронизывали его своей тайной, упругой властью, стегали его этой властью по плечамъ. И тутъ же почему-то вспомнилось Кузмину, что и въ день экзамена по уголовному праву, когда онъ получилъ «удовлетворительно», въ его робкомъ, благодарномъ поклонѣ юному привать-доценту, въ самой припрыжкѣ его шаговъ, въ неудержимой дѣтской улыбкѣ было такое же зависимое, рабское и стыдное чувство.

«Ну вотъ и кончено,—иронически думалъ Кузминъ, медленно спускаясь съ лѣстницы,—результатъ одинъ и тотъ же,—самъ ли не пошелъ на экзаменъ, или провалился. Вотъ онъ простѣйшій выходъ изъ положенія... А если бы вспомнилъ новеллу?—вдругъ мелькнулъ вопросъ, — а если бы вмѣсто новеллы спросили что-нибудь другое, напримѣръ, lex Rhodia de jactu?. Ахъ, Боже мой, не все ли теперь равно?»

Терзаясь, переходя отъ холоднаго, мертвеннаго равнодушія къ нервной ажитаціи, Кузминъ свернулъ въ свой закоулокъ шинельной, самъ надѣлъ пальто, миновалъ пустынную площадку вестибюля и вышелъ на улицу.

Какъ не похожъ былъ сегодняшній день на тотъ, когда онъ выдержалъ первый экзаменъ. Тогда, до самаго Невскаго, ничего не существовало, кромѣ его мальчишеской, постыдной радости, а теперь все жило кругомъ, кромѣ него. Да, все, до послѣдней березовой вѣтки за безконечной рѣшеткой, мимо которой онъ шелъ, до послѣдняго камня мостовой. Странно-спокойно и какъ-то слишкомъ увѣренно плыли круглыя выразительныя облака и виднѣлась отчетливо-прямая гранитная ограда набережной, та самая, у которой въ прошлый разъ онъ громко разсмѣялся и сказалъ: «Конрадъ Валленродъ». Тогда это казалось безсознательнымъ, а теперь онъ почему-то вспомнилъ заодно и «бурѣніе скважинъ», и нелѣпый глаголъ «аркебузировать».

Онъ шелъ медленнымъ шагомъ, и ему чудилось, что онъ стоитъ на мѣстѣ. Уже не было сожалѣнія о случившемся, университетъ остался позади, какъ будто въ далекомъ прошломъ, но то, что ему еще предстояло, было страшно своей неизбѣжностью.

Черезъ два часа все будетъ извѣстно Ниночкѣ, тещѣ и тестю, а ночью получатъ телеграмму его дорогіе, бѣдные старики, которыхъ въ эту минуту, казалось, онъ любилъ и жалѣлъ больше, чѣмъ когда-либо.

И Кузминъ чувствовалъ себя скованнымъ этой жалостью и этимъ малодушнымъ страхомъ передъ мелочной и унизительной цѣпью разспросовъ, уколовъ самолюбія, которые ему предстоятъ дома, на дачѣ. Очевидно, Макрина Аѳанасьевна будетъ увѣрять его, что она втайнѣ знала, что онъ провалится, и только не хотѣла его огорчать, а Егоръ Иванычъ будетъ спорить съ бо̀льшимъ авторитетомъ и чаще прежняго пускать въ ходъ косвенныхъ «мальчишекъ» и «недоучившихся гимназистовъ». Ниночка всецѣло припишетъ его неудачу тому, что онъ не взялъ съ собою образковъ и куриной лапки. Что дѣлать, что дѣлать?.. А письмо отъ матери, которое придетъ черезъ нѣсколько дней? Какое это будетъ горькое, тягостное письмо!..

Ахъ, что это, Боже мой!.. У Кузмина съ силой заколотилось сердце, и онъ невольно остановился. Отчетливо и ясно вспоминалось великолѣпно знакомое содержаніе новеллы 115-й... Неумолимо отпечатывались въ мозгу строгія огненныя фразы.

Кузминъ стоялъ на мѣстѣ съ похолодѣвшими, влажными отъ волненія руками, потиралъ ихъ и безсознательно смотрѣлъ на небо.

Странно-спокойно и какъ-то слишкомъ увѣренно плыли круглыя, выразительныя облака.

Анатолій Каменскій.

---

*

СОВРЕМЕННЫЯ ФИЛОСОФСКІЯ ИСКАНІЯ.

I.

Изъ міра пролетарской идеологіи.

«Рабочій классъ,—писалъ когда-то Марксъ,—*не имѣетъ осуществить никакихъ идеаловъ*, а лишь освободить развившіеся въ нѣдрахъ рушащагося буржуазнаго общества элементы новаго общества». Соотвѣтственно этому можно было бы полагать, что у рабочаго класса, какъ опредѣленной исторической и соціологической категоріи, не имѣется никакой собственной, классовой идеологіи, т.-е., другими словами, что къ числу его специфическихъ индивидуальныхъ чертъ относятся этическій и, вообще, «идеологическій» индифферентизмъ и нигилизмъ. Въ дѣйствительности, однако, выходитъ нѣсколько иначе. Не говоря уже о томъ, что у самого Маркса можно найти утвержденія, совершенно противоположныя по смыслу тому, которое мы привели выше,—«задача философіи и исторіи»,—говорилъ онъ, напр.,—«теперь, когда исчезла правда внѣміровая, установить правду въ мірѣ»,—въ позднѣйшей марксистской литературѣ мы находимъ неоднократныя и горделивыя ссылки на какую-то особую, несравненно высшую «пролетарскую мораль», «пролетарскую точку зрѣнія» и т. п., въ противоположность всей прежней отжившей и негодной феодально-средневѣковой, буржуазной и «мужицкой» идеологіи. Мечущемуся въ поискахъ за идеалами современному культурному обществу, переживающему тяжкій нравственный и религіозный кризисъ, марксизмъ принесъ свою новую, истинно-истинную истину—«пролетарскую точку зрѣнія», способную якобы разрѣшить всѣ наши сомнѣнія и недоумѣнія. Оставался лишь неразъясненнымъ одинъ существенный вопросъ: является ли эта «точка зрѣнія» собственнымъ идеологическимъ продуктомъ самого рабочаго класса, *его* мысли, *его* духовныхъ алканій, или она навязана ему *извнѣ* представителями все той же внѣклассовой интеллигенціи, вѣчной поставщицы всевозможныхъ идей и воззрѣній. Другими словами, есть ли все то, что преподносится теперь намъ подъ флагомъ пролетарской идеологіи, естественно-логическій продуктъ развитія мысли самого четвертаго сословія, необходимое, такъ сказать,

слѣдствіе экономическихъ условій его существованія, пресловутой «вываркн» въ фабрично-заводскомъ котлѣ, или же это продуктъ совершенно иного общественнаго слоя, лишь по недоразумѣнію носящій на себѣ чужой, несвойственный ему ярлыкъ?

На эти вопросы успѣла, прежде всего, отвѣтить сама дѣйствительность, и притомъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ. А именно, въ тѣхъ странахъ, гдѣ рабочее движеніе болѣе всего сохранило свой собственный, безпримѣсный, «пролетарскій» характеръ, въ Англіи и въ Австраль-Азіи, пролетарская идеологія не имѣетъ абсолютно ничего съ тѣми идеями, которыя мы привыкли связывать съ самымъ понятіемъ марксизма; она, по признанію самихъ марксистовъ, является простой, вульгарной копіей все той же буржуазной идеологіи, со всѣми ея специфическими аттрибутами. Но, быть можетъ, это явленіе исключительное, и въ другихъ странахъ можно найти доводы въ пользу иного представленія?

На этотъ послѣдній вопросъ намъ отвѣчаетъ уже сама марксистская литература. Цѣлый рядъ ортодоксальнѣйшихъ марксистовъ, на первомъ мѣстѣ Каутскій, признаютъ теперь безъ всякихъ оговорокъ, что «о самостоятельной, самимъ рабочимъ классомъ въ самомъ ходѣ ихъ движенія вырабатываемой идеологіи, не можетъ быть и рѣчи», такая идеологія привносится «только извнѣ». Исторія всѣхъ странъ— читаемъ мы теперь у нихъ—свидѣтельствуетъ, что «исключительно своими собственными силами рабочій классъ въ состояніи выработать лишь сознаніе трэдъ юніонистское» и т. д. Отсюда мы въ правѣ заключить, что уже въ самомъ формальномъ опредѣленіи такъ называемой пролетарской идеологіи наступилъ въ послѣднее время въ марксизмѣ глубокій кризисъ, затрогивающій крайне больно кое-какіе основные догматы этого міросозерцанія.

Но еще большій кризисъ мы замѣчаемъ въ послѣдніе годы въ *самомъ содержаніи* этой идеологіи,—томъ именно содержаніи, которое вкладывалось въ нее не пролетаріями, не рабочимъ классомъ an und für sich, а, такъ сказать, самозванно, самимъ марксизмомъ. Марксизмъ отожествлялъ себя съ «пролетарской точкой зрѣнія», пріурочивая къ ней всѣ свои какъ достоинства, такъ и недостатки. Въ виду этого, его собственный внутренній кризисъ, ведущій къ коренному измѣненію всего его прежняго идейнаго содержанія, является въ то же время и кризисомъ пролетарской идеологіи,—кризисомъ, еще болѣе обостряющимъ то состояніе «моральнаго междуцарствія», въ какомъ очутилось современное культурное общество.

Въ существованіи такого глубокаго внутренняго кризиса въ марксизмѣ теперь не можетъ уже быть сомнѣнія. При этомъ мы имѣемъ здѣсь въ виду не тѣ или иныя перемѣны и метаморфозы, какія замѣчаются въ послѣднее время въ его чисто экономическихъ воззрѣніяхъ, напримѣръ, по аграрному вопросу, нѣтъ, мы говоримъ здѣсь

исключительно объ *идеалогическихъ* проблемахъ, не находящихъ въ современномъ марксизмѣ своего удовлетворительнаго разрѣшенія. Ни философія и теорія познанія марксизма, ни его соціологія и философія исторіи, ни даже его моральная система (по скольку о таковой, вообще, можетъ быть еще рѣчь) не устояли передъ бурнымъ напоромъ критической мысли послѣдняго десятилѣтія. Сохраняя и въ наши дни свое безспорное историческое и экономическое значеніе, эта оригинальная соціально-философская доктрина все менѣе способна оставаться на высотѣ единаго руководящаго фактора, vis agens современнаго общественнаго и идейнаго движенія. Что такой чисто-идейный кризисъ не можетъ не отражаться тяжко и на всей чисто практической дѣятельности этого движенія, тому лучшимъ и крайне печальнымъ подтвержденіемъ служитъ его собственная внутренняя междоусобная борьба, принимающая повсюду все болѣе острый и хроническій, если даже не безысходный, характеръ. Органическая неспособность къ идейному самообновленію и старовѣрческое, ортодоксальное упорство въ самыхъ явныхъ заблужденіяхъ фатально ведутъ это направленіе къ внутреннему саморазложенію.

Однимъ изъ первыхъ—идеологическихъ—заблужденій этой доктрины является матеріалистическая, а слѣдовательно некритическая точка зрѣнія въ сферѣ высшихъ философскихъ и теоретико-познавательныхъ или гносеологическихъ проблемъ. Основные философскіе труды Фридриха Энгельса, его Анти-Дюрингъ и книга о Фейербахѣ, проникнуты насквозь духомъ наивнаго реализма и матеріализма, какъ бы ни старались доказать противоположное его современные ученики и послѣдователи. Послѣдніе старались, между прочимъ, доказать существованіе глубокаго различія между «діалектическимъ» матеріализмомъ Маркса-Энгельса и такъ называемымъ «вульгарнымъ» матеріализмомъ Фогта-Бюхнера, но всѣ такія старанія не привели ни къ чему иному, какъ лишь къ грубымъ и двусмысленнымъ софизмамъ, извращающимъ основныя понятія современной философской терминологіи. Основныя идеи или, вѣрнѣе сказать, догмы вульгарнаго матеріализма состоятъ, какъ извѣстно, въ сведеніи всѣхъ міровыхъ явленій къ матеріи и ея движенію («мысль есть движеніе!») и въ установленіи причинной зависимости психическихъ явленій отъ физическихъ, матеріальныхъ. Совершается ли движеніе діалектическимъ или какимъ-либо другимъ путемъ, это вопросъ второстепенный, способный повліять лишь на образованіе тѣхъ или иныхъ нюансовъ въ одномъ и томъ же міросозерцаніи. Для насъ же существенно лишь то, что вышеназванные труды Энгельса самымъ недвусмысленнымъ образомъ склоняются къ основнымъ, вышеотмѣченнымъ, догмамъ «вульгарнаго» или, вѣрнѣе, *послѣдовательнаго* матеріализма Фогта-Бюхнера, не противопоставляя имъ въ то же время никакихъ другихъ философскихъ воззрѣній и концепцій. Предсмертное изданіе Анти-Дюринга (1894 г.) оставлено было

Энгельсомъ безъ измѣненія, что указываетъ на вѣрность его до послѣднихъ дней своей прежней, матеріалистической точкѣ зрѣнія.

Подобный же матеріализмъ положенъ былъ въ основу также соціологіи и философіи исторіи марксизма. Первичный, творческій факторъ соціальной жизни, согласно ему, есть соціальная матерія—производственныя отношенія, все остальное, право, религія, мораль и т. д., имѣетъ лишь вторичное и производное значеніе. Правда, къ концу своей жизни Фр. Энгельсъ сознаяъ, повидимому, всю ошибочность такой точки зрѣнія на общество и исторію. «Марксъ и я, — писалъ онъ напримѣръ,—отчасти сами виноваты въ томъ, что младшая формація приписываетъ экономической сторонѣ больше вѣса, чѣмъ ей принадлежитъ на дѣлѣ», но нигдѣ мы не находимъ у него смѣлости откровенно и *болѣе опредѣленно* высказать, въ чемъ именно онъ усматриваетъ основныя заблужденія «младшей формаціи», и какъ онъ самъ думаетъ теперь о взаимоотношеніи соціальной психо-физики. Напротивъ, онъ старался спасти основную свою идею даже тамъ, гдѣ ея непримѣнимость и недостаточность были очевидны, — какъ, напр., въ вопросѣ о роли роста народонаселенія въ общественной динамикѣ. Энгельсъ не могъ, конечно, отрицать того обстоятельства, что ростъ народонаселенія есть факторъ, во всякомъ случаѣ, не менѣе первоначальный, чѣмъ, напр., формы общественнаго производства; не могъ онъ отрицать и того, что этотъ факторъ, въ основѣ котораго лежитъ могучій *половой инстинктъ*, какъ орудіе поддержанія рода, самъ является не малоцѣннымъ факторомъ прогресса. Но онъ обошелъ, какъ извѣстно, всѣ эти возраженія самымъ каламбурнымъ образомъ марксизмъ-де разумѣетъ подъ общественнымъ производствомъ не только производство всякаго рода продуктовъ и средствъ къ жизни, но и... «дѣтопроизводство»!

Подобнымъ же образомъ совершалось и дальнѣйшее расширеніе понятія экономическаго или производственнаго фактора. Когда Энгельсу указывали, что расовыя особенности можно и слѣдуетъ признать тоже не менѣе «первичными» факторами соціальной жизни, то онъ заявлялъ *буквально*: «Сама раса представляетъ также экономическій факторъ!»

Даже еще болѣе: «Подъ экономическими отношеніями, — писалъ онъ,—надо разумѣть и *географическое положеніе мѣстности*, на которой они развиваются. Сюда, конечно, надо причислить также среду, окружающую данную общественную форму»...

Такимъ образомъ, мы видимъ, какъ Фр. Энгельсъ, несмотря на сознанныя имъ крайности «младшей формаціи» *), самъ къ концу

*) Энгельсъ признавалъ даже собственную вину въ этихъ крайностяхъ: „Мы должны были,—писалъ онъ, напр., въ 1890 г.,— доказывать нашимъ противникамъ значеніе основного принципа, ими отрицаемаго (т.-е. экономической стороны) и потому мы не всегда имѣли время, возможность и случай достаточно оцѣнить другіе факторы взаимодѣйствія“.

своей жизни впалъ въ не менѣе абсурдныя крайности, и все для того, чтобы спасти основную догму своего общественнаго міросозерцанія, гласящую:

«Экономическое строеніе общества есть реальная основа, въ которой вся надстройка религіозныхъ, философскихъ и другихъ учрежденій во всякій данный періодъ находитъ *въ послѣднемъ счетѣ* свое объясненіе».

Между тѣмъ, это фундаментальное положеніе марксистской философіи исторіи въ своей абсолютности не только не выдерживаетъ никакой, даже самой снисходительной критики современной передовой мысли, но и—что знаменательнѣе всего—теряетъ свой кредитъ среди наиболѣе выдающихся представителей и вождей «пролетарскаго» движенія на Западѣ. Мы укажемъ здѣсь хотя бы на Эмиля Вандервельда. Его прошлогодній рефератъ объ «*идеализмѣ въ марксизмѣ*», прочитанный въ парижскомъ «Hôtel des Sociétés Savantes», является въ этомъ отношеніи настоящимъ знаменіемъ времени, равно какъ и отходной марксизму. Несмотря на всѣ свои дипломатическія тонкости и нежеланіе порвать открыто съ оффиціально признаваемой еще догмой, Вандервельдъ вкладываетъ въ нее совершенно новое содержаніе, не имѣющее ничего общаго съ марксистскимъ, т.-е. матеріалистическимъ «монизмомъ». Этотъ рефератъ, появившійся съ тѣхъ поръ въ нѣкоторыхъ французскихъ періодическихъ изданіяхъ, достоенъ того, чтобы привести изъ него хоть немногія, наиболѣе существенныя мѣста.

«Конечно, — говорилъ Эмиль Вандервельдъ передъ цвѣтомъ интеллигентной молодежи Латинскаго квартала,—мы вполнѣ признаемъ преобладающее значеніе экономическихъ явленій, какъ болѣе простыхъ и болѣе общихъ: primo vivere, deinde philosophare. Мы наблюдаемъ каждый день революціонное вліяніе промышленныхъ измѣненій. Еще Контъ настаивалъ на этомъ въ шестомъ томѣ позитивной философіи. Наконецъ, мы допускаемъ невозможность раціональнаго объясненія исторіи права, нравственности и религіи, если не считаться съ измѣненіями въ способахъ производства матеріальной жизни. Но слѣдуетъ ли идти дальше и допустить, какъ это иногда дѣлаютъ и, повидимому, дѣлалъ Марксъ, что способы производства матеріальной жизни являются *опредѣляющими причинами* процессовъ общественной, политической и духовной жизни? Такія теоріи, которыя видятъ въ идеологіи простой продуктъ, прямой или косвенный, экономическихъ условій, наталкиваются на тѣ же трудности, что и философскій матеріализмъ, утверждающій, что матерія рождаетъ духъ, что мозгъ выдѣляетъ мысли, какъ печень—желчь. Совершенно справедливо, что мы не можемъ отдѣлить мысль отъ матеріальнаго субстрата, но вмѣсто того, чтобы устанавливать существенную разницу или отношеніе причинности между духомъ и матеріей, монизмъ разсматриваетъ и то и другое, какъ двѣ стороны одной субстанціи. Мы не можемъ отдѣлить со-

ціальной психики отъ соціальной физики. Однако, изъ того, что эволюція идей *неразрывно связана* съ матеріальной эволюціей, не слѣдуетъ, что одна является *причиною* другой. Намъ не понятно, когда говорятъ, что симфонія Бетховена или Моцарта, метафизика Канта или Спинозы, религія Магомета — это продукты общественной среды, въ которой они родились. Это все равно, какъ если бы сказать, что растенія—продукты земли, потому что сѣмена нуждаются въ землѣ, чтобы дать ростокъ... *Поэтому, чтобы не впасть въ абсурдъ, слѣдуетъ сказать, что идеологіи являются продуктами не экономической среды, а отношеній, устанавливающихся между человѣческимъ умомъ и экономической средой.* И, пожалуй, даже это выраженіе слишкомъ узко. Каково бы ни было экономическое строеніе общества, будь ли то халдейскихъ пастуховъ или пролетаріевъ двадцатаго вѣка, но человѣкъ самою силою вещей принужденъ искать рѣшенія цѣлаго ряда задачъ, не имѣющихъ никакого прямого отношенія къ способу производства матеріальной жизни: существуетъ ли Богъ или нѣтъ, свободна воля или нѣтъ, безсмертна ли человѣческая душа и т. п.».

Всѣмъ этимъ Эмиль Вандервельдъ не сказалъ, конечно, ничего по существу новаго; онъ повторилъ и резюмировалъ лишь то, что за послѣднее время повторялось и писалось людьми, не принадлежащими къ марксистскому лагерю. Еще въ 1896 году ту же идею развивалъ Бельфортъ Баксъ въ своей полемикѣ съ Каутскимъ *). Но потерять Вандервельда означаетъ особенно чувствительный ударъ для марксизма, какъ общественно-философскаго ученія. И нельзя не согласиться съ мнѣніемъ проф. Массарика, что «современные марксисты постепенно даютъ такія опредѣленія и ограниченія первоначальнаго ученія, что въ концѣ концовъ отъ него ничего не остается».

Отъ философіи марксизма не осталось «ничего», также какъ и отъ его соціологіи и философіи исторіи. Мы сейчасъ увидимъ, что такое же «ничего» не осталось въ послѣднее время и отъ его *этики.*

Въ современныхъ самоновѣйшихъ исканіяхъ новой морали и, вообще, опредѣленной *этической* санкціи нашимъ *общественнымъ* стремленіямъ и идеаламъ бросается прежде всего въ глаза крайняя *методологическая* безпомощность и анархія. Настоящее чревато будущимъ, несомнѣнно, не только въ одномъ соціально-экономическомъ и поли-

---

*) См. объ этомъ соч. проф. Массарика: „Философскія и соціологическія основанія марксизма" (Москва, 1900 г.): „Баксъ утверждаетъ, что неомарксисты съ ихъ крайнимъ матеріализмомъ столь же преувеличиваютъ, какъ и люди, утверждающіе, будто исторія характеризуется философіей и только одной философіей. Баксъ полагаетъ, что внѣшнія экономическія отношенія составляютъ только отрицательное *условіе* для внутреннихъ самопроизвольныхъ идеологическихъ стремленій. Какъ почва и климатъ суть отрицательныя условія для сѣмени, такъ само сѣмя есть отрицательная причина дерева", и т. д.

тическомъ отношеніи, но и въ этическомъ. Мучительные «роды» новыхъ, лучшихъ формъ жизни сопровождаются столь же мучительными потугами разгадать и создать новые нравственные идеалы. И въ томъ и въ другомъ случаѣ намъ нужны «акушеры» съ твердой рукой и яснымъ взоромъ, стоящіе на высотѣ современной научной теоріи и практики. Невѣжественные знахари, узколобые доктринеры или легкомысленные, торопливые новаторы не могутъ, конечно, помѣшать возникновенію того, что обусловлено до извѣстной степени имманентными законами естественныхъ процессовъ жизни, но зато своими неловкими и неумѣлыми, такъ сказать, пріемами и методами они способны не облегчить, а скорѣе затруднить и безъ того мучительные роды новаго, т.-е. еще усилить нравственную смуту, еще болѣе деморализовать умы. И если въ сферѣ соціально-политической вопросъ о методахъ и пріемахъ дѣятельности можно считать почти рѣшеннымъ, если наши идеалы въ этой сферѣ отличаются относительной ясностью и опредѣленностью, то совершенно иначе обстоитъ, къ сожалѣнію, дѣло въ сферѣ собственно-этической. Мы не только не знаемъ точно тѣхъ нравственныхъ принциповъ и идеаловъ, какіе несетъ намъ съ собою болѣе или менѣе близкое будущее, но и, что хуже всего, мы не столковались еще и по части тѣхъ раціональныхъ методовъ и пріемовъ, при помощи которыхъ мы можемъ отгадать будущее, и вооружившись которыми мы только и можемъ явиться, въ настоящихъ трудныхъ родахъ новой морали, не невѣжественными знахарями и «повивальными бабками», а истинно-образованными акушерами. Отсюда крайняя теоретическая безпомощность и принципіальная растерянность, равно какъ необыкновенная торопливость и непростительное легкомысліе по части провозглашенія «новыхъ истинъ», оказывающихся, однако, на дѣлѣ не чѣмъ инымъ, какъ старой, престарой ложью.

Мы видимъ предъ собой два борющихся теченія: съ одной стороны, *нео-идеализмъ*, смѣло развернувшій знамя этической и религіозной «достройки» нашихъ общественныхъ и политическихъ идеаловъ, но договорившійся впопыхахъ до самаго откровеннаго мистицизма и эготизма; съ другой—неповоротливый, ворчливый, старчески-консервативный *позитивизмъ*, упрямо хранящій всѣ свои, даже совершенно устарѣвшіе, реликвіи и завѣты и, въ своей неукоснительной ортодоксальности, доходящій до отрицанія всякой необходимости пересмотра нашихъ лоскутныхъ этическихъ и общефилософскихъ принциповъ и воззрѣній. Истерическая поспѣшность и легкомысліе однихъ гонитъ ихъ фатально въ объятія старыхъ идоловъ; упорный консерватизмъ и мизонеизмъ другихъ, являясь до извѣстной степени полезнымъ противовѣсомъ первому теченію, все же ведетъ къ крайне печальной идейной отсталости позитивизма, къ все усиливающейся неспособности его отвѣчать на кое-какіе новые запросы и потребности передовой мысли. Общую съ нимъ участь раздѣляетъ и *діалектическій матеріализмъ*

или *марксизмъ*, дошедшій до принципіальнаго признанія возможности и даже необходимости новой, внѣклассовой, общечеловѣческой морали, но, какъ мы сейчасъ увидимъ, и застывшій на такомъ признаніи. Не беря на себя никакой самостоятельной и положительной роли въ творчествѣ новыхъ нравственныхъ идеаловъ, это послѣднее теченіе беретъ на себя задачу зорко слѣдить за всѣми промахами и слабыми сторонами современнаго нео-идеализма, выводя ихъ, такъ сказать, на свѣжую воду и подрывая тѣмъ самымъ вліяніе этого новаго направленія на умы образованныхъ слоевъ общества. Задача, сама по себѣ, не трудная, если принять во вниманіе, что активныя и нетерпѣливыя попытки разгадать будущее необходимо сопряжены съ ошибками, и что всякое положительное творчество новыхъ нравственныхъ и религіозныхъ идеаловъ вещь крайне трудная, осуществимая лишь при дружной работѣ цѣлыхъ поколѣній. Не ошибается лишь тотъ, кто не ищетъ, и если въ современномъ нео-идеалистическомъ движеніи такихъ ошибокъ оказывается черезчуръ ужъ много, если преобладающее значеніе въ немъ получаютъ подчасъ даже элементы довольно сомнительнаго качества, то спрашивается: не является ли главнѣйшею виною этому упорное «воздержаніе» самого марксизма отъ активнаго вмѣшательства и руководящей роли въ современной переоцѣнкѣ всевозможныхъ цѣнностей, его собственное идеологическое оцѣпенѣніе и «недѣланіе»? Гони природу въ дверь, она войдетъ въ окно, говоритъ пословица. Новые идеологическіе запросы и потребности, не находящіе себѣ удовлетворенія въ томъ теченіи научной и философской мысли, которое принято называть марксизмомъ, поневолѣ ищутъ себѣ другіе пути и выходы, попадая при этомъ нерѣдко въ невылазныя топи буржуазной философіи и морали. «Нельзя,—говоритъ одинъ изъ представителей современнаго нео-идеализма,—безнаказанно отбрасывать основные вопросы познанія и бытія. Въ концѣ концовъ критическое сознаніе всякаго дѣйствительно мыслящаго человѣка неотразимо поставитъ передъ нимъ эти вопросы, *и горе тому общественному направленію, которое забываетъ объ ихъ постановкѣ и рѣшеніи или же рѣшаетъ ихъ безъ напряженной работы собственной мысли, по рутинѣ и традиціи!..»* *). Какъ бы мы ни расходились въ остальномъ съ авторомъ этихъ словъ, но въ данномъ случаѣ онъ безусловно правъ, съ чѣмъ не могутъ не согласиться и сами марксисты. Между тѣмъ, оставляя въ сторонѣ вопросы и проблемы общефилософскіе, во всей новѣйшей литературѣ современнаго марксизма напрасно было бы искать отвѣта на новые запросы нравственнаго сознанія: кромѣ болѣе или менѣе суровой, болѣе или менѣе справедливой критики чужихъ грѣховъ, ни одного собственнаго слова для новой нравственной оріенти-

---

*) См. предисловіе къ книгѣ Ник. Бердяева: „Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи“, LVII.

ровки, ни одного положительнаго шага навстрѣчу искомому нравственному идеалу. «Безнаказанно» это марксизму, конечно, не пройдетъ, да и теперь уже мы видимъ повсюду, на Западѣ и у насъ, какъ это, еще недавно столь побѣдоносное, теченіе общественно-философской мысли принуждено тяжко отстаивать свое существованіе на два, такъ сказать, фронта, какъ противъ разслабляющаго его «бернштейніанства», такъ и противъ другихъ общественныхъ доктринъ, болѣе чутко относящихся къ новымъ запросамъ времени. Нельзя, конечно, сказать, чтобы ему совсѣмъ-таки были чужды попытки очнуться отъ своей идеологической летаргіи, но эти попытки, если онѣ не приводятъ къ искреннему и безповоротному признанію своихъ заблужденій, оказываются безсильными и безплодными, въ чемъ, впрочемъ, мы имѣли уже возможность убѣдиться выше, на примѣрѣ такого выдающагося марксиста, какъ самъ Фридрихъ Энгельсъ.

Въ первый разъ марксистская литература вынуждена была занять опредѣленную позицію по отношенію къ современнымъ нравственнымъ исканіямъ еще въ началѣ девяностыхъ годовъ, когда на Западѣ зародилось такъ называемое этическое движеніе, и повсюду стали возникать «*общества этической культуры*». Въ Германіи во главѣ этого движенія находились профессора Гижицкій, Тенніесъ, Поль Бартъ и другіе, поставившіе себѣ задачей «этизировать» всѣ классы общества, пробуждать и культивировать общія всѣмъ и каждому человѣческія чувства, равно какъ смягчать формы современной классовой борьбы, апеллируя «къ надъ-классовымъ, вѣчнымъ законамъ справедливости и морали»... Въ этомъ движеніи, влачащемъ и до сихъ поръ кое-какъ свое существованіе, было въ самомъ началѣ много искренности и энтузіазма, но и столь же много иллюзій. Объявивъ себя нейтральнымъ судьею борющихся между собою общественныхъ классовъ, стоящимъ на объективной, внѣклассовой точкѣ зрѣнія единой общечеловѣческой морали, этическое движеніе встрѣтило со всѣхъ сторонъ недовѣрчивое и даже враждебное отношеніе. Желая оставаться со всѣми въ мирѣ и посредничать между борющимися сторонами, общество этической культуры не обладало для этого достаточнымъ авторитетомъ, ни по своему составу, ни по неопредѣленности и проблематичности выдвинутыхъ имъ этическихъ принциповъ. Вѣчные законы справедливости и морали... въ нашу скептическую эпоху переоцѣнки всѣхъ цѣнностей этотъ лозунгъ потерялъ всякое опредѣленное содержаніе, обратившись въ кимвалъ бряцающій, мѣдь звенящую. Ницшеанствовавшій въ то время журналъ «Die Zukunft», устами своего публициста Штейнера, старался показать анахроничность общества этической культуры, его полную «неумѣстность» въ эпоху, ставшую, такъ сказать, «по ту сторону добра и зла» (Jenseits von Gut und Böse), и ехидно вопрошалъ новоявленныхъ этиковъ: что есть истина? Такое отношеніе къ себѣ одного изъ вліятельныхъ и

наиболѣе модныхъ журналовъ не могло, конечно, не опечалить такихъ благородныхъ идеологовъ новаго движенія, какъ Тенніесъ и Гижицкій, и они возложили свои лучшія надежды на теоретическихъ вождей германскаго марксизма, ожидая отъ нихъ, по крайней мѣрѣ, сочувственныхъ выраженій симпатіи и признательности. Чтобы заручиться съ этой, наиболѣе рѣшающей, стороны сочувствіемъ и поддержкой, проф. Гижицкій писалъ собственноручно въ «Vorwärts» о безусловной демократичности тенденцій организованнаго имъ общества, о готовности послѣдняго посвятить себя всецѣло интересамъ рабочихъ классовъ и т. д. «Новое общество,—писалъ онъ, между прочимъ,—отнюдь не желаетъ обратиться въ посредническое бюро, сѣющее гнилой миръ и заражающее атмосферу духомъ оппортунистскаго компромисса; не устранить классовую борьбу хотимъ мы, а лишь ее *этизировать*». Подобныя же заявленія со стороны Гижицкаго и Тенніеса появились, вслѣдъ затѣмъ и въ штутгартскомъ журналѣ «Die Neue Zeit» и въ вѣнскомъ «Deutsche Worte». На эти заигрыванія этическаго движенія съ германскимъ марксизмомъ послѣдовалъ съ его стороны отвѣтъ, за отвѣтомъ полемика. Предъ марксизмомъ впервые былъ поставленъ ребромъ вопросъ первостепенной важности: каково его отношеніе къ моральному фактору въ соціальной жизни современныхъ культурныхъ націй и, въ частности, *каковы его собственные нравственные идеалы*? Возникшая по этому поводу полемика является посему одной изъ интереснѣйшихъ страницъ въ исторіи современныхъ нравственныхъ исканій, тѣмъ болѣе, что, начиная съ этой именно эпохи, самъ марксизмъ обнаружилъ нѣкоторое сомнѣніе въ справедливости господствовавшей въ немъ раньше теоріи нравственнаго релятивизма и чисто классовой точки зрѣнія на мораль. Но это обнаружилось не сразу. Первый отвѣтъ этикамъ со стороны штутгартскаго журнала «Die Neue Zeit» былъ крайне схожъ съ тѣмъ, который былъ данъ имъ ницшеанцемъ Штейнеромъ въ журналѣ «Zukunft». Какъ Штейнеръ, такъ и Францъ Мерингъ, первый публицистъ штутгартскаго журнала, одинаково становились «по ту сторону добра и зла», отрицая вѣчныя начала справедливости и морали, способныя служить верховной инстанціей надъ стремленіями и интересами борющихся между собою классовъ и соціальныхъ группъ. И не только «вѣчныхъ», но даже *общихъ* для даннаго времени и даннаго общества нравственныхъ нормъ существовать не можетъ, пояснялъ Мерингъ, ибо въ классовомъ обществѣ можетъ быть лишь классовая же мораль, и никому не дана пока-что сила сбросить съ себя классовую оболочку, чтобы стать верховнымъ, безпристрастнымъ судьею надъ современной, разорванной на части, дѣйствительностью *). Въ дальнѣйшемъ ходѣ полемики, впро-

*) См. относящіяся сюда статьи Меринга и Каутскаго въ журналѣ „Die Neue Zeit", 1892—1893 I B, № 9, № 22; II B, № 31.

чемъ, Мерингъ готовъ уже былъ признать, что «между буржуазной и пролетарской моралью есть кое-что общее, ибо онѣ представляютъ двѣ различныя соприкасающіяся между собою ступени историческаго развитія». Но это общее касается лишь кое-какихъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ правилъ личнаго поведенія, не имѣющихъ существеннаго общественнаго значенія. «Не для того же, — писалъ Мерингъ, — образовалось общество этической культуры, чтобы торжественно проповѣдывать такія общія моральныя сентенціи, въ истинности которыхъ никто не сомнѣвается; вѣдь это общество поставило себѣ задачей «этизировать» какъ разъ именно тѣ общественныя сферы, гдѣ между буржуазной и пролетарской экономіей, политикой и моралью происходитъ схватка (in die Haare gerathen sind). А если это такъ, то гдѣ возьметъ этическое движеніе тотъ высшій нравственный критерій, чтобы безпристрастно судить обѣ стороны? Высшей инстанціи, повторяю, не существуетъ; здѣсь можетъ быть лишь или-или, *или* буржуазная — *или* пролетарская мораль. И само нѣмецкое общество этической культуры, рекрутирующееся изъ буржуазныхъ классовъ и партій, стоитъ на почвѣ буржуазной морали; оно желаетъ быть судьею въ спорѣ, одной изъ сторонъ котораго оно само является, а такъ—нельзя»...

Перчатка, такимъ образомъ, была брошена, и молодому этическому движенію пришлось ее, волей-неволей, поднять. Необходимо было доказать марксизму, что одной классовой борьбой не исчерпывается вполнѣ историческая жизнь народовъ, что возможны уже теперь соціальныя группы, стоящія внѣ борющихся классовъ и преслѣдующія общечеловѣческія интересы, но прежде всего,—что существуютъ вѣчные и обязательные для всѣхъ законы нравственности, способные служить вѣрнымъ мѣриломъ относительной справедливости тѣхъ или иныхъ классовыхъ интересовъ и верховнымъ судьею борющихся сторонъ. Быть можетъ, такіе вѣчные, общеобязательные для всѣхъ законы нравственности нашимъ временемъ неясно еще сознаны; быть можетъ, формулировка ихъ, сопряженная съ большими трудностями, отличалась до сихъ поръ тѣми или иными недостатками, но никакому сомнѣнію не можетъ подлежать то обстоятельство, что классовая точка зрѣнія не есть еще критерій истины, а классовые интересы—критерій должнаго, и что поэтому уже и теперь, какъ было всегда и раньше, есть какое-то высшее мѣрило двуединой правды—истины и справедливости. Необходимо было показать, что самому марксизму, съ его односторонне-классовой точкой зрѣнія, не чуждо сознаніе такого высшаго мѣрила, по скольку онъ даетъ премущество тѣмъ или инымъ классовымъ интересамъ въ зависимости отъ ихъ отношенія къ всеобщему соціальному прогрессу. И дѣйствительно, какъ ни слаба была защита и аргументація ученыхъ адептовъ «этической культуры», пытавшихся реабилитировать себя въ глазахъ своихъ противниковъ, но къ кое-какимъ интереснымъ

принципіальнымъ уступкамъ со стороны публицистовъ штутгартскаго журнала этотъ идейный турниръ все же привелъ, хотя и не сразу. На вызовъ Меринга, брошенный этическому обществу, и коварное его приглашеніе открыть ему публично тѣ таинственные «вѣчные законы нравственности», которыми это общество надѣется улучшить современную дѣйствительность, отозвался молодой лейпцигскій доцентъ Поль Бартъ, заявивъ въ образовавшемся тѣмъ временемъ органѣ новаго движенія «Ethische Kultur», что основаніе морали во всѣ эпохи и у всѣхъ народовъ было неизмѣнно одно и то же, а именно—*интересы общежитія*. Мѣриломъ нравственныхъ поступковъ каждаго индивида всегда и повсюду служило то обстоятельство, въ какой степени онъ жертвовалъ собою интересамъ того общежитія, къ которому онъ принадлежалъ. Положеніе, какъ видитъ читатель, въ своей безусловной формѣ совершенно невѣрное, ибо бывали эпохи, когда высшимъ нравственнымъ идеаломъ было, напр., бѣгство отъ всякаго общежитія и аскетизмъ; бывали также эпохи, когда «интересы общежитія» размѣнивались на мелкую монету «счастья ближнихъ» или совершенно затемнялись интересами отдѣльныхъ соціальныхъ группъ и классовъ. Комментируя свое положеніе, Поль Бартъ замѣтилъ, что защита, напримѣръ, своей родины отъ нападенія внѣшняго врага *сверхъ* мѣры, требуемой обязательно закономъ, вездѣ и всегда признавалась нравственной обязанностью каждаго. Но и здѣсь, опять-таки попытка его формулировать постоянный и общеобязательный нравственный законъ оказалась неудачной, ибо какъ Мерингъ, такъ впослѣдствіи и Каутскій доказали ему полную неосновательность такого абсолютнаго утвержденія. «Классическая литература нѣмецкой буржуазіи,—писалъ Мерингъ,—тоже, вѣдь, была своего рода «эпохой» и извѣстной ступенью культурнаго развитія, между тѣмъ такіе люди, какъ Лессингъ, Гердеръ, Кантъ, Фихте, Гете, не имѣли никакого представленія объ этой нравственной обязанности. Фихте, напримѣръ, писалъ 22-го мая 1799 года къ Рейнгольду: «Нѣтъ ничего достовѣрнѣе самаго достовѣрнаго, а именно, что, если французы не окажутся могущественными побѣдителями и не осуществятъ въ Германіи или, по крайней мѣрѣ, въ значительнѣйшей ея части, кое-какія реформы, ни одинъ человѣкъ, извѣстный либеральнымъ образомъ своихъ мыслей, не найдетъ болѣе въ своей жизни мѣста, гдѣ онъ могъ бы считать себя спокойнымъ»... Такимъ образомъ,—продолжалъ далѣе Мерингъ,—Полю Барту слѣдовало болѣе обстоятельно обосновать свое упомянутое выше положеніе, ибо ему должно же быть извѣстно, что революціонные мыслители буржуазныхъ классовъ съ явнымъ энтузіазмомъ привѣтствовали разрушеніе феодально-деспотическаго государства даже отъ руки французовъ». Правда, немного позже тотъ же Фихте разразился своими страстными «рѣчами къ нѣмецкой націи», но еще Лассаль протестовалъ противъ тѣхъ, которые на основаніи этихъ «рѣчей» при-

числяли знаменитаго философа къ категоріи прусскихъ патріотовъ. «Униженіе государства, въ которомъ онъ жилъ, было ему до такой степени безразлично, что онъ называлъ уже заранѣе нѣмцевъ «глупцами» на тотъ случай, если бы они свергли съ себя иго французскаго мірового деспота, для того лишь, чтобы взвалить на себя вновь ярмо какого-либо нѣмецкаго «частичнаго» деспота. Фихте прямо заявлялъ, что разъ только внутренніе порядки въ Германіи останутся тѣ же, «то разница не велика, будетъ ли владыкою страны французскій маршалъ, вродѣ Бернадотта, или какой-либо надменный нѣмецкій дворянинъ»... Сказанное здѣсь о Фихте можно отнести съ одинаковымъ правомъ и къ Лессингу. Что касается Канта, то извѣстно, что во время семилѣтней войны между Россіей и Германіей онъ, въ качествѣ кенигсбергскаго гражданина, присягалъ на вѣрность императрицѣ Елизаветѣ и спокойно продолжалъ профессорствовать въ руссифицированномъ кенигсбергскомъ университетѣ. Клопштокъ и Гердеръ были занесены въ прусскіе военные списки въ качествѣ неблагонадежныхъ кантонистовъ. Шиллеръ былъ дезертировавшимъ военнымъ врачомъ, а Гете иронизировалъ въ 1813 году надъ Ѳеодоромъ Кернеромъ, поступившимъ въ качествѣ добровольца въ союзную армію, шедшую на Наполеона. Всѣ шесть были, такимъ образомъ, крайне безнравственные индивиды, если судить о нихъ согласно пресловутой моральной теоріи г-на Барта. Къ подобнымъ безсмысленнымъ выводамъ будешь приходить поневолѣ всякій разъ, если за основу вѣчныхъ нравственныхъ правилъ станешь выдавать такія расплывчатыя выраженія, какъ «интересы общежитія». Въ концѣ концовъ,—заключаетъ свою реплику Францъ Мерингъ,—отношеніе нашихъ классиковъ къ націи, къ отечеству и космополитизму опредѣлялось противорѣчіемъ интересовъ ихъ собственнаго соціальнаго класса и феодально-абсолютистскаго государства».

Въ этой находчивой репликѣ талантливаго марксистскаго публициста классовая точка зрѣнія на мораль еще разъ восторжествовала надъ абсолютной нравственностью, но это была ея послѣдняя Пиррова побѣда. Непосредственно за статьей Меринга въ томъ же журналѣ появилась статья не менѣе талантливаго марксистскаго *ученаго*, а именно — Карла Каутскаго, въ которой существованіе извѣстныхъ постоянныхъ, внѣклассовыхъ основаній морали было впервые признано самымъ недвусмысленнымъ образомъ. Это не значитъ, конечно, чтобы «Die Neue Zeit» сложила свое оружіе предъ «Ethische Kultur», отличающейся и до сихъ поръ крайней блѣдностью и наивностью своихъ воззрѣній. Нѣтъ, эпизодическое столкновеніе съ этическимъ движеніемъ послужило марксизму лишь навязаннымъ извнѣ поводомъ «ревизовать», хотя бы въ самой незначительной степени, свои нѣсколько односторонния воззрѣнія на исторію и нравственность. Съ этого момента и начинается, собственно, *третій стадій* этической эволюціи марксизма,

продолжающійся и до сихъ поръ. Въ этомъ стадіи мы узнаемъ уже, что эволюція нравственности не исчерпывается одной только классовой моралью, что человѣческой жизни присущи какія-то общія начала нравственности, что и марксизмъ живетъ теперь въ ожиданіи новой, внѣклассовой морали, правда, сложа, такъ сказать, руки и даже реставрируя въ минуты смущенія разный старый моральный хламъ... Повторяемъ, статья Каутскаго, о которой мы только что говорили, явилась до извѣстной степени новымъ словомъ въ ортодоксальной, крайне скудной, марксистской литературѣ о нравственности, и знакомство съ нею, является необходимымъ для всякаго, слѣдящаго за мучительной эволюціей этической мысли и совѣсти въ послѣднее десятилѣтіе. Вотъ важнѣйшія извлеченія изъ этой статьи, въ дословномъ переводѣ:

«Въ области нравственности слѣдуетъ различать два различные элемента — нравственныя *воззрѣнія* и *требованія*, съ одной стороны, съ другой — нравственныя *силы*. Существованіе общества *предполагаетъ уже наличность соціальныхъ инстинктовъ, склонностей и потребностей у его членовъ*. Въ зависимости отъ условій существованія этихъ членовъ, отмѣченныя здѣсь соціальныя силы обнаруживаютъ тенденцію усиливаться или ослабѣвать. Борьба за существованіе укрѣпила эти силы, ибо тѣ общественныя коллективности, члены которыхъ недостаточно отличались дисциплиной, самопожертвованіемъ и *преданностью общежитію* *) (Hingebung an die Gemeinschaft), имѣли болѣе шансовъ погибнуть, чѣмъ тѣ общества, члены которыхъ были полны этихъ качествъ. Послѣднія претворились въ инстинкты, передаваемые изъ поколѣнія въ поколѣніе въ теченіе тысячелѣтій. Уровень *соціальныхъ или моральныхъ* силъ является, поэтому, при различныхъ общественныхъ условіяхъ различнымъ, *но сущность этихъ силъ въ основныхъ пунктахъ всегда одинакова*. Постольку и можно лишь говорить о *вѣчныхъ основахъ нравственности*. Но этики, — продолжаетъ далѣе Каутскій,—не различаютъ, обыкновенно, между силами и требованіями (Forderungen) морали, полагая, что разъ первыя повсюду встрѣчаются почти въ одной и той же формѣ, то не можетъ представлять никакой трудности и требованія морали свести къ нѣкоторымъ общимъ основнымъ принципамъ. Современный человѣкъ сталъ членомъ самыхъ различныхъ коллективностей, особой семьи, общины, класса, партіи, опредѣленнаго государства, націи, зачастую даже — особой религіи. Каждая изъ этихъ коллективностей порождаетъ въ соотвѣтствіи со своимъ специфическимъ, матеріальными отношеніями обусловленнымъ, характеромъ свои особыя права и обязанности, весьма часто вступающія другъ съ другомъ въ конфликтъ. Чѣмъ добросовѣстнѣе, нравственнѣе человѣкъ, *то-есть* чѣмъ сильнѣе въ немъ развиты *соціальные*

*) Курсивъ вездѣ мой. Е. Л.

инстинкты, тѣмъ чувствительнѣе для него такія нравственныя противорѣчія, вытекающія изъ соціальныхъ антагонизмовъ. Какой вѣрный своему долгу человѣкъ не переживалъ конфликта между, напримѣръ, обязанностями по отношенію къ своей семьѣ и таковыми по отношенію къ своей партіи или своему классу? Гдѣ же тутъ искать «вѣчныхъ нормъ нравственнаго поведенія», которыя г-нъ Бартъ съ такою легкостью выводитъ изъ своего положенія объ «интересахъ общежитія»?.. Нѣтъ, поэтому, ничего болѣе педантичнаго и безплоднаго, какъ хотѣть свести вѣчно движущіяся и противорѣчащія другъ другу нравственныя воззрѣнія, понятныя лишь въ тѣсной связи съ данными явленіями общественной жизни, къ закоченѣлымъ и мертвымъ формуламъ, которыя получаютъ эпитетъ вѣчныхъ развѣ лишь потому, что никогда до сихъ поръ онѣ не имѣли безусловнаго приложенія... Но если мы и не можемъ признать существованіе какихъ-либо вѣчныхъ истинъ въ области морали, равно какъ, впрочемъ, и во всѣхъ другихъ областяхъ общественной ной жизни, то этимъ мы не хотимъ сказать, что научное изслѣдованіе *законовъ морали* невозможно или безполезно. Законы, открываемые научнымъ изслѣдованіемъ нравственныхъ явленій, должны быть, конечно, признаны всякимъ образованнымъ человѣкомъ, безъ различія классовъ, но спрашивается: съ какихъ это поръ наука о нравственности стала сама вдругъ моралью, въ смыслѣ опредѣленнаго кодекса нравственныхъ предписаній? Научный законъ не содержитъ въ себѣ никакого требованія, онъ есть лишь констатированье и объясненіе фактовъ. Однимъ изъ такихъ законовъ науки о нравственности является, напримѣръ, констатированье того факта, что взгляды на отношенія половъ другъ къ другу въ какомъ-либо данномъ обществѣ отчасти обусловливаются господствующими въ немъ формами домашняго хозяйства. Наоборотъ, нравственныя требованія, регулирующія взаимныя отношенія половъ,—напримѣръ, требованіе цѣломудрія,—являются не выводами науки о нравственности, а объектомъ ея изслѣдованія. Такая наука о нравственности называется этикой. Чѣмъ болѣе развивается нравственная наука, тѣмъ рѣшительнѣе должна она отвергать идею научной нравственности»...

Въ заключеніе Каутскій дѣлаетъ еще слѣдующее любопытное признаніе:

«*Мы также ожидаемъ пришествія новой морали* (das Kommen einer neuen Moral), но ея требованія не выростутъ изъ отвлеченныхъ построеній философовъ, а изъ новыхъ потребностей новаго общества,—того общества, гдѣ исчезнутъ классовыя различія, чѣмъ впервые со времени возникновенія раздѣленія труда и классовъ созданы будутъ предварительныя условія для образованія единой, свободной отъ противорѣчій, морали. Свою силу эта мораль будетъ, однако, черпать не изъ наставленій нравственныхъ проповѣдниковъ, а изъ солидарности интересовъ всѣхъ членовъ общества. Ни отъ нравственныхъ пропо-

вѣдей, *ни отъ изобрѣтенія новой морали* мы не ждемъ нравственнаго возвышенія пролетаріата. Мы того мнѣнія, и факты подтверждаютъ справедливость его, что условія существованія пролетаріата имѣютъ тенденцію укрѣплять въ немъ соціальные инстинкты, склонности и потребности, тогда какъ условія существованія его противниковъ вліяютъ въ противоположномъ направленіи»...

Такова, въ своихъ важнѣйшихъ частяхъ, статья Карла Каутскаго по одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ общаго міросозерцанія. Мы не скупились дословными выдержками изъ нея, ибо считаемъ сдѣланныя здѣсь признанія одного изъ самыхъ выдающихся представителей современнаго марксизма крайне характерными для того межеумочнаго и растеряннаго положенія, въ какомъ очутилась вся вообще теорія діалектическаго и историческаго матеріализма по отношенію къ основнымъ идеологическимъ проблемамъ современной жизни. То, что до сихъ поръ такъ упорно отрицалось или неглижировались ортодоксальнѣйшими представителями марксизма, а именно существованіе опредѣленнаго постояннаго элемента человѣческой нравственности, теперь уже признается, какъ вещь самая обыкновенная и естественная, и даже не только «признается», но и, что важнѣе всего, опредѣляется въ качествѣ conditio sine qua non всякой общественной жизни. Существованіе общества, говоритъ Каутскій, предполагаетъ уже существованіе нравственности и притомъ *общечеловѣческой* нравственности, понимаемой какъ извѣстный minimum соціальныхъ инстинктовъ и чувствъ, имѣющихся у каждаго изъ его членовъ. Подъ внѣшней оболочкой классоваго антагонизма и классовой борьбы, къ которымъ марксизмъ сводилъ все содержаніе человѣческой исторіи, Каутскій открываетъ вдругъ законъ *общечеловѣческой солидарности*, проявлявшій свою силу даже при самыхъ неблагопріятныхъ для него историческихъ и соціальныхъ условіяхъ. Рядомъ съ классовой борьбой, слѣдовательно, имѣла въ теченіе всей исторіи мѣсто болѣе или менѣе сильная, болѣе или менѣе сознательная *борьба за солидарность*. Такъ же точно, подъ внѣшней корой эгоистической или классовой человѣческой индивидуальности тотъ же Каутскій открываетъ, къ изумленію своихъ единомышленниковъ, общечеловѣческую *нравственную личность*, съ присущими ей вполнѣ опредѣленными и постоянными потребностями и стремленіями. Правда, послѣднія въ теченіе историческаго процесса и всѣхъ жестокихъ перипетій классовой борьбы сплошь и рядомъ подавлялись и искажались, какъ бы въ конецъ атрофировались въ человѣческой груди, но не замирали никогда, являясь одной изъ постоянныхъ двигательныхъ силъ прогресса. Лишь тѣ общества прогрессировали, говоритъ Каутскій, члены которыхъ сильнѣе всего были проникнуты «соціальными или моральными» чувствами и инстинктами. Но спрашивается: не значитъ ли это придавать этическому фактору въ исторіи и, вообще, всяческой идеологіи нѣкоторое независи-

мое отъ экономики значеніе и довольно-таки крупную опредѣляющую роль? Даже больше: не подрываютъ ли вышеотмѣченныя признанія Каутскаго, вообще, всей теоріи историческаго матеріализма въ самомъ ея корнѣ, если эту теорію брать не какъ *методъ* историческаго изслѣдованія, а какъ соціологическую и историко-философскую *доктрину*, претендующую на «монистическое» и притомъ матеріалистическое объясненіе исторіи? Какой ужъ тутъ монизмъ, разъ рядомъ съ матеріальными производительными силами, какъ творческимъ началомъ всей соціальной жизни, ставится *столь же первичный* этическій факторъ исторіи, нравственные законы общества и человѣка... Какъ бы тамъ, однако, ни было,—несомнѣнно то, что, несмотря на вѣчную смѣну и классовыя различія нравственныхъ воззрѣній, возможно найти во всемъ этомъ разнообразіи опредѣленный постоянный и специфическій признакъ нравственности, и не только найти, но и вполнѣ ясно его дефинировать. Правда, Каутскій не любитъ «закоченѣлыхъ и мертвыхъ формулъ» морали, находитъ «педантичнымъ» и даже невозможнымъ создать постоянную, навсегда примѣнимую норму нравственной жизни; но странно, онъ же самъ даетъ намъ самую ясную и недвусмысленную формулу вѣчнаго нравственнаго закона, сводя его къ личному самоотверженію во имя общаго блага. Личность тѣмъ нравственнѣе, говоритъ онъ, чѣмъ болѣе она проникнута соціальными чувствами и инстинктами, т.-е. преданностью своему обществу. Отсюда, вѣдь, всего одинъ шагъ до установленія постоянной и общеобязательной нравственной нормы: *живи такъ, чтобы въ основѣ каждаго твоего поступка лежали, посредственно или непосредственно, мотивы общаго блага.* Эту этическую норму можно, конечно, формулировать и нѣсколько иными *словами*, но сущность, т.-е. содержаніе и смыслъ ея всегда и вездѣ будутъ тѣ-же, и иной истинной, общечеловѣческой нравственности быть не можетъ, если исходить изъ основныхъ нравственныхъ посылокъ того же Каутскаго. Но онъ этого шага не дѣлаетъ, прячась въ свое оправданіе за цѣлый рядъ разсужденій, не выдерживающихъ никакой критики. Такъ, напримѣръ, изъ факта существованія нравственныхъ конфликтовъ въ душѣ каждаго отдѣльнаго человѣка (между обязанностями по отношенію къ семьѣ, классу, партіи и т. п.), Каутскій заключаетъ о безполезности искать вѣчныя, т.-е. разъ навсегда обязательныя нормы нравственнаго поведенія. Какъ будто для разрѣшенія подобныхъ конфликтовъ недостаточно хоть бы ужъ того простого и вполнѣ яснаго критерія нравственности, который твердо установленъ выше самимъ Каутскимъ! Мы разумѣемъ, конечно, рѣшеніе *принципіальное*, въ нравственномъ сознаніи даннаго лица, а не фактическое, зависящее не столько отъ сознанія, сколько отъ *воли*. Для личности нравственной, т.-е., по Каутскому же, глубоко проникнутой соціальными чувствами, никакихъ тутъ принципіальныхъ сомнѣній

быть не можетъ: въ случаѣ серьезныхъ конфликтовъ, интересы семьи или какихъ-либо другихъ частныхъ группъ всегда будутъ принесены въ жертву интересамъ партіи или общества. Столь же неосновательны соображенія Каутскаго относительно лжи и истины. Вѣдь самъ же онъ говоритъ, что возможны случаи, когда сказать неправду «является прямо-таки *нравственной обязанностью*». Существуетъ, слѣдовательно, какой-то высшій и вполнѣ опредѣленный моральный критерій, дающій намъ возможность болѣе или менѣе легко разбираться во всевозможныхъ частныхъ случаяхъ и конфликтахъ. И критерій этотъ данъ намъ, опять-таки самимъ Каутскимъ: Salus populi suprema lex. Справедливъ ли этотъ критерій или нѣтъ, это вопросъ другой, das lässt sich streiten—какъ говорятъ нѣмцы, но что онъ возможенъ, противъ этого не могутъ уже ничего возразить теперь и самые ортодоксальнѣйшіе изъ марксистовъ. Ссылка ихъ на то, извѣстное всѣмъ, обстоятельство, что нравственные взгляды и даже чувства людей мѣнялись въ разныя эпохи и принимали классовую окраску, что даже теперь еще культурное человѣчество не отыскало какого-либо одного, вполнѣ опредѣленнаго и общепризнаннаго, нравственнаго закона, окончательно затерявшись въ безвыходномъ лабиринтѣ самыхъ противорѣчивыхъ моральныхъ системъ и формулъ, не можетъ уже больше служить основаніемъ ихъ теоріи нравственнаго релятивизма и ихъ чисто-матеріалистическаго объясненія идеологіи, разъ они устами самого Каутскаго признали, что, несмотря на всѣ испытанныя ею измѣненія и искаженія, человѣческая нравственность «въ основныхъ своихъ пунктахъ всегда и вездѣ одинакова». Такое же точно признаніе сдѣлалъ Каутскій еще въ своемъ придисловіи къ сочиненію Atlanticus'а: «Produktion und Konsumption im Sozialstaat», гдѣ онъ, между прочимъ писалъ: «Рядомъ съ чувствами голода и любви сильнѣйшія стремленія въ человѣческой природѣ—соціальныя. Человѣкъ отъ природы есть животное общественное, и общественные инстинкты (чувство долга, преданность другимъ) такъ глубоко укоренились въ немъ, что даже вѣка ожесточеннѣйшей конкуренціи не могли совершенно уничтожить ихъ. Эта сторона человѣческой природы найдетъ въ будущемъ богатую почву для своего развитія и проявленія».

Такимъ образомъ, мы видимъ, какъ мало-по-малу новѣйшая марксистская литература стала втягиваться въ потокъ современныхъ моральныхъ исканій, поворачиваясь, хотя и крайне неохотно, спиною къ своему прежнему нравственному релятивизму и скептицизму *). Но по-

---

*) Съ тѣхъ поръ въ журналѣ „Die Neue Zeit“ появлялись кое-какія робкія экскурсіи въ область этики, но на всѣхъ нихъ лежитъ все та же печать недоговоренности, растерянности и „воздержанія“. Лучшей статьей можно признать до извѣстной степени трудъ Belfort-Bax'a: „Menschenthum und Klasseninstinkt“,

вторяемъ: активно и самостоятельно вмѣшаться въ эти исканія, помочь современному нравственному сознанію выбиться какъ-нибудь изъ запутанной сѣти старыхъ преданій и найти безусловный нравственный идеалъ не входитъ въ число теоретическихъ задачъ марксизма. Онъ лишь «ждетъ пришествія новой морали», возлагая всѣ свои надежды на естественный ходъ вещей и презрительно кивая по адресу «отвлеченныхъ построеній философовъ». Но спрашивается: почему бы и не попытаться разгадать будущее на основаніи діагноза, сдѣланнаго настоящему? Имѣемъ же мы опредѣленные идеалы политическіе, экономическіе, семейные и т. д.,—почему бы не дополнить ихъ еще идеалами нравственными? Само собою разумѣется, что однимъ «изобрѣтеніемъ новой морали» мы, какъ говоритъ Каутскій, общества не исправимъ, нравственнаго состоянія пролетаріата не возвысимъ. Но, вѣдь, то же самое можно сказать и о всякой другой идеологіи (политической, соціально-экономической и т. д.), которая тѣмъ не менѣе пламенно «проповѣдуется» повсюду той же марксистской литературой и прессой. Весьма возможно, что самыя условія существованія пролетаріата «имѣютъ тенденцію укрѣплять въ немъ соціальныя чувства и стремленія», но это не можетъ мѣшать намъ дополнить такое чистое стихійное, спонтанейное воспитаніе цѣлыхъ слоевъ общества просвѣщеніемъ его нравственнаго *сознанія*. Все это, впрочемъ азбучныя истины, «азы», трюизмы, но что же подѣлаешь, если приходится имѣть дѣло съ людьми, позабывшими азбуку. Правда, для того, чтобы просвѣтлять нравственное сознаніе другихъ, необходимо раньше самому знать, во имя чего жить и во что вѣровать, необходимо покончить съ тактикой воздержанія и выжиданія, не страшась возможныхъ промаховъ и ошибокъ, даже не пугаясь отреченія отъ своихъ, когда-то столь абсолютныхъ догмъ. А на это не у всякаго хватаетъ мужества, не хватаетъ его и у современнаго «ортодоксальнаго» марксизма...

Нѣсколько болѣе основательны взгляды Каутскаго на отношенія между этикой, какъ дисциплиной деонтологической, и наукой о нравственности. Несомнѣнно, что наука о нравственныхъ явленіяхъ общественной жизни не есть еще этика, какъ извѣстный кодексъ нравственныхъ нормъ, обоснованныхъ опредѣленнымъ философскимъ міро-

---

появившуюся въ № 47 названнаго журнала за 1892 — 1893 годъ. По мнѣнію этого писателя, наши соціальные чувства и инстинкты, лежащіе въ основѣ истинной нравственности, являются наслѣдіемъ давнопрошедшаго, гентильнаго строя жизни, сохранившимся до сихъ поръ (хотя и значительно растеряннымъ) не благодаря послѣдовавшей затѣмъ классовой борьбѣ, а вопреки ей. Истинная природа человѣка выдержала колоссальную борьбу съ разлагающими процессами индивидуалистическихъ порядковъ, никогда не перестававши протестовать противъ нихъ какъ сознательно, во имя идеала солидарности, такъ и стихійно, автоматически...

созерцаніемъ. Равнымъ образомъ, нѣтъ ничего общаго между законами нравственной жизни народовъ и принципами этики. «Научный законъ—справедливо замѣчаетъ Каутскій—не содержитъ въ себѣ никакого требованія, онъ есть лишь констатированіе и объясненіе фактовъ». Но ошибочно было бы полагать, съ другой стороны, что между наукой о нравственности и этикой, какъ деонтологической дисциплиной, лежитъ и должна лежать глубокая и непроходимая пропасть. Откуда, спрашивается, заимствовалъ Каутскій свое знаніе о «вѣчныхъ основахъ нравственности», какъ не изъ данныхъ, установленныхъ эмпирической наукой о нравственности? Эта наука не предъявляетъ, конечно, намъ никакихъ требованій; тѣмъ не менѣе, опираясь на данныя исторіи и соціологіи, она открываетъ *существо нравственности*, помогая тѣмъ самымъ нашему нравственному сознанію разобраться въ сложномъ лабиринтѣ всевозможныхъ моральныхъ понятій и формулъ. Прежде чѣмъ установить нормы нравственнаго поведенія, надо найти ихъ, а чтобы найти ихъ, одинъ «императивный» голосъ совѣсти не достаточенъ. Необходимо еще то, что Вундтъ называетъ «индуктивной подготовкой этики», т.-е. научное изслѣдованіе нравственныхъ понятій и явленій и соподчиненіе ихъ опредѣленной общей точкѣ зрѣнія. Такимъ образомъ, одной своей стороной ученіе о нравственности непремѣнно должно опираться на науку о нравственности и быть, въ этомъ смыслѣ «научнымъ». Впрочемъ, на этомъ мы остановимся еще нѣсколько ниже, а теперь приведемъ еще одинъ, самоновѣйшій примѣръ той позиціи, какую занялъ ортодоксальный марксизмъ по отношенію къ современнымъ моральнымъ исканіямъ. Мы имѣемъ въ виду ту рѣзкую критику съ его стороны, которую встрѣтило новѣйшее идеалистическое движеніе у насъ въ Россіи, въ частности—извѣстный сборникъ «двѣнадцати апостоловъ», вышедшій въ прошломъ году подъ общимъ заглавіемъ: «Проблемы идеализма». Въ появившейся недавно брошюрѣ: «Ueber die Probleme des Idealismus» авторъ ея, пишущій подъ псевдонимомъ «Ортодоксъ», пытается поставить соціально-психологическій, такъ сказать, діагнозъ нашему неоидеалистичему движенію, опредѣляя его какъ profession de foi «самаго умѣреннаго, скромнаго и робкаго либерализма», понимаемаго въ смыслѣ не только политическаго, но и философскаго направленія.

Часть русскихъ критиковъ теоріи Маркса—читаемъ мы въ самомъ началѣ отмѣченной выше брошюры—благоговѣйно увѣровала въ абсолютъ и изложила свое новое «критическое» profession de foi въ недавно вышедшемъ сборникѣ подъ заглавіемъ «*Проблемы идеализма*». «Большинство легальныхъ, такъ называемыхъ марксистовъ соединяли Маркса съ Кантомъ съ самаго начала своего выступленія въ защиту матеріалистическаго пониманія исторіи. Съ легкомысліемъ, свойственнымъ обширной категоріи современныхъ слабонервныхъ писателей.

эти господа пытались убѣдить себя и другихъ, что можно принять теорію познанія критицизма, отказываясь отъ «реакціонныхъ сторонъ, постулатовъ». Но объективная логика оказалась сильнѣе субъективной непослѣдовательности критическихъ марксистовъ». Научныя теоріи Маркса-Энгельса не могутъ «уживаться съ либерализмомъ Канта, представляющимъ довольно полное идеологическое отраженіе освободительныхъ стремленій буржуазіи XVIII столѣтія». Поэтому, критическіе марксисты—продолжаетъ далѣе нашъ «ортодоксальный» марксистъ — должны были либо измѣнить Канту и примкнуть всецѣло къ научнымъ и философскимъ теоріямъ Маркса-Энгельса, либо оставить послѣднихъ въ сторонѣ и стать на точку зрѣнія цѣльнаго кантіанства съ принадлежащими ему реакціонными сторонами. «Возрожденіе кантіанства, какъ реакціи противъ научнаго соціализма въ Западной Европѣ, съ одной стороны, созрѣвшіе элементы для развитія опредѣленнаго либерализма въ Россіи, съ другой, — подвинули русскихъ критическихъ марксистовъ назадъ. И критики съ той же шумной поспѣшностью, съ которой раньше увѣряли, что можно отбросить постулаты практическаго разума, оставили марксову «догму» и дополнили теоретико-познавательный фундаментъ критицизма вытекающими изъ него реакціонными сторонами. Такимъ образомъ, «критика чистаго разума» привела къ «критикѣ практическаго разума». За Ignoramus и Ignorabimus неизбѣжно послѣдовало Credo quia absurdum est. И устарѣвшая метафизическая догма «діалектическаго матеріализма уступила мѣсто новой, оригинальной критической гносеологіи отцовъ церкви. Однимъ словомъ, критическіе марксисты совершили переоцѣнку всѣхъ цѣнностей».

Послѣ такого вступленія и слѣдующаго за нимъ краткаго изложенія существеннаго содержанія разныхъ статей «Сборника», авторъ останавливается со своими критическими комментаріями преимущественно на тѣхъ мѣстахъ этихъ статей, которыя, по его мнѣнію, вѣрнѣе всего выражаютъ основныя черты либерально-буржуазной идеологіи. Къ наиболѣе характернымъ чертамъ этой послѣдней всегда принадлежала, между прочимъ, большая симпатія къ теоріи такъ называемаго естественнаго или прирожденнаго права,—одной изъ священнѣйшихъ догмъ либеральнаго индивидуализма. «Естественныя» права личности—таковъ первый лозунгъ всякаго «созрѣвшаго» либерализма. Въ защиту этого лозунга и выступилъ «четвертый изъ двѣнадцати апостоловъ», г. Новгородцевъ.

«Г. Новгородцевъ, — говоритъ критикъ, — ставъ на точку зрѣнія философіи прирожденныхъ правъ, естественно вернулся къ взглядамъ просвѣтителей XVIII столѣтія. Возрожденіе естественнаго права возвращаетъ насъ, по мнѣнію этого идеалиста, къ вѣрѣ «во всѣ тѣ слова и лозунги, которые составляли священное credo просвѣтительной философіи XVIII вѣка». Побѣда «эгалитарной свободы» должна совер-

шиться въ духѣ и согласно принципамъ естественнаго права, отстаивающаго свободу личности. Естественное право, имѣя своимъ исходнымъ пунктомъ метафизическую формальную справедливость, сводится къ юридическому равенству передъ закономъ, выражающимъ субстанціальное равенство людей. Но въ своемъ стремленіи къ абстрактному равенству юридическая свобода, построенная на естественномъ правѣ, требуетъ гарантіи тѣхъ привиллегій личности, которыя основываются на прирожденныхъ преимуществахъ. Поэтому естественное право, начиная субстанціальнымъ равенствомъ людей, заканчиваетъ только преимуществами личности».

Такой практическій выводъ, вытекающій изъ естественнаго права, дѣлаетъ, по мнѣнію нашего критика, другой авторъ «*Проблемъ идеализма*», г. Бердяевъ, въ слѣдующихъ словахъ своей статьи (стр. 118): «Само естественное право личности не поддается уже никакой расцѣнкѣ, съ точки зрѣнія общественной пользы, общественнаго благополучія и т. д. Оно является абсолютною цѣнностью». Поэтому, заключаетъ г. Бердяевъ свое разсужденіе объ естественномъ правѣ, «мы отрицаемъ этико-правовой принципъ народнаго суверенитета». Таковы политическіе выводы нашего философскаго идеализма...

Политико-правовому индивидуализму соотвѣтствуетъ и индивидуализмъ *этическій*. «Г. Бердяевъ,—говоритъ Ортодоксъ,—формулируетъ настоящую сущность этики Канта такимъ образомъ: «Нравственный законъ прежде всего требуетъ, чтобы человѣкъ никогда не былъ рабомъ, хотя бы это было рабство у чужого страданія и слабости, чтобы человѣкъ не отказывался отъ своихъ правъ на безпредѣльное развитіе и усовершенствованіе, *хотя бы это былъ отказъ во имя благополучія другихъ людей и всего общества* (стр. 123)... Противоположеніе долга и *я* съ этической точки зрѣнія абсурдъ, такъ какъ долгъ есть законодательство *я*...» Личность, освобожденная, такимъ образомъ, отъ всякихъ опредѣленныхъ обязанностей по отношенію къ другимъ личностямъ или къ обществу, должна признать «діонисовское начало жизни», заключающееся въ принципахъ такого рода: «Человѣческое *я* развивается путемъ повышенія жизни и потому старый призывъ *жить во всю* никогда не теряетъ своего значенія. Въ человѣкѣ есть безумная жажда жизни, интенсивной и яркой, жизни сильной и могучей, *хотя бы своимъ зломъ, если не добромъ*. Это необычайно цѣнная жажда и пусть она лучше опьяняетъ человѣка, чѣмъ отсутствуетъ совсѣмъ. Это богъ Діонисъ даетъ о себѣ знать» (Ibid., стр. 130—131).

«Таковы—заключаетъ свое резюме цитируемый нами критикъ—основные принципы этической теоріи «идеалистовъ»... При изложеніи такъ наз. философскихъ принциповъ «проблемъ идеализма» мы придерживались главныхъ, руководящихъ статей, посвященныхъ исклю-

чительно принципіальной постановкѣ этическихъ задачъ. Остальныхъ статей этого сборника мы не коснулись по той причинѣ, что ихъ авторы всецѣло раздѣляютъ общее міросозерцаніе гг. Булгакова, Бердяева, Франка и Новгородцева... Точно также насъ нисколько не интересуетъ встрѣчающіяся у отдѣльныхъ авторовъ противорѣчія, которыя вытекаютъ не изъ неправильности міровоззрѣнія, а изъ ихъ индивидуальной непослѣдовательности». Представляя затѣмъ вкратцѣ общій ходъ размышленій важнѣйшихъ авторовъ упомянутаго сборника, нашъ ортодоксальный критикъ получаетъ слѣдующую картину:

«Нравственное долженствованіе состоитъ въ абсолютномъ, субстанціальномъ противорѣчіи съ дѣйствительно сущимъ. Не вытекая изъ опыта, нравственно-должное есть продуктъ *чистаго моральнаго сознанія*, источникомъ котораго является сверхъ опытный нравственный міропорядокъ, установленный въ конечномъ счетѣ Богомъ. Нравственное Долженствованіе составляетъ, такимъ образомъ, божественный элементъ въ человѣкѣ и должно поэтому разсматриваться какъ абсолютная самодѣятельность. На основаніи всего этого «человѣкобогъ» или «богочеловѣкъ» не имѣетъ ни малѣйшаго нравственнаго права жертвовать собою, т.-е. своимъ божествомъ, въ пользу своего ближняго или общества. Далѣе, по причинамъ той же божественной природы, тотъ же «человѣкобогъ» или «богочеловѣкъ» не долженъ быть ограниченъ никакими общественными узами, а изъ этого слѣдуетъ, что необходимо ограничить народный суверенитетъ»...

Мы, лично, совершенно согласны съ только что цитированнымъ ортодоксальнымъ критикомъ въ его основномъ опредѣленіи общаго содержанія «*Проблемъ идеализма*», какъ своего рода «исповѣданія вѣры» либерально-индивидуалистическихъ теченій въ современной русской мысли,—правда, не безъ примѣси нѣсколькихъ капель «socialen Oels». Можно, вообще, сказать, что какой-то злой рокъ преслѣдуетъ современное нео-идеалистическое движеніе, не только у насъ, но и на Западѣ, гдѣ оно, въ свою очередь, все болѣе грозитъ погрязнуть въ трясинахъ самаго мистическаго индивидуализма и нравственно-политическаго оппортунизма. Первая попытка восполнить наше соціальное міросозерцаніе идеями и принципами идеалистической философіи закончилась—надо признать—самымъ печальнымъ (если даже не постыднымъ) образомъ, и въ роли tertius gaudiens является, конечно, не кто иной, какъ тотъ же ортодоксальный марксизмъ. Не пожалѣемъ ему этой, быть можетъ, послѣдней радости, этого, по всей видимости, Пиррова торжества, ибо дни его уже сочтены, могила ему вырыта его собственною доктринерскою неподвижностью. Всякій, кто имѣетъ очи, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать, не можетъ не замѣтить вѣрныхъ симптомовъ духовнаго разложенія этого *ортодоксальнаго* крыла въ марксизмѣ, все болѣе оказывающагося «въ хвостѣ» какъ

идейнаго, такъ и общественнаго движенія. Мы не говоримъ здѣсь о марксизмѣ вообще, заключающемъ въ себѣ, безъ сомнѣнія, кое-какіе здоровые и жизнеспособные элементы, нуждающіеся лишь въ развитіи. И такъ, повторяю, не будемъ мѣшать «ортодоксамъ» радоваться ихъ временному торжеству надъ нео-идеалистами, тѣмъ болѣе, что борьбѣ ихъ съ идейными шатаніями этихъ послѣднихъ мы, лично, вполнѣ сочувствуемъ. Мы находимъ лишь коренное противорѣчіе между тѣми словами нашего критика, гдѣ онъ утверждаетъ о наличности у насъ *«созрѣвшихъ* элементовъ для развитія опредѣленнаго либерализма», нашедшаго свое идеологическое выраженіе, между прочимъ, въ «Проблемахъ идеализма», и тѣми далеко не лестными эпитетами, какими онъ прямо - таки забрасываетъ эти якобы жизнеспособные «элементы». Съ одной стороны, ортодоксальная доктрина учитъ, что, всѣ западно-европейскія государства имѣли свою буржуазію и свой «созрѣвшій» либерализмъ, исполнявшій соотвѣтственную ему историческую миссію; значитъ, заключаетъ отсюда «ортодоксъ», и наша страна должна имѣть свою буржуазію, съ ея специфической политической и соціальной миссіей, и свой «созрѣвшій» либерализмъ. Съ другой стороны, если вѣрить тому же «ортодаксу», этотъ нашъ родной созрѣвшій либерализмъ оказывается уже старчески-дряхлымъ и «перезрѣвшимъ, отцвѣтшимъ, не успѣвши расцвѣсть». Такъ, не говоря уже о томъ, что этотъ русскій либерализмъ оказывается, по ортодоксу, «крайне умѣреннымъ, скромнымъ и робкимъ»,—это куда бы еще ни шло!—Нѣтъ, онъ уже выказываетъ всѣ признаки вырожденія, его лучшіе идейные выразители, авторы «Проблемъ идеализма», «писатели съ нагими душами» «fin du siècle», «слабонервные», «они всосали въ себя всѣ декадентскія модныя формы», «нервные, они съ безтактностью настоящихъ parvenus стараются всячески возбуждать нервы читателя», знаменемъ своимъ они избрали лозунгъ «credo quia absurdum», они слѣдуютъ въ своихъ воззрѣніяхъ «за отцами церкви», даже стиль этихъ людей «порывистый, крикливый, истерическій»... Таковы «созрѣвшіе элементы» россійскаго либерализма, на котораго, кстати сказать, эта самая наша марксистская ортодоксія начинаетъ въ послѣднее время возлагать большія надежды. Какъ совмѣстить одно съ другимъ, мы разгадать не рѣшаемся: тайны діалектическаго мышленія намъ, профанамъ-логикамъ, къ несчастью, недоступны и непостижимы. Мы, лично, убѣждены въ невозможности возрожденія здороваго, жизнеспособнаго либеральнаго движенія и соотвѣтственной ему идеологіи, *въ ихъ чистомъ видѣ*, на порогѣ двадцатаго столѣтія, по причинамъ, которыя здѣсь не мѣсто разбирать. И даже тѣ же самыя *«Проблемы идеализма»* сильны не своими чисто-либеральными сторонами, не своимъ превыспреннимъ индивидуализмомъ, а кое-какими аккордами изъ совсѣмъ другой оперы,—тѣми, именно, каплями Socialen Oels, которыя

тамъ преподносятся читателю подъ густымъ индивидуалистическимъ соусомъ. «Ein hybrides Gebilde»,—можно лишь сказать словами Ницше объ этомъ самоновѣйшемъ продуктѣ русской «либеральной» мысли—помѣсное, ублюдочное явленіе, родное дѣтище современнаго идеологическаго хаоса.

Какъ бы тамъ, однако, ни было, очевидно, что самой «пролетарской идеологіи» отъ этого ничуть не легче. Марксистское *міросозерцаніе* умерло, оставивъ своихъ, еще недавно столь вѣрующихъ, адептовъ въ смущеніи и тревогѣ. Большинство послѣднихъ носитъ еще привычную, когда-то столь дорогую имъ кличку, но настоящихъ, чистыхъ «марксистовъ» даже на Западѣ становится съ каждымъ днемъ все меньше. *Слово* остается, а содержаніе быстро опустошается поступательнымъ движеніемъ мысли, поворачивающимся спиной, какъ къ давно отжившему свой вѣкъ, матеріализму,—историческому не менѣе, чѣмъ общефилософскому,—такъ и ко всякой классовой морали, хотя бы даже носящей названіе—«пролетарской»...

Двадцатый вѣкъ принадлежитъ, съ одной стороны, монизму—не ложному, одностороннему, матеріалистическому, а истинному, *синтетическому*, съ другой—общечеловѣческой, *соціальной* морали будущаго, на которую намекалъ, къ сожалѣнію, крайне смутно, еще Фридрихъ Энгельсъ, и о которой мы поговоримъ особо въ слѣдующей статьѣ.

Е. Лозинскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ВЪ СРЕДНЕ-АЗІАТСКИХЪ СТЕПЯХЪ.

(*Продолженіе* *).

По средне-азіатской дорогѣ.

IV.

У хорошенькаго, ослѣпительно бѣлѣющаго на яркомъ южномъ солнцѣ красноводскаго вокзала, съ его вычурными восточными узорами и граціозными полуарками, стоитъ готовый къ отправкѣ пассажирскій поѣздъ, съ бѣлыми или блѣдно-желтыми вагонами, чтобы не такъ поглощать солнечные лучи. Съ высоко приподнятаго перрона—чудный видъ на изумрудно-зеленую Красноводскую бухту, съ ея пристанями и съ нагружающимися и разгружающимися пароходами. По другую сторону вокзала городской садъ—довольно большая, чѣмъ-то огороженная площадь, засаженная чахлыми, выжженными солнцемъ, едва достигающими человѣческаго роста, деревцами какихъ то неизвѣстныхъ мнѣ породъ, а кругомъ въ видѣ амфитеатра расположился весь городъ,—одноэтажные, ярко-бѣлые или блѣдно-голубые домики съ плоскими азіатскими крышами,—окруженный амфитеатромъ невысокихъ, лишенныхъ всякой растительности горъ.

Первый звонокъ. Публика стремглавъ бросается въ вагоны, второклассные и первоклассные пассажиры осаждаютъ начальника станціи разными основательными и неосновательными претензіями: второклассный пассажиръ не желаетъ сидѣть въ купэ, куда «затесались» сарты, и требуетъ на этомъ основаніи, чтобы его перевели въ первый классъ; первоклассные пассажиры прибѣгаютъ къ разнымъ ухищреніямъ, чтобы остаться подвое (а хорошо бы и одному!) въ четырехмѣстномъ купэ; начальникъ станціи мечется, чтобы поудобнѣе устроить въ первомъ классѣ многочисленную семью какого-то средней руки желѣзнодорожнаго служащаго, съ безконечными кульками, корзиночками и самоваромъ, и, не успѣвъ въ этомъ, приказываетъ прицѣпить лишній вагонъ.

---

*) См. „Міръ Божій“, № 9, сентябрь 1904 г.

Наконецъ, суматоха затихаетъ. Третій звонокъ, поѣздъ трогается. Публика начинаетъ облегчать свою одежду: дамы облекаются въ тончайшіе капоты, дѣти остаются въ однихъ рубашкахъ и передникахъ. Потъ со всѣхъ катится градомъ.

— Помилуйте, тридцать три градуса въ вагонѣ—это что-жъ такое!—жалуется пассажиръ, первый разъ попавшій въ Среднюю Азію.

— Это, батенька, что,—утѣшаетъ его другой, мѣстный:—вѣдь ужъ августъ мѣсяцъ, какія теперь жары! Вотъ въ іюнѣ мѣсяцѣ въ вагонахъ чуть не до сорока доходило—вотъ это плохо было! Въ то время, вѣдь, и ночью градусовъ тридцать стояло, а теперь ночью, вотъ увидите—совсѣмъ прохладно.

— Двадцать два года живу въ краѣ, — слышу разговоръ въ другомъ концѣ поѣздного клуба — вагона-столовой, а не могу къ этимъ проклятымъ жарамъ привыкнуть! Чѣмъ дальше, тѣмъ тяжелѣе! Просто не живу все лѣто, а страдаю...

Поѣздъ, однако, отошелъ отъ Красноводска и идетъ сначала, нѣсколько станцій кряду, вдоль самого берега Каспійскаго моря. Голая, сѣровато-бурая пустыня, съ изрѣдка сидящими, то бурыми, то сѣрыми, то ярко-зелеными шапками «колючки»—двухъ-трехъ видовъ не то бурьяна, не то кустарника, которые только одни и могутъ выносить нестерпимый зной и лѣтнее безводье этой пустыни.

Станціи—маленькіе бѣленькіе домики; около нихъ—ни травинки, не говоря уже о традиціонныхъ станціонныхъ садикахъ и огородахъ. Во всѣ стороны, кряду отъ станціи, все та-же бурая, унылая пустыня. На станціяхъ ни души, кромѣ очередныхъ станціонныхъ служащихъ. На одной станціи пробую напиться чаю,—нѣтъ возможности пить мутную, солоновато-горькую бурду...

На первой же станціи, потомъ на другихъ, нашъ поѣздъ скрещивается съ «водянкой»: это — поѣздъ изъ платформъ съ громадными водяными баками или изъ употребляемыхъ подъ перевозку воды нефтяныхъ резервуаровъ. И красноводская, и всѣ ближайшія къ ней станціи не имѣютъ своей воды, и получаютъ воду со станціи Джебелъ, въ 125 верстахъ отъ Красноводска.

Джебелъ проѣзжаемъ уже поздно вечеромъ. Я успѣваю, однако, замѣтить, что станція окружена довольно большимъ садомъ, что по платформѣ движутся какія-то высокія фигуры въ черныхъ, мохнатыхъ бараньихъ шапкахъ, что третьеклассная публика несетъ къ себѣ въ вагоны кто бутылку молока, кто каравай хлѣба, кто арбузъ или дыню.

Гдѣ вода, тамъ и жизнь!..

Мало воды, мало и жизни, до самого Асхабада, а пожалуй и дальше, до Чарджуя и бухарской границы. Мѣстность до послѣдней степени однообразна: ровная, плоская степь или пустыня, только не бурая, какъ около Красноводска, а сѣровато-желтая, то усѣянная

тоже рѣдкими шапками разнообразной «колючки», съ ея удивительными влагосберегающими и затѣняющими приспособленіями, то покрытая блѣдно-желтымъ ковромъ какой-то мелкой и тощей, совершенно высохшей травки. Параллельно желѣзной дорогѣ тянется невысокая, также совершенно голая, покрытая безконечными складками, горная цѣпь Копетъ-дага.

На этой пустынѣ не видно никакихъ признаковъ жизни и культуры, и только изрѣдка въ окнѣ вагона мелькаетъ одинокій тощій верблюдъ, уныло подбирающій бурую колючку, или показывается всадникъ въ мохнатой бараньей шапкѣ, потихоньку пробирающійся невѣдомо куда. Однако, кое-гдѣ начинаютъ попадаться какія-то развалины, мѣстами еще сохранившія очертанія саклей или оградъ, мѣстами превратившіяся въ простыя кучи глины; вокругъ каждой такой развалины степь изрѣзана слѣдами дѣйствовавшихъ когда-то оросительныхъ канавокъ, и гдѣ-нибудь поблизости непремѣнно вьется высохшее ложе горнаго ручья. Что это? слѣды былыхъ войнъ и междоусобій, или просто высохла вода въ ручьѣ, а съ нею изсякла и жизнь?!. *)

Вотъ, однако, начинаетъ попадаться и живая жизнь: здѣсь нѣсколько рослыхъ человѣческихъ фигуръ, точно вылитыхъ изъ темной бронзы, въ однихъ широкихъ штанахъ и огромныхъ бараньихъ шапкахъ, углубляютъ и расчищаютъ сухое ложе оросительной канавки. Тамъ, около самого полотна дороги, разбросано нѣсколько квадратиковъ темно-зеленой люцерны или рослой джугары **). Тутъ подъ желѣзнодорожнымъ мостикомъ протекаетъ небольшая канавка съ оросительною водой, и гдѣ-нибудь поодаль виднѣется питаемый этою канавкой туркменскій кишлачекъ — свѣтло-сѣрыя глинобитныя стѣны, свѣтло-сѣрые глинобитные домики, съ плоскими или куполообразными крышами, окруженные темною зеленью садовъ и блѣдно-зелеными или желтыми, мелко-разбитыми квадратиками полей. На поляхъ копошатся рослыя фигуры туркменъ, всѣ въ тѣхъ-же огромныхъ бараньихъ шапкахъ, кто полуголый, кто въ короткой, темной, неподпоясанной рубахѣ съ пестрыми разводами; незанятые работой—въ буровато-красныхъ, съ черными полосками, халатахъ бухарскаго фасона.

Это начинается такъ недавно покоренный Ахалъ-Текинскій оазисъ. Сѣро-желтая почва той безплодной равнины, которую дорога прорѣзываетъ почти отъ самаго Красноводска,—знаменитый средне-азіатскій лёссъ, ожидающій только орошенія, чтобы изъ безотрадной пустыни превратиться въ хлопковое поле или роскошный фруктовый садъ. Когда-нибудь человѣкъ достанетъ эту воду, и тогда закаспійскія пустыни, съ

---

*) По мнѣнію покойнаго академика Коржинскаго, обиліе развалинъ въ этой мѣстности — слѣдствіе именно недостатка воды, заставившаго бросить многія ранѣе разрабатывавшіяся земли и перенести аулы на другія мѣста.

**) Мѣстное названіе сорго.

ихъ плодороднымъ лёссомъ и горячимъ солнцемъ, будутъ кормить сотни тысячъ, если не милліоны, новаго населенія. Но пока въ распоряженіи туземцевъ—только немногіе мелкіе ручьи, стекающіе съ Копетъ-дага, и потому небольшіе аулы и незначительныя площади посѣвовъ, почти до самого Асхабада, теряются среди необъятной пустыни.

А вотъ и памятникъ недавняго завоеванія: около станціи Геокъ-Тепе—развалины туркменской крѣпости, прославившейся мѣсячною геройскою защитой, съ ея высокими, чуть-что не отвѣсными лёссовыми стѣнами. Внутри крѣпости—братская могила безвѣстныхъ героевъ-солдатъ, павшихъ при штурмѣ, а у входа въ крѣпость, въ полусотнѣ шаговъ отъ станціи, небольшое, хорошенькое зданіе «военно-историческаго музея», съ разными реминисценціями текинскаго похода. Чуть не весь поѣздъ—офицеры, текинцы, дамы, персіяне, гимназисты—устремляется въ музей; я иду вслѣдъ за другими.

Музей—какъ всѣ военно-патріотическіе музеи; самый интересный экспонатъ—карты, принадлежавшія Скобелеву и, повидимому, бывшія съ нимъ во время текинскаго похода: нѣсколько картъ знаменитыхъ осадъ, съ пространными критическими примѣчаніями русскаго полководца, и небольшая, тоже съ его помѣтками, карта театра войны. Карта эта—англійскаго изданія.

Отъ Геокъ-Тепе къ Асхабаду—уже сплошной оазисъ: непрерывная цѣпь кишлаковъ или ауловъ, потонувшихъ въ зелени пирамидальныхъ тополей или развѣсистыхъ карагачей; около глинобитныхъ саклей разбросаны камышевыя юрты, въ которыхъ проводятъ лѣто туркмены, хотя и осѣвшіе, но не забывшіе еще кочевыхъ традицій Вокругъ—обширныя поля, изрѣзанныя арыками и, какъ и вездѣ, разбитыя на маленькія клѣтки; однѣ изъ этихъ клѣтокъ только что политы подъ какой-то посѣвъ, на другихъ лѣсомъ стоитъ джугара или стелется арбузная ботва, на третьихъ стоятъ высокія кучи уже обмолоченной и измельченной соломы—самана, а около этихъ кучъ текинцы, въ бараньихъ шапкахъ, молотятъ хлѣбъ, гоняя по нѣскольку запряженныхъ въ рядъ быковъ или лошадей.

— Славный народъ,—говоритъ попутчикъ, старый туркестанскій офицеръ, выглядывая изъ окна столоваго вагона:—посмотрите, какіе здоровенные, молодецъ къ молодцу; и настоящіе труженики, не то, что персюки или сартишки.

— Сартовъ-то вы напрасно обижаете,—возражаетъ другой пассажиръ, статскій:—вы вѣрно по городскимъ сартамъ судите, ну тѣ, конечно, больше норовятъ надуть или смошенничать. А кишлачный сартъ, земледѣлецъ, такой-же труженикъ, какъ и туркменъ.

— А скажите,—вмѣшивается въ разговоръ третій пассажиръ, впервые ѣдущій въ край:—война съ ними—развѣ она была серьезная? Вотъ въ музеѣ я видѣлъ ихъ самопалы да единственную пушку—развѣ это оружіе?!

— Оружіе-то, конечно, неважное. А какъ они имъ владѣютъ! ни одного выстрѣла онъ даромъ не пуститъ! А потомъ—у нихъ, вѣдь, и англійское оружіе было, почище нашего. А главное дѣло—сами-то настоящіе герои, чудные всадники. Нѣтъ, это, знаете ли, противникъ былъ настоящій, не то, что, вотъ, нонче китайцы! За тѣхъ-то и Георгія получать какъ-то неловко, а текинскій Георгій—это въ самомъ дѣлѣ Георгій... Да и сейчасъ-то: вы не глядите, что они на видъ такіе смирные! или вотъ тоже сартишки: кулдукъ дѣлаетъ, руки къ брюху прижимаетъ, а выведите отсюда одинъ корпусъ—они вамъ покажутъ!..

И страна, дѣйствительно, на военномъ положеніи. На станціяхъ кишмя кишатъ солдаты всѣхъ родовъ оружія, въ бѣлыхъ рубахахъ и характерныхъ красныхъ шароварахъ изъ туземной замши, какія читатель, вѣроятно, помнитъ по туркестанскимъ картинамъ Верещагина. На каждой станціи въ нашъ поѣздной клубъ заходятъ пѣхотные, казачьи, желѣзнодорожные, пограничные офицеры, требуютъ водки или пива и разговариваютъ объ окладахъ, лагерныхъ сборахъ и производствахъ.

За Асхабадомъ оазисъ скоро смѣняется опять безводною степью: тотъ же желтоватый лёссъ, покрытый большею частью блѣдно-желтою рѣденькою травкой. Раннею весною эта степь покрыта сплошь зеленою травою, густо усѣянною всевозможными цвѣтами; но въ какой-нибудь мѣсяцъ все это выгараетъ до тла, и на степи не остается ничего, кромѣ приспособившейся къ засухѣ «колючки» и пожелтѣвшихъ метелочекъ высохшей травы. Мѣстами лёссовая степь прерывается неширокими полосками песковъ. Эти песчаныя полоски не только не выдѣляются особеннымъ безплодіемъ—напротивъ, онѣ покрыты лучшею растительностью и болѣе цѣнны для населенія, нежели неорошенный лёсъ: на пескахъ растутъ высокіе, кудрявые кусты саксаула, дающаго столь драгоцѣнное здѣсь топливо, и матеріалъ для обжига на уголь; на нихъ даже косятъ мелкую травку въ пескахъ всегда близко подпочвенная вода, и зимою пески—излюбленныя мѣста для стоянокъ кочевниковъ... Но пески въ этомъ видѣ—это спящій звѣрь, который никого не трогаетъ, пока его не раздразнили...

А отъ Мерва до Чарджуя, на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ вы видите проснувшагося, разнузданнаго звѣря: дорога сплошь идетъ сыпучими песками, которые за ночь покрываютъ васъ, черезъ открытое окно вагона, густымъ слоемъ тончайшей пыли. И эти пески не вездѣ голы: и здѣсь попадаются то единичные экземпляры, то негустыя заросли саксаула или джиды. Но гдѣ человѣкъ уничтожилъ эти заросли, когда-то скрѣплявшія песокъ своими вѣтвистыми корнями, тамъ на версты и десятки верстъ тянутся зловѣщіе, темножелтые барханы: пустыня сплошь какъ бы покрыта длинными, темно-желтыми песчанными волнами, круто обрывающимися къ югу и отлого спускающимися къ сѣверу, откуда дуютъ господствующіе вѣтры. И чуть легкій

вѣтерокъ — все это море песку начинаетъ точно дымиться; песокъ потихоньку пересыпается съ мѣста на мѣсто, барханы медленно плывутъ одинъ за другимъ, въ направленіи господствующаго вѣтра, занося и полотно желѣзной дороги, и культурныя земли прилегающихъ къ пескамъ оазисовъ.

Вообще, человѣкъ, такъ много сдѣлавшій здѣсь, чтобы оживить мертвую природу, много сдѣлалъ и для того, чтобы разнуздать тѣ гибельныя силы, которыя ранѣе сдерживались ея мудрою распорядительностью. Онъ вырубилъ саксаулъ, чтобы сжечь его на уголь, и тѣмъ привелъ въ движеніе сыпучіе пески. Онъ вырубилъ въ горахъ фисташки и арчи *), скрѣплявшія своими корнями склоны горъ, вытравилъ травяной покровъ, задерживавшій атмосферную влагу и регулировавшій ея стокъ, и этимъ вызвалъ обвалы и бурные «силевые» потоки, которые весною низвергаются съ горъ, не только тратя безъ пользы для культуры драгоцѣнную воду, но затопляя и занося камнемъ обработанныя земли и размывая оросительныя сооруженія. И десятки, а то и сотни лѣтъ пройдутъ, пока, съ громадными затратами, онъ вновь засадитъ лѣсомъ и зароститъ травою горы и пески и исправитъ послѣдствія своего былого легкомыслія.

За громаднымъ двухверстнымъ Чарджуйскимъ мостомъ, подъ которымъ протекаютъ свѣтло-шоколадныя, отъ массы увлекаемыхъ теченіемъ частицъ взвѣшеннаго лёсса, воды Аму-Дарьи, дорога идетъ бухарскими владѣніями.

— За границу выѣхали! — остритъ кто-то изъ пассажировъ въ поѣздной столовой.

— Какъ не за границу!—отзывается другой, только-что покупавшій фрукты:—посмотрите, и деньги не наши.

И всѣ начинаютъ разсматривать грубо отчеканенныя серебряныя «теньги̂», величиною приблизительно съ нашъ пятіалтынный.

— По курсу онѣ до сихъ поръ ходили,—говоритъ пассажиръ изъ мѣстныхъ коммерсантовъ, — когда по 16, а когда и по 18 коп., сей часъ-то наше начальство установило постоянный курсъ; а то бывало наѣдутъ наши купцы въ Бухару хлопокъ закупать—безъ тенегъ обойтись нельзя, они и поднимутъ курсъ на 18 коп. На каждомъ рублѣ мы этакъ копѣекъ десять переплачивали, а то и двѣнадцать.

— Бывалъ я на монетномъ дворѣ у нихъ,—разсказываетъ третій пассажиръ:—курьезно! обнесенъ цѣпями, и кто туда попалъ въ рабочіе, тотъ ужъ до самой смерти за эту цѣпь не можетъ выйти. По тридцати лѣтъ иные безвыходно сидятъ.

— Это ужъ по восточному,—восклицаетъ кто-то изъ пассажировъ.

—Ну, у нихъ еще много по восточному!.. Вѣдь бухарецъ богатый денегъ ни за что̀ въ Бухарѣ держать не станетъ, — все равно какъ

---

*) Арча—горный можжевельникъ.

въ Персіи; а все у насъ въ банкахъ держатъ. Изъ-за этого у насъ и сторонниковъ такъ много въ ханствахъ: хоть и гяуры мы, хоть и нивѣсть какой у насъ «правовой порядокъ», а все-таки за нами жить спокойнѣе...

Отъ Бухары до ближайшаго русскаго уѣзднаго города Каттыкургана, а затѣмъ и до самого Самарканда, дорога идетъ по окраинѣ прославившейся своимъ плодородіемъ Зеравшанской долины. Нашъ поѣздъ то врѣзывается въ оазисъ, то идетъ по его окраинѣ, то выходитъ на голую, неорошаемую степь, и только издали виднѣются сплошною темнозеленою полосою высокіе пирамидальные тополя, кудрявыя ивы и карагачи разведенныхъ вокругъ усадебъ и по арыкамъ насажденій. Воды, очевидно, много больше, чѣмъ въ асхабадскомъ районѣ. Кишлаки, поэтому, сидятъ вплотную одинъ къ другому, усадьбы съ ихъ глинобитными стѣнами и куполообразными крышами располагаются гораздо гуще, а культурныя земли, разбитыя для орошенія на мелкіе правильные квадратики, тянутся сплошною широкою полосою. И вся эта жизнь, и въ бухарскихъ, и въ нашихъ предѣлахъ, питается водой большого арыка, выведенаго изъ Зеравшана неподалеку отъ Самарканда.

— И войскъ намъ не надо, чтобы Бухару держать въ покорности,—говоритъ кто-то изъ пассажировъ: запри мы воду—и Бухара хоть пропадай съ голоду...

На поляхъ Зеравшанскаго района уже почти не видно ни кучъ обмолоченнаго самана, ни пшеничныхъ жнивьевъ, которыхъ такъ много въ Асхабадскомъ оазисѣ. Чаще всего, въ перемежку съ рослою джугарой, мѣстами вдвое превышающей человѣческій ростъ, съ темною зеленью и фіолетовыми цвѣточками люцерны и съ полузатопленными полями риса, попадаются поля, не слишкомъ густо засаженныя низенькими, раскидистыми кустиками хлопка, съ его желтовато-бѣлыми или розоватыми цвѣточками. Зеравшанская долина — теперь одинъ изъ главныхъ хлопковыхъ и рисовыхъ районовъ края; подъ интенсивныя культуры занята почти вся площадь поливныхъ земель, а пшеница оттѣснена на неорошаемыя предгорья, гдѣ производятся, на рискъ случайно выпадающаго дождя, такъ называемые богарные посѣвы.

Присматриваясь къ аккуратно разбитымъ сартовскимъ полямъ, густо обсаженнымъ разными южными деревьями, и къ копошащимся, какъ муравьи, сартамъ, я переношусь мыслью въ другія, отдаленныя страны. Общая картина Зеравшанской долины удивительно напоминаетъ мнѣ сѣверную Италію, гдѣ, точно также, мелкія полоски полей чередуются съ полосками и куртинками насаженнаго лѣса. А сарты и сартовская культура вызываютъ во мнѣ воспоминаніе о культурѣ китайцевъ на нашемъ Дальнемъ Востокѣ. Какъ уссурійскіе китайцы, такъ и здѣшніе сарты работаютъ самыми примитивными орудіями: мѣстный плугъ, по туземному омачъ, — какая-то деревянная рогулька

*

съ небольшимъ желѣзнымъ наконечникомъ, вызывающая снисходительное презрѣніе нашихъ агрономовъ, и кетмень — универсальное орудіе, состоящее изъ почти круглаго желѣзнаго диска, перпендикулярно насаженнаго, однимъ краемъ, на длинную деревянную ручку,—вотъ и почти весь инвентарь сартовскаго хозяйства. А между тѣмъ, благодаря неусыпному труду—сартъ, какъ и китаецъ труда своего не жалѣетъ и не считаетъ, — благодаря тысячелѣтнему приспособленію къ требованіямъ климата и почвы, сартъ, какъ и уссурійскій китаецъ, поставилъ свое хозяйство на такую высоту, что мы пока только учимся у него, только перенимаемъ понемногу и его технику орошенія, и его пріемы обработки орошаемой земли. И все это—при полномъ отсутствіи самыхъ азбучныхъ теоретическихъ представленій и при болѣе нежели элементарныхъ техническихъ пріемахъ. Взять хоть такую вещь, какъ ирригація—дѣло, требующее, по нашимъ понятіямъ, серьезныхъ спеціальныхъ знаній и сложныхъ техническихъ пріемовъ. А вотъ вамъ, читатель, техническіе пріемы сарта: чтобы опредѣлить уклонъ проводимой канавы (для этого мы съ вами дѣлаемъ инструментальную нивеллировку!), сартъ... просто копаетъ канаву и смотритъ, какъ по ней бѣжитъ вода, или же поступаетъ такъ: ложится на землю и смотритъ, видны ли ему при этомъ собственные носки; видны—значитъ уклона нѣтъ, и чтобы найти уклонъ, онъ поворачивается вокругъ своей собственной головы, пока носки не уйдутъ ниже его поля зрѣнія. А вотъ образецъ его теоретическихъ представленій. Арыки сартовъ чрезвычайно извилисты; почему? А потому, что вода не любитъ идти въ арыкъ,—она знаетъ, что ее заставятъ работать на человѣка: чтобы вода пошла, надо обмануть ее, а для этого сдѣлать арыкъ извилистымъ, какъ русло рѣки. Правда, ученые инженеры не безъ основанія указываютъ на множество дефектовъ туземной оросительной системы: частые прорывы водопріемныхъ сооруженій, вызывающіе огромныя затраты труда на ихъ возстановленіе, и, что̀ еще хуже, оставляющіе поля на мѣсяцы безъ орошенія; неправильность уклоновъ, обусловливающая при чрезмѣрности уклона—зарываніе арыка и невозможность вывести воду на поля, при недостаточности его—занесеніе иломъ и заболачиваніе полей; отсутствіе спусковъ для отработанной воды, являющееся, особенно при рисовыхъ посѣвахъ, одною изъ главныхъ причинъ развитія въ краѣ маляріи. Но... все-таки туземцы оросили милліоны десятинъ и превратили ихъ изъ голой пустыни въ цвѣтущіе сады; все-таки ихъ главные арыки стоятъ со времени Тамерлана, а то и гораздо дольше. А мы все еще разрабатываемъ проекты многомилліонныхъ сооруженій...

Между тѣмъ, мы минуемъ все новыя хлопковыя плантаціи и рисовыя поля, все новые кишлаки, все съ тѣми-же глинобитными оградами и кубической формы саклями. Вотъ поѣздъ проходитъ самою серединой кишлака — рядъ лавокъ съ дынями и чай-ханэ, харчевенъ

или чайныхъ. Подъ легкими навѣсами, на покрытыхъ цыновками деревянныхъ нарахъ или земляныхъ платформахъ сидятъ, поджавши ноги, сарты въ чалмахъ и попиваютъ чай изъ круглыхъ фарфоровыхъ или деревянныхъ чашекъ: а ишаки ихъ — туркестанскаго осла даже русскіе не зовутъ осломъ,—съ ихъ добродушными мордами и длинными ушами, и тощія лошади, запряжённыя въ тяжеловѣсныя, съ огромными колесами, арбы, подъѣдаютъ свѣжесрѣзанную люцерну.

— Много ли сарту нужно!—говоритъ мнѣ попутчикъ, мѣстный обыватель:—лепешка, дыня, а главное побольше чаю. Чайникъ—три копѣйки; выпьетъ свой — къ другимъ подсядетъ, сказки разсказываетъ и чай пьетъ. Пока у него есть рубль—ужъ онъ къ вамъ не пойдетъ работать, и не зовите! Да и надоѣдливы! Наймется къ вамъ за полтинникъ въ день, заплатили ему—давай «силяу»; надо дать пятачокъ; потомъ—нѣтъ ли «сàкаръ», нѣтъ ли «клѣбъ»—не отдѣлаешься!.. Ну, надо сказать, все-таки порядочный народъ! Не любятъ, вѣдь, они насъ, въ краѣ насъ горсточка, а ѣдешь себѣ куда угодно одинъ, оставь у нихъ что̀ хочешь—ничего не пропадетъ. Ну, тоже и ихъ «цивилизація» трогаетъ! Я вотъ двадцать пять лѣтъ въ краѣ; прежде бывало туземной женщины ни за какія деньги не достанешь, а теперь въ одномъ Самаркандѣ чуть не сто сартовскихъ «домовъ»!.. Сплошь и рядомъ въ одномъ «домѣ» мать съ дочерью живетъ. За четвертной билетъ каждый сартъ родную дочь продастъ...

Поѣздъ проносится мимо небольшого прудика — «кауса», съ мутною, свѣтло-сѣрою, арычною водою; у кауса сидитъ сартъ на корточкахъ и пьетъ изъ пригоршни мутную воду.

— Вотъ она, малярія-то!—восклицаетъ попутчикъ.—И как ъ они, подлецы, всѣ не передохнутъ!.. Вѣдь у нихъ какое повѣрье: если вода три сажени протекла—значитъ чистая; въ арыкѣ грязное бѣлье стираютъ, или промываютъ бараньи кишки, а тутъ же, десять шаговъ ниже по арыку, сырую воду пьютъ!..

Вотъ, около самой станціи, маленькій караванъ-сарай. Передъ чайханою, на цыновкахъ, сидятъ на корточкахъ фигуры въ бѣлыхъ чалмахъ и необыкновенно яркихъ и пестрыхъ, видимо, шелковыхъ халатахъ. Возлѣ стоятъ вѣсы и валяется въ безпорядкѣ нѣсколько кипъ сырого хлопка.

Я вопросительно смотрю на моего попутчика.

— Скупщики, хлопокъ-сырецъ скупаютъ. Сарту гдѣ же везти въ городъ! Ну, эти вотъ господа авансовъ отъ фирмъ возьмутъ — кто три, кто пять тысячъ, ѣздятъ по кишлакамъ и покупаютъ. Наживаютъ ловко: платятъ по рублю восьми гривенъ, а сдаютъ по два съ полтиной,—за какой-нибудь мѣсяцъ семь гривенъ на пудъ и нажилъ. Да это бы еще ничего. А худо вотъ что: деньги-то они все больше впередъ даютъ подъ хлопокъ, — ну, тутъ ужъ сорокъ да шестьдесятъ

процентовъ берутъ, кромѣ скидки на цѣнѣ. Запутаютъ бѣднаго сарта, а потомъ и землю у него отберутъ за безцѣнокъ...

— А много,—спрашиваю,—у нихъ земель уходитъ такимъ образомъ?

— Порядочно!

— А кто покупаетъ?

— Да коммерсанты все больше—русскіе, армяне, изъ сартовъ тоже есть. И за безцѣнокъ-же скупаютъ! Вотъ у насъ подъ Самаркандомъ: сарту не на что засадить землю,—онъ и продаетъ по 30—40, а то и по двадцать рублей за танапъ *), съ правомъ на поливную воду. А танапъ въ хорошій годъ дастъ восемьдесятъ батмановъ **) винограду; считайте батманъ по два съ полтиной — вотъ вамъ и 200 рублей валового дохода. Да теперь еще что̀! Вотъ погодите — пройдетъ дорога на Оренбургъ—тогда отсюда все въ ходъ пойдетъ, однихъ фруктовъ что̀ повалитъ! Тогда и земля еще не такъ изъ рукъ туземцевъ поплыветъ! Они, вѣдь, на этотъ счетъ просты...

Вотъ, наконецъ, и Ташкентскій оазисъ. На первый взглядъ все то же, что̀ и въ Зеравшанскомъ. Но присматриваясь внимательнѣе, замѣчаете и нѣкоторыя особенности: гораздо больше древесныхъ насажденій, то въ видѣ ивовыхъ или тополевыхъ аллей, вдоль арыковъ и дорогъ, то въ видѣ небольшихъ, невѣроятно густыхъ рощицъ на усадьбахъ. На поляхъ особенно много хлопка и риса. Множество полей, занятыхъ подъ огородную культуру, причемъ растенія, чтобы лучше использовать поливную воду, посажены у самыхъ краевъ и по откосамъ грядъ. Много полевыхъ квадратиковъ, сплошь заросшихъ густымъ, въ два человѣческихъ роста, камышомъ; попадаются и совершенно заболоченныя площади. Незначительныя у самой линіи желѣзной дороги, такія болота, образовавшіяся насчетъ излишковъ оросительной воды, въ низовьяхъ Чирчика и Ангрена занимаютъ сотни тысячъ десятинъ, являясь главнымъ очагомъ маляріи для Ташкента и его окрестностей. Словомъ, вездѣ ясные признаки избытка оросительной воды; въ изобиліи заходя изъ Чирчика въ магистральные канала, вода не используется сполна существующею культурой, а застаивается на низкихъ мѣстахъ, образуетъ болота, и такимъ образомъ, будучи источникомъ жизни въ краѣ, дѣлается вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ смерти; и малярія обезлюдила уже не мало кишлаковъ, а въ одной сартовской волости за одинъ только годъ унесла 36% населенія!

Нѣсколько измѣняется подъ Ташкентомъ и типъ населенія: преобладаютъ, правда, еще и здѣсь сарты, почему-то, однако, не въ чалмахъ, а въ однихъ только красиво расшитыхъ тюбетейкахъ. Но чѣмъ ближе къ Ташкенту, тѣмъ больше виднѣется своеобразныхъ сѣрыхъ

---

*) Туземная мѣра, немного болѣе 1/3 десятины.

**) Батманъ—около 9—10 пудовъ.

войлочныхъ треуховъ, какъ носили во Франціи въ эпоху Людовика XI... Это—киргизы, которые на сѣверъ и сѣворо-востокъ отъ Ташкента составляютъ главную массу населенія. Въ окрестностяхъ Ташкента они уже совершенно осѣдлы и ведутъ поливное хозяйство, почти не отличающееся отъ хозяйства сартовъ и другихъ осѣдлыхъ туземцевъ края.

V.

Новый и старый Ташкентъ.

Случалось ли кому-нибудь изъ васъ, читатель, бывать въ городахъ нашего европейскаго и азіатскаго востока, въ родѣ Уральска, Омска, Красноярска, Благовѣщенска? Если бывали, то вы, конечно, представляете себѣ, какую безотрадную картину должны являть собою заброшенные среди выжженныхъ солнцемъ средне-азіатскихъ пустынь русскіе города Туркестана!.. Но представленіе ваше, читатель, окажется, если вы попадете въ Среднюю Азію, не имѣющимъ ничего общаго съ дѣйствительностью. Та-же вода, которая разноситъ жизнь по всему краю, которая превратила въ густонаселенные, цвѣтущіе оазисы голыя когда-то пустыни,—эта же вода, взятая изъ сооруженнаго туземцами арыка, до неузнаваемости измѣнила физіономію русскаго города. Попавъ въ Ташкентъ, вы съ изумленіемъ видите себя среди сплошного, чисто итальянскаго сада, въ густой зелени котораго тонутъ одноэтажные, по большей части аккуратно и не безъ вкуса выстроенные, свѣтло-окрашенные каменные домики. Вечеромъ даже старожилъ не безъ труда оріентируется въ городѣ: при слабомъ, еще поглощаемомъ густою листвою, свѣтѣ керосиновыхъ фонарей, едва мерцающихъ среди темной южной ночи, всѣ улицы похожи одна на другую; это все—широкія, прямыя, по большей части шоссированныя (впрочемъ, плохо шоссированныя!) аллеи, и по обѣимъ сторонамъ каждой аллеи, питаясь водою изъ пробѣгающихъ тутъ-же небольшихъ арычковъ, высятся въ два ряда густо посаженныя деревья. И что̀ за деревья!.. Гигантскіе пирамидальные тополя, айланты съ ихъ громадными перовидными листьями и кистями желтовато-бѣлыхъ или красныхъ сѣмянныхъ крылатокъ, абрикосъ, шелковица, развѣсистый чинаръ или платанъ, кое-гдѣ туйя, адамово дерево съ остроконечными большими листьями и длинными, узкими стручками, и удивительные карагачи, съ ихъ густою яйцевидною кроной, не оставляющей никакого просвѣта для палящихъ солнечныхъ лучей... И благодаря постоянному поливу, при горячемъ средне-азіатскомъ солнцѣ и благодатной лёссовой почвѣ, деревья достигаютъ прямо-таки необыкновеннаго роста: тополь въ пять-шесть лѣтъ выростаетъ уже на полную высоту; деревья 25—

30-лѣтняго возраста имѣютъ десять, двѣнадцать, шестнадцать вершковъ въ поперечникѣ. При каждомъ домѣ—садъ, съ тою же чудною растительностью; нѣсколько прекрасныхъ общественныхъ садовъ,—словомъ, читатель, нигдѣ въ Россіи вы не найдете въ большомъ городѣ такого изобилія зелени и такой массы тѣнистой — слишкомъ тѣнистой!— прохлады.

Но тѣ же самыя небольшія канавки, расположенныя по обѣ стороны каждой улицы и забѣгающія во всѣ дворы,—канавки, всюду разносящія жизнь со своею весело журчащею, слегка мутною водою,—эти канавки, вмѣстѣ съ жизнью, всюду разносятъ и малярію. Малярія—это властительница думъ русскихъ жителей Ташкента, и куда вы ни зайдете, начиная отъ просторныхъ, тонущихъ въ дивномъ саду, генералъ-губернаторскихъ палатъ и кончая скромною квартирой мелкаго чиновника или торговца,—вездѣ вы непремѣнно услышите разговоры о маляріи и почти вездѣ увидите больныхъ этою скверною болѣзнью. И малярія, дѣйствительно, носится здѣсь въ воздухѣ: благодаря массѣ воды и тѣни, жара во время дня не такая жгучая, какъ на открытой неорошенной степи, но зато тяжелая и душная, а вечеромъ, среди самаго жаркаго лѣта, чувствуется пронизывающая сырость.

Ташкентъ — по преимуществу городъ военныхъ и чиновниковъ, административный центръ обширной окраины, до сихъ поръ еще состоящей на военномъ положеніи. На каждой улицѣ—вывѣски разныхъ штабовъ, управленій и канцелярій: на каждомъ шагу кокарды офицеровъ и чиновниковъ и красныя шаровары солдатъ. Магазиновъ и лавокъ въ русскомъ городѣ очень мало, и всѣ они обслуживаютъ того-же офицера или чиновника. Только въ самые послѣдніе годы средне-азіатская дорога соединила Ташкентъ съ Россіею, впрочемъ, очень длиннымъ и кружнымъ путемъ; строится Оренбургско-Ташкентская желѣзная дорога, обѣщающая открыть край настежь для нашествія капитала, и уже теперь ташкентскій районъ сдѣлался однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ туркестанскаго хлопководства. Всѣ эти новыя явленія обѣщаютъ сдѣлать русскій Ташкентъ важнымъ промышленнымъ или, по крайней мѣрѣ, торговымъ пунктомъ. Но это въ будущемъ, а пока постройка желѣзныхъ дорогъ и хлопковая горячка отразились только крайнею дороговизною жизни...

— Жить просто нельзя стало въ Ташкентѣ,—жалуется мѣстный служащій обыватель:—на квартиры цѣны—выше петербургскихъ; пять комнатъ, положимъ большихъ, но никакихъ удобствъ—пожалуйте 900, а то и 1.200 рублей; прежде, бывало, за три тысячи можно было домъ построить, мѣста отдавали по двадцати копеекъ за сажень, а теперь не угодно ли заплатить за сажень 25, 30 рублей, а на бойкихъ мѣстахъ и того больше. За лучшія дрова бывало платили рубля по три; а теперь за таловыя отдайте по семи, и горятъ они какъ трутъ;

а фруктовыя дрова *) по десяти да по двѣнадцати рублей сажень! Джугару покупали по семи гривенъ за пятипудовый мѣшокъ—теперь восемь гривенъ пудъ: давно ли каждый подпоручикъ держалъ по двѣ, по три лошади—прокормить лошадь стоило три рубля; а теперь тридцать рублей! Малайка **) простой—вотъ который дворъ подметаетъ—прежде жилъ изъ-за хлѣба, ну, много дашь ему три рубля, а теперь меньше двѣнадцати рублей не сыщете!..

Но жалуются, кажется, только служащіе, люди двадцатаго числа, которыхъ повышенные, при былой дешевизнѣ огромные оклады оказываются очень скудными при теперешнихъ цѣнахъ. Неслужащій народъ не жалуется: какъ и на нашемъ Дальнемъ Востокѣ, гдѣ-нибудь въ Благовѣщенскѣ или Владивостокѣ, здѣсь дороги всякіе продукты, но еще дороже—люди.

Но и люди двадцатаго числа, несмотря на лихорадки, несмотря на дороговизну, тоже часто привязываются къ Туркестану. Нечего уже и говорить о такъ называемыхъ «старыхъ туркестанцахъ» (ни въ какомъ случаѣ не смѣшивать съ щедринскими ташкентцами!)—во многомъ симпатичный типъ, если не вымирающій, то, во всякомъ случаѣ, уже теряющійся среди массы наѣзжаго люда,—для которыхъ Туркестанъ вторая родина; даже люди, пріѣхавшіе сравнительно недавно, сплошь и рядомъ укореняются въ краѣ и не мечтаютъ о возвращеніи «въ Россію». Чтó ихъ привязываетъ къ краю, они часто сами не могутъ сказать. Но не послѣднюю роль здѣсь играетъ горячее южное солнце, длинное лѣто и яркая природа, послѣ которыхъ какъ-то странно возвращаться куда-нибудь въ Москву, съ ея полугодичною зимой, или въ Петербургъ, съ его слякотью и туманами.

Какъ я уже сказалъ, русскій Ташкентъ имѣетъ видъ довольно благоустроеннаго европейскаго города, хотя въ немъ почему-то нѣтъ не только электрическаго освѣщенія, но даже такой вещи, какъ телефонъ, вездѣ привившійся даже въ Сибири. Прекрасные тротуары изъ сырцоваго кирпича, тщательная и даже чрезмѣрная—съ точки зрѣнія маляріи!—поливка улицъ, библіотеки, музеи, хорошіе на видъ магазины (торгующіе, впрочемъ, почти исключительно второсортнымъ товаромъ), причемъ внѣшнее благоустройство русскаго Ташкента покоится, главнымъ образомъ, на нераздѣльности его приходнаго бюджета съ бюджетомъ туземнаго города. Но на каждомъ шагу вы видите, что этотъ почти европейскій городъ заброшенъ въ самое сердце Средней Азіи. Вотъ, наперерѣзъ Константиновскаго сквера, гдѣ на мѣстѣ бывшей

---

*) За отсутствіемъ естественнаго лѣса на топливо идутъ старыя деревья изъ фруктовыхъ садовъ.

**) Собирательное имя или кличка для прислуги и работниковъ изъ туземцевъ.

могилы «устроителя края», Константина Петровича фонъ-Кауфмана, устроенъ оригинальный памятникъ, тянется караванъ верблюдовъ, несущихъ низкосортную московскую мануфактуру,—«пунцъ», куда-нибудь въ глубь киргизскихъ кочевьевъ, а навстрѣчу этому каравану, среди густого клуба пыли, нѣсколько киргизъ, въ сѣрыхъ войлочныхъ треухахъ, гонятъ отару вымѣненныхъ, вѣроятно, на такой-же «пунцъ» барановъ, съ отвисшими жирными курдюками. По всѣмъ улицамъ, въ перемѣшку съ цивилизованными пролетками (извозчики, впрочемъ, почти исключительно сарты или киргизы), медленно двигаются скрипучія арбы, съ ихъ огромными, чуть не въ два человѣческихъ роста, широко разставленными колесами, такъ хорошо приспособленными для передвиженія безъ дорогъ, черезъ крупныя рытвины и небольшіе арыки; а на арбахъ то снопы люцерны, въ круглыхъ плетеныхъ кузовахъ, то мусоръ съ какой-нибудь постройки, то горой наваленныя дыни, то группа женщинъ-сартянокъ, съ наброшенными на голову, обязательно сѣрыми, халатами и со спущенными на лицо частыми волосяными сѣтками. Около присутственныхъ мѣстъ, на привязи, всегда масса верховыхъ лошадей, а по улицамъ то и дѣло снуютъ или стоятъ, небольшими группами, верховые киргизы, или, чуть не волоча ногами по землѣ, проѣзжаетъ сартъ верхомъ на маленькомъ, длинноухомъ ишакѣ, который, кромѣ своего хозяина, несетъ еще батманъ пшеницы или хорошій вьюкъ люцерноваго сѣна.

Какъ на нашемъ Дальнемъ Востокѣ обязанности щедринскаго «мужика» всецѣло предоставлены китайцу, манзѣ, такъ въ Ташкентѣ эти обязанности, во всей ихъ безконечной многосложности, лежатъ на смугломъ, чернобородомъ, по большей части довольно благообразномъ сартѣ. Онъ, въ чистомъ чичунчевомъ халатѣ и въ расшитой тюбетейкѣ, встрѣчаетъ васъ на порогѣ самыхъ важныхъ домовъ русскаго Ташкента и замѣняетъ кухарку даже въ среднесостоятельныхъ русскихъ семьяхъ, которыя не нахвалятся его честностью и трудолюбіемъ. Онъ является въ гостинницу, къ пріѣзжему «тюрэ», какъ коммиссіонеръ и факторъ, предлагая найти ковры, лошадей, квартиры, а то и такой товаръ, о которомъ говорятъ шопотомъ и полунамеками; онъ же, въ рубахѣ и широкихъ шароварахъ, ходитъ по улицамъ съ корзиною фруктовъ, заглядывая во всѣ окна и оглашая воздухъ причудливо варіированными выкриками: «крупнóй винагря́дъ», «французской пырси́къ», «настоящій душэсъ», и въ тотъ самый моментъ, когда я пишу эти строки, я слышу въ окно: «товаръ не надо ли? шелковый платокъ? вышитой туфли»? Сартъ, стоя по колѣни въ арыкѣ, быстрыми и ровными взмахами ведра поливаетъ улицу, подметаетъ колею трамвая, бьетъ щебень для шоссе. Онъ же, одѣтый въ лохмотья или полуголый, строитъ всѣ эти европейскаго вида дома, окруживъ постройку, вмѣсто забора, камышевыми плетенками—«чіями», и, проѣз-

жая по улицамъ русскаго Ташкента, вы вездѣ видите сарта, то штукатурящаго по-европейски домъ, то размѣшивающаго кетменемъ лёссовую замазку для облицовки сложенной изъ комьевъ того же лёсса изгороди сада, то ловко перебрасывающаго лёссовые кирпичи на крышу, гдѣ другой такой же сартъ перекладываетъ дымовую трубу. И русскій обыватель Ташкента привыкъ и приспособился къ «мужику» въ тюбетейкѣ и, какъ на Дальнемъ Востокѣ, выработалъ для разговора съ нимъ особый жаргонъ, уснащаемый безконечными «мало-мало» и отличающійся отсутствіемъ склоненій и упрощенными формами спряженій.

Открытый вагонъ трамвая биткомъ набитъ публикой. Двѣ-три русскихъ физіономіи, остальное—сарты въ тюбетейкахъ, изрѣдка въ чалмахъ, нѣсколько сартянокъ, закрытыхъ частыми волосяными сѣтками, нѣсколько дѣтишекъ, съ черными, какъ изюминки, глазами. Хотя вагонъ открытый, но въ носъ такъ и бьетъ острый запахъ перепрѣлаго пота, неотступно сопровождающій не успѣвшаго понатереться около русскихъ сарта.

— Вотъ вѣдь когда строили трамвай,—говоритъ мнѣ мой спутникъ, ташкентскій старожилъ, любезно взявшійся немного познакомить меня со «старымъ городомъ»,—такъ говорили, что работы не будетъ: сартъ, дескать, инертенъ и какъ привыкъ ѣздить на арбѣ—у нихъ, вѣдь, раньше арбы ходили въ русскій городъ въ родѣ дилижансовъ, по двѣ копейки съ рыла,—такъ и впередъ будетъ ѣздить. А теперь посмотрите-ка: всегда биткомъ набитые вагоны...

Вотъ и «старый городъ»: извилистая, вымощенная булыгой улица, съ узенькими, высокими валиками или троттуарами по бокамъ. По этой улицѣ проходитъ конка, на ней же и разные продукты цивилизаціи въ родѣ амбулаторіи (гдѣ только что отняли ноги у попавшаго подъ конку сартенка!), русско-туземной школы, арестнаго дома; вправо и влѣво отъ нея, то въ гору, то подъ уклонъ, отвѣтвляются узкія боковыя улицы и переулки, уже не мощеные, или совсѣмъ уже узенькіе проходы, ведущіе то къ чьему-нибудь дому, то къ арыку, то къ каузу—небольшому общественному пруду. По обѣимъ сторонамъ и этой улицы, и всѣхъ другихъ безконечный рядъ невысокихъ, желто-сѣрыхъ, отъ лёссовой обмазки, по большей части двухъэтажныхъ построекъ: нижній этажъ—либо конюшни, съ узенькими, во всю длину, окнами или щелями, либо запертые на замокъ амбары, либо лавки, гдѣ торгуютъ дынями и жевательнымъ табакомъ, цирюльни, чайханы, въ которыхъ на виду у всѣхъ брѣются, распиваютъ чай или просто, въ самыхъ непринужденныхъ позахъ, предаются сладкому отдохновенію. Въ одномъ мѣстѣ — рядъ мастерскихъ кузнечнаго цеха; кузнецы работаютъ, также на виду у всѣхъ, сидя на краю ямъ, въ которыхъ

поставлены ихъ наковальни. Во второмъ этажѣ—иногда жилыя помѣщенія—комнаты, террасы съ небольшими колонками, но чаще — тоже какіе-нибудь амбары или склады; жилище свое сартъ, какъ истый сынъ востока, старается запрятать подальше отъ любопытныхъ глазъ. Въ перемежку съ жилыми домами и лавками—нѣсколько мечетей или медрессе, всѣ того же желто-сѣраго цвѣта, изъ характернаго мѣстнаго плоскаго кирпича, проложеннаго толстыми пластами лёссовой замазки, съ плоскими, тоже желто-сѣрыми, куполами и почему-то съ очень низкими минаретами, которые заканчиваются полукруглымъ куполкомъ; на нѣкоторыхъ—полосы чудесныхъ эмальированныхъ изразцовъ, съ темно-синими и блѣдно-зелеными узорами. Зелени на улицѣ совершенно не видно; но по-надъ невысокими домами и «дувальными» стѣнами видна масса зелени: какъ и все, что онъ имѣетъ, сынъ востока и свою зелень прячетъ въ глубинѣ своихъ усадебъ, подальше отъ постороннихъ глазъ.

— Вотъ это ужъ Азія,—восклицаю я, подъ впечатлѣніемъ всей этой своеобразной картины, на фонѣ которой кишмя кишитъ пестрая, шумная, полжизни проводящая на улицѣ толпа,—настоящая Азія!

— Да, но Азія сильно подчищенная,—замѣчаетъ мой спутникъ:—вотъ посмотрите—мостовая: немудрая, положимъ, а все-таки мостовая, да еще политая. А вѣдь нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы съ вами задыхались бы отъ лёссовой пыли, а осенью тонули бы въ грязи; впрочемъ, на боковыхъ улицахъ и теперь задыхаются и тонутъ. Ну, все-таки кое-какое освѣщеніе есть, что-то въ родѣ ассенизаціоннаго обоза завели: теперь здѣсь воздухъ какъ воздухъ, а вѣдь еще нѣсколько лѣтъ назадъ—хоть носъ заткни.

Однако, вагонъ добѣжалъ до конечнаго пункта. Нѣсколько сотъ шаговъ пѣшкомъ — и мы на базарѣ, въ этомъ сердцѣ азіатскаго города. Безконечный лабиринтъ широкихъ улицъ и узкихъ переулковъ, по обѣимъ сторонамъ которыхъ тянутся досчатые балаганы-лавки. Всѣ улицы и переулки перекрыты навѣсомъ изъ нетолстыхъ жердей, поверхъ которыхъ кое-гдѣ набросана солома. Еще недавно надъ всѣми улицами и переулками базара были устроены плоскія земляныя крыши, но послѣ андижанскаго землетрясенія начальство велѣло снять ихъ и замѣнить нынѣшними легкими навѣсами. Но и подъ этими навѣсами—достаточно прохладно, и на постоянно поливаемыхъ, изъ бурдюковъ, улицахъ стоитъ мѣстами порядочная грязь.

Недалеко отъ входа въ базарный лабиринтъ мой спутникъ останавливается около одной сравнительно большой лавки, мало отличающейся, впрочемъ, на видъ отъ другихъ окружающихъ лавокъ: всякая мелкая, низкопробная бакалея, и только стоящіе горою около лавки цибики чая позволяютъ предположить, что это—не простая мелочная лавочка. Передъ лавкой стоитъ невысокаго роста, худощавый, пожи-

лой сартъ, одѣтый немногимъ лучше и не чище, нежели всѣ вокругъ, съ умнымъ и серьезнымъ лицомъ. Мой спутникъ подходитъ къ нему и здоровается за руку.

-- Это,—говоритъ онъ, обращаясь къ сарту и указывая на меня,— мой знакомый, господинъ такой-то, пріѣхалъ изъ Петербурга. А это Юсупъ-аксакалъ, бывшій базарный староста, хорошій человѣкъ. Не пройдете ли вы съ нами, Юсупъ?.. Мы, можетъ быть, ковры покупать будемъ, такъ вы намъ поможете, да и такъ на базарѣ я одинъ, пожалуй, запутаюсь.

Юсупъ съ видимымъ удовольствіемъ соглашается быть нашимъ чичероне, и мы пускаемся въ дальнѣйшій путь уже втроемъ. Юсупъ, видимо, пользуется на базарѣ большимъ почтеніемъ: вездѣ, гдѣ мы проходимъ, ему дѣлаютъ кулдукъ—слегка наклоняются, прижимая обѣ руки къ груди; болѣе цивилизованные — впрочемъ, очень немногіе — дѣлаютъ подъ козырекъ или даже приподнимаютъ тюбетейку. Кто куритъ свой чилимъ *), съ поклономъ протягиваетъ его къ Юсупу, который дѣлаетъ глубокую затяжку.

На базарѣ самая строгая спеціализація. Каждый видъ торговли, каждый промыселъ имѣетъ свою улицу или свой переулокъ. Вотъ длинный и широкій мануфактурный рядъ, съ сравнительно большими лавками, гдѣ торгуютъ частью сарты, но больше, кажется бухарскіе евреи, рѣзко отличающіеся отъ сартовъ красивыми, правильными чертами лица, черными шапочками вмѣсто сартовскихъ расшитыхъ тюбетеекъ и непробритыми, хотя коротко подстриженными, прядками волосъ на вискахъ, выглядывающими изъ подъ шапки; это—туземные евреи, пользующіеся въ Туркестанѣ всѣми правами мѣстныхъ обывателей, если только они или отцы ихъ проживали въ краѣ во время его присоединенія. Въ мануфактурныхъ лавкахъ—мѣстныя бумажныя матеріи, и тутъ же «пунцъ» россійскихъ фабрикантовъ. Среди массы розничныхъ лавокъ обычнаго восточнаго типа—нѣсколько фабричныхъ лавокъ,—Карла Шейблера, Морозовыхъ и другихъ, изъ Лодзи и подмосковнаго района. Вотъ шелковый рядъ—шелковыя и полушелковыя матеріи, платки, косынки и т. п. Покупатели почти вездѣ мужчины, и только въ двухъ или трехъ мѣстахъ на порогѣ лавокъ сидятъ женщины-сартянки, совершенно закрытыя своими сѣрыми халатами и волосяными фатами, и ведутъ какіе-то переговоры съ продавцомъ.

— Такъ вотъ у нихъ и романы происходятъ,—говоритъ мой спутникъ;—вотъ сидитъ она подъ своимъ халатомъ—кто ее знаетъ, покупаетъ ли она чтó, или совсѣмъ о другомъ рѣчь. Вѣдь у нихъ все это очень просто дѣлается: выйдетъ сартянка на улицу, за водой или за чѣмъ другимъ; ѣдетъ сартъ верхомъ на лошади или на ишакѣ,—

*) Мѣстное названіе кальяна.

зашли вмѣстѣ въ переулокъ, перекинулись двумя-тремя словами, и готово: сѣла на крупъ лошади—и поминай какъ звали; какъ ее найдешь! мужъ встрѣтитъ—не узнаетъ подъ фатою. Ну, положимъ, и ножомъ въ бокъ такіе романы тоже кончаются...

Еще и еще торговые ряды: вотъ спеціально сундучный рядъ; вотъ рядъ лавокъ съ кошмами, деревянными остовами для киргизскихъ юртъ, грубыми коврами и другими аттрибутами кочевого киргизскаго обихода; здѣсь длинный рядъ небольшихъ лавочекъ, гдѣ торгуютъ дынями и арбузами; тамъ лавчонки съ сартовскимъ мыломъ, угольный рядъ, бакалейная улица, гдѣ располагаются въ перемежку, почти не отличаясь по виду, маленькія торговлишки съ нѣсколькими десятками рублей оборотнаго капитала и большія оптово-розничныя дѣла, съ оборотомъ въ сотни тысячъ.

Рядъ другихъ улицъ—ремесленники разныхъ спеціальностей, которые тутъ и работаютъ, и продаютъ свои издѣлія. Громкій стукъ молотковъ по металлу привлекаетъ насъ въ мѣдный рядъ: нѣсколько десятковъ лавокъ, гдѣ куютъ мѣдныя издѣлія, дѣлаютъ на нихъ высѣчки, лудятъ; на выставкѣ готовыя издѣлія—по большей части дешевые кумганы или мѣдныя ведра, но на вопросъ Юсупа выносятъ и показываютъ намъ и дорогія вещи, съ чудною, мелкою, художественною высѣчкой. Вотъ токарный рядъ, гдѣ на глазахъ у всѣхъ точатся и отдѣлываются ручки для бритвъ, дѣтскія люльки и всякія другія деревянныя издѣлія; первобытнаго устройства станокъ приводится въ движеніе ремнемъ, который перекинутъ черезъ ось и за который тянетъ, то въ одну, то въ другую сторону, полуголый сартъ, помощникъ токаря. По сосѣдству изготовляются деревянные частые гребни, которые выпиливаются ручною пилою на небольшомъ, но остроумно приспособленномъ станочкѣ. Вотъ продавцы тюбетеекъ. Заказчикъ выбираетъ у нихъ матерію и указываетъ рисунокъ для шитья по одному изъ готовыхъ, разложенныхъ на прилавкѣ штамповъ; торговецъ снимаетъ мѣрку, тутъ-же, на глазахъ у заказчика, выкраиваетъ тюбетейку, отпечатываетъ на ней штампомъ рисунокъ и передаетъ другому работнику, который дѣлаетъ вышивку и сшиваетъ тюбетейку. Поблизости отъ мануфактурнаго ряда—лавки «машиначей»—портныхъ, которые кроятъ и на машинѣ шьютъ общераспространенные у сартовъ и у киргизъ бухарскіе халаты.

— Вотъ вамъ и капиталистическій промыселъ,—говоритъ мнѣ мой спутникъ:—эти машиначи всѣ на торговцевъ работаютъ, получаютъ отъ нихъ весь матеріалъ, прикладъ и шьютъ поштучно.

— А зарабатываютъ почемъ?

— Копеекъ по тридцати кругомъ. Это здѣсь въ родѣ нормы; чтó ни работаютъ, а заработокъ вездѣ одинъ—тридцать копѣекъ въ сутки. Да это и не такъ мало: вѣдь у нихъ у всѣхъ, кромѣ промысла, и земля

есть—хоть какой-нибудь клочокъ за городомъ,—а затѣмъ, вѣдь, и какія у нихъ потребности!

Еще и еще разнообразные ремесленники. Вотъ, между прочимъ, пекаря, изготовляющіе излюбленныя сартовскія лепешки; въ пекарнѣ работаютъ трое: одинъ раскатываетъ куски тѣста, другой на уже раскатанной лепешкѣ накалываетъ зубчатымъ колесикомъ традиціонные узоры, третій, полуголый, съ головою, повязанною платкомъ, влѣзаетъ въ жарко истопленную печь и прилѣпляетъ готовую лепешку къ ея своду, гдѣ она и печется «до готовности». Вотъ рядъ серебренниковъ, дѣлающихъ разнообразныя по большей части очень грубыя по отдѣлкѣ, но красивыя по общему рисунку серебряныя украшенія. А вотъ среди горы битаго фарфора сидитъ старичекъ-клейщикъ, который какъ разъ въ данную минуту чинитъ разбитую чашку. Мы останавливаемся посмотрѣть, какъ онъ ловко и быстро дѣлаетъ свою очень тонкую и деликатную работу: составивъ чашку, онъ особеннымъ сверломъ продѣлываетъ въ ней небольшія дырочки, въ которыя вставляются металлическія скобки—и починенная такимъ образомъ чашка служитъ нерѣдко еще много лѣтъ. Юсупъ тѣмъ временемъ перекидывается какими-то непонятными намъ фразами со старикомъ, а старикъ, между дѣломъ, изподлобья разсматриваетъ насъ. Къ намъ присоединился еще какой-то зритель, тоже русскій, въ фуражкѣ съ кокардою и съ толстою тростью въ рукахъ—тоже, очевидно, знакомый Юсупа. Старикъ и на него посматриваетъ изподлобья, не задавая никакихъ вопросовъ и не проявляя особеннаго интереса. Случайно этотъ новый зритель, все время опиравшійся на палку, перехватываетъ ее за середину,—палка оказывается съ большимъ серебрянымъ набалдашникомъ въ формѣ фантастической птицы, не то орла, не то пеликана. Старикъ-клейщикъ сразу прерываетъ свою работу и закидываетъ Юсупа оживленными вопросами, все время посматривая на господина съ птицей. Я разбираю слова «улькунъ-тюрэ»: старикъ принялъ палку съ птицей за какой-то аттрибутъ власти, и на этомъ основаніи рѣшилъ, что владѣлецъ палки какой-нибудь «большой начальникъ»...

Базаръ—сердце стараго Ташкента; сердце базара—широкая улица, сплошь занятая чай-ханами—чайными, и ашъ-ханами—харчевнями; въ перемежку съ ними то цирюльни, гдѣ на виду у всѣхъ сарты брѣютъ голову и лицо, то лавочки, гдѣ продаются дыни и жевательный табакъ. Тутъ же на улицѣ стоятъ нѣсколько морожениковъ—только роль мороженаго играетъ глыба снѣга, который поливается патокой и въ такомъ видѣ подается потребителямъ; тутъ же и фонографъ, съ множествомъ слуховыхъ трубокъ.

«Чайная» улица биткомъ набита народомъ: во всѣхъ чайныхъ масса сартовъ и киргизъ, кое-гдѣ между ними русскіе, мѣщане или солдаты; на порогѣ одной изъ чайныхъ сидитъ и попиваетъ чай ту-

земный полицейскій, въ длинномъ коломянковомъ халатѣ и мерлушковой папахѣ, но съ жгутами и шашкой, какъ у настоящаго городового, и мирно пьетъ чай изъ круглой чашки; завидѣвъ проходящихъ «тюрэ», изъ которыхъ одинъ въ полувоенной формѣ, онъ приподнимается и дѣлаетъ подъ козырекъ.

Въ одномъ мѣстѣ большое собраніе народа: тѣсными рядами, по обѣимъ сторонамъ улицы, сидятъ сарты и киргизы, въ чалмахъ, тюбетейкахъ и сѣрыхъ войлочныхъ треухахъ, а посреди улицы стоитъ длиннобородый старикъ, въ бѣлой чалмѣ, опираясь на длинный посохъ, и что-то оживленно разсказываетъ, усиленно жестикулируя и оборачиваясь то къ одному, то къ другому ряду своихъ слушателей; порою онъ прерываетъ свое повѣствованіе какимъ-нибудь вопросомъ; ему отвѣчаютъ изъ толпы, иногда много человѣкъ заразъ, иногда только одинъ или двое, сидящихъ прямо противъ старика и, повидимому, поддерживающихъ съ нимъ особенно оживленную бесѣду. Это—«маддахъ», спеціалистъ-разсказчикъ, который ходитъ по чай-ханамъ и увеселяетъ собирающуюся здѣсь публику разсказами на всевозможныя темы; чтобы не дать остыть живому интересу публики, онъ пересыпаетъ свой разсказъ разными вопросами, а среди слушателей сидятъ его негласные сотрудники, которыхъ обязанность—отвѣчать на его вопросы и такимъ образомъ придавать представленію «маддаха» видъ оживленнаго діалога. Окончивъ какой-то длинный разсказъ, маддахъ обходитъ публику и собираетъ мелкія подаянія. Я тоже даю какую-то мелкую монету.

— Вотъ ему и тема для слѣдующаго разсказа,—говоритъ мой спутникъ:—какъ пришелъ на базаръ большой тюрэ, и какъ онъ, прослушавъ разсказъ маддаха, щедро одарилъ его.

Юсупъ утвердительно киваетъ головой.

Немного дальше, опять сплошные ряды сидящихъ по обѣимъ сторонамъ улицы пестрыхъ халатовъ,—всѣ въ чалмахъ или тюбетейкахъ, киргизскихъ треуховъ не видно. Здѣсь уже нѣтъ никакой центральной фигуры, а просто ведется какой-то оживленный общій разговоръ

— Маслякатъ держатъ?—спрашиваетъ мой спутникъ Юсупа.

— Такъ тошно, маслякатъ,—отвѣчаетъ тотъ.

Это оказывается, сарты собрались обсуждать какія-то свои общественныя дѣла.

Еще дальше—опять небольшая кучка халатовъ, на этотъ разъ уже не сидящихъ, а стоящихъ, а посреди этой кучки, оживленно жестикулируя, громкимъ и рѣзкимъ голосомъ разсказываетъ что-то точно сошедшій съ верещагинской картины дервишъ, въ остроконечной расшитой шапкѣ, обмотанной бѣлою чалмою, въ грязномъ и ободранномъ халатѣ, съ посохомъ и съ висящею черезъ плечо дорожною флягой изъ тыквы-горлянки: разсказываетъ, очевидно, о святыхъ мѣстахъ, чудодѣйственныхъ могилахъ и благочестивыхъ ишанахъ. Тутъ же среди толпы

похаживаетъ мальчуганъ съ корзиною небольшихъ, незатѣйливо связанныхъ букетовъ.

— Это для кого букеты?—спрашиваю я моего спутника.

— Какъ для кого! Сарты же страшно людятъ цвѣты, вотъ посмотрите,—указалъ онъ мнѣ на нѣсколько человѣкъ изъ толпы: изъ-подъ тюбетеекъ выглядывали, падая на лобъ, небольшія вѣточки цвѣтущей люцерны.

Заглянули въ двѣ-три чай-ханы: всѣ онѣ болѣе или менѣе одного типа; чай изъ круглыхъ фарфоровыхъ чашекъ, сартовскія лепешки, дыни, горою наваленныя у входа; въ углу стоитъ обязательный чилимъ, изъ котораго, по исконному обычаю, можетъ сдѣлать затяжку каждый прохожій, хотя бы онъ и не потребовалъ никакой платной порціи, и тутъ же обязательная туземная гитара или домра, на которой играетъ каждый потребитель, которому захочется усладить свой кейфъ тихимъ и меланхолическимъ перебираніемъ струнъ; въ нѣкоторыхъ висятъ своеобразныя коническія клѣтки съ перепелами, воспитываемыми то для пѣнья, то для боя.

Однако, чистота во всѣхъ этихъ чайныхъ болѣе, нежели сомнительна, и потому мы направляемся пить чай въ извѣстную и среди жителей русскаго города, болѣе культурную чай-хану. Передняя часть ея предоставлена туземцамъ, которые попиваютъ чай, сидя на корточкахъ на достаточно грязномъ коврѣ; тутъ же въ переднемъ углу сидитъ на корточкахъ небольшой оркестръ—четыре человѣка, исполняющіе, между прочимъ, и русскія пѣсни, за переложеніе которыхъ на туземные инструменты содержатель ханы получилъ даже, какъ гласитъ висящій на стѣнѣ дипломъ, какую-то награду на мѣстной выставкѣ. Задняя часть чай-ханы, съ окнами, выходящими на большой, обсаженный деревьями арыкъ, предназначается для привилегированныхъ посѣтителей изъ русскаго города, а потому здѣсь стоитъ нѣсколько столовъ со стульями и не слишкомъ мягкими диванами. Мы располагаемся, вмѣстѣ съ Юсупомъ, за однимъ изъ нихъ; намъ подаютъ порцію чая, тѣ же сартовскія лепешки, еще какое-то печеніе и тарелку съ фруктами, персиками и виноградомъ; мой спутникъ и Юсупъ дѣлаютъ по затяжкѣ изъ чилима, и только послѣ того приступаютъ къ чаепитію.

— Хорошо—небось, сегодня торгуете?—спрашиваю владѣльца чай-ханы, довольно порядочно говорящаго по-русски.—Вотъ сколько народу!..

— Напротивъ,—вмѣшивается въ разговоръ мой спутникъ:—завтра пятница, большинство разъѣхалось по своимъ садамъ. Вы, пожалуй, Юсупъ,—обратился онъ къ нашему чичероне,—тоже уѣхали бы, если бы мы васъ не задержали?

— Нѣтъ, у меня дѣла есть въ городѣ,—отвѣчалъ тотъ;—ужо вечеромъ поѣду. А ужъ разъѣхалось-то, правда, много: лавки, пожалуй, на

половину заперты, да и покупателей мало. Это Николай Семенычъ — такъ звали моего спутника — вѣрно говоритъ: здѣсь чуть что не у каждаго, кто только не самый бѣдный, есть садъ за городомъ: самъ недѣлю въ городѣ сидитъ, на базарѣ торгуетъ или ремесломъ занимается; женщины съ дѣтьми, а у кого есть — малайка, въ саду работаютъ. А на пятницу каждый въ свой садъ ѣдетъ, отдыхаетъ, по очереди другъ къ дружкѣ въ гости ѣздятъ — это у насъ «габъ» называется.

На широкой базарной улицѣ слышится какое-то особенное движеніе: ѣдетъ офицеръ верхомъ, за нимъ два верховыхъ туземныхъ полицейскихъ; всѣ, кто сидѣлъ, встаютъ и дѣлаютъ кулдукъ.

— Полицмейстеръ туземнаго города,—говоритъ Юсупъ:—хорошій господинъ...

— Развѣ начальники при ханахъ не лучше были?

— Что вы, помилуйте, чуть не испуганно восклицаетъ Юсупъ: — развѣ можно говорить!.. При ханѣ—просто бѣда было: развѣ можно было такой халатъ надѣть, какъ этотъ! — и Юсупъ указалъ на свой хотя и довольно потрепанный, но все-таки чичунчевый халатъ:—какъ только узналъ бы датхà, что у меня деньги есть, сейчасъ бы какое-нибудь дѣло завелъ, самого въ тюрьму, а деньги—часть хану, а часть себѣ... Не дай Богъ!.. Чтò въ вахфъ отдано, только того и не трогали...

— Вѣдь вы знаете,—вмѣшался мой спутникъ,Николай Семеновичъ,— здѣсь, вѣдь, почти всѣ лавки и кругомъ караванъ-сараи — все это вахфы—къ мечетямъ приписаны, къ медрессамъ. Ну мечетямъ и медрессе, конечно, немного достается, главный доходъ идетъ мутавалію—душеприказчику, изъ потомковъ завѣщателя, который вахфомъ завѣдуетъ. Въ сущности, изъ-за этого больше и вахфы учреждались: оставить имущество просто дѣтямъ—не больно-то вѣрно было, — того и гляди на хана отберутъ; ну и завѣщали имущество въ вахфъ, а потомковъ мутаваліями назначали; самое лучшее было обезпеченіе—ханъ не отберетъ!..

Александръ Кауфманъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КРЫМСКІЕ МОТИВЫ.

---

1) Два кипариса.

Средь желтѣющихъ былинокъ
  На разрушенной террасѣ—
Кипарисъ стоитъ, какъ инокъ
  Въ побурѣвшей грубой рясѣ.
Ѣдкой пылью убѣленный,
  Онъ глядитъ въ просторъ воздушный,
Въ созерцанье углубленный
  И къ земному равнодушный.
А вблизи—и въ полдень знойный,
  Чтó травѣ степной смертеленъ—
Кипарисъ, подростокъ стройный,
  Смотритъ въ небо, свѣжъ и зеленъ.
Каждой пышной юной вѣткой
  Весь онъ—жизнь и весь онъ—радость;
Не извѣдавъ пыли ѣдкой,
  Лишь росы онъ знаетъ сладость.

2) Въ вечерній часъ.

Солнце зашло. На просторѣ
  Зыбь золотая пропала.
Блѣдное нѣжное море,
  Небо—въ оттѣнкахъ опала.
Стихло. Блѣднѣй и невѣрнѣй—
  Горныхъ вершинъ очертанья,
Тонетъ въ печали вечерней
  Дня золотого блистанье.

О. Чюмина.

---

*

ПРИРОДА.

Романъ въ 3-хъ частяхъ **А. М. Ѳедорова.**

(*Продолженіе* *).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Глава III.

Вѣтвицкіе вернулись изъ-за границы на два мѣсяца раньше, чѣмъ предполагали.

Полозовъ приготовилъ имъ дачу, въ которой Вѣтвицкій жилъ уже нѣсколько лѣтъ подрядъ. Дача уединенно стояла на берегу моря, окруженная съ трехъ сторонъ густымъ старымъ паркомъ, отдѣленнымъ отъ сосѣдей и улицы высокимъ каменнымъ заборомъ. Темно-зеленое вьющееся растеніе цѣплялось по камнямъ забора, и, захлестнувъ его, густыя вѣтви тяжеловато и грустно спадали внизъ. Фасадъ дачи выходилъ на море. Передъ террасой пестрѣли клумбы цвѣтовъ, и было такъ тихо, что казалось даже шумъ моря сюда проникалъ сдержанно и глухо.

Полозовъ помѣстился въ мезонинѣ, и маленькій балконъ его напоминалъ вахтенный мостикъ на кораблѣ.

Первые дни Вѣтвицкіе жили почти совсѣмъ одиноко. Художники, выжидая перваго шага со стороны Вѣтвицкаго, его приглашенія, не появлялись у нихъ, давая возможность, какъ выражался Николай, «отстояться» молодымъ послѣ ихъ двухмѣсячнаго voyage de noce.

Даже родные Ирины бывали у нихъ очень рѣдко. Софья Матвѣевна порывалась участить свои визиты къ нимъ, но мужъ останавливалъ ее, говоря насмѣшливымъ тономъ, за которымъ не трудно было угадать тайную тревогу и недовольство:

— Нечего у сосѣдняго двора искать вечера съ утра.

Софья Матвѣевна не совсѣмъ понимала его неопредѣленныя загадочныя прибаутки, но отъ нея не могъ ускользнуть ихъ неодобрительный смыслъ. Она боялась говорить съ мужемъ о счастьи дочери. Оба они дѣлали видъ, что вполнѣ довольны ея

*) См. „Міръ Божій“, № 9, августъ, 1904 г.

судьбой, на самомъ же дѣлѣ, какъ у всѣхъ родителей, у нихъ было тайное опасеніе, что это не совсѣмъ то, чего они для нея желали.

Софья Матвѣевна, какъ наиболѣе поощрявшая этотъ бракъ, старалась держать бодрый и даже восторженный тонъ, когда приходилось упоминать о Вѣтвицкихъ. Но въ глубинѣ ея души въ первый же день встрѣчи съ дочерью завелся какой-то червячокъ. Прежде всего она была разочарована тѣмъ, что Ирина не сообщила ей никакой «новости». Но, конечно, она ни однимъ словомъ не намекнула объ этомъ разочарованіи мужу. А затѣмъ, въ эти два мѣсяца Ирина такъ измѣнилась, что даже отъ посторонняго глаза не могла укрыться перемѣна; и дѣло было въ томъ, что она нѣсколько похудѣла и даже подурнѣла, и въ томъ, что она въ этотъ короткій срокъ какъ будто успѣла созрѣть, вѣрнѣе— потускнѣть. Въ ея глазахъ уже не было тѣхъ жизнерадостныхъ искръ, которыя проблескивали какъ въ шампанскомъ, и даже, когда эти искры загорались, она ихъ спѣшила погасить.

Однако про нее нельзя было сказать, что она несчастлива, и она сама съ пренебреженіемъ отнеслась бы къ подобному предположенію. У нея было все для того, чтобы быть счастливой: мужъ, за котораго она вышла любя, средства, покой и полная свобода, которой она могла пользоваться, какъ хотѣла.

Онъ рѣшительно ни въ чемъ не стѣснялъ ее и, можетъ быть, чаще, чѣмъ слѣдовало, ставилъ ей это на видъ. Но когда у ней самой являлось желаніе повидать отца и мать, она готова была смотрѣть на это желаніе, какъ на капризъ, и отказывалась отъ него прежде, чѣмъ оно успѣвало овладѣть ею.

Въ этомъ не было никакого принужденія и насилія надъ собою; ей просто не хотѣлось выходить изъ тона ихъ жизни, который невольно давалъ онъ, хотя если бы Вѣтвицкому открыли это, онъ былъ бы очень удивленъ и даже огорченъ.

Въ душѣ онъ былъ покойно счастливъ тѣмъ, что его ожиданія сбылись гораздо полнѣе и глубже, чѣмъ можно было надѣяться, и это безъ всякихъ видимыхъ усилій съ его стороны.

Едва она замѣчала малѣйшій намекъ на то, что его что-нибудь безпокоитъ въ ея поступкахъ, въ ея характерѣ, она тотчасъ же уступала ему, оберегая его покой, и всегда мысленно соглашаясь съ его правотой.

Едва ли не въ первый же день пріѣзда она, возбужденная просторомъ родного моря, весело сказала ему:

— Пойдемъ купаться, поплывемъ въ перегонки. Я, вѣдь, очень хорошо плаваю и даже умѣю по-мужски, саженками, вотъ такъ... И на спинѣ, и стоя. Пойдемъ.

— Мнѣ вредно море. Оно дѣйствуетъ мнѣ скверно на сердце, а ты иди. Я отсюда посмотрю, какъ ты плаваешь.

— Хорошо. Я пойду.

И она безъ шляпы и зонтика, захвативъ съ собой только необходимыя купальныя принадлежности, крикнула: «Сартъ!» и сбѣжала внизъ по крутому, хорошо утрамбованному спуску къ зеленоватой выцвѣтшей кабинкѣ, стоявшей надъ водою на длинныхъ, поросшихъ мохомъ сваяхъ.

Былъ жаркій день. Небо, казалось такимъ высокимъ, что солнце какъ будто висѣло посрединѣ между землей и имъ. Лучи его вонзались въ море, совсѣмъ неподвижное и мѣстами блестящее, тяжелое, какъ олово. И вмѣстѣ съ солнечными лучами перепутались дрожащія отраженія купальни, мостиковъ и свай.

Даль моря была безконечно глубока и обозначалась тонкой, еле доступной взгляду полоской, а между тѣмъ, сравнительно вблизи, нельзя было отличить неба отъ воды, и парусникъ, неподвижно замершій вдали, казался висящимъ въ пустотѣ нирванны.

На мосткахъ сидѣлъ мальчикъ въ красной рубашенкѣ, опустивъ съ мостковъ голыя ноги съ высоко завернутыми вверхъ штанами, и удилъ рыбу, отражаясь въ водѣ вмѣстѣ съ своимъ длиннымъ удилищемъ и красной рубашкой, которая въ отраженіи походила на цвѣтокъ мака.

Вѣтвицкій видѣлъ, какъ на мосткахъ забѣлѣла гибкая фигура Сарта; собака мимоходомъ ткнула въ плечо мальчика своей длинной бѣлой мордой, отчего мальчикъ испуганно попятился. Ирина остановилась около него и, вѣроятно, сказала ему что-нибудь смѣшное, такъ какъ удилище запрыгало у него въ рукахъ и все, вмѣстѣ съ мостками, собакой и мальчикомъ, отъ ея быстрыхъ шаговъ задрожало въ отраженіи, и тоже засмѣялось.

Вѣтвицкій залюбовался этой картиной, что не мѣшало ему, однако, обезпокоиться, что Ирина съ непокрытой головой на такомъ горячемъ солнцѣ.

Она на минуту замѣшкалась, отпирая дверь купальни, и ея легкая фигура въ голубомъ платьѣ такимъ красивомъ пятномъ вырисовалась на фонѣ купальни, что онъ подумалъ: «непремѣнно надо написать ее такъ».

Дверь отворилась, она вошла. Пятно сразу потускнѣло, пропало вмѣстѣ съ захлопнувшейся дверью.

Откуда-то доносился глуховатый, точно изъ глубины моря исходящій стукъ, и скоро, очень далеко за мысомъ, показался пароходъ; изъ трубы его ровной полосой шелъ дымъ, растягивавшійся какъ безконечная вуаль, зацѣпившаяся гдѣ-то въ воздухѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ голова Ирины съ ея розовымъ чепчикомъ появилась на водѣ.

— Сартъ! Сартъ!—донесся ея голосъ.—Ко мнѣ! Ну!

Сартъ бросился за нею и его бѣлая тонкая голова вытянулась надъ водою рядомъ.

Она обернулась, чтобы взглянуть на мужа и, посылая привѣтъ ему, высоко подняла изъ воды голую руку, освѣщенную солнцемъ, а затѣмъ легко поплыла вдаль, бокомъ разрѣзая прозрачную тихую воду, въ которой видно было ея красивое изгибавшееся тѣло.

Сартъ очень быстро отсталъ отъ нея. Поднявъ острую морду кверху, онъ издалъ нѣсколько жалобныхъ нотъ и, суетливо взбудораживая въ пѣну воду своими тонкими жилистыми лапами, повернулъ къ берегу.

Ирина то и дѣло измѣняла манеру плаванія, очевидно желая выказать передъ мужемъ все свое искусство; поворачивалась на спину, чтобы видѣть его; лежала на водѣ неподвижно, закинувъ за голову руки, а затѣмъ плыла дальше, и, наконецъ, ея чепчикъ потерялъ вдали свою розовую окраску и казался темнымъ пятнышкомъ.

Вѣтвицкій сталъ безпокоиться, тѣмъ болѣе, что къ ней приближалась рыбачья лодка. Онъ началъ дѣлать ей знаки рукой. Она также подняла руку, отвѣчая ему и поплыла обратно.

Когда умытая, свѣжая, улыбающаяся, еще съ влажными волосами, выбившимися изъ-подъ чепчика, пахнущая моремъ, она подошла къ нему, надѣясь услышать отъ него похвалы себѣ, онъ сказалъ:

— Ну, зачѣмъ заплывать такъ далеко? Не все ли равно, тамъ вода или ближе.

— Но развѣ ты не понимаешь, какое это наслажденіе быть одной далеко отъ земли... качаться на этой сильной водѣ!

— Право, я никогда не испытывалъ ничего подобнаго.

Тогда она вспомнила свой первый разговоръ объ этомъ съ Лосьевымъ и почувствовала себя нѣсколько обиженной и внутренно правой, но не только ничѣмъ не выказала этого, а наоборотъ, чтобы смягчить его, прибавила:

— Когда-нибудь мы съ тобою заѣдемъ на лодкѣ далеко, далеко и ты увидишь, какъ это чудно!

Она взглянула на него, ища подтвержденія, но его усталые сѣрые глаза ничѣмъ не отвѣтили на это, и, странно, она тутъ же, точно внутреннимъ зрѣніемъ между нимъ и собою уловила какую-то прозрачную непроницаемую преграду, похожую на стекло, невещественную и все же ясную почти до осязанія.

У нея сразу спало ощущеніе радостной бодрости моря, которую она принесла въ себѣ. Уходя, она обычно улыбнулась ему и сдержанной походкой направилась въ домъ, чтобы свой туалетъ

привести въ тотъ порядокъ, какой онъ любитъ. Сартъ тихо поплелся за ней, и его короткая, бѣлая шерсть, уже почти высохшая, шелковисто блестѣла на солнцѣ, и только съ длинныхъ волосковъ въ концѣ хвоста стекали тонкія капли влаги.

Полозовъ неоднократно со времени ихъ пріѣзда шутливо намекалъ Вѣтвицкому, что пора бы устроить пиръ для товарищей, и что журавли давно его ждутъ и удивляются, что не слышатъ призывнаго клича.

Вѣтвицкій первое время уклонялся подъ предлогомъ усталости съ дороги, но потомъ пришелъ къ тому, что это необходимо, и хотя его нѣсколько пугала мысль о шумномъ вторженіи журавлей въ его замкнутую жизнь, онъ все же посовѣтовался съ женой, выбралъ день, послалъ пригласительныя записки журавлямъ, намекнувъ, что обѣдъ будетъ въ прежнемъ товарищескомъ духѣ, и новымъ лицомъ явится только его жена.

Наканунѣ онъ строго обсудилъ съ Ириной все относящееся къ пріему гостей, до ея туалета включительно. И когда художники нагрянули на дачу, онъ встрѣтилъ ихъ такъ, какъ будто это была очередная суббота. Они на этотъ разъ были одѣты болѣе тщательно и держали себя нѣсколько сдержаннѣе, чѣмъ всегда.

Ирина ихъ встрѣтила очень привѣтливо, съ той красивой застѣнчивостью, которая объяснялась ея новымъ положеніемъ.

Среди нихъ она замѣтила отсутствіе Лосьева, но когда пригласила ихъ къ столу, Николай сказалъ:

— Подождать бы Лосьева. Онъ, вѣроятно, пріѣдетъ съ этимъ поѣздомъ.

Нѣкоторые изъ художниковъ при имени Лосьева вскользь взглянули на Вѣтвицкаго и Ирину. Онъ, очевидно, ничего не зналъ о работѣ скульптора и спросилъ:

— Кстати, какъ его «Спрутъ»?

Въ отвѣтъ на это послышались преувеличенно-громкія восклицанія.

— Интересная вещь!

— Талантливо!

— Имѣла успѣхъ.

— Махаловъ заказалъ ему ее изъ мрамора.

— Н-да-а,—протянулъ многозначительно Бугаевъ.

На него съ укоромъ взглянули.

Плотниковъ, уловивъ едва замѣтное смущеніе въ глазахъ Ирины и взглядъ Николая, брошенный на нее, подумалъ: «проболтался-таки, чортъ!»

Художники, разбившись парами среди цвѣточныхъ клумбъ, на площадкѣ передъ террасой, гдѣ уже сверкалъ хрусталь и

фарфоръ приборовъ, вспоминали холостыя субботы въ былыя времена на этой же дачѣ и разныя мальчишескія выходки и дурачества.

Всегда въ этихъ случаяхъ больше всѣхъ отличался Николай.

Симоновъ напомнилъ ему объ «Индійскихъ лѣсахъ», и всѣ со смѣхомъ стали разсказывать Иринѣ, какъ Николай подержалъ пари, что выпуститъ на волю обезьянъ, которыя лѣтомъ содержались въ клѣткѣ въ сосѣднемъ саду у мѣстнаго богача Томазини.

— Ну, да, я и перелѣзъ черезъ заборъ, отперъ клѣтку, но тутъ случился такой переполохъ, какого я самъ не ожидалъ. Обезьяны пустились удирать по деревьямъ, такъ что ихъ потомъ цѣлую недѣлю на всѣхъ дачахъ ловили...

Ирина смѣялась вмѣстѣ съ другими и смѣхъ ея особенно располагалъ къ себѣ своей задушевностью, такъ что Симоновъ съ удивленіемъ смотрѣлъ даже ей въ ротъ, точно желалъ увидѣть, откуда берутся такіе чистые, нѣжные переливы голоса.

Вѣтвицкій оживился: на него пахнуло прошлымъ и, когда Ирина повела ихъ къ террасѣ, онъ удивленный, любовался ея простотой и способностью безъ всякаго принужденія съ своей стороны, не терять самое себя, быть въ тонѣ того общества, которое окружаетъ ее и подумалъ: «непремѣнно надо отъ времени до времени повторять это».

Всѣ двинулись къ столу и вопросительно глядѣли, выжидая ея распоряженій, гдѣ кому сѣсть. Ирина держалась за прямую высокую спинку дубоваго стула и покачивала его движеніями своей еще дѣвически хрупкой фигуры, одѣтой въ дорогое легкое платье цвѣта écru. Ткань перемѣшивалась съ прошивками и кружевами, черезъ которое у шеи и около плечъ сквозила нѣжная атласная кожа.

Она съ улыбкой, сдерживаемой уголками рта, привѣтливо сказала:

— Разсаживайтесь, гдѣ кому улыбается.

Втайнѣ каждому хотѣлось сѣсть около нея, но какъ-то вышло такъ, что оба стула возлѣ нея по краямъ стола оказались пустыми.

Она разсмѣялась и застѣнчиво сказала:

— Никто около меня не хочетъ сѣсть.

Стулья сразу загрохотали и вся компанія очутилась возлѣ нея

— Жребій, жребій!—закричалъ Симоновъ.

Узелки пошли по рукамъ; не обошлось безъ смѣха и дурачествъ. Симонова уличили въ шулерской продѣлкѣ и въ наказаніе за это усадили его на другой край стола, рядомъ съ Вѣтвицкимъ. Возлѣ нея сѣли Перовскій и Бугаевъ.

Симоновъ закричалъ съ другого конца

— Вотъ увидите, Ирина Михайловна, что на вашемъ платьѣ Бугаевъ изобразитъ пейзажъ соусомъ.

— Ну, что же, я этотъ пейзажъ вставлю въ рамку.

Она ласково взглянула на Бугаева. Тотъ смутился, покраснѣлъ; участь его тутъ же была рѣшена: онъ снова безнадежно влюбился, вдругъ ни съ того ни съ сего схватилъ ея руку, неловко ткнулся въ нее губами и осѣвшимъ отъ смущенія голосомъ воскликнулъ:

— Можно жить на свѣтѣ! Ей Богу!

Неожиданная выходка вызвала общій смѣхъ, аплодисменты и больше всѣхъ смѣялся самъ Вѣтвицкій

Онъ давно не чувствовалъ себя такимъ возбужденнымъ и веселымъ. Къ этому примѣшивалось не совсѣмъ ясно сознанное имъ удовольствіе отъ отсутствія Лосьева, котораго онъ пригласилъ на обѣдъ изъ какого-то страннаго противорѣчія съ самимъ собою. Онъ не разъ осуждалъ въ себѣ эту ничѣмъ повидимому не вызванную непріязнь къ Лосьеву, которая особенно опредѣлилась и упрочилась послѣ свадебнаго вечера.

Художники съ удовольствіемъ подсѣли къ такъ хорошо знакомому имъ обильному, красивому столу, пріятно раздражавшему глаза и аппетитъ, и приступили къ закускѣ.

Забулькала холодная водка изъ потныхъ хрустальныхъ графинчиковъ и первыя рюмки были подняты за здоровье хозяйки.

Вѣтвицкій издали сдѣлалъ Иринѣ привѣтливое движеніе рюмкой; она отвѣтила привычной улыбкой глазъ и тотчасъ же перевела взглядъ на пустой приборъ на столѣ, дожидавшійся Лосьева.

Отъ Вѣтвицкаго не ускользнулъ этотъ взглядъ, но онъ не придалъ ему особаго значенія. Ее, какъ хозяйку, не могло не безпокоить запозданіе гостя, который внесетъ безпорядокъ въ обѣдъ. Онъ сказалъ, твердо и отчетливо выдѣляя имя:

— Лосьева все нѣтъ.

— Это его манера,—съ желчной улыбкой замѣтилъ Соловковъ.

— Опаздывать?

— Нѣтъ, все дѣлать особнякомъ. Всегда выдѣлить себя хочетъ...

— Немножко есть... Любитъ попозировать,—добавилъ Симоновъ.

Николай вступился за Лосьева.

— Вздоръ! Никакого позерства въ немъ нѣтъ.

— Ну, положимъ, онъ поставилъ условіемъ на выставкѣ, чтобы ему дали отдѣльную комнату для его группы, такъ это естественно—единственная скульптура.

— И она вполнѣ заслуживала такого вниманія, — замѣтилъ Полозовъ, всегда старавшійся сохранить безпристрастіе.

— Дивная вещь! — восторженно откликнулся Симоновъ. Но этотъ восторгъ не отозвался въ художникахъ, всегда дружно поддерживавшихъ успѣхъ каждаго отличавшагося товарища. Они какъ-то замяли его.

— На выставкѣ были вещи поцѣннѣе,—возразилъ Соловковъ: Цвѣтаева, Кича...

— Ахъ, да! Я опоздалъ поздравить тебя съ успѣхомъ, — обратился къ Кичу Вѣтвицкій.—Очень радъ за тебя. Твое здоровье!

— Спасибо.

— Жаль, что тебя не было на выставкѣ,—обратился къ хозяину Перовскій.—На этотъ разъ мы даже наше городское общество побѣдили. И посѣтителей было много, и продали не мало.

— Я постараюсь увидѣть всѣ вещи, когда онѣ вернутся изъ Кіева.

— А какъ тамъ дѣла?

— Выставка нравится.

— Лосьевъ хочетъ послать свою вещь въ Венецію на интернаціональную выставку.

— Тамъ она будетъ больше ко двору, — не унимался Соловковъ.—Хорошо, что и говорить—сдѣлана хорошо, но у насъ она какъ-то некстати... не вяжется.

Ирину стѣсняли эти разговоры о Лосьевѣ и его работѣ. Она, избѣгая глядѣть на художниковъ, чтобы не выдать, что знаетъ о приданномъ скульпторомъ сходствѣ съ нею, тихо отдавала распоряженія горничной. И въ это стѣсненіе вкрадывалась обострившаяся тревога, которую возбуждало въ ней имя Лосьева.

Она ждала его и, вмѣстѣ съ тѣмъ, думала: «зачѣмъ Борисъ пригласилъ его?»

Каждую минуту онъ могъ войти и застать этотъ разговоръ. Она съ женскимъ тактомъ постаралась отвлечь отъ Лосьева и обратилась къ Кичу.

— Меня очень интересуетъ ваша картина; она мнѣ навѣрно понравится. Я люблю духъ старины, въ немъ есть что-то... что-то...—она, подыскивая выраженіе, шевелила передъ собой своими тонкими, бѣлыми пальцами:—что-то наивное, простодушное и всегда манящее.

— Въ вашемъ лицѣ есть тоже что-то несовременное. Вы мнѣ напоминаете оригиналъ одной изъ старинныхъ миніатюръ.

Она покраснѣла отъ удовольствія.

— Мы, художники, любимъ старину. И удивительно, какъ время умѣетъ облагораживать и смягчать. Впрочемъ, вообще, намъ,

съ нашими нервами, трудно удовлетворяться настоящимъ... Въ близости момента, который вотъ... передъ нами, всегда есть нѣкоторая доля пошлости. И счастье, что дано прошлое, которое всегда представляется въ чистомъ видѣ. Мы можемъ отдохнуть на немъ, успокоиться...—закончилъ онъ тихо, глядя какъ-то внутрь себя умнымъ сосредоточеннымъ взглядомъ.

— Меня Борисъ многому научилъ. Я стала разбираться въ краскахъ: это мнѣ не мало прибавляетъ въ впечатлѣніяхъ.

Она, къ чему-то прислушиваясь, оборвала фразу и повернула голову къ двери. Вошла прислуга. Ирина вскинула глаза на мужа, но онъ не глядѣлъ на нее и своимъ усталымъ голосомъ говорилъ сидѣвшему рядомъ съ нимъ Плотникову:

— Уистлеръ слишкомъ гнался за изысканностью. И надо сознаться, что это японское жеманство повредило ему. Я не отрицаю,—остановилъ онъ слабымъ движеніемъ руки Плотникова, который уже разинулъ ротъ, чтобы возразить ему,—японцы большіе художники.

— Изумительные!—перебилъ его Симоновъ.—Европейское искусство дьявольски обязано имъ, начиная съ Манэ и кончая Аманъ-Жаномъ.

— Ну, да, не отрицаю. Искусство живетъ формами, и каждая, даже незначительная прививка—уже плюсъ. Но нельзя же значеніе какого-нибудь Гокусаи сравнить съ значеніемъ хотя бы Веласкеза.

На это Плотниковъ утвердительно кивнулъ головой и воскликнулъ:

— И все-таки я эту рюмку пью за японскую живопись.

— Къ чорту японцевъ!—Воскликнулъ Соловковъ.—Мы, русскіе, должны теперь плюнуть на ихъ искусство.

— Собственно говоря, это вѣрно...—поддержалъ его пылкій баронъ.—Они, прежде всего, начали войну не объявивъ... Это, если хотите, свинство.

Политическія соображенія эти не вызвали, однако, ничего, кромѣ смѣха. Но оба оказались ярыми русскими патріотами и горячо напали на товарищей за ихъ равнодушіе къ политикѣ, хотя сами они тоже, повидимому, были не сильны въ этомъ, такъ какъ, разбираясь въ разныхъ обстоятельствахъ русско-японской войны, путались невѣроятно.

— Ахъ, какое дѣло искусству до политики!—разсердился на нихъ Полозовъ.—Лично меня ужасы войны не могутъ не волновать. Я боюсь думать объ этихъ кровавыхъ жертвоприношеніяхъ Богъ вѣсть во имя чего... Я иной разъ уснуть не могу, а усну—вижу во снѣ эти разорванныя тѣла... Кровь!.. Но какое до этого дѣло живописи!

— Однако Верещагину было дѣло!

— Вѣчная память ему! Но это же не законъ для живописи. Это дѣло вкуса, таланта, индивидуальности.

— Есть такіе... Ну, какъ бы тебѣ сказать... дни, что ли, когда и художникъ обязанъ быть...—вступилъ въ споръ Плотниковъ,—обязанъ быть...

— Солдатомъ?—перебилъ его Полозовъ.

— Нѣтъ, гражданиномъ.

— Беллетристика!

— Поди ты къ чорту съ этимъ словомъ твоимъ!—разсердился Плотниковъ, но вспомнивъ о томъ, что здѣсь не одни товарищи, покраснѣвъ за свою рѣзкость, взглянулъ на хозяйку.

— Я сынъ своей родины,—волновался Виртъ.—И если понадобится, готовъ защищать ее съ оружіемъ въ рукахъ.

— Съ оружіемъ въ рукахъ. Да ты держалъ ли какое-нибудь оружіе-то, кромѣ кисти да муштабеля?

— Для японцевъ, собственно говоря, и этого довольно,—горячился баронъ, не замѣчавшій протянутой къ нему тарелки, которую уже давно покорно держалъ Николай, подмигивая товарищамъ.

— Ну, они показали достаточно, что не особенно-то довольно.

— Если хотите знать...

Но тутъ Николай перебилъ его съ комической мольбой:

— Баронъ, баронъ,
Прими бульонъ.
Держать нѣтъ силъ,
Бульонъ остылъ.

Общій смѣхъ покрылъ этотъ экспромтъ, и среди мужскихъ голосовъ красиво вился звонкій смѣхъ Ирины.

Однако, каждый разъ, заслышавъ шаги, она настораживалась и, когда входила прислуга, испытывала чувство успокоенія, смѣшанное съ нѣкоторымъ разочарованіемъ.

Обѣдъ былъ конченъ. Подали кофе и ликеры. Художники раскраснѣлись отъ вина и оживленія и перестали поминать Лосьева, когда слѣва отъ террасы, по мелкимъ камешкамъ аллеи, ведущей изъ сада, послышались торопливые, увѣренные шаги.

Ирина почему-то ждала Лосьева съ подъѣзда дачи, но по этимъ шагамъ она сразу угадала, что это онъ. Если бы мужъ взглянулъ на нее въ эту минуту, она бы выдала свое волненіе блѣдностью или краской, которая залила бы ея лицо, но Вѣтвицкій былъ занятъ разговоромъ, и, подавивъ въ себѣ движеніе крови, хлынувшей въ сердце, она не испытывала ничего, кромѣ слабости во всемъ тѣлѣ, когда Лосьевъ появился на ступенькахъ террасы, прямо противъ нея.

Онъ былъ въ палевомъ лѣтнемъ костюмѣ изъ мягкой матеріи, въ бѣлой шляпѣ и такихъ же ботинкахъ и казался нѣсколько полнѣе, благодаря костюму и загару, покрывавшему его лицо.

На послѣдней ступенькѣ онъ пріостановился и прежде всего бросилъ вспыхнувшій вопросомъ взглядъ на Ирину, какъ это было послѣ букета. И когда ея взглядъ отвѣтилъ ему плохо сдерживаемымъ испугомъ, вопросительное выраженіе смѣнилось радостной преданностью, которая погасла тотчасъ же, какъ онъ увидѣлъ широкій, вяло очерченный затылокъ Вѣтвицкаго. Вѣтвицкій сидѣлъ къ нему спиной и не слышалъ его шаговъ и только по лицу своей жены узналъ о приходѣ гостя.

Но, прежде чѣмъ онъ успѣлъ повернуться къ нему, Лосьевъ быстро направился къ хозяйкѣ, не обращая никакого вниманія на товарищей, и, бросивъ на ходу шляпу на подоконникъ, взялъ ея руку и поцѣловалъ.

Его губы обняли ея палецъ и онъ испытывалъ между усами прикосновеніе чего-то непріятно-холоднаго: это было ея обручальное кольцо.

Не смотря на опьянѣніе, художники сдержанно отнеслись къ его приходу и только одинъ Николай безпечно воскликнулъ:

— А, Лосьевъ! Опоздалъ, братъ, къ обѣду.

— Меня Малаховъ задержалъ, — вскользь отвѣтилъ онъ ему.

— Qui va à la chasse, perd sa place. Не давать ему обѣда.

— Пожалуйста не распоряжайся въ моемъ домѣ,—остановила его—сестра.—Если m-r Лосьевъ...

— О, нѣтъ, merci. Меня именно задержалъ у Малахова завтракъ,—оборотившись на ходу, отвѣтилъ Лосьевъ и съ спокойными глазами и нѣсколько вызывающе поднятой головой подошелъ къ Вѣтвицкому, который поднялся ему навстрѣчу. Но мимолетнаго взгляда ему было достаточно, чтобы убѣдиться, что Вѣтвицкій ничего не знаетъ, и тѣмъ не менѣе, онъ сразу замѣтилъ принужденность въ его улыбкѣ и въ движеніи руки, которую тотъ издали протянулъ ему съ непривычнымъ къ фамиліарности размахомъ.

То, что Вѣтвицкій ничего не зналъ, отдаляло моментъ, къ которому Лосьевъ подготовился, идя сюда. Она знала и не сказала ему, не предупредила. Можетъ быть, не хотѣла безпокоить, а можетъ быть, другое. Но что въ этомъ, въ другомъ, не было пренебреженія, онъ это видѣлъ ясно.

— А вы поправились на мой взглядъ, — обратился Лосьевъ къ Вѣтвицкому, опять-таки нѣсколько задержавшему руку гостя въ своей рукѣ, и, не дожидаясь его отвѣта, кивнулъ сидящимъ за столомъ, какъ товарищамъ, которыхъ онъ видитъ часто.

— Ну, если отказываетесь отъ обѣда, я налью вамъ кофе.— Предложила хозяйка.

— А, да! Кофе, пожалуйста. Кстати, я вижу мой любимый ликеръ, шартрезъ зеленый.

Онъ занялъ свое мѣсто съ такой непринужденностью, какъ будто былъ тутъ уже не первый разъ, и, оглядывая море, открывавшееся его глазамъ, говорилъ съ простодушнымъ оживленіемъ своимъ легкимъ, красивымъ голосомъ:

— Я въ первый разъ послѣ моего возвращенія въ этихъ мѣстахъ. Какъ они измѣнились, какъ застроились и выросли! А у васъ тутъ хорошо, очень хорошо. И это море! Я вижу его почти каждую минуту и все больше и больше къ нему привязываюсь. Оно стало необходимо мнѣ, ну, совсѣмъ, какъ вино пьяницѣ, и я могу сказать, всегда пьянъ моремъ.

— А знаете,—обратился онъ уже къ одной Иринѣ,—по преданію, на этой дачѣ часто бывалъ Пушкинъ... Право, такія вещи заставляютъ шевелиться на головѣ моей волосы...

Принимая изъ рукъ Ирины кофе, онъ поблагодарилъ ее и налилъ себѣ зеленаго ликера.

Вслѣдъ затѣмъ, какъ онъ умолкъ, настала неловкая тишина и опять Бугаевъ протянулъ низкимъ басомъ:

— Н-да-а.

Онъ чувствовалъ, что Лосьевъ и здѣсь снова разрушаетъ его очарованіе и, пожалуй, возненавидѣлъ бы его на этотъ разъ, если бы тотъ не былъ такъ талантливъ: талантъ рѣшительно всегда обезоруживалъ его и заставлялъ все прощать человѣку.

Но Лосьевъ какъ будто не замѣтилъ ни этой неловкости молчанія, ни этого неумѣстнаго бугаевскаго восклицанія, на которое общество отвѣтило натянутыми улыбками. Онъ, почти не отрывая губъ, съ удовольствіемъ сквозь зубы тянулъ изъ тонкой граненой рюмочки, особеннаго красиваго цвѣта, жгучій ликеръ и, когда опустѣла рюмка, сдѣлалъ маленькій глотокъ кофе изъ настоящей китайской чашечки и обратился прямо къ Вѣтвицкимъ, переводя глаза съ него на нее:

— Какъ жаль, что вы не попали къ выставкѣ. Помимо того, что на ней было много прекрасныхъ вещей, мнѣ очень хотѣлось знать ваше мнѣніе о моей группѣ.

Онъ, не торопясь, налилъ себѣ еще рюмку шартреза и, не обращая вниманія на насторожившихся товарищей, продолжалъ спокойно и съ разстановкой.

— Именно ваше.

Ирина похолодѣла. Ей казалось, что сейчасъ онъ скажетъ все, скажетъ объ этомъ сходствѣ и тутъ случится что-то ужас-

ное, непоправимое. Ей хотѣлось перебить его, но мыслей и словъ не было, да они бы и не сошли съ ея языка. Она обвела глазами художниковъ, выдавая себя, но тѣхъ, очевидно, также поразила его дерзость... Они молчали и только ничего не подозрѣвавшій Вѣтвицкій во время короткой паузы спросилъ:

— Почему именно наше?

Лосьевъ опять допилъ ликеръ, попросилъ себѣ еще чашку кофе и, какъ ни въ чемъ не бывало, отвѣтилъ:

— Потому что, какъ я слышалъ, вы были проѣздомъ въ Мюнхенѣ на интернаціональной выставкѣ въ Glas-Palass и видѣли европейскую скульптуру. Нѣтъ ли тамъ чего-нибудь похожаго? Когда я работаю надъ какой-нибудь новой вещью, меня не покидаетъ опасеніе, что кто-нибудь перебьетъ меня. Вѣдь творческіе замыслы носятся въ воздухѣ и все дѣло въ томъ, чтобы успѣть раньше другихъ осуществить ихъ.

Едва сдерживая дрожь рукъ, она налила ему кофе, но когда передавала ему черезъ столъ чашку, онъ не могъ не замѣтить легкій трепетъ и дребезжаніе фарфора и, давъ лишь на одно мгновеніе ей вздохнуть свободно, неумолимо продолжалъ:

— Впрочемъ, это дѣло поправимое, я буду очень счастливъ, если вы не откажетесь посѣтить мою студію. Въ настоящее время я работаю эту вещь въ мраморѣ.

Тогда у нея явилось настойчивое желаніе бросить ему въ лицо свое осужденіе за его безобразную выходку. Но какъ это сдѣлать при всѣхъ, при мужѣ! Это было невозможно. Она рѣшила, когда всѣ уйдутъ изъ-за стола, во что бы то ни стало остаться съ нимъ наединѣ, уйти куда-нибудь въ глубину сада и тамъ сурово и безпощадно высказать ему свое негодованіе.

Всѣхъ утомилъ продолжительный обѣдъ, къ тому же, несмотря на то, что солнце закатилось, стало душнѣе, чѣмъ даже въ полдень. Сиреневыя на закатѣ облака надъ моремъ сгустились въ тучи и къ нимъ прибывали изъ-за моря все новыя и новыя полчища, съ угрозой поднимавшіяся въ вышину. Море преобразилось, точно въ ожиданіи схватки или удара, и отраженія тучъ неровно перерѣзывали его на двѣ части: дальнюю—темную густую и ближнюю—все еще прозрачную и свѣтлую, но болѣе зловѣщую, чѣмъ та.

Въ саду послышались два голоса: одинъ, совсѣмъ дѣтскій, спрашивалъ:

— Будемъ, дяденька, поливать нонѣ цвѣты?

Другой, солидный и спокойный, отвѣчалъ:

— Не!.. развѣ не видишь гроза идетъ... съ дождемъ.

Было такъ тихо, что дальнія деревья казались не живыми, а картонными, и яхта замерла на границѣ свѣтлаго и темнаго,

сильно бѣлѣя своимъ увядшимъ парусомъ на густомъ, почти чугунномъ фонѣ тучъ.

Вѣтвицкій переглянулся съ Ириной и они оба встали, а за ними разомъ поднялись гости, тяжело стуча и шурша по полу стульями.

Всѣ потянулись къ рукѣ хозяйки, а затѣмъ, внизъ съ террасы, къ рѣшеткѣ надъ обрывомъ къ цвѣтамъ, которые также замерли и какъ будто затаили ароматъ.

Прислуга быстро убирала со стола, а съ другой стороны раскрыли карточные столики.

Ирина осталась на террасѣ. Ее не покидало ощущеніе усталости. Она не упускала изъ вида Лосьева и мужа.

Они стояли въ цвѣтникѣ. Лосьевъ, согнувшись надъ клумбой, отчего пиджакъ его туго натянулся на спинѣ, выбиралъ цвѣтокъ для петлицы костюма. Вѣтвицкій смотрѣлъ на его широкую спину и плечи и врядъ ли слушалъ то, что ему говорилъ Половъ, не выпуская изо рта сигары.

Въ отяжелѣвшемъ, свинцовомъ воздухѣ легкій дымокъ сигары вился тонкой струйкой, не расплываясь.

Иринѣ вдругъ показалось, что она когда-то, можетъ быть, давно, а можетъ быть во снѣ, видѣла эту согнувшуюся сильную спину, эту прямую фигуру и этотъ дымокъ.

Стрижи безшумно, низко надъ землею стегали воздухъ, нервно и мгновенно появляясь, какъ черные намеки.

Ее охватилъ жуткій ознобъ. Ничего значительнаго, а тѣмъ болѣе страшнаго, въ этой картинѣ не было, но это смутное представленіе казавшагося, а можетъ быть бывшаго, бросало на нее уродливую, зловѣщую тѣнь.

— Нѣтъ, вы поглядите на эту тучу!—мальчишескимъ голосомъ воскликнулъ Симоновъ.—Она выползаетъ изъ моря, какъ чудовище изъ гигантской норы,—страшное и непобѣдимое.

— И какъ грузно, тяжело ворочается.

— И вѣрно, была такая же туча надъ Синаемъ, когда Богъ-Саваофъ, при блескѣ молніи и грохотѣ громовъ, вручалъ заповѣди Моисею:—нѣсколько торжественно и внушительно произнесъ Перовскій.

— Да, это удивительно! И замѣть, что во всемъ сейчасъ, во всей окружающей картинѣ есть что-то библейское. Чортъ возьми, что только творитъ природа!—съ какимъ-то умиленнымъ экстазомъ сказалъ Полунинъ. И онъ протянулъ худую руку, указывая на прибрежную долину подъ обрывомъ...—А эти долины съ однообразными, горбатыми холмами, эта короткая сѣдая трава, покрывающая ихъ, какъ пепелъ!

— А эта сѣть узкихъ змѣистыхъ тропинокъ для одинокихъ

пѣшеходовъ! Имъ недостаетъ сейчасъ высокой библейской фигуры странника съ сухими, строгими чертами лица, съ посохомъ въ рукахъ.

— А этотъ вонъ корявый старый дубъ, — значительно добавилъ Бугаевъ,—подъ нимъ и долженъ отдохнуть твой странникъ.

— Менаръ точно здѣсь бралъ этюды для «Изгнанія изъ рая».

— И знаете, когда я вижу и переживаю подобное, мнѣ ясно, что никто и никогда этого не описывалъ,—задумчиво проговорилъ Полунинъ.

Тучи еще болѣе усиливали сумерки и вмѣстѣ съ ними какъ бы сгущалась тишина. Было въ этомъ что-то подавляющее, мертвящее мысль и слова.

Ирина старалась вспомнить то распоряженіе, которое она хотѣла сдѣлать прислугѣ, но надъ бровями ощущалась какая-то тяжесть и мѣшала ей вспомнить. Она сдавила виски: опять согнувшаяся спина, прямая фигура и синій вьющійся дымокъ.

Она вошла въ домъ и черезъ другія двери прошла въ садъ.

Въ глубинѣ густой аллеи было уже совсѣмъ почти темно и до онѣмѣнія тихо. Въ вышину тянулись темные плотные кипарисы; ихъ особенно много было въ саду, и они собою еще болѣе сдавливали и уплотняли тишину. Отъ одного изъ нихъ черная вѣтка протянулась въ воздухѣ, какъ монашескій рукавъ.

Она не любила этого сада, рѣдко бывала въ этой аллеѣ и предпочитала берегъ моря, между тѣмъ какъ мужъ иногда подолгу ходилъ взадъ и впередъ по аллеѣ въ хвойной тѣни, съ удовольствіемъ вдыхая смолистый сыроватый запахъ, и тогда, глядя на него, Ирина думала: «Какъ онъ умѣетъ окружить себя всѣмъ, что подходитъ къ нему!»

Вѣроятно, нигдѣ человѣкъ не могъ себя чувствовать такъ одиноко, какъ среди этихъ деревьевъ, въ этой тишинѣ. Ей именно хотѣлось сейчасъ одиночества, чтобы въ чемъ-то разобраться, что-то уяснить себѣ. Но мыслей не было, были смутные образы, намеки, слова и все это тонуло въ усталости. Та мелочь, что она прислугѣ не отдала какого-то распоряженія, не переставала ее безпокоить, но она неожиданно въ памяти выплыла, какъ разъ въ то время, когда Ирина перестала думать о ней.

«Нужно было сказать, чтобы къ чаю накрыли сиреневый гарнитуръ».

Вспомнивъ это, она, однако, не вернулась въ домъ, но успокоилась, и тутъ у нея снова возникло желаніе переговорить съ Лосьевымъ, высказать ему то, что ее мучило. Но она незамѣтно ушла уже довольно далеко отъ дома и его освѣщенныя окна едва-едва мерцали изъ-за черной, траурной зелени.

Голосовъ не было слышно, но, вѣроятно, кто-нибудь изъ ху-

дожниковъ дразнилъ ея Сарта: слышался раздраженный, капризный лай и его отрывистые звуки точно вырывали клочья этой тишины.

Она подумала: «Отчего худѣетъ Сартъ? Онъ никогда не ласкаетъ мою собаку». Вспомнила, что сама давно не ласкала Сарта, не играла съ нимъ, и ей стало жаль собаки и захотѣлось сейчасъ же ее приласкать.

Надъ бровями все еще давило. Она повернула на новую аллею, не размышляя о томъ, куда она идетъ, къ дому, или дальше, только бы выйти изъ этого сдавленнаго мрака и тишины.

Ей показалось, что гдѣ-то захрустѣлъ песокъ. «Это вѣрно Сартъ». Вдали что-то забѣлѣло: «Это Сартъ!» Надъ бровями давило до того, что хотѣлось закрыть глаза; становилось тяжело дышать и въ лѣвомъ вискѣ стучали капли крови. Ожиданіе чего-то необыкновеннаго стѣснило грудь, и въ эту минуту темноту разорвалъ ослѣпительный изломъ молніи. Ирина сразу увидѣла деревья, аллею и бѣлую фигуру, которая испугала ее гораздо больше, чѣмъ эта неожиданная вспышка молніи. Она снова утонула въ темнотѣ и тишинѣ. Только слышалось сухое хрустѣніе песка... Далеко проворчалъ громъ. Она шла этой фигурѣ навстрѣчу въ то время, какъ ей хотѣлось броситься назадъ, а намѣреніе, которое уже было передъ тѣмъ, погасло.

Она услышала совершенно близко твердые, увѣренные шаги, звукъ которыхъ сковывалъ ея волю. Ей понадобилось собрать всѣ свои силы, чтобы овладѣть собой и не выдать себя, и она неестественнымъ голосомъ, который самой ей показался очень громкимъ, произнесла:

— Ахъ, это вы! А я гуляла. Неужели домой?

Онъ не придалъ никакого значенія ея фразамъ и молча стоялъ передъ нею. Она плохо различала его лицо, его глаза, но его бѣлая фигура пугала ея утомленную мысль, какъ привидѣніе.

Недалекій свистъ паровика оживилъ воздухъ. Она опять торопливо заговорила, понизивъ голосъ:

— Вы все равно опоздали на этотъ поѣздъ. Я гуляла,—повторила она фразу, забывъ, что сейчасъ сказала ее.

Тогда онъ тоже заговорилъ, и ей его голосъ показался тоже неестественно громкимъ.

— Не видя васъ въ домѣ, я рѣшилъ найти васъ. Я пріѣхалъ сюда только для того, чтобы говорить съ вами. Вы знаете?—твердо спросилъ онъ.

— Знаю.

Она ни на минуту не сомнѣвалась, къ чему относится этотъ вопросъ.

— Я видѣлъ это. Такъ же, какъ тогда, съ цвѣтами... Я не хочу

ни оправдываться, ни объяснять. Вы все понимаете сами. Вы понимаете все.

Онъ замолчалъ, ожидая отъ нея словъ.

Ей хотѣлось опять молніи, которая освѣтила бы его лицо и глаза, эти настойчивые глаза, взглядъ которыхъ она чувствовала въ себѣ. Ей хотѣлось гнѣвомъ отвѣтить на эти слова, на этотъ голосъ, въ которомъ слышался и вызовъ, и мольба.

Какъ онъ смѣлъ рѣшиться на такой поступокъ, представлявшійся ей дерзкимъ и унизительнымъ, и—еще болѣе—какъ онъ смѣлъ такъ говорить съ ней!

Молнія снова острымъ огнемъ стегнула мракъ и она подумала:

«Отчего такъ запали его глаза и такъ робко на меня смотрятъ?»

Вслѣдъ за молніей рухнулъ громъ; небо точно разломилось отъ удара. Она вскрикнула и въ страхѣ схватилась за его руку.

Когда ударъ замолкъ, слышно было, какъ сухія иглы хвои отъ сотрясенія падали на песокъ.

Онъ робко сжалъ ея руку съ похолодѣвшими пальцами и волнующимъ голосомъ продолжалъ:

— Да, вы видите все. Видите, какъ я люблю васъ... Люблю васъ!.. люблю васъ!..—все глубже и тише повторялъ онъ.—Я сдѣлалъ это невольно, сдѣлалъ потому, что я люблю васъ... Потому, что свѣтъ вашихъ глазъ я ношу въ себѣ... въ душѣ... въ умѣ... Я не могъ уйти отъ этого... Вѣдь ему... Вы ему чужая... Скажите, что я говорю неправду?.. Скажите, и я уйду отсюда!

Ее обрадовалъ этотъ неожиданный выходъ, съ которымъ онъ пришелъ къ ней на помощь, она готова была крикнуть: «Неправда!» но ей съ страшной ясностью представилась прозрачная, почти осязаемая завѣса, которую она уловила сегодня между мужемъ и собою. Ирина только сдѣлала движеніе, чтобы вырвать руку, и услышала его рыданія.

Какая-то новая, сильная волна захлестнула ее. Онъ стоялъ около нея на колѣняхъ и цѣловалъ ея платье. Ее охватилъ приливъ дикой, острой радости, но она ужаснулась, сдѣлала движеніе прочь и пошла, оставивъ его рыдающимъ на пескѣ на колѣняхъ. Но чѣмъ дальше она уходила отъ него, тѣмъ сильнѣе чувствовала его близость, его прикосновеніе не только къ рукѣ, но и къ платью, которое теперь какъ бы составляло часть ея.

Поднимаясь на террасу, она увидѣла за карточнымъ столомъ Полозова съ сигарой въ зубахъ, Николая, барона и Полунина.

Вѣтвицкій игралъ свою любимую сонату Бетховена.

И опять та же струйка дикой радости захлестнула ея сердце. Она въ первый разъ почувствовала себя женщиной, и ей доставило острое удовольствіе знать, что сейчасъ она будетъ лгать передъ нимъ и передъ всѣми глазами, голосомъ, улыбкой.

Глава V.

Въ человѣкѣ, какъ и въ природѣ, въ большей или меньшей степени, совершаются почти однородные процессы, съ тою только разницею, что въ природѣ они происходятъ болѣе наглядно, интенсивно. Кровь человѣка и соки растенія мало чѣмъ отличаются одно отъ другого. И въ тѣхъ и въ другихъ весной идетъ броженіе, обновленіе, которое несетъ въ себѣ зачатки новой жизни. Въ одномъ болѣе примитивные, въ другомъ—болѣе сложные и глубокіе. И чѣмъ ближе человѣкъ чувствуетъ природу или чѣмъ болѣе роднитъ его съ ней искусство, тѣмъ созвучнѣе колебанія его жизни съ природой. Соки его выгоняютъ новые побѣги изъ сердца; на нихъ также появляется завязь, расцвѣтаютъ цвѣты, ищущіе оплодотворенія, зарождается плодъ, напрягаются послѣднія силы для того, чтобы этотъ плодъ налился и созрѣлъ и, сдѣлавъ свое дѣло, солнце, какъ и любовь, идетъ дальше, а истощенная творчествомъ природа, начинаетъ замирать до новой весны, до новаго возрожденія. То, что украшало этотъ расцвѣтъ, опадаетъ, тлѣетъ, гніетъ, и своимъ тлѣніемъ даетъ матеріалъ для новой жизни, для новыхъ безконечныхъ возрожденій.

Сентябрь принесъ съ собой хрустальные дни, сильныя зори, холодныя росы, новыя краски для листьевъ, новыя яркія звѣзды. Природа, какъ въ древности умный эпикуреецъ, передъ смертью одѣвалась въ золотистый пурпуръ, украшала столъ ароматными плодами и винами, чтобы затѣмъ открыть жилы и, истекая кровью, умереть, улыбаясь въ счастливомъ опьянѣніи.

Легкая, сѣдая паутина, еле уловимая, медленно тянулась въ прозрачномъ воздухѣ, какъ тлѣнъ жизни, отдѣлившійся отъ того, что успѣло умереть въ природѣ. И маленькіе паучки, плававшіе въ воздухѣ на этой паутинѣ, вѣстники смерти, окутывали своими тонкими нитями савана то, что уже приготовилось къ умиранію.

Вѣтвицкіе медлили переѣзжать съ дачи, хотя родные Ирины уже перебрались въ городъ, и она чаще ихъ посѣщала.

Николай, пользуясь тѣмъ, что она часто у нихъ бывала, попросилъ ее позировать для своей картины. Она охотно согласилась, ухватившись за это, какъ за предлогъ, чаще бывать въ городѣ, объясняя себѣ это тѣмъ, что ей наскучила дача, въ которой было много, по ея выраженію, могильнаго. И если она не уговаривала мужа переѣхать въ городъ, то только потому, что онъ особенно любилъ это время года и предпочиталъ проводить его вдали отъ людей и городской сутолоки.

Лосьевъ бывалъ у Николая, встрѣчался онъ съ Ириной, но никогда не возвращался къ тому, что тамъ, въ саду, ночью про-

изошло между нимъ и ею. Она была признательна ему за эту деликатность, тѣмъ болѣе, что понимала, насколько это ему тяжело.

Все чаще и чаще она ловила себя на томъ, что ей пріятно было это молчаливое и сильное обожаніе, угаданное ею въ тѣхъ случайно уловленныхъ долгихъ взглядахъ, въ которыхъ умышленно затушевывалось его «люблю».

Когда она въ его присутствіи о чемъ-нибудь говорила, она чувствовала, что онъ впиваетъ въ себя звуки ея голоса, и это возбуждало и обостряло ея мысль.

Послѣ такихъ встрѣчъ, возвращаясь домой, она пыталась погасить въ себѣ это возбужденіе, чтобы неудержимыя искры его не принести домой. У нея больше не повторялось то обманчивое удовольствіе лжи, также скоро померкшее, какъ оно вспыхнуло.

Дома она цѣплялась за всѣ мелочи хозяйства, чтобы отвлечь себя и подавить въ себѣ рвущуюся нару́жу правду, но, встрѣчая тихіе, какъ ей казалось, вопросительные взгляды мужа, она безсознательно свѣтло улыбалась и ласково говорила:

— Ты не сердишься, что я такъ часто и надолго тебя оставляю?

— Нисколько. Я теперь работаю: занятъ пейзажемъ, и этими осенними тонами природа помогаетъ мнѣ яснѣе разбираться въ краскахъ лица.

Онъ, вдумчиво глядя на нее, бралъ ея руки, притягивалъ къ себѣ и съ тихой нѣжностью говорилъ:

— Особенно я люблю это одиночество потому, что я знаю, скоро ему наступитъ конецъ.

Послѣ такихъ сценъ она давала себѣ слово не ѣздить въ городъ, но, что самое главное, не встрѣчаться съ Лосьевымъ, отъ котораго на нихъ шла невидимая, но непобѣдимая, разрушительная сила. Черезъ день, два, она однако, выискивала предлогъ и снова ѣхала въ городъ.

Наканунѣ этого ужаснаго для Ирины дня она всю ночь протомилась въ постели, то ощущая раздражающій ознобъ въ ногахъ, то почти галлюцинируя въ дремотѣ; слабое посапываніе спящаго Вѣтвицкаго казалось ей громкимъ и надоѣдливо врывалось въ тишину; сквозь неплотно припертую дверь ей мерещилась въ воздухѣ призрачная тѣнь, похожая на руку, которая, какъ бы маня, колебалась. «Это отъ мигающаго свѣта лампадки». Она встала, босыми ногами прошла по ковру и закрыла дверь.

«Это все туманъ тревожитъ меня», подумала она.

Съ моря донесся протяжный, растерянный ревъ парохода, глохнущій въ густыхъ, тяжелыхъ волокнахъ тумана. Ей слышался въ немъ призывъ о помощи и страхъ тьмы и неизвѣстности.

Она взглянула на мужа. Его длинная фигура вытянулась подъ одѣяломъ, и на бѣлой подушкѣ обозначался тонкій профиль его лица и слегка приподнятая кверху острая бородка. Она всматривалась въ него, какъ будто видѣла его въ первый разъ. И чѣмъ больше она вглядывалась въ его черты, тѣмъ глубже проникалъ въ нее непреодолимый холодъ и, наконецъ, она съ ужасомъ прошептала: «Чужой».

Она произнесла это слово, почти не пошевеливъ губами, но ей показалось, что кто-то выкрикнулъ изъ нея это слово громко, такъ, что онъ услышалъ: онъ пересталъ сопѣть, и ей представилось, что пошевелились его вѣки, но это былъ обманчивый свѣтъ лампадки и только.

Утромъ она встала блѣдная, вялая. Когда мужъ ее спросилъ, что съ ней, она отвѣтила, что у нея немного ноетъ зубъ и она поѣдетъ къ врачу.

На этотъ разъ она какъ-то безпокойно-суетливо уходила изъ дому и при прощаньи замѣтила, что онъ особенно внимательно, даже съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее.

«Не поѣхать», мелькнуло у ней, но это почему-то раздражило ее противъ него и это же раздраженіе толкнуло ее ѣхать.

Былъ холодный, вѣтренный день, и послѣднія ласточки, собираясь къ отлету, усѣяли заборы и телеграфныя проволоки. Многіе переѣхали съ дачъ, и вагоны трамвая были почти пусты.

Вдоль рѣшетокъ и заборовъ шевелилось много желтыхъ и багряныхъ опавшихъ листьевъ. Кондукторъ разсказывалъ кому-то, что часъ тому назадъ этимъ поѣздомъ раздавили дѣвушку на смерть. Незадолго она гуляла съ телеграфистомъ.

— Я самъ видѣлъ: поѣздъ, значитъ, поворачивалъ на девятой станціи, она далеко откинула зонтикъ и ридикюль и бросилась подъ паровикъ. Отъ любви, говорятъ.

— Дура!—послышался отвѣтъ и пассажиръ уткнулся въ газету.

Иринѣ ясно представились крутящіяся колеса подъ нею, на которыхъ еще не успѣла, навѣрное, стереться кровь молодой дѣвушки, погибшей отъ любви, и она содрогнулась.

Мальчишка съ кипой красныхъ телеграммъ бѣгалъ отъ вагона къ вагону. Опять новая бойня. Опять трупы и кровь.

Вотъ жизнь!

Она чувствовала себя растерянной, подавленной.

Что, собственно, случилось?

Она старалась вспомнить послѣднее время, въ которомъ все было такъ неожиданно, такъ странно; жизнь шла своимъ порядкомъ, но Ирина отражала ее, какъ разбитое зеркало, уродливо и запутанно.

А эти ночи, въ которыхъ было больше бреда, чѣмъ сна! Измѣнился онъ? Нѣтъ, онъ все такой же. Значитъ, перемѣна произошла въ ней.

Она останавливалась на этихъ мысляхъ, но боялась углубляться дальше; боялась правды, которая была уже неотвратима.

Тотъ же кондукторъ разсказывалъ новому пассажиру, что онъ самъ видѣлъ, какъ молодая дѣвушка откинула отъ себя далеко зонтикъ и ридикюль и бросилась подъ паровикъ.

Въ этотъ день у родныхъ Ирины собралось къ обѣду нѣсколько постороннихъ лицъ. Между ними былъ Лосьевъ. При встрѣчѣ она испытала то, что испытывала всегда при встрѣчѣ съ нимъ—безпомощность и безсиліе.

При другихъ обстоятельствахъ она бы навѣрное выдала себя ему въ этотъ день, но присутствіе постороннихъ людей помогло ей владѣть собой.

Возлѣ отца, передъ которымъ стоялъ графинчикъ съ водкой и рюмки, сидѣли двое мужчинъ и одинъ изъ нихъ, съ одутловатымъ мясистымъ лицомъ, громкимъ и немного визгливымъ голосомъ жаловался на то, что благодаря войнѣ наступаетъ промышленный кризисъ, и что ему придется закрыть свой кожевенный заводъ.

— Поймите,—горячился онъ, опрокидывая рюмку въ ротъ,—это не можетъ такъ продолжаться. Вѣдь это для государства еще раззорительнѣе войны!

— Что подѣлаешь,—отвѣчалъ ея отецъ на своемъ апокриѳическомъ языкѣ:—«Градъ въ небѣ,—бѣда въ хлѣбѣ». И онъ также заговорилъ о паденіи бумагъ, о застоѣ.

Другой, черный, красивый, съ неподвижнымъ, равнодушнымъ лицомъ, спокойно возразилъ, что такія событія, какъ война, имѣютъ и свою хорошую сторону.

— Это экзаменъ для насъ. Мы во всемъ страшно отстали отъ другихъ. Мы невѣжественны, грубы, недальновидны и при всемъ этомъ самоувѣрены. Урокъ пойдетъ на пользу.

«Боже!» ужасалась Ирина. «Тамъ — страданія, гибнутъ и гніютъ люди ни въ чемъ не повинные. Осиротѣлыя семьи оплакиваютъ отцовъ, дѣтей, а они говорятъ о какихъ-то дѣлахъ, бумагахъ, урокахъ!»

— Во внутренней политикѣ неурядицы, шатанія... Все зависитъ отъ личности... Да, да, война эта имѣетъ и хорошія стороны!

Но ему не дала договорить сидѣвшая тутъ же дама, смуглая, съ черными, какъ маслины, глазами, съ темнымъ маленькимъ пушкомъ на верхней губѣ. Это была тетка Ирины по отцу. Она накинулась на брюнета, сверкая черными глазами.

— Какія тамъ хорошія стороны! Гадость! Кровь! Звѣрство! Какъ были люди тысячу лѣтъ тому назадъ, такъ и остались. И въ политикѣ звѣри, и въ обществѣ звѣри, и въ семьѣ звѣри.

На нее кинула недовольный взглядъ Софья Матвѣевна, за рѣзкій, вызывающій тонъ.

Барыня эта недавно безъ всякихъ романическихъ пружинъ покинула своего мужа и смѣло появлялась всюду, безъ страха общественнаго суда.

Всѣ мужчины отвѣтили ей снисходительными улыбками, а старикъ Падаринъ, подмигнувъ, сказалъ:

— Ну, что-жъ, матушка, коли такъ, этому радоваться надо: чѣмъ больше истреблено звѣрей, тѣмъ лучше.

Ирина, глядя на нее, подумала: «вѣдь вотъ оставила же она своего мужа», но тотчасъ же возмутилась этимъ. «И зачѣмъ мнѣ это приходитъ въ голову? Гадкая я стала, гадкая!»

Красивый брюнетъ, имѣвшій обыкновеніе продолжать свою рѣчь съ того самаго слова, на которомъ его прервали, каталъ шарики изъ хлѣба и въ порядкѣ уставлялъ ихъ на скатерти. Онъ продолжалъ, но Ирина не слушала его, и только тогда очнулась отъ своихъ мыслей, когда сталъ говорить Лосьевъ.

— Всѣ эти стихійныя событія тѣмъ хороши, что въ это время ускоряется темпъ жизни и уносится соръ ея. Когда знаешь, что тамъ, вотъ въ это мгновеніе, можетъ быть, взлетаютъ на воздухъ сотни, тысячи молодыхъ жизней, все, что у тебя есть мелкаго, условнаго—все это летитъ къ чорту.

Она избѣгала глядѣть на него, но каждое его слово казалось относящимся къ ней и вызывало въ ней раздраженіе противъ него, и ее самое удивляло, что и тотъ, оставшійся тамъ, и этотъ, присутствующій здѣсь, сегодня у нея вызываютъ одно чувство досады.

Николай первый замѣтилъ, что сестра не въ духѣ, и тихо и ласково ее спросилъ:

— Ты поссорилась съ мужемъ?

Она ему такъ же тихо отвѣтила:

— Лучше было бы, если бы я съ нимъ поссорилась.

При этомъ краска залила ей лицо.

Николай подозрительно долго посмотрѣлъ на нее и потомъ перевелъ глаза на Лосьева. Мать, видя эту сцену, съ тревогой глядѣла на того и другого. Лосьевъ, не перестававшій говорить, замѣтилъ эти взгляды и въ него проникъ неопредѣленный, почти безсознательный трепетъ торжества.

Она тутъ же поняла, что въ этой незначительной, нѣмой сценѣ всѣми что то открыто. Мысль заметалась въ ней, ища

исхода. Она сначала сдѣлала видъ, что слушаетъ внимательно говорившихъ, но когда наступила пауза, совершенно неожиданно даже для себя, сказала:

— Какой ужасный случай.

Всѣ сразу повернулись къ ней.

Это ее смутило. Она торопливо и сбивчиво продолжала голосомъ, который становился все болѣе и болѣе терпкимъ:

— Когда я ѣхала въ городъ, этимъ поѣздомъ, на которомъ я ѣхала, то-есть не когда я ѣхала, а когда онъ шелъ туда, на дачи, раздавило дѣвушку. Утромъ ее видѣли, она гуляла съ телеграфистомъ, а потомъ далеко откинула отъ себя ридикюль и зонтикъ и бросилась подъ паровикъ.

Трагедія этого разсказа потерялась въ ея замѣшательствѣ. Всѣ внимательно вѣжливо слушали ее, и только одинъ кожевенный заводчикъ, выдержавъ нѣкоторую паузу по окончаніи, сощуривъ свои и безъ того маленькіе глаза, равнодушно сказалъ:

— Да, ужасный случай.

Мать недоумѣвающе глядѣла на нее, и только Лосьевъ понялъ все и у него нѣжно прозвучало въ мысляхъ: «Милая!»

Затѣмъ тетка сказала.

— Конечно, изъ-за любви. Дуры женщины. Ницше совершенно правъ, говоря: «Когда идешь къ женщинѣ, захвати съ собой кнутъ».

Этотъ неожиданный скачокъ въ область философіи Ницше, искренно развеселилъ общество и, смѣясь и подшучивая надъ ней, всѣ встали изъ-за стола.

Въ Иринѣ кипѣло недовольство собой за свой неумѣстный разсказъ и надоѣдливо сверлила мысль: «Что подумалъ онъ?»

Прямо изъ-за стола онъ подошелъ къ ней и, хорошо понимая ея настроеніе, кротко и покорно смотря на нее, тихо сказалъ.

— Мнѣ кажется, вы сегодня нездоровы. Не правда ли?

— Плохо спала ночь. Я послѣднее время всѣ ночи сплю плохо.

— Почему?

— Не знаю. Сегодня ночью былъ туманъ, ревѣлъ пароходъ, было много страшнаго въ этой ночи.

Онъ замирающимъ, слабымъ голосомъ прошепталъ:

— Вы блѣдны.

У нея слезы готовы были брызнуть изъ глазъ и, чтобы скрыть это, она прошли нѣсколько шаговъ впередъ. Онъ послѣдовалъ за ней. Но она подошла къ отцу и нѣжно, какъ-то по-дѣтски, просунула ему голову подъ руку: отецъ сосредоточенно посмотрѣлъ на нее и большой, широкой рукой своей провелъ по ея волнистымъ, бѣлокурымъ волосамъ.

Мать, смотря на нее, меньше всего предполагала тотъ душевный переломъ, какой произошелъ въ ея дочери, и съ радостной надеждой спросила себя: «Ужъ не беременна ли она?»

Но Лосьевъ угадалъ все и даже это ея нѣжное движеніе къ отцу; онъ постигъ все это уже тогда, ночью, когда она, не отвѣтивъ на его вопросъ, оставила его на колѣняхъ рыдающимъ въ саду. Съ той ночи онъ подавилъ въ себѣ всякое внѣшнее проявленіе своего чувства къ ней, но тѣмъ сильнѣе оно росло и крѣпло и неустанно напряженно двигало его мысль, его сердце къ тому, что стало такой необходимостью для него. Только вблизи нея онъ ощущалъ всю полноту тѣхъ духовныхъ силъ, которыя ему дала природа.

Она, не зная этого, открывала ему глаза на самого себя. Только въ ея присутствіи, онъ былъ такъ нѣженъ, добръ и любвеобиленъ, что ему хотѣлось творить добро и радость людямъ.

Онъ любилъ Унику, но въ чувствѣ къ ней у него не было и тѣни той возвышенной красоты, которая такъ томительно влекла его къ Иринѣ.

Сейчасъ произошло что-то такое, что освобождало его отъ этой мучительной замкнутости.

Онъ разговаривалъ съ Николаемъ, съ дамой, съ кожевеннымъ заводчикомъ, но внутренно онъ былъ полонъ ею. Онъ тутъ же съ удовольствіемъ сдѣлалъ наблюденіе надъ собой, что, всегда такой нетерпимый и рѣзкій въ отношеніяхъ къ людямъ, онъ сейчасъ бесѣдовалъ съ ними кротко, внимательно.

И къ матери Ирины, которая, онъ зналъ, относится къ нему недоброжелательно и недолюбливаетъ его, теперь онъ чувствовалъ почти сыновнюю нѣжность.

Онъ подошелъ къ ней и почтительно поцѣловалъ ея руку, поблагодаривъ за обѣдъ. И, зная, что ей будетъ это пріятно, сказалъ:

— Какъ Николай подвинулся въ живописи! Послѣдняя его вещь, положительно, выходитъ превосходно.

Въ ея окруженныхъ морщинами глазахъ прошелъ тихій свѣтъ.

— Какое счастье имѣть мать. Знать, что надъ каждымъ твоимъ шагомъ свѣтлое благословеніе,—съ искренней грустью сказалъ Лосьевъ.—Я этого никогда не испыталъ и оттого, должно быть, кажусь не тѣмъ, что я есть. Иногда чувствуешь себя слабымъ, безпомощнымъ ребенкомъ и такъ хочется материнской ласки.

Эти слова ей показались неожиданными, но голосъ его былъ такъ печаленъ, что Софья Матвѣевна ему сразу повѣрила и это нѣсколько примирило ее съ нимъ. Но, думая о своемъ, она сказала ревниво:

— Вѣрно это только и цѣнится дѣтьми, когда у нихъ этого нѣтъ.

И при этихъ словахъ, она съ нѣкоторымъ упрекомъ посмотрѣла на Николая и Ирину, которые о чемъ-то осторожно разговаривали у рояля. Въ наступающихъ сумеркахъ ихъ лица казались особенно похожи другъ на друга. Машинально проводя рукой по гладкому, полированному дереву рояля, Ирина стояла, склонивъ голову и слегка другой рукой касаясь клавишъ. Тихій, точно вопросительный звонъ струны повторился нѣсколько разъ.

Софья Матвѣевна сказала прислугѣ, чтобы зажгли лампу. Гости стали прощаться. Ирина испугалась этой минуты. Смутное сознаніе, что ей что--то надо сдѣлать, безпокоило ее. Но что? «Надо ѣхать домой... домой... домой...» безотчетно мысленно повторяла она это слово. Прошла въ переднюю, взяла шляпу, вернулась въ гостиную и, взявъ въ губы шпильку съ прозрачнымъ красивымъ шарикомъ, подняла кверху руки и на своихъ свѣтлыхъ волосахъ укрѣпляла шляпу, смотря въ зеркало, но не замѣчая себя.

«Домой... опять этимъ поѣздомъ».

Предстоящій путь въ темнотѣ по окровавленнымъ рельсамъ представлялся ей глухимъ и зловѣщимъ.

«Что-то нужно было... но что. Ахъ, да! Когда я вернусь, надо сказать мужу, что у врача я была».

Она подошла къ своимъ прощаться.

Лосьевъ, еще когда она одѣвала шляпу, слѣдилъ за ея движеніями. Онъ все рѣшилъ. Подойдя къ ней, онъ твердо сказалъ:

— Я васъ провожу.

Она, даже не взглянувъ на него, отвѣтила: «да».

— Холодно. Я тебѣ дамъ плэдъ,—предложила мать, цѣлуя ее.

— Пора бы ужъ и въ городъ вамъ переѣзжать. Сидите тамъ, какъ барсуки; того гляди, снѣгу дождетесь,—крестя дочь на дорогу, говорилъ отецъ.

На послѣдней ступенькѣ лѣстницы Ирина оступилась; Лосьевъ поддержалъ ее за локоть и она не отняла руки. Въ этомъ заботливомъ прикосновеніи она ощутила родную близость.

Ночь настала какъ-то сразу, темная, холодная, совсѣмъ осенняя ночь. Сухой путанный вѣтеръ метался въ сдавленныхъ улицахъ и съ силой врывался въ водосточныя трубы, непріятно дребежжа ихъ жестью. Небо однотонное, мутное, низкое. Звѣздъ не было, и свѣтъ газовыхъ фонарей какъ будто дразнилъ сумракъ синими, треплющимися языками.

По улицѣ прокатилась освѣщенная конка полная народу. Какая-то дама въ темномъ прошла подъ руку съ мужчиной, нагнувшись противъ вѣтра.

Лосьевъ хотѣлъ позвать извощика, но Ирина сказала ему:

— Лучше пойдемте пѣшкомъ.

— Вамъ будетъ холодно.

— Ничего.

Онъ плотно прижалъ къ себѣ ея локоть, стараясь попасть въ ногу, но вѣтеръ то и дѣло сбивалъ походку и рвалъ съ нея легкую шляпу, которую она придерживала другой рукой.

Онъ сказалъ:

— Я люблю ненастныя ночи. Вчера въ этотъ туманъ, я ушелъ за городъ, и мнѣ хотѣлось идти безъ конца, безъ дороги, куда-то впередъ, не желая ни встрѣчъ, ни огней на пути.

Говоря это, онъ вспомнилъ причину, толкнувшую его на это одинокое блужданіе. Онъ поссорился съ Уникой и у него не выходила изъ головы ея послѣдняя фраза, которой она хотѣла намекнуть на раздвоенность его чувства: «Я — не ты, я не умѣю любить въ розницу, я люблю оптомъ».

Онъ назвалъ эту фразу лавочнической и ушелъ, оставивъ ее въ слезахъ.

При этомъ воспоминаніи передъ нимъ вдругъ выросла ея фигура, съ большимъ животомъ, который она гордо выставляла впередъ, и онъ сжалъ вѣки, чтобы сразу выдавить изъ памяти этотъ образъ, особенно мучительный для него теперь.

Ему хотѣлось сейчасъ же сказать Иринѣ все, и это тепло, переливавшееся въ него изъ ея руки, ободряло его.

Онъ продолжалъ говорить:

— Я шелъ въ этомъ туманѣ только съ мыслью о васъ, а вы не могли этого не чувствовать и оттого вы не спали. Это не можетъ такъ теряться, не достигать до васъ... чувство... мысль, которая такъ упорно, съ такою мукой стремится къ вамъ!

Его дыханіе прерывалось. Онъ точно доставалъ и вытягивалъ эти слова откуда-то изъ глубины себя и съ страстной настойчивостью передавалъ ей.

— Вы видѣли... я молчалъ. Я берегъ ихъ. Да развѣ въ словахъ! Развѣ я могу въ нихъ передать всего себя! А въ этомъ весь я... въ этомъ чувствѣ... Слова гаснутъ... стынутъ...

— Не надо...

— Нѣтъ, послушайте. Если бы я не зналъ, если бы я не видѣлъ, что въ васъ не можетъ быть любви къ нему. Вѣдь это началось съ первой встрѣчи... раньше. Когда я увидѣлъ вашъ портретъ. Если бы я не угадывалъ, что происходитъ въ васъ, можетъ быть не сознанное еще вами, я тогда не сказалъ бы... Но такъ... Вѣдь вамъ холодно съ нимъ? Вамъ жутко? Почему же онъ долженъ быть ближе къ вамъ, чѣмъ я! У меня къ вамъ даже не любовь, это томленіе, тоска, мука... Это—что бываетъ со мной,

когда я, совершенно закончивъ работу и взглянувъ на нее, съ отчаяніемъ вижу, что въ ней нѣтъ того, чего мнѣ недостаетъ въ жизни... васъ!

Его слова, подхватываемыя мятущимся, звучнымъ вѣтромъ, сливались для нея въ сверхчувственную музыку и проникали въ тѣло какими-то томящими мелодіями, похожими на тѣ тревожные но притягательные сны, какіе она видѣла въ послѣднее время.

Вѣтеръ сорвался, зашумѣлъ въ деревьяхъ и завертѣлъ вокругъ нихъ сухіе листья; листья шуршали и бѣгали другъ за другомъ, какъ мыши, и иногда цѣлой стаей бросались подъ ноги проходившимъ.

— Всѣ они...—онъ разумѣлъ товарищей,—косятся на меня за мою работу. Они глядятъ на это такъ же какъ всѣ эти люди,—указалъ онъ на проходившихъ.—Но вѣдь это мое искусство, моя любовь! Кто смѣетъ здѣсь судить меня? Если бы вы видѣли. Да, вы должны это видѣть!—обратился онъ къ ней.—Да, должны.

Ей самой давно хотѣлось видѣть его работу. То, что передалъ ей Николай, возбуждало въ ней больше, чѣмъ любопытство. Она съ тѣхъ поръ искала предлога посмотрѣть эту вещь, и сейчасъ у ней мелькнула мысль «не поѣхать ли»? Но тотчасъ же эта мысль показалась ей чудовищной.

Онъ продолжалъ:

— Мнѣ надо оправданіе. Я измученъ. Измученъ всѣмъ. Моею любовью... и этими ужасами, этими нелѣпостями, которыми она окружена. Съ самой встрѣчи съ вами въ мою жизнь, въ любовь къ вамъ столько вплелось стихійнаго, случайнаго, но сложнаго и непреоборимаго. Вы этого не можете знать и даже не должны бы знать. Въ моей любви нѣтъ ничего грубаго. Вы мое небо... то, что выше неба. Одиночество мое, которымъ я такъ дорожилъ, такъ гордился, стало моимъ бременемъ съ тѣхъ поръ, какъ я полюбилъ васъ.

Они подходили къ мосту, на которомъ онъ, въ день свадьбы Ирины, встрѣтилъ ночью подъ дождемъ несчастнаго согнутаго человѣка, напоминающаго собой чудовищный кошмаръ.

Онъ ей сказалъ:

— Въ день вашей свадьбы, когда я возвращался отъ васъ, съ такой же жестокой, сухой бурей въ душѣ, на меня потоками лилъ дождь, и мнѣ хотѣлось, чтобы онъ проникъ мнѣ въ самую душу, чтобы я хоть могъ заплакать. И на этомъ мосту я натолкнулся на кошмарную фигуру человѣка, образъ котораго преслѣдуетъ меня во снѣ... наяву. Я готовъ былъ завидовать ему.

Я былъ болѣе одинокъ, чѣмъ онъ.. да, болѣе одинокъ.

Безъ васъ—все пустота, все сумракъ.

Вѣтеръ свистѣлъ въ желѣзныхъ рѣшеткахъ моста, и вдали,

глубоко внизу, точно изъ бездны, какъ огни, возникшіе изъ тлѣнія и гнили, свѣтились окна ночлежныхъ пріютовъ и трущобъ.

Въ углубленіи моста, надъ однимъ изъ его пролетовъ, они вдругъ замѣтили въ темнотѣ маленькую сжавшуюся фигуру.

Ирина молча, испуганно прижала его руку къ себѣ. Онъ самъ прерывающимся голосомъ сказалъ:

— Нѣтъ, это не онъ.

Приближаясь къ этой фигурѣ, они услышали всхлипыванія.

Ирина порывисто высвободила свою руку, и Лосьевъ подошелъ къ маленькой оборванной дѣвочкѣ, испуганно смотрѣвшей на него сквозь слезы, какъ дикій звѣрокъ.

Ирина не слышала, что она ему говорила, до нея только долетали всхлипыванія; затѣмъ она видѣла, какъ онъ досталъ кошелекъ и, не глядя, высыпалъ деньги въ руки дѣвочки.

Взволнованный, онъ вернулся къ ней, почти простонавъ:

— Господи, какая жизнь!

Она не разспрашивала его ни о чемъ, но когда онъ взялъ ея руку, она слабо прижала ее къ себѣ, почувствовавъ, что этотъ маленькій, незначительный случай приблизилъ его къ ней больше, чѣмъ могли это сдѣлать всѣ его слова. Она сказала:

— Я хочу видѣть вашу работу.

Онъ съ боязливымъ замираніемъ почти прошепталъ:

— Хотите сейчасъ?

— Хорошо.

Острая радость пронизала все его существо.

Они дошли до перваго извощика и поѣхали.

Съ новымъ непередаваемымъ волненіемъ онъ отперъ большимъ ключемъ садовую калитку и заперъ ее, когда Ирина очутилась за ней.

До этой послѣдней минуты онъ все еще не вѣрилъ, что она войдетъ къ нему. Съ пріятной ей покорностью взялъ ея руку и повелъ по темной аллеѣ къ дому.

Вѣтеръ шумѣлъ въ деревьяхъ и море гулко, протяжно гудѣло внизу. Сквозь вѣтви свѣтился фонарь около дома и освѣщалъ край высокаго тополя, сумрачно и важно кивавшаго своей остроконечной вершиной.

Онъ ввелъ ее черезъ мастерскую, чтобы не будить прислугу, и она вошла туда съ удивлявшимъ ее самое спокойствіемъ.

Свѣтъ спички освѣтилъ часть большой мастерской, и странное убранство ея на одно мгновеніе вынырнуло изъ мрака и потонуло въ немъ. Захлопнувшаяся за ней дверь оторвала ее отъ прежней жизни, но, стоя въ этомъ мракѣ, она не чувствовала рѣшимости ступить хоть шагъ впередъ.

Онъ зажегъ свѣчу и затѣмъ спустилъ сверху круглый фонарь

съ американской лампой, засвѣтилъ его и сильными движеніями рычага сталъ накачивать воздухъ. Лампа загудѣла, заныла. Комната наполнялась холоднымъ луннымъ свѣтомъ, блѣднѣвшимъ и становившимся все ярче и ярче, пока не сдѣлалось совершенно свѣтло, какъ днемъ. И стоя въ этомъ неестественномъ свѣтѣ, Ирина испытывала ростущее больное ожиданіе.

Онъ подошелъ къ ней запыхавшійся и также блѣдный отъ свѣта, съ возбужденными глазами и блуждающей улыбкой.

— Ну, вотъ вы у меня...

Больше онъ не нашелся ничего сказать, но по его взгляду, по его голосу, по улыбкѣ она поняла, что онъ видѣлъ близко передъ собою то, о чемъ мечталъ.

Лихорадочнымъ движеніемъ онъ поднялъ простыню съ своей работы. Голубоватый мраморъ еще былъ не совсѣмъ законченъ, кое-гдѣ на немъ виднѣлись точечки отъ уколовъ, но эта недоконченность не мѣшала впечатлѣнію.

Все это она замѣтила еще издали и со страхомъ, медленно стала приближаться къ тому, что давно хотѣла видѣть, знать. Вѣдь это были сокровенные намеки той тайны ея жизни, которую вырвало неудовлетворенное сердце художника и мстительной фантазіей воплотило въ такую жестокую, чудовищную форму.

Самыя противорѣчивыя чувства хлынули въ нее и вступили въ враждебную борьбу между собою.

Склизкому, вьющемуся гаду, придано было сходство съ ея мужемъ. Это сразу остро оскорбляло и уязвляло ея сердце, ея гордость и за себя, и за него; и она даже готова была крикнуть: «Неправда!» Но скользнувшая въ ней тѣнь воспоминанія, похожая на это чудовище, сжала ее до содроганія, точно она ощутила на себѣ его живые щупальцы.

Но это создала его любовь, отъ этой любви съ самой первой встрѣчи лились къ ней лучи, золотые туманы, ароматы невидимые, но всегда ощутимые и сближавшіе ее съ нимъ, гдѣ бы она ни была.

Ирина обернулась къ нему и увидала его большіе тревожно-вопросительные глаза.

Слегка подавшись впередъ, онъ протянулъ ей руки. Слабая, истомленная жгучими, новыми, сложными ощущеніями, она отдала ему свои руки.

Все погасло. Въ ея глазахъ свѣтился только одинъ онъ, все ближе и ближе... Въ ея мысляхъ пронеслось яркое солнечное утро, букетъ розъ; она ясно ощутила ароматъ этихъ цвѣтовъ, и въ нихъ потонуло не только ея лицо, но и все ея тѣло...

А. Ѳедоровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Удѣльная Русь (XIII, XIV, XV и первая половина XVI вѣка).

(*Продолженіе* *).

Глава третья.

Устройство общества въ бассейнѣ Оки и верхней Волги съ XIII до половины XVI вѣка.

Въ ближайшей связи съ только что изслѣдованными хозяйственными явленіями находится дѣленіе общества на группы по экономическимъ признакамъ или иначе дѣленіе его на классы. Мы видѣли, что въ предшествующій періодъ такое дѣленіе едва намѣчалось, выражалось слабо. Не произошло ли въ этомъ отношеніи какихъ-либо измѣненій въ сѣверо-восточной Руси въ удѣльное время? Отвѣтъ на этотъ вопросъ въ сущности уже извѣстенъ намъ. При изученіи хозяйственнаго быта мы наблюдали постепенный переходъ массы населенія къ земледѣлію и столь же постепенное сосредоточеніе земли, отчасти также и денежнаго капитала, въ рукахъ меньшинства,—бояръ и отчасти купцовъ, весьма, впрочемъ, немногочисленныхъ, но всего болѣе въ рукахъ князей великихъ и удѣльныхъ, а также въ обладаніи церковныхъ учрежденій,—монастырей и архіерейскихъ каѳедръ. Сразу такимъ образомъ намѣчается два класса, довольно рѣзко различающихся между собою,—классъ землевладѣльцевъ и классъ безземельныхъ земледѣльцевъ-арендаторовъ. При этомъ масса городского населенія почти совсѣмъ не отличалась отъ населенія сельскаго, съ XIV вѣка получившаго названіе крестьянъ: и посажане, т.-е. жители посадовъ, и крестьяне, т.-е. сельскіе обыватели, одинаково были по преимуществу землепашцами.

Нельзя отрицать такимъ образомъ образованія на удѣльномъ сѣверо-востокѣ Россіи несравненно болѣе рѣзкаго классоваго расчлененія общества, чѣмъ то было въ кіевскій періодъ. Это не могло не отра-

*) См. „Міръ Божій“, № 9, сентябрь 1904 г.

зиться и на сословномъ дѣленіи. Вообще говоря, зародыши такого дѣленія, едва замѣтные въ кіевской Руси, сильно развились въ удѣльный періодъ въ бассейнѣ Оки и верхней Волги, хотя, впрочемъ, это развитіе далеко не было полнымъ и законченымъ, а главное—не было всестороннимъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, надо подвергнуть детальному изученію отдѣльныя группы общества того времени, опредѣляя ихъ юридическое положеніе,—права, которыми они пользовались, и обязанности, какимъ подвергались.

Первую соціальную группу составляли тогда *бояре и слуги вольные*. Изъ числа слугъ вольныхъ по крайней мѣрѣ съ конца XIII вѣка выдѣляются *окольничіе*, непосредственно примыкающіе къ высшему слою—боярамъ, такъ что первоначально окольничіе также назывались боярами. Низшій слой вольныхъ слугъ получилъ къ концу періода названіе *дѣтей боярскихъ*. Болѣе дробнаго дѣленія всѣхъ этихъ *служилыхъ людей* на чины въ изучаемый періодъ не было; даже званіе окольничаго было сначала не чиномъ, а должностью: оно означало боярина, находившагося постоянно при князѣ. Впрочемъ, со второй половины XV столѣтія наблюдается появленіе въ Москвѣ «двора государева», т.-е. московскихъ дѣтей боярскихъ, отличавшихся отъ дѣтей боярскихъ «изъ городовъ», или провинціальныхъ.

Не подлежитъ, конечно, прежде всего сомнѣнію то обстоятельство, что всѣ служилые люди безъ различія отдѣльныхъ группъ были лицами свободными и граждански правоспособными. Всѣ ихъ личныя права признавались и ограждались обычаемъ или закономъ. Лишеніе жизни, причиненіе вреда здоровью, оскорбленіе чести боярина, окольничаго, слуги вольнаго, сына боярскаго были наказуемыми дѣяніями, какъ то показываютъ между прочимъ такіе законодательные памятники, какъ уставная Двинская грамота и Судебникъ Ивана III, изданный въ 1497 году. Этого мало: договорныя грамоты различныхъ князей между собою торжественно провозглашаютъ еще одно весьма важное право служилыхъ людей,—право отъѣзда, т.-е. право переходить отъ одного князя на службу къ другому: «а бояромъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля»—вотъ стереотипная фраза, повторяющаяся въ княжескихъ договорахъ XIV и XV вѣковъ; это признаютъ, напр., одинаково и Дмитрій Донской со своимъ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ въ 1362 году, и Иванъ III съ великимъ княземъ рязанскимъ Иваномъ Васильевичемъ въ 1483 году. Чрезвычайно важно однако, сейчасъ же отмѣтить, что всѣ перечисленныя только что личныя права не составляли особенности служилыхъ людей, а были также свойственны и посажанамъ, и крестьянамъ: свобода, жизнь, здоровье и честь лицъ, принадлежавшихъ къ этимъ двумъ послѣднимъ соціальнымъ группамъ, также ограждались юридическимъ обычаемъ и писаннымъ закономъ, поскольку такой законъ существовалъ; и посажане, и крестьяне, какъ увидимъ скоро, пользовались также свободой пере-

хода. Слѣдовательно, спеціальнымъ сословнымъ правомъ бояръ и слугъ вольныхъ нельзя признать личную свободу и гражданскую правоспособность. Необходимо, впрочемъ, нѣсколько оговориться: зародыши нѣкоторыхъ привилегій въ данной сферѣ уже наблюдаются. Именно: уже въ Двинской уставной грамотѣ конца XIV вѣка вознагражденіе за безчестье полагается «по отечеству», т.-е. по степени знатности происхожденія, а по Судебнику 1497 года за рану слѣдуетъ присуждать вознагражденіе «посмотря по человѣку». Этимъ подчеркивается, несомнѣнно, сложившійся уже до извѣстной степени принципъ знатности происхожденія, «великой породы», какъ говорили позднѣе. Внѣшнимъ выраженіемъ этого принципа является такъ называемое мѣстничество, т.-е. счетъ вмѣстѣ и по знатности происхожденія, и по службѣ. Уже въ XVI вѣкѣ былъ списокъ бояръ по мѣстамъ; тогда же стали составляться частныя, а потомъ и офиціальныя записи служебныхъ назначеній, такъ называемыя «разрядныя книги». Не слѣдуетъ притомъ думать, что мѣстничество зародилось только въ Московскомъ княжествѣ,—оно существовало и въ другихъ удѣльныхъ центрахъ: такъ есть указаніе на разряды въ Рязанскомъ княжествѣ въ 1516 году, а въ позднѣйшемъ мѣстническомъ спорѣ Василія Зюзина съ Ѳедоромъ Нагимъ первый говорилъ: «ни дѣдъ, ни прадѣдъ мой *во Твери* менши дѣда и прадѣда Ѳедорова николи не бывалъ». При всемъ томъ мы впали бы въ большое преувеличеніе, если бы выдвинули принципъ знатности, родовитости на первый планъ и признали его вполнѣ сложившимся и ясно выраженнымъ. Напротивъ, онъ только еще намѣчался и опредѣлялся: съ одной стороны, мѣстническіе порядки и отношенія едва еще устанавливались, правила старшинства по службѣ и происхожденію постоянно колебались, съ другой—лица всѣхъ соціальныхъ группъ въ случаѣ преступленія подвергались одинаковымъ наказаніямъ, и свидѣтельство служилаго человѣка на судѣ вѣсило столько же, сколько и свидѣтельство свободнаго земледѣльца: при повальномъ обыскѣ, какъ видно изъ Судебника 1497 года, показаніе пяти или шести дѣтей боярскихъ приравнивалось по своей юридической силѣ свидѣтельству такого же числа крестьянъ.

Гораздо важнѣе и обширнѣе были имущественныя права бояръ и слугъ вольныхъ. Рѣчь идетъ, конечно, не о правахъ на вещи движимыя, одинаковыхъ для всѣхъ общественныхъ группъ, а о правахъ на недвижимость, главнымъ образомъ на землю. Намъ уже извѣстна экономическая сторона исторіи землевладѣнія на русскомъ сѣверо-востокѣ въ удѣльное время, извѣстно, какъ подъ вліяніемъ торжества земледѣлія надъ другими отраслями промышленности произошло «окняженіе» и «обояреніе» земли. Было указано въ свое время также и на то, что дѣло не сводилось къ одному лишь фактическому сосредоточенію массы земель въ рукахъ князей, бояръ, слугъ вольныхъ, монастырей и архіереевъ: крестьяне не только были фактически обезземелены, но и юри-

дически ограничены въ своихъ правахъ распоряженія остатками такъ называемой «черной» земли, не имѣли права отчуждать ее. Уже въ 1388 году запрещалось покупать земли черныхъ людей, и это правило оставалось нерушимымъ въ XV вѣкѣ. Этимъ проводилась, какъ сейчасъ увидимъ, весьма рѣзкая разграничительная черта между крестьянскими правами на недвижимость и поземельными правами служилыхъ людей. Чтобы опредѣлить пространство владѣльческихъ правъ на землю у служилыхъ людей, необходимо различать два вида ихъ земельнаго владѣнія,—помѣстье и вотчину. Вотчина—полная собственность, во многомъ соотвѣтствовавшая по своей юридической природѣ западно-европейскому аллоду. Вотчиннику принадлежали прежде всего весьма широкія права пользованія своей вотчиной: онъ могъ измѣнять такъ или иначе видъ этой вотчины (напр., обращать ее всю или часть ея подъ барскую запашку, сдаватъ на оброкъ и т. д.), пользоваться ею по своему усмотрѣнію какъ на поверхности земли, такъ и въ ея нѣдрахъ, а также лѣсами и водами въ предѣлахъ вотчиннаго имѣнія. Затѣмъ вотчинникамъ принадлежали права распоряженія своими имѣніями, такъ что они могли ихъ продавать, закладывать, мѣнять, дарить, отдавать въ монастыри на поминъ души. Важно при этомъ отмѣтить, что всѣ эти вещныя права принадлежали въ изучаемый періодъ не семейному союзу, а отдѣльному лицу. Остаткомъ старины въ этомъ отношеніи надо признать только обычай выкупа родовыхъ вотчинъ родственниками продавца или залогодателя. Что касается способовъ пріобрѣтенія вотчинъ, то они были на сѣверо-востокѣ удѣльной Руси довольно разнообразны: къ старому, наиболѣе распространенному, если не единственному въ кіевской Руси, способу—заимкѣ или захвату пустыхъ земель—присоединились теперь пожалованіе отъ князей, пріемъ въ даръ, покупка и мѣна у другихъ вотчинниковъ, въ томъ числѣ и у князей (имѣются, напр., факты 1477, 1485 и 1497 годовъ) и, наконецъ, давность владѣнія: при Василіи Димитріевичѣ была установлена давность для исковъ о землѣ въ 15 лѣтъ. Все это, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о небываломъ прежде развитіи вещнаго права, совершившемся подъ непосредственнымъ вліяніемъ торжества земледѣлія, привязавшаго людей къ землѣ, сдѣлавшаго послѣднюю чрезвычайно цѣнной и превратившаго ее въ предметъ разнообразныхъ юридическихъ сдѣлокъ. На то же развитіе вещныхъ правъ указываетъ и появленіе помѣстья, идея котораго въ чистомъ своемъ видѣ исключала совершенно возможность какого-либо распоряженія землей со стороны помѣщика, и мы дѣйствительно въ теченіе всего удѣльнаго періода наблюдаемъ это отсутствіе права отчуждать помѣстную землю. Но права пользованія принадлежали владѣльцу помѣстной земли во всей ихъ полнотѣ, не подвергались ограниченіямъ. Источникомъ помѣстнаго права въ изучаемый періодъ было пожалованіе отъ крупнаго землевладѣльца,—князя, монастыря, архіерея или даже отъ простого боярина. Примѣ-

ромъ княжескаго пожалованія можетъ служить извѣстный уже намъ изъ духовной Ивана Калиты 1328 года фактъ полученія помѣстья Борисомъ Ворковымъ; въ тверской писцовой книгѣ 1548 года встрѣчаемъ военныхъ «послужильцевъ» частныхъ людей—князей Микулинскихъ, Голицына, Мстиславскаго, Курлятева, Оболенскаго, Серебрянаго, Ростовскаго, Щепина, Лопатина, Борисовыхъ, Морозова, Умного, Пятого-Новошина, Яхонтова, Житого, Заборовскаго; по Курбскому, издавна былъ такой обычай: «на церковной землѣ многіе мужи благородные свѣтлыхъ родовъ имѣнія маютъ, во время мирное епископамъ служатъ, а егда брань належитъ отъ супостатовъ окрестныхъ, тогда и въ войску христіанскомъ бываютъ». Само собою разумѣется, что до половины XVI вѣка помѣстное право сложилось лишь въ самыхъ общихъ, главныхъ чертахъ, юридическіе же его оттѣнки, тонкости и подробности—дѣло болѣе поздняго времени. Въ первоначальной, удѣльной стадіи своего развитія помѣстье, какъ было уже сказано, тожественно съ западно-европейскимъ бенефиціемъ.

Таковы были *гражданскія* права служилыхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ въ бассейнѣ Оки и верхней Волги въ удѣльное время. Но содержаніе вещнаго права въ то время было несравненно шире, чѣмъ теперь: оно захватывало и сферу правъ, которыя теперь носятъ наименованіе *политическихъ*; обладаніе землей—все равно на помѣстномъ или на вотчинномъ правѣ—обусловливало собою и принадлежность помѣщику или вотчиннику правъ суда надъ всѣми жителями его имѣнія и сбора податей съ нихъ. Это засвидѣтельствовано множествомъ жалованныхъ грамотъ—несудимыхъ, тарханныхъ и льготныхъ, которыя дошли до насъ отъ удѣльнаго періода. Болѣе 80-ти такихъ княжескихъ грамотъ, данныхъ свѣтскимъ землевладѣльцамъ, сохранилось отъ XV и первой половины XVI вѣка. Князья московскіе, рязанскіе, тверскіе, можайскіе, бѣлозерскіе и т. д. одинаково давали ихъ своимъ вольнымъ слугамъ и боярамъ. Въ древнѣйшихъ грамотахъ судебныя и податныя льготы отличаются наибольшей широтой: княжескіе чиновники не должны въѣзжать въ имѣніе владѣльца «ни по что», не судятъ людей, тамъ живущихъ, ни въ чемъ, не собираютъ никакихъ податей, пошлинъ, кормовъ и поборовъ.

Позднѣе судебныя и податныя привилегіи съужаются: судъ по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ — сначала по убійству или «душегубству», а затѣмъ и по разбою и кражѣ (татьбѣ) съ поличнымъ, т.-е. когда преступникъ пойманъ на мѣстѣ преступленія,—изъемлется изъ вѣдѣнія землевладѣльцевъ и передается княжескимъ чиновникамъ; важнѣйшія подати и повинности—татарская дань или ямъ и устройство крѣпостей или укрѣпленій («городовое дѣло»)—также возлагаются на лицъ, живущихъ въ привилегированномъ имѣніи; наконецъ, со второй половины XV вѣка наблюдается, далеко, впрочемъ, не всегда, срочность пожалованія льготъ,—на 2, на 3, на 5, на 10 лѣтъ. Но все это

позднѣйшія явленія, указывающія уже на ограниченіе первоначальныхъ привилегій. Не слѣдуетъ думать, что дача жалованныхъ грамотъ князьями свидѣтельствуетъ о происхожденіи всѣхъ этихъ преимуществъ изъ княжескаго пожалованія; жалованныя грамоты только формулировали давно сложившійся и господствовавшій обычай и подтверждали, укрѣпляли права, подобно тому какъ теперь всякое вещное право нуждается въ нотаріальномъ актѣ укрѣпленія. Что политическія права въ удѣльное время сростались съ владѣльческими, поземельными,—это видно изъ цѣлаго ряда данныхъ. Еще въ грамотѣ князя Мстислава Юрьеву монастырю XII вѣка дань, виры и продажи, т.-е. сборъ налоговъ и судъ, слиты съ землевладѣніемъ. То же видимъ въ грамотѣ XIV вѣка—Ольгову монастырю въ Рязанскомъ краѣ; въ одномъ судномъ дѣлѣ XV вѣка кистемскіе бояре (въ Бѣлозерскомъ краѣ) заявляютъ: «та деревня изстарины тянетъ судомъ и данью къ намъ»: здѣсь основаніемъ судебныхъ и податныхъ привилегій является не княжеское пожалованіе—иначе на него сослались бы,—а давность, старина, обычай. Въ томъ же XV вѣкѣ встрѣчаемъ акты, по которымъ къ деревнѣ «изстари тянутъ» не только «хлѣбъ земляной» (т.-е. посѣянный, но еще не сжатый), но и «душегубство и татьба»; вотчинникъ того времени ставилъ рядомъ въ свой доходъ «татины рубли» и «хлѣбъ земляной». Наконецъ, съ XIV вѣка въ Московскомъ княжествѣ начинаютъ появляться служебные князья, ростовскіе, ярославскіе бѣлозерскіе и другіе, а въ XV и XVI вѣкахъ ихъ приливъ становится массовымъ. Эти титулованные служилые люди, прежде самостоятельно правившіе своими удѣлами, сохранили удѣлы въ своихъ рукахъ въ видѣ вотчинъ и теперь и вмѣстѣ съ тѣмъ удержали и рядъ политическихъ правъ: они не только судили всѣхъ, кто жилъ въ ихъ вотчинахъ, и собирали съ нихъ подати и пошлины, но и выдавали несудимыя и тарханныя грамоты. Еще въ XV вѣкѣ мелкіе служебные князья Вологодской и Бѣлозерской областей, какъ князья Бохтюжскіе и Карголомскіе, раздаютъ грамоты. Привилегіи служебныхъ князей утверждались великимъ князѐмъ московскимъ, принимавшимъ ихъ къ себѣ на службу, но отсюда нельзя выводить происхожденіе этихъ привилегій изъ пожалованія великаго князя. Не надо только преувеличивать значеніе и объемъ податныхъ и судебныхъ привилегій удѣльнаго времени, почему и не слѣдуетъ говорить о «феодальныхъ отношеніяхъ» въ удѣльной Руси: даже служебные князья не обладали полнотой суверенныхъ, государственныхъ правъ: монета чеканилась не ими, а удѣльными *самостоятельными* князьями, и кромѣ того у нихъ не было права войны, иностранныхъ сношеній, права на непремѣнное участіе въ законодательныхъ съѣздахъ и суда пэровъ, а между тѣмъ всѣ эти права составляютъ непремѣнную принадлежность феодальнаго порядка въ развитомъ, сложившемся видѣ. Судебныя и податныя привилегіи можно назвать только иммунитетомъ, а иммунитетъ, какъ и бенефицій,

является лишь однимъ изъ зародышей феодализма. Феодальныхъ отношеній въ удѣльной Руси не было, были на лицо только ихъ элементы, не вышедшіе изъ первоначальной стадіи развитія.

Политическія права, свойственныя служилымъ людямъ удѣльнаго періода, не ограничивались, однако, судебными и податными привилегіями, вытекавшими изъ землевладѣнія. Помимо этихъ привилегій, тогда начала слагаться наслѣдственность нѣкоторыхъ должностей,—намъ извѣстна, по крайней мѣрѣ, наслѣдственность должности тысяцкаго. Въ Тверскомъ великомъ княжествѣ тысяцкими были послѣдовательно внукъ, правнукъ и праправнукъ боярина Бориса Өедоровича Полового. Въ Москвѣ еще при Иванѣ Калитѣ должность тысяцкаго занималъ Протасій, предокъ Вельяминовыхъ, а послѣ него тысяцкими были его потомки, пока въ 1374 году не умеръ тысяцкій Василій Васильевичъ Вельяминовъ. Однако, и въ этомъ отношеніи наблюдается только зарожденіе извѣстныхъ отношеній и порядковъ, которые безъ особаго труда разрушались враждебными имъ силами. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ исторія уничтоженія наслѣдственности должности тысяцкаго въ Москвѣ. Когда въ 1374 году умеръ В. В. Вельяминовъ, то великій князь Дмитрій Донской назначилъ тысяцкимъ лицо изъ другой фамиліи. Сынъ покойнаго Иванъ Вельяминовъ, считавшій, очевидно, такое назначеніе нарушеніемъ своего неотъемлемаго права, бѣжалъ въ Тверь, а потомъ въ орду, съ цѣлью поднять тверского великаго князя и татарскаго хана на Дмитрія. Но затѣмъ онъ былъ схваченъ и казненъ, и хотя народъ, присутствовавшій при казни, плакалъ «о благородствѣ и величествѣ его», но наслѣдственность должности тысяцкаго въ Москвѣ была окончательно уничтожена.

Такой же зачаточный характеръ имѣло и развитіе *корпоративныхъ правъ* служилыхъ людей на удѣльномъ сѣверо-востокѣ. Мы разумѣемъ здѣсь постепенное образованіе круга постоянныхъ совѣтниковъ князя въ дѣлѣ управленія. Но разсмотрѣніе этого процесса удобнѣе отложить до изученія политическаго строя.

Быть можетъ, однако, на ряду съ правами на служилыхъ людяхъ лежали и какія-либо обязанности? Объ одной изъ такихъ обязанностей мы уже говорили: это была обязанность военной службы. Надо только замѣтить, что обязанность воевать или «садиться на конь», какъ тогда говорили, не была, по общему правилу, принудительной, а напротивъ, являлась результатомъ свободнаго соглашенія, договора съ княземъ: можно было владѣть вотчиной въ удѣлѣ одного князя, а жить въ удѣлѣ другого и служить этому послѣднему; можно было, какъ мы знаемъ, не лишаясь вотчинъ, переходить отъ одного князя на службу другому: въ XIV вѣкѣ князья обязывались между собою при отъѣздѣ боярина въ села его не вступаться. Только одна военная обязанность лежала на всѣхъ вотчинникахъ извѣстнаго княжества, именно повинность «городной осады», т.-е. обязанность защищать городъ, въ уѣздѣ

котораго лежитъ вотчина: «а городная осада, гдѣ хто живетъ, тому туто сѣсти», читаемъ въ княжескихъ договорахъ XIV и XV вѣковъ. Впрочемъ, и здѣсь допускается исключеніе: «опроче путныхъ бояръ», прибавляютъ иногда договоры; путными боярами назывались бояре, вѣдавшіе дворцовые пути, т.-е. отрасли дворцоваго княжескаго хозяйства,—конюшій путь, ловчій, сокольничій, чашничій пути. Впрочемъ, вполнѣ свободныя служебныя отношенія военнаго слуги къ князю были возможны лишь до тѣхъ поръ, пока не установился обычай раздавать земли такимъ слугамъ въ помѣстное владѣніе. Въ XV вѣкѣ военные вольные слуги князя, несомнѣнно, уже владѣли помѣстьями: уже въ 1462 г. не только о вотчинахъ, но и о «дачахъ», т.-е. помѣстьяхъ, дѣтей боярскихъ говорится какъ о обычномъ, установившемся явленіи. Помѣстье, какъ извѣстно, давалось подъ непремѣннымъ условіемъ службы, и перспектива лишенія помѣстной земли, конечно, въ значительной степени стѣсняла право отъѣзда, не уничтожая его, впрочемъ, принципіально. Какъ бы то ни было, пока существовало право отъѣзда, обязанность военной службы не могла быть обременительной для бояръ и слугъ вольныхъ.

Не болѣе обременительной была для нихъ и другая обязанность—платить подати. Княжескіе договоры XIV вѣка говорятъ о правѣ князей «дань взяти» съ бояръ и слугъ вольныхъ. Но самая форма, въ какой выражается это княжеское право, указываетъ на его непостоянство, на то, что такіе сборы были экстренными, исключительными явленіямя. Вотъ что, напр., гласитъ договоръ Дмитрія Донского съ Владиміромъ Андреевичемъ 1388 года: «а коли ми взяти на своихъ боярѣхъ на большихъ и на путныхъ, тогды ти взяти такъ же по кормленью и по путемъ».

Итакъ: права служилыхъ людей были несравненно значительнѣе ихъ обязанностей и не вытекали изъ послѣднихъ, имѣли большею частью самостоятельное происхожденіе и значеніе. Они, однако, не сложились въ стройную и разработанную систему, находились въ періодѣ образованія.

Этотъ выводъ во всей полнотѣ примѣнимъ, однако, лишь къ XIV столѣтію и къ началу XV. Послѣдующее время принесло съ собой рядъ важныхъ перемѣнъ въ юридическомъ положеніи бояръ и слугъ вольныхъ, перемѣнъ подготовлявшихъ недалекое уже будущее. Мы должны остановиться теперь на этихъ перемѣнахъ.

Говоря коротко, онѣ сводятся къ ограниченію правъ и къ соотвѣтственному увеличенію обязанностей. Другими словами, ясно намѣчается тенденція къ крѣпостному сословному строю. Право отъѣзда признается, правда, еще въ XVI вѣкѣ, въ договорной грамотѣ Василія III съ братомъ его Юріемъ, но великіе князья московскіе давно уже принимали мѣры къ его ограниченію и даже полному уничтоженію: еще Василій Темный бралъ съ бояръ «проклятыя» грамоты съ отка-

зомъ отъ права отъѣзда; въ 1474 году кн. Д. Д. Холмскій далъ Ивану III крестоцѣловальную грамоту такого же содержанія, причемъ по Холмскомъ въ томъ, что онъ не отъѣдетъ, взята была порука Воронцова, обязавшагося въ случаѣ его отъѣзда заплатить въ великокняжескую казну 250 рублей (25.000 р. на наши деньги); въ духовной грамотѣ Ивана III, составленной въ 1504 году, запрещается отъѣздъ всѣмъ служебнымъ князьямъ, а также боярамъ и дѣтямъ боярскимъ ярославскимъ, которые имѣли вотчины и «купли» (т.-е. вотчины, пріобрѣтенныя не по наслѣдству, а покупкой). Параллельно этому шло ограниченіе имущественныхъ правъ служилыхъ людей. Еще въ XIV вѣкѣ запрещалось боярамъ и слугамъ вольнымъ покупать села и держать холоповъ и закладней въ удѣлахъ князей, на службѣ которыхъ они не состояли. Тогда же запрещено было имъ покупать земли данныя, т.-е. обложенныя данью, служни, т.-е. принадлежавшія невольнымъ слугамъ князей, а также и земли людей черныхъ. Уже по договорнымъ грамотамъ первой половины XV столѣтія служебные князья при переходѣ на службу къ другому князю должны были лишаться своихъ вотчинъ. Иванъ III и Василій III объявили выморочными вотчины служебныхъ князей, умиравшихъ безъ прямого потомства, безъ наслѣдниковъ въ прямой нисходящей линіи. Эти же великіе князья запретили князьямъ и дѣтямъ боярскимъ въ Твери, Микулинѣ, Торжкѣ, Оболенскѣ, Бѣлоозерѣ, Рязани отдавать свои вотчины въ монастыри безъ особаго своего всякій разъ разрѣшенія. Мы видѣли, наконецъ, какъ съуживался иммунитетъ, начиная со второй половины XV вѣка. Съ ограниченіемъ права отъѣзда и стѣсненіемъ владѣльческихъ правъ начало обязанности, особенно повинность военной службы, пріобрѣтало большее значеніе, подготовлялась постепенно его первенствующая роль въ устройствѣ будущаго военно-служилаго сословія.

Особое положеніе занимали въ удѣльной Руси такъ называемые «слуги подъ дворскимъ», т.-е. дворцовые слуги великихъ и удѣльныхъ князей, въ средѣ которыхъ очень значительный элементъ составляли несвободные люди, холопы. Главная особенность въ ихъ положеніи заключается, какъ мы имѣли уже случай убѣдиться, въ невозможности для нихъ отчуждать свои земли въ руки бояръ и слугъ вольныхъ. Повидимому, и первообразъ временнаго и условнаго владѣнія землей, помѣстья, сложился именно въ предѣлахъ княжескаго дворцоваго, хозяйства. Наконецъ, правомъ отъѣзда слуги подъ дворскимъ не пользовались.

Вторую обширную соціальную группу составляли *люди черные*, подраздѣлявшіеся на посадскихъ или горожанъ и сиротъ или крестьянъ, т.-е. сельскихъ обывателей. Какъ ни мало было юридическихъ и экономическихъ различій между сельскимъ и городскимъ населеніемъ въ то время,—все-таки необходимо изъ состава посадскихъ людей выдѣлить небольшой верхній слой богатыхъ купцовъ—гостей, сурожанъ

и суконниковъ,—которые юридически и экономически до нѣкоторой степени приближались къ служилымъ людямъ. Мы имѣемъ, напр., извѣстіе, что въ 1371 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ жилъ богатый гость Тарасъ Петровъ, который купилъ у великаго князя вотчину,—6 селъ за рѣкой Кудьмой. Надо думать, что эта купеческая вотчина въ юридическомъ отношеніи ничѣмъ не отличалась отъ вотчинъ бояръ и слугъ вольныхъ, такъ что все сказанное о служилыхъ вотчинахъ примѣнимо и къ ней. Однако, такія явленія, несомнѣнно, были отдѣльными исключеніями, потому что при господствѣ натуральнаго хозяйства, при крайней слабости обмѣна, внутренней и внѣшней торговли, количество купцовъ было невелико, и изъ нихъ очень немногіе наживали сколько-нибудь крупные капиталы и пріобрѣтали болѣе или менѣе значительныя земельныя владѣнія.

За исключеніемъ сейчасъ отмѣченнаго небольшого верхняго слоя городского населенія, вещныя права всѣхъ черныхъ людей — городскихъ и сельскихъ—были, какъ намъ уже извѣстно, въ изучаемый періодъ несравненно болѣе ограниченными, чѣмъ владѣльческія права служилыхъ людей. Черные люди были въ сущности только безсрочными арендаторами земли того князя, въ удѣлѣ котораго они жили, и потому правомъ распоряженія землей они не пользовались, не имѣли также и иммунитета. Выше было уже указано, что личныя гражданскія права посадскихъ людей и крестьянъ были въ удѣльное время въ сѣверо-восточной Руси не меньше соотвѣтствующихъ правъ бояръ и слугъ вольныхъ, и что къ числу этихъ правъ принадлежало также право свободнаго перехода отъ одного землевладѣльца къ другому. Юридическимъ выраженіемъ этого служили договорныя отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ, формулировавшіяся особой такъ называемой «порядной» грамотой. Право свободнаго перехода крестьянъ засвидѣтельствовано, кромѣ порядныхъ грамотъ, и другими актами, напр., духовной грамотой князя Владиміра Андреевича въ XIV вѣкѣ и Судебникомъ 1497 года.

Но подобно тому какъ право отъѣзда служилыхъ людей постепенно подвергалось ограниченіямъ по мѣрѣ приближенія къ концу удѣльнаго періода, — и крестьяне мало-по-малу стали ограничиваться въ своей свободѣ перехода. Господство земледѣлія надъ другими отраслями производства сыграло въ этомъ отношеніи опредѣляющую, главную роль. Самыя условія полевого хозяйства вызывали необходимость нѣкоторыхъ ограниченій въ правѣ перехода: для обѣихъ договаривающихся сторонъ—и для землевладѣльца, и для земледѣльца—неудобно нарушеніе установленныхъ порядной грамотой отношеній въ любое, произвольно выбираемое той или другой стороной время, потому что въ такомъ случаѣ все сложное, съ такимъ трудомъ налаженное хозяйственное цѣлое разрушалось безъ всякой выгоды для кого бы то ни было. Отсюда вытекала необходимость установленія однообраз-

наго, постояннаго срока перехода. Такой срокъ и устанавливался въ порядныхъ, причемъ для разныхъ мѣстностей былъ различенъ. Однако, преобладающимъ для бассейна Оки и верхней Волги срокомъ перехода былъ такъ называемый Юрьевъ день осенній (24-го ноября), когда кончались всѣ полевыя работы, и ликвидація хозяйства отдѣльнаго крестьянина была наиболѣе легка. Вотъ почему Судебникъ Ивана III и установилъ, что крестьяне могутъ выходить изъ-за землевладѣльцевъ, на землѣ которыхъ они живутъ, только разъ въ годъ, — въ Юрьевъ день осенній и за недѣлю до него. При выходѣ крестьянинъ производилъ «отказъ», т.-е. дѣлалъ землевладѣльцу формальное устное заявленіе о своемъ уходѣ.

Но земледѣліе обусловливаетъ потребность крестьянина въ хозяйственныхъ и жилыхъ постройкахъ,—въ домѣ, дворѣ и надворныхъ строеніяхъ. Отсюда вытекали два весьма важныхъ послѣдствія, сильно ограничивавшихъ свободу крестьянскаго перехода. Если крестьянинъ садился на застроенный уже участокъ, т.-е. получалъ готовыя, господскія постройки, онъ обязанъ былъ при уходѣ заплатить «пожилое» или «похоромное»—плату за пользованіе дворомъ, установленную Судебникомъ 1497 года въ 1 рубль за 4 года въ мѣстахъ полевыхъ и въ полтину въ мѣстахъ лѣсныхъ (не менѣе 94 и 47 рублей на наши деньги). Таково было одно послѣдствіе потребности въ хозяйственныхъ постройкахъ. Другое имѣло мѣсто тогда, когда крестьянинъ садился на пустой участокъ и обязывался его застроить. Въ этомъ случаѣ онъ получалъ отъ землевладѣльца льготу, т.-е. облегченіе въ уплатѣ оброковъ, въ отбываніи барщины и во взносѣ государевыхъ податей. Льгота давалась на извѣстный срокъ и, конечно, обязывала крестьянина не уходить въ теченіе довольно продолжительнаго времени съ арендованнаго участка. Часто для приведенія хозяйства въ исправное состояніе, «на дворовое строеніе и для пашни» крестьянинъ получалъ также «подмогу» отъ землевладѣльца, т.-е. опредѣленную денежную сумму, которая, можетъ быть, сначала и не подлежала возврату, погашалась фактомъ возведенія должныхъ построекъ, но, во всякомъ случаѣ, до окончанія этихъ строительныхъ работъ привязывала крестьянина къ землевладѣльцу, ограничивала свободу его перехода.

Экономическая природа земледѣлія простирала еще дальше свое воздѣйствіе на свободу крестьянскаго перехода. Кромѣ обстройки участка крестьянинъ для веденія полевого хозяйства нуждался еще въ другихъ предметахъ, требовавшихъ затраты капитала. Не имѣя послѣдняго, онъ прибѣгалъ къ займамъ у того же землевладѣльца. О заемномъ житѣ, т.-е. хлѣбѣ, и «серебрѣ», т.-е. деньгахъ, на крестьянахъ очень часто читаемъ въ духовныхъ грамотахъ XV вѣка. Рядъ актовъ того же столѣтія говоритъ, кромѣ того, объ «издѣльномъ серебрѣ», «деньгахъ въ селѣхъ въ ростѣхъ» и «ростовомъ серебрѣ».

Изслѣдователи справедливо проводятъ разграничительную черту между разными видами займа. Дѣло въ томъ, что «заемное жито и серебро» сплошь и рядомъ было, выражаясь терминомъ того времени, «ссудой», т.-е. срочнымъ безпроцентнымъ займомъ, иногда даже «безкабальнымъ», т.-е. не закрѣпленнымъ «заемной кабалой», документомъ, по нашему векселемъ: по истеченіи срока, на который давалась ссуда, крестьянинъ возвращалъ только занятый капиталъ, не уплачивая процентовъ. Лишь при просрочкѣ уплаты ссуда превращалась въ процентный долгъ. Термины «ростовое серебро», «деньги въ селѣхъ въ ростѣхъ» указываютъ на другой видъ займа,—на заемъ, сопровождающійся уплатой процентовъ. Особой разновидностью процентнаго займа является та, которая характеризуется выраженіемъ «издѣльное серебро». Въ толкованіи этого послѣдняго термина не всѣ изслѣдователи сходятся: по мнѣнію однихъ, это—неуплаченный своевременно крестьяниномъ и потому подлежащій отработкѣ оброкъ; по другому объясненію, это—заемъ подъ будущую работу вмѣсто процентовъ. Вѣрно именно второе толкованіе, потому что въ одномъ документѣ 1450 года сказано, что «на то серебро дѣлаютъ дѣло», да и другое названіе такого серебра—«деньги въ пашнѣ». И ссуда, и процентный долгъ, и издѣльное серебро, несомнѣнно, привязывали крестьянина къ его кредитору—землевладѣльцу, мѣшали первому уйти отъ послѣдняго, потому что, по свидѣтельствамъ источниковъ, крестьяне, отказываясь изъ-за землевладѣльцевъ, должны были «серебро заплатить». Мало того: неисправность въ уплатѣ долга могла привести крестьянина въ болѣе сильную зависимость отъ землевладѣльца. Судебникъ 1497 года предписывалъ выдавать неисправнаго должника кредитору «головою до искупа», т.-е. до отработки долга *). И это, дѣйствительно, примѣнялось на практикѣ по отношенію къ неисправнымъ должникамъ крестьянамъ, какъ показываетъ одно дошедшее до насъ «судное дѣло» 1530 года.

Задолженность крестьянъ землевладѣльцамъ уже во второй половинѣ XV вѣка вызвала къ жизни новую форму крестьянскаго перехода,—такъ называемый крестьянскій «вывозъ», состоявшій въ томъ, что какой-либо землевладѣлецъ, обладавшій значительными денежными средствами, платилъ за крестьянина, по соглашенію съ послѣднимъ, его долги тому лицу, на землѣ котораго крестьянинъ сидѣлъ, и увозилъ крестьянина на свою землю, причемъ, разумѣется, перевезенный обязывался вернуть или отработать новому своему кредитору уплаченныя имъ за него деньги: «занялъ есми у такого-то лица столько-то денегъ и тѣ есми деньги платилъ старому своему государю, а за ростъ мнѣ у него (т.-е. у новаго кредитора) работать».

*) Обыкновенно должникъ, выданный головою до искупа, подвергался правежу, т.-е. его били палкой по ногамъ на площади, пока кто-нибудь изъ жалости не платилъ за него долга, обязывая выкупленнаго работать на себя. Но, конечно, и кредиторъ могъ заставить должника, не подвергая его правежу, на себя работать.

Стѣсненія крестьянскаго перехода въ сѣверо-восточной Руси въ удѣльное время не ограничивались приведенными сейчасъ случаями. Эти случаи обнимаютъ собою всѣ главныя, основныя условія закрѣпленія. Но къ числу условій, содѣйствовавшихъ закрѣпощенію крестьянъ, принадлежали еще «старина», приписка къ тяглу и, наконецъ, спеціальныя, частныя ограниченія и стѣсненія, исходившія отъ правительственной власти. Необходимо анализировать и такія вторичныя, менѣе важныя условія.

Старина, или старожильство, какъ основаніе стѣсненія крестьянскаго перехода, стала признаваться правительствомъ только къ концу изучаемаго періода: въ первой половинѣ XV вѣка еще позволялось перезывать въ другія имѣнія «тутошнихъ старожильцевъ». Признаками старины признавались прежде всего давность жительства крестьянина за извѣстнымъ землевладѣльцемъ, а также рожденіе за кѣмъ-либо въ крестьянствѣ и переходъ отъ одного владѣльца въ собственность другого на основаніи какой либо сдѣлки, — данной, купчей, мѣновной, рядной записи (акту передачи въ приданое), наконецъ по наслѣдству. Въ XIII, XIV и XV вѣкахъ мало-по-малу устанавливается мысль, что крестьяне составляютъ необходимую принадлежность имѣнія. Утвержденію такой мысли содѣйствовала, главнымъ образомъ, задолженность крестьянъ; вслѣдствіе ихъ задолженности имѣнія отчуждались вмѣстѣ съ крестьянскимъ серебромъ, т.-е. съ долгами, лежавшими на крестьянахъ, а слѣдовательно и съ самими должниками, «со крестьяны», какъ прямо говорятъ акты отчужденія земель. Когда такимъ образомъ жизнь выработала понятіе о крестьянахъ-старожильцахъ, какъ необходимой принадлежности имѣнія, землевладѣльцы на судѣ при искахъ о крестьянахъ стали указывать на незаконность вывоза старинныхъ крестьянъ, стали требовать ихъ возвращенія себѣ. И требованія эти обыкновенно удовлетворялись. Такъ принципъ давности, проистекавшій изъ той же задолженности, влекъ крестьянина въ крѣпостное состояніе.

Въ духовныхъ и договорныхъ грамотахъ князей XIV и XV вѣковъ постоянно попадаются условія касающіяся людей черныхъ, данныхъ, письменныхъ, численныхъ или числяковъ и тяглыхъ. Все это— выраженія синонимическія. Князья обязываются въ древнѣйшихъ грамотахъ этихъ людей «блюсти сообща», потомъ «промежи себя не пріимать въ свои удѣлы» и «въ службу не пріимати». Такимъ образомъ письменные или данные люди, приписанные къ тяглу, т.-е. платящіе подати и отбывающіе повинности, не лишаются прямо свободы перехода, но эта свобода стѣсняется посредствомъ взаимнаго уговора князей не принимать ихъ въ свои удѣлы изъ чужихъ. Этого мало: обыкновенно и въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго княжества совершались частичныя стѣсненія перехода тяглыхъ людей: правда, весьма часто землевладѣльцамъ разрѣшалось перезывать на свои земли всѣхъ крестьянъ и тяглыхъ и нетяглыхъ; но нерѣдко встрѣчались въ этомъ

отношеніи важныя ограниченія,—именно запрещалось перезывать къ себѣ данныхъ и письменныхъ людей. Въ сущности эти постановленія касались тѣхъ же старожильцевъ, потому что записанными въ тягло оказывались въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ именно они. Слѣдовательно, основнымъ источникомъ прикрѣпленія на основѣ приписки къ тяглу въ концѣ концовъ надо считать опять-таки задолженность крестьянъ землевладѣльцамъ, подъ вліяніемъ которой, какъ мы видѣли, сложилась и идея старожильства.

Наконецъ, въ видѣ совершенно исключительныхъ льготъ князья жаловали иногда землевладѣльцамъ право не выпускать крестьянъ изъ за себя: по грамотамъ второй половины XV вѣка такое право было, напр., дано великимъ княземъ Василіемъ Темнымъ Троицкому-Сергіеву монастырю по отношенію къ его вотчинамъ въ двухъ уѣздахъ—Бѣжецкомъ и Углицкомъ.

Въ предшествующемъ изложеніи передъ нами послѣдовательно и постепенно выступили на видъ всѣ отдѣльныя новообразованія, постепенно подготовлявшія закрѣпощеніе крестьянъ. Сводя въ одно цѣлое эти новообразованія, отыскивая изъ генетическую основу, ту главную силу, которая ихъ создала, мы видимъ, что этой силой является господствовавшая на сѣверо-востокѣ удѣльной Руси отрасль промышленности,—земледѣліе при сохраненіи натуральности хозяйства.

Переходя отъ гражданскихъ правъ черныхъ людей къ ихъ правамъ *политическимъ*, слѣдовало бы прежде всего остановиться на утратѣ ими одного важнаго права,—участвовать въ вѣчѣ, т.-е. на уничтоженіи вѣча. Но въ интересахъ простого удобства изложеніе освѣщеніе этого вопроса лучше отложить до того времени, когда предметомъ нашего вниманія будетъ политическій строй сѣверо-восточной Руси въ удѣльное время. Теперь достаточно отмѣтить лишь то, что уничтоженіе вѣча было важнымъ шагомъ въ направленіи, сейчасъ отмѣченномъ,—въ направленіи къ закрѣпощенію. Политическія права смѣнялись постепенно обязанностями. За черными людьми осталось лишь право раскладки и сбора податей черезъ выборныхъ земскихъ старостъ и сотскихъ съ цѣловальниками, т.-е. присяжными (отъ выраженія «цѣловать крестъ»), и право участія этихъ же выборныхъ старостъ и добрыхъ людей на судѣ княжескихъ намѣстниковъ, освященное и Судебникомъ 1497 года.

Главною *обязанностью* черныхъ людей въ удѣльное время было несеніе тягла, т.-е. уплата податей и отбываніе повинностей на князя. Но на ряду съ этимъ черные люди служили и на войнѣ: въ княжескихъ договорахъ упоминается «московская рать»; въ жалованной грамотѣ Василія Темнаго Троицкому-Сергіеву монастырю говорится о сельчанахъ, обязанныхъ береговою службою, т.-е., вѣроятно, зарождавшеюся уже тогда службой на берегу Оки для охраны страны отъ внезапнаго нападенія татаръ. Однако, военная служба черныхъ людей отличалась отъ болѣе регулярной и постоянной службы людей служилыхъ, состав-

лявшихъ главное ядро военнаго ополченія того времени: недаромъ въ договорахъ и 1388 года, и 1472 встрѣчаемъ условіе «черныхъ людей, гостей и суконниковъ въ службу не пріимати». Намѣчались, значитъ, юридическія разграниченія между будущими сословіями и въ отношеніи обязанностей.

Чтобы закончить изученіе состава и юридическаго положенія свободнаго сельскаго населенія, остается характеризовать бобылей, захребетниковъ, подворниковъ, подсусѣдниковъ и половниковъ. Но бобыли появились лишь подъ конецъ періода, нехарактерны для изучаемаго времени и немногочисленны въ первой половинѣ XVI вѣка, почему о нихъ удобнѣе говорить уже въ слѣдующій періодъ, а всѣ остальныя названныя сейчасъ состоянія были уже опредѣлены и характеризованы при изученіи соціальнаго строя вольныхъ городскихъ общинъ.

То же надо сказать и о полусвободныхъ закладняхъ. Остается прибавить, слѣдовательно, лишь нѣсколько замѣчаній о холопахъ въ удѣльной сѣверовосточной Россіи. Состояніе холоповъ въ это время стало подвергаться замѣтной дифференціаціи сравнительно съ кіевской Русью: появились новыя группы, по своему значенію приближавшіяся къ людямъ полусвободнымъ и вполнѣ свободнымъ. Изъ такихъ группъ особенно важны двѣ,—люди кабальные и холопы докладные. Кабальными людьми назывались лица, сдѣлавшія заемъ и обязавшіяся особымъ письменнымъ актомъ «служилой кабалой» за проценты по этому займу «служить» кредитору «по вся дни во дворѣ» его. Докладными холопами назывались холопы, «давшіеся на ключъ, а по ключу и въ холопи», т.-е. продавшіеся въ неволю для службы въ ключникахъ или приказчикахъ. Юридическая природа обоихъ этихъ состояній точнѣе опредѣлилась лишь въ послѣдующее время, въ періодъ существованія московскаго государства, почему детальный ихъ анализъ будетъ произведенъ позднѣе. Но и въ числѣ холоповъ полныхъ можно наблюдать въ удѣльной сѣверо-восточной Россіи дѣленіе на нѣсколько группъ. «Полными» назывались въ данное время на сѣверовостокѣ такіе же вполнѣ несвободные люди, которые въ кіевскій періодъ назывались холопами «обельными», а въ Новгородѣ носили наименованіе «одерноватыхъ». Среди нихъ прежде всего выдѣлялись «большіе» холопы, т.-е. княжескіе и боярскіе приказные люди,—ключники, посельскіе, тіуны. Остальная масса рядовыхъ холоповъ носила названіе холоповъ «меньшихъ». Кромѣ того, выдѣлились еще особыя группы такъ называемыхъ «ордынцевъ» и «дѣлюевъ». Ордынцами назывались плѣнные, выкупленные въ Ордѣ великимъ княземъ московскимъ и поселенные на княжескихъ земляхъ. Дѣлюи, по всей вѣроятности, были предками дѣловыхъ людей, т.-е. холопами, работавшими на барской пашнѣ или занимавшимися ремеслами, но сначала обыкновенно жившими на господскомъ дворѣ, а не особо. Источниками холопства были рожденіе въ холопствѣ, женитьба на рабѣ или замужество за раба, продажа, обращеніе въ рабство за долги. Что касается юридическаго положенія

полныхъ холоповъ, то оно мало измѣнилось сравнительно съ кіевскимъ періодомъ. Личность холоповъ признавалась весьма слабо: правда, духовенство настаивало на ея признаніи, и человѣкъ, убившій чужого холопа, подвергался отвѣтственности, но убійство собственнаго раба было попрежнему ненаказуемо: уставная Двинская грамота прямо говоритъ, что если господинъ ударитъ своего холопа такъ, что онъ умретъ («огрѣшится, а случится смерть»), то намѣстники за это не судятъ и за вину ничего не берутъ. Но холопъ могъ владѣть имуществомъ, если господинъ допускалъ это: до насъ дошла отъ XV вѣка дарственная запись одного холопа; въ одной закладной 1529 года можно наблюдать любопытный фактъ общаго займа господина съ рабами; обычай признавалъ за холопами даже право на земельные участки, данные имъ господиномъ, и по этимъ участкамъ они имѣли право вступать въ обязательства даже со своимъ собственнымъ господиномъ. Замѣтимъ, что въ литературѣ высказано мнѣніе, будто холопы владѣли землей сообща и передѣляли періодически ее между собою, подобно крестьянамъ при современномъ мірскомъ или общинномъ землевладѣніи. Но, подобно тому какъ слѣдовъ мірского землевладѣнія не найдено въ удѣльное время у крестьянъ, ихъ нечего искать и у холоповъ. Дѣло въ томъ, что указанное мнѣніе опирается на текстъ одного акта XVI вѣка, гдѣ сказано, что въ имѣніи есть людскіе, т.-е. холопскіе, дворы, «а пашня содного», т.-е. вмѣстѣ, не подѣлена. Но этотъ текстъ нельзя объяснить въ смыслѣ мірского землевладѣнія у холоповъ, потому что въ одномъ завѣщаніи начала XVI вѣка трое половниковъ оказываются работающими на одной пашнѣ съ холопомъ; половники здѣсь наемные рабочіе, обрабатывающіе господскую пашню; такъ же работалъ, очевидно, и холопъ, почему у нихъ и была «пашня содного». О барской пашнѣ говоритъ, очевидно, и текстъ завѣщанія, на которомъ пытаются обосновать мнѣніе о формѣ холопскаго землевладѣнія, подобной нынѣшнему мірскому землевладѣнію. Наконецъ, надо замѣтить, что холопы, будучи объектами гражданскаго права, игнорируемыми правомъ государственнымъ, не несли въ удѣльное время тягла: княжескіе договоры XIV и XV вѣковъ прямо говорятъ: дань «на полныхъ холопѣхъ не взяти».

До сихъ поръ у насъ шла рѣчь о юридическомъ положеніи лицъ мужского пола, принадлежавшихъ къ различнымъ соціальнымъ группамъ. Необходимо теперь сказать нѣсколько словъ о юридическомъ положеніи женщины. О женщинѣ-рабѣ говорить нечего, потому что она юридически ничѣмъ не отличалась отъ холопа. Свободная женщина имѣла всѣ гражданскія права—личныя и имущественныя. Ея имущественныя права даже расширились сравнительно съ кіевскимъ періодомъ: тогда какъ прежде ея права наслѣдованія были въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ограничены—рѣчь идетъ о классѣ смердовъ,—теперь эти ограниченія отпали. Имущество жены считалось отдѣль-

нымъ отъ имущества мужа; допускались даже гражданскія сдѣлки по имуществу между мужемъ и женой. Однако безъ согласія мужа жена не имѣла права продавать свое приданое. Но, вообще говоря, было бы ошибочно считать свободную женщину удѣльной Руси лицомъ съ ограниченной правоспособностью: ея юридическое положеніе было почти во всемъ равно съ положеніемъ мужчины, а честь ея ограждалась даже сильнѣе, чѣмъ честь мужчины.

Сводя теперь къ одной краткой формулѣ все сказанное объ устройствѣ общества въ сѣверо-восточной Руси въ удѣльное время, можно выразить совершившіяся тогда перемѣны въ соціальныхъ отношеніяхъ слѣдующимъ образомъ: *классовое расчлененіе общества достигло большей опредѣленности, сословное также сдѣлало значительные успѣхи сравнительно съ кіевскимъ періодомъ, хотя и не достигло законченности, не сложилось; наблюдаются при этомъ постепенно усиливающаяся тенденція къ крѣпостничеству и дифференціація несвободныхъ состояній, сближающая послѣднія съ свободнымъ населеніемъ посредствомъ образованія промежуточныхъ соціальныхъ группъ.*

Въ предшествующемъ изложеніи неоднократно указывалась генетическая связь соціальнаго строя удѣльной сѣверо-восточной Руси съ экономическими условіями ея жизни; неоднократно отмѣчались также параллельныя явленія въ исторіи западно-европейскихъ народовъ. Все это избавляетъ насъ теперь отъ обязанности устанавливать причинное отношеніе соціальныхъ порядковъ изучаемаго времени къ явленіямъ хозяйственнымъ и дѣлаетъ излишними дальнѣйшія доказательства того, что историческій процессъ, только что бывшій предметомъ нашего изученія, не является чѣмъ-либо единичнымъ, исключительнымъ, чисто индивидуальнымъ, а напротивъ, отражаетъ въ себѣ общіе законы соціальнаго развитія.

Зависимость общественнаго строя отъ экононоомическихъ условій, главнымъ образомъ отъ господствующей отрасли народнаго труда, выступаетъ и въ данный періодъ чрезвычайно ясно и выпукло. На сѣверо-востокѣ удѣльной Руси создался своеобразный сравнительно съ кіевскимъ періодомъ и вольными городами хозяйственный типъ земледѣльческой страны, сохранявшей устои натуральнаго хозяйства. Подъ вліяніемъ этого хозяйственнаго типа страны сложились, какъ мы видѣли, и оригинальныя соціальныя отношенія, въ очень многомъ несходныя съ общественнымъ строемъ вольныхъ городовъ, часто даже прямо противоположныя имъ. Посмотримъ теперь, какъ описанное сочетаніе экономическихъ и соціальныхъ силъ отразилось на политическомъ устройствѣ.

Н. Рожковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ирландія отъ возстанія 1798 года до аграрной реформы нынѣшняго министерства.

(*Продолженіе* *).

VII.

Какъ всякая страна, живущая хронически-ненормальною жизнью въ хронически-ненормальныхъ условіяхъ, Ирландія была втеченіе послѣднихъ трехъ вѣковъ своей исторіи подвержена періодическимъ спазмамъ, потрясавшимъ весь національный организмъ. Этимъ спазмамъ быкновенно предшествовалъ или, точнѣе, наступленіе этихъ спазматимоскихъ явленій ускорялъ голодъ, регулярно посѣщавшій Ирландію. Масса ирландскаго населенія обыкновенно жила впроголодь; неурожаи тоже очень часто раззоряли отдѣльные округи и усиливали обычную нищету. Но и общія страшнѣйшія голоданія, о которыхъ мы говоримъ, тоже стали для всѣхъ, знавшихъ состояніе Ирландіи, еще со временъ Кромвеля чѣмъ-то въ родѣ кометъ для астрономовъ: они являлись *не* каждый годъ, но *должны* были время отъ времени являться.

Аграрныя отношенія тронуть было гораздо труднѣе, нежели антикатолическіе предразсудки или десятинную подать въ пользу протестантской церкви; и Робертъ Пиль пробовалъ хоть подступить къ этому основному вопросу ирландской жизни, но такъ при пробахъ и остался. Въ концѣ 1843 года была назначена коммиссія подъ предсѣдательствомъ лорда Девона для разслѣдованія экономическаго состоянія Ирландіи. Въ 1845 году коммиссія представила отчетъ, констатировавшій много безотрадныхъ фактовъ, но это не привело ни къ какому результату. Коммиссія лорда Девона обратила, напримѣръ, вниманіе на ужасающій ростъ изгнаній фермеровъ съ ихъ участковъ, причемъ всѣ затраты на постройки и всякія улучшенія навсегда утрачивались для изгоняемаго. Коммиссія предложила установить, чтобы государственные чиновники регистрировали всѣ затраты, производимыя фермеромъ, и чтобы потомъ, въ случаѣ изгнанія фермера, лендлордъ обязанъ былъ уплатить ему всѣ сдѣланныя затраты согласно шнуровымъ книгамъ

*) См. „Міръ Божій“ № 10, сентябрь 1904 г.

этихъ государственныхъ чиновниковъ, если только изгнаніе фермера состоится въ тридцатилѣтній срокъ послѣ сдѣланныхъ имъ улучшеній на своемъ участкѣ. Съ нѣкоторыми измѣненіями подобная мѣра была выработана и, по порученію кабинета, Стэнли внесъ ее въ парламентъ. Въ палатѣ лордовъ эта скромная, чисто палліативная мѣра встрѣтила жесточайшее сопротивленіе. Тридцать шесть лордовъ, и именно тѣ, у которыхъ были помѣстья въ Ирландіи, подписали протестъ противъ этого билля, находя, что этимъ нарушается священное право собственности. Билль провалился, и все осталось попрежнему. Отчетъ коммиссіи Девона и билль Стэнли были представлены въ 1845 году, и это были послѣднія попытки консервативнаго кабинета какъ-нибудь поправить ирландскія дѣла, т.-е. не доводить населеніе до крайностей и до нарушенія спокойствія.

Съ 1839 по 1846 годъ сто пятьдесятъ тысячъ человѣкъ было выгнано вонъ съ арендуемыхъ ими участковъ, за неплатежъ ренты, за иныя провинности предъ лендлордомъ или предъ управляющимъ, или вслѣдствіе того, что лендлорду выгоднѣе оказалось расширить свои пастбищныя угодья. Счастливцы, которыхъ не выгоняли, жили въ совершенной нищетѣ, но голодная смерть грозила имъ не сейчасъ, и они трепетали какъ бы не потерять это преимущество, какъ бы не оказаться въ числѣ изгнанныхъ. По цензу 1841 года *) 46% всего сельскаго населенія Ирландіи жило такъ, что вся семья помѣщалась въ одной комнатѣ. Эти жилища представляли собою нѣчто неописуемое; удушающій смрадъ, грязь, тѣснота, ѣдкій дымъ, часами наполнявшій крошечное помѣщеніе, гдѣ зимою копошилась вся семья—все это поражало даже тогдашнихъ наблюдателей, даже то поколѣніе, привыкшее ко многимъ видамъ на англійскихъ фабрикахъ и въ каменноугольныхъ районахъ, въ описываемый золотой вѣкъ манчестерской доктрины. Эти хижины, по удостовѣренію лорда Девона, къ тому же, вовсе не служили защитою отъ ненастья, ибо были выстроены слишкомъ плохо; спали ихъ обитатели на полу, ибо постель, по словамъ той же коммиссіи, была «рѣдкою роскошью». Лордъ Девонъ и его товарищи пришли къ заключенію послѣ своей анкеты, что ирландскій земледѣлецъ «плохо помѣщенъ, плохо ѣстъ, плохо одѣвается, плохо вознаграждается за своей трудъ» **). Коммиссія заявляла въ своемъ отчетѣ, что на нее произвело сильное впечатлѣніе то «страдальческое терпѣніе, съ которымъ (ирландскіе) рабочіе классы обыкновенно переносятъ страданія, большія, по нашему мнѣнію, нежели тѣ, какія долженъ выносить народъ въ любой другой странѣ Европы» ***). Это говорили англійские государственные люди, аристо-

*) Walpole, vol. V, стр. 91 (op. cit).

**) См. отчетъ коммиссіи, стр. 456, Annual Register, 1845 годъ, часть II.

***) Отчетъ коммиссіи лорда Девона, An. Regist. 1845, часть II, стр. 457.

краты и богачи, въ оффиціальной бумагѣ,—и въ пристрастіи къ ирландцамъ ихъ заподозрить нельзя было ни въ какомъ случаѣ.

Если лендлордъ выгонялъ арендатора, онъ отправлялъ его на тотъ свѣтъ столь же дѣйствительно, какъ если бы онъ застрѣлилъ этого бѣдняка,—такъ заявлено было въ парламентѣ человѣкомъ, знающимъ ирландскія условія; заработка не было нигдѣ, ни въ чужихъ деревняхъ, гдѣ люди боязливо держались за свой черствый кусокъ и не хотѣли лишнихъ ртовъ и лишнихъ рукъ,—ни въ городахъ, гдѣ ремесла, промышленность, торговля падали съ году на годъ. Лендлорды только получали деньги въ Ирландіи,—проживали же ихъ почти исключительно въ мѣстѣ постояннаго своего жительства—въ Англіи. Никакого денежнаго оборота въ Ирландіи не было: деньги, приносимыя ирландской землею, оживляли *англійскую* торговлю, а вовсе не ирландскую. Одною изъ причинъ, почему городской буржуазный классъ поддерживалъ агитацію противъ уніи, было также и то обстоятельство, что политическая самостоятельность сдѣлаетъ Дублинъ, а не Лондонъ столицею Ирандіи, и землевладѣльческая аристократія будетъ жить въ Ирландіи, а не въ Англіи, и это отчасти посодѣйствуетъ оживленію торгово-промышленной жизни страны.—Смертность, все усиливавшаяся, была фактомъ, который тѣмъ больше тревожилъ, чѣмъ чаще къ нему приходилось обращаться. Не успѣли сдать на храненіе въ архивъ докладъ коммиссіи лорда Девона, какъ въ Лондонъ, съ конца лѣта 1845 г., стали стекаться неблагопріятныя извѣстія, касавшіяся урожая картофеля. Изъ 8-ми милліоновъ населенія Ирландіи четыре милліона человѣкъ «исключительно зависѣло отъ картофеля» *), и положеніе Ирландіи дѣлалось, дѣйствительно, совершенно отчаяннымъ. Цѣлые милліоны людей готовы были попасть въ положеніе тѣхъ несчастныхъ, которыхъ лендлордъ изгонялъ и этимъ предавалъ голодной смерти. Призракъ угрожающаго голода, не только въ Ирландіи, но и въ иныхъ мѣстахъ (на островѣ Уайтѣ тоже предвидѣлся картофельный голодъ), принесъ весьма большую пользу волновавшей Англію агитаціи Кобдена противъ хлѣбныхъ законовъ: вопли противъ пошлинъ, удорожающихъ хлѣбъ въ годину, когда предстоитъ голодъ и пр., усилились на митингахъ лиги противъ хлѣбныхъ законовъ. Но насъ тутъ касается не то, какъ бѣдствіе 1845—1846 гг. повліяло на исходъ борьбы капиталистической буржуазіи противъ земледѣльческой аристократіи, какъ восторжествовала «свобода хлѣбной торговли», какъ Робертъ Пиль перешелъ въ этомъ вопросѣ на сторону либераловъ и провелъ отмѣну хлѣбныхъ законовъ. Все это къ ирландскому голоду прямого отношенія не имѣетъ, ибо ни до, ни послѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ у голодающихъ ирландцевъ не было возможности купить себѣ хлѣбъ: вѣдь и въ «хорошія» свои времена они его почти не видали, а питались картофе-

*) Walpole, l. c., t. V, 127.

лемъ. Неурожай картофеля въ 1845 году былъ частичный, въ 1846 году—полный, во всѣхъ ирландскихъ графствахъ. Такого голода, какъ въ 1846 году, въ Ирландіи не было еще никогда, за всю ея исторію, и хотя этотъ годъ былъ неурожайнымъ также въ Бельгіи, въ Канадѣ, въ Венгріи, въ Голландіи, въ Германіи, въ Соединенныхъ Штатахъ, мѣстами въ Англіи, но нигдѣ онъ не былъ такъ ужасенъ и нигдѣ не произвелъ такихъ опустошеній *). «Молодая Ирландія» приписывала это тому, что нигдѣ не было такъ слабо сопротивленіе соціальнаго организма напавшему на него бѣдствію, какъ именно въ Ирландіи, всегда нищей, всегда больной и грязной, ничѣмъ необезпеченной про черный день. Умирали арендаторы на своихъ участкахъ, умирали земледѣльческіе рабочіе, которые въ обыкновенное время рады были поденной платѣ отъ полутора шиллинговъ до четырехъ пенсовъ (около 16 копеекъ въ день), и которыхъ, въ виду неурожая, никуда не брали на работу. Мы не будемъ останавливаться во всѣхъ деталяхъ на тѣхъ ужасахъ, которые перенесла Ирландія отъ «великаго голода» 1846 года и отъ недородовъ, не столь свирѣпыхъ и обширныхъ, но все-таки опустошившихъ страну въ послѣдующіе нѣсколько лѣтъ. Отмѣтимъ существенное и начнемъ съ цифръ.

Въ 1846 году, къ началу «великаго голода» въ Ирландіи жило 8.288.000 человѣкъ; цифра рожденій за періодъ времени съ 1847 года по 1851 годъ была равна 1.421.000 чел.; цифра ежегодной смертности, такъ называемой «нормальной», непосредственно предъ «великимъ голодомъ», если ее помножить на 5, даетъ 755.000 смертей за тотъ же періодъ времени (1847—1851 гг.). Такъ что, если бы не чрезвычайныя событія этого времени, то народонаселеніе Ирландіи въ 1851 году должно было бы выразиться цифрою 8.954.000 чел., ибо перевѣсъ числа рожденій надъ числомъ смертей за эти годы былъ бы 666.000 человѣкъ. На самомъ же дѣлѣ населеніе съ 1846 по 1851 г. не только не увеличилось, но уменьшилось въ невѣроятной степени: отъ голода умерло 1.104.000 чел. (по оффиціальнымъ даннымъ англійскаго правительства, старавшагося по возможности умалить размѣры бѣдствія), эмигрировало—въ Англію 314.000 человѣкъ, въ другія страны 984.000 человѣкъ; вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, населеніе Ирландіи въ 1851 году было равно 6.552.000 чел. **).

Пугающіе размѣры бѣдствіе приняло зимою 1845—1846 гг. Безвыходное отчаяніе овладѣвало цѣлыми тысячами людей, которые выходили изъ дому просить милостыню или убить и ограбить, кого придется, и отъ слабости многіе изъ нихъ, пройдя съ милю, ложились на дорогѣ и умирали. Матери убивали дѣтей, а потомъ себя, чтобы долго

*) „Four Years of irish history", стр. 42.

**) См. Antonio Pittaluga. „La questione agraria in Irilanda, studio storico-economico" (Roma. 1894), стр. 156. Другой изслѣдователь, Gustave de Beaumont („L'Irlande sociale, polit. et relig.", Paris. 1863), даетъ цифру 6.551.000.

не мучиться; крестьяне гурьбою выходили грабить фургоны съ хлѣбомъ, проѣзжавшіе по большимъ дорогамъ. За годъ въ Ирландіи произошло 5.638 аграрныхъ преступленій, изъ нихъ 139 человѣкоубійствъ, 138 покушеній на убійство, 540 нападеній съ отягчающими обстоятельствами, 478 поджоговъ, 134 обстрѣливанія жилыхъ помѣщеній и т. п. Это не была революція, тутъ не сказывалось еще вліянія «молодой Ирландіи», аграрныя преступленія на этотъ разъ были даже менѣе обставлены чисто-крестьянскими организаціями, нежели въ прежнія времена. Здѣсь голодъ, доводившій до умопомраченія, былъ непосредственнымъ стихійнымъ стимуломъ, гнавшимъ на большую дорогу и къ лендлордскимъ домамъ, къ скотнымъ дворамъ зажиточныхъ фермеровъ и къ жалкимъ пригороднымъ лавчонкамъ, безъ разбора, гнавшимъ въ то мѣсто, гдѣ предполагалось возможнымъ промыслить себѣ хоть немного пищи какою угодно цѣною,—своей ли жизни или жизни хозяевъ.

Робертъ Пиль доживалъ свою министерскую жизнь. Его партія—консерваторы—не могла ему простить отмѣны хлѣбныхъ законовъ; либералы, поддерживавшіе его въ этомъ предпріятіи, вовсе не были расположены дарить его своею дружбою и впредь. Исполнялось предсказаніе, бывшее въ ходу при дворѣ Луи-Филиппа, который внимательно слѣдилъ за англійскими дѣлами: согласно этому предсказанію, Робертъ Пиль долженъ былъ непремѣнно пасть жертвою собственнаго успѣха, т.-е. проведенія отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ. И пасть ему суждено было изъ-за ирландскихъ дѣлъ. Онъ внесъ въ парламентъ билль объ усмиреніи, одинъ изъ многочисленныхъ биллей, какіе и до, и послѣ того становились законами для Ирландіи и въ большей или меньшей степени усиливали власть вице-короля и ограничивали конституціонную свободу гражданъ. На этотъ разъ, весною 1846 года, подобный билль долженъ былъ бороться съ послѣдствіями неурожая картофеля и прекратить аграрныя преступленія: его внесеніе мотивировалось безмѣрно увеличившимся волненіемъ страны. Враги кабинета изъ торіевъ, желавшіе его низвергнуть изъ-за хлѣбныхъ законовъ, соединились на этотъ разъ съ либералами и ирландцами, и 26-го іюня 1846 года билль провалился во второмъ чтеніи. Противъ правительства голосовало 292 человѣка, за правительство—219. Робертъ Пиль вышелъ въ отставку, и либеральный лидеръ лордъ Россель взялся сформировать кабинетъ. Послѣ пятилѣтняго пребыванія въ рядахъ оппозиціи виги вернулись къ власти,—и голодающая Ирландія тяжкимъ бременемъ свалилась на нихъ: прежде всего нужно было обдумать, что съ ней дѣлать.

Но еще раньше, нежели новое правительство приступило къ этому трудному дѣлу, раньше даже, нежели можно было съ увѣренностью сказать съ кѣмъ или чѣмъ оно собирается бороться: съ голодомъ или съ голодающими—въ ирландскомъ обществѣ перемѣна министерства

вызвала цѣлую бурю, страшно усилившую расколъ между О'Коннелемъ и «молодою Ирландіею». Дэвиса уже не была въ живыхъ, но къ движенію непрерывно примыкали всѣ молодые и энергичные элементы ирландскаго общества. Разочарованіе въ О'Коннелѣ и его тактикѣ гигантскими шагами прогрессировало съ самаго того дня, какъ онъ смирился предъ Робертомъ Пилемъ въ исторіи съ клонтэрфскимъ митингомъ; и это чувство больше всего вербовало сторонниковъ «молодой Ирландіи». Еще въ декабрѣ 1845 года Робертъ Пиль долженъ былъ уступить мѣсто Росселю, но тогда кабинетъ виговъ не могъ быть образованъ и парламентское недоразумѣніе окончилось тѣмъ, что Пиль остался у власти; и уже тогда О'Коннель успѣлъ весьма недвусмысленно высказаться въ томъ духѣ, что заставилъ предполагать въ себѣ готовность опять, какъ въ 30-хъ гг., заключить союзъ съ вигами. Уже тогда раздраженіе противъ него было сильно,—и утихло только потому, что всѣ эти разговоры оказались преждевременными. Теперь, лѣтомъ 1846 года виги серьезно упрочились у власти, и вопросъ о союзѣ съ вигами выступилъ съ особенной остротой наружу. Къ людямъ группировавшимся вокругъ журнала «Нація» примкнули новые дѣятели—Томасъ Фрэнсисъ, Мигиръ, Джонъ Митчель, Томасъ Рилли, Макъ-Ги и др. Почти всѣ они (кромѣ Макъ-Ги и немногихъ другихъ) принадлежали къ немногочисленному въ тогдашней Ирландіи зажиточному городскому классу, къ средней буржуазіи; и всѣ они были демократы по своимъ убѣжденіямъ и приверженцы—въ большей или меньшей степени радикальной тактики. Ужасы голоднаго года содѣйствовали повышенію общей раздражительности, нетерпѣнія, подозрительности.

Въ 1846 году «молодая Ирландія» готова была порвать съ О'Коннелемъ гораздо рѣшительнѣе, нежели хотя бы еще при Дэвисѣ; и на этотъ разъ враги стараго дѣятеля чувствовали подъ собою очень твердую почву. Когда опять началось сближеніе между О'Коннелемъ и вигами, члены «молодой Ирландіи» говорили, что на этотъ разъ подобный союзъ гораздо хуже, нравственно непригляднѣе, нежели тотъ, который имѣлъ мѣсто одиннадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1835 году. Тогда, говорили они, О'Коннель, по крайней мѣрѣ, прямо велъ дѣло: не видя возможности, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, достигнуть отмѣны уніи, онъ на время оставилъ эту агитацію, чтобы получить отъ правительства меньшее, но тоже важное. Теперь же, въ 1846 году, онъ, фактически совсѣмъ почти отказавшійся отъ агитаціи противъ уніи, попрежнему заключивъ союзъ съ вигами, окончательно утратившій вѣру въ свое дѣло со времени обиднаго клонтэрфскаго происшествія,—тѣмъ не менѣе рѣшается кричать, что онъ продолжаетъ идти прежнимъ путемъ, что онъ будетъ бороться за отмѣну уніи и т. д. «Молодой Ирландіи» казалось, что эти пріемы клонятся къ тому, чтобы попрежнему ему остаться единымъ руководителемъ ирландскаго

общества, а между тѣмъ подобный образъ дѣйствій можетъ, какъ они полагали, затемнить общественное сознаніе, затормозить надолго идею ирландской самостоятельности и развратить ирландскій народъ напраснымъ, но постояннымъ ожиданіемъ подачекъ отъ англійскаго либеральнаго правительства. Журналъ «Нація» рѣшилъ всѣми силами противиться тактикѣ О'Коннеля; общественное настроеніе помогало ему. Смитъ О'Бріенъ, все болѣе и болѣе сближавшійся съ «молодой Ирландіей», членъ парламента, выдающійся ораторъ, пользовавшійся въ Ирландіи большимъ почтеніемъ за прямоту характера и мужество, во время парламентской сессіи долженъ былъ засѣдать въ желѣзнодорожномъ комитетѣ палаты общинъ. Онъ категорически отказался, заявивъ, что и въ Лондонъ онъ явился исключительно за тѣмъ, чтобы бороться противъ исключительныхъ законовъ касательно Ирландіи, а отвлекаться дѣлами не имѣющими къ Ирландіи никакого отношенія, онъ вовсе не желаетъ, ибо теперь его присутствіе необходимо родинѣ, которой грозитъ голодъ. О'Коннель былъ въ палатѣ, когда обсуждался этотъ демонстративный поступокъ О'Бріена; онъ защищалъ О'Бріена, впрочемъ, безъ особеннаго жара. Рѣшено было О'Бріена арестовать и заключить въ отдѣльное помѣщеніе въ самомъ же зданіи парламента. Редакція «Націи» пожелала, чтобы «ассоціація противъ уніи» выразила какъ-нибудь свое сочувствіе О'Бріену, но тамъ заявили, что это опасно, ибо палата общинъ, приказавшая арестовать О'Бріена, оскорбится, и, кромѣ того, такое выраженіе сочувствія будетъ косвеннымъ упрекомъ О'Коннелю. Въ концѣ концовъ рѣшено было созвать митингъ и предложить послать О'Бріену выраженіе симпатіи. Много митинговъ собралось въ разныхъ городахъ Ирландіи съ цѣлью выраженія симпатіи О'Бріену. «Клубъ 82-го года» (т.-е. въ память конституціи 1782 года, отмѣненной актомъ объ уніи въ 1800 году), въ которомъ «молодая Ирландія» была сильна, также много содѣйствовалъ этому движенію. Болѣе 150 петицій объ освобожденіи О'Бріена были посланы въ Лондонъ; спустя три недѣли его освободили. О'Коннель, видя, что огромная масса общества на сторонѣ О'Бріена, сдѣлалъ усиліе отсрочить неизбѣжное, т.-е. расколъ. Онъ горячо и торжественно привѣтствовалъ возвратившагося въ своей ассоціаціи; въ его рѣчи были такія слова: «Наши враги радовались. Они говорили: о, ассоціація раздѣлена, О'Коннель противъ О'Бріена,— О'Бріенъ противъ О'Коннеля. Что же они сегодня скажутъ? Я скажу имъ, что я не согласился бы остаться членомъ ассоціаціи даже на одинъ часъ, если бы Вильямъ Смитъ О'Бріенъ пересталъ быть моимъ товарищемъ, пріятелемъ, моимъ соратникомъ въ борьбѣ. Я скажу имъ, что только одно заставило бы меня отчаяться въ Ирландіи,—именно если бы мы какъ-нибудь поступили такъ, чтобы побудить Вильяма Смита О'Бріена покинуть ряды, въ которыхъ онъ столь мужественно

сражался за Ирландію». Но О'Коннель еще не разсматривалъ О'Бріена, какъ принадлежащаго къ группѣ «молодой Ирландіи»,—и могъ еще надѣяться отвлечь его отъ этой группы. Вскорѣ послѣ того онъ далъ понять редакціи «Націи», что всякія отношенія между журналомъ и «ассоціаціей противъ уніи» порвутся немедленно, если редакція будетъ упорствовать въ своихъ опасныхъ заблужденіяхъ. Для журнала это означало потерю тысячи фунтовъ стерлинговъ въ годъ, ибо масса читаленъ ассоціаціи, выписывавшихъ «Націю», могли прекратить подписку по одному слову О'Коннеля; ударъ, такимъ образомъ, былъ бы и моральный, и матеріальный. Редакція рѣшила не обращать вниманія и продолжать свое дѣло. Редактора Деффи отдали подъ судъ и судили за помѣщенную въ «Націи» статью, въ которой правительство усмотрѣло призывъ къ возстанію: въ статьѣ говорилось, что народъ будетъ знать, какъ поступить съ желѣзными дорогами, если «врагъ» (т.-е. англичане) вздумаютъ воспользоваться ими для непріязненныхъ дѣйствій, т.-е. для передвиженія войскъ при усмиреніи или тому подобныхъ обстоятельствахъ. Защитникъ подсудимаго Холмсъ сказалъ рѣчь, въ которой горько жаловался на положеніе Ирландіи и говорилъ о «тиранніи и обманѣ». Эту рѣчь предполагалось напечатать и распространять при помощи широкихъ агитаціонныхъ средствъ и многочисленныхъ агентовъ «ассоціаціи противъ уніи», но О'Коннель рѣшительно этому воспротивился. Таковъ былъ новый враждебный шагъ противъ «молодой Ирландіи». Но все это являлось мелочами, сравнительно съ главной, коренной причиной междоусобной вражды: сравнительно съ вопросомъ объ отношеніи къ новому правительству, къ либеральному кабинету лорда Росселя.

Митчель, Мигиръ, Дэффи въ рѣчахъ и статьяхъ спѣшили заявить, что союзъ съ вигами былъ бы измѣной Ирландіи; что ирландцы, заключивъ его, уподобились бы илотамъ, а не свободнымъ гражданамъ. О'Коннель, болѣвшій все чаще, отвѣчалъ письмомъ въ «ассоціацію противъ уніи», въ которомъ говорилъ, что никто и не думаетъ бросать борьбу противъ уніи и что не нужно особенно тревожиться словами нѣкоторыхъ «юныхъ ораторовъ». Недоразумѣнія и обоюдныя колкія выходки продолжались. О'Коннель въ новомъ письмѣ говорилъ ассоціаціи о выгодахъ для Ирландіи состоявшейся смѣны консерваторовъ либералами. О'Бріенъ по поводу этого письма въ длинной рѣчи заявилъ, что виги хотя и лучше торіевъ, но зато «безконечно опаснѣе». Они навѣрно сдѣлаютъ попытку испортить дѣло борьбы за ирландскую самостоятельность, пуская въ ходъ разныя обѣщанія реформъ, развращая людей подачками въ родѣ казенныхъ мѣстъ и т. д. Онъ, О'Бріенъ, первый поблагодаритъ либеральный кабинетъ, если, дѣйствительно, что-нибудь хорошее будетъ сдѣлано для Ирландіи, но пока онъ не хочетъ ихъ благодарить напередъ.

VIII.

6-го Іюля 1846 года О'Коннель произнесъ программную рѣчь въ своей ассоціаціи. Дэффи въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ, что спустя долгіе годы все еще сжимается у него сердце, когда онъ думаетъ объ этомъ днѣ. О'Коннель перечислилъ одиннадцать уступокъ, которыя онъ желаетъ и надѣется получить отъ либеральнаго министерства, а въ слѣдующую же парламентскую сессію—послѣ этихъ уступокъ—онъ примется за вопросъ объ отмѣнѣ уніи.

Значитъ, только на небольшой срокъ нужно отказаться отъ агитаціи противъ уніи. Главныя изъ этихъ одиннадцати требованій были—расширеніе избирательнаго права, увеличеніе числа парламентскихъ членовъ отъ Ирландіи, ограниченіе права лендлорда изгонять арендаторовъ, налогъ въ 20% съ дохода всѣхъ лендлордовъ-абсентеистовъ (отсутствующихъ изъ страны) и т. п. «Молодая Ирландія» была убѣждена, что О'Коннель злоупотребляетъ легковѣріемъ своего народа, говоря о такихъ абсурдахъ, какъ проведеніе одиннадцати биллей за одну парламентскую сессію и хлопоча о столь короткой отсрочкѣ. Надѣяться теперь на примиреніе совсѣмъ нельзя было: союзъ съ вигами косвенно былъ провозглашенъ О'Коннелемъ и дѣло отмѣны уніи окончательно проваливалось. Министерство лорда Росселя не дремало: четыре ирландскихъ депутата получили назначенія. Это казалось шагомъ впередъ для упроченія ирландскихъ симпатій,—въ глазахъ кабинета,—и «молодая Ирландія» рѣшила воспользоваться парламентскимъ обычаемъ переизбранія депутатовъ, получающихъ назначенія, и провалить принявшихъ должность. Особенно одинъ округъ былъ въ этомъ отношеніи важенъ и представлялъ много шансовъ для подобной демонстраціи, но ничего не вышло: переизбраніе состоялось. «Молодая Ирландія» приписывала свой неуспѣхъ стараніямъ О'Коннеля. На этой почвѣ ядовитыя пререканія возникли между Мигиромъ и О'Коннелемъ, и старикъ воскликнулъ: «два или три человѣка изъ редакціи «Націи» приходятъ сюда создавать раздоры!» Въ послѣдовавшихъ преніяхъ Джонъ О'Коннель проводилъ мысль, что всѣ лица, желающія считать себя членами «ассоціаціи противъ уніи», обязаны подчиняться основному ея принципу—борьбы посредствомъ «нравственной силы», а не «силы физической»; если же они несогласны, то пусть сейчасъ же выйдутъ изъ состава членовъ. Мигиръ отвѣтилъ, что онъ признаетъ методъ борьбы «нравственной силою» и будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ ассоціаціей на основаніи этого принципа до тѣхъ поръ, пока не будетъ достигнутъ успѣхъ или это средство не будетъ объявлено недѣйствительнымъ. Но онъ вовсе не хочетъ связывать себя обязательствомъ не избирать иной политики, вовсе не хочетъ считать иную политику безнравственной или недѣйствительной, «ибо великія имена

ее санкціонировали и благородные результаты засвидѣтельствовали ея дѣйствительность».

Вопросъ о «моральной силѣ», проповѣдуемой О'Коннелемъ въ противоположность тактикѣ «физической силы», сталъ на очередь дня. О'Коннель прочелъ особый докладъ о моральной силѣ, которой, по его словамъ, онъ всегда придерживался и которую считаетъ единственно нужной и важной для Ирландіи. Во время преній по этому поводу Митчель заявилъ, что и онъ, и его друзья (молодая Ирландія) полагаютъ вполнѣ возможнымъ добиться отмѣны уніи безъ пролитія капли крови. Но что теоретически, «въ качествѣ абстрактнаго и универсальнаго принципа», «ни одного національнаго или политическаго права ни единому народу, никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ не должно искать вооруженной рукой», съ этимъ онъ, Митчель, не согласенъ, хотя и не желаетъ объ этомъ распространяться. Онъ упомянулъ еще о дѣятеляхъ 1798 года въ Ирландіи и о Вашингтонѣ въ Америкѣ... «Какая цѣль у этого человѣка?—вскричалъ О'Коннель:—онъ выдаетъ себя мирнаго человѣка, и однако онъ проповѣдуетъ войну; онъ будто бы защищаетъ моральные и спокойные пути, и однако говоритъ съ прямой тенденціей возбудить страну къ анархіи и насилію. Было нѣсколько хорошихъ людей замѣшано въ борьбѣ 1798 года, но средства, которыя они усвоили, ослабили Ирландію и дали Англіи возможность создать унію». Примѣръ Вашингтона, сопротивлявшагося незаконному нападенію, но не начавшаго борьбы, по мнѣнію О'Коннеля, также ничего не доказываетъ. Митчель отвѣтилъ между прочимъ, что онъ не можетъ согласиться съ тѣмъ принципомъ, что другіе люди, которые ищутъ политическихъ улучшеній при помощи средствъ, розняшихся отъ нашихъ, подлежатъ за это осужденію. Это было отвѣтомъ на полемическіе пріемы О'Коннеля.

О'Коннель продолжалъ указаніемъ на Южную Америку, которая освободилась отъ Испаніи, но въ которой за какихъ-нибудь нѣсколько десятковъ лѣтъ произошло «триста революцій» съ тѣхъ поръ, ибо «своего рода партія молодой Ирландіи возникла тамъ, которой удалось создавать революцію за революціей». О'Коннель закончилъ требованіемъ, чтобы тѣ, которые стоятъ за физическую силу, уходили вонъ изъ ассоціаціи. Трагизмъ положенія заключался вотъ въ чемъ: О'Коннель, видѣвшій въ революціи гибель родины, хотѣлъ разоблачить «молодую Ирландію», какъ скопище замаскированныхъ революціонеровъ; «молодая Ирландія», вовсе еще не думая опредѣленно о революціи, всѣми силами старалась только разрушить союзъ съ вигами, лишить въ этомъ вопросѣ О'Коннеля поддержки народныхъ массъ,—и полагала, что старый лидеръ подчеркиваетъ революціонизмъ своихъ молодыхъ противниковъ, чтобы этимъ ихъ скомпрометировать въ глазахъ страны. И пока обѣ стороны на этой почвѣ препирались, событія мчали несчастную голодную страну къ фатальному исходу.

отметая однихъ, увлекая другихъ, не подчиняясь ни ораторамъ, ни журналистамъ, ни теоретикамъ, ни практикамъ, а ломая и подчиняя ихъ себѣ. Деревенское населеніе умирало отъ голода; городское съ растущимъ волненіемъ прислушивалось къ продолжавшейся яростной полемикѣ о моральной и физической силѣ. Событія дня кричали, что рѣчь тутъ идетъ вовсе не о теоретическомъ разногласіи.

Смитъ О'Бріенъ высказался чрезвычайно сурово по поводу слишкомъ грознаго и гнѣвнаго обращенія О'Коннеля съ противниками. Относительно себя онъ заявилъ, что съ отвращеніемъ смотритъ на примѣненіе физической силы, но что «онъ *не* подписался бы подъ доктриною, согласно которой нѣтъ для націи такихъ обстоятельствъ, когда могъ бы возникнуть призывъ къ мечу». О'Бріенъ еще не примкнулъ къ «молодой Ирландіи», и это мнѣніе его получило особенно серьезный смыслъ. Немного спустя, этотъ выступавшій на первый планъ дѣятель высказался также и по вопросу о дружбѣ съ либеральнымъ правительствомъ: онъ находилъ эту тактику нецѣлесообразной, даже вредной для Ирландіи, которая будетъ приведена къ безгласію и къ неподвижности взамѣнъ за пустыя обѣщанія; принятіе же должностей отъ министерства заткнетъ ротъ ирландскимъ депутатамъ. О'Бріена многократно поддерживали Мигиръ, Митчель, О'Гормэнъ и другіе члены «Молодой Ирландіи»; тяжкая болѣзнь, точившая организмъ О'Коннеля рѣдко позволяла ему показываться. Его мнѣнія поддерживало большинство ассоціаціи, гдѣ все чаще и претенціознѣе раздавался мало-авторитетный голосъ его сына Джона О'Коннеля. Послѣ особенно рѣзкихъ преній однажды О'Бріенъ, Мигиръ, Митчель, Дэффи и еще нѣсколько ихъ друзей покинули демонстративно залъ засѣданій «ассоціаціи». Это была могущественная организація, насчитывавшая въ своихъ спискахъ до милліона членовъ, и покинуть ее—значило покинуть сильнѣйшую агитаціонную машину, какая только существовала въ Ирландіи. Но выбора имъ не оставалось.

Разрывъ былъ полный; ушедшіе, ихъ друзья, ихъ журналъ, ихъ мнѣнія все было оффиціально признано состоящимъ въ опалѣ у О'Коннеля. Духовенство громило «Націю» и запрещало ее читать; агенты «ассоціаціи противъ уніи» дѣятельно агитировали противъ «бунтовщиковъ». О'Коннель объявлялъ ихъ измѣнниками; агенты ассоціаціи докладывали отовсюду, что страна очень довольна уходомъ «молодой Ирландіи». Члены «молодой Ирландіи» иронически замѣчали, что голодъ и все вообще, что касалось страны, отошло на задній планъ, и «ассоціація противъ уніи», обо всѣмъ позабывъ, какъ бы рѣшила посвятить все существованіе борьбѣ съ ненавистными членами редакціи журнала «Нація» и ихъ друзьями. «Націю» выбрасывали вонъ изъ читаленъ, чернили и осмѣивали ее и ея писателей. Англійская пресса (не только либерельная, стоявшая за О'Коннеля, но и торійская нена-

видѣвшая его) обращали вниманіе правительства на этотъ журналъ, до того опасный, что отъ него даже самъ О'Коннель отказывается.

Но вотъ начало сказываться противодѣйствіе. Въ Коркѣ, въ Лимерикѣ, въ Дрогедѣ, Росберкокѣ — отдѣленія ассоціаціи отказались изгнать «Націю» изъ своихъ читаленъ. Городская молодежь средняго класса увлекалась новымъ теченіемъ и возмущалась тѣмъ, что она называла «о'коннелевскимъ деспотизмомъ». Пропаганда журнала за тѣ четыре года, что онъ существовалъ, сильно сказывалась на молодыхъ кругахъ общества. Мало того, въ нѣкоторыхъ городахъ члены ассоціаціи стали собираться на митинги и прямо выражать свое сочувствіе «молодой Ирландіи». Началось непрерывное теченіе протестующихъ резолюцій въ бюро «ассоціаціи». Джонъ О'Коннель ихъ замалчивалъ, не читалъ на собраніяхъ. Журналъ «Нація» заявилъ по этому поводу, что подобное поведеніе безобразно, ибо и покойный лордъ Кэстльри прибѣгалъ точно къ такимъ же пріемамъ, когда ему нужно было замолчать всѣ протесты противъ уніи 1800 года. Протесты усиливались и уже направлялись въ редакцію «Націи». У «молодой Ирландіи», въ противоположность ея врагамъ, не было ни денегъ, ни агентовъ, ни организаціи: за нее стояло только новое настроеніе, быстро нароставшее среди городской молодежи, а также въ значительной мѣрѣ и между старшимъ поколѣніемъ, и вытѣснявшее прежнія чувства по отношенію къ О'Коннелю. «Было великое возмущеніе противъ его авторитета, послѣдовательно—во всѣхъ частяхъ страны. Классъ мыслящихъ людей единодушно оставлялъ его. Едва ли оставался на его сторонѣ хоть одинъ міранинъ между тѣми, кто еще не перешелъ за его старый возрастъ (т.-е. за семьдесятъ съ лишнимъ лѣтъ)», читаемъ въ запискахъ современника этихъ событій. Духовенство не все, но по большей части,—стояло еще за О'Коннеля; крестьяне—высказались позже... На нѣкоторыхъ собраніяхъ приверженцевъ отмѣны уніи принимались резолюціи—просить О'Коннеля, чтобы онъ, для блага дѣла, уладилъ происшедшія недоразумѣнія; другіе ставили вопросъ еще рѣзче и выражали негодованіе по поводу нарушенія принципа свободы слова въ ассоціаціи, по поводу дерзкихъ словъ и самоуправныхъ выходокъ сына О'Коннеля. Въ Дублинѣ дѣло дошло до столкновенія на улицѣ между приверженцами О'Коннеля и сторонниками молодой Ирландіи, которые собирались устроить въ столицѣ публичный «митингъ протеста», въ родѣ тѣхъ, которые устраивались въ Бельфастѣ, Лимерикѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ. Митингъ не состоялся, но былъ составленъ документъ, въ которомъ обстоятельно и рѣшительно критиковалось и порицалось поведеніе «ассоціаціи» относительно Смита О'Бріена и «молодой Ирландіи», т.-е точнѣе,—поведеніе «генеральнаго комитета» ассоціаціи. Этотъ дублинскій «генеральный комитетъ» фактически состоялъ почти исключи-

тельно изъ людей, угодныхъ О'Коннелю и его сыну, и «молодая Ирландія», завоевавшая себѣ серьезную поддержку и широкія симпатіи среди милліона членовъ «ассоціаціи противъ уніи», имѣвшая среди этой массы людей своихъ друзей и сторонниковъ, была совершенно безсилена въ «генеральномъ комитетѣ». Противъ него-то и протестовали въ своемъ документѣ многіе дублинскіе члены ассоціаціи, несогласные съ деспотической политикой этого комитета. Бумага была покрыта массою подписей. Въ Коркѣ, Клонмэлѣ—отовсюду поднимались протестующія заявленія; имя О'Коннеля выгораживалось, но безпощадныя нападки сыпались на комитетъ ассоціаціи. Джонъ О'Коннель, пользуясь дряхлостью и болѣзненнымъ состояніемъ отца, побуждалъ его къ безтактнѣйшимъ заявленіямъ, а самъ—отказался даже принять дублинскій протестъ, снабженный подписями и адресами протестующихъ лицъ, которыя всѣ имѣли оффиціальное касательство къ ассоціаціи.

Даже изъ комитета постепенно стали уходить самые выдающіеся и независимые члены его. Общественное мнѣніе высказывалось все рѣзче и громче; ужасы голоднаго года распаляли страсти; не только обращеніе Джона О'Коннеля съ «молодой Ирландіей», но и основные принципы тактики его отца все чаще и чаще подвергались нападкамъ. Раздавались крики отчаянія и озлобленія отъ голода, требовали, чтобы ассоціація со своимъ комитетомъ во главѣ, если ея вожди такъ безпощадны къ малѣйшему противорѣчію, чтобы она указала ясно: какъ она думаетъ помочь голодающему народу? Намѣрена ли она воздѣйствовать на Англію, которая одна только обладаетъ достаточной мощью для борьбы противъ бѣдствія? Джонъ О'Коннель издалъ воззваніе къ народу, въ которомъ говорилъ: «Во имя Бога, будьте терпѣливы, потерпите только нѣкоторое время и вы скоро получите облегченіе!» Въ другомъ воззваніи онъ заявлялъ: «Я вѣрю, что правительство не допуститъ народъ до страданій, которыя были бы выше человѣческихъ силъ...; но если бы даже правительство не исполнило своего долга, я питаю такое довѣріе къ ирландскому народу, къ возвышенности его характера и примѣрной твердости, что, по моему мнѣнію, онъ все-таки будетъ вѣренъ принципамъ мира и нравственности, которые его всегда характеризовали». Если народъ оправдаетъ эту увѣренность, говорилось дальше, то онъ навѣрно, въ концѣ концовъ, получитъ національную самостоятельность. Все это дѣйствовало не успокаивающимъ, а скорѣе распаляющимъ образомъ. Наконецъ, Джонъ О'Коннель со времени своей ожесточенной войны противъ «молодой Ирландіи» утратилъ даже тотъ небольшой престижъ, которымъ онъ пользовался не за свои заслуги, а по «праву рожденія». Что касается до «молодой Ирландіи», то она указывала, какъ на средство борьбы противъ голода, на запрещеніе вывоза хлѣба изъ Ирландіи: картофель погибъ, но хлѣбъ во многихъ мѣстахъ уродился и лендлорды вывозили его въ

Англію, такъ какъ Ирландія была слишкомъ бѣднымъ рынкомъ для хлѣба. Молодая партія и предлагала воспрещеніемъ вывоза — удешевить хлѣбъ; она предлагала именно въ этомъ смыслѣ оказать давленіе на парламентъ и указывала на то, что ежегодно ирландскаго хлѣба продается въ Англіи на сумму отъ четырехъ до пяти милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, и что не бѣда, если въ этомъ году лендлорды заработаютъ меньше. Конечно, этотъ совѣтъ не могъ быть приведенъ въ исполненіе, онъ имѣлъ только развѣ агитаціонное значеніе, напоминая о томъ, какъ былъ бы кстати при подобныхъ условіяхъ собственный парламентъ съ правомъ постановлять то, что будетъ признано необходимымъ для большинства ирландской націи. О'Коннель утверждалъ, что сотрудники «Націи» напоминаютъ «нечестивыхъ философовъ», писавшихъ предъ французской революціей, которые нападали на всѣхъ и на все, оскорбляли все священное». Въ концѣ 1846 г. огромный митингъ въ защиту «молодой Ирландіи», состоявшій изъ рабочихъ, ремесленниковъ и части средней буржуазіи, собрался въ Дублинѣ. На митингѣ были рѣзкіе протесты противъ того, что пускались въ ходъ всѣ средства для уничтоженія журнала «Нація», противъ того, напр., что производилось сильнѣйшее давленіе на тѣхъ, кто осмѣливался покупать и читать опальный органъ. Въ отвѣтъ на эту демонстрацію епископъ Броунъ въ залѣ ассоціаціи 16-го ноября произнесъ рѣчь, въ которой горячо предостерегалъ ирландцевъ отъ грозящей имъ со стороны «молодой Ирландіи» опасности: «Вы читали исторію, джентльмены, и я надѣюсь, что вы читали ее съ пользою. Вы знаете, каковы были послѣдствія во всѣхъ странахъ, гдѣ совершались революціи или реформаціи, или реформы или какъ вамъ угодно иначе ихъ называть? Каковы были послѣдствія? Нечестіе, безнравственность и отсутствіе повиновенія престолу. Понадобилось бы цѣлое столѣтіе, чтобы послѣ такихъ происшествій вернуть народъ къ какому-либо религіозному чувству или чувству повиновенія. Какъ началась французская революція? Какія средства были усвоены, чтобы пустить ее въ ходъ?... Нужно ли намъ слушать «молодую Ирландію?» Можемъ ли мы хотя на одно мгновеніе допустить въ своей средѣ эти принципы, которые ведутъ къ якобинству и иному чудовищному злу?» Далѣе епископъ говорилъ, что «молодые ирландцы» сѣютъ невѣріе, безбожіе и мечтаютъ разъединить мірянъ отъ духовныхъ лицъ. Но вотще! Страна за ними не идетъ.

Сначала редакція «Націи» думала возражать на рѣчь епископа Броуна, но потомъ оставила мысль о полемикѣ. Не нужно забывать, какъ могущественна была всегда въ Ирландіи католическая церковь, чтобы понять смыслъ совѣта, даннаго редактору «Націи» однимъ старымъ его пріятелемъ: «Никогда, дорогой мой, не бейтесь головой о стѣну, особенно о церковную стѣну!» Въ 1846 году, даже въ концѣ его, «молодая Ирландія» еще только шла въ гору, но не достигла

вершины. Высшая іерархія была на сторонѣ О'Коннеля; изъ приходскаго духовенства нѣсколько молодыхъ священниковъ въ Дублинѣ и другихъ мѣстахъ изъявляли неудовольствіе по поводу нетерпимости генеральнаго комитета ассоціаціи и симпатію по адресу «молодой Ирландіи», такъ что и въ средѣ церковной рѣчь епископа Броуна принята была не единодушно. Все нароставшее теченіе вздымалось выше и выше. Послѣ одного колоссальнаго собранія, созваннаго приверженцами «молодой Ирландіи», старикъ О'Коннель, когда узналъ о всемъ, что тамъ было, казался подавленнымъ, не могъ ѣсть отъ волненія. Его пробовали утѣшить тѣмъ, что толпа пришла туда просто изъ любопытства, послушать молодыхъ людей. «Вы ошибаетесь, другъ мой,—сказалъ О'Коннель,—это былъ большой митингъ, они—большая партія». Были люди, которые убѣждали стараго вождя помириться съ «молодой Ирландіей». Сэръ Кольменъ однажды просилъ его объ этомъ *). «Нѣтъ, отецъ! — вскричалъ присутствовавшій при разговорѣ сынъ О'Коннеля, Джонъ: — мы не можемъ соединиться съ этими людьми; скверные, неблагодарные интриганы они, мы ихъ раздавимъ!» Больной, изможденный старикъ посмотрѣлъ на сына, потомъ на сэра Кольмэна и сказалъ: «Вы видите, сэръ Кольмэнъ, я безсиленъ; вотъ мой лучшій, любимый сынъ; вы слышите, что онъ сказалъ... Ничего нельзя теперь сдѣлать...» Слабыя попытки къ примиренію были сдѣланы, но ни къ чему, разумѣется, не привели.

Голодъ свирѣпствовалъ; зимняя стужа каждую ночь убивала людей лишенныхъ крова и топлива. Подавленный страшнымъ зрѣлищемъ, мучимый болѣзнью, терзаемый ежедневнымъ, несомнѣннымъ для его ослабѣвшаго, но все еще огромнаго ума паденіемъ былой силы и славы, О'Коннель пріѣхалъ въ Лондонъ въ началѣ 1847 года, чтобы ѣхать оттуда дальше, на югъ Европы, куда его посылали врачи.

8-го февраля онъ въ послѣдній разъ былъ въ парламентѣ, гдѣ какъ разъ шла рѣчь о мѣрахъ къ борьбѣ съ ирландскимъ голодомъ. Слабый, измученный старикъ, еле держась на ногахъ, просилъ всемогущее собраніе подумать объ Ирландіи; его голосъ почти пропалъ, онъ говорилъ чуть слышно. Онъ сказалъ, что прямо испуганъ, видя, что палата недостаточно освѣдомлена объ ужасающемъ положеніи Ирландіи, о томъ, что десять тысячъ дѣтей умерли—пока—отъ голода и пять тысячъ взрослыхъ, и что если не подать помощи, то умретъ голодною смертью четверть всего населенія страны. Онъ убѣждалъ, что мало—подписокъ, мало—частныхъ пожертвованій, нужны мѣропріятія широчайшихъ размѣровъ, нужна государственная помощь въ самомъ серьезномъ смыслѣ слова. Своимъ невнятнымъ, прерывающимся шопотомъ онъ просилъ представителей Великобританіи сжалиться надъ Ирландіей. «Она въ вашихъ рукахъ, въ вашей власти. Если вы ее не

*) См. описаніе этой сцены въ «Four years of irish history», 338.

спасете, она не сможетъ себя спасти». Онъ просилъ, чтобы помнили его искреннѣйшее предсказаніе: если парламентъ не поможетъ, то четверть ирландскаго народа умретъ.

О'Коннелю нельзя было дольше задерживаться въ Лондонѣ. Въ сопровожденіи сына, духовника своего Мапли и одного слуги онъ уѣхалъ во Францію, чтобы оттуда отправиться въ Италію. Въ Парижѣ католическая партія захотѣла выразить свое почтеніе человѣку, имя котораго навсегда осталось связаннымъ съ эмансипаціей католиковъ.

«Насъ было пятнадцать или двадцать человѣкъ, не болѣе, все неизвѣстныхъ, кромѣ Монталамбера, который насъ велъ... О'Коннель, уже умирающій, вышелъ подышать немного на воздухѣ. Мы ожидали его возвращенія подъ аркадами улицы Риволи, у дверей скромнаго отеля, въ которомъ онъ остановился. День кончался, печальный и дождливый зимній день... Мы замѣтили его въ каретѣ и мы сняли шляпы... Мы поднялись опечаленные. Несмотря на усталость, О'Коннель хотѣлъ насъ принять. Мы увидили его сидящимъ въ креслѣ, укутаннаго одѣялами, блѣднаго и истощеннаго. Монталамберъ обратился къ нему съ рѣчью. Онъ отвѣчалъ нѣсколькими словами, которыя мы едва могли разслышать: «Не слабѣйте... Что касается меня, то я умираю... Пріѣхать въ Римъ... Дѣйствуйте, мужество!..» Глубокая апатія ко всему окружающему все болѣе овладѣвала О'Коннелемъ по мѣрѣ того, какъ его везли дальше на югъ. Путешествіе было трудное, съ долгими остановками, необыкновенно продолжительное. Въ Генуѣ болѣзнь обострилась, и 15-го мая 1847 года его не стало.

Эта жизнь оборвалась, когда Ирландія стояла предъ однимъ изъ ужасныхъ катаклизмовъ своей исторіи. Человѣкъ, трупъ котораго лежалъ въ номерѣ генуэзской гостинницы, занималъ огромное мѣсто въ ирландской національной жизни, и извѣстіе, что его уже нѣтъ на свѣтѣ, должно было немедленно отозваться во всей странѣ. Многое сложное вдругъ упростилось, многое далекое—страшно придвинулось. Новые люди стали на опустѣвшемъ мѣстѣ.

Е. Тарле.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВЪ СТАРОЙ АНГЛІИ.

(ЖЕЛТЫЙ ФУРГОНЪ).

Романъ Ричарда Уайтинга.

Переводъ съ англійскаго **Л. Сердечной.**

(*Продолженіе* *)

Глава 22.

Герцогъ и его жена—«фамилія», какъ звали ихъ обыкновенно въ Слокумѣ, пріѣхали черезъ нѣсколько дней.

Чувство отвѣтственности за второй и рѣшительный деревенскій сезонъ усиливалось у Августы сознаніемъ высокаго значенія ея мужа. Въ Лондонѣ все-таки онъ былъ однимъ изъ толпы. Въ Аллонби онъ имѣлъ право требовать подчиненія, не только одного уваженія. Даже тотъ сторожъ, который открывалъ дверцу его вагона, дѣлалъ это съ особеннымъ почтеніемъ, не зависящимъ отъ перспективы щедраго «на чай». Какъ намѣстникъ своего графства, онъ былъ первымъ изъ магнатовъ. Его величіе, казалось, еще усугублялось отъ спокойствія души, которое какъ бы составляло его вторую натуру и являлось полнымъ контрастомъ живости и возбужденности Августы. Онъ какъ будто принадлежалъ къ какой-то сказочной расѣ, которая жила и двигалась безъ малѣйшаго напряженія нервовъ и властвовала только посредствомъ непреодолимыхъ, но молчаливыхъ и скрытыхъ силъ.

Величественный этикетъ, явившійся послѣдствіемъ ихъ пріѣзда, былъ все еще новъ и чуждъ герцогинѣ. Она, конечно, знала о тѣхъ особенностяхъ, благодаря которымъ наши старыя общества, если на нихъ смотрѣть сверху внизъ, кажутся нисходящей лѣстницей паразитизма, а если смотрѣть снизу вверхъ—лѣстницей Іакова, ведущей къ звѣздамъ. Но теперь она вполнѣ познакомилась съ этой системой. Только двое или трое изъ высшихъ чиновъ герцогскаго дома допускались передъ свѣтлыя очи герцога, и эти, въ свою очередь, удостоивали своимъ лицезрѣніемъ лишь избранныхъ. Служащій, только что удостоившійся личной аудіенціи, проходилъ черезъ пріемную, не глядя ни вправо, ни влѣво. Это, безъ сомнѣнія, производило впечатлѣніе, и Августѣ каза-

*) См. „Міръ Божій“, № 9, сентябрь, 1904 г.

лось, что такъ должно было быть при дворѣ перваго мидійскаго царя, гдѣ всѣмъ было запрещено смѣяться.

Но герцогъ, повидимому, находилъ въ этомъ нѣкоторыя удобства. По крайней мѣрѣ, онъ былъ среди своихъ собственныхъ людей. Въ Лондонѣ онъ былъ такъ же мало извѣстенъ, какъ калифъ во время ночной прогулки. Въ наше время слишкомъ много лордовъ. Его очень позабавило однажды, когда онъ записалъ номеръ дерзкаго извозчика за то, что на дверцахъ кэба оказался его собственный вензель подъ короной. Какъ основатель компаніи извозчичьихъ экипажей, онъ былъ хозяиномъ дерзкаго извозчика и могъ уничтожить .его однимъ словомъ. Но онъ не сказалъ этого слова, его добродушіе не допустило его до такого уничтожающаго эффекта. Но оскорбленіе было серьезное. За тотъ шиллингъ, который онъ далъ извозчику, онъ имѣлъ право проѣхать еще, по крайней мѣрѣ, тридцать ярдовъ. А между тѣмъ, когда онъ вышелъ у дверей своего клуба, вслѣдъ ему зазвучалъ сердитый окрикъ: «Ишь вѣдь, идетъ на мой счетъ веселиться!»

Августа съ еще большимъ облегченіемъ обратилась къ болѣе человѣческимъ отношеніямъ въ деревнѣ. Роза и Джорджъ были первой ея мыслью. Она давно уже рѣшилась выслушать и другую сторону объ ихъ уходѣ. По словамъ приписки въ письмѣ Мери Лиддикотъ, это былъ случай открытаго возмущенія. Джорджъ «нагрубилъ управляющему»,—какъ будто мошка можетъ дерзко покушаться на сіяніе солнца!—и необдуманно бросилъ вѣрный кусокъ хлѣба для призрачной мечты «найти счастье въ Лондонѣ». Такъ доносилъ м-ръ Рэйфъ и такъ же писала Мери, не подумавшая даже провѣрить его слова. Но гдѣ же была правда?

Августа скоро нашла дорогу въ ту хижину, гдѣ обѣ матери соединили свою судьбу, чтобы Роза и Джорджъ могли свить себѣ гнѣздо. Онѣ приняли ее съ глубочайшимъ почтеніемъ, хотя сначала ни однимъ словомъ не обмолвились о томъ предметѣ, который имъ обѣимъ былъ такъ близокъ къ сердцу. Онѣ слишкомъ боялись ее, чтобы рѣшиться на это. Вѣдь все-таки она была одна изъ «сильныхъ», которые нанесли ударъ.

— Кажется, много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ ваша свѣтлость изволили уѣхать.

— Да, и сколько перемѣнъ!

— Еще бы, это на войнѣ-то?

— Нѣтъ, въ Слокумѣ; деревня точно другая.

— Ахъ, это все приходскій совѣтъ! Только они дальше колодцевъ не пойдутъ. Пусть ваша свѣтлость не безпокоится.

До сихъ поръ Тэбби Эдмеръ держала рѣчь, но теперь старая Фиби Херіонъ стремительно вмѣшалась.

— Пусть бы они въ этихъ колодцахъ утопились! Это проклятіе для всей деревни!

*

— Тише!—съ упрекомъ замѣтила ея сожительница и вдругъ залилась слезами.

— Разскажите мнѣ все,—сказала герцогиня, подвигая себѣ стулъ.

— Охъ, ваша свѣтлость!—плакала Тэбби.—Они ушли, ушли они, невѣдомо куда, пропали, видно, въ Лондонѣ-то! Вотъ взгляните.—И она вытащила изъ кармана возвращенное письмо съ отмѣткой: «Выбыли неизвѣстно куда».

— Какъ? ваши дѣти? Что вы, они вѣрно просто квартиру перемѣнили. Они вамъ скоро опять напишутъ.

— Горе мнѣ, ваша свѣтлость! Я свою дѣвочку хорошо знаю. Не повезло имъ видно, вотъ она и стыдится признаться. Это такъ на нее похоже.

— Сама ты стыдись!—И Фиби, какъ ужаленная обернулась на свою сожительницу. — Стыдно тебѣ и думать, что твоя собственная плоть и кровь тебя не пожалѣетъ.

— Такъ, значитъ, она больна или померла,—быстро возразила Тэбби. Вотъ тебѣ, сама ты говоришь!

— Значитъ, мальчикъ мой тоже,—прошептала Фиби, безъ колебанія соглашаясь съ этой безжалостной логикой. Затѣмъ обѣ огорчились. Разомъ вмѣстѣ возвысили голосъ въ вопляхъ и причитаніяхъ, наполнившихъ ихъ крошечную комнатку скорбью.

— Можетъ быть, тутъ какая-нибудь ошибка,—сказала герцогиня.

— Какая уже ошибка, ваша свѣтлость!—жаловалась Тэбби.—Прочитайте сами: «К. П. У.»—королевское почтовое управленіе—это значитъ отъ самой королевы. Въ первый разъ въ жизни письмо ко мнѣ назадъ возвратилось. Чуяло мое сердце, что она все время отъ меня что-то скрываетъ. Ужъ такой у нея характеръ—никогда не сознаваться. Ой, пропали они, пропали!

— А мы ихъ разыщемъ,—сказала Августа и тихонько прибавила:— а почему же они ушли?

— Потому что выслали ихъ,—закричала старуха съ глубокимъ возмущеніемъ въ голосѣ.

—Ой, что вы, увѣряю васъ, нѣтъ,—поторопилась Августа, желая ее утѣшить.—Я знаю, какъ было.

Но тутъ она остановилась и закусила губу съ досаднымъ сознаніемъ, что не знаетъ ни одной подробности, въ достовѣрности которой могла бы поручиться.

— Видите ли,—начала она, ощупью стараясь найти дорогу къ свѣту. —Джорджъ былъ недоволенъ своею жизнью здѣсь, хотя, мнѣ кажется, ему жилось недурно.

— Недоволенъ! Ваша свѣтлость, да вѣдь, какъ ему везло! Онъ менѣе чѣмъ въ полгода восемнадцать свѣтленькихъ совереновъ скопилъ.

— Ну, такъ, значитъ, ему захотѣлось еще больше нажить въ Лондонѣ.

— Господи прости! Какъ наврали-то вамъ!—сказала Тобби.

— Я хочу знать все сначала, — строго сказала Августа. — Сейчасъ же.

Но онѣ никакъ не могли разсказать, онѣ все еще слишкомъ боялись своей посѣтительницы. Поэтому Августѣ пришлось подвергнуть ихъ настоящему допросу.

— Развѣ онъ не нагрубилъ управляющему?

— Да никогда въ жизни онъ съ управляющимъ не говорилъ, и про него никому словечка не сказалъ.

Но Августа оставалась сурова.

— Будьте такъ добры, смотрите на меня, какъ на человѣка, а то мы ни къ чему не придемъ.

Видя, что лучше всего говорить откровенно, Фиби начала:

— Такъ ужъ лучше я вамъ всю истину скажу, хоть вы и герцогиня. Его просто затравили здѣсь, за то что онъ на выборахъ голосъ возвысилъ. Господа этого терпѣть не могутъ, хоть и дѣлаютъ видъ, что имъ это все равно. Вы этого не поймете, гдѣ вамъ-то? Вы заморская барыня. Джорджъ былъ дуракъ, что говорилъ, вотъ за это его и разорили. А теперь, если вамъ угодно, можете и меня на улицу выгнать, какъ его выгнали. Мнѣ все равно.

Августа вскочила съ мѣста и, обнявъ обѣихъ старухъ, стоявшихъ передъ ней въ почтительной позѣ, усадила ихъ съ собою на старый диванъ. И здѣсь, не какъ герцогиня больше, а какъ женщина отъ женщинъ, она услыхала грустную исторію: отмѣтку Кнеби за маленькій взрывъ въ ту ночь, какъ проѣзжалъ желтый фургонъ, отмѣтку управляющаго за преступное желаніе провести радикальнаго кандидата и приходскій совѣтъ. Теперь старушки говорили свободно и откровенно, гостья только изрѣдка вставляла свое слово, переспрашивала имена и числа. Когда разсказъ былъ конченъ, она тоже ничего не сказала. Она поспѣшно вернулась въ замокъ и пошла въ кабинетъ мужа.

Глава 23.

Она уже не имѣла повелительной осанки. Напротивъ, герцогъ подумалъ, что еще ни разу послѣ ихъ свадебной поѣздки по Европѣ онъ не видѣлъ ее такой сіяющей и привѣтливой. У него было дѣла по горло по обыкновенію, но онъ съ радостью позволилъ ей отпихнуть всѣ бумаги въ сторону.

— Генри, отъ тебя зависитъ сдѣлать сегодняшній день счастливѣйшимъ днемъ моей жизни.

— Почему же только сегодняшній?—галантно спросилъ онъ. Однако его недолгая супружеская жизнь не отъучила его выводить ошибочныя заключенія.—Голубой бриллiантъ довольно пустая вещь, моя Августа, но если хочешь...

— Голубой бриліантъ?

— Ты вѣрно читала всю эту чушь въ утренней газетѣ?

— Нѣтъ, я только выслушала двухъ старыхъ женщинъ.

— Ну, это совершенно одно и то же. Однако, бриліантъ родовой, и почемъ мы знаемъ, что его согласятся продать.

— Святая истина, — сказала она шутливо. — Его можно замѣнить чѣмъ-нибудь другимъ.

Онъ не совсѣмъ понялъ смыслъ ея словъ.

— Гордость предшествуетъ паденію, — продолжала она, — однако мнѣ казалось, что я всегда была такъ осторожна,

Это возбудило его подозрѣніе.

— Августа, что тебѣ отъ меня нужно?

— Заступиться за обиженныхъ передъ тѣмъ человѣкомъ, который сдѣлалъ имъ зло твоимъ именемъ.

Ея гордость запрещала ей малѣйшій намекъ на болѣе деликатныя подробности.

— Августа, ты этого не понимаешь. Все это важнѣе, чѣмъ ты думаешь. Мы должны знать, чего мы хотимъ.

— Мы должны быть справедливыми.

— Сколько тебѣ угодно, но справедливость надо понимать шире. Кто мы такіе, мы, на отвѣтственности которыхъ вся Англія, десятки сотенъ тысячъ людей? Насъ горсточка. Гдѣ мы будемъ и что будетъ со страной, если насъ заставитъ плясать по своей дудкѣ любой мужикъ, научившійся, какъ надо управлять пятой частью вселенной по подпольнымъ листкамъ? Мы дойдемъ до этого современемъ, начало уже положено этимъ приходскимъ броженіемъ. Мы сильны только своимъ престижемъ. Я, конечно, говорю не о томъ, что копѣечныя газетки называютъ «обществомъ». Я говорю о созданіи тысячелѣтій. Пока еще правительство существуетъ для народа, а не народъ руководитъ правительствомъ, при всемъ моемъ уваженіи къ законамъ о приходскихъ совѣтахъ.

Августа чувствовала горькое разочарованіе. Такъ вотъ каковы были осложненія той роли, которую она такъ охотно взяла на себя! Это была обратная, дѣловая сторона романическихъ феодальныхъ отношеній.

— О, Генри, здѣсь такъ нуженъ свѣжій воздухъ! Такъ не можетъ продолжаться.

— Однако, такъ продолжалось довольно долго.

— Да, слишкомъ долго, боюсь я. Мы все еще играемъ въ средніе вѣка, и даже безъ всякаго убѣжденія. Мы уже большія дѣти: намъ пора перемѣнить игрушки.

— Игрушки!

— Эти высоты поклоненія и почестей, глубину почтенія и подчиненія. Поможемъ народу почувствовать, что онъ тоже живетъ.

— Тебѣ какъ будто нравились эти игрушки, Августа, когда ты начала игру.

Упрекъ укололъ ее, такъ какъ въ немъ была правда. Не слишкомъ ли охотно взялась она за свою феодальную роль? Можно было такъ много сказать въ пользу отеческаго управленія, если только оно было настоящее. Герцогинѣ, конечно, было пріятно такъ думать, такъ какъ это давало ей случай играть роль земного провидѣнія— роль, любимую всѣми женщинами. Контрастъ съ тѣмъ, что она оставила за собой, былъ такъ утѣшителенъ. Какъ пріятно видѣть вокругъ себя людей, пріученныхъ къ тому, чтобы объ нихъ заботились, вмѣсто орды лѣсныхъ дикарей, единственное желаніе которыхъ— чтобы вы оставили ихъ въ покоѣ! Поэтому она была вполнѣ готова занять свое мѣсто въ Примрозъ-лигѣ, покровительствовать мѣстной благотворительности, быть матерью народа въ своемъ помѣстьѣ.

— Я никогда раньше не думала объ этомъ,—сказала она больше для себя, чѣмъ для него,

— Новая загадка, Августа?

— Что намъ дана власть не охранять, а мѣшать и вредить.

— Власть—обоюдоострая вещь, по моему. И знаешь, ты еще бо́льшая аристократка, чѣмъ мы, ты смотришь на власть съ такой стороны.

— Генри!

— Я говорю о твоемъ взглядѣ на запросы ума, воспитанія, характера.

— Ты ужасно любезенъ сегодня.

— Но оставь и намъ частичку, пожалуйста.

— Но...

— По крайней мѣрѣ, будь великодушна, если можешь.

— Я думаю, мы вѣчно будемъ стараться командовать людьми на этомъ скучномъ старомъ свѣтѣ. Но мы должны хоть пробовать быть справедливыми. Это такое жестокое, безсмысленное состязаніе.

— Объясни пожалуйста.

— Унаслѣдованное почтеніе — вѣнецъ установленій, почти вѣрноподданническій актъ! Жалкое и низкое деревенское воспитаніе женственности и мужества! Соціальная система — поклоненіе предкамъ и главное чужимъ предкамъ, въ большинствѣ случаевъ! Какая мелочность, Боже мой, какая мелочность! Все что угодно, только не это, пусть эти милліоны людей изо всей силы стараются разорвать свои оковы, даже если они не знаютъ зачѣмъ, это все-таки будетъ полезно для ихъ мускуловъ и нервовъ.

Онъ былъ сильно уязвленъ. Еще что! Авторитетъ долженъ поддерживаться, тѣмъ хуже для тѣхъ, кому надоѣла ихъ доля труда. Неужели ты думаешь, что гдѣ-нибудь на свѣтѣ можетъ быть по другому?

Она приняла вызовъ. А можетъ быть и есть такія страны, гдѣ обѣимъ сторонамъ предоставляется бороться сообразно съ ихъ силами, не призывая на помощь катехизиса.

— Безъ сомнѣнія, — отвѣчалъ онъ ей такимъ же иносказаніемъ: это лучшее и худшее изъ мѣстъ, гдѣ обѣ стороны, хорошая и дурная, борются изо всѣхъ своихъ силъ, а власти только остаются равнодушными зрителями. А можно ли съ увѣренностью сказать, которая сторона одолѣетъ?

— Развѣ въ этомъ можетъ быть малѣйшее сомнѣніе?

— Свободная борьба такого рода можетъ разнести насъ на куски. Если всѣ рождены для столкновеній, то всѣ рождены и для сопротивленія.

— Можно-ли губить человѣка только за то, что онъ былъ недостаточно почтителенъ!

— Если ты до этого дошла, то причина та, что онъ пожелалъ имѣть мозги!

— Это все-таки шагъ впередъ въ дѣлѣ управленія сословіями, хотя и весьма ничтожный шагъ. Придетъ день, думаю я, когда всѣ силы міра будутъ служить на защиту слабыхъ. Но, Генри, мы съ тобой препираемся, а гдѣ же въ это время Херіонъ?

Они оба засмѣялись.

Эта выходка помогла ему вновь пріобрѣсти хорошее расположеніе духа. Но любопытное въ этой маленькой стычкѣ было то, что чѣмъ больше онъ сопротивлялся, тѣмъ больше она настаивала, и чѣмъ больше она настаивала, тѣмъ сильнѣе онъ чувствовалъ всю прелесть этой настойчивости, вытекавшей изъ чувства собственнаго достоинства, которая покорила его сердце. Онъ уступилъ ей только въ одномъ.

— Я не всегда могу поступать такъ, какъ хотѣлъ бы. Да и кто могъ бы, на моемъ мѣстѣ.

Она сочувствовала ему, но не могла заставить себя сознаться въ этомъ. Она знала, что бываютъ времена, когда онъ также чуждъ личныхъ желаній и личной инициативы, какъ герой Багаваты. Его обязанностью, какъ покровителя части рода человѣческаго, было—любить то, что принято любить по строгимъ соціальнымъ условіямъ, и дѣлать то, что полагается дѣлать. Съ самаго своего замужества она была молчаливой, но сочувственной зрительницей испытаній своего ближняго, обреченнаго постоянно исполнять свой долгъ. Онъ былъ не только намѣстникомъ своего графства — по своему рожденію, богатству и положенію онъ не могъ этого избѣжать,—но онъ былъ еще командиромъ волонтеровъ и народной милиціи и почетнымъ мировымъ судьей. Онъ покровительствовалъ юстиціи, какъ покровительствовалъ военнымъ силамъ и какъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, покровительствовалъ церкви, такъ какъ въ его распоряженіи было назначеніе свя-

щенниковъ въ двадцати четырехъ приходахъ. Онъ посылалъ своихъ лошадей на скачки и скотъ на сельскохозяйственныя выставки и былъ ко всему этому болѣе чѣмъ равнодушенъ, потому что судьбѣ угодно было поставить его выше личныхъ вкусовъ и желаній. Онъ гордился тѣмъ, что никто не могъ бы сказать, какое его любимое дѣло, если бы даже и внимательно наблюдалъ за нимъ. Онъ покупалъ картины, статуи, рѣдкости, хотя ему до нихъ дѣла не было, изъ одной любезности къ искусствамъ. Когда его жена поняла это, она поняла также, какихъ громадныхъ усилій ему стоило разбить одно звено цѣпи, сковывавшей его, когда передъ лицомъ всего міра онъ сказалъ: «Я избралъ себѣ эту женщину».

Но онъ сказалъ это, и какъ она могла когда-либо забыть объ этомъ?

— Я все понимаю,—нѣжно сказала она,—и отдаю это дѣло въ твои руки.

Несмотря на всѣ свои требованія справедливости, она готова была уступить изъ любви въ томъ, въ чемъ ни за что не уступила бы изъ принципа. Теперь главное ея желаніе было — облегчить ему ту внутреннюю борьбу, которую она сама же вызвала въ его душѣ.

— Повидай этихъ бѣдныхъ старушекъ,—просила она.—Выслушай ихъ разсказъ. Если онъ удовлетворитъ тебя — предоставь мнѣ все остальное. Тебѣ не придется вмѣшиваться, ты можешь остаться въ сторонѣ.

Но теперь онъ, казалось, былъ еще больше затронутъ, чѣмъ она.

— Лучше постарайся разыскать молодыхъ и узнай все изъ первыхъ рукъ. Остальное—мое дѣло,—и онъ проводилъ ее до двери.

Августа торжествовала. Каковы бы ни были вообще требованія, но, къ счастью, чѣмъ больше жертва, тѣмъ чище радость. Веселыя религіи погибаютъ: вѣра, которая замѣняетъ ихъ, поступаетъ весьма мудро, призывая своихъ приверженцевъ къ мученическому подвигу.

Счастливъ тотъ народъ, женщины котораго никогда не боятся спрашивать!

Глава 24.

Въ поискахъ за различными свѣдѣніями, м-ръ Артуръ Гудингъ придумалъ изслѣдовать и изучить самое сердце земледѣльческой Англіи на моторѣ. Обыкновенно на подобное изученіе тратятся годы, но м-ръ Гудингъ торопился. Онъ былъ американецъ, а въ Америкѣ всѣ торопятся. Онъ намѣревался посвятить своимъ изслѣдованіямъ одинъ день.

Одинъ изъ плановъ Мери Лиддикотъ послужилъ ему предлогомъ для его путешествія. Мери приводила въ восторгъ его дѣятельный и наблюдательный умъ и постоянно возбуждала въ немъ чувство изумле-

нія. Все въ ней было для него такъ ново, и она, казалось, принадлежала къ тѣмъ людямъ, которые и въ шестьдесятъ лѣтъ сохраняютъ дѣтскую душу, отнюдь не впадая во второе дѣтство. Но когда такая дѣтская душа соединяется со здравымъ смысломъ, какъ было у Мери, то результатъ получается самый утѣшительный. Мери была дѣвушкой своего слова, прямой и честной, какъ квакерша. Иногда она бывала чрезвычайно остроумна, сама того не замѣчая, и если вы апплодировали ея эпиграммѣ, она говорила: «Неужели!», совершенно не понимая, чему вы радуетесь. Иногда она казалась намѣренно суровой, иногда просто безчувственной, но иногда вдругъ обласкаетъ васъ, какъ самаго лучшаго друга. Но вы ошиблись бы, если бы вообразили это. Просто вы доставили ей нѣсколько пріятныхъ минутъ, и она показывала это, какъ ребенокъ.

Мери и ея отецъ собирались въ Лондонъ. Иниціатива принадлежала сквайру. Онъ опять получилъ письмо отъ таинственнаго кредитора, м-ра Клода Вавасура, намекавшаго, что было бы благоразумнѣе лично разрѣшить денежныя затрудненія Тома Лиддикота. Такъ какъ капитанъ въ Южной Африкѣ сражался за родину, то тѣ, которые интересовались честью семьи, должны были считаться съ ея положеніемъ. Таково было впечатлѣніе, рожденное письмомъ м-ра Вавасура, который ограничивался только намеками и не позволилъ себѣ ни одного слова, которое можно было бы истолковать не въ его пользу. Однако, сквайра бросало то въ жаръ, то въ холодъ и, наконецъ, онъ принялъ геройское рѣшеніе встрѣтиться съ чудовищемъ въ его берлогѣ и такъ или иначе покончить это дѣло. Мери опасалась послѣдствій и старалась отговорить отца, но ея слова только укрѣпили его въ его рѣшеніи. Тогда Мери заявила, что поѣдетъ съ нимъ, такъ какъ ей нужно сдѣлать кое-какія покупки. Это была съ ея стороны политическая уловка, но такъ какъ сквайръ былъ такъ же безхитростенъ, какъ и она, то онъ этого не понялъ.

Тутъ-то и представился благопріятный случай для м-ра Гудинга. Онъ предложилъ встрѣтить ихъ въ городѣ и отвезти домой на своемъ моторѣ.

Мери была въ дикомъ восторгѣ, и протестъ сквайра былъ оставленъ безъ всякаго вниманія. Они отправились въ Лондонъ на поѣздѣ и было рѣшено, что на другое утро Артуръ встрѣтитъ ихъ и отвезетъ назадъ. И вотъ, рано утромъ въ назначенный день сквайръ стучалъ въ дверь конторы м-ра Вавасура, расположенной въ одномъ изъ старыхъ, не поддающихся описанію скверовъ Вестъ-Энда подъ защитой букингэмскаго дворца.

Мери, оставленная дожидаться на извозчикѣ, отъ души веселилась, наблюдая происходившія передъ ея глазами оживленныя сцены. Она съ удовольствіемъ думала о предстоящей поѣздкѣ, когда отецъ ея буквально вылетѣлъ изъ дверей, блѣдный, точно онъ встрѣтился съ

призракомъ, и за цѣлыхъ полчаса до назначеннаго Артуру времени. А за нимъ, тщетно стараясь церемонно проводить его, выскочилъ м-ръ Кнеби.

Теперь Мери, въ свою очередь, поблѣднѣла. Она вздрогнула, отвернулась и въ отвѣтъ на его низкій поклонъ небрежно кивнула куда-то въ сторону.

Но мгновенный взглядъ, брошенный на его лицо, показалъ ей его лучше, чѣмъ она когда-либо его видала. Во время ихъ прежнихъ случайныхъ встрѣчъ она совершенно не обращала на него вниманія. Теперь же она замѣтила, что онъ средняго роста и среднихъ лѣтъ, лысый и смуглый, какъ «иностранецъ», но одѣтъ хорошо, по-англійски, что, вѣроятно, было слѣдствіемъ его натурализаціи.

Полученное имъ впечатлѣніе было не менѣе поразительно. Онъ густо покраснѣлъ, бросилъ на дѣвушку восхищенный взглядъ, пробормоталъ что-то сквозь зубы, опять поклонился и исчезъ.

Поведеніе ихъ всѣхъ было таково, точно каждый изъ нихъ казался прочимъ выходцемъ съ того свѣта. Сквайръ поднялся наверхъ въ поискахъ за неопредѣленнымъ ростовщикомъ и наткнулся на ненавидимаго имъ сосѣда и владѣльца Гранджа. М-ръ Кнеби спустился внизъ, провожая его, и встрѣтилъ Мери, которая хотя и не походила на привидѣніе, но которую онъ никакъ не ожидалъ увидѣть. И Мери, въ свою очередь, была вовсе не подготовлена очутиться лицомъ къ лицу, и на такомъ близкомъ разстояніи, съ этой отвратительной личностью.

Старикъ бросился въ экипажъ и, ударивъ кулаками въ окошечко, прохрипѣлъ: «домой!»

— Отецъ,—замѣтила дѣвушка, — «домой» — это въ Лиддикотъ, а туда на извозчикѣ не доѣдешь.

И, въ отвѣтъ на ея новое приказаніе, кучеръ началъ потихоньку объѣзжать вокругъ сквера.

Что случилось, отецъ?

— Развѣ ты сама не видишь, Полли? Нашъ ростовщикъ—Кнеби, одна чертовская рожа въ двухъ личинахъ. Адскій ростовщикъ, владѣлецъ имѣнія между мною и герцогомъ! И Томъ въ его лапахъ!

— А онъ не сконфузился, когда ты сорвалъ съ него личину?

— Ни крошечки.

— Что ты сказалъ?

— Я сказалъ: «кто вы такой? Я желаю видѣть м-ра, какъ его тамъ?»

— И что же?

— «Это мое дѣловое имя», говоритъ онъ съ такой улыбочкой, что я готовъ былъ задушить его.

— А ты?

— Я сказалъ: «О!»

— Ну?

— Онъ сталъ играть своей цѣпочкой. Это, можетъ быть, пригодится ему, когда его въ цѣпяхъ вѣшать будутъ.

— Конечно, милый, но дальше?

— Видишь ли, дальше ничего не было.

— Отецъ, ты что-то отъ меня скрываешь.

— Что же мнѣ скрывать? Ну, онъ началъ плести какой-то вздоръ, отпускалъ приказчичьи любезности насчетъ дѣлъ Тома. Говорилъ, какъ лакей, который мѣста проситъ. Однако смыслъ, его словъ былъ: «что же вы думаете дѣлать?» Именно такъ.

— Не обращай вниманія, мы можемъ убить его нашимъ презрѣніемъ и тогда ему придется убраться изъ нашихъ мѣстъ.

— Много ему дѣла до нашего презрѣнія, дурочка. Если бы презрѣніе убивало, онъ уже давно лежалъ бы въ могилѣ. Полли, въ его глазахъ—власть...

— Нахальство, хочешь ты сказать, отецъ?

— Нѣтъ, не совсѣмъ такъ. Онъ нахаленъ въ деревнѣ, когда онъ обгоняетъ тебя въ своемъ экипажѣ съ ухмыляющимися ливрейными лакеями, но въ дѣлахъ онъ только потираетъ руки. Онъ обращался со мной, какъ съ покупателемъ, и былъ такъ любезенъ, точно я пришелъ покупать у него галстухъ. Полли, я ненавижу этого человѣка!

Мери думала, что она теперь знаетъ все, но она жестоко ошибалась. Онъ все-таки скрылъ отъ нея кое-что, и готовъ бы былъ скорѣе умереть, чѣмъ сказать ей это. Это былъ ни больше, ни меньше, какъ деликатный намекъ со стороны м-ра Кнеби, что все будетъ устроено, если владѣлецъ Лиддикотъ-Мэнора благосклонно отнесется къ намѣреніямъ ростовщика искать руки Мери. Какъ ни тонокъ былъ намекъ, онъ былъ достаточно ясенъ для обостренной чувствительности отца и увеличилъ его опасенія передъ грозившей его дому опасностью. Онъ вскочилъ съ невыразимымъ отвращеніемъ и вылетѣлъ изъ дверей, не сказавъ ни слова.

По правдѣ говоря, это свиданіе было для м-ра Кнеби единственнымъ удобнымъ случаемъ, и хотя оно застало его врасплохъ, онъ поспѣшилъ использовать его какъ можно лучше. Онъ вовсе не спѣшилъ оповѣстить, что Клодъ Вавасуръ и онъ—одно лицо, и надѣялся, что его сношенія со сквайромъ еще на нѣсколько времени ограничатся перепиской. Съ другой стороны, онъ отнесся вполнѣ равнодушно къ тому, что случайно былъ изобличенъ. Секретъ принадлежалъ капитану Лиддикоту, и хотя у него были особыя причины поддерживать его, онъ не имѣлъ ничего противъ того, чтобы онъ сдѣлался общимъ достояніемъ.

Однако, въ первый разъ въ жизни встрѣтившись лицомъ къ лицу со сквайромъ, Кнеби думалъ, что можетъ попытаться слегка открыть свои карты.

Онъ щедро давалъ въ долгъ расточительному сынку, почти безъ всякаго обезпеченія, и хорошо зналъ, что у него мало надежды получить свои деньги обратно. Но онъ готовъ былъ платить за свои удовольствія, и тяжелая школа, пройденная имъ съ дѣтства, говорила ему, что даже и эта прелестная дѣвушка можетъ быть куплена при помощи денегъ, мудро помѣщенныхъ, для предотвращенія паденія старой фамиліи. Онъ презиралъ ея отца. Его любезность, какъ и подозрѣвалъ старикъ, была профессіональная любезность торговца.

Въ деревнѣ онъ держался бариномъ и собирался командовать всѣми и всѣмъ, рано или поздно.

— Полли, Полли!—вздыхалъ сквайръ, пока ихъ кэбъ медленно двигался кругомъ сквера.—Онъ еще вотрется въ Аллонби, помяни мое слово! Это скопище—новый элементъ въ странѣ: тысячелѣтнее господство Лиддикотовъ приходитъ къ концу. Его контора вся увѣшана объявленіями торговъ, можно подумать, что полъ-Англіи продается. Что ты думаешь о такой насмѣшкѣ судьбы? «Сутерландъ, Шотландія. Продается частнымъ образомъ островное королевство Тилли. Зимняя охота. Прекрасныя мѣста для игры въ гольфъ» и такъ далѣе. Королевство! Самая подходящая покупка для какого-нибудь американца. А кстати, когда этотъ юнецъ долженъ явиться?

— Онъ уже здѣсь, отецъ. Вонъ его моторъ, на той сторонѣ сквера.

— Я не могу ѣхать съ нимъ сегодня. Мы вернемся съ поѣздомъ.

Мери сказала: «Хорошо!», но видъ у нея былъ самый несчастный. Этого было достаточно для ея отца. Черезъ пять минутъ они уже сидѣли на блестящемъ моторѣ со своимъ ручнымъ багажемъ,—остальное было отправлено по желѣзной дорогѣ, и пробирались черезъ лабиринтъ лондонскихъ улицъ къ проѣзжей дорогѣ.

Глава 25.

Артуръ видѣлъ, что что-то случилось, но не подчеркивалъ этого. Его хорошее воспитаніе никогда ему не измѣняло, и онъ ограничился короткимъ привѣтствіемъ, какъ и подобало въ данномъ случаѣ. Кромѣ того, онъ самъ былъ за механика и цѣлыхъ полчаса пользовался полнымъ преимуществомъ правила, что рулевой не долженъ позволять себѣ излишней болтовни. Однако, онъ не забылъ передъ отъѣздомъ позаботиться объ удобствахъ своихъ гостей, въ особенности дамы.

— Когда мы поѣдемъ въ этомъ направленіи,—говорилъ онъ Мери,— вѣтеръ будетъ жестокій.

И онъ давалъ массу практическихъ совѣтовъ относительно вуалей, пледовъ и прически. Его собственный костюмъ былъ простъ до крайности, и дѣвушка была очень благодарна ему, что онъ обходился безъ очковъ и безъ кожаной куртки. Сквайръ безмолвно позволилъ

закутать себя. Для нихъ обоихъ, и въ особенности для него, это было неиспытанное еще приключеніе, и онъ относился къ нему неодобрительно. Онъ могъ сказать, какъ старый Сэмъ Джонсонъ, когда при немъ говорили о возможности дѣлать больше десяти верстъ въ часъ: «Сэръ, это немыслимо, нельзя будетъ догнать». Но они объ этомъ забыли.

Лошадямъ на улицахъ Лондона новый способъ передвиженія, видимо, не нравился, и м-ръ Гудингъ, чтобы дать имъ время перемѣнить свое первое впечатлѣніе, пустилъ свой экипажъ потихоньку. Когда они достигли предмѣстій, онъ понемножку сталъ прибавлять ходу.

«О!» сказала Мери. «Уфъ!» сказалъ сквайръ. Земля, казалось, бросалась имъ навстрѣчу со злостнымъ намѣреніемъ нанести имъ сильное тѣлесное поврежденіе, но была съ силою отброшена назадъ. Деревни, башни, колокольни и встрѣчные люди проносились мимо. Лѣнивыя запряжки казались скакунами, рѣшившимися побить рекордъ. Даже полисмены на постахъ, казалось, находились въ вѣчномъ движеніи. Космическое движеніе становилось доступно уму въ первый разъ. Ни движеніе поѣзда, ни бѣшеный галопъ лошади не можетъ дать объ немъ представленія. Моторъ, кажется, посланъ съ неба тѣмъ изъ насъ, которые вѣрятъ въ постоянство и неподвижность вещей. Онъ даетъ гораздо лучшее представленіе о вращеніи земли, чѣмъ маятникъ на посыпанномъ пескомъ полу.

Для сѣдого старика это былъ конецъ старымъ, живописнымъ, лѣнивымъ путешествіямъ и начало новыхъ полетовъ черезъ мѣстности, будто освѣщенныя вспышками магнія. Быстро пролетѣли они Букингэмширъ, этотъ второй садъ Англіи. Почтенный Эльсбюри, этотъ памятникъ вѣковъ, промелькнулъ на мгновеніе. Башни и шпили Оксфорда, какъ они видны изъ Бисистера, показались и опять пропали. Первую четверть часа сквайръ былъ мраченъ; вторую—началъ проясняться, третью—сіялъ, какъ счастливое дитя. Всѣ заботы, съ Кнеби включительно, остались назади, вмѣстѣ съ городомъ и деревушками, а встрѣчный вѣтеръ, казалось, вливалъ свѣжесть и исцѣленіе въ его мозгъ и нервы. Да здравствуетъ новая дорожная жизнь! Скоро ли доктора будутъ прописывать ее, какъ лучшее лекарство противъ бóльшей половины нашихъ недуговъ?

Мери не смѣла признаться даже самой себѣ въ своихъ восторгахъ. Она выглядѣла даже серьезной отъ счастья. Бѣдная дѣвочка! Она вступала въ тотъ возрастъ, когда мы начинаемъ отдавать себѣ отчетъ въ полнотѣ и торжествѣ наслѣдственныхъ ощущеній, врожденныхъ намъ.

Но и у нея были свои сомнѣнія, внушенныя, быть можетъ, аскетическими уроками м-ра Боскомба, столь чуждыми ея натурѣ. Хорошо ли чувствовать такую радость жизни? Она боялась этого быстраго полета въ пространствѣ, какъ иногда боялась звуковъ органа и тор-

жественнаго псалма, что они унесутъ ее на высоту самонадѣянности, которую, въ одинъ прекрасный день, можно будетъ измѣрить только глубиною духовнаго паденія. Развѣ не нужно зорко слѣдить за этимъ восторгомъ физическаго бытія, слѣдить и сломить его прежде, чѣмъ онъ сдѣлаетъ ее рабыней ея чувствъ? Можетъ быть, безразсудно сознавать свою власть надъ разными подобными вещами въ этомъ мірѣ?

— Слишкомъ быстро для васъ? - заботливо освѣдомился м-ръ Гудингъ. Онъ зналъ, что ѣдетъ слишкомъ быстро и нарушаетъ этимъ постановленіе закона. У него была очень твердая рука; невозможно найти ему лучшаго оправданія. Онъ рисковалъ штрафомъ, какъ многіе наѣздники рискуютъ головой, но онъ просто не могъ противостоять искушенію дать ей пережить пріятное волненіе.

— Нѣтъ, слишкомъ отважно,—и быстрымъ движеніемъ руки она остановила его попытку замедлить ходъ.

— Вы, можетъ быть, жалѣете, что еще живы?—спросилъ онъ, пристально глядя впередъ.

— Нѣтъ, только я жалѣю, что не жалѣю объ этомъ. Я...—вѣтеръ унесъ остальное.

Послѣ этого она почти не говорила, но усилившійся румянецъ на нѣжныхъ щечкахъ, огонь въ ея взглядѣ дѣлали слова излишними.

Въ Отрашфордѣ-на-Эвалѣ отецъ съ дочерью должны были остановиться и пересѣсть на поѣздъ, чтобы доѣхать до Лиддикота. Сквайръ разсыпался въ благодарностяхъ, а Мери только пожала юношѣ руку и прошептала: «Уже!» Это могло сойти за молитву Аполлону, чтобы онъ еще разъ прокатилъ ее въ своей солнечной колесницѣ.

Глава 26.

М-ру Гудингу тоже пришлось остановиться, чтобы запастись керосиномъ и кое-что пригнать въ машинѣ, что должно было задержать его на полчаса. Но это было совершенно противъ его воли. Онъ, конечно, не задавался мыслью осмотрѣть всю среднюю Англію въ одинъ день, но онъ хотѣлъ только, послѣ бѣглаго осмотра, выбрать, что изучать, не теперь, а позже, черезъ мѣсяцъ и можетъ быть черезъ годъ. Это былъ его способъ смотрѣть на карту. Онъ желалъ собственными глазами познакомиться съ топографіей страны, которую онъ уже зналъ такъ хорошо по книжкамъ. А для такого знакомства не хватило бы никакого времени. Церковь, извивающаяся рѣчка, старинный мостъ, широкая, ласковая равнина, которую гроза погружаетъ въ ужасъ, а пробившійся сквозь тучи солнечный лучъ снова пробуждаетъ для надежды и радости—что они такое, какъ не намеки на тайну всеобъемлемости генія, котораго никто изъ насъ никогда не будетъ въ состояніи понять? Отсюда возникла, безъ дальнѣйшей по-

мощи природы, пещера «Цимбеллина», нависшія скалы «Лира»—утесы Довера, легендарный, волшебный лѣсъ «Сна въ лѣтнюю ночь».

И теперь, какъ триста лѣтъ тому назадъ, здѣсь есть на что посмотрѣть тому, кто умѣетъ смотрѣть. Вотъ плутовка «Одри», кажущаяся бѣлой точкой среди надвигающагося сумрака, гонитъ домой неуклюжихъ коровъ. Покорныя животныя, рога которыхъ въ ярости могутъ натворить не мало бѣдъ, тоскливо мычатъ оттого, что крошкадѣвочка прутикомъ преграждаетъ имъ дорогу. Парень, занятый починкою шоссе, небрежно подносящій руку къ шляпѣ, точно привѣтствуя все человѣчество вообще,—«Костардъ», для котораго настали тяжелые дни. Другого, въ современномъ темно-синемъ мундирѣ, торжественно потребовавшаго отъ м-ра Гудинга его имя и адресъ, хотя его машина явилась чинно съ такою скоростью, которая разрѣшена закономъ, было также не трудно признать.

— А я могу васъ назвать, не спрашивая вашего имени,—получилъ онъ въ отвѣтъ.—Вы блаженной памяти констэбль Делль и вы служили Фердинанду, королю наваррскому.

— Ладно, насмѣшникъ,—отвѣчалъ ему полицейскій,—меня не проведешь.—Неизмѣнная Англія! Нигдѣ, кромѣ развѣ королевства наваррскаго, полицейскій не относится такъ отечески къ нарушителю закона; положимъ, онъ смотритъ на него съ высоты своего величія, но всегда готовъ признаться, что было время, когда и ему все земное было не чуждо. Данный полисменъ не обнажилъ меча, не грозилъ дубиной, онъ просто сдѣлалъ замѣтку въ своей записной книжкѣ и продолжалъ свой обходъ.

Впередъ, опять впередъ! Восьмимильный пробѣгъ по безподобной дорогѣ, до величественной крѣпости, возвышающейся на могучихъ скалахъ; длинный рядъ укрѣпленій и башенъ, сверкающія окна, таинственно скрытыя въ тѣни амбразуры для пушекъ, флагъ на высокомъ флагштокѣ, нѣкогда господствовавшій надъ всей страной, а теперь лишь господствующій надъ пейзажемъ—Уорвикъ. Еще пять миль—и новыя башни, красныя на солнцѣ, несмотря на разрушенія вѣковъ, и охватывающія пространство, ровное цѣлому городу—Кенильвортъ. Еще немного дальше—въ небо уходятъ три стройныхъ шпиля и тридцать разъ три фабрачныя трубы—это Ковентри. Старые дома съ острыми крышами окружены новыми складами; трамваи бѣгутъ по узкимъ, извилистымъ улицамъ; телеграфные провода скрещиваются надъ головой. Такова Англія—прошлое и настоящее крѣпко переплетаются между собою, новая поросль на старыхъ заплатахъ. Моторъ ползетъ по узкому лабиринту улицъ, затѣмъ снова летитъ стрѣлой и пролетаетъ грязную деревню рудокоповъ. Это страна Джорджа Эліотъ. Поворотъ дороги—Гриферъ, тихая, уютная усадебка, пріютившаяся въ лощинѣ. Подъемъ, еще поворотъ—укрѣпленный замокъ—Шеверель-Мэноръ изъ «Любовной исторіи м-ра Джильфиля». Дальше Чильверъ-

Коттонъ, Ненитонъ—мечта подростающихъ дѣвочекъ. А еще черезъ нѣсколько времени—Ашби-де-ла Зушъ, мѣсто заточенія Маріи Стюартъ, мѣсто дѣйствія Айвенго. Дальше все новыя и новыя знакомыя мѣста. М-ръ Гудингъ въ состояніи посвятить различнымъ воспоминаніямъ около четверти часа, такъ какъ необходимо остановиться и налить моторъ керосиномъ. Но этихъ четверти часа едва хватаетъ, такъ много здѣсь воспоминаній. По этой дорогѣ нѣкогда шли легіоны, въ особенности легіоны, набранные въ Испаніи, смуглыя лица и огненные глаза которыхъ возродились въ мѣстныхъ крестьянахъ. Инстонъ здѣсь рядомъ, рукой подать, Инстонъ со своимъ кореннымъ британскимъ населеніемъ, быстроглазымъ, черноволосымъ, сотканнымъ изъ нервовъ: это одно изъ племенъ, чудомъ уцѣлѣвшихъ отъ истребленія завоевателей.

Длинный поворотъ направо—ошибка со стороны м-ра Гудинга—и появляется Оллертонъ—начало различныхъ герцогствъ. Вы можете покрыть ихъ всѣ шляпой, но это должна быть широкополая квакерская шляпа стариннаго фасона. Домъ управляющаго, обнесенный зубчатой стѣной для важности, и мирный ручей, густо обсаженной по берегамъ вербами и кустарникомъ, сквозь которые блеститъ вода. Вотъ Торсби-Паркъ, тоже герцогское гнѣздо, теперь принадлежащее графу, и въ нѣкоторомъ разстояніи виднѣется замокъ—кучка современныхъ строеній, смягченныхъ голубой дымкой и гармонично выдѣляющихся на фонѣ лѣса. Дома рабочихъ—просто игрушечка, вообще это—Аркадія. Вверхъ по холмамъ и внизъ по долинамъ дорога пропадаетъ за горизонтомъ. Но терпѣніе! Вотъ и Клемберъ. Чудный густой лѣсъ съ оленями, папоротники доходятъ до груди. На просѣкѣ старая гостинница съ гербами и девизомъ «фамиліи» на вывѣскѣ. «Loyante'n'a houte», на лету читаетъ м-ръ Гудингъ и замѣчаетъ въ числѣ украшеній вывѣски орденъ подвязки.

Вдоль дороги тянется рѣшетка усадьбы, а вотъ и домъ виднѣется между деревьями: итальянскій стиль, почти что вчерашняя постройка, домъ насчитываетъ едва полтора столѣтія. Опять длинная рѣшетка, ворота, чудесная аллея стриженныхъ липъ, не уступающихъ липамъ Аллонби. Паркъ конченъ, вотъ ворота изъ потемнѣвшихъ отъ погоды камней, а дальше дорога въ Уельбекъ. По временамъ встрѣчаются рабочіе, то тамъ, то здѣсь попадается на встрѣчу егерь, великанъ съ сѣдой бородой и краснымъ носомъ. Но встрѣчные рѣдки, деревни еще рѣже. Это малонаселенная мѣстность, десятки миль еще ждутъ своихъ поселенцевъ.

Наконецъ, показывается Уельбекъ, величественный, массивный, безконечный, подобно Аллонби, представляющій изъ себя государство въ государствѣ, а Англія лежитъ отъ него въ сторонѣ.

Теперь появляется Уорксонъ-Мэноръ, герцогство только изъ любезности, такъ какъ онъ когда-то принадлежалъ герцогу.

Покинувъ заколдованный кругъ, м-ръ Гудингъ летитъ къ Чотсуорту, хотя его машина начинаетъ требовать отдыха. Но онъ не слушаетъ ея и понуждаетъ ее къ новому бѣгу, и она несетъ его къ новымъ мѣстностямъ, къ городу Дисъ на самой границѣ каменноугольнаго района, окруженному высокими трубами, извергающими пламя среди бѣла дня и клубы пара, высоко поднимающіеся къ небу. Грязные, немытые рабочіе встрѣчаются на дорогѣ, это дневная смѣна возвращается домой, въ то время какъ ночная, еще чистая и пахнущая мыломъ, погружается глубоко, глубоко подъ землю—вѣчный круговоротъ труда, чтобы прокормить могущественное владѣніе наверху. Это герцогскіе рудники, и ихъ грязь и чернота быстро забываются подъ впечатлѣніемъ красоты долины, ведущей къ послѣднему изъ большихъ имѣній въ спискѣ. Дикіе торфяники, угрюмыя ущелья, холмы, поросшіе лиловымъ верескомъ, сквозь который кое-гдѣ проглядываетъ пятнами зеленая трава, сѣрые первобытные камни, густо поросшіе безсмертными мхами; нависшія скалы съ вершинами, покрытыми деревьями; потоки, черезъ которые переброшены грубые мосты, живописныя деревни, однимъ словомъ самая волшебная красота, какую можетъ представить себѣ воображеніе, вознаграждаютъ насъ за мрачную долину, которую мы только что покинули. Деревенская гостинница «Подъ Девонширскимъ гербомъ» говоритъ намъ, въ какой странѣ мы находимся. Потомъ показывается паркъ, мирный, какъ райскій садъ, съ пестрыми ланями, которыя съ удивленіемъ смотрятъ на нарушителя ихъ спокойствія и поспѣшно скрываются въ чащѣ деревьевъ. Наконецъ, открывается Чотсуартъ, величественное строеніе, полускрытое густыми деревьями, съ рѣкою, протекающею мимо его фасада. Запоздавшему путнику некогда останавливаться. День уже склоняется къ вечеру, а еще многіе дома отдѣляютъ его отъ того мѣста, гдѣ онъ по телеграфу заказалъ себѣ комнаты. Поэтому онъ еще увеличиваетъ скорость и летитъ навстрѣчу ужину и постели, и только его сверкающіе фонари да верстовые столбы указываютъ ему дорогу. Но этого очень мало для человѣка, который не знаетъ ее. Темнота усиливается: начинается великое безмолвіе и пространство многихъ миль безъ единаго встрѣчнаго. Къ довершенію несчастья, машина отказывается работать, и Артуру приходится провозиться цѣлый часъ безъ всякаго результата. Наконецъ она снова начинается двигаться, но очень медленно, точно лишь вслѣдствіе собственнаго желанія дотащиться до отдыха и ночлега.

А тутъ новое горе. По глухому, мягкому звуку колесъ м-ръ Гудингъ замѣчаетъ, что онъ сбился съ дороги. Онъ быстро соскакиваетъ и убѣждается, что онъ ѣдетъ по травѣ, по широкой просѣкѣ, которая будто ведетъ въ заколдованный лѣсъ. Очевидно, онъ сбился съ пути, и, желая обратить на себя вниманіе, онъ начинаетъ трубить въ свой рожокъ, совершенно охрипшій отъ цѣлаго дня ра-

боты, и испускаетъ свой воинственный школьный призывъ. Это совершенно неизвѣстное въ шервудскихъ лѣсахъ выраженіе чувствъ вызываетъ сочувствіе въ однихъ только кроликахъ, которые дикими прыжками разсыпаются во всѣ стороны отъ освѣщеннаго фонарями пространства. Такая же участь постигаетъ второй и третій призывы, но въ отвѣтъ на послѣднее усиліе раздается вдали отвѣтный крикъ и на опушкѣ лѣса показывается огонекъ. При болѣе пристальномъ наблюденіи вырисовывается довольно фантастическая фигура человѣка, перешедшаго за предѣлъ среднихъ лѣтъ, который размахиваетъ фонаремъ, стоя на подножкѣ крытой повозки.

— Гдѣ я?

— Въ шервудскомъ лѣсу.

— На родинѣ Робина Гуда?

— А гдѣ же вамъ быть, если вы ожидали отвѣта на свой призывный рогъ?

— Скажите мнѣ, пожалуйста, гдѣ дорога въ Эдвинстоу?

— Нечего и думать теперь ѣхать дальше, вѣдь скоро полночь; если вы не боитесь неудобствъ, вы можете переночевать здѣсь.

— Гдѣ?

— Въ желтомъ фургонѣ.

Глава 27.

Когда человѣкъ обладаетъ аппетитомъ людоѣда, то онъ естественно не расположенъ къ длиннымъ разговорамъ. Черезъ нѣсколько минутъ м-ръ Гудингъ уже уничтожалъ самый плотный ужинъ, какой можно было приготовить въ фургонѣ, а хозяинъ его смотрѣлъ на него.

Ужинъ былъ не плохъ. Въ маленькой кладовой фургона оказались и мясные консервы съ пикулями, и ломоть языка, и краюшка черинаго хлѣба, и бутылка портера. Висячая лампа скудно освѣщала и гостя, и хозяина. Фургонъ стоялъ въ глубокой тѣни, и со стороны они представляли недурную картинку; ихъ полоска свѣта казалась еще уютнѣе отъ окружавшаго мрака.

На этотъ разъ это былъ другой лекторъ. Ему можно было дать лѣтъ шестьдесятъ пять. Выдающіяся скулы, круглая голова, умный, острый взглядъ узенькихъ, какъ щелочки, глазъ, круглые завитки волосъ, все въ немъ изобличало человѣка-борца, привыкшаго дѣйствовать и словомъ, и кулакомъ. Однако, этого послѣдняго теперь бояться было нечего. Наблюдая за своимъ гостемъ, онъ казался въ самомъ лучшемъ настроеніи.

— Мое имя Редмондъ, если желаете знать. Джекъ Редмондъ, старина Редмондъ.

— Представлюсь впослѣдствіи, — съ полнымъ ртомъ отвѣчалъ путникъ, накладывая себѣ новую порцію говядины.

*

— Вы мнѣ по душѣ,—продолжалъ хозяинъ.—Не жалѣйте его, хотя онъ и землякъ вашъ. И съ языкомъ тоже не церемоньтесь, а потомъ я васъ персиками угощу. Мы въ этой странѣ совсѣмъ забыли, чѣмъ надо питаться. Все ваши земляки.

Прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ м-ръ Гудингъ отвѣтилъ:

— Почемъ вы знаете, что это мои земляки?

— Ужъ очень старательно вы всѣ слова выговариваете.

— Ну, теперь я поѣду дальше,—сказалъ м-ръ Гудингъ, вставая и набивая трубку.

— Не совѣтую; вы не найдете дороги, и я слишкомъ усталъ, чтобы васъ проводить. Останьтесь, вы очень меня этимъ обяжете, и мы съ вами пропустимъ рюмочку.

Артуръ оглянулся кругомъ.

— О, у меня есть запасная спальня,—не безъ гордости замѣтилъ его хозяинъ,—и я васъ устрою въ двѣ минуты, если вы только захватите свой плэдъ.

— Ладно,—засмѣялся м-ръ Гудингъ безъ малѣйшаго протеста. И онъ вышелъ, чтобы прикрыть свою машину легкимъ брезентомъ.

— Хотите спать?—освѣдомился Редмондъ.

— Ни капельки. Я теперь могу просидѣть всю ночь, болтать, кататься, что вамъ угодно.

— Давайте болтать. Мнѣ за цѣлый день не удалось ни съ кѣмъ словечкомъ перекинуться.

— Вашъ фургонъ—старый знакомый. Только я васъ раньше не видалъ.

— Да я не настоящій его хозяинъ. Тотъ боленъ. Я больше изъ любви къ искусству работаю, а иногда за кампанію. Я думалъ, что вы какой-нибудь беззаботный бродяга и мы бы славно кутнули, чтобы убить время.

— Мнѣ очень жаль, что я разочаровалъ васъ.

— Ничего, насколько я могу судить, вы славный парень, хотя и бродяги—теплые ребята. Господи! чего только они ни видятъ, а молчать умѣютъ! Книгу бы написать можно было. Только надо умѣть найти ихъ. Бьюсь объ закладъ, что я найду двухъ-трехъ въ ямѣ при дорогѣ, недалеко отсюда. У нихъ тамъ преуютно, и они всегда оставляютъ коробокъ спичекъ и кое-что съѣстное для слѣдующаго, который придетъ. А «графскій констэбль», не прогнѣвайтесь, всегда будетъ въ дуракахъ. Славное это житье лѣтомъ!

Трубки были закурены и на столѣ появилась бутылочка. Артуръ спокойно курилъ и чувствовалъ себя очень хорошо. Деревья, вѣтки которыхъ чуть шевелились при легкомъ вѣтеркѣ, очевидно, были въ такомъ же настроеніи. Кругомъ было полное безмолвіе, точно свѣтъ лампы нагналъ ужасъ и заставилъ замолчать все живое.

— Шервудскій лѣсъ, такъ, кажется, вы сказали,—задумчиво прошепталъ молодой человѣкъ.

Старикъ не торопился отвѣтомъ. Въ подобной обстановкѣ торопливость, видимо, была неумѣстна.

„Гей, веселый Робинъ“,

замѣтилъ онъ наконецъ.

„Гой, веселый Робинъ,
Гей, веселый Робинъ Гудъ!“

торжественно подхватилъ м-ръ Гудингъ.

— Милый мальчикъ! Такъ вы знаете это,—закричалъ Редмондъ, вскакивая съ мѣста, чтобы выхватить съ книжной полки карманное изданіе «Балладъ».

— Отчего же нѣтъ?—спросилъ Гудингъ.

— Давайте по очереди читать стихи?—съ волненіемъ предложилъ старикъ.—Подумать только, что вы съ той стороны океана!

— Отчего же нѣтъ?—опять повторилъ тотъ.—И я сидѣлъ за столомъ добрыхъ людей.

— Только подумайте! Вѣдь это моя библія—Робинъ, который всю свою жизнь стоялъ на сторонѣ слабыхъ противъ сильныхъ! Сильный человѣкъ на сторонѣ справедливости.

„Онъ покланялся всѣмъ женщинамъ“,

сказалъ гость.

— Вашу руку,—сказалъ хозяинъ,—откуда бы вы ни пріѣхали.

„Онъ былъ хорошій изгнанникъ
И дѣлалъ бѣднякамъ много добра“.

— Бѣднякъ противъ богачей, пахарь противъ лордовъ.

„Но онъ никогда не трогалъ того,
Кто ходилъ за своимъ плугомъ“.

— Робинъ первый вступился за насъ послѣ долгой ночи. Это протестъ противъ жестокихъ лѣсныхъ законовъ, тѣхъ лѣсныхъ законовъ, которые довели нашу веселую Англію до ея теперешняго положенія. Начинайте же, начинайте, чортъ васъ возьми! Сегодня для меня счастливая ночка!

„Гей, веселый Робинъ!“

повторилъ м-ръ Гудингъ.

— Истинная правда, юноша. Въ этотъ вся суть. Веселый Робинъ. Смѣйся и работай дубинкой! Весело смотри, не теряй бодрости! А вотъ я этого не могу, я падаю духомъ и злюсь. Но тотъ былъ герой, а я только человѣкъ.

— Но вы тоже скитаетесь по зеленымъ лѣсамъ?

„Онъ слушалъ тамъ веселую пѣсенку
Разныхъ мелкихъ пташекъ“.

— И молодецъ же вы, право! — воскликнулъ восхищенный старикъ.—Еще капельку?

— Благодарю. Мой самый любимый напитокъ — свѣжій воздухъ, если вы ничего противъ этого не имѣете.

— Робинъ—вѣдь онъ равенъ Шекспиру, онъ выше него, потому что онъ пѣлъ своими подвигами. Вы все можете найти въ этой маленькой книжечкѣ. Онъ былъ мудрый врачъ, прислушивающійся къ біенію сердца міра. Вспомните, какъ онъ сдѣлался мясникомъ и разбилъ стачку, понизивъ цѣны?

„Онъ продавалъ на грошъ больше мяса,
Чѣмъ другіе на три гроша".

— Веселье и радость на сторонѣ голоднаго человѣка. Да, это была веселая Англія, когда бѣдняки умѣли смѣяться. Здѣсь бо́льшая часть—аллегорія, только нужно умѣть ее понять. Битва съ великанами—ничего подобнаго не было, это битва съ монополистами. А когда самый большой пришелъ,

„Онъ срубилъ ему голову съ плечъ,
И она покатилась на землю,
Сердито ворча на Робина Гуда
За то, что онъ это сдѣлалъ".

Развѣ это не похоже на нихъ, они всегда недовольны

— Немножко какъ будто преувеличено, — сказалъ м-ръ Гудингъ.

— Ладно, ладно! Какъ бы тамъ ни было, онъ стоялъ на нашей сторонѣ, а намъ нуженъ защитникъ. Кто за насъ стоитъ теперь? Чуть заработаетъ народъ денежки, смотришь, ужъ милліонеръ ихъ и прикарманилъ. И каждый разъ такъ. Однимъ взмахомъ руки, какъ фокусникъ. Господи, когда же это кончится? Я часто спрашиваю себя, чѣмъ все это кончится?

— Не волнуйтесь, — сказалъ м-ръ Гудингъ, выколачивая трубку передъ тѣмъ, какъ снова набить ее.

— Это все равно, что сказать «надѣйтесь на Провидѣніе». Можетъ, вы и правы. Можетъ быть, тутъ вовсе не въ борцахъ дѣло и все само собою уладится съ теченіемъ времени, пойдетъ все хуже и хуже, пока не станетъ лучше. Это ростокъ, и мы должны дать ему вырасти. Пусть онъ дастъ цвѣтокъ, ядовитый или другой какой, и пусть завянетъ, какъ самъ хочетъ. Охота за долларомъ, захватъ земли—можетъ, въ этомъ надежда. Такъ не можетъ продолжаться вѣчно. Имъ скоро опротивѣетъ ихъ собственная нечистая дѣятельность. Славная это исторія про одного изъ самыхъ знаменитыхъ вашихъ янки, она не поразила васъ? Когда онъ нажилъ больше, чѣмъ зналъ, куда дѣвать, онъ попробовалъ облегчиться немножко, чтобы вздохнуть свободнѣе, и рѣшилъ попутешествовать. Экстренный поѣздъ, и на каждой станціи нарочно отдѣланные аппартаменты, спеціальный локомотивъ привезли, чтобы прокатить его по Европѣ; проводники, курьеры, переводчики и чортъ знаетъ что. Наконецъ, привезли его въ Амстердамъ и стали ему картины показывать. Онъ потерпѣлъ съ

полчаса, да и улизнулъ на биржу и въ полчаса нажилъ пятьдесятъ тысячъ.

— Перстъ судьбы!—замѣтилъ м-ръ Гудингъ.

— Нѣтъ, только тайный зудъ. Повѣрьте мнѣ, интересный случай для врачей. Мы доживемъ до того, что они перервутъ другъ другу горло, и человѣчество опять получитъ свое. Вы никогда не видѣли пожирающей зависти въ глазахъ «пяти милліоновъ», когда «шесть милліоновъ» глядитъ на него, какъ на уличную грязь? Онъ не можетъ выносить мысли быть въ одной комнатѣ съ тѣми, которые оказались удачливѣе его въ этихъ проклятыхъ дѣлахъ. Тоже своя градація! Пять милліоновъ—ничтожество для шести и проклятіе для четырехъ и такъ далѣе, пока вы не дойдете до существъ, живущихъ въ грязи. На дняхъ я стоялъ у дверей моднаго ресторана и наблюдалъ, когда два человѣка съ улицы старались заглянуть сквозь красныя занавѣски, какъ пировала тамъ какая-то компанія. Даю вамъ слово, я ждалъ, что одинъ изъ нихъ распрострется на землѣ и поклонится имъ. Однако, чтобы быть справедливымъ, долженъ сознаться, что другой ругался.

— Они сами получатъ такой же обѣдъ и весь міръ въ придачу, когда созрѣютъ для этого,—сказалъ м-ръ Гудингъ,—но ни минутой раньше. Скажите имъ, чтобы они торопились пить свое пиво. Въ этомъ значеніе Америки.

— О,—застоналъ старикъ, — мы всѣ такъ однажды думали. Но есть ли на свѣтѣ существо, болѣе сознательно униженное, чѣмъ американскій бѣднякъ? Я былъ тамъ и видѣлъ его походку паріи и опущенные глаза.

— Пусть вашъ кофе устоится, и гуща осядетъ. Вы должно быть порядочно постранствовали?

— Вездѣ былъ, особенно въ вашей странѣ, на тихоокеанскомъ побережьи, но васъ тогда еще на свѣтѣ не было, потомъ на островахъ, въ Австраліи. Боже, Боже, какъ великъ міръ!

— И все-таки вездѣ одно и то же? А?—спросилъ м-ръ Гудингъ.

— Вѣрно, чортъ возьми, и самая мудрая мысль, которая можетъ придти вамъ въ голову при рожденіи, это: «какъ бы отсюда выбраться поскорѣе». Право, бюро похоронныхъ процессій—единственное разумное учрежденіе.

— Спойте что-нибудь,—попросилъ м-ръ Гудингъ.

— Что же вы хотите? «Англія подъ гору катится»? Я слышалъ, какъ это пѣлъ самъ композиторъ въ канавѣ, въ одной изъ трущобъ.

— Какая дивная ночь!—замѣтилъ гость.

Ночь, дѣйствительно, была дивная. Во всѣ стороны подъ сверкающимъ звѣздами небомъ тянулись длинныя просѣки. Одна изъ аллей кончалась чѣмъ-то въ родѣ амфитеатра, чудеснымъ мѣстомъ, гдѣ могла держать совѣтъ шайка изгнанниковъ. Тамъ и здѣсь ложились черныя

тѣни, въ которыхъ такъ удобно скрываться, и гдѣ, безъ сомнѣнія, скрываются всѣ обитатели лѣса, десятью тысячами глазъ наблюдая за льющимся изъ фургона свѣтомъ.

— Какъ вамъ угодно,—сказалъ Редмондъ.—Что новенькаго?

— О, я только бросилъ мимолетный взглядъ на самое сердце Англіи. Что же можно требовать отъ туриста?

— Отъ американскаго туриста.

— Отъ самыхъ звѣздъ, сказалъ бы я. Что онѣ могутъ разсмотрѣть, разъ земной шаръ вертится.

— Вотъ потому-то вѣрно онѣ ни во что не вмѣшиваются. Ну, а каково ваше впечатлѣніе?

— Красивые виды!

— Ба! Вы, праздные люди, не умѣете смотрѣть на пейзажъ. Вы самой чертовщины не видите. Если бы вы только знали! Вы бы увидали въ деревняхъ подъ ихъ жирной улыбкой всѣ ихъ маленькія мерзости. Тетка Шиптонъ хороша, а тетка Куикли еще хуже. Да и чему тутъ удивляться? У нихъ такъ мало дѣла, даже для самыхъ лѣнивыхъ рукъ. И поэтому они во всемъ походятъ на сильныхъ міра сего. Не городъ ихъ развращаетъ. Они развращаютъ города, внося въ нихъ свои пороки, свою бѣдность, свою слабость, потому что имъ нѣтъ выхода, нѣтъ производительнаго труда дома. Славную цѣну приходится намъ платить за ваши оранжерейныя «красоты Англіи и Уэльса», когда все сельское населеніе—рекруты въ трущобную армію. Мы стоимъ бо̀льшаго, какъ только служить развлеченіемъ для американскаго туриста.

Онъ бросилъ свой балаганный тонъ и страстно воскликнулъ:

— Взгляните на меня: я разорился, обрабатывая землю, а, вѣдь, я работалъ всю жизнь, какъ каторжникъ. Кто убилъ веселаго Робина? Сказать вамъ? Англійская поземельная система. Я—живой примѣръ того, что честный землѣдѣлецъ, убивающійся на работѣ, не можетъ прокормить себя, потому что праздный землевладѣлецъ слишкомъ многаго отъ него требуетъ. Насъ побилъ иностранецъ, который работаетъ для себя на своемъ собственномъ клочкѣ земли. Однѣ рабочія руки не могутъ доставить всей этой грѣшной роскоши землевладѣльцу и его дворянину-арендатору. Но если ты не захочешь, то на твое мѣсто найдутся сотни, бьющіяся изъ-за черствой корки. Возьми ее или не бери—твое дѣло; если не хочешь—такъ убирайся въ лондонскія помойныя ямы. Ты не можешь жить и работать, плодиться и множиться безъ разрѣшенія твоихъ господъ, а они не даютъ тебѣ этого разрѣшенія. Имъ нужна твоя земля для ихъ увеселительныхъ садовъ, а доходы свои они получаютъ изъ другихъ мѣстъ. Сельская Англія дохнетъ отъ тѣсноты. Вездѣ разложеніе, и это по волѣ свыше. Попробуй стать человѣкомъ и увидишь, что они живо уберутъ тебя

изъ своихъ мѣстъ. Почему ваши американскiе города растутъ какъ грибы въ одинъ день на мѣстѣ деревянной хижины? Потому что каждый человѣкъ свободенъ дѣлать, что онъ хочетъ. Въ Англiи нѣтъ ни одной деревушки, которую не давилъ бы «благородный домъ». Вотъ это и было на умѣ у вашего историка Мотлея, когда онъ говорилъ объ ужасной цѣнѣ, которую англiйскiй народъ платитъ за парки, замки, рыбныя ловли и охоты на лисицъ своей «блестящей аристократiи». Но однако,--прибавилъ онъ съ горькой насмѣшкой надъ самимъ собою,—стоитъ ли говорить? Маленькiй фургонъ, который ѣздитъ взадъ и впередъ, чтобы свидѣтельствовать объ этомъ, серьезно относится къ дѣлу, но все это—только безумiе. Феодальной системѣ до этого нѣтъ дѣла. А феодальная система жива и сильна даже въ наше новѣйшее время. Ибо смыслъ этой проклятой штуки,—что одинъ человѣкъ есть собственность другого человѣка, и что первая его забота, когда онъ выростетъ, отыскать подобнаго себѣ человѣка, стать передъ нимъ на колѣни и, вложивъ свою руку въ его руки, сказать: возьми меня и владѣй мною. Старый порядокъ переходилъ отъ человѣка къ человѣку, пока не достигъ высшей своей силы. Онъ совершененъ въ наши дни, когда дѣло идетъ о мужикѣ и фермерѣ, фермерѣ и лордѣ, но все дѣло портится, когда самъ благородный лордъ попадаетъ въ лапы ростовщика или кафе-шантанной богини. А теперь, юноша, пора спать. Я усталъ, да и вамъ, послѣ вашей прогулки, вѣрно спать хочется. Я выставлю посуду на улицу и уберу ее утромъ. Помогите ка мнѣ подвинуть этотъ ящикъ. Благодарю. Вотъ вамъ постель, на крышкѣ, выньте только тюфякъ. А я лягу на другомъ тюфякѣ и покроюсь моимъ старымъ солдатскимъ плащемъ. Опустите занавѣску. Вотъ у васъ и отдѣльная комната. Берегите голову, тамъ полки съ книгами, и не перебейте посуду, когда будете снимать сюртукъ.

— Разбудите меня,—сказалъ м-ръ Гудингъ,—мнѣ надо встать пораньше, чтобы почистить машину.

— Какъ хотите. Спокойной ночи, прiятныхъ сновъ,—и въ ту же минуту онъ заснулъ.

На другое утро ласковая рука разбудила молодого человѣка на разсвѣтѣ, когда шервудскiй лѣсъ былъ въ полной красѣ.

Туалетъ его былъ несложенъ, но онъ цѣлый часъ провозился со своимъ экипажемъ.

Машина, казалось, была не въ духѣ и отъ вчерашней тяжелой работы нажила себѣ ревматизмъ. Къ счастью, у него былъ хорошiй запасъ топлива.

Но, наконецъ, все было въ порядкѣ, и Редмондъ помогъ своему гостю столкнуть ее съ мягкой земли и добраться до твердой дороги.

— Прощайте, счастливаго пути.

Они разстались, и молодой человѣкъ помчался къ завтраку и ваннѣ, въ лѣсной гостинницѣ, которую онъ не нашелъ наканунѣ, во время своихъ ночныхъ странствованій.

Его ждала телеграмма. «Ты мнѣ нуженъ». Она была подписана: «Августа»,—и этого было достаточно, чтобы положить конецъ его странствованію.

Глава 28.

Получивъ телеграмму Августы, Артуръ отправился прямо въ Аллонби.

Въ повелительномъ ея тонѣ была для него особая прелесть—прелесть старшей сестры и женщины. Хотя между ними разница лѣтъ была незначительная, это посланіе вернуло его къ прежнимъ годамъ, когда онъ видѣлъ въ сестрѣ свою защитницу и руководительницу.

Онъ нашелъ ее взволнованной, но съ какимъ-то особымъ сіяніемъ надежды и увѣренности.

— Артуръ, я хочу, чтобы ты досталъ мнѣ со дна моря кольцо, нѣтъ, два кольца.

— Отлично, значитъ, лишній шансъ на успѣхъ.

— Ты слыхалъ отъ меня про Херіоновъ?

— Я про нихъ все знаю.

— Но, вѣдь, ты никогда ихъ не видалъ!

— Я и Александра Македонскаго никогда не видалъ.

— Не дури, Артуръ. Видишь ли, они исчезли въ Лондонѣ, а я хочу, чтобы они вернулись въ Аллонби сейчасъ же.

— Только-то?

— Но это доставитъ удовольствіе твоей старшей сестричкѣ. Мнѣ кажется, ты не такой внимательный, какъ прежде.

— Почему?

— Ты еще не уѣхалъ.

— Сейчасъ уѣду. А ты все такая же неблагоразумная.

— Я заставлю Мери попросить тебя.

— Не говори вздору, Августа. Не знаешь ли ты, когда уходитъ слѣдующій поѣздъ?

Это было отвѣтственное порученіе, и онъ сознавалъ это, въ то время какъ экспрессъ летѣлъ впередъ, равномѣрно покачивая его, какъ птица грифъ моряка Синдбада. Какъ найти слѣды исчезнувшихъ въ огромномъ Лондонѣ, этомъ пріютѣ всѣхъ безъ вѣсти пропавшихъ? Поѣздъ влетѣлъ въ громадный вокзалъ въ то время, какъ мѣстные поѣзда, нагруженные дѣловыми людьми, покончившими дневныя занятія, разбѣгались въ разныя стороны. Городъ ежедневно наполняется и опорожняется отъ предмѣстій къ центру и обратно. Это движеніе похоже на приливъ въ Диналѣ, такъ стремительно несущійся на бе-

регъ, что онъ грозитъ потопить ребятишекъ, собирающихъ камешки. А можетъ быть въ числѣ этихъ неизвѣстныхъ пассажировъ были и Роза съ Джорджемъ?

На другое утро возникъ роковой вопросъ—съ чего начать? Для его руководства у него былъ только конвертъ отъ возвращеннаго письма съ адресомъ ихъ послѣдней извѣстной квартиры и со штемпелемъ—«выбыли». Съ этой квартиры онъ рѣшилъ начать свои поиски. Это былъ странный кварталъ, восхитительно мрачный въ новѣйшихъ своихъ частяхъ, полный нѣжныхъ и трогательныхъ воспоминаній прошлаго въ уцѣлѣвшихъ старинныхъ улицахъ. Здѣсь еще стоитъ церковь, хотя и перестроенная, о которой упоминаетъ Чосеръ, а у церкви старинная могила ребенка, попавшаго въ рай благодаря «милосердію, съ которымъ природа-мать во-время уложила его въ вѣчную колыбель». А рядомъ, суровая и голая, пріютилась приходская школа, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ не такъ давно, еще на нашей памяти, когда мы въ дѣтствѣ жили въ этомъ кварталѣ, стоялъ старый охотничій домикъ Іакова I, съ росписными потолками и глубокими каминами. Право, ломъ въ рукахъ членовъ приходскаго управленія—самое убійственное изъ всѣхъ орудій преступленія.

Квартира находилась въ одной изъ узенькихъ улицъ, дерзко занявшихъ мѣсто стариннаго сада. Хозяйка, мегера отъ корыта, отвѣчала на разспросы м-ра Гудинга тупымъ взглядомъ, въ которомъ смѣшивались подозрѣніе, почтеніе и равнодушіе.

— Херіонъ,—повторилъ еще разъ молодой человѣкъ.

— Еррингъ, что ли?—размышляла она.

— Ну, Еррингъ, если хотите.

— Молодой парень, рослый такой, и жена-красотка? Деревенскіе?

— Они самые.

— Задолжали мнѣ тринадцать шиллинговъ.

— Я заплачу.

Она сейчасъ же протянула руку и когда получила деньги, то очень любезно сказала:

— Вѣдь они здѣсь больше не живутъ.

— Ахъ, что вы мнѣ говорите!

— Видите ли, все шло хорошо, пока онъ не потерялъ работу въ докахъ, а тогда они задолжали за квартиру. И я, конечно не могла...

— Кто же васъ винитъ? Вѣдь вы не хозяйка, а золото. Но они-то куда дѣвались?

— Не съумѣю сказать вамъ, баринъ.

— А кто же могъ бы сказать мнѣ?

— Былъ тутъ одинъ человѣкъ, тоже деревенскій, дворникомъ при складѣ въ Бороу, Джуббъ по имени.

— Складъ или дворникъ?

— Не могу вамъ сказать.

Джуббъ былъ разысканъ и оказался владѣльцемъ склада. И черезъ нѣсколько времени дворникъ былъ также разысканъ и подвергнутъ допросу въ своемъ собственномъ домѣ.

Дворникъ былъ очень сообщителенъ, но пользы отъ него было мало. И онъ, и его жена были тѣми плевелами, которые феодальная система выбрасываетъ въ города. Благодаря счастливой случайности они попали въ трещину мостовой и могли пустить тамъ корни. Онъ былъ тихъ и спокоенъ, какъ человѣкъ, пораженный ужасомъ отъ собственной удачи, но снѣдаемый тоскою по родной деревнѣ. Артуру пришлось вынести цѣлый потокъ воспоминаній въ надеждѣ получить хоть какое-нибудь полезное указаніе.

— Первый разъ въ жизни я Лондонъ увидалъ, когда разъ на праздники сюда пріѣхалъ. Ужъ такъ я сперва перепугался, зашелъ въ трактиръ, чтобы дорогу спросить. Переночевалъ въ трактирѣ, да на утро скорѣе домой. Немного я видѣлъ, да зато домой во время попалъ.

Это была его первая попытка покутить, и онъ ею вполнѣ удовлетворился.

— Я и теперь его не лучше знаю, баринъ, хотя пять лѣтъ ужъ здѣсь прожилъ. Мѣсто у меня есть, и мнѣ больше ничего не нужно. День-деньской я картошку нагружаю и разгружаю, а когда вечеромъ подмету складъ, такъ иду домой ужинать.

Бо̀льшаго онъ не требовалъ. Его жизнь въ деревнѣ была долгой подготовкой къ смерти заживо. Впродолженіи долгихъ годовъ онъ каждый день поздно вечеромъ шагалъ въ темнотѣ по грязнымъ дорогамъ къ своей сырой хижинѣ, освѣщенной грошевымъ огаркомъ и къ скудному ужину изъ намазаннаго жидкимъ жиромъ черстваго хлѣба, поданному и съѣденному въ молчаніи лишенной всякаго интереса жизни. Да и объ чемъ было говорить? Ничего не случилось и ничего не случится. Молчаливость его жены происходила не отъ сквернаго характера, а отъ неподвижности ума. Молчаніе только изрѣдка прерывалось полубезсознательнымъ стономъ больного ребенка. Сегодня было какъ вчера, завтра будетъ какъ сегодня. Горя у него не было, но, что гораздо хуже, не было радостей. Сознаніе этой пустоты существованія и гонитъ въ городскія трущобы обитателей сельскихъ хижинъ. Кабакъ, по крайней мѣрѣ, маленькій задатокъ въ счетъ будущихъ благъ, а мужикъ уже почти пересталъ вѣрить въ блаженство будущей жизни, за неимѣніемъ доказательствъ.

Дворникъ устоялъ противъ этого утѣшенія, такъ какъ у него не было достаточно темперамента для порока. Городъ для него былъ такъ же скученъ, какъ и деревня. Однако, онъ жилъ по правиламъ, какъ всѣ должны жить, хотя бы они и не могли дать имъ названія. Это были правила безцѣльности сопротивленія пагубнымъ силамъ міра сего.

— Мы все про себя держимъ,—говорилъ онъ м-ру Гудингу въ видѣ извиненія, что онъ не знаетъ о судьбѣ Херіоновъ.—Мы ничего никому не говоримъ, такъ на свѣтѣ легче жить. Никогда мнѣ не приходилось видѣть, чтобы болтовня до добра доводила. И господа этого не любятъ. Они только тотъ шумъ любятъ, что сами заводятъ. Держись смирненько,—такъ, баринъ?—такъ ты и въ могилѣ не соскучишься. Кто много возится, тому и умирать не захочется. Сдается мнѣ, что отъ болтовни и Херіону все горе приключилось, такъ я слыхалъ.

— Можетъ быть, только какъ же намъ дѣло поправить, если вы не можете указать его слѣдъ?

Жена задумчиво нахмурила лобъ.—Женщина здѣсь одна есть, такъ, не стоющая баба, помогала ей, какъ у нея ребенокъ родился. Такъ мнѣ сказывали. Вдругъ это приключилось, когда они отсюда ушли.

— Вы не думайте, что я тороплюсь,—сказалъ Артуръ, усаживаясь.— У меня времени много.

— М-ссъ Патчъ ее звали, если только она правда замужняя.

— А если бы вы чуточку поторопились, ради шутки,—сказалъ юноша.

— А жила она въ домѣ Батлей, что около Лаймхауза. Такъ я слыхала.

— Благодарю васъ. Я былъ увѣренъ, что вы все знаете,—сказалъ онъ, всовывая ей въ руку полкроны.

— Ушла хмель собирать,—сказали Артуру въ вышеупомянутомъ домѣ, но слѣдъ былъ еще такъ горячъ, что Батлей безъ всякаго усилія памяти могъ назвать ту кентскую деревню, гдѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ можно было найти м-ссъ Патчъ.

Глава 29.

Въ ту же ночь—таковы совершенства желѣзныхъ дорогъ и превратности судьбы при поискахъ,—м-ръ Гудингъ сидѣлъ у костра въ графствѣ Кентъ. Его собесѣдниками были странствующіе сборщики хмеля, покончившіе съ дневными трудами и засидѣвшіеся за выпивкой до поздней ночи.

Это была пестрая компанія: подонки городовъ и деревень вмѣстѣ съ вполнѣ порядочными людьми, собиравшими хмель для своего удовольствія, и соединявшіе при этомъ пріятное съ полезнымъ, такъ какъ они пользовались деревенскимъ воздухомъ и зарабатывали еще деньги.

Женщина, которую Артуръ разыскивалъ, тоже была тутъ. Она сидѣла немного въ сторонѣ отъ другихъ, жестоко затягиваясь трубкой и тупо глядя въ пространство. Пламя костра освѣщало ея суровое лицо, рано состарившееся и прорѣзанное морщинами, на которое заботы и тяжелый трудъ положили свою печать. Она была такъ

грязна и одѣта въ такія грязныя лохмотья, что казалась вылѣпленной изъ земли, такъ что возникало опасеніе, что она размокнетъ и обратится въ грязь послѣ перваго хорошаго дождика. На ногахъ у нея были башмаки, не уступавшіе въ крѣпости лошадинымъ подковамъ и подкованные громадными гвоздями, которые блестѣли при огнѣ на подошвахъ ея вытянутыхъ ногъ.

М-ръ Гудингъ попробовалъ ее разспрашивать, но она ворчала въ отвѣтъ что-то совершенно непонятное, пока деньги не развязали ей языкъ. Тогда она стала нѣсколько любезнѣе, но это еще мало значило.

— Да, я ихъ хорошо знаю.

Щегольской костюмъ ея собесѣдника видимо произвелъ на нее впечатлѣніе, также какъ и на всѣхъ прочихъ. Они молча сидѣли всѣ кругомъ и подозрительно и недоброжелательно смотрѣли на «барина».

Прибытіе «мужика» м-ссъ Патчъ съ кувшиномъ пива было желаннымъ отвлеченіемъ. Онъ представлялъ полную противоположность ей, маленькій, хитрый, зоркій и болтливый; однако, сначала и онъ былъ скупъ на слова, не желая продешевить своихъ свѣдѣній. Для нея его приходъ былъ видимымъ облегченіемъ отъ трудностей разговора и она снова погрузилась въ молчаніе и затянулась трубкой.

— Да, мы ихъ довольно знавали,—повторилъ и онъ.—Вы, баринъ, въ настоящее мѣсто попали.

— А гдѣ же они?

— Постойте, и до этого дойдемъ. Я съ вашимъ пріятелемъ вмѣстѣ въ докахъ работалъ. Я его вотъ такъ близко видѣлъ, какъ васъ вижу. Лютъ былъ работать.

— Да, да.

— Потомъ мы оба безъ работы остались; работа, баринъ, не всегда бываетъ,—тутъ я его на время изъ виду потерялъ. Правду сказать, они передо мной да вотъ передъ моей бабой носъ задирали. Но сами знаете, то да се, тамъ ребенокъ явился, тутъ ужъ разбирать не приходится. Такъ вѣдь?

— Очень ужъ вы копаетесь, говорите скорѣе,—сказалъ м-ръ Гудингъ.

— Тутъ мы съ нимъ опять встрѣтились, баринъ. И гдѣ, какъ бы вы думали? Никогда не догадаетесь.

— Я и пробовать не буду.

— Ну, я пошутилъ. А что бы вы думали онъ дѣлалъ? Истинная правда!

— Управлялъ англійскимъ банкомъ?

— Нѣтъ, сэръ, только у самаго банка въ разносъ торговалъ всякой всячиной, запонками, гребенками, зубочистками. Выходитъ, что онъ и прежде этимъ дѣломъ занимался. Вотъ чѣмъ англичанамъ жить приходится, баринъ, если они не иностранцы. А теперь проклятые иностранцы и эту торговлю у насъ перебиваютъ.

— Очень жаль, но... Было отъ чего сбѣситься!

— Никогда добра не будетъ,—прохрипѣлъ кто-то изъ толпы,—пока всю эту сволочь изъ страны не вытурятъ. Я портной и знаю, какъ они хлѣбъ отбиваютъ. А вы говорите—религія.

— Я ничего не говорю, сказалъ м-ръ Гудингъ.

— Ну, а если бы говорили, такъ увидѣли бы сами, что всемогущій Господь гораздо больше о нѣмцахъ заботится, чѣмъ о своихъ собственныхъ землякахъ.

— А коли вы ихъ выгоните, такъ глазомъ моргнуть не успѣете, какъ они вамъ динамиту подложатъ и вы на воздухъ взлетите,—вмѣшалась въ разговоръ приличная на видъ женщина въ большой шали.

— А вы летали, барынька?—спросилъ кто-то.

Ее подняли на смѣхъ и весь эффектъ ея словъ пропалъ.

— Что до этого,—подхватилъ опять портной,—такъ всегда обѣ стороны виноваты.

Общее настроеніе было испорчено. Женщина въ томъ раскаивалась.

— Видите ли, англичане любятъ повеселиться,—сказалъ вертлявый человѣчекъ, желая придать разговору другое направленіе.—Такая ужъ у нихъ природа. «Веселые англичане!» Слыхали вы, что такъ говорятъ? А эти иностранные бродяги не любятъ веселья. Пьютъ уксусъ—своими глазами видѣлъ!—и спятъ на той же полкѣ, гдѣ бутылка съ уксусомъ стоитъ. Такой ужъ у нихъ обычай. Они не ходятъ въ театръ по вечерамъ, не любятъ выпить стаканчикъ въ компаніи, какъ мы теперь. А вѣдь это самое меня и въ городъ привело: что на улицахъ свѣтло.

— Не въ иностранцахъ дѣло,—сказалъ портной.—Виноваты богачи, все равно, откуда они ни берутся. Всѣ деньги со всего свѣта имъ въ карманы падаютъ. Хотите полюбоваться—прогуляйтесь по Вестъ-Энду. По этой дорожкѣ денежки гуляютъ. Бывали ли на Бондъ-Стритѣ въ хорошій вечеръ пріятель?

— Нѣтъ, не въ моемъ это вкусѣ.

— А любопытно посмотрѣть. Всѣ окна въ огняхъ; кофейни, какъ дворцы Аладина, а прислуживаютъ все барышни со шлейфами. Когда мнѣ больше дѣлать нечего, я смотрю въ окна. А ювелирные магазины! Камни тамъ такъ и горятъ, просто глазамъ больно! А всякія мелочи! Не по пенни за штуку! Карандаши и перья въ оправѣ изъ чистаго золота, даже перья золотыя. Господи Боже, вѣдь это жестоко! Они не знаютъ, что имъ съ деньгами дѣлать. Говорятъ, что къ намъ сюда нѣмцы придутъ и зададутъ намъ хорошую трепку. И по дѣломъ намъ будетъ!

На душѣ у Артура было тяжело. Онъ ничего не узналъ. Они или ничего не знали, или не хотѣли сказать. У него кровь стыла при видѣ этой нищеты. Онъ былъ такъ увѣренъ, что жизнь даетъ всѣмъ

благопріятный случай, всѣмъ безъ исключенія, а пессимизмъ этихъ несчастныхъ говорилъ, что это ложь. Онъ мечталъ быть великимъ финансистомъ, мечталъ о міровыхъ планахъ, которые вмѣстѣ съ нимъ возвеличатъ весь человѣческій родъ. Но эти люди были тоже частью человѣческаго рода. Въ концѣ концовъ, кого, кромѣ самого себя, можетъ онъ возвысить. Такъ вотъ результатъ вѣковой погони за наживой, результатъ принципа, что благо одного есть общее благо? Онъ переплылъ океанъ въ надеждѣ на случай, благодаря которому опредѣлится его выборъ карьеры. Богатые люди, люди съ положеніемъ въ его родной странѣ, вѣрившіе въ него, готовы были на новое завоеваніе Англіи, Европы, если онъ или подобные ему покажутъ имъ путь. Для него это завоеваніе не имѣло привлекательности, если оно не должно было принести пользы. Онъ хотѣлъ стать богатымъ человѣкомъ, чтобы быть человѣкомъ полезнымъ. Но гдѣ же увѣренность въ этой пользѣ, послѣ только что полученнаго имъ страшнаго нагляднаго урока? Ему начинало казаться, что всякая форма общественной жизни—вѣчное рабство, подъ разными видами, но причемъ масса всегда находится въ положеніи, худшемъ, чѣмъ положеніе собаки. Что видѣлъ онъ, простой туристъ, смотрящій на все широко открытыми глазами? Страну, которая сама не можетъ прокормить своего населенія; систему соревнованія, исходнымъ пунктомъ которой является голодъ и нищета; ужасающую бѣдность и рядомъ чрезмѣрное богатство. Сотни тысячъ людей, лишенныхъ самыхъ первыхъ жизненныхъ потребностей, постели, одежды, корки хлѣба, безъ чего ни одинъ святой не можетъ мечтать о святости, мудрецъ о притчѣ, рабочій о молотѣ, писатель о перѣ.

Становилось холодно при мысли, что послѣ вѣковъ прочной и непрерывной цивилизаціи, никто не додумался до того, какъ обезпечить каждому пищу три раза въ день и чистую рубашку. А предполагалось, что этимъ постоянно занимались всѣ мудрецы, всѣ государственные мужи, всѣ представители церкви! Гдѣ-нибудь вѣрно было какое-нибудь упущеніе. А еще хуже было сознаніе грызущаго сомнѣнія, что и онъ, и всѣ его драгоцѣнные труды, какъ будущаго вождя промышленности, пожалуй только ухудшатъ положеніе. Онъ ненавидѣлъ соціализмъ, также какъ и все прочее, кончающееся тѣмъ же слогомъ. Онъ былъ такъ увѣренъ, что «штаты» открыли тайну неограниченной свободы и неограниченной борьбы, наградой которой является богатство. Но что за чудовищные результаты были передъ его глазами въ этой старой странѣ!

Онъ всталъ, собираясь уйти, и вздрогнулъ отъ ночной сырости. Вертлявый человѣчекъ, не спускавшій съ него своихъ узкихъ, какъ щелочки, глазъ, понялъ, что если его «баба» желаетъ заслужить уже полученную монету, то ей нужно торопиться.

— Я слыхалъ, что въ нихъ принялъ участіе кто-то изъ миссіоне-

ровъ, что ли. Я самъ съ ними не знаюсь.—Онъ кивнулъ головою женщинѣ, точно приглашая ее говорить—Вотъ она знаетъ.

Она продолжала курить.

Тогда онъ выругалъ ее.

— Трудно тебѣ, что ли, ротъ раскрыть да сказать барину? Небось денежки-то отъ него взяла!

Артуръ взглянулъ на нее. Несмотря на ея ужасный видъ, она все-таки была женщина.

— Не говорите съ ней такъ грубо.

Она съ такимъ изумленіемъ посмотрѣла на него, точно онъ прилетѣлъ съ другой планеты, и пробормотала:

— Тамъ внизу лавка жареной рыбы, Попларъ-Родъ, на углу закладчикъ. «Община христіанской надежды». Можетъ, тамъ знаютъ.

Женщина-миссіонерка, спрошенная на слѣдующее утро, только покачала головой.—Боюсь, Херіоны совсѣмъ пропали. Бываетъ такой моментъ, когда люди достигаютъ самой глубины несчастья, и тогда они гибнутъ. Всѣ мы совершенно безполезны въ этихъ трущобахъ, хотя многіе изъ насъ не хотятъ въ этомъ признаться. Даже армія спасенія, эта поденщица церкви, и та терпитъ здѣсь неудачи. Я хорошо знала м-съ Херіонъ, это такая спокойная, работящая женщина и такая хорошенькая; по своему гордая, какъ герцогиня, несмотря на скромность. Для такихъ, какъ она, никогда не бываетъ довольно работы. Только если заработокъ повышается, такъ и цѣны за квартиру повышаются. Всегда найдется кто-нибудь, хозяинъ или работодатель, готовый сорвать каждый лишній грошъ. Если бы вы имъ даромъ дали квартиру, сейчасъ и заработокъ ихъ падетъ, такъ что имъ едва на пищу хватать будетъ. Херіоны скопили немножко, пока у него была работа, но болѣзнь ея и безработица выбили ихъ изъ колеи. А тамъ пошло все хуже и хуже. Плата за квартиру была выше ихъ силъ. Чѣмъ тѣснѣе живется, тѣмъ дороже квартиры. Въ нашемъ кварталѣ берутъ «грошъ за ключъ», премію за право на освободившуюся конуру. Что дѣлать въ Лондонѣ со всѣми этими неудачниками? Почему мы не можемъ придумать, какъ задерживать ихъ въ деревняхъ? Какъ могутъ они пробиться со своими ничтожными познаніями? Если хотите, пойдемте со мною, навѣстимъ нашихъ бѣдняковъ; это все очень порядочные люди. Можетъ быть, кто-нибудь изъ нихъ будетъ въ состояніи сказать вамъ болѣе, чѣмъ я. Роза всегда старалась сходиться съ лучшими изъ нихъ.

Онъ пошелъ съ нею, хотя безъ всякой надежды. Полная несостоятельность лекарства помочь болѣзни лишала всякаго мужества. Очевидно и миссіонеры не знали, какъ за нее взяться. Мягкіе настоятели, которые воодушевляли ихъ къ ихъ дѣятельности, едва ли упоминали при своихъ слушателяхъ о самой сущности вещей, т.-е. о религіи экономическихъ отношеній. Они молчали не изъ угодливости,

а по убѣжденію, а также по политическихъ соображеніямъ. Если бы они слишкомъ усердно принялись проводить ученіе, что каждый имѣетъ право разбогатѣть настолько, насколько ему это удастся, то къ кому могла бы благотворительность обращаться за щедрой милостыней?

Нѣсколько старухъ влачили жалкое существованіе подъ покровительствомъ спутницы Артура. Конечно, это было лучше, чѣмъ ничего, но въ общемъ... Одна изъ нихъ спросила м-ра Гудинга, не знаетъ ли онъ самаго короткаго изреченія изъ библіи. Оказалось, что онъ зналъ и сказалъ ей. Тогда она предложила ему прековарный вопросъ: какое слово стоитъ по самой серединѣ библіи? Онъ сознался въ своемъ невѣжествѣ и тогда она съ торжествомъ назвала его, упомянувъ, что ей стоило шестимѣсячнаго труда, чтобы сосчитать всѣ слова и найти его.

Когда они шли назадъ, на лицѣ его спутницы было ясно выражено смущеніе.

— Когда вы видѣли Херіоновъ въ послѣдній разъ?—спросилъ онъ.

— Джорджъ уходилъ искать работы. Роза лежала больная въ постели, въ своей унылой комнатѣ, такая тихая и покорная, съ ребеночкомъ, который увидѣлъ свѣтъ въ грязной трущобѣ. Мышь, ободренная этой мертвой тишиной, грызла корку въ комнатѣ и даже не пошевелилась, когда я вошла.

— Кто отдаетъ эти трущобы?

— Какіе-то спекуляторы.

— А кому онѣ принадлежали?

— Кажется, герцогу Аллонби.

Артуръ въ ту же ночь уѣхалъ изъ города, чтобы дать отчетъ сестрѣ въ своихъ безслѣдныхъ поискахъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ ИЗЪ ПРОШЛАГО И НАСТОЯЩАГО ЯПОНІИ.

(*Окончаніе* *).

Современное положеніе Японіи.

I.

Въ началѣ прошлаго вѣка, какъ мы уже упоминали, русскому капитану Головнину пришлось прожить два года невольнымъ гостемъ въ Японіи. Василій Михайловичъ Головнинъ былъ человѣкъ незауряднаго ума, тонкой наблюдательности, одаренный въ высшей степени чувствомъ справедливости. Несмотря на тяжелыя условія, въ какихъ ему пришлось провести эти два года, онъ составилъ о Японіи книгу, не потерявшую интереса и до сихъ поръ, хотя, къ сожалѣнію, основательно забытую у насъ. Въ ней можно найти больше глубокихъ мыслей и вѣрныхъ замѣчаній, чѣмъ въ современныхъ запискахъ разныхъ туристовъ, наблюдающихъ страну изъ оконъ вагоновъ и составляющихъ свои мнѣнія на основаніи разговоровъ съ кельнерами и дженерикшами. Въ то время какъ всѣ, не только въ Россіи, но и въ Европѣ, считали Японію варварской азіатской страной, В. Головнинъ писалъ:

«Что касается до народнаго просвѣщенія въ Японіи, то, сравнивая массою одинъ цѣлый народъ съ другимъ, по моему мнѣнію, японцы самый просвѣщенный народъ во всей подсолнечной. Въ Японіи нѣтъ человѣка, который бы не умѣлъ читать и писать и не зналъ законовъ своего отечества. Правда, у насъ болѣе наукъ и художествъ, у насъ есть люди, которые съ неба звѣзды хватаютъ, а у нихъ нѣтъ! Но затѣмъ на одного такого звѣздочета мы имѣемъ тысячу, которые, такъ сказать, трехъ перечесть не умѣютъ... Если же вообще взять народъ, то японцы имѣютъ лучшее понятіе о вещахъ, нежели нижній классъ людей въ Европѣ» **).

---

*) См. „Міръ Божій“, № 9, сентябрь 1904 г.

**) „Записки Василія Михайловича Головнина въ плѣну у японцевъ въ 1811, 1812 и 1813 годахъ“. Съ посвященіемъ Его Императорскому Величеству Николаю Павловичу. Вышло въ 1827 г. Посмертное изданіе, Спб., 1851 г.

Если бы эти слова не были такъ досконально забыты, намъ не пришлось бы, можетъ быть, такъ изумляться и недоумѣвать по поводу гигантскаго скачка сдѣланнаго Японіей чуть не на нашихъ глазахъ, а «Новому Времени» не нужно было бы тратить столько пороха, чтобъ отстоять европейскую цивилизацію отъ покушеній «желтолицыхъ варваровъ» и «макакъ». Повидимому, уже сто лѣтъ тому назадъ они не представляли опасности для цивилизаціи. Мало того, В. М. Головнинъ, писалъ въ 1812 году: «Если надъ симъ многочисленнымъ, живымъ, тонкимъ, переимчивымъ, терпѣливымъ, трудолюбивымъ и ко всему способнымъ народомъ будетъ царствовать государь, подобный великому нашему Петру, то съ пособіями и сокровищами, которыя Японія имѣетъ въ нѣдрахъ своихъ, онъ приведетъ ее въ состояніе черезъ малое число лѣтъ владычествовать надъ всѣмъ Восточнымъ Океаномъ» *). Слово «владычествовать» здѣсь употреблено, конечно, въ смыслѣ «первенствовать». И далѣе Головнинъ прибавляетъ, что «это можетъ произойти даже и безъ особеннаго генія, каковымъ былъ нашъ Петръ, но силою и теченіемъ обстоятельствъ».

Трудно повѣрить даже, что слова эти были написаны задолго до того, какъ дѣйствительность съ буквальной точностью осуществила ихъ на дѣлѣ.

Теперь переходъ этотъ совершился, Японіи пожалованъ титулъ цивилизованнаго государства, и никто, не оспариваетъ его у нея. Но и тутъ оказались недовольные. Прежде Японію упрекали въ варварствѣ и дикости, теперь поднимаются голоса, упрекающіе ее за измѣну своему прошлому, т.-е. за отказъ отъ этого самаго варварства. Что внутри самой Японіи находятся элементы, недовольные новымъ порядкомъ вещей,—это неудивительно. Вездѣ есть свои совы, которыя чувствуютъ себя хорошо только во мракѣ и ненавидятъ наступающій день. Гораздо страннѣе, что за границами Японіи, въ цивилизованной Европѣ есть восторженные поклонники старой Японіи, проливающіе слезы о томъ, что она постепенно отходитъ въ вѣчность. Самымъ знаменитымъ пѣвцомъ этой старой Японіи является прославленный авторъ поэтическихъ очерковъ Японіи Лафкадіо Гирнъ **), красиво оплакивающій прелестныя ширмочки, садочки и улыбки исчезающей Японіи. Мы видѣли въ общихъ чертахъ, каковы были условія жизни въ этой поэтической старой Японіи. Быть можетъ, эти ширмочки и садочки дѣйствительно были прелестны, но едва ли многіе могли наслаждаться ими.

И пусть ея новый строй, оформленый конституціей 1889 года, имѣетъ еще въ себѣ очень много существенныхъ недостатковъ, но

---

*) Ib., книга 3, стт. 19.

**) Отрывки изъ его книги „The Glimpses of Japan“ были помѣщены въ 1895 г. въ „М. Б.“ ст. „Неизвѣстная Японія“—Де-Вариньи, окт.

его главное и неотъемлемое достоинство заключается въ томъ, что онъ въ себѣ самомъ носитъ возможность улучшенія, залогъ дальнѣйшаго мирнаго развитія страны.

2.

Проектъ японской конституціи былъ выработанъ въ окончательной формѣ маркизомъ Ито. Изучивъ предварительно конституціонный строй различныхъ европейскихъ государствъ, маркизъ Ито заимствовалъ оттуда тѣ формы конституціоннаго режима, которыя казались ему наиболѣе соотвѣтствующими потребностямъ его страны въ данный моментъ. Ему казалось, что вся масса населенія въ Японіи не достигла еще того гражданскаго уровня, который дѣлаетъ возможнымъ передать всецѣло управленіе страной въ руки народа. Для настоящаго момента онъ считалъ возможнымъ допустить участіе населенія въ дѣлахъ управленія лишь въ очень ограниченной степени. Вслѣдствіе этого, японская конституція въ самыхъ основныхъ чертахъ значительно отстаетъ отъ большинства европейскихъ конституцій.

Японская конституція установила окончательно полную, личную и имущественную, свободу всѣхъ японскихъ гражданъ и равенство всѣхъ передъ законами. Всякій японскій подданный пользуется личной неприкосновенностью. Никто не имѣетъ права войти въ его жилище противъ его воли или обыскать его иначе, какъ въ случаяхъ, строго опредѣленныхъ закономъ (§ 25); самъ онъ тоже не можетъ быть арестованъ, привлеченъ къ дознанію или заключенъ въ тюрьму иначе, какъ въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ (§ 23). Тайна частной переписки ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть нарушена (§ 26). Имущество японскаго гражданина неприкосновенно (§ 27). Всѣ японскіе граждане пользуются безусловной свободой вѣроисповѣданія (§ 27), слова, печати, собраній и союзовъ (§ 29). Только въ исключительныхъ случаяхъ, путемъ законодательныхъ актовъ, можетъ быть временно ограничена эта свобода. Передъ лицомъ закона всѣ японскіе граждане пользуются полнымъ равенствомъ. Всѣ прежнія сословныя и групповыя привилегіи считаются уничтоженными. Всѣ граждане могутъ избирать себѣ любое мѣстожительство и занятіе (§ 22), такимъ образомъ, всѣ гильдейскія монополіи признаются незаконными; всѣ имѣютъ доступъ ко всякимъ государственнымъ должностямъ (§ 19); всѣ подлежатъ дѣйствію одного суда, не допускающаго никакихъ изъятій; всѣ подчинены одинаковому обложенію (§ 21); всѣ обязаны отбывать воинскую повинность (§ 20). Въ отношеніи къ верховной власти подданные имѣютъ только неограниченное право петицій, какъ на имя микадо, такъ и къ парламенту.

Право на участіе въ дѣлахъ государственнаго управленія японскихъ гражданъ ограничено до сихъ поръ довольно высокимъ имуществен-

нымъ цензомъ. При учрежденіи конституціи въ 1889 г. право избирательнаго голоса имѣлъ всякій японскій подданный, выше 25 лѣтъ, живущій не менѣе года въ данной области, платящій 15 іенъ въ годъ прямыми налогами и не подлежащій ограниченіямъ въ правахъ по закону. Въ настоящее время размѣръ ценза уменьшенъ до 10 іенъ прямыми налогами. Избираемы могутъ быть всѣ японскіе подданные, выше 30 лѣтъ, не подлежащіе ограниченію въ правахъ по закону.

Избранные путемъ прямой подачи голосовъ представители всей страны въ числѣ 300 (теперь это число повышено до 369) составляютъ нижнюю палату японскаго парламента, по-японски—«теикокугикай».

Верхняя палата состоитъ изъ членовъ императорской фамиліи, изъ представителей бывшихъ придворныхъ и дайміосовъ, получившихъ теперь одно почетное званіе—«квазоку», по ихъ выбору и изъ лицъ, назначаемыхъ императоромъ за особыя заслуги.

Парламенту принадлежитъ законодательная власть въ странѣ. Каждая палата имѣетъ право вносить проекты законовъ, которые затѣмъ обсуждаются обѣими палатами и, если оказываются принятыми, подлежатъ обнародованію. Въ парламентъ же поступаютъ на обсужденіе проекты законовъ, предлагаемыхъ исполнительной властью (§ 38). Новые налоги могутъ вводится только посредствомъ законодательныхъ актовъ и требуютъ, слѣдовательно, тоже утвержденія парламента (§ 62). Ежегодный государственный бюджетъ долженъ вноситься на обсужденіе парламента и не можетъ быть принятъ безъ его санкціи (§ 64).

Парламентъ созывается и распускается императоромъ, но сессіи его должны происходить ежегодно (§ 41) и продолжаться не менѣе трехъ мѣсяцевъ (§ 42). Въ случаѣ распущенія парламента до истеченія законнаго срока, новые выборы должны быть объявлены немедленно, и новая сессія должна начаться не позже, чѣмъ черезъ пять мѣсяцевъ (§ 45). Засѣданія обѣихъ палатъ публичны, члены правительства всегда имѣютъ въ нихъ право голоса (§ 54).

Исполнительная власть вся цѣликомъ принадлежитъ императору—микадо или тенно (божественный императоръ), какъ его всего чаще называютъ въ Японіи. Императоръ обнародуетъ законы, прошедшіе черезъ парламентъ (§ 5) и издаетъ указы въ исполненіе ихъ. Въ исключительныхъ случаяхъ, въ промежуткахъ между сессіями парламента императоръ можетъ издавать новые указы, имѣющіе силу закона. Но такіе указы должны представляться въ первую же послѣ того сессію парламента, и въ случаѣ, если парламентъ выскажется противъ нихъ, они немедленно теряютъ силу (§ 8). Императоръ объявляетъ войну и заключаетъ миръ (§ 13). Но необходимые для войны кредиты вотируетъ парламентъ. Императоръ является главою всѣхъ военныхъ силъ, сухопутныхъ и морскихъ (§ 11). Въ области гражданскаго управленія императоръ—глава правительства. Онъ назначаетъ и смѣщаетъ всѣхъ министровъ и утверждаетъ назначеніе всѣхъ глав-

ныхъ чиновъ управленія. Министры отвѣтственны только передъ нимъ. Министровъ всѣхъ десять: 1) министръ - президентъ, безъ портфеля, 2) министръ внутреннихъ дѣлъ, 3) министръ иностранныхъ дѣлъ, 4) министръ земледѣлія, 5) министръ юстиціи 6) министръ народнаго просвѣщенія, 7) министръ финансовъ, 8) военный министръ, 9) министръ флота и 10) министръ путей сообщенія.

Судебная власть совершенно отдѣлена отъ исполнительной и законодательной. Судьи назначаются императоромъ изъ лицъ, получившихъ юридическое образованіе, но несмѣняемы имъ. Они могутъ быть лишены должности только вслѣдствіе уголовнаго преступленія или предусмотрѣннаго закономъ дисциплинарнаго проступка (§ 58). Судъ происходитъ всегда гласно. Закрытыя засѣданія могутъ назначаться только въ случаяхъ, оскорбляющихъ нравственность, по указанію закона или по постановленію суда.

Послѣдняя глава конституціоннаго акта 11-го февраля 1889 года предусматриваетъ возможность измѣненія данной конституціи. Такое измѣненіе можетъ быть сдѣлано только въ томъ случаѣ, если въ засѣданіи присутствуетъ болѣе $^2/_3$ наличныхъ членовъ парламента и если за него выскажутся болѣе двухъ третей присутствующихъ въ обѣихъ палатахъ. Право иниціативы въ дѣлѣ пересмотра конституціи принадлежитъ императору.

По своему характеру государственный строй, утвержденный въ Японіи актомъ 11-го февраля, можетъ быть названъ конституціоннымъ, но не парламентскимъ. Верховная власть уже не принадлежитъ цѣликомъ императору. Отъ нея совершенно отняты судебныя функціи, а въ законодательной области она ограничена обязательнымъ участіемъ парламента. Но въ то же время парламентъ не имѣетъ никакихъ способовъ прямого воздѣйствія на исполнительную власть. Назначеніе министровъ зависитъ не отъ него и министры передъ нимъ не отвѣтственны. Положимъ, косвенно парламентъ имѣетъ все-таки возможность оказывать вліяніе на правительство. Онъ можетъ дѣлать министрамъ запросы и представленія и обращаться съ петиціями къ императору. Такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ у него въ рукахъ находится могущественное орудіе— неутвержденіе бюджетовъ и проектовъ новыхъ налоговъ, то фактически исполнительная власть все-таки находится въ нѣкоторой зависимости отъ народнаго представительства. И хотя микадо совершенно свободенъ въ назначеніи министровъ, но обычно онъ выбираетъ ихъ изъ лицъ, опирающихся на парламентское большинство.

Вопросъ объ отвѣтственности министровъ служитъ въ Японіи темой постоянныхъ обсужденій и въ печати, и въ парламентѣ. До сихъ поръ онъ еще не могъ быть перерѣшенъ, но не надо забывать, что со времени введенія конституціи тамъ прошло всего 15 лѣтъ. Очень возможно, что въ недалекомъ будущемъ этотъ пунктъ японской конституціи будетъ измѣненъ въ смыслѣ предоставленія народному пред-

ставительству большаго контроля надъ дѣйствіями исполнительной власти.

Въ настоящій моментъ японская конституція сходна въ этомъ отношеніи съ германской, гдѣ тоже министерство назначается императоромъ и не отвѣтственно передъ рейхстагомъ. Но въ другихъ, еще болѣе существенныхъ чертахъ, японская конституція не можетъ быть сопоставлена съ германской. Въ Германіи нѣтъ раздѣленія рейхстага на двѣ палаты, и, главное, тамъ нѣтъ никакого имущественнаго ценза для избирателей. Все взрослое мужское населеніе имѣетъ право участія въ выборахъ народныхъ представителей. Въ Японіи, наоборотъ, избирательное право ограничено очень высокимъ имущественныхъ цензомъ. Вслѣдствіе этого, лишь небольшая сравнительно часть населенія и, конечно, наиболѣе зажиточная участвуетъ въ парламентскихъ выборахъ. Составители японской конституціи считали, что японскій народъ еще не дозрѣлъ до всеобщаго избирательнаго права, но съ тѣхъ поръ и въ печати, и внутри самого парламента идетъ усиленная борьба съ этимъ мнѣніемъ. Раздаются голоса за пересмотръ законовъ о выборахъ въ парламентъ. По мнѣнію сторонниковъ пересмотра, народъ получаетъ политическое воспитаніе только на дѣлѣ, и до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ имѣть доступа къ участію въ дѣлахъ управленія, его гражданское самосознаніе останется смутнымъ.

Въ 1900 году былъ сдѣланъ нѣкоторый шагъ въ этомъ направленіи. Имущественный цензъ былъ пониженъ съ 15 до 10 іенъ прямыми налогами. Послѣ этого въ выборахъ могло принять участіе втрое большее количество избирателей. Тѣмъ не менѣе и теперь право голоса имѣетъ лишь $1^1/_2$ милліона человѣкъ. По сравненію съ европейскими конституціонными странами это выходитъ, конечно, очень небольшой процентъ населенія. Во Франціи, напримѣръ, при населеніи 38 милліоновъ, т.-е. на 5 милліоновъ меньше, чѣмъ въ Японіи, количество избирателей достигаетъ 10 милліоновъ. Въ Австріи при 25-ти мил. населенія—избирателей 7 милліоновъ.

Въ обѣихъ этихъ странахъ, такъ же какъ и въ Германіи, въ настоящее время введена всеобщая подача голосовъ, въ Австріи, впрочемъ, только съ 1896 года, такъ что ихъ, конечно, нельзя и сравнивать съ Японіей. Но и въ Англіи, гдѣ до сихъ поръ право голоса обусловливается нѣкоторымъ имущественнымъ цензомъ (плата за квартиру въ 10 ф., т.-е. 100 руб. въ годъ), число избирателей все-таки $6^1/_2$ милліоновъ, т.-е. въ четыре раза больше, чѣмъ въ Японіи, при населеніи почти равномъ съ ней.

Вслѣдствіе этого главная масса населенія — земледѣльческій и рабочій классъ, не принимаетъ пока никакого активнаго участія въ политической жизни страны. Среднее крестьянское хозяйство, по даннымъ Ратгена, *) уплачиваетъ въ Японіи около 7½ іенъ поземельнаго

---

*) K. Rathgen. „Japans Landwirtschaft und Statshaushalt, 1891 г., стр. 580“.

налогу въ годъ, причемъ колебанія происходятъ, главнымъ образомъ, въ предѣлахъ отъ 3½ до 9½ іенъ. Слѣдовательно, мелкіе землевладѣльцы въ массѣ не могутъ попадать въ число избирателей. Само со бой понятно, что, хотя пассивное избирательное право и не ограничено никакимъ имущественнымъ цензомъ, но они, конечно, имѣютъ такъ же мало шансовъ быть выбраны. По словамъ маркиза Ито въ его «Комментаріяхъ» *) къ конституціи Японіи, избранные въ парламентъ члены должны служить представителями не своихъ избирателей, но всей страны. Тѣмъ не менѣе, конечно, интересы тѣхъ группъ населенія, которые являются и избирателями, и избираемыми, представляются лучше, чѣмъ тѣхъ, которые совершенно устранены отъ непосредственнаго участія въ выборахъ.

Въ 1894 г., т.-е. еще до пониженія ценза составъ представителей въ парламентъ распредѣлялся на слѣдующія группы:

Землевладѣльцевъ	145
Торговцевъ и промышленниковъ	56
Занимающихся либералн. проф.	32
Чиновниковъ	11
Безъ опредѣленныхъ проф.	55

Послѣ 1900 г. число представителей было увеличено до 369, причемъ значительно возросъ процентъ представителей городского населенія, но рабочая и крестьянская масса все еще не получила доступа къ выборамъ. Можно надѣяться, что со временемъ единодушныя усилія прессы и либеральнаго меньшинства парламента добьются и далѣе расширенія конституціи въ этомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что въ этомъ направленіи идетъ все время дѣятельная агитація.

За свой короткій вѣкъ японскій парламентъ провелъ уже очень много серьезныхъ мѣропріятій и въ сферѣ государственнаго обложенія, и въ сферѣ народнаго образованія, и въ другихъ областяхъ. Намъ придется еще говорить о нихъ, касаясь разныхъ сторонъ жизни пореформенной Японіи. Тѣмъ не менѣе на него со всѣхъ сторонъ сыплются всевозможные упреки. Японскихъ парламентскихъ дѣятелей упрекаютъ за политиканство и за подкупность, за отсутствіе твердо установленныхъ политическихъ партій, за постоянную перетасовку тѣхъ, которыя есть, за ихъ непринципіальный часто характеръ и за постоянную безпорядочную борьбу между ними. Во всѣхъ этихъ нападкахъ есть значительная доля правды и, конечно, перечисленные недостатки представляютъ громадное зло, мѣшающее правильному функціонированію государственнаго механизма. Что касается подкуповъ, — то въ Японіи условіемъ, облегчающимъ ихъ во время выборовъ, является незначительное относительно число избирателей. Съ пониженіемъ ценза возможность подкуповъ будетъ сильно

---

*) Hirobume Ito. „Commentaries on the Constitution of the Empire of Iapon“.

затруднена и они естественнымъ образомъ нѣсколько уменьшатся. Полнаго же ихъ уничтоженія Японіи, конечно,еще очень долго ждать, такъ какъ даже въ такой культурной странѣ, какъ Англія, они еще до сихъ поръ не вывелись окончательно.

Японскія парламентскія партіи, дѣйствительно, часто группируются теперь не столько вокругъ опредѣленнаго политическаго знамени, сколько вокругъ того или другого лица, и ихъ взаимныя отношенія иногда чрезвычайно неопредѣленны и запутаны. Въ значительной степени тутъ сказывается еще послѣдствія прежняго времени, когда люди группировались не по своимъ классовымъ интересамъ и политическимъ мнѣніямъ, а по принадлежности къ тому или другому крупному феодальному роду или клану. Теперь эта группировка на кланы исчезла совершенно, но нѣкоторые слѣды ея все еще даютъ себя чувствовать. Случается, что люди, интересы которыхъ совершенно различны, группируются по старой памяти вокругъ выдающагося представителя ихъ прежней феодальной области. Съ теченіемъ времени это само собой стушевывается. Прежніе роды, потерявшіе всякое значеніе въ жизни, постепенно исчезаютъ и изъ памяти, и выдающіеся политическіе дѣятели перестаютъ считаться представителями того или другого прежняго рода.

Г. Дюмоларъ заканчиваетъ свою главу о японской политикѣ сожалѣніемъ о томъ, что съ арены общественной дѣятельности въ Японіи постепенно сходятъ выдающіеся политическіе дѣятели эпохи реформъ и на смѣну имъ идетъ средній политическій работникъ. Въ этомъ онъ видитъ громадное зло современной Японіи.

Намъ кажется, что это явленіе совершенно естественное и не предвѣщающее ничего особенно дурного для Японіи. Въ періоды крупныхъ историческихъ переворотовъ, въ періоды ломки всего стараго и созиданія первыхъ основъ будущаго изъ среды народа обычно выдѣляются самыя сильныя, самыя крупныя личности. Они подготовлялись долгими вѣками политическаго застоя, когда наиболѣе одаренные люди должны были искать выхода для своихъ способностей въ другихъ областяхъ или совершенно заглушать ихъ. Въ моментъ высшаго напряженія политической жизни другія области духовной дѣятельности теряютъ свою притягательную силу, и всѣ лучшіе люди націи отдаются политической борьбѣ. На фонѣ общаго безмолвія едва пробуждающейся страны ихъ смѣлые голоса звучатъ особенно громко, ихъ личности производятъ особенно величественное впечатлѣніе. Но когда героическій періодъ кончается, и жизнь заявляетъ свои права вездѣ, тогда таланты распредѣляются болѣе равномѣрно, и политика перестаетъ быть ихъ исключительной ареной. Вмѣстѣ съ тѣмъ вокругъ одинокихъ прежде вершинъ выростаетъ цѣлый лѣсъ новыхъ дѣятелей, среди котораго они не кажется уже такими великанами, какъ раньше. Въ этой массѣ новыхъ дѣятелей, конечно, есть люди всякихъ

калибровъ, отъ очень высокаго до средняго и, быть можетъ, даже весьма невысокаго. Это вполнѣ понятно, въ массѣ люди не бываютъ героями, но зато это уже не единицы, а масса, и она представляетъ не мнѣніе этихъ единицъ, а дѣйствительное общественное мнѣніе, всегда выражающее собой интересы преобладающей массы населенія.

3.

Внутреннее управленіе Японіи нельзя еще считать окончательно сложившимся. Оно постепенно реформируется, но до сихъ поръ еще очень значительная часть его находится попрежнему въ рукахъ централизованной бюрократіи. Въ подробности бюрократическаго механизма современной Японіи мы не будемъ входить, такъ какъ онъ не представляетъ собой ничего ни особенно характернаго, ни интереснаго. Количество чиновниковъ все-таки чрезвычайно велико, хотя по сравненію съ прошлымъ расходъ на содержаніе ихъ составляетъ неизмѣримо меньшій процентъ государственнаго бюджета. Во времена шогуната Токугавъ содержаніе бюрократіи составляло $^3/_3$ всѣхъ государственныхъ расходовъ, теперь же на жалованье чиновникамъ, включая сюда и служащихъ въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, затрачивается около 20 милліоновъ іенъ *), что составляетъ менѣе $^1/_{10}$ годового бюджета. По общимъ отзывамъ изучавшихъ Японію, выгоднымъ отличіемъ ея правительственныхъ учрежденій, какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ, служитъ то, что въ нихъ пока, можетъ быть, благодаря ихъ молодости, очень мало оффиціальной лжи. Если при какомъ-нибудь учрежденіи показано такое-то количество школъ, то можно съ увѣренностью сказать, что они дѣйствительно функціонируютъ. Если въ интендантствѣ числится такое-то количество мундировъ и сапогъ, то можно безъ опасеній разсчитывать одѣть въ нихъ не цифры въ графѣ солдатъ, а реальныхъ людей. Случаи казнокрадства тамъ до сихъ поръ тоже почти совершенно неизвѣстны. Это тѣмъ болѣе удивительно, что жалованья чиновниковъ въ Японіи чрезвычайно низки. Министры получаютъ не болѣе 6.000 іенъ, члены палатъ—2.000. Средній же окладъ японскаго чиновника до смѣшного малъ. Общее количество служащихъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ Японіи было въ 1900 г. 59.711 Всѣ они въ сложности получали 16.998.059 іенъ содержанія въ годъ **). Слѣдовательно, въ среднемъ чиновникъ получаетъ 272 іена въ годъ жалованья. Конечно, эти цифры нельзя сравнивать съ нашими, такъ какъ жизнь въ Японіи значительно дешевле нашей. Но даже и внося соотвѣтствующую поправку, все-таки нельзя не сказать, что японскій чиновникъ довольствуется очень скромнымъ содержаніемъ, сравнительно съ европейскимъ.

---

*) Іена приблизительно равна рублю.

**) Résumé stat. de l'Empire de J., ст. 148.

Мѣстное управленіе Японіи обладаетъ смѣшаннымъ характеромъ. Нѣкоторыя стороны его продолжаютъ находиться въ вѣдѣніи бюрократіи, другія отошли уже къ мѣстному самоуправленію. Во главѣ каждой провинціи стоитъ и намѣстникъ, назначаемый министромъ внутреннихъ дѣлъ, и органъ выборнаго управленія. Но сферы вѣдѣнія обѣихъ мѣстныхъ властей строго разграничены, и намѣстникъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла мѣстнаго управленія. Контроль надъ ними принадлежитъ только непосредственно министру.

Въ мѣстныхъ выборахъ принимаютъ участіе всѣ мѣстные жители мужского пола, не моложе 25-ти лѣтъ, уплачивающіе не менѣе двухъ іенъ въ годъ прямыми налогами. Подъ этотъ минимумъ подходитъ вся масса осѣдлаго крестьянскаго населенія, такъ что въ мѣстномъ управленіи оно принимаетъ такое же непосредственное участіе, какъ и всѣ остальные жители провинціи. Избиратели выбираютъ представителей въ мѣстное собраніе, собирающееся періодически нѣсколько разъ въ годъ и избирающее уже изъ своей среды предсѣдателя и членовъ постояннаго органа самоуправленія. Въ сферу вѣдѣнія этихъ мѣстныхъ самоуправленій входитъ народное образованіе, народная медицина, санитарная часть, благотворительныя учрежденія, дорожная повинность, мѣстная полиція и содержаніе тюремъ. Доходы ихъ состоятъ изъ мѣстнаго поземельнаго налога, налога на строенія, патентовъ и т. п. Главная часть расходовъ идетъ на образованіе, медицину и дороги. За послѣдніе шесть лѣтъ расходы эти почти удвоились, съ $25^1/_2$ мил. іенъ до 40,6 милл.

Городское хозяйство въ городахъ съ населеніемъ, превышающимъ 20 тысячъ, находится всецѣло въ вѣдѣніи мѣстнаго самоуправленія. Въ меньшихъ городскихъ поселеніяхъ оно носитъ смѣшанный характеръ. Городскіе выборы отличаются отъ земскихъ тѣмъ, что въ городахъ избиратели дѣлятся на три класса по суммѣ платимыхъ ими налоговъ, такъ что менѣе состоятельное городское населеніе представлено, въ общемъ, хуже, чѣмъ болѣе зажиточное. Во главѣ городского управленія стоитъ выборный городской голова, одинъ или два помощника и совѣтъ изъ нѣсколькихъ членовъ отъ 6 до 12 въ зависимости отъ количества жителей города. Кромѣ того, есть еще собраніе представителей, отъ 30 до 50 человѣкъ, собирающееся періодически и рѣшающее всѣ важные вопросы городского управленія.

Военное управленіе въ Японіи находится въ вѣдѣніи военнаго и морского министерства.

Объединенная армія организована была въ Японіи послѣ уничтоженія феодализма, т.-е. въ 1872 г., но закончена организація ея только въ 1896 г. Теперь японская армія ни въ какихъ существенныхъ чертахъ не отличается отъ европейскихъ. Комплектуется она на основаніи закона о всеобщей воинской повинности изъ японскихъ подданныхъ, достигшихъ 20-лѣтняго возраста. Освобождаетъ отъ

службы только физическая негодность или лишеніе правъ. Отсрочка дается на 7 лѣтъ по болѣзни, по семейному положенію (единственный взрослый сынъ у престарѣлыхъ родителей) и по занятіямъ—учителямъ, священникамъ и чиновникамъ. Если черезъ семь лѣтъ причины избавляющія отъ службы, не измѣняются, то человѣкъ освобождается отъ нея окончательно. Срокъ службы трехлѣтній. Общая численность арміи, находящейся подъ ружьемъ, въ мирное время 141.600 ч., въ военное время 358.800 *). Далѣе идетъ резервъ, въ который зачисляется излишекъ молодыхъ людей, являющихся ежегодно на призывъ, потомъ запасъ, въ который перечисляются солдаты, пробывшіе три года на службѣ или въ резервѣ, и наконецъ—ополченіе.

Японскій солдатъ проходитъ очень строгую военную школу, и въ смыслѣ военной выучки и военной дисциплины не уступаетъ солдатамъ ни одной европейской арміи. Но, требуя отъ него чрезвычайно большого напряженія во время отбыванія срока службы, военное начальство въ то же время чрезвычайно заботится о томъ, чтобы ставить солдатъ въ наилучшія по возможности условія жизни. По отзывамъ европейцевъ, японскія казармы положительно не оставляютъ желать ничего лучшаго. Вотъ какъ описываетъ ихъ нѣмецкій путешественникъ Гессе Вартегъ: «Спальни, предназначенныя обыкновенно для 20, 30 солдатъ, очень высокія комнаты, веселыя, свѣтлыя, просторныя, съ очень недурными кроватями съ постелями и подушками, съ достаточнымъ количествомъ столовъ и скамеекъ. Все отличается полнѣйшей чистотой. При всякой казармѣ безъ исключенія есть лазаретъ и нѣсколько просторныхъ бань съ холодной и горячей водой, гдѣ солдаты могутъ, если хотятъ, мыться хоть по два раза въ день. Кухня тоже отличается величайшей чистотой, пища не особенно роскошная», но всегда свѣжая и въ достаточномъ количествѣ **). Далѣе авторъ съ особеннымъ одобреніемъ описываетъ постановку врачебно-санитарной части при арміи. Организовавъ такъ недавно свою армію вообще, японцы обратили вниманіе далеко не исключительно на военный строй и вооруженіе, они сразу позаботились снабдить свои войска вполнѣ достаточной медицинской помощью. Въ 1877 году въ Японіи былъ основанъ собственный отдѣлъ Краснаго Креста, насчитывавшій къ 1897 году уже 28.000 членовъ, а въ настоящее время имѣющій уже болѣе 400.000 членовъ.

Японскій военный флотъ организованъ, въ сущности, окончательно только послѣ китайской войны, т.-е. послѣ 1895 года. Въ этомъ его значительное преимущество передъ флотами другихъ державъ. Всѣ главныя военныя суда выстроены въ послѣдніе годы, по новѣйшимъ образцамъ и снабжены наилучшими орудіями. Всего численность япон-

---

*) Богуславскій. „Японія“, стр. 292.

**) Hesse Wartegg. „China und Japan“, стр. 470.

скаго флота достигала къ началу 1904 г. по даннымъ Богуславскаго 168 судовъ. Но изъ нихъ большихъ судовъ, т.-е. броненосцевъ и крейсеровъ перваго и второго класса, къ началу нынѣшней войны было 28. Остальныя суда это—минные транспорты, канонерки, миноносцы и разныя другія служебныя суда. Матросы набираются такъ же, какъ и солдаты, и срокъ службы во флотѣ, также какъ и въ арміи, трехгодичный.

Офицеры и для арміи, и для флота производятся изъ лицъ, окончившихъ спеціальныя военныя и морскія учебныя заведенія. Общее количество офицеровъ въ 1898 году было по арміи 8.460 и по флоту—1.410.

Тотъ историческій моментъ, въ который Японія вступила въ международныя отношенія съ другими цивилизованными странами, отмѣченъ вездѣ чрезвычайнымъ развитіемъ милитаризма. Волей-неволей Японіи пришлось считаться съ этимъ явленіемъ. Если она желала обезпечить свою національную самостоятельность и занять равное мѣсто среди другихъ державъ, она по необходимости должна была прежде всего доставить себѣ равныя средства защиты. Это, конечно, не обошлось безъ большого финансоваго напряженія. И это было тѣмъ болѣе тяжело для Японіи, что совпало для нея съ труднымъ моментомъ ломки экономической жизни, перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, первыхъ шаговъ крупной промышленности и необходимыхъ расходовъ, связанныхъ съ переходомъ отъ одного соціально-политическаго строя къ другому. Въ настоящее время военные расходы составляютъ тамъ крупную сумму въ 93 милліона іенъ, т.-е. около $^1/_3$ всего государственнаго бюджета, равнявшагося въ 1901 году 254.548.000 іенъ. Такой размѣръ военнаго бюджета объясняется отчасти временными причинами. Почти половина его идетъ на такъ называемые экстренные расходы, т.-е. на необходимые еще крупные расходы по окончаніи реорганизаціи арміи и флота. Когда будетъ закончена эта подготовительная работа, непропорціональный ростъ военныхъ расходовъ самъ собою остановится.

Государственный бюджетъ Японіи вообще сильно возросъ за послѣднее десятилѣтіе. Въ 1891—1892 году онъ составлялъ всего 103.231.488 іенъ, въ 1902—1903 г. онъ достигъ 282.432.964 *), т.-е. онъ увеличился болѣе, чѣмъ въ $2^1/_2$ раза. Но государственные финансы вслѣдствіе этого не пошатнулись, государственный долгъ за послѣдніе годы возросъ не особенно значительно, съ 420 мил. въ 1895 г. до 510— въ 1901 г. **), а государственныя росписи въ послѣдніе годы сводятся безъ дефицитовъ, составлявшихъ тамъ прежде обычное явленіе.

---

*) „Financial and economical Annual of Japan", оффиціальное изданіе министерства финансовъ Японіи, Токіо, 1903 г., стр. 9.

**) „Resumé statistique de l'Empire de Japon", Токіо, 1902 г., стр. 141.

При этомъ нельзя сказать, чтобы податной гнетъ, падающій на бѣднѣйшіе классы населенія, сколько-нибудь замѣтно возросъ. Единственную форму государственнаго налога на земледѣльческое населеніе составляетъ тамъ поземельный налогъ. За послѣдніе 20 лѣтъ онъ выросъ очень незначительно. Въ 1882—1883 году онъ составлялъ 43,3 мил., въ 1901—1902 г. онъ составилъ 46,5 милліона *), т.-е. за 20 лѣтъ онъ увеличился всего на 3 мил., что въ значительной степени можно отнести на счетъ естественнаго прироста населенія и соотвѣтственнаго развитія хозяйства.

Для того, чтобы представить себѣ, какой тяжестью ложится государственный бюджетъ Японіи на все населеніе страны, любопытно сопоставить государственные расходы Японіи съ расходами главнѣйшихъ европейскихъ государствъ за одинъ годъ.

1901 г.

	Государств. расходы въ милліонахъ франковъ.	Изъ нихъ на защиту.	Государств. долгъ.
Англія	5.867,00	2.542,93	18.847,4
Германія	7.243,22	1.265,76	17.437,8
Франція	3.602,33	1.022,28	31.119,2
Россія	5.197,34	1.123,96	17.284,9
Японія	685,89	252,50	1.305,0 **)

Такимъ образомъ, несмотря на большой ростъ государственнаго бюджета Японіи, масштабъ государственнаго хозяйства тамъ все-таки несравненно меньшій, чѣмъ въ европейскихъ странахъ. Здѣсь онъ уже давно считается милліардами, тамъ онъ не вышелъ еще изъ милліоновъ, и государственный долгъ Японіи неизмѣримо меньше долговъ великихъ державъ. Между тѣмъ, количество жителей Японіи незначительно разнится отъ европейскихъ государствъ, рядомъ съ этимъ надо обратить вниманіе на то, что въ Японіи въ послѣднее время сдѣлана нѣкоторая попытка ввести болѣе справедливое распредѣленіе государственнаго обложенія, такъ чтобы главная тяжесть его не ложилась исключительно на наиболѣе бѣдные классы населенія. 19-го марта 1887 года въ Японіи введенъ прогрессивный подоходный налогъ. Этотъ налогъ уплачивается всѣми лицами, имѣющими въ годъ болѣе 300 іенъ дохода. При этомъ процентъ, взимаемый государствомъ, увеличивается по мѣрѣ роста дохода въ слѣдующей степени:

*) Ib., стр. 137.

**) Цифры, касающіяся европейскихъ странъ, взяты изъ Фр. Нитти: „Основныя начала финансовой науки“, Москва, изд. 1904 г., цифры японскихъ расходовъ взяты въ оффиціальныхъ японскихъ источникахъ, цитированыхъ выше, но для удобства сравненія переведены тоже во франки, причемъ франкъ взятъ равнымъ 40 коп.

Лица, получающія	отъ	300— 1.000	въ	годъ	платятъ	1%
»	»	»	1.000—10.000	»	»	»	1½%
»	»	»	10.000—20.000	»	›	»	2
»	»	»	20.000—30.000	»	»	»	2½
»	»	»	30.000 и болѣе	»	»	»	3

Поземельный и подоходный налоги составляютъ два главныхъ вида прямыхъ государственныхъ налоговъ Японіи. Изъ косвенныхъ налоговъ самый большой доходъ государству даетъ налогъ на производство саке (рисовая водка), таможенный и гербовый сбооы. Остальные косвенные налоги ложатся преимущественно не на предметы массоваго потребленія, такъ что уплачиваются они, главнымъ образомъ, не трудящейся массой населенія. Мы не будемъ входить въ детальное разсмотрѣніе разныхъ видовъ японскихъ налоговъ, приведемъ только мнѣніе такого компетентнаго лица, какъ англійскій финанситъ Робертъ Гиффинъ. По его словамъ, Японія имѣетъ теперь фискальную систему, «которой можетъ позавидовать любая прогрессивная европейская страна. Налоги большею частью прямые и распредѣлены крайне справедливо, а подоходный налогъ—образецъ справедливости» *).

Такимъ образомъ, финансовый гнетъ государства на населеніе нельзя считать чрезмѣрнымъ въ Японіи. Абсолютно онъ значительно ниже, чѣмъ въ европейскихъ государствахъ, и въ распредѣленіи его сдѣланъ нѣкоторый шагъ для внесенія большей справедливости. При нормальномъ теченіи вещей быстрый ростъ промышленности могъ бы дать возможность еще расширить государственное хозяйство, не рискуя подорвать народное благосостояніе. Но, конечно, исключительные расходы, связанные съ войной, не могутъ не нанести большого ущерба государственнымъ финансамъ Японіи.

4.

Со времени реставраціи промышленная жизнь Японіи претерпѣла громадный переворотъ. Промышленность изъ ремесленной и кустарной превратилась въ крупную фабричную, торговля въ десятки разъ увеличила свои обороты. Все это, конечно, совершилось не сразу, но все-таки сравнительно въ очень короткій періодъ. Цѣлый рядъ благопріятныхъ условій способствовалъ появленію и росту фабричной промышленности въ Японіи. Условія эти возникли не въ моментъ реставраціи, они существовали и до того, но соціально-политическій строй того времени мѣшалъ имъ проявиться. Небольшая территорія Японіи и недостатокъ удобной земли уже давно лишали возможности все ея населеніе кормиться, какъ прежде, исключительно земледѣліемъ. Нѣкоторые подспорные кустарные промыслы только отчасти облегчали

*) „Русскія Вѣдомости", 22-мая 1904 г.

мѣстами положеніе сельскаго населенія. Значительная его часть оставалась за бортомъ и шла въ города искать работы. Но гильдейская организація городскихъ ремеслъ не только не давала доступа къ промышленности этимъ выброшеннымъ изъ деревни элементамъ, но даже наоборотъ постоянно выбрасывала и изъ своей среды нѣкоторую часть оказывавшуюся лишней, благодаря нерастяжимымъ формамъ гильдейскихъ союзовъ. Такимъ образомъ, еще до возникновенія крупной промышленности тамъ образовался своего рода пролетаріатъ, ищущій работы.

На ряду съ этимъ островной характеръ Японіи и удобство сообщенія съ близь лежащими странами сулили заранѣе прекрасный рынокъ для ея товаровъ. Внутри страны искусственно поддерживаемый экономическій застой разорялъ ее, мѣшалъ эксплуатировать въ достаточномъ размѣрѣ ея естественныя богатства и силы.

Молодое правительство эпохи реставраціи сознавало все это, понимало, что нужно прежде всего уничтожить путы, связывавшія экономическую жизнь, и потомъ поддержать ея первые шаги на новомъ пути. Эта поддержка со стороны правительства была необходима, такъ какъ третьяго условія для развитія крупной промышленности — капиталовъ, въ странѣ почти не было. Но существованіе двухъ другихъ условій — рабочихъ рукъ, которыя не надо было отрывать отъ другого дѣла, и удобнаго внѣшняго рынка—облегчало задачу правительства и предвѣщало ему успѣхъ.

Громадная масса европейскихъ товаровъ, хлынувшая въ страну тотчасъ же послѣ открытія гаваней и находившая тамъ сбытъ, показывала, что и внутренній спросъ сильно выросъ тамъ за послѣднее время, и что крупная промышленность можетъ разсчитывать также и на внутренній рынокъ.

Разсчеты правительства вполнѣ оправдались на дѣлѣ. Только въ теченіе перваго десятилѣтія ему пришлось оказывать постоянную поддержку крупной промышленности и даже самому являться въ роли предпринимателя. Со второй половины восьмидесятыхъ годовъ промышленность становится уже на свои ноги и быстро крѣпнетъ и растетъ.

Прежде всего правительство озаботилось улучшеніемъ средствъ сообщенія, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ. Первое его крупное предпріятіе была постройка желѣзнодорожныхъ линій. Вмѣстѣ съ этимъ оно всячески покровительствовало развитію торговаго флота Японіи и прилагало много заботъ къ упорядоченію почтоваго и введенію телеграфнаго сообщенія внутри страны.

Первая желѣзнодорожная линія между Токіо и Іокогамой была открыта въ 1872 г. Съ тѣхъ поръ желѣзнодорожное строительство съ каждымъ годомъ все расширялось, причемъ первое десятилѣтіе по 1883 годъ оно находилось исключительно въ рукахъ правительства,

далѣе въ немъ начинаютъ принимать участіе и частныя компаніи, и постепенно доля ихъ участія становится все больше. Слѣдующая табличка показываетъ ростъ желѣзнодорожныхъ линій и относительное участіе въ строительствѣ правительства и частныхъ лицъ, съ момента реставраціи до послѣдняго времени:

	Правительств. линій въ англ. м.	Частныхъ линій.
1872—1882	122	—
1882—1892	550	1.166
1892—1902	1.059	2.966

Къ 1903 году длина всѣхъ желѣзнодорожныхъ линій составила 4.237 англійскихъ миль, т.-е. 6.355 нашихъ верстъ. Абсолютно, это число очень невелико, но если принять во вниманіе небольшую территорію самой Японіи, то оно окажется довольно значительнымъ.

Доходность желѣзнодорожнаго хозяйства тоже постепенно растетъ, вмѣстѣ съ ростомъ его размѣровъ, при этомъ растетъ не только абсолютно, но и относительно. За десятилѣтіе съ 1890 г. по 1900 г. общая сумма доходовъ съ желѣзныхъ дорогъ поднялась съ 3.629.942 р. до 19.661.657 р. Доходъ на одну версту составилъ въ 1890 г.—2.124 р., а въ 1900 г.—3.542 р. *). При этомъ проѣздной тарифъ тамъ вовсе не высокъ. Въ Японіи за одну версту въ третьемъ классѣ платится—1 коп., во второмъ—2 к., въ первомъ—3 к. Между тѣмъ, въ Германіи, напр., за одну версту платится 4 пфенига, т.-е. 2 коп., и т. д. Средняя скорость желѣзныхъ дорогъ такая же, какъ и у насъ—отъ 30—60 в. въ часъ. Функціонируютъ японскія желѣзныя дороги по отзывамъ европейцевъ вполнѣ исправно. «Можно подумать, что они существуютъ здѣсь уже многіе десятки лѣтъ», говоритъ Ва́ртегъ.

Рядомъ съ желѣзнодорожной дѣятельностью японское правительство все время поощряло судостроеніе и торговое мореплаваніе. Оно давало судостроительнымъ обществамъ и мореходнымъ компаніямъ ссуды и пособія на постройку верфей и для установленія правильныхъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ пароходныхъ рейсовъ. Самыя крупныя пароходныя фирмы Японіи «Мицубиши» и «Нипонъ-Юсенъ-Каиша». Къ настоящему времени торговый флотъ Японіи занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ среди торговыхъ флотовъ великихъ державъ. Въ 1871 году Японія имѣла всего 70 пароходовъ, вмѣстимостью въ совокупности въ 21.000 тоннъ. Въ 1899 году у нея насчитывалось 477 пароходовъ, имѣющихъ 474.000 тоннъ вмѣстимости. Для сравненія приведемъ табличку, показывающую количество пароходовъ и ихъ вмѣстимость въ Японіи, въ Соединенныхъ Штатахъ и въ нѣсколькихъ крупнѣйшихъ государствахъ Европы.

---

*) „Resumé statistique de l'Empire de Japon", 1892 г., ст. 61, 1902 г., ст. 61.

1899 г.	Число пароходовъ.	Количество тоннъ въ тысячахъ.
Англія	7.837	11.719
Германія	1.133	1.947
С.-А. Соединенные Штаты . .	821	1.236
Франція	639	997
Норвегія	779	737
Испанія	488	538
Японія	477	474
Италія	282	446
Данія	360	403
Россія	456	393 *).

Слѣдовательно, Японія за четверть вѣка настолько развила свое мореплаваніе, что ея торговый флотъ по количеству тоннъ занялъ седьмое мѣсто среди флотовъ остальныхъ государствъ, а по числу пароходовъ шестое. По количеству же большихъ пароходовъ, свыше 5.000 тоннъ вмѣстимости, она занимаетъ даже третье мѣсто. Выше нея стоятъ только Англія и Франція. Число собственныхъ верфей въ ней тоже значительно возросло, особенно за вторую половину 90-хъ годовъ. Въ 1895 году ихъ было 57, а въ 1899 г. уже 136. При этомъ въ послѣдніе годы нѣкоторые японскіе судостроительные заводы стали даже получать иностранные заказы. Такъ, заводъ Кавазаки строилъ въ 1902 году судно въ 700 тоннъ. заказанное китайцами, и въ томъ же году нѣсколько японскихъ заводовъ сразу получили отъ Соединенныхъ Штатовъ заказы на постройку шести канонерокъ.

Изъ японскихъ торговыхъ судовъ большая часть строится теперь въ собственныхъ верфяхъ. Уже въ 1899 году только 26,5% пароходовъ были выстроены за границей, всѣ же остальные въ Японіи. Нѣкоторые изъ этихъ заводовъ настолько велики, что въ нихъ одновременно могутъ строиться по нѣсколько довольно большихъ судовъ. Такъ, въ докѣ компаніи Мицубиши въ Нагасаки въ 1900 г. строились одновременно 9 судовъ, вмѣстимостью въ 21.000 тоннъ. Кромѣ Нагасаки, самые большіе судостроительные заводы находятся въ Токійскомъ заливѣ — Урага и въ Кобе—Кавазаки. Казенныя верфи имѣются въ Іокосуко и въ Куре. По мнѣнію спеціалистовъ, японскія верфи не уступаютъ лучшимъ заводамъ Шанхая, Гонъ-Конга и Сингапура. Въ настоящее время въ нихъ могутъ не только строиться торговые пароходы, но даже капитально ремонтироваться и строиться военныя суда. Въ верфи въ Іокосуко въ данный моментъ строится одинъ крейсеръ и нѣсколько миноносцевъ.

Такимъ образомъ въ своемъ судостроительствѣ Японія постепенно становится все болѣе независимой отъ другихъ державъ, и ея промыш-

*) Богуславскій, стр. 387.

ность все болѣе удовлетворяетъ растущимъ нуждамъ ея внутреннихъ и международныхъ сношеній.

Почта, телеграфныя и телефонныя сношенія тоже составляли предметъ постоянныхъ заботъ новаго правительства. Въ настоящее время Японія имѣетъ около 20 тысячъ верстъ телеграфныхъ и около 3 тысячъ телефонныхъ линій, что при ея территоріи составляетъ очень значительное количество. Почта, по отзывамъ рѣшительно всѣхъ путешественниковъ, функціонируетъ тамъ идеально, и правительство не жалѣетъ затратъ на то, чтобъ предоставить жителямъ возможно больше удобствъ въ этомъ отношеніи.

5.

Говоря о ростѣ фабричной промышленности первое время послѣ реставраціи, приходится тоже останавливаться, главнымъ образомъ, на дѣятельности правительства. И здѣсь оно является въ роли иниціатора. Оно задалось цѣлью расшевелить экономическую жизнь страны и не останавливалось передъ дорого стоющими опытами въ этомъ направленіи. Всѣ семидесятые годы наполнены попытками организаціи промышленныхъ предпріятій правительствомъ. Нѣкоторые изъ этихъ предпріятій должны были служить удовлетворенію собственно государственныхъ потребностей, къ числу такихъ относится устройство верфей, оружейные, пороховые и рельсо-прокатные заводы, монетныя фабрики, фабрики разныхъ обмундировочныхъ предметовъ и т. п. Всѣ этого рода производства не нуждались въ сбытѣ, они работали на опредѣленнаго заказчика и по большей части работали вполнѣ успѣшно. Государство не жалѣло затратъ на приглашеніе опытныхъ руководителей изъ-за границы, старалось сразу поставить дѣло правильно и все-таки это ему обходилось дешевле, нежели выписка всего необходимаго изъ-за границы.

Нѣсколько въ иномъ положеніи оказывались правительственныя предпріятія, разсчитанныя на сбытъ. Здѣсь приходилось дѣйствовать ощупью, браться за совершенно новое дѣло, не имѣя достаточныхъ свѣдѣній о рынкѣ, не обладая ни технической, ни коммерческой опытностью. Не мудрено, что многіе изъ этихъ первыхъ опытовъ оказывались неудачными и терпѣли крахъ. Товары получались плохого качества и не выдерживали конкуренціи съ иностранными, хотя и болѣе дорогими, но зато несравненно лучше выдѣланными; къ высокимъ же покровительственнымъ пошлинамъ правительство не считало возможнымъ прибѣгать. Или, и при удовлетворительномъ качествѣ, они не находили себѣ достаточнаго сбыта внутри, а во внѣ все-таки еще не шли. Такимъ образомъ возникло и погибло не малое число правительственныхъ фабрикъ и заводовъ—писчебумажныхъ, стеклянныхъ, прядильныхъ и ткацкихъ. Правительству, конечно, подобные неудачные

опыты приносили значительный убытокъ, но для страны они были полезнымъ урокомъ. Являлся нѣкоторый опытъ, почва нащупывалась и уже частныя предпріятія могли возникать съ большей надеждой на успѣхъ.

Съ начала восьмидесятыхъ годовъ все чаще и чаще начинаютъ основываться частныя коммерческія компаніи, частныя фабрики и заводы. Вмѣстѣ съ этимъ правительство постепенно прекращаетъ свою дѣятельность въ этомъ направленіи. Къ концу восьмидесятыхъ годовъ у правительства остались только: арсеналъ военнаго министерства въ Осакѣ, выдѣлывающій орудія и снаряды, верфи морского министерства въ Іосуке и въ Іокогамѣ, прекрасно устроенныя, судостроительный и орудійный заводъ въ Куре, изготовляющій орудія всѣхъ калибровъ, пороховые заводы въ Итабамѣ, сталелитейный заводъ Явате и арсеналъ въ Токіо. Кромѣ того, имѣется еще суконная фабрика въ Сенджи, поставляющая солдатское сукно. Изъ заводовъ, не имѣющихъ отношенія къ нуждамъ арміи, правительство владѣетъ только одной шелко-прядильной въ Томіокѣ.

Между тѣмъ, ростъ фабричнаго производства не только не замедляется, но наоборотъ, все усиливается и ускоряется. Крупная промышленность уже не нуждается въ поощреніяхъ и поддержкахъ; послѣ первыхъ невѣрныхъ шаговъ она сама себѣ прокладываетъ путь и завоевываетъ положеніе.

Изъ разныхъ отраслей фабричной дѣятельности больше всего развились въ Японіи производство шелковыхъ тканей, хлопчатобумажное, писчебумажное и спичечное производства и далѣе машиностроительное производство, начавшее сильнѣе развиваться въ самые послѣдніе годы.

Шелководство было съ давнихъ временъ извѣстно въ Японіи, но выдѣлка шелковыхъ тканей носила исключительно кустарный характеръ. И до сихъ поръ значительная часть этого производства продолжаетъ находиться въ рукахъ кустарей, хотя шелковыя фабрики въ послѣдніе годы стали возникать все чаще. Въ общемъ, выдѣлка шелку съ половины восьмидесятыхъ годовъ поднялась съ общей суммы на 12.084.071 іенъ въ 1885 г. до 143.739.198 іенъ въ 1898 г., т.-е. въ 12 разъ.

Хлопчатобумажное производство, напротивъ, является тамъ совершенно новою отраслью промышленности, такъ какъ хлопчатобумажныя плантаціи составляютъ большую рѣдкость въ Японіи. Несмотря на это, хлопчатобумажныя фабрики очень быстро привились тамъ. Первая большая бумагопрядильня была открыта въ Осакѣ въ 1882 г., устроенная частнымъ акціонернымъ обществомъ. Она сразу стала давать хорошій доходъ, и вслѣдъ за ней начали основываться другія.

Въ	1887 г.	въ	Японіи	считалось	уже	70.220	веретенъ
»	1891 »	»	»	»	»	352.980	»
»	1895 »	»	»	»	»	518.736	»
»	1899 »	»	»	»	»	2.074.475	»

Соотвѣтственно этому увеличился и размѣръ выдѣлки бумажныхъ тканей на ткацкихъ фабрикахъ. Въ 1889 г. онъ равнялся 312 т. кванъ, въ 1898 г. онъ достигъ 32.163.000 кванъ, т.-е. за 10 лѣтъ онъ выросъ въ 100 разъ. При этомъ не болѣе 10% хлопка, обрабатываемаго на этихъ фабрикахъ, получается съ мѣстныхъ плантацій, 90% выписывается изъ-за границы. Количество рабочихъ на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ равнялось въ 1899 г. 74.146 чел.

Спичечное производство, начавшееся тоже только съ половины 80-хъ годовъ, растетъ не менѣе быстро. Къ концу девяностыхъ годовъ число спичечныхъ фабрикъ было около 300, и количество рабочихъ достигало 80.000.

Одновременно съ этими главными производствами возникали и развивались и другія, постепенно пріобрѣтая все большее значеніе. Ростъ ихъ особенно увеличился въ девяностыхъ годахъ. На ряду съ ткацкими, писчебумажными и спичечными фабриками стало основываться множество другихъ: цементныхъ, керосиновыхъ, стеклянныхъ, спиртоочистительныхъ, химическихъ, фармацевтическихъ и пр.

Наибольшее значеніе изъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ видовъ фабрично-заводской промышленности имѣютъ возникающія въ послѣднее время машиностроительные заводы. Помимо упомянутыхъ уже нами правительственныхъ предпріятій этого рода въ настоящее время есть уже нѣсколько частныхъ, все расширяющихъ свою дѣятельность. Такъ, въ Кобе дѣйствуетъ большой мѣдно-котельный и машиностроительный заводъ, изготовляющій машины для прядильныхъ фабрикъ и рудниковъ. А въ Осакѣ въ концѣ девяностыхъ годовъ открылся паровозостроительный заводъ, паровозы котораго уже работаютъ въ Японіи и на Формозѣ.

Общее число капиталовъ, вложенныхъ въ фабрично-заводскую промышленность въ Японіи, растетъ очень быстро, указывая, что дѣятельность эта является теперь выгоднымъ помѣщеніемъ для нихъ. Съ 1894 по 1899 г. количество крупныхъ промышленныхъ предпріятій увеличилось съ 778 до 2.253, а вложенные въ нихъ капиталы съ 44.589.762 іенъ до 147.783.280 іенъ *), т.-е. за 5 лѣтъ капиталъ, находящійся въ фабрично-заводскихъ предпріятіяхъ, увеличился болѣе чѣмъ втрое, а за послѣдніе 15 лѣтъ онъ возросъ въ 20 разъ.

Изъ разныхъ видовъ добывающей промышленности на первомъ планѣ стоитъ разработка каменнаго угля, увеличившаяся за двадцать лѣтъ въ 10 разъ. Въ 1878 г. въ Японіи добывалось 42 милліона пудовъ, а въ 1898—415 милліоновъ. Далѣе идетъ нефть, добыча которой тоже удесятирилась за этотъ періодъ съ 174 тысячъ до 1.880 тысячъ. Обиліе собственнаго каменнаго угля и нефти является громаднымъ подспорьемъ въ ростѣ промышленности вообще; Японія не

*) „Resumé statistique de l'Empire des Japon", Tokio, 1902 г., стр. 74.

должна выписывать для своихъ фабрикъ и заводовъ топливо изъ-за границы, она имѣетъ его въ достаточномъ количествѣ на мѣстѣ.

Добыча желѣза въ Японіи хотя и увеличивается довольно значительно, но все же не можетъ удовлетворять растущимъ потребностямъ страны, такъ что желѣзо, какъ въ обработанномъ, такъ и въ необработанномъ видѣ составляетъ важный предметъ ввоза. Кромѣ желѣза, изъ металловъ тамъ добывается мѣдь и свинецъ въ значительныхъ количествахъ, остальные—серебро, золото, олово—въ небольшихъ.

Картину общаго роста японской промышленности, какъ добывающей, такъ и обрабатывающей, даетъ разсмотрѣніе данныхъ, касающихся движенія внѣшней торговли Японіи за послѣдній періодъ. Слѣдующая табличка даетъ представленіе о ростѣ внѣшней торговли съ 1868 по 1899 г.:

	Ввозъ.	Вывозъ.	Сумма оборотовъ.
	Въ милліонахъ іенъ *).		
Въ 1868 г.	10,6	15,5	26,1
» 1877 »	27,4	23,3	50.7
» 1884 »	29,6	33,8	63,4
» 1888 »	65,4	65,7	131,1
» 1894 »	117,4	113,2	230,6
» 1899 »	220,4	214,9	435,3
» 1901 »	255,8	252,3	508,1

Такимъ образомъ сумма торговыхъ оборотовъ Японіи за 33 года увеличилась приблизительно въ 20 разъ. Главные предметы *вывоза* изъ Японіи составляютъ шелкъ въ сыромъ и обработанномъ видѣ (37%), хлопчатобумажныя издѣлья (14%), каменный уголь (5%), рисъ (5%), чай (3%), мѣдь (3%), соломенныя издѣлья (3%) и спички (3%). Что касается *ввоза*, то на первомъ мѣстѣ стоятъ сырой хлопокъ (27%), сахаръ (8%), хлопчатобумажныя издѣлья (5%), бобы (4%) и т. д. Но если всмотрѣться повнимательнѣе въ измѣненіе отношенія между различными предметами ввоза и вывоза, то увидимъ, что въ вывозной торговлѣ Японіи начинаютъ играть все бо̀льшую роль предметы обрабатывающей промышленности, тогда какъ ввозъ иностранныхъ фабричныхъ издѣлій относительно сокращается. Такъ, еще въ 1883 году 93,4% всѣхъ товаровъ, вывезенныхъ изъ Японіи, составляли сырые продукты: рисъ, чай, сырой шелкъ, уголь, мѣдь и т. п. Всѣхъ же предметовъ обрабатывающей промышленности было вывезено лишь на 2,4 милліона іенъ, причемъ половину составляли кустарныя издѣлья, такъ что собственно фабричная промышленность доставила всего 3% вывоза не болѣе, какъ на 1,2 милліона. Въ 1899 году предметы добывающей промышленности составили всего 40% вывоза, слѣдовательно обрабаты-

*) „Financial and Economical Annual of Japan“, Tokio, 1903 г., стр. 74.

вающая промышленность доставила уже 60%, на сумму около 130 милліоновъ іенъ, т.-е. за 16 лѣтъ вывозъ предметовъ обрабатывающей промышленности увеличился болѣе, чѣмъ въ 50 разъ. И на первомъ мѣстѣ изъ различныхъ предметовъ обрабатывающей промышленности стали теперь хлопчатобумажныя ткани (14%) и другіе продукты исключительно фабричнаго производства. Въ то же время въ области ввоза происходилъ совершенно обратный процессъ. Въ 1883 г. предметы обрабатывающей промышленности составляли 43,5%; въ 1899 г. ввозъ всѣхъ заграничныхъ издѣлій составилъ лишь 17,4% всего взоза. Соотвѣтственно съ этимъ количество сырья, необходимаго для фабричныхъ производствъ, значительно возросло. Въ 1883 г. оно составляло всего 2% ввоза, въ 1899 г. оно достигло 31,6% ввоза на сумму около 70 милліоновъ іенъ. Изъ всѣхъ этихъ цифръ ясно виденъ не только громадный ростъ внѣшней торговли Японіи, но и быстрое развитіе ея фабричной промышленности, продукты которой играютъ въ ней все болѣе значительную роль.

Насколько широка въ настоящее время сама по себѣ внѣшняя торговля Японіи, видно, между прочимъ, изъ того, что въ ней принимаютъ участіе 25 различныхъ странъ; 25 странъ посылаютъ въ Японію свои товары и получаютъ, въ свою очередь, ея произведенія. Конечно, роль этихъ странъ въ торговыхъ оборотахъ съ Японіей далеко не одинакова. Не одинаково также ихъ относительное участіе во ввозѣ и въ вывозѣ изъ Японіи. Вывозитъ Японія больше всего въ Соединенные Штаты (30% всего вывоза). Туда идутъ, главнымъ образомъ, шелковыя ткани, шелкъ-сырецъ, циновки и чай. Всего болѣе чѣмъ на 60 мил. іенъ. Далѣе идетъ Китай (18,7%), получающій изъ Японіи бумажныя ткани и пряжу, спички, уголь и разныя съѣдобныя водоросли. Третье мѣсто по вызову изъ Японіи принадлежитъ Франціи (13,6%), вывезшей въ 1899 г. товаровъ почти на 30 милліоновъ іенъ, т.-е. на 75 мил. франковъ. Туда Японія посылаетъ преимущественно мѣдь, шелкъ, рисъ и разныя мѣстныя бездѣлушки. Англія и ея колоніи вывозятъ, въ общемъ, на 20 мил. іенъ (около 10%), причемъ въ Англію идетъ, главнымъ образомъ, рисъ и мѣдь, въ колоніи же уголь и промышленныя произведенія. Въ Корею, занимающую пятое мѣсто въ вывозной торговлѣ Японіи, отправляются исключительно продукты фабричнаго производства, болѣе всего хлопчатобумажныя ткани. Вывозъ въ Россію очень незначителенъ. Она получаетъ изъ Японіи рисъ, каменный уголь, ковры и разныя фарфоровыя и лакированныя бездѣлушки. Всего въ 1899 г. ею вывезено въ Россію товаровъ на 3 съ небольшимъ милліона рублей. Въ вывозной торговлѣ Японіи Россіи принадлежитъ десятое мѣсто. Такое же приблизительно мѣсто она занимаетъ и по ввозу туда. Посылаетъ она туда преимущественно нефть, рыбу, сахаръ и разные случайные товары. По ввозу въ Японію первое мѣсто занимаетъ Англія съ колоніями (41%), хотя въ теченіе девя-

ностыхъ годовъ ея торговые обороты нѣсколько уменьшились, что объясняется развитіемъ хлопчатобумажнаго производства въ Японіи и уменьшеніемъ спроса на заграничные мануфактурные товары. Теперь Англія торгуетъ съ Японіей, главнымъ образомъ, желѣзомъ, сталью, чугуномъ и сырымъ хлопкомъ изъ Индіи. Въ 1899 г. одного хлопка было привезено въ Японію почти на 40 мил. іенъ. Всевозможныя машины получаются въ Японіи также чаще всего изъ Англіи и изъ Соединенныхъ Штатовъ. Кромѣ машинъ, Соединенные Штаты высылаютъ туда сырой хлопокъ, нефть, муку, желѣзо въ разныхъ видахъ и всевозможныя мануфактурныя издѣлія. Китай ввозитъ въ Японію исключительно сырыя произведенія, прежде всего жизненные припасы: бобы, рисъ, сахаръ и растительныя удобренія. Далѣе идутъ Германія, Франція и Бельгія, ввозящія на довольно крупныя суммы, и остальныя страны, участвующія лишь въ небольшихъ размѣрахъ въ торговлѣ съ Японіей.

Несмотря на такую обширную международную торговлю Японіи, число иностранцевъ, проживающихъ тамъ, очень невелико. Во всей странѣ въ 1900 г. насчитывалось всего 12.664 *) иноземныхъ подданныхъ. При этомъ больше половины этого числа (6.901) китайцы. Такъ что европейцевъ и американцевъ вмѣстѣ не болѣе 5 тысячъ человѣкъ, всего больше англичанъ (20°/o), затѣмъ американцевъ (12[illegible]/o) нѣмцевъ, французовъ и корейцевъ. Количество русскихъ, живущихъ тамъ, ничтожно (въ 1900 г. — 189). Кромѣ членовъ посольствъ, консульствъ и миссій, большая часть иностранцевъ, проживающихъ въ Японіи, купцы. На всѣ остальныя профессіи приходится совершенно незначительный остатокъ. Говорить поэтому о томъ, что японская промышленность обязана своимъ существованіемъ не столько японцамъ, сколько иностранцамъ, по меньшей мѣрѣ странно. Какіе-нибудь 5.000 человѣкъ среди 45 милліоннаго населенія — это капля въ морѣ, и никакого рѣшающаго вліянія на японскую промышленность они не могли имѣть и не имѣли. Конечно, вначалѣ, при возникновеніи разныхъ новыхъ видовъ производства, японцы часто приглашали иностранныхъ техниковъ и руководителей, также какъ они приглашали иностранныхъ инструкторовъ въ свою армію. Но также какъ японская армія состоитъ теперь исключительно изъ японцевъ, такъ и японская промышленность растетъ и развивается совершенно самостоятельно. Участіе въ ней иностранцевъ гораздо меньше, чѣмъ въ любой европейской странѣ.

Крупная промышленность, такъ изумительно быстро выросшая въ Японіи, явилась для нея, несомнѣнно, положительнымъ факторомъ. Во-первыхъ, она подняла національное богатство страны и открыла возможность широкому развитію и матеріальной, и духовной культуры. Во-вторыхъ, и трудящимся слоямъ населенія она принесла нѣкоторую

*) „Resumé statistique", стр. 15.

пользу. Говоря о Японіи, не приходится разсуждать на тему о томъ, что фабрика отрываетъ населеніе отъ болѣе здороваго и разумнаго земледѣльческаго труда. Не будемъ даже касаться вопроса о томъ, составляетъ ли обработка риса по поясъ въ водѣ и нищенская жизнь японскаго крестьянина особенно здоровыя и привлекательныя условія существованія. Во всякомъ случаѣ, не фабрика отрываетъ его отъ нихъ. Отрываетъ его малоземелье и быстрый ростъ населенія. Раньше, выброшенный изъ привычныхъ условій жизни, онъ скитался по дорогамъ впроголодь, промышляя чѣмъ Богъ пошлетъ, теперь онъ идетъ на фабрики и получаетъ хоть и небольшой, но опредѣленный заработокъ. Конечно, положеніе фабричнаго рабочаго въ Японіи очень тяжело, тяжелѣе, пожалуй, чѣмъ во многихъ другихъ странахъ, заработокъ его очень невеликъ и рабочій день до самаго послѣдняго времени не былъ ничѣмъ ограниченъ. Но во всякомъ случаѣ есть въ этомъ положеніи нѣкоторые просвѣты, нѣкоторыя надежды на будущее, которыхъ не было раньше. Обыкновенно незавидныя условія жизни современнаго японскаго рабочаго сравниваютъ съ обезпеченнымъ относительно существованіемъ прежняго ремесленника, и, конечно, это сравненіе даетъ поводъ ко многимъ сѣтованіямъ по поводу желѣзныхъ формъ новаго производства, смѣнившихъ идиллически-патріархальныя отношенія, господствовавшія въ прежней ремесленной средѣ. Если покопаться поглубже, то и въ этой идилліи найдется не мало тѣневыхъ сторонъ, въ родѣ безконечнаго ученичества и полнаго произвола хозяина-мастера надъ своими подручными. Но, даже не пытаясь разрушать эту идиллію, мы напомнимъ только одно. Ремесленники въ старой Японіи составляли не трудящуюся массу, а привилегированное меньшинство, огражденное всевозможными исключительными законами, и современнаго рабочаго надо сравнивать не съ ними, а съ тѣмъ бродячимъ людомъ, который, не имѣя ни крова, ни пристанища, скитался по большимъ дорогамъ и по городамъ.

Дѣйствительно заработокъ японскаго рабочаго очень невеликъ. Въ среднемъ онъ колеблется отъ 30 до 55 сенъ *) въ день. При этомъ наименьшій заработокъ имѣютъ сельскохозяйственные и кустарные рабочіе, наибольшій городскіе ремесленники и фабричные. Такъ, земледѣльческій работникъ получалъ въ 1901 г. 30 к. въ день, женщина-работница 19 к. Рабочій на шелковичной плантаціи—33 к., женщина—21 к., между тѣмъ какъ рабочій на кирпичномъ заводѣ получаетъ 56 к., каменотесъ—55 к. Но какъ ни малъ заработокъ японскаго рабочаго, онъ, во всякомъ случаѣ, очень замѣтно растетъ. Во всѣхъ безъ исключенія производствахъ за послѣдніе годы произошло значительное увеличеніе заработной платы. Въ среднемъ, поденный заработокъ японскаго рабочаго увеличивается на 10% въ годъ. Съ 1892 по

*) Сена почти равна копейкѣ.

1901 г., т.-е. за десять лѣтъ, онъ выросъ, въ среднемъ, на 100 процентовъ, причемъ въ нѣкоторыхъ производствахъ увеличеніе это гораздо значительнѣе. Слѣдующая табличка показываетъ на конкретныхъ примѣрахъ ростъ заработной платы рабочаго за послѣднее десятилѣтіе:

Профессіи.	Поденная плата въ сенахъ 1892 г.	1901 г.	Увеличеніе въ процентахъ.
Плотники	26	59	126%
Каменщики	30	67	123%
Кровельщики	24	54	125%
Пильщики	25	58	132%
Кузнецы	25	48	92%
Наборщики	22	39	80%
Экипажные мастера	26	49	90%
Рабочіе на бумажной фабрикѣ	26	53	103%
» » ткацкой »	12	29	141%
Красильщики	20	30	50%
Столяры	24	55	128%
Поденщики	22	39	80% *).

Количество этихъ примѣровъ можно было бы значительно увеличить. Но всѣ они говорятъ одно и тоже,—что заработная плата, и до сихъ поръ еще далеко не сравнявшаяся съ заработкомъ европейскаго рабочаго, постоянно и правильно возрастаетъ. Г. Дюмоларъ, приводя въ своей книгѣ о Японіи подобныя же данныя за послѣдніе четыре года, находитъ, что постоянный ростъ заработной платы, замѣчаемый вездѣ въ Японіи, служитъ угрозой для ея промышленности. Намъ кажется, что изъ этого факта можно сдѣлать какъ разъ обратные выводы. Если японская промышленность имѣетъ возможность повышать плату за трудъ, то, очевидно, она достаточно окрѣпла для этого. Вначалѣ, при самомъ возникновеніи промышленности дешевый трудъ, конечно, былъ для нея благопріятнымъ моментомъ. При большихъ издержкахъ на постановку дѣла, при технической неопытности, она не могла бы выдержать конкуренціи съ иностранными товарами, если бы ей пришлось бы оплачивать трудъ своего рабочаго такъ, какъ онъ оплачивается въ Западной Европѣ. Но по мѣрѣ развитія промышленности, по мѣрѣ введенія всевозможныхъ техническихъ усовершенствованій, у нея явилась естественно возможность удешевлять производство не исключительно за счетъ эксплоатаціи труда рабочихъ. Въ то же время лучше оплачиваемый трудъ всегда производительнѣе, такъ что въ итогѣ это повышеніе заработной платы ока-

*) Данныя взяты изъ таблицы поденныхъ заработковъ за послѣдніе годы, приведенной въ „Financial and Economical Annual of Japan, 1903 г.“ ст. 70—71.

залось не только не пагубнымъ, но даже полезнымъ для японской промышленности.

Такое же значеніе имѣетъ и рабочее законодательство, очень долго въ принципѣ отвергавшееся японскимъ парламентомъ и, наконецъ, внесенное туда въ формѣ выработаннаго проекта въ одну изъ послѣднихъ сесій. До тѣхъ поръ Японія не имѣла никакого спеціальнаго рабочаго законодательства, и отношенія между предпринимателями и рабочими разсматривались, какъ частныя договорныя отношенія, подлежащія дѣйствію общихъ законовъ. Государство не брало на себя огражденія рабочихъ, какъ слабѣйшей изъ договаривающихся сторонъ. Послѣдній проектъ рабочаго законодательства сдѣлалъ нѣкоторый шагъ въ этомъ направленіи. Положимъ, шагъ очень небольшой, такъ какъ проектированное законодательство еще крайне несовершенно и полно всевозможныхъ оговорокъ, могущихъ во многихъ случаяхъ свести къ нулю его значеніе. Главнымъ недостаткомъ этого законодательства служитъ отсутствіе установленной закономъ максимальной продолжительности рабочаго дня для взрослыхъ рабочихъ. Этотъ существенный вопросъ предоставленъ «свободному» договору между хозяиномъ и рабочими. Ограниченія есть только для дѣтскаго труда. Дѣтей до 9 лѣтъ законъ совершенно запрещаетъ употреблять для фабричныхъ работъ. Подростки до 14 лѣтъ не могутъ работать долѣе 11 часовъ въ день съ часовымъ перерывомъ и ни въ какомъ случаѣ не должны быть допускаемы къ ночнымъ работамъ. При этомъ каждое промышленное заведеніе должно имѣть школу и отпускать туда дѣтей до 14-лѣтняго возраста. Относительно взрослыхъ рабочихъ законъ обязываетъ предпринимателя только давать опредѣленные праздники и принимать указанные закономъ предохранительныя мѣры для охраны здоровья и жизни рабочаго. Въ случаѣ какого-нибудь несчастья, происшедшаго безъ умысла рабочаго, законъ требуетъ, чтобы хозяинъ оплатилъ его леченье. Если онъ окажется неспособнымъ къ труду, хозяинъ обязывается выплачивать ему опредѣленную ренту, а если онъ умретъ—то обезпечить его семью.

Всѣ эти требованія законопроекта крайне умѣренны и далеко не защищаютъ рабочаго отъ произвола хозяина. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если принять во вниманіе составъ японскаго парламента. Проектъ рабочаго законодательства былъ впервые внесенъ въ то время, когда избирательный цензъ не былъ еще даже пониженъ до 10 іенъ. Членами парламента были, слѣдовательно, исключительно представители зажиточныхъ классовъ. Изъ промышленнаго міра представлены были, конечно, только капиталисты-предприниматели. Уже теперь, когда цензъ пониженъ въ $1^1/_2$ раза рабочее законодательство могло бы принять, а можетъ быть и приметъ болѣе широкій и либеральный характеръ. Въ будущемъ, когда японская конституція уступитъ требованіямъ времени и раздвинетъ рамки народнаго представительства, на что есть

въ настоящее время большія надежды, японскіе рабочіе получатъ сразу гораздо болѣе шансовъ на дѣйствительную защиту государства.

6.

Въ основу начальнаго образованія въ Японіи положены два принципа: *общеобязательность* и *свѣтскость*. Всѣ дѣти отъ 6 до 10-лѣтняго возраста должны посѣщать школу, если ихъ родители не представятъ какихъ-нибудь уважительныхъ причинъ, могущихъ избавить ихъ отъ этой необходимости (болѣзнь, слабость, возможность домашняго образованія и т. п.). Къ сожалѣнію, обученіе тамъ до сихъ поръ еще не безплатно. За годъ плата за ученье въ низшихъ школахъ колеблется отъ 4 до 6 іенъ. Конечно, цѣна это очень небольшая, но все-таки для многихъ семей и она является большимъ обремененіемъ. Платность начальнаго обученія въ Японіи объясняется исключительно громадными затратами на его постановку, бывшими до сихъ поръ не по средствамъ правительственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда положеніе финансовъ позволяетъ, городскія и сельскія общества уполномочиваются вводить у себя безплатное обученіе. И въ настоящее время очень многіе ученики освобождаются отъ платы. Такъ, если одинъ ребенокъ уже учится въ школѣ, другого принимаютъ безплатно. Свидѣтельство о бѣдности тоже избавляетъ отъ обязанности платить за дѣтей. Въ скоромъ времени, вѣроятно, принципъ безплатности обученія будетъ поставленъ на ряду съ принципомъ обязательности.

Третій принципъ свѣтскости образованія проведенъ въ японской школѣ съ полной послѣдовательностью. Яснѣе всего онъ формулированъ въ слѣдующей министерской инструкціи 3-го августа 1899 года: «Такъ какъ съ точки зрѣнія государства,—говорится тамъ,—существенно, чтобы общее образованіе было независимо отъ религіи, то этотъ послѣдній предметъ не долженъ преподаваться, и никакая религіозная церемонія не должна совершаться, хотя бы и во внѣклассное время, въ школахъ правительственныхъ, общественныхъ и во всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ программы курса подчинены правительственному или общественному контролю».

Это обстоятельство, между прочимъ, очень невыгодно для всѣхъ вообще миссіонеровъ. Они имѣютъ право, какъ и всякій въ Японіи, основывать свои школы, но школы эти могутъ пользоваться оффиціальными правами и давать льготы только въ томъ случаѣ, если въ нихъ не преподается религія. Иначе окончаніе ихъ не даетъ никакихъ правъ. Открывать школы исключительно свѣтскаго характера для миссіонеровъ, конечно, не представляетъ никакого интереса. Религіозныя же школы привлекаютъ крайне мало охотниковъ. Вслѣдствіе этого, миссіонерскихъ школъ въ Японіи вообще не много и

они не многолюдны. Въ 1902 г. во всѣхъ миссіонерскихъ школахъ Японіи было всего 2.482 ученика, изъ нихъ 1.631 дѣвочка и только 851 мальчикъ.

Но строгое проведеніе принципа свѣтскости никакъ нельзя считать оружіемъ, направленнымъ спеціально противъ иностранцевъ или миссіонеровъ, такъ какъ ни буддійскимъ, ни шинтоистскимъ школамъ тоже не дается оффиціальныхъ правъ, а иностранцы не миссіонеры, какъ мы увидимъ ниже, свободно допускаются въ правительственныя учебныя заведенія, конечно, преимущественно высшія.

Начальныя школы въ Японіи раздѣляются на два разряда—низшія и высшія. Въ низшихъ, съ четырехлѣтнимъ курсомъ, преподается японскій языкъ, чтеніе и письмо, ученіе о нравственности, ариѳметика и гимнастика. Очень большимъ обремененіемъ для школьнаго преподаванія является въ настоящее время азбука. Въ Японіи существуютъ, въ сущности, двѣ азбуки. Одна изъ нихъ чисто японская, *кана*, состоитъ изъ 48 знаковъ, соотвѣтствующихъ нашимъ буквамъ. Но при помощи этой азбуки можно изображать лишь разговорныя слова. Литературный языкъ не поддается передачи съ помощью ея, такъ какъ въ него вошло большое количество китайскихъ словъ, требующихъ особаго написанія. Вслѣдствіе этого книги печатаются китайскими знаками, число которыхъ безконечно. Чтобы быть вполнѣ грамотнымъ, т.-е. умѣть прочесть любую книгу или газету, надо знать отъ 2 до 3 тысячъ этихъ знаковъ. Ученые же знаютъ ихъ нѣсколько десятковъ. Изученіе этой грамоты, конечно, очень обременяетъ дѣтей, и въ настоящее время въ Японіи идетъ усиленная борьба противъ нея. При этомъ мнѣнія противниковъ китайскаго письма расходятся. Нѣкоторые предлагаютъ замѣнить его «каной», нѣсколько переработавъ ее, другіе же считаютъ возможнымъ ввести прямо латинскій алфавитъ. Во всякомъ случаѣ то или другое рѣшеніе вопроса, вѣроятно, не заставитъ себя ждать и очень облегчитъ японскихъ школьниковъ.

Въ низшія начальныя школы поступаютъ дѣти 6 лѣтъ. Количество низшихъ начальныхъ школъ и учителей въ нихъ вполнѣ соотвѣтствуетъ въ настоящее время требованію обязательности обученія. Всѣ дѣти школьнаго возраста получаютъ туда доступъ и на одного учителя приходится не болѣе 50 учениковъ. Въ высшихъ начальныхъ школахъ преподаются, кромѣ тѣхъ же предметовъ, какъ и въ низшихъ, еще японская исторія, географія и естествознаніе. Изъ второстепенныхъ предметовъ: пѣніе, черченіе и гимнастика, а для дѣвочекъ можно вводить и рукодѣліе. Курсъ въ нихъ продолжается не менѣе двухъ и не болѣе четырехъ лѣтъ, такъ что общій курсъ начальнаго образованія обнимаетъ отъ 5 до 8 лѣтъ. Посѣщеніе высшихъ начальныхъ школъ тоже считается обязательнымъ, но въ настоящее время количество ихъ еще не вполнѣ удовлетворяетъ потребности, такъ что не всѣ, окончившіе низшую школу, находятъ тамъ

мѣсто. Во всякомъ случаѣ, число ихъ съ каждымъ годомъ увеличивается.

Въ низшихъ начальныхъ школахъ допускается совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ, въ высшихъ оно ведется отдѣльно. По общимъ отзывамъ европейцевъ, изучавшихъ школьное дѣло въ Японіи, начальныя школы устроены тамъ превосходно. Прекрасное помѣщеніе, веселый и оживленный видъ учениковъ производитъ пріятное впечатлѣніе на посѣтителя. Учителя не гонятся за педантической дисциплиной, въ классѣ часто раздаются дѣтскіе вопросы и слышится смѣхъ, но зато вниманіе учениковъ не утомляется, и они съ интересомъ слѣдятъ за преподаваніемъ. Вотъ какъ описываетъ русскій путешественникъ Шрейдеръ свой разговоръ съ японцемъ учителемъ, на урокѣ котораго ему пришлось случайно присутствовать. На вопросъ автора, всегда ли въ классѣ царитъ такое оживленіе, какъ въ данную минуту, японецъ-учитель отвѣчалъ: «Видите ли, моя система, какъ и большинства японскихъ педагоговъ, заключается въ томъ, чтобъ дать свободно развиваться дарованію и способностямъ каждаго—это во-первыхъ; не насиловать ихъ—это во-вторыхъ; дать свободу взаимному соревнованію—это въ-третьихъ. Кромѣ того,—добавилъ онъ,—вѣдь я долженъ помнить, что я здѣсь не начальникъ, которому родители отдали подъ надзоръ своихъ дѣтей, а учитель, т.-е., что я являюсь здѣсь въ качествѣ человѣка, болѣе ихъ знающаго и свѣдующаго—и только. Зная это, я и стараюсь исключительно о томъ, чтобы всѣми возможными средствами вызвать въ нихъ интересъ къ ученью и поставить себя въ такія отношенія съ ними, чтобы они, не стѣсняясь, откровенно обращались ко мнѣ за всякимъ разъясненіемъ» *).

Особенно великолѣпно устроены японскія начальныя школы въ колонизуемыхъ ею странахъ, на Формозѣ, напр., и въ Кореѣ. Авторъ очерка «О современномъ состояніи образованія въ Японіи» описываетъ видѣнныя имъ начальныя школы въ Фузанѣ и Гензанѣ. «Въ этой школѣ (въ Фузанѣ),—пишетъ онъ,—около тысячи человѣкъ; зданія ея и обширный дворъ при немъ, на превосходномъ мѣстѣ поселенія, могутъ удовлетворить самымъ серьезнымъ педагогическимъ требованіямъ» **). Такая же школа существуетъ и въ Гензанѣ.

По закону попеченіе о народномъ образованіи и устройство начальныхъ школъ лежитъ на мѣстныхъ самоуправленіяхъ, провинціальныхъ и городскихъ. Правительство устраиваетъ начальныя школы тамъ, гдѣ недостатокъ средствъ мѣшаетъ мѣстнымъ управленіямъ содержать достаточное для всеобщаго образованія количество школъ.

Контигентъ учителей, необходимыхъ для начальныхъ школъ, по-

*) Шрейдеръ. „Йаматойо и его семья". „М. Б.", 1895 г., апрѣль.

**) Алиса Беконъ, „Женщина въ Японіи", стр. 392.

ставляется, главнымъ образомъ, такъ называемыми нормальными школами, тоже подраздѣляющимися на два разряда, причемъ окончившіе первый разрядъ допускаются только въ низшія начальныя школы, а окончившіе оба и въ высшія. Эти нормальныя школы ближе всего соотвѣтствуютъ нашимъ учительскимъ симинаріямъ и институтамъ. Курсъ ученія въ нихъ продолжается отъ 5 до 8 лѣтъ—въ высшихъ, и отъ 2 до 4 въ низшихъ. Кромѣ теоретическихъ занятій всѣми предметами, входящими въ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ присоединеніемъ къ нимъ педагогики и психологіи, въ нормальныхъ школахъ ведутся практическія занятія съ дѣтьми. При каждой нормальной школѣ устроены образцовыя начальныя школы высшаго и низшаго типа. Въ 1902 году нормальныхъ школъ было 54; учениковъ въ нихъ 11.900 мужчинъ и 2.000 женщинъ. Количество оканчивающихъ въ нихъ вполнѣ удовлетворяетъ растущей потребности въ учителяхъ для народныхъ школъ.

Большимъ минусомъ въ постановкѣ народнаго образованія въ Японіи служитъ крайне низкая оплата учительскаго труда. Среднее жалованье народнаго учителя колеблется отъ 10 до 15 іенъ въ мѣсяцъ при готовомъ помѣщеніи. Даже и при японскихъ цѣнахъ этого очень мало. Въ настоящій моментъ это не служитъ еще серьезной помѣхой къ постановкѣ народной школы. Въ народные учителя въ Японіи идутъ не ради дохода. Народное образованіе является теперь тамъ своего рода культомъ, на служеніе которому люди съ радостью отдаютъ свои силы и свои дарованія. Народный учитель не можетъ быть поставленъ на одну доску съ какимъ-нибудь мелкимъ чиновникомъ, идущимъ на такое же маленькое жалованіе ради хлѣба насущнаго. Онъ идетъ на свое трудное и скудно оплачиваемое дѣло ради высокой идеи. Какъ и у насъ, онъ «сѣятель знанія на ниву народную», и это сознаніе помогаетъ ему переносить многое. Но, конечно, государство не должно строить свои разсчеты на эксплоатаціи такого идеализма, и министерство народнаго просвѣщенія въ Японіи вполнѣ сознаетъ это и стремится найти средства улучшить положеніе народныхъ учителей.

Наименѣе удовлетворительно поставлено въ Японіи среднее образованіе. Во-первыхъ, общеобразовательныхъ средне-учебныхъ заведеній крайне недостаточно по количеству, а во-вторыхъ, и постановка учебнаго дѣла въ нихъ оставляетъ желать многаго.

Общее число среднихъ школъ въ Японіи было въ 1901 г. 242. Учащихся въ нихъ считалось 88.391 человѣкъ. Абсолютно нельзя сказать, чтобы это было очень мало, но по сравненію съ количествомъ желающихъ поступить туда это крайне недостаточно. Въ 1902 году во всѣ общеобразовательныя средне-учебныя заведенія Японіи выразило желаніе поступить 50.848 человѣкъ, изъ нихъ могло быть принято только 29.596 или 58,6%, для остальныхъ не оказалось ва-

кансій въ существующихъ школахъ. Въ среднія школы принимаютъ дѣтей не моложе 12 лѣтъ, имѣющихъ свидѣтельство объ окончаніи двухклассной высшей начальной школы. Курсъ обученія тамъ продолжается 6 лѣтъ. Въ программу занятій входятъ слѣдующіе предметы: японская литература, китайская литература, исторія, географія, 2 европейскіе языка, англійскій и французскій или нѣмецкій, математика, естественная исторія, химія, физика, ученіе о нравственности и гимнастика. Главнымъ недостаткомъ постановки дѣла въ среднихъ школахъ считается чрезмѣрное обиліе предметовъ и черезчуръ высокія требованія отъ учениковъ. Жалобы на переутомленіе учащихся, къ сожалѣнію, не рѣдкость и въ Японіи. Единственнымъ противовѣсомъ противъ перегруженія программъ является тамъ прекрасная постановка физическаго воспитанія. На него въ японскихъ школахъ, начиная съ низшихъ начальныхъ и кончая высшими, вездѣ обращено самое серьезное вниманіе. Самыя разнообразныя физическія упражненія, гимнастика всѣхъ видовъ, подвижныя игры, состязанія въ силѣ, въ ловкости, въ быстротѣ бѣга и находчивости считаются обязательными во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ безъ исключенія. По раціональности постановки физическаго воспитанія, по отзывамъ спеціалистовъ, Японія можетъ съ успѣхомъ конкурировать съ Англіей. Въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ физическія упражненія считаются настолько же необходимыми, какъ и въ мужскихъ, только тутъ эти упражненія имѣютъ цѣлью развить не только силу, ловкость и предпріимчивость, но и грацію и гармонію движеній. На время гимнастическихъ упражненій дѣвочки мѣняютъ свой стѣснительный національный костюмъ на болѣе легкій и удобный *).

Окончаніе курса средней школы не даетъ еще права на поступленіе въ университетъ. Для этого надо пройти одну изъ такъ называемыхъ высшихъ школъ. Ихъ въ настоящее время всего восемь и доступъ туда еще затруднительнѣе, чѣмъ въ среднія школы. Въ 1902 г. въ нихъ было принято всего 36% всѣхъ кандидатовъ. Только по окончаніи четырехлѣтняго курса высшей школы молодой человѣкъ можетъ поступить въ университетъ. Такимъ образомъ до университета онъ долженъ кончить четыре школы, двѣ начальныя и двѣ среднія, т.-е. проучиться 16 лѣтъ. Поступивъ въ низшую начальную школу 6 лѣтъ, онъ добирается до университета только къ 22-мъ. Это, конечно, ненормально поздно, и въ послѣднее время въ Японіи поднимается вопросъ о реформѣ средняго образованія. Предполагается уничтожить совсѣмъ высшія школы и соотвѣтственно съ этимъ пересмотрѣть программы среднихъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы среднее образованіе могло быть заканчиваемо къ 18—19 годамъ.

---

*) Мы не говоримъ спеціально о женскомъ образованіи, такъ какъ ему была посвящена особая статья г. Аз—ва въ № 6 и 7 „М. Б.“ за текущій годъ.

Университетовъ въ Японіи два—первый, въ Токіо, основанный въ 1877 г. и второй въ Кіото—въ 1897 г.

Токійскій университетъ имѣетъ шесть факультетовъ: медицинскій, юридическій, естественно-математическій, филологическій, агрономическій и инженерный.

При университетѣ есть нѣсколько научно-вспомогательныхъ учрежденій для практическихъ занятій и ученыхъ изслѣдованій. Университетскія клиники по отзывамъ русскаго врача Шиманскаго *) проработавшаго тамъ нѣсколько лѣтъ, обставлены образцово, и вполнѣ отвѣчаютъ послѣднимъ требованіямъ науки.

При естественно-математическомъ факультетѣ имѣется богатѣйшій ботаническій садъ, выписывающій растенія изъ различныхъ частей свѣта и, привлекающій массу посѣтителей своей красотой и безупречнымъ порядкомъ.

О сейсмологическомъ обществѣ и сейсмической обсерваторіи намъ уже приходлось упоминать, говоря о землетрясеніяхъ, кромѣ нея, тамъ есть еще астрономическая и морская біологическая лабораторія, устроенная въ бухтѣ Куаджиро, чрезвычайно богатой всевозможными видами морскихъ организмовъ. При филологическомъ факультетѣ есть спеціальная исторіографическая и археологическая коммиссія, занимающаяся изученіемъ японскихъ древностей. При инженерной коммиссіи организованы различныя образцовыя мастерскія, а при сельскохозяйственной на принадлежащей университету землѣ устроены опытныя поля, питомники и т. п. Наконецъ, при университетѣ же есть всевозможные кабитеты: физическій, зоологическій, геологическій, антропологическій и богатая библіотека не только на японскомъ и китайскомъ, но и на многихъ европейскихъ языкахъ (около 200.000 названій европейскихъ книгъ).

Въ настоящее время Токійскій университетъ уже не можетъ быть названъ исключительно учебнымъ заведеніемъ, онъ въ тоже время и ученое учрежденіе, изъ среды котораго выходятъ крупныя научныя силы, завоевывающія признаніе и въ Европѣ. Напомнимъ хотя бы знаменитаго японскаго бактеріолога Китазато, прославившагося своими изслѣдованіями по чумѣ и изобрѣвшимъ вмѣстѣ съ проф. Берингомъ противодифтеритную сыворотку. Другой японскій профессоръ Шига изобрѣлъ противодезинтерійную сыворотку, примѣняющуюся теперь и въ европейскихъ клиникахъ. О работахъ японскихъ ученыхъ въ области геологіи и сейсмологіи намъ уже приходилось упоминать. Въ этой отрасли наиболѣе извѣстны проф. Омори и Секія.

Въ 1901—2 г. всѣхъ слушателей въ токійскимъ университетѣ было 3121, при чемъ изъ нихъ 15 иностранцевъ (8 китайцевъ, 3 корейца,

*) Отчетъ его былъ помѣщенъ въ „Журналѣ акушерства и гинекологіи“ за 1899 г.

2 филипинца, 1 индусъ и 1 американецъ). Профессоровъ и преподавателей 245, въ томъ числѣ 18 иностранцевъ (8 нѣмцевъ, 3 американца, 2 англичанина, 1 французъ, 1 русскій, 1 швейцарецъ, 1 итальянецъ и 1 китаецъ). Въ первые годы количество иностранныхъ преподавателей было, конечно, значительно больше. Но, по мѣрѣ того, какъ являлись японцы, подготовившіеся и за-границей, и дома къ занятію каѳедръ, они естественнымъ образомъ замѣняли иностранцевъ. Вообще въ 1902 году всѣхъ иностранцевъ, занимающихся преподаваніемъ въ Японіи, насчитывалось всего 66, причемъ треть изъ нихъ нѣмцы, потомъ англичане и американцы, остальные же считаются единицами.

Въ этомъ нежеланіи допускать иностранцевъ къ преподаванію сказывается, конечно, стремленіе японцевъ къ независимости въ духовной области. Они охотно заимствуютъ у иностранцевъ то, что имъ кажется полезнымъ и пригоднымъ, охотно сами ѣдутъ учиться въ Европу, но по возможности избѣгаютъ отдавать въ ихъ руки воспитаніе молодежи. Вмѣстѣ съ этимъ въ школѣ никогда не воспитывается намѣренно непріязнь и недовѣріе къ иностранцамъ. Въ той же министерской инструкціи 1899 г., о которой намъ уже приходилось упоминать, говорится между прочимъ: «Высоко чтите предковъ и обращайтесь съ вашими родителями съ теплой сердечностью, но не смотрите ни на кого, какъ на вашего врага потому только, что онъ христіанинъ. Такъ какъ всѣ человѣческія существа суть братья и сестры, то нѣтъ основаній относиться недовѣрчиво къ иностранцамъ. Смотрите на нихъ, какъ на равныхъ, и дѣйствуйте правдиво во всѣхъ вашихъ сношеніяхъ съ ними. Остерегайтесь сплачиваться для борьбы противъ иностранца и ненавидѣть его только потому, что онъ иностранецъ. Надо судить людей по ихъ поведенію, а не по ихъ національности».

Отчасти, въ дѣлѣ преподаванія сами европейцы виноваты въ нѣкоторомъ недовѣріи къ нимъ со стороны японцевъ. Когда Японія была открыта для иностранцевъ, въ Европѣ о ней имѣлось довольно смутное представленіе. Казалось, что у этихъ варваровъ всякій европеецъ, по одному тому, что онъ европеецъ, можетъ сойти за ученаго. Люди, которымъ не повезло въ своемъ отечествѣ, являлись въ Японію и предлагали свои услуги по части просвѣщенія подданныхъ микадо. И вначалѣ плохое знаніе иностранныхъ языковъ вводило японцевъ въ печальныя недоразумѣнія. Г. Дюмоляръ, бывшій самъ профессоромъ токійскаго университета, разсказываетъ случай, что вскорѣ послѣ переворота 1868 г. преподавателемъ въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній былъ приглашенъ американскій мясникъ. Но это не долго продолжалось. Японское правительство очень скоро замѣтило, что его довѣрчивостью воспользовались разные проходимцы и приняло свои мѣры. Для иностранцевъ, ищущихъ мѣстъ преподавателей въ 1874 году, былъ установленъ

своего рода государственный экзаменъ, и въ первый же годъ многіе изъ кандидатовъ съ позоромъ провалились. Предполагаемый лекторъ англійской литературы не умѣлъ грамотно писать по-англійски, а познанія профессора математики не шли дальше уравненія 2-й степени. Не мудрено, что послѣ этого японцы стали относиться нѣсколько подозрительно къ носителямъ европейскаго просвѣщенія, хотя это не мѣшало настоящимъ европейскимъ ученымъ въ родѣ профессора Мильна, напр. по много лѣтъ подрядъ занимать каѳедры въ токійскомъ университетѣ.

Молодой университетъ въ Кіото еще далеко не сравнялся съ первымъ. Въ немъ пока открыто только 4 факультета: медицинскій, юридическій, естественно-математическій и инженерный. Количество студентовъ въ немъ тоже невелико, въ 1901 г. ихъ было всего около 500. Вполнѣ закончены устройствомъ въ немъ только медицинскія клиники, въ которыхъ перебывало уже около 40 тысячъ амбулаторныхъ и около $1^1/_2$ тысячи госпитальныхъ больныхъ.

Кромѣ двухъ университетовъ, въ Японіи есть еще два высшія учебныя заведенія съ общеобразовательнымъ курсомъ. Это сенмонская школа и коллегія Фукузавы. Сенмонская школа имѣетъ три факультета: литературный, юридическій и политическій. Основана она графомъ Окума въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, съ цѣлью, главнымъ образомъ, подготовлять молодыхъ людей къ общественной дѣятельности и къ литературной карьерѣ. Курсъ въ ней трехлѣтній.

Коллегія Фукузавы самое старѣйшее въ Японіи учебное заведеніе, поставившее преподаваніе на европейскій ладъ. Основано оно еще при старомъ режимѣ въ 1858 году и вначалѣ европейская наука вводилась туда съ крайней осторожностью, подъ вѣчными опасеніями преслѣдованій за нарушеніе закона. Послѣ реставраціи 1868 года коллегія сразу расцвѣла и привлекла къ себѣ много охотниковъ. Она совмѣщаетъ въ себѣ и среднее и высшее учебное заведеніе. Мальчики поступаютъ туда по окончаніи 2-хъ-лѣтней высшей начальной школы и проходятъ сначала въ теченіе 7 лѣтъ курсъ среднеучебныхъ заведеній, а потомъ 3 года университетскій. Университетскій курсъ распадается на три отдѣленія: юридическое, политико-экономическое и литературное.

Наконецъ, кромѣ общеобразовательныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ Японіи есть еще не мало спеціальныхъ, изъ которыхъ мы упомянемъ 15 медицинскихъ школъ съ 4-хъ-лѣтнимъ курсомъ, 15 юридическихъ и политико-экономическихъ, 2 естественно-научныхъ, 6 для изученія языковъ, музыкальная академія и школа изящныхъ искусствъ. Собственно техническія школы, къ которымъ относятся также сельскохозяйственныя, занимаютъ въ Японіи особенно высокое мѣсто и по количеству, и по постановкѣ дѣла. Въ 1901 г. ихъ было

счетомъ до 400, съ 36.787 учащимися. Относительно внутренней организаціи ихъ, кажется, нѣтъ двухъ мнѣній. Всѣ онѣ устроены крайне практично и снабжены всѣми новѣйшими пособіями. Особенностью постановки дѣла въ нихъ служитъ то, что онѣ всегда тѣсно связаны съ практическимъ промышленнымъ міромъ. Промышленныя и техническія корпораціи всегда непосредственно наблюдаютъ за ходомъ преподаванія въ тѣхъ школахъ, которыя относятся къ ихъ спеціальности и дѣлаютъ соотвѣтствующія практическія указанія. Вслѣдствіе этого ученики по окончаніи курса оказываются вполнѣ приспособленными къ потребностямъ жизни и быстро находятъ приложеніе для своихъ знаній.

Намъ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о японскомъ студенчествѣ, но къ сожалѣнію, отзывы европейцевъ, даже такихъ признанныхъ знатоковъ Японіи какъ Гриффисъ, Чэмберленъ и др., служатъ плохимъ матеріаломъ для этого. Всякій видитъ то, что хочетъ, и не замѣчаетъ ничего другого, каждый противорѣчитъ другому и даже часто самъ себѣ.

Вотъ для примѣра нѣсколько характеристикъ японскаго студента: «Онъ пылокъ, серьезенъ, усерденъ, жаждетъ знанія и проникнутъ пламеннымъ патріотизмомъ», — говоритъ одинъ англичанинъ, много лѣтъ занимавшійся преподаваніемъ въ Японіи *).

«У японскаго студента одинъ идеалъ — получить дипломъ, чтобы обезпечить свое существованіе и удовлетворить самолюбіе,—говоритъ Дюмоларъ.—Ради этой цѣли онъ способенъ на величайшія усилія. Онъ будетъ слушать по 30 курсовъ въ недѣлю, если нужно, онъ будетъ вести записки и выучивать ихъ наизусть. Но не требуйте отъ него собственныхъ размышленій, научной любознательности, интереса къ чему-нибудь, выходящему за предѣлы экзамена,—вы вызовете у него улыбку **).

Вы уже готовы поставить крестъ надъ японскими студентами. Повидимому, это тупицы, зубрилы и карьеристы. Но по счастію Чэмберленъ упрекаетъ ихъ совсѣмъ въ обратномъ.

«Ихъ главный недостатокъ,—говоритъ онъ,—стремится руководить всѣмъ самимъ, а не подчиняться. Неповиновеніе составляетъ теперь обычное явленіе» ***).

Эти слова внушаютъ уже другое опасеніе — въ верхоглядствѣ, въ легкомысліи этой молодежи. Но и тутъ вамъ не трудно найти противовѣсъ:

«Трудолюбіе японскихъ студентовъ внѣ конкурса,—говоритъ профессоръ токійскаго университета, англичанинъ Чарльзъ Диккенсонъ

---

*) Petrie Watson. „Japan", стр. 206.

**) Dumolard. „Le Japan" politique, économique et social, p. 214.

***) B. Chrmberlein „Things Japanese", изд. 1902 г. ст. 133.

Вестъ,—что касается способностей, то они не отличаются быстротой соображенія. Но если имъ есть время разобрать что-нибудь, то они разберутъ вопросъ и усвоятъ его не хуже того, кто ихъ учитъ» *).

Здѣсь, очевидно, имѣются въ виду не тѣ чисто внѣшнія способности усвоенія, какія находилъ у студентовъ г. Дюмоларъ. Но все-таки тутъ еще не чувствуется того, что такъ цѣнно въ молодежи, извѣстной широты, нѣкотораго идейнаго подъема. Зато у другихъ авторовъ мы можемъ найти жалобы именно на слишкомъ сильное увлеченіе студентовъ отвлеченными теоріями и нежеланіе заняться пріобрѣтеніемъ практически-полезныхъ знаній. Сначала Шопенгауэръ, а потомъ Ницше сводили съ ума японскихъ студентовъ.

«Головы нашихъ студентовъ,—жалуется японскій первый министръ баронъ Сонъ, — наполнены возвышенными идеями, но, къ несчастью судьбы націй не зависятъ отъ философовъ» **).

Нравственная оцѣнка японской молодежи тоже прямо-противоположна у различныхъ авторовъ: «У японской молодежи нѣтъ никакихъ идеаловъ, ни моральныхъ, ни философскихъ, ни религіозныхъ, — увѣряетъ г. Дюмоларъ.—Въ ней совсѣмъ нѣтъ того, что принято называть совѣстью» ***).

А рядомъ съ этимъ Гриффисъ, несомнѣнно очень солидный и добросовѣстный изслѣдователь, пишетъ: «Я нашелъ въ нихъ почти всѣ благородныя чувства, служащія украшеніемъ человѣческой природы. Они проявили въ отношеніи ко мнѣ довѣрчивость, симпатію, уваженіе и даже любовь. Я никогда не имѣлъ столкновенія ни съ однимъ изъ нихъ» ****).

Кромѣ всѣхъ этихъ одобреній и порицаній и взаимно уничтожающихъ другъ друга упрековъ въ послѣднее время японскую молодежь стали особенно сильно упрекать за появившееся въ ея средѣ политическое броженіе. «Начиная съ 1888 г.,—говоритъ Чэмберленъ, появился классъ распущенной молодежи, называемыхъ по японски «соши», юныхъ агитаторовъ, которые, вообразивъ, что политика ихъ область навязываютъ себя и свои мнѣнія министрамъ... Будемъ надѣяться, что анархія никогда не посѣтитъ вновь Японіи. Иначе этотъ классъ молодежи явится готовымъ орудіемъ въ ея рукахъ» *****).

Во всякомъ случаѣ какова бы она ни была, изъ нея и ни откуда болѣе выходятъ всѣ тѣ тысячи врачей, адвокатовъ, инженеровъ, учителей, профессоровъ и писателей, однимъ словомъ, всѣхъ культурныхъ работниковъ современной Японіи.

---

*) „Очеркъ образованія въ Японіи“ Н. П. А., стр. 423.

**) Petrie Watson. „Japan“, p. 210.

***) Dumolard, p. 218.

****) Griffis. „The Mikado Empire“, стр. 539.

*****) Chamberlain „Things japanaise“, стр. 133—134.

Мы уже говорили о главныхъ показателяхъ ея современнаго состоянія—политическомъ строѣ, ростѣ промышленности и постановкѣ народнаго образованія. Намъ остается сказать нѣсколько словъ еще объ одномъ чрезвычайно важномъ симптомѣ умственной жизни народа—о положеніи и роли литературы, какъ книжной, такъ и періодической. Вторая, въ сущности, и родилась только въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка. Первыя попытки издавать что-то вродѣ газетъ до переворота были настолько неудачны, что о нихъ не стоитъ и говорить. Первая имѣетъ за собой большую исторію, но и для нея эпоха переворота имѣла громадное значеніе.

Въ періодъ острой политической борьбы, какъ мы уже говорили, общественная жизнь привлекла къ себѣ всѣхъ лучшихъ людей страны и на время это сказалось нѣкоторой задержкой въ развитіи литературы. Въ области собственно бел летристики это отвлекающее вліяніе повышенной общественной жизни сказывалось особенно долго. Открывшіеся на Западѣ новые горизонты мысли властно привлекли къ себѣ вниманіе и на время ослабили интересъ къ національной литературѣ. Стали во множествѣ появляться переводы классическихъ европейскихъ сочиненій по разнымъ отраслямъ знанія. Однимъ изъ первыхъ былъ переведенъ Смайльсъ. За нимъ послѣдовалъ Джонъ Стюартъ Милль, потомъ Кантъ, Спенсеръ и многіе другіе. Рядомъ съ этимъ стали выходить и оригинальныя сочиненія, посвященныя изученію европейскихъ учрежденій и популяризаціи европейскихъ мыслителей. Вмѣстѣ съ тѣмъ осложнившіяся условія собственной жизни требовали усиленнаго вниманія и изученія ихъ съ новыхъ точекъ зрѣнія. Литература стала расти также быстро, какъ и все въ Японіи, причемъ все-таки художественная литература до сихъ поръ не завоевала своего прежняго преобладающаго мѣста. И по качеству и по относительной распространенности она уступаетъ другимъ отраслямъ. Это и понятно. Художественныя произведенія отражаютъ въ себѣ то, что уже сложилось въ жизни, вылилось въ опредѣленныя формы, поддающіяся отвлеченію въ образы. Иначе получается или болѣе или менѣе поверхностная фотографія или нѣчто совершенно отвлеченное, плодъ чистой фантазіи автора. Большая часть современныхъ беллетристическихъ произведеній Японіи грѣшитъ именно этими недостатками, насколько можно судить по исторіи японской литературы м-ра Астона. Нѣкоторые изъ нихъ стараются уловить современную жизнь Японіи, всю въ броженіи, неустановившуюся, полную противорѣчій, часто смѣшныхъ по формѣ, но глубоко необходимыхъ по существу. Ихъ произведенія, иногда живыя и любопытныя, страдаютъ отсутствіемъ художественности и считаются многими японцами ниже произведеній японскихъ писателей XVIII вѣка.

Къ ихъ числу принадлежатъ наиболѣе популярные теперь авторы: Озаки Токутаро (Койо), Тсубутчи Юзо (Шойо), Судо Нансуи и Мураи

Кензаи, послѣдній пользуется особенно широкой извѣстностью. Другіе стремятся подражать западно-европейскому образцу и создаютъ произведенія, не имѣющія никакой почвы въ окружащей дѣйствительности, вродѣ романовъ изъ ѳиванской жизни или новеллъ на тему объ Аппіи и Виргиніи. Все это, конечно, временно и не представляетъ никакой опасности въ будущемъ для японской художественной литературы. Не смотря на серьезные недостатки современной японской беллетристики, отмѣченные м-ромъ Астономъ, онъ заканчиваетъ разборъ ея слѣдующими словами:

«Общее впечатлѣніе, получающееся отъ обозрѣнія японскаго романа и драмы за послѣдніе двадцать лѣтъ, благопріятное. Обработка болѣе тщательная. Мораль менѣе искусственная, меньше нарушеній вкуса и мѣры, большая выдержка стиля»» *).

Но во всякомъ случаѣ другія области литературы сдѣлали за этотъ періодъ значительно большіе успѣхи. Появилось множество историческихъ, политико-экономическихъ и другихъ спеціально-научныхъ оригинальныхъ сочиненій. Переводная литература обогатилась лучшими произведеніями всѣхъ почти европейскихъ народовъ. Изъ русскихъ авторовъ большою извѣстностью въ Японіи пользуются Толстой, Достоевскій, Тургеневъ, а изъ современныхъ Короленко и Горькій. Въ общемъ, количество печатныхъ произведеній, кромѣ періодическихъ, вышедшихъ за одинъ годъ, равнялось въ 1887 г. 9.548, а въ 1897 г.—25.522. При этомъ на первомъ мѣстѣ стоятъ книги юридическаго содержанія, составлявшія въ 1897 г. 26,6$^0/_0$ всѣхъ изданныхъ книгъ. Потомъ книги по искусству (19,3$^0/_0$) и только на третьемъ мѣстѣ стоятъ беллетристическія — всего 9,6%.

Что касается періодической прессы, то ростъ ея за эти годы еще болѣе изумителенъ. Первая настоящая японская газета стала выходить въ Токіо въ 1872 г. Въ 1887 г., т.-е. черезъ 15 лѣтъ, въ Японіи насчитывалось уже 470 періодическихъ изданій, выходившихъ въ 96.000 экземпляровъ. Въ 1898 г., еще черезъ 10 лѣтъ, ихъ было уже 829, выходившихъ въ 464.500 экз. Среди всѣхъ этихъ періодическихъ изданій главное мѣсто принадлежитъ газетамъ. Въ одномъ Токіо ихъ выходитъ въ настоящее время болѣе двадцати, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ до 100.000 подписчиковъ. «Иорозу Чохо»—газета уличнаго типа. Наиболѣе серьезными тамъ считаются «Джиджи Шимпо» (Время) и «Нитчи Нитчи»; кромѣ этихъ двухъ есть еще 6 или 7 такъ называемыхъ большихъ газетъ, остальныя принадлежатъ къ мелкой прессѣ. Всѣ эти газеты ежедневныя, но только одна изъ нихъ «Маизеки Шимбукъ» имѣетъ вечернее изданіе. Впрочемъ, въ случаѣ полученія какихъ-нибудь важныхъ извѣстій, почти всѣ выпускаютъ вечер-

*) Aston. Literature japonaise, ст. 383.

нія прибавленія, и тогда всѣ улицы наполняются мальчиками съ колокольчиками, продающими эти листки.

Провинціальная пресса тоже сильно развилась за послѣдніе годы. Почти въ каждомъ значительномъ городѣ есть одна или двѣ мѣстныя газеты, а осакская газета, напримѣръ, «Осака Асами», конкурируетъ по распространенности съ «Иорозу Чохо» въ Токіо. Количество подписчиковъ у нея тоже равняется почти 100.000. Обычная подписная цѣна японской газеты отъ 30—60 сенъ въ мѣсяцъ или 1—2 сены за номеръ. Такая дешевизна газетъ сдѣлала сразу возможнымъ очень широкое распространеніе ихъ. Городское населеніе почти все читаетъ теперь газеты. Даже дженерикшу нерѣдко можно видѣть съ номеромъ газеты въ рукахъ.

Кромѣ газетъ, въ Японіи выходитъ также множество ежемѣсячныхъ и еженедѣльныхъ журналовъ. Объ одномъ изъ нихъ, «Рабочій Міръ», мы уже упоминали, онъ принадлежитъ къ числу наиболѣе принципіальныхъ японскихъ журналовъ. Большинство остальныхъ или чисто литературные, или спеціально научные. По типу они ближе подходятъ къ европейскимъ «revues», чѣмъ къ нашимъ «толстымъ журналамъ». Изъ нихъ наибольшей извѣстностью пользуются «Теикоку Бунгаку»—чисто литературный и «Тайо» и «Секанно Ниппонъ»—литературные и политическіе.

Помимо этихъ большихъ журналовъ въ Японіи существуетъ множество ежемѣсячниковъ всевозможныхъ обществъ, клубовъ и союзовъ, которыми такъ богата въ настоящее время Японія. Нѣкоторые изъ нихъ находятъ распространеніе и среди не членовъ обществъ.

Нѣкоторымъ показателемъ роста потребности въ книгѣ можетъ служить также количество библіотекъ. Первая большая библіотека была основана въ Токіо въ 1872 г. Кромѣ этой императорской публичной библіотеки и университетской, въ японской столицѣ существуетъ въ настоящее время *шестьдесятъ* частныхъ библіотекъ *). Въ остальныхъ городахъ количества библіотекъ значительно меньше, но все-таки нѣтъ ни одного порядочнаго города, гдѣ не было бы двухъ-трехъ библіотекъ. Во многихъ изъ нихъ на ряду съ японскими имѣются книги и на европейскихъ языкахъ.

Мы коснулись теперь въ общихъ чертахъ всѣхъ главныхъ сторонъ современной японской жизни—политическаго строя, торговли, промышленности и просвѣщенія, поскольку оно характеризуются постановкой образованія и ролью книги, и мы бы затруднились сказать, гдѣ же именно пріютилось то коренное различіе между варварской Японіей и

*) E. Schultze. „Freie öffentliche Bibliotheken", стр. 246.

цивилизованными европейскими странами, о которомъ такъ много говорятъ и пишутъ.

Мы не касались только одного — внѣшнихъ формъ быта японцевъ: костюма, жилищъ, maнepъ и народныхъ обычаевъ. Эта внѣшняя сторона народной жизни, дѣйствительно, представляетъ совершенно иную картину въ Японіи, чѣмъ въ Европѣ, и въ глазахъ многихъ и многихъ туристовъ эта эксцентрическая на первый взглядъ внѣшность совершенно заслонила ту серьезную основу жизни, которая свидѣтельствуетъ объ истинномъ уровнѣ народной культуры.

Т. Богдановичъ.

Конецъ.

Въ теченіе работы пришлось воспользоваться еще нѣсколькими книгами, не указанными въ первомъ спискѣ. Важнѣйшія изъ нихъ слѣдующія:

M. Gourant. „Okoubo“, Paris, 1904 г. Изъ серіи „Ministres et hommes d'Etat“.

Alfred Stead. „Japan by the Japanese“, London, 1904 г. Всестороннее описаніе современнаго состоянія Японіи, составленное спеціалистами японцами.

„Financial and economical Annual of Japan. Tokio“, 1903 г. Оффиціальное изданіе японскаго министерства финансовъ.

„Résumé statistique de l'Empire du Japon. Cabinet Imperial. Bureau général de statistique. Tokio“, 1892. Оффиціальное статистическое изданіе на японскомъ и французскомъ языкѣ.

Ib. Tokio, 1897 г.

Ib. Tokio, 1902 г.

Кашкаровъ. „Финансовые итоги послѣдняго десятилѣтія“, 1904.

Фр. Нитти. „Основныя начала финансовой науки. Москва“, 1904 г.

НА РАБОТѢ.

Разсказъ **Вл. Ст. Реймонта.**

Перев. съ польск. **М. Троповской.**

— Что съ вами?

— Да я и самъ не знаю, что со мной; грызетъ меня съ самаго утра какая-то хандра, точно собака сломанными зубами—прямо мѣста себѣ найти не могу. Выпьемъ, что-ль, водочки, а?

— Ладно. Кому ходить? Правда, карты вы раздавали.

Они замолчали и продолжали игру.

Вѣтеръ дергалъ жалкую, сбитую изъ досокъ и вѣтвей, палатку, припертую къ желѣзнодорожной насыпи и съ одной стороны совершенно раскрытую. Огонь костра, горѣвшаго передъ палаткой, шипѣлъ, заливаемый непрерывнымъ дождемъ, метался во всѣ стороны, разбрасывалъ снопы искръ и часто кидалъ клубы ѣдкаго, бураго дыму въ лицо игравшимъ, сидѣвшимъ на двухъ пняхъ передъ третьимъ, болѣе высокимъ, только что срѣзаннымъ, желтымъ пнемъ, на которомъ они клали карты.

— Сорокъ!—воскликнулъ младшій изъ нихъ, съ трудомъ разглядывая карты при слабомъ свѣтѣ огня.

— Ладно, милашечка.

— А теперь я васъ подрѣжу: двадцать!

— Чудесно, миленькій!

— Добиваю: козырный тузъ, вмѣстѣ, значитъ, семьдесятъ одинъ—и партія моя.

— Твоя, сердце мое, твоя,—отвѣчалъ пѣвучимъ голосомъ, но совершенно равнодушно, Глиневичъ. — Учинилъ ты надо мной штуку, сердце мое, а!

— Ножки на столъ и извольте платить!

— Заплачу, сердце мое, заплачу, даї только крикну тамъ на хлопцевъ своихъ.

Онъ вышелъ изъ палатки, за костеръ, свернулъ руки трубой у рта и зычно крикнулъ:

— Эй, хамы! Пошевеливайтесь тамъ.

Рѣзко забушевалъ вѣтеръ, ворвался въ палатку, вырвалъ нѣсколько горящихъ вѣтокъ изъ костра и пропалъ съ ними гдѣ-то во мракѣ пасмурной октябрьской ночи. Глиневичъ быстро вошелъ назадъ въ палатку, заплатилъ и принялся за вторую партію, ежеминутно вглядываясь въ темную даль и прислушиваясь.

— Разъ... два... пускай!—раздавалась глухая команда и слышался стукъ бабъ, вколачивавшихъ сваи; а когда костеръ, на который безпрестанно подбрасывались смолистыя вѣтки, вспыхивалъ болѣе яркимъ пламенемъ, тогда изъ мрака выдѣлялись высокія постройки лѣсовъ, похожія на башни, стоявшія гораздо ниже костра, и цѣлый лѣсъ огромныхъ сосновыхъ стволовъ, лишенныхъ коры, уставленныхъ одинъ подлѣ другого, и неясные силуэты работниковъ, вертѣвшихъ вороты. Желѣзнодорожная насыпь была раскопана на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ метровъ, старый мостъ былъ снесенъ, и по обѣимъ сторонамъ быстрой и поднявшейся отъ октябрьскихъ дождей рѣки вколачивались сваи подъ фундаменты новаго моста. Работы велись спѣшно.

— Разъ два... Пускай!.. воротъ, тянувшій бабу, останавливался, клещи раскрывались, и баба, поддерживаемая сзади двумя высокими досками лѣсовъ, скатывалась по нимъ съ молніеносной быстротой и ударяла въ подставленную сваю съ силою сорока пудовъ, такъ что даже большія бревна, поддерживавшія лѣса и прикрѣпленныя къ землѣ квадратомъ изъ балокъ, соединенныя поперечной перекладиною такъ, что образовали букву *А*, дрожали и зловѣще трещали.

— Тя-яни... кве-ерху!

Точно пауки, съ рѣзкимъ звукомъ падали клещи на бабу, схватывали ее зубами сверху, раздавался скрипъ ворота, нѣсколько рукъ сильнѣй нажимало рукоятку, и восемь фигуръ, напрягаясь изо всей силы и медленно, автоматически опускаясь и подымаясь, вертѣли колесо.

Восемь бабъ стучало безпрерывно, и на обоихъ берегахъ ежеминутно раздавалась команда, и ежеминутно рѣзкій свистъ пронизывалъ воздухъ, и глухой грохотъ, похожій на отдаленные раскаты грома, тяжело дрожалъ въ туманномъ, заплаканномъ пространствѣ, встряхивая шалашъ.

— Что, не везетъ вамъ нынче въ картахъ?

— А въ чемъ же мнѣ везло когда-либо? А? Нѣтъ, не могу играть, руки вонъ дрожатъ у меня.

Онъ швырнулъ карты на пень, всталъ съ мѣста и громкимъ, раздраженнымъ голосомъ крикнулъ:

— Гей вы тамъ, хамы! Пошевеливайтесь!

— Выпьемте, что-ли, а?

Тотъ отказался. Глиневичъ выпилъ самъ, плотно застегнулся, поднялъ воротникъ и медленно, осторожно сталъ спускаться по скользкому глинистому склону насыпи къ сваямъ, которыя, при свѣтѣ костра, блестѣли, словно колонны изъ розоватаго янтаря.

— Экая ночь, чортъ ее подери!—пробормоталъ онъ, проходя между сваями и ощупывая дорогу палкой, чтобы не попасть въ одну изъ ямъ, прикрытыхъ только кой-гдѣ досками, которыя со скрипомъ гнулись подъ нимъ. Какое-то глухое безпокойство, боязнь чего-то мучительно давили его душу: самъ не зная, зачѣмъ, онъ разсматривалъ пни, лазилъ на лѣстницы посмотрѣть, не рвутся ли веревки, ударялся въ потемкахъ о сваи, спотыкался, ругался и про себя, и вслухъ, останавливался и безсмысленно глядѣлъ на пробивавшіяся между сваями полоски свѣта отъ костра, на факелы, горѣвшіе надъ самой рѣкою подлѣ насосовъ, работающихъ безъ остановки и страшно скрипѣвшихъ своими поршнями.

— Хорошо идутъ сваи, а?—спрашивалъ онъ рабочихъ у воротовъ.

— А идутъ, чортовы матери, идутъ, ровно въ желѣзо.

— Твердый грунтъ, а?

— Свинство, а не грунтъ,—недовольные, бормотали рабочіе.

Онъ отошелъ въ сторону и поглядывалъ на рѣзко очерченные, почти съ животнымъ выраженіемъ, профили рабочихъ, точно сросшихся съ рукоятками, облитыхъ потомъ, измокшихъ и тяжело дышавшихъ отъ напряженія.

— Давай факелы!—крикнулъ онъ, спускаясь къ насосамъ.—Что, воды убываетъ, а?

— Три дюйма съ вечера, будетъ еще съ пять.

— Такъ еще завтра нельзя будетъ строить фундаментовъ, а?

— У людей ужо инда кости скрипятъ отъ этой работы, а тутъ еще этотъ дождь, чтобъ его нелегкая, и глазъ открыть нельзя, такъ и сѣчетъ; все заливаетъ ящики.

— Чортъ бы побралъ такую работу!—пробормоталъ кто-то.

Глиневичъ двинулся дальше и уже было собирался перейти на другой берегъ рѣки. но отчего-то заколебался, точно изъ опасенія какого-то, повелъ вокругъ глазами и присѣлъ у узенькой перекладины, положенной на бочкахъ, скрѣпленныхъ цѣпями. Бабы ударяли разъ въ разъ съ глухимъ грохотомъ, густой, мелкій, несносный дождикъ все падалъ, пронизывая до костей холодомъ, а рѣка, сжатая деревомъ, волнующаяся, грозно шумѣла и билась о берега и металась, словно стремясь разрушить стѣснявшія ее стѣны. За перекладиной, въ которую вода ударяла безъ перерыва, окатывая ее струями разбивавшейся въ дребезги пѣны, мелькали верхушки лѣсовъ, масса свай и черные силуэты рабочихъ, выдѣляясь на фонѣ костра, точно на старой византійской мозаикѣ.

Глиневичъ безсмысленно глядѣлъ на черную, кой-гдѣ свѣтлѣвшую пятнами отъ факеловъ и костра, гладь рѣки, вслушивался въ ея таинственный лепетъ, въ стукъ бабъ, въ голоса команды и въ тѣ странные, наполнявшіе его дрожью, голоса ночной тьмы, которая, казалось, окутывала свѣтъ все болѣе и болѣе густой пеленой, громадными клочьями висѣла надъ кострами, колыхалась на рѣкѣ, прони-

занная свѣтлыми кусочками, запрятывалась между сваями и, казалось, насквозь проникала все, покрывала и наполняла.

Холодная дрожь пробѣжала по всему его тѣлу, эта ночь, эти монотонные звуки и странные голоса—все это давило, угнетало его. Онъ поднялся и крикнулъ:

— Эй вы, хамы! Пошевеливайтесь тамъ!

И, словно въ отвѣтъ, съ другой стороны рѣки хоромъ понеслась пѣсня и медленно, то и дѣло обрываемая вѣтромъ, расплывалась въ воздухѣ.

Одна баба изъ села,
Изъ села...
Полюбила да вора,
Да вора!

Съ этого берега пѣсню подхватывали, и она тянулась, тянулась безъ перерыва, переплетаясь только со стукомъ бабъ и голосами команды, и неслась все медленнѣе, все грустнѣе и тише, порою вдругъ обрываясь какимъ-то хриплымъ аккордомъ, и громче тогда стучали бабы, и скрипъ насосовъ со свистомъ прорѣзывалъ воздухъ, и дождь со стукомъ плескался о нагіе скелеты деревьевъ, либо лѣсъ, стоявшій по правую сторону, въ которомъ пропадала рѣка, весь встряхивался и качался подъ напоромъ бушевавшаго вихря, и съ крикомъ срывались съ своихъ гнѣздъ вороны и, трепля крыльями и жалобно каркая, кружились надъ кострами, цѣплялись за лѣса, но, испуганныя ударами, улетали дальше, въ безпроглядную тьму.

А тотъ воръ да глупый былъ
Глупый былъ!..
Что награбилъ, то пропилъ,
То пропилъ!..

снова драли хриплые, измученные голоса.

Глиневичъ вернулся въ свой шалашъ. Костеръ потухалъ, смотрѣвшій за нимъ мужикъ спалъ, обернувъ голову мѣшкомъ.

— Валекъ! огонь гаснетъ, хамъ ты эдакій, не спи!—крикнулъ Глиневичъ и присѣлъ на пень.

— Экое время проклятое!—прошепталъ онъ и глянулъ налѣво, по направленію къ временной линіи. Приближался поѣздъ, все ближе слышался лязгъ рельсъ, земля дрожала и черезъ минуту поѣздъ уже показался; точно черное, длинное чудовище, съ свѣтящимися бѣлыми глазами, изъ-подъ реберъ и позвонковъ котораго прорывался свѣтъ, онъ двигался высоко, какъ будто надъ землей, дыша клубами дыму, которые вѣтеръ кидалъ на рѣчныя волны и на деревья лѣса.

— Проклятое время—выпьемте, что-ль, водочки, а?

Товарищъ не отвѣчалъ. Глиневичъ пилъ долго, жадно, потомъ плотнѣй закутался въ свой тулупъ и сѣлъ у самаго огня, но ему не сидѣлось, нѣсколько разъ онъ вставалъ, прохаживался нѣсколько разъ передъ шалашомъ туда и назадъ, возвращался и пилъ снова, и все силь-

нѣе, непреодолимѣе охватывала его жажда говорить, высказаться, и все глубже проникало въ его душу какое-то непонятное безпокойство, до того, что онъ уже не въ силахъ былъ себя сдерживать. Онъ легъ на землѣ, у самаго костра, выпилъ оставшуюся въ фляжкѣ водку и принялся раздумывать почти вслухъ.

— Вотъ такъ жизнь, а! Тридцать лѣтъ бродишь, какъ собака... Брр... холодно. Эй, хамъ! дровъ прибавь! — крикнулъ онъ громко, но мужикъ не проснулся. Глиневичъ смотрѣлъ на него съ минуту пьянымъ, безсмысленнымъ взглядомъ и снова потонулъ въ своихъ думахъ. — Тридцать лѣтъ работалъ и до чего доработался? а! что, какъ собака, долженъ всю ночь сидѣть на такомъ холодѣ и дождѣ, а!

— Глиневичъ, не везетъ тебѣ, не везетъ тебѣ, сердце, нѣтъ, не везетъ. Мѣсяцъ ли ты гдѣ пробылъ, два ли, либо цѣлый годъ, всегда въ концѣ концовъ надо было тебѣ уходить, опять идти по свѣту, потому не везетъ тебѣ, потому всегда какое-нибудь несчастье да должно случится. Постой, сердце, а!—что въ Жубрахъ хорошо тебѣ было, а?—ну и что жъ, амбары погорѣли, кто виноватъ, а? Глиневичъ виноватъ! Гиневичъ взялъ палку и пошелъ себѣ.

— А въ Кіянахъ плохо было, а?—Хорошо. Работникъ въ машину угодилъ. Кто виноватъ, а?—Глиневичъ виноватъ. А у ясновельможнаго пана помѣщика? — Хорошо. Глиневичъ получилъ въ морду—хорошо, потому у Глиневича тамъ была жена, ясновельможный панъ слетѣлъ съ обрыва и убился. Глиневичъ виноватъ — хорошо. Щелкъ пальцемъ въ спину и ясновельможный панъ ужъ внизу—Глиневичъ виноватъ! Умеръ ли кто, убился ли, погорѣлъ ли или воры кого обокрали, кто виноватъ, а!—Глиневичъ виноватъ! — и Глиневичъ бралъ палку и отправлялся дальше искать новую службу. Водочки выпьемте, а?

Товарищъ не откликнулся; опершись о покатость насыпи, къ которой былъ приставленъ шалашъ, онъ крѣпко спалъ. Глиневичъ поднялся, досталъ новую бутылку водки, долго пилъ и, снова усѣвшись на пнѣ, локтями уперся о другой и сталъ смотрѣть на огонь, кидавшій ярко-красный отблескъ на его сѣрое, словно изъ простой горшечной глины вылѣпленное лицо, съ длиннымъ крючковатымъ носомъ, съ широкими бровями, и въ глубинѣ его блѣдныхъ, поблекшихъ голубыхъ глазъ, очень выпуклыхъ и какъ-будто съ застывшимъ въ нихъ выраженіемъ испуга, зажигались красноватыя искорки. Широкія посинѣлыя губы его дрожали безпрерывно, какъ бы отъ сдерживаемаго плача; онъ все ближе и ближе подвигался къ огню, полусознательно прислушивался къ тому, что дѣлается снаружи, и, чуть только слышалъ замедленные удары бабъ, высовывался и кричалъ хриплымъ голосомъ:

— Эй, хамы! пошевеливайтесь вы тамъ!

И снова, съ свойственнымъ пьяницамъ упорствомъ, онъ продолжалъ думать свои невеселыя, тяжелыя думы.

— Вотъ тебѣ доля, а! Сирота ты, Глиневичъ. Жена была, а? Была—померла. Дѣти были, а? Были — померли. Родные были, а? Были—по-

мерли. Сирота Гиневичъ, а?—Сирота?—спрашивалъ онъ самъ себя и самъ себѣ отвѣчалъ все болѣе и болѣе соннымъ голосомъ. — Глиневичъ виноватъ, а?—Виноватъ.

Бабы все стучали со страшнымъ, автоматическимъ однообразіемъ, рѣка металась и плескалась въ узкомъ руслѣ со все увеличивающимся бѣшенствомъ, а дождь падалъ, падалъ безпрестанно, и въ свѣтѣ костровъ видно было, какъ безконечныя, косыя струйки воды, словно стальныя нити, ударяли въ землю. Беззвѣздная, тяжелая ночь надвинулась на землю, и было такъ темно, что, казалось, день уже никогда не наступитъ.

— Глиневичъ виноватъ, а?--Виноватъ Глиневичъ,—шепталъ онъ; вѣки у него смыкались, и сонъ все сильнѣй одолѣвалъ его. Встрепенется онъ на мгновеніе, прислушается къ ударамъ, оглянется вокругъ и снова дремлетъ и грезитъ и тонетъ въ воспоминаніяхъ, которыя, переплетаясь одно съ другимъ, хаотической кучей проносятся въ его мозгу; то вдругъ ему кажется, будто онъ падаетъ куда-то, а то сквозь сонъ онъ обойметъ пень руками и тихимъ, унылымъ голосомъ, со слезами, катившимися изъ-подъ закрытыхъ вѣкъ, шепчетъ: «Виноватъ Глиневичъ, виноватъ» и тяжело вздохнетъ, хочетъ вскочить, пойти куда-то, но не можетъ двинуться и еще сильнѣе обнимаетъ пень руками и снова спитъ тихо или приподымется и безсознательно, механически крикнетъ:

— Эй, вы, хамы! Пошевеливайтесь!—и сядетъ обратно и спитъ снова.

Вдругъ онъ поднялъ голову, глаза его сверкнули ужасомъ, онъ протянулъ впередъ руку, какъ будто хотѣлъ крикнуть что-то, но въ ту же самую минуту раздался какой-то трескъ, потомъ страшный ударъ, такъ что земля задрожала, и одинъ только, но долгій, ужасный, душу раздирающій человѣческій крикъ огласилъ пространство и страшно прозвучалъ среди той глубокой тишины, какая вдругъ водворилась.

Глиневичъ совершенно пришелъ въ себя и побѣжалъ на мѣсто работъ.

Одна изъ бабъ, вмѣстѣ съ деревянной надстройкой, обрушилась и всей своей тяжестью придавила рабочаго, державшаго веревки отъ клещей.

— Факеловъ, огня!—дикимъ голосомъ прорычалъ Глиневичъ, бросился къ кучѣ развалившихся досокъ и первый сталъ отваливать ихъ съ горячечной поспѣшностью, такъ какъ изъ-подъ нихъ еще слышался тяжелый, заглушенный стонъ несчастнаго.

— Раскидывайте, скоты!—крикнулъ онъ на рабочихъ, шевелившихся нѣсколько апатично. Принесли факелы, и черезъ двѣ минуты изъ-подъ груды досокъ вытащили потерпѣвшаго, отнесли его нѣсколько въ сторону и положили на берегу рѣки. Глиневичъ обливалъ ему лицо водой, растиралъ руки, дулъ въ ноздри, но рабочій уже совсѣмъ потерялъ сознаніе и умиралъ.

— Господи!—хрипѣлъ онъ, втягивалъ въ себя воздухъ искаженнымъ ртомъ, весь вытягивался, такъ что даже головой выдавливалъ углубленіе въ размокшей глинѣ, и все закрывалъ глаза, оттого что изъ разбитой головы кровь струею катилась у него по лицу и стекала даже на грудь.

Рабочіе стояли вокругъ съ тупымъ, покорнымъ выраженіемъ на лицахъ, испачкавшихся за работой, лоснившихся отъ дождя въ свѣтѣ факеловъ, отбрасывающихъ тусклыя полосы свѣта на лицо умирающаго и на Глиневича, который, видя, что тутъ ужъ ничего рѣшительно не поможешь, сталъ въ сторонкѣ и съ угрюмымъ блескомъ въ глазахъ глядѣлъ на огни. Съ другой стороны рѣки доносился однообразный стукъ бабъ и звуки пѣсни:

Славно мельникамъ на свѣтѣ,
Ихъ и солнце не печетъ...

— Господи!—снова захрипѣлъ умирающій, попытался было приподняться, но силъ у него не хватило, тогда онъ сталъ рвать пальцами землю, скрежеталъ зубами, и все его тѣло конвульсивно передергивалось.

— Григорій!—прошепталъ одинъ изъ работниковъ, становясь на колѣни; умирающій храпѣлъ въ агоніи, широко раскрывалъ ротъ, сверкая двумя рядами бѣлыхъ зубовъ. Работникъ какой-то грязной тряпкой обвязалъ ему разбитую голову, обтеръ ему полой окровавленное лицо, снялъ шапку, вбилъ въ землю, надъ самымъ изголовьемъ умирающаго, одинъ изъ фонарей и дрожащимъ голосомъ началъ молитву:

— Во имя Отца и Сына и Духа Святаго. Аминь.

— Аминь,—хоромъ отвѣтили ему, и всѣ стали на колѣни и обнажили головы. Чѣмъ-то трагическимъ повѣяло въ воздухѣ, среди водворившейся тишины: на другомъ берегу тоже смолкъ стукъ бабъ, и видны были ряды тѣней, переходившихъ по кладкѣ, переброшенной черезъ рѣку.

— «Отче Нашъ, иже еси на небесѣхъ, да святится имя Твое, да пріидетъ царствіе Твое»,—молились рабочіе громко и истово, и эта простая молитва за умирающаго, и этотъ почти уже трупъ, хрипѣвшій послѣднимъ дыханіемъ, распростертый въ борьбѣ со смертью—все это проникало душу чѣмъ-то такимъ серьезнымъ и величественнымъ, что они всѣ опускались съ боязнью, и страданіе и ужасъ отражались у нихъ въ глазахъ и заставляли все ниже клониться ихъ головы и исторгали глубокіе вздохи.—«Да будетъ воля Твоя, яко на небѣ, такъ и на земли».

Все тише и тише звучала молитва, губы дрожали, слезы сверкали въ глазахъ, скорбь и тревога пронизывали твердыя, каменныя сердца, и безбоязненныя, озвѣрѣвшія въ работѣ, души смирялись съ рыданіемъ въ безумномъ, судорожномъ страхѣ предъ смертью.

Одинъ лишь Глиневичъ не опустился на колѣни и, глядя на умирающаго, на его старое, изможденное лицо, на обвязанную голову, на колѣнопреклоненныхъ рабочихъ, нагибавшихся до самой земли и бившихъ себя въ грудь медленнымъ, автоматическимъ движеніемъ такимъ же, какимъ вертѣли воротъ,—безпрестанно и почти безсмысленно повторялъ про себя:

— Глиневичъ виноватъ, а?—Виноватъ.

Григорій умеръ, на него накинули куртку, соорудили нѣчто въ родѣ прикрытія изъ досокъ, чтобы онъ не мокъ, и медленно возвратились къ прерваннымъ работамъ. Заскрипѣли вороты, и бабы, хоть рѣже, ударяли съ прежней силой, визжали поршни насосовъ, все входило въ прежнюю колею, только Глиневичъ все еще видѣлъ передъ собою вышедшіе изъ орбитъ глаза, разбитую окровавленную голову и широко раскрытый ротъ, сверкающій бѣлыми зубами и издающій хрипящіе звуки: «Господи!»—и все повторялъ одно и то же:

— Глиневичъ виноватъ, а? Виноватъ!

Онъ сошелъ на берегъ, туда, куда не доходилъ ни одинъ лучъ свѣта, присѣлъ на бревно и долго сидѣлъ тамъ. Грудь его разрывалась отъ сдерживаемыхъ рыданій, слезы душили его, невыразимое отчаяніе надрывало душу, но онъ не въ силахъ былъ выжать изъ себя ни одной мысли и сидѣлъ неподвижно, какъ мертвый, уставившись взглядомъ въ черную, движущуюся бездну, шумѣвшую передъ нимъ, обрызгивавшую его пѣной и лизавшую его ноги. Въ лѣсу, черной стѣной подымавшемся вблизи, раздавались какіе-то крики, и стукъ, и смутные стоны; то рѣка волновалась между деревьями, и плескъ ея волнъ казался плачемъ; то телеграфныя проволоки начинали жалобно стонать, дрожать и затягивали свою дикую, проникающую въ душу пѣсню, словно эолова арфа, на которой ночь наигрывала свои таинственныя мелодіи; то какія-то птицы съ крикомъ срывались съ деревьевъ, то вихрь все покрывалъ своимъ шумомъ, кидался на лѣсъ, гудѣлъ, заглушая отголоски бабъ, стучавшихъ уже съ прежнимъ однообразіемъ, то вдругъ стихало все и грустной мелодіей разливалась рабочая пѣсня.

— Глиневичъ виноватъ, а?—Виноватъ Глиневичъ, виноватъ,—повторялъ онъ и приподымался, какъ будто бы хотѣлъ взять палку и отправиться слоняться по свѣту, и уже видѣлъ передъ собою длинную дорогу, скитанія и прежнюю нужду, и голодъ, и униженія... и тяжело, безъ силъ, онъ опустился назадъ на свое мѣсто, и слезы, горькія, долго сдерживаемыя слезы покатились по лицу его горючей струею. Онъ упалъ на землю, не въ силахъ ничего ни говорить, ни думать, и только плакалъ, плакалъ, плакалъ...

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Восемь мѣсяцевъ войны.—Газеты и война.—Безконечное газетное пустословіе.—Ученое пустословіе въ лицѣ проф. Мигулина.– Слово правды епископа Иннокентія.—Идея мира.--Статья кн. Мещерскаго.—Отношеніе къ миру г. Меньшикова.—Важность текущей минуты. — Необходимость серьезной печати. — Наши надежды.

Восемь мѣсяцевъ войны!

Восемь мѣсяцъ самаго напряженнаго вниманія, лихорадочнаго ожиданія извѣстій съ далекой окраины, о которой еще годъ тому назадъ каждый изъ насъ такъ же мало думалъ, какъ о любомъ клочкѣ нашихъ дальнихъ владѣній въ родѣ Камчатки, Сахалина или Чукотскаго Носа. Благодаря такой напряженности, время это пролетѣло съ тою быстротой, какъ мелькаютъ событія во снѣ, когда въ одно мгновеніе переживаешь цѣлую жизнь. Но зато, если теперь оглядываешься назадъ, кажется, будто прошли вѣка съ момента перваго выстрѣла подъ Портъ-Артуромъ: такъ велика сумма впечатлѣній, пережитыхъ за это время. Нѣтъ возможности подвести имъ итогъ, да и слишкомъ рано, когда все еще такъ свѣжо и, главное, еще такъ смутно и хаотично. Мы и не задаемся такой цѣлью и желали бы только бросить бѣглый ретроспективный взглядъ на печать и литературу, на то, какъ отразилась въ нихъ война.

При такомъ бѣгломъ обзорѣ выступаетъ, прежде всего, одно впечатлѣніе—бѣдность литературы и обиліе какого-то безконечнаго пустословія столичной газетной печати. О литературѣ почти и сказать-то нечего. Появилось нѣсколько, преимущественно переводныхъ, книгъ объ Японіи и Кореѣ, двѣ-три заслуживающихъ вниманія статьи въ журналахъ и... все. Но газеты,—мы имѣемъ въ виду исключительно столичныя,—поражаютъ своимъ пустословіемъ, несмотря на всю серьезность момента. Началось оно съ перваго же дня, когда одинъ уличный листокъ выпустилъ первую утку о гибели японскаго флота подъ Портъ-Артуромъ. Его утка была такъ наивна и дѣтски груба, что ее и сравнить нельзя съ послѣдующимъ обиліемъ «достовѣрныхъ извѣстій изъ Чифу», надолго ставшихъ ежедневной пищей газетной прессы. Вначалѣ это пустословіе ограничивалось высмѣиваніемъ врага, котораго всякій листокъ силился изобразить возможно чуднѣй. Даже претендующія на серьезность газеты пошли за ними. Такъ, г. Суворинъ, напримѣръ, изображалъ его въ своемъ «парламентѣ мнѣній» въ видѣ чорта. «Неужели не покажемъ мы этому дьяволу, — пишетъ онъ въ «Новомъ Времени» отъ 12-го февраля,—что онъ рано еще торжествуетъ и слишкомъ рано задралъ кверху свой цѣпкій хвостъ и вертитъ имъ!» Такое же легко-

мысліе проявляется и въ отношеніи къ самой войнѣ. Въ той же газетѣ нѣкто г. Елецъ, сравнивая силы Россіи и Японіи, авторитетно заявляетъ, что «для Россіи, выставляющей въ военное время армію въ три милліона, мобилизація и военныя дѣйствія трехсотъ тысячъ японцевъ только экспедиція», и «единственная честь», которую г. Елецъ готовъ оказать «японцу, это — расколотить его со вниманіемъ» (5-го февраля). Уже 25-го февраля «Новое Время» категорически заявило въ корреспонденціи изъ Парижа: «Въ теченіе нѣсколькихъ дней здѣсь господствуетъ убѣжденіе, что морально (?) японская война близка къ концу... У японцевъ замѣчается недостатокъ артиллерійскихъ снарядовъ. Говорятъ о внутреннихъ мятежахъ, угрожающихъ Японіи въ маѣ». Пускается въ оборотъ надолго привившееся словечко «макаки», которое удержалось до битвы при Ялу. Но и это первое серьезное столкновеніе на сушѣ ни мало не повліяло на общій тонъ газетнаго отношенія къ войнѣ. Битва при Тюренченѣ была газетными стратегами въ концѣ концовъ сведена на нѣтъ, какъ случайная чья-то ошибка, не имѣвшая ни малѣйшаго значенія. Высадка японцевъ у Бицзыво, бой при Цинджоу, битва при Вафангоу, рядъ послѣдовательныхъ отступленій отъ Гайчжоу, Хайчена, Инкоу, вплоть до боя при Лаоянѣ были выставляемы, какъ роковыя для японцевъ событія, уготовляющія имъ конечную гибель. Въ легкомысленномъ задорѣ газетные стратеги создали даже какой-то особый «военный» терминъ о «кулакѣ», который грозно сжимается, и даже позволяли себѣ навязывать свою систему главнокомандующему.

Десятидневный ужасающій бой при Лаоянѣ на первое время какъ бы прекратилъ газетное пустословіе. По крайней мѣрѣ, главный дирижеръ его г. Суворинъ-отецъ вдругъ растерянно обронилъ странное по своей неожиданности словечко: «Я не военный критикъ, и для меня отступленіе есть отступленіе,—писалъ отъ 28-го августа. — Мы побѣждены, они побѣдители... Намъ нечего считать въ чужомъ карманѣ, подсчитаемъ, что есть у насъ». Не успѣли, однако, высохнуть чернила на его перѣ, какъ одинъ изъ его сотрудниковъ уже справился съ охватившей его растерянностью и снова завелъ обычную шарманку: «Нѣтъ, подъ Лаояномъ, — пишетъ онъ въ номерѣ отъ 3-го сентября,—мы одержали великую побѣду и напрасно въ этотъ день (любопытно, въ который, такъ какъ бой длился съ 15-го по 24-ое?) нашего истиннаго народнаго торжества, нашей мощной, но не кичливой силы мы не звонили въ колокола, не радовались радостью общенародной, не заставили въ честь боевого огня сверкать огни веселаго салюта».

А до какихъ геркулесовыхъ столбовъ доходило это «некичливое» пустословіе по поводу и безъ повода, когда дѣло касалось отдѣльныхъ подвиговъ! Памятна, конечно, всѣмъ одна атака казаковъ, уничтожившихъ подъ Вафангоу эскадронъ японскихъ драгунъ, которую газетные Пиндары превратили въ истый гомерическій бой центавровъ, гдѣ на пику попадало по три японца сразу. И долго спустя, послѣ настоящей битвы при Вафангоу, то тутъ, то тамъ гарцовалъ по газетнымъ страницамъ казакъ съ тремя японцами на пикѣ. Это неистовое легкомысліе газетныхъ борцовъ дошло до того, что, наконецъ, сами дѣйствующія лица были вынуждены обороняться уже не отъ

японцевъ, а отъ газетныхъ бардовъ. Такъ, въ номерѣ «Нов. Времени» отъ 1-го сентября появилось письмо хорунжаго 2-го нерчинскаго казачьяго полка, графа Бенкендорфа, въ которомъ онъ пишетъ: «Прочитавъ статью «Смѣлая развѣдка», помѣщенную въ №№ 10178 и 10179 «Нов. Времени», сообщаю вамъ, что хотя, дѣйствительно, участвовалъ въ описываемой развѣдкѣ, но ничего подобнаго сказаннымъ ужасамъ не испытывалъ, и вообще находя, что статья совершенно не сходится съ дѣйствительностью, прошу напечатать въ вашей газетѣ дословно это мое заявленіе, не желая, чтобы имя мое фигурировало въ подобныхъ не соотвѣтствующихъ истинѣ разсказахъ». И мы вполнѣ убѣждены, что если бы большинство нашихъ мужественныхъ бойцовъ, выносящихъ молчаливо и стойко на своихъ плечахъ эту ужасающую войну, прочитали все, что насочиняли за ихъ счетъ газетчики, они возмутились бы не менѣе графа Бенкендорфа, и запротестовали бы противъ такой залихватской самаго дурного тона газетной похвальбы. Истинный героизмъ всегда скроменъ.

Не мало посодѣйствовали этому сочинительству и господа корреспонденты. Однимъ взмахомъ пера они уничтожали цѣлыя дивизіи, о тысячахъ и говорить нечего. Даже цѣлыя арміи, какъ, напр., г. Гаринъ, одно время прославившійся истребленіемъ «третьей» арміи японцевъ подъ Портъ-Артуромъ. Откровенно признавшись устами г. Немировича-Данченки, что правды они сообщать не могутъ, отчасти потому, что ея не знаютъ, отчасти потому, что по тѣмъ или инымъ уважительнымъ причинамъ не могутъ говорить, наши «Тряпичкины», не обинуясь, сочиняли кто во что гораздъ. Газетное пустословіе, фабрикуемое въ редакціяхъ, они сдабривали сочинительствомъ съ мѣста, соревнуя съ «китайцами изъ Чифу», этими главными поставщиками свѣдѣній съ театра войны. Излюбленнымъ подвигомъ корреспондентовъ было нещадное избіеніе японцевъ, которыхъ они перебили «смѣты нѣту». Если подсчитать количество истребленныхъ ими японцевъ, то отъ всей японской арміи уже не осталось и слѣда.

Вообще, съ подсчетомъ японскихъ силъ газеты проявили особую «двойную» бухгалтерію. При всѣхъ столкновеніяхъ эти силы были всегда вдвойнѣ противъ русскихъ. Это съ одной стороны, съ другой — наоборотъ: по подсчету тѣхъ же газетъ, оказывалось, что японцы исчерпали всѣ свои силы, что въ ихъ арміи, за недостаткомъ настоящихъ солдатъ, сражаются старцы и дѣти. Одно время даже женщины фигурировали въ роли японскихъ амазонокъ. Послѣ Лаояна газетные стратеги заявили неожиданно, что подъ однимъ Лаояномъ, «по китайскимъ свѣдѣніямъ», японцевъ было пятьсотъ тысячъ. Когда г. Заустинскій, на основаніи новыхъ данныхъ о системѣ японскихъ резервовъ, высчиталъ въ «Русск. Инвалидѣ», что Японія можетъ выставить въ поле до милліона войска,—его подсчетъ былъ подхваченъ газетами и изукрашенъ, конечно, надлежащими комментаріями. Были забыты старики и женщины, сражавшіеся въ рядахъ японской арміи, а какъ могло случиться, что вмѣсто истощенія силъ Японія черезъ полгода войны обнаружила удвоенныя, если не утроенныя силы, — это составляетъ секретъ газетной бухгалтеріи, благо вникать въ него никто не станетъ.

Вслѣдъ за газетами пустились пустословить и мужи науки. Сначала Д. И. Мен-

делѣевъ, выпустившій въ началѣ войны брошюру, которой мы касаться не станемъ: отчасти потому, что непріятно присутствовать при жалкомъ зрѣлищѣ, какое являетъ человѣкъ, дѣйствительно высоко стоящій въ своей области, когда онъ говоритъ... несообразности; отчасти потому, что его вполнѣ затмилъ теперь проф. Мигулинъ. На страницахъ «Руси» въ безконечномъ рядѣ убійственно-тяжеловѣсныхъ фельетоновъ проф. Мигулинъ выступилъ страстнымъ имперіалистомъ, предъ которымъ самъ Чемберленъ—«мальчишка и щенокъ».

Говорить объ имперіалистскихъ планахъ проф. Мигулина мы не станемъ, замѣтивъ въ общихъ чертахъ, что захватъ половины міра и то не удовлетворяетъ профессора...

Онъ признаетъ, что на все это нужны деньги, деньги и деньги, спору нѣтъ. Но зачѣмъ же существуетъ у насъ ученый финансистъ г. Мигулинъ? У него проектовъ по финансовой части непочатый край. Перечислять ихъ всѣ было бы и скучно, и прямо невозможно за недостаткомъ мѣста. Остановимся поэтому лишь на двухъ.

Первый — такъ сказать, отрицательнаго характера. Ученый финансистъ, оказывается, давно уже былъ озабоченъ тѣми убытками, которые причиняютъ русскому государственному хозяйству наши путешественники, проживающіе за границей. По самому уменьшенному разсчету они оставляютъ тамъ около 66 мил. р., а въ дѣйствительности не менѣе 100 мил. Вотъ за этихъ-то господъ туристовъ, легкомысленно вывозящихъ изъ Россіи такую уйму золота, и совѣтуетъ г. Мигулинъ приняться «серьезно». Правда, онъ не стоитъ «за постоянное ограниченіе заграничныхъ поѣздокъ, хотя обложеніе ихъ особымъ, даже постояннымъ налогомъ» считаетъ цѣлесообразнымъ. «Но въ тяжкое военное время, когда всѣ экономическія силы страны напряжены до послѣдней степени, когда борьба наша грозитъ осложненіями, и даже самый вопросъ побѣды становится въ значительной степени въ зависимости отъ того обстоятельства, кто дольше выдержитъ, чье экономическое положеніе окажется устойчивѣе, нельзя особенно стѣсняться удобствами, удовольствіями и привычками нѣкоторыхъ классовъ населенія: они также, какъ и бѣдные классы, должны чувствовать тяжесть и неудобство войны. Мы считаемъ ограниченіе заграничныхъ поѣздокъ на время войны лучшимъ средствомъ улучшить нашъ разсчетный балансъ. Ограниченіе должно быть общее, свобода должна быть предоставлена только для командировокъ по надобностямъ государственнымъ, для командировокъ научныхъ и для цѣлей торговопромышленныхъ. Въ крайнемъ случаѣ, если бы правительство не рѣшилось на воспрещеніе заграничныхъ поѣздокъ, можно удовольствоваться хотя бы высокимъ налогомъ на заграничные паспорта» (статья X). Не возражая по существу, напомнимъ только проф. Мигулину, что его проектъ мало оригиналенъ: при Павлѣ I-омъ были воспрещены поѣздки за границу, и однимъ изъ первыхъ актовъ Александра I-го была отмѣна этого воспрещенія. Отсюда для всякаго не-финансиста и даже не-профессора явствуетъ, что въ предлагаемой мѣрѣ есть, очевидно, что-то сугубо неполитичное и противообщественное.

Вѣдь это опять-таки «черта осѣдлости», которую проф. Мигулинъ хотѣлъ

бы распространить на всѣхъ россійскихъ обывателей. Но съ распространеніемъ закона «черты осѣдлости» на всѣхъ русскихъ обывателей профессоръ запоздалъ, ибо даже и евреямъ даны теперь нѣкоторыя облегченія, расширяющія права нѣкоторыхъ категорій евреевъ на передвиженіе и жительство.

Второй проектъ—положительный. Обойтись безъ внѣшнихъ займовъ во время войны нельзя, занимать же въ такое время—невыгодно. Поэтому проф. Мигулинъ рекомендуетъ занимать, но не на войну, а... на улучшенія путей сообщенія и вообще на всякаго рода улучшенія. Не слѣдуетъ, дѣлая заемъ, раскрывать цѣль его иностраннымъ банкамъ, которые, видя ваше затрудненіе, всегда рады попользоваться, накинувъ лишній процентъ. Напротивъ, дѣлать займы надо такъ, какъ это дѣлалъ Хлестаковъ, чтобы вашъ кредиторъ и не догадывался, что вы нуждаетесь въ займѣ. Вы просто заявляете иностранцамъ, что для отвлеченія вашихъ мыслей отъ военныхъ заботъ задумали заняться вообще «улучшеніями»... ну, тамъ желѣзными дорогами, устройствомъ шоссе, развитіемъ промышленности и проч. Банкиры иностранные, разумѣется, всегда рады посодѣйствовать такимъ благимъ цѣлямъ и дадутъ вамъ милліардъ по самому низкому проценту, а вы этотъ милліардъ сейчасъ въ оборотъ, и въ то же время, устроивъ при помощи государственнаго банка особый хитрый механизмъ, извлекаете этотъ же милліардъ изъ кармана населенія и пускаете его на войну, на охрану сказочныхъ областей, на мобилизацію противъ «англичанки» и т. п. Въ результатѣ иностранная биржа будетъ ловко проведена, у насъ—денегъ болѣе, чѣмъ надо, а населеніе вдвойнѣ облагодѣтельствовано—и бездѣльничать перестанетъ, и новыя дороги получитъ даромъ...

Еслибы не томительно скучный тонъ статей проф. Мигулина, право, ихъ можно бы счесть за своего рода профессорскую пародію на тѣ газетные проекты, которыми пестрили газеты по разнымъ финансовымъ и другимъ вопросамъ, связаннымъ съ войной. Но если это и пародія, то она не изъ удачныхъ. И лучше всего ее высмѣяли въ самой «Руси». Спрашивается тогда, зачѣмъ же она появилась? Неужели сочинять такія мѣры, какъ запрещеніе выѣзда за границу, или мечтать о захватѣ Памира—значитъ быть истиннымъ патріотомъ, и обратно—встрѣчать эти проекты и мечты, пожимая плечами и выражая недоумѣніе, какъ претендующая на серьезность газета можетъ ими заниматься,—значитъ быть «японофиломъ»? А это и дѣлаетъ г. Мигулинъ, въ началѣ второй статьи обвиняя напередъ въ японофильствѣ всѣхъ несогласно мыслящихъ...

Не пытаясь сама разобраться въ сложности переживаемой минуты, извѣстная часть печати встрѣчала каждую попытку вдумчиво и серьезно разобраться въ военныхъ вопросахъ съ гикомъ и свистомъ и оцѣнивала ее какъ измѣну. Всѣмъ еще памятна выходка «Моск. Вѣдомостей» противъ «Русск. Вѣд.» за ихъ прекрасные военные обзоры, въ которыхъ не было ни обычнаго газетнаго шовинизма, ни завѣдомой лжи. Правдивое и серьезное отношеніе къ войнѣ еще недавно вызвало, напр., въ «Русскомъ Вѣстникѣ» *) слѣдующую реплику:

---

*) „Русск. Вѣстникъ", августъ, „Современная лѣтопись".

«Въ настоящее столь тяжелое для насъ время и вмѣстѣ съ тѣмъ время наибольшаго подъема духа патріотизма, когда каждый русскій стремится принести посильную пользу родинѣ и не задумается даже жизнь свою отдать за нее, когда сердце каждаго искренно любящаго свое отечество человѣка съ волненіемъ и глубокимъ вниманіемъ прислушивается ко всему, относящемуся къ войнѣ,—грустнымъ, тяжелымъ и глубоко-возмутительнымъ явленіемъ представляется то направленіе, которое приняли нѣкоторыя наши газеты по отношенію къ настоящей войнѣ и къ нашимъ врагамъ. Онѣ, желая какъбы оправдать всѣ поступки японцевъ, старательно выставляютъ въ своихъ сообщеніяхъ успѣхи японцевъ и твердятъ объ ихъ мужествѣ, умѣ, патріотизмѣ и благородствѣ. Восхищаются ихъ цивилизаціей, такъ быстро вкоренившейся среди народа и приравнявшей его къ цивилизованнымъ европейскимъ государствамъ. Японію и японцевъ ставятъ даже въ примѣръ намъ. Но возможно ли болѣе сильное самооплеванье, какъ рекомендовать намъ брать примѣръ съ совершенно дикихъ и даже гнусныхъ по своимъ поступкамъ враговъ нашихъ—японцевъ? При этомъ съ необычайнымъ паѳосомъ превозносить какія-то доблести этихъ дикарей? До какой степени самому нужно пасть, чтобы, считаясь русскимъ хотя бы только подданнымъ, не только говорить въ печати, но даже про себя думать про столь мерзкія вещи».

Выводъ изъ этой реплики, съ указаніемъ на «подданство» (sapienti sat), ясенъ: только измѣнники могутъ видѣть въ врагахъ предметъ, достойный изученія и вниманія. Для истинныхъ русскихъ, «хотя бы только подданныхъ», нѣтъ другого отношенія къ нимъ, какъ къ «дикимъ» и «гнуснымъ» звѣрямъ.

А между прочимъ, въ той же книгѣ «Русск. Вѣстника» находимъ «Голосъ православнаго іерарха», который какъ разъ говоритъ то, что такъ возмутило внутренняго обозрѣвателя «Русскаго Вѣстника». Принадлежитъ онъ первому епископу въ Китаѣ Иннокентію, который возражаетъ на замѣтку г. Амфитеатрова въ номерѣ отъ 17-го апрѣля газеты «Русь». Замѣтка эта появилась по поводу окружного посланія епископа отъ 28-го февраля. Замѣтки г. Амфитеатрова мы не станемъ касаться, какъ не имѣющей прямого отношенія къ нашей темѣ. Возражая г. Амфитеатрову, епископъ говоритъ:

«Если на Дальнемъ Востокѣ—впрямь комната умирающаго, то конечно, становятся дикими, ужасными, безобразными и эти театры, и эти кафе, и эта музыка на бульварахъ, успокоительно возвѣщаемая корреспонденціями (слова г. Ам—ва). Но пиша такъ,—говоритъ іерархъ,—неужели авторъ листковъ не зналъ о нашихъ портъ-артурскихъ событіяхъ, гибели нашихъ судовъ у береговъ Кореи, несчастныхъ случаяхъ съ нашими крейсерами у береговъ Дальняго, а въ особенности гибели главы флота? Неужели это столь незначительныя потери для Россіи въ людяхъ и боевыхъ корабляхъ, что она, въ такія тяжелыя испытанія своей могущественности, можетъ по прежнему пить и веселиться? Неужели убійственные орудійные выстрѣлы должны сливаться съ пьянствомъ и веселіемъ.

«Мое окружное посланіе было вызвано весьма грустными явленіями въ общественной жизни Манчжуріи, которыми объясняются многія жертвы, поне-

сенныя Россіей на Дальнемъ Востокѣ. Живъ въ городѣ Дальнемъ, я удивлялся и скорбѣлъ душой о той безпечности и непробудномъ разгулѣ, который царилъ тамъ наканунѣ самыхъ военныхъ событій. Казалось для русскаго жителя далекой окраины нѣтъ ничего страшнаго, и онъ можетъ безъ трепета встрѣтить своего наступающаго врага. Но первые роковые удары изъ смертоносныхъ орудій повергли всѣхъ въ неописуемый ужасъ: всѣ потеряли голову, все побѣжало... Тяжелая катастрофа на ст. Манчжурія, можетъ служить лучшей иллюстраціей къ сказанному».

«Чтобы ободрить и подкрѣпить упавшій духъ жителей въ городѣ Дальнемъ, я неоднократно призывалъ ихъ къ молитвѣ и покаянію. Но мало кто внималъ моему голосу; лишь только смолкали страшные раскаты орудій, народъ не шелъ въ церковь, а наполнялъ непотребныя мѣста. Я помню удручающую картину когда были изъяты изъ воды тѣла погибшихъ моряковъ на «Енисеѣ», неоплаканныя и нагія, лежавшія въ кучахъ на китайскихъ арбахъ, на подобіе дровъ, и въ то же время красовались на улицахъ афиши, приглашавшія публику на танцовальные вечера»...

Упомянувъ далѣе о печальномъ состояніи общества въ Харбинѣ, гдѣ «уличная грязь вполнѣ гармонировала съ полной нравственной распущенностью города», епископъ съ сердечной болью продолжаетъ:

«Нѣтъ сомнѣнія, что событія послѣдняго времени на Дальнемъ Востокѣ были вызваны неустройствомъ русской жизни на нашихъ далекихъ окраинахъ. Ни отъ кого нельзя сокрыть, что событія застали насъ врасплохъ и принудили принести великія жертвы, благодаря нашему всеобщему разъединенію, объясняемому весьма разнорѣчиво и съ натяжкой. Едва ли кто будетъ оспаривать, что только благодаря нашей обычной безпечности и самонадѣянности мы потеряли лучшую часть своего флота и едва не пережили вторично севастопольскихъ событій. Цѣлыя полчища публичныхъ японскихъ женщинъ, которыхъ съ большимъ вниманіемъ и заботливостью выпроваживали изъ новыхъ русскихъ колоній, краснорѣчивѣе всего свидѣтельствуютъ о здѣшнихъ нравахъ, такой грубый развратъ не могъ не вызвать въ туземныхъ жителяхъ отвращенія къ русскому человѣку, стремящемуся просвѣщать инородцевъ... Переѣзжая изъ новыхъ русскихъ городовъ въ иностранные китайскіе, какъ въ подтвержденіе сказаннаго, невольно приходится убѣдиться въ нравственномъ перевѣсѣ послѣднихъ надъ первыми... Въ послѣднее время нѣсколько разъ приходилось встрѣчаться на станціяхъ Китайской Восточн. ж. д. съ больными воинами и безошибочно можно сказать, что *восемь десятыхъ* всѣхъ больныхъ были поражены секретными болѣзнями»...

Спрашивается,—«къ измѣнникамъ» или къ истиннымъ патріотамъ принадлежитъ, по мнѣнію обозрѣвателя «Русскаго Вѣстника», уважаемый пастырь, осмѣлившійся сказать слово правды? И какимъ горькимъ смѣхомъ посмѣялся бы епископъ Иннокентій, прочитавъ опять-таки въ той же книгѣ «Русскаго Вѣстника»—«Военно-политическіе отголоски» г. Соколова, въ которыхъ авторъ высмѣиваетъ японцевъ за пьянство и развратъ, господствующіе въ рядахъ ихъ арміи. Эти «отголоски» г. Соколова получаютъ особую, мы бы сказали—трагическую

окраску рядомъ съ «восемью десятыми всѣхъ больныхъ русскихъ воиновъ, пораженныхъ секретными болѣзнями». Только злѣйшій врагъ г. Соколова или заядлый «японофилъ» могли бы посовѣтывать ему откликнуться на сплетню «китайца изъ Чифу» послѣ правдиваго, не подлежащаго сомнѣнію свидѣтельства достойнаго русскаго епископа...

Мы готовы допустить, что цѣль всѣхъ такихъ «отголосковъ», можетъ быть, и благонамѣренна. Давно уже сказано, что «тьмы истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ». Но не напоминаютъ ли всѣ эти «утки», пускаемыя газетными сочинителями изъ разныхъ «Чифу», тѣхъ «достовѣрныхъ свѣдѣній», какими французская печать угощала своихъ читателей во время франко-прусской войны? Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» С. Д. Протопоповъ привелъ недавно (12-го сентября) выдержку изъ приложенныхъ къ роману Берты Зутнеръ «Долой оружіе» французскихъ газетныхъ отзывовъ о нѣмцахъ,—выдержку, поистинѣ точно написанную 34 года назадъ спеціально по адресу нашихъ «патріотовъ». Вотъ, напр., что писала газета «Le Volontaire»:

«До 16-го августа нѣмцы потеряли 144.000 человѣкъ. Остальные близки къ голодной смерти! Изъ Германіи идутъ сюда послѣдніе резервы—шестидесятилѣтніе старики съ кремневыми ружьями, съ громадной табакеркой на правомъ боку, а на лѣвомъ съ большой бутылкой водки. Несчастные кряхтятъ подъ тяжестью ранца... Кашляютъ бѣдняки и плетутся съ праваго берега на лѣвый, проклиная людей, вырвавшихъ ихъ изъ объятій внуковъ, чтобы идти навстрѣчу вѣрной смерти. Что же касается извѣстій въ нѣмецкихъ газетахъ о побѣдахъ, то все это невѣрно: пруссаки—извѣстные лгуны».

Не довольно ли, однако, всего этого пустостовія? Кого оно можетъ привлекать теперь? Мы не говоримъ—убѣдить. Въ концѣ концовъ обманутыми остаются сами сочинители, которые только сами себя тѣшатъ. Прежде всего это не выгодно. Если бы *правду* объ Японіи мы знали годъ тому назадъ такъ, какъ мы знаемъ ее теперь, можетъ быть, и войны не было бы. Еще болѣе необходима намъ правда теперь, когда идея возможности мира, безъ ущерба для интересовъ Россіи, начинаетъ выясняться для тѣхъ, кого не затмилъ имперіализмъ, какъ г. Мигулина, кто сквозь дымку пустословія, какъ бы она ни была густа, ясно видитъ ужасающую дѣйствительность, кто на дѣлѣ *любитъ* родину, а не на словахъ только проявляетъ свой патріотизмъ.

Извѣстное значеніе, поэтому, получила статья «Гражданина», въ которой кн. Мещерскій съ силой и неподдѣльнымъ гражданскимъ (а не прежнимъ «гражданинскимъ») негодованіемъ обрушивается на воинствующую нововременскую клику съ г. Меньшиковымъ во главѣ. Только недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ перепечатать цѣликомъ эту статью изъ номера «Гражданина» отъ 2-го сентября. Статья кн. Мещерскаго обошла страницы газетъ всего міра и вызвала признаніе и уваженіе всѣхъ, даже такихъ діаметрально-противоположныхъ по-убѣжденіямъ органовъ, какъ нѣмецкій «Vorwärts» *). Одно

*) Какъ объ этомъ сообщаетъ „Новое Время“ отъ 15-го сентября.

уже это свидѣтельствуетъ достаточно, насколько правильна точка зрѣнія князя Мещерскаго, стоя на которой онъ полемизируетъ съ нововременскими пустословами. Въ теченіе этой войны неподражаемымъ воинственнымъ задоромъ отличался среди нихъ г. Меньшиковъ, нѣкогда «толстовецъ», проповѣдникъ непротивленія злу насиліемъ до такой степени, что воспрещалъ своимъ читателямъ въ «Недѣлѣ» противиться разбойнику, который бы на ихъ глазахъ мучительнѣйшимъ образомъ умерщвлялъ ребенка. Но, вмѣстѣ со многимъ прочимъ багажомъ, г. Меньшиковъ давно уже выбросилъ за бортъ свои идеи кротости и смиренія и съ прежнимъ тягучимъ лицемѣріемъ убѣждаетъ теперь своихъ «ближнихъ» воевать «до конца, пока оружіе не будетъ отнято у послѣдняго японца, пока надолго не будетъ обезсилена Японія». Желающихъ мира онъ всячески поноситъ, считаетъ «подлецами и трусами», совѣтуетъ обложить ихъ «особымъ *налогомъ на трусость*». Возмущенный этими Іудушкиными рѣчами, кн. Мещерскій обращается къ нему:

«Нѣтъ, извините меня, г. Меньшиковъ, но откровенно вамъ скажу,—въ роли учителя патріотизма вы не своихъ саняхъ и не у себя дома, оттого слова ваши хотя громки, но всѣ звучатъ фальшиво; и подобно тому, какъ чревовѣщатели говорятъ человѣческимъ голосомъ, но звуки не гортанные, а брюшные, такъ и у васъ слышится, что ваши возгласы (по адресу Японіи) «долой оружіе», напоминающіе парижскіе «à Berlin», и недавніе возгласы «на трехъ японцевъ одного русскаго хватитъ»—исходятъ изъ какой-то шарманки, а не изъ родника патріотизма—души.

«Будь онъ у васъ въ душѣ, развѣ вы не поняли бы, что патріотизмъ не кричитъ, не кичится и не знаетъ наглости; напротивъ, онъ смиренъ, какъ смиренны всѣ герои, и безмолвенъ; герои никого не называютъ трусами, а вы полъ-Россіи обозвали трусами! И вы еще ссылаетесь на нашихъ героевъ-мучениковъ солдатъ въ подтвержденіе своихъ неистовыхъ криковъ о русскихъ трусахъ и о русскихъ *подлецахъ*, желающихъ мира, неспособные понять, что этотъ покорный и безмолвный герой-мученикъ ѣдетъ на смерть, желая мира! Неспособны вы и того понять, что каждый изъ ста сорока милліоновъ русскихъ понимаетъ, что если бы могъ теперь на нашу Голгофу сверхъ-человѣческаго героизма и сверхъ-человѣческихъ мукъ, именуемую Портъ-Артуромъ, блеснуть первый лучъ мира, то въ каждую душу его рати защитниковъ сошла бы радость свѣтлѣе солнца».

Переходя затѣмъ къ изложенію доводовъ въ пользу возможности мира, князь продолжаетъ:

«Сторонники мира основываютъ этотъ вопросъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: Россія не понесла никакихъ существенныхъ пораженій, она испытывала только повсюду послѣдствія численнаго перевѣса войска и флота своего противника, и съ этимъ сообразовывала свои военныя дѣйствія; Россія не нуждается въ мирѣ во что бы то ни стало и можетъ продолжать войну долго, и вотъ вслѣдствіе этого ея честь и ея достоинство позволяютъ ей предложить своему противнику, столь же храброму, какъ и она, миръ теперь, съ единственною цѣлью прекратить съ обѣихъ сторонъ столь ужасное кровопролитіе...

Мнѣ представляется, что такъ ставимый сторонниками мира вопросъ заслуживаетъ серьезнаго обсужденія, не только потому, что обоимъ враждующимъ государствамъ выгоднѣе раньше прекратить ужасы войны, чѣмъ позже, но и потому, главнымъ образомъ, что теперь заключенный непосредственно между воюющими сторонами миръ можетъ установить порядокъ вещей на Дальнемъ Востокѣ и взаимныя отношенія прочнѣе, тогда какъ миръ, принятый въ неопредѣленномъ будущемъ японцами по принужденію, можетъ быть только временный и создаетъ для Россіи нескончаемую серію войнъ съ Японіей, не говоря уже о возрастающей съ каждымъ годомъ для насъ опасности имѣть дѣло съ японизирующимся Китаемъ».

Далѣе князь излагаетъ свои «мечтанія» о возможности не только прочнаго мира, но и союза съ Японіей, и снова переходитъ къ бряцающему оружіемъ г. Меньшикову, который, сидя комфортабельно у себя въ кабинетѣ или покачиваясь въ своемъ пресловутомъ «гамакѣ», вопитъ «долой оружіе!.. Биться до конца, пока Японія не будетъ обезсилена». Когда же это будетъ? По мнѣнію нововременскаго «героя», на это понадобится года три. Кн. Мещерскій доказываетъ г. Меньшикову съ братьей, что для обезсиленія Японіи нужна не трехлѣтняя, а безконечная война, что понадобится двинутъ 20 корпусовъ и флотъ втрое сильнѣйшій, на что потребуется не 3, а 10 лѣтъ, и что въ концѣ концовъ мы ничего не добьемся, такъ какъ за Японіей стоятъ Америка, Англія, Китай, Италія. Впереди—безконечныя войны, къ которымъ пришлось бы готовиться усиленнѣе, чѣмъ готовилась Японія,—«такъ, какъ она будетъ готовиться ко второй войнѣ съ нами: удвоивъ энергію и строгость въ исполненіи долга каждаго изъ милліона японцевъ».

«Подумайте, г.г. газетные Цезари, подумайте хорошенько, можемъ ли мы, какіе мы теперь есть, съ нашими нравами, воспитанные, какъ мы воспитаны, съ нашими разнузданными понятіями о долгѣ, съ нашею рознью, проникающею во всѣ слои и скважины нашего строя и не смолкающею даже въ трудныя минуты для отечества во имя любви къ нему, взять на себя обѣтъ не только готовиться къ войнѣ честно, дружно и энергично, но возродиться для этой задачи нравами? Можемъ ли мы, подумайте и отвѣтьте! Все это трудно, все это вводитъ душу въ такой глубоко мрачный и безъисходный лабиринтъ тревожныхъ думъ, что страшно становится отъ безсилія ума найти просвѣтъ или исходъ.

«Но сейчасъ же во мракѣ настоящаго является просвѣтъ, если за исходную точку взять мысль моего вчерашняго «Дневника» о союзѣ съ той Японіей, съ которой мы сегодня воюемъ. Уничтожить 50 милліонную Японію мы не можемъ, слѣдовательно, каждая попытка ее обезсиливать, успѣшная или безуспѣшная, будетъ только способствовать усиленію ея ненависти къ намъ и усиленію ея народной энергіи къ самооборонѣ. Что мы отъ этого выиграемъ—трудно придумать, а что мы отъ этого проиграемъ въ смыслѣ экономическаго оскудѣнія, остановки внутренняго развитія и политическаго обезсиленія въ Европѣ,—этого нельзя не предвидѣть».

Что же отвѣтилъ на эту замѣчательную статью «парламентъ мнѣній»?

Г. Суворинъ только отругнулся, ничего не сказавъ по существу. А г. Меньшиковъ завелъ обычную безконечно - тягучую канитель, въ которой договорился до удивительнаго проекта, какъ сразу перебросить на Дальній Востокъ 400.000 войскъ: посылать черезъ каждый часъ по поѣзду на Дальній Востокъ безъ обратнаго ихъ движенія оттуда. «Понятное дѣло, въ конечномъ пунктѣ и паровозы, и вагоны придется сваливать подъ откосъ», заявляетъ хладнокровно авторъ проекта. Что за бѣда?—разъясняетъ г. Меньшиковъ. Тѣмъ болѣе, что для какихъ-нибудь 168 паровозовъ и 5.000 вагоновъ, «можно и въ конечномъ пунктѣ устроить стоянку, а изъ вагоновъ соорудить даже зимнія помѣщенія для войскъ». Такого несокрушимаго легкомыслія никто не выдержитъ, даже японцы. А по сему вносимъ въ «парламентъ мнѣній» предложеніе: вмѣсто отправки всякихъ тамъ армій и флотовъ—отправить на Дальній Востокъ нововременскаго Іудушку. Онъ быстро справиться съ японцами, потопивъ ихъ въ бездонномъ морѣ своего пустословія...

Оставимъ однако шутки, тѣмъ болѣе, что онѣ отдаютъ тѣмъ, что нѣмцы называютъ «Galgenhumor»... Что можетъ быть печальнѣе, въ самомъ дѣлѣ, этого обзора печати за восемь мѣсяцевъ войны, какой мы набросали лишь бѣгло, такъ какъ исчерпать всю бездну газетнаго пустословія нѣтъ ни времени, ни силъ? И въ какое время! Одна битва подъ Лаояномъ,—не напоминаетъ ли она легендарной битвы на Каталаунскихъ поляхъ, какъ она изображена Каульбахомъ на знаменитыхъ фрескахъ берлинскаго музея, гдѣ души павшихъ бойцовъ съ неостывшимъ ожесточеніемъ продолжаютъ биться на небесахъ? Вѣдь это міровое событіе, громадность значенія котораго учтетъ только будущая исторія. А въ это время здѣсь, въ центрѣ Россіи, маленькіе, маленькіе, какъ микробы, что неослабно, съ страшной силой подтачиваютъ здоровый организмъ, разные гг. Буренины, Меньшиковы, Мигулины и Суворины кропотливо и неустанно пустословятъ и пустословятъ. Какую удивительную по фантастичности картину нарисовалъ бы будущій историкъ, если бы ему, какъ мнѣ, пишущему эти строки, и вамъ, ихъ читающему, не было открыто никакихъ другихъ источниковъ и пришлось бы возстановлять исторію русско-японской войны на основаніи свѣдѣній исключительно русской газетной печати! Конечно, будущій историкъ будетъ счастливѣе насъ, ибо ничто не остается тайнымъ. Но намъ, живущимъ теперь, не легче отъ этого...

Но будемъ надѣяться: вѣдь это-то ужъ во всякомъ случаѣ не воспрещено. Будемъ надѣяться, что недалекъ конецъ этому пустословію...

Въ замѣчательномъ разговорѣ между сотрудникомъ парижской газеты «Echo de Paris» и новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ (бесѣду эту читатели, конечно, уже знаютъ), княземъ Святополкомъ-Мирскимъ, есть одно знаменательное слово, высказанное новымъ министромъ. «Опираясь на основныя начала,—говоритъ онъ,—указанныя моимъ Государемъ, я постараюсь проявить въ моихъ дѣйствіяхъ истинный и широкій либерализмъ *), поскольку этотъ послѣдній не противорѣчитъ установленному порядку правленія», и далѣе, говоря о про-

*) Цитируемъ по газетѣ „Русь“.

грессѣ князь, заявивъ себя его сторонникомъ, высказалъ неоспоримую истину, что «нельзя избѣжать прогресса. Если бороться съ нимъ, онъ все равно ворвется къ нимъ. Не лучше ли любезно принять его и помочь его осуществленію?» А первымъ шагомъ по пути впередъ, какъ говоритъ опытъ всего человѣчества, должно быть *знаніе*, первымъ и единственнымъ орудіемъ его—правда,—*правда*, которую прежде всего пожелалъ слышать отъ печати и Государь, когда удостоилъ принять депутацію отъ газетной печати въ началѣ войны... Въ томъ же смыслѣ высказался и новый министръ внутреннихъ дѣлъ въ рѣчи, по адресу представителей провинціальной печати: «Я придаю большое значеніе печати, особенно провинціальной. Я всегда думалъ, что печать, служа искренно и благожелательно дѣйствительнымъ нуждамъ населенія, можетъ принести громадную пользу, содѣйствуя правительству въ трудномъ дѣлѣ управленія. Я всегда былъ другомъ провинціальной печати, — буду и впредь, если она выражаетъ откровенно, искренно и благожелательно истинныя потребности населенія». И въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ «Berliner Localanzeiger», какъ сообщаетъ «Россійское Телеграфное Агентство» отъ 19-го сентября, кн. Д. П. Святополкъ-Мирскій высказался еще опредѣленнѣе о положеніи печати: «хотя пока еще и не можетъ быть рѣчи о неограниченной свободѣ печати, — сказалъ князь,—тѣмъ не менѣе чувствуется необходимость въ большей свободѣ и свѣжей струѣ воздуха, и въ этомъ направленіи многое уже сдѣлано». Послѣднее очень пріятно слышать, но еще пріятнѣе было бы *почувствовать на дѣлѣ*: безконечно удушлива «атмосфера», въ которой приходится работать нашему брату, подцензурному журналисту...

Только говоря правду, можетъ печать выполнять свою роль — выражать потребности общества. Если же и бываютъ моменты, когда правды нельзя говорить по очень важнымъ основаніямъ, тогда искренняя и уважающая себя печать должна молчать. Печать, замкнувшаяся въ грозномъ молчаніи, это пушкинское «народъ безмолствуетъ», гораздо внушительнѣе для врага, чѣмъ печать, топящая искру правды въ морѣ пустословія.

Смолкнутъ тогда «трихинные голоса», заглушенные дружнымъ и смѣлымъ хоромъ истинныхъ представителей общественнаго мнѣнія. Уже и теперь, какъ пугливыя тѣни ночи предъ первымъ проблескомъ зари, заколебались различные члены суворинскаго «парламента мнѣній» и что-то лепечутъ о томъ, что «намъ нужны не реформы, а одна реформа», и прочее въ томъ же смутномъ родѣ. Кого они хотятъ этимъ обмануть? Кого привлечъ? Къ кому подползти, чтобы лобызая рабски руку, отравлять и впредь невозбранно общественную атмосферу?

Довольно. Пусть, наконецъ, правда озаритъ насъ своимъ немеркнущимъ сіяніемъ. Изболѣлась по ней душа русскаго человѣка, — не того русскаго человѣка, что засѣдаетъ въ «Русскомъ собраніи», дебатируетъ въ суворинскомъ «парламентѣ мнѣній» или пустословитъ на страницахъ разныхъ листковъ, выуживая пятачки и семишники изъ кармана довѣрчиваго читателя,—а того, что молчаливо сражается на далекихъ поляхъ Манчжуріи, грудью отстаиваетъ Портъ-Артуръ и въ конечномъ счетѣ платитъ за все...

А Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

Бесѣда съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Въ «Руси» помѣщена бесѣда корреспондента «Echo de Paris» г. Гютена съ вновь назначеннымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ княземъ П. Д. Святополкъ-Мирскимъ. Такъ какъ эта бесѣда представляетъ особый интересъ въ виду переживаемыхъ нами событій, то мы полагаемъ небезполезнымъ помѣстить ее и на страницахъ нашего журнала. Г. Гютенъ пишетъ:

«... Я былъ введенъ въ кабинетъ князя.

«Князь подошелъ навстрѣчу мнѣ, протянулъ руку. Онъ былъ въ обыкновенной генеральской формѣ съ орденомъ Владиміра на шеѣ. Онъ даже не далъ мнѣ времени на обычныя привѣтствія и, усѣвшись предо мной, сказалъ съ располагающей простотой:

«— Сегодня я могу посвятить вамъ нѣсколько минутъ: съ первымъ отходящимъ въ Вильну поѣздомъ я ѣду въ Вильну.

«Я всматривался въ лицо князя. Оно имѣло доброе выраженіе. Князь похожъ на Куропаткина; онъ такого же небольшого роста... Чувствуется, что князь очень любезенъ, добръ. Его предшественникъ казался, напротивъ, холоднымъ, сухимъ».

Г. Гютенъ спросилъ князя, правда ли, что онъ не былъ особенно расположенъ принять обязанности, которыми онъ теперь облеченъ.

«— Безъ сомнѣнія, я не былъ въ особенномъ восторгѣ, когда узналъ о предполагавшемся назначеніи,—сказалъ князь,—но не потому, что я боялся отвѣтственности, или тягостей столь важнаго назначенія, а лишь потому, что я—провинціалъ; меня такъ удовлетворяло мое виленское генералъ-губернаторство. Кромѣ того, я не совсѣмъ здоровъ и даже страдаю немного астмой. Но всѣ эти мотивы не могли, конечно, быть препятствіями, и вотъ я—министръ. Я, по всей вѣроятности, не сдѣлался бы министромъ, если бы мое здоровье было цвѣтущимъ: я въ самомъ началѣ войны постарался бы добиться назначенія на Дальній Востокъ при Куропаткинѣ. Я покинулъ бы Вильну ради Ляояна, но событія рѣшили дѣло иначе; что дѣлать?

«— Позвольте мнѣ спросить, будетъ ли отмѣчено ваше вступленіе въ должность большими перемѣнами во внутренней политикѣ Россіи?

«— Большихъ перемѣнъ не будетъ; но я намѣренъ слѣдовать программѣ, намѣченной въ манифестѣ Императора Николая II, обнародованномъ въ февралѣ 1903 года. Опираясь на основныя начала, указанныя моимъ Государемъ, я постараюсь проявить въ моихъ дѣйствіяхъ истинный и широкій либерализмъ, поскольку этотъ послѣдній не противорѣчитъ установленному порядку правленія. Какъ провинціалъ, любящій провинцію, я рѣшительный сторонникъ децентрализаціи. Я полагаю, что не всѣ вопросы должны рѣшаться въ Петербургѣ. Я выполню намѣренія Государя, давъ провинціальнымъ общественнымъ собраніямъ, «земствамъ», возможно болѣе полномочій для рѣшенія, согласно желаніямъ населенія, всѣхъ вопросовъ, касающихся школъ, продовольствованія, дорогъ простыхъ и желѣзныхъ и т. д. Мы дадимъ земствамъ возможно больше свободы. Земства соотвѣтствуютъ вашимъ «conseils généraux». Наше внутреннее положеніе не критическое, но запутанное. Къ чему это отрицать? Но хорошей организаціей земства и городского управленія можно достигнуть многаго.

«— Я часто слышалъ, что въ Россіи нужны отвѣтственные министры...

«Князь Святополкъ-Мирскій улыбнулся и отвѣтилъ вопросомъ:

«— Отвѣтственные передъ кѣмъ? Они зависятъ исключительно отъ Императора, который царствуетъ Милостію Божьей. Нужно оставить министрамъ ихъ настоящую роль, которая состоитъ въ исполненіи воли ихъ Государя. Всякая другая отвѣтственность была бы искусственной и номинальной.

«— Какого вы мнѣнія о религіозныхъ вопросахъ?

«— Я—врагъ религіозныхъ преслѣдованій и сторонникъ возможно большей свободы совѣсти съ нѣкоторыми ограниченіями. Впрочемъ, уже много сдѣлано въ этомъ направленіи въ послѣдніе годы въ Россіи. Я буду продолжать осуществленіе этой задачи, которая имѣетъ цѣлью возможность мирнаго существованія разныхъ вѣроисповѣданій въ обширной Имперіи.

«— Правда ли, что вы думаете дать болѣе свободы евреямъ?

«— Я не врагъ евреевъ, но если бы дать имъ полную свободу, они могли бы вскорѣ сдѣлаться слишкомъ преобладающими. Я намѣренъ относиться къ нимъ очень благосклонно и улучшить быть бѣдныхъ еврейскихъ классовъ. Добротой можно добиться счастливыхъ результатовъ.

«— Измѣните ли вы, ваше превосходительство, положеніе финляндцевъ?

«— Финляндія не входитъ въ мою юрисдикцію. Г. Плеве былъ единственнымъ министромъ, полномочія котораго распространялись и на Финляндію. Впрочемъ, лютеранское населеніе Финляндіи получило недавно въ генералъ-губернаторы князя Оболенскаго, первые шаги котораго въ странѣ были удачны. Его старанія, я въ этомъ увѣренъ, приведутъ къ наилучшимъ результатамъ въ отношеніи благосостоянія и счастія Финляндіи».

Разговоръ коснулся внутреннихъ волненій.

«— Мы должны бороться съ террористами,—замѣтилъ князь,—но лично я намѣренъ не проявлять чрезмѣрной строгости въ отношеніи къ молодежи, заблужденія которой часто сопровождаются раскаяніемъ. Замѣтьте, кромѣ того, какъ она образумливается съ возрастомъ, и изъ нея выходятъ прекрасные работники.

«— Вообще, г. министръ, вы объявляете себя сторонникомъ прогресса?

«— Какъ же я могу быть не за прогрессъ, благами котораго пользуется Россія? Намъ предстоитъ много поработать для него. Я сторонникъ возможно большаго умноженія сельскихъ школъ, и въ этомъ согласенъ со мной мой коллега и другъ генералъ Глазовъ, министръ народнаго просвѣщенія. Нельзя избѣгнуть прогресса. Если бороться съ нимъ, онъ все равно ворвется къ намъ. Не лучше ли любезно принять его и помочь его осуществленію?

«— Послѣдній вопросъ, генералъ, настоящій несчастный фазисъ войны, какъ говорятъ, вызываетъ неудовольствіе внутри имперіи?—Война съ Японіей не популярна.

«— Возможно, что война не популярна, мы ея не хотѣли, не предвидѣли, мы не были готовы, но общественное мнѣніе было бы еще болѣе недовольно, если бы теперь, когда каша сварена, мы ея не стали бы ѣсть. Мы переживаемъ тяжелый періодъ кампаніи, которая ведется за 10.000 верстъ. Мы не думали, что будемъ имѣть дѣло съ японскимъ народомъ, военныя качества котораго оказались неожиданнымъ откровеніемъ для всего міра, а не для насъ однихъ въ частности. Наши солдаты идутъ на смерть по чувству долга, а японскіе—съ удовольствіемъ.

«— Мнѣ пріятно видѣть, что вы воздаете справедливость врагамъ.

«— Мы не скупимся на восхищеніе, но въ концѣ концовъ побѣдимъ мы.

«Все это было сказано спокойно, безъ всякой тѣни самомнѣнія и самымъ простымъ тономъ».

Совѣщаніе предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ. 13-го и 25-го августа происходило совѣщаніе предсѣдателей земскихъ управъ Московской губерніи подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя губернской земской управы Д. А. Головина. Предсѣдатель совѣщанія Ѳ. А. Головинъ предложилъ обсудить общій вопросъ о значеніи совѣщанія предсѣдателей земскихъ управъ Московской губерніи и о дальнѣйшемъ направленіи его дѣятельности, возникшій вслѣдствіе помѣщеннаго во всеподданнѣйшемъ рапортѣ, опубликованномъ въ № 148 «Правительственнаго Вѣстника», отзыва о совѣщаніи товарища министра внутреннихъ дѣлъ сенатора Н. А. Зиновьева.

Ѳ. А. Головинъ, заявивъ, что губернская управа, какъ въ настоящемъ, такъ и въ бывшемъ своемъ составѣ, была всегда далека отъ мысли чрезъ посредство совѣщанія брать подъ опеку уѣздныя земства и ограничивать ихъ самодѣятельность, полагалъ тѣмъ не менѣе, что опубликованіе всеподданнѣйшаго рапорта сенатора Н. А. Зиновьева во всеобщее свѣдѣніе налагаетъ на представителей земскихъ управъ Московской губерніи нравственную и служебную обязанность обратить самое серьезное вниманіе на только что прочитанный отзывъ сенатора Н. А. Зиновьева и въ виду его обсудить вопросъ о томъ, желательно ли, чтобы совѣщаніе предсѣдателей управъ продолжало существовать въ своемъ настоящемъ видѣ. При этомъ Ѳ. А. Головинъ указалъ, что вопросъ этотъ распадается на двѣ части: 1) не противорѣчитъ ли существованіе совѣщанія закону, и 2) соотвѣтствуетъ ли его дѣятельность интересамъ земскаго дѣла?

При обсужденіи перваго вопроса значительное большинство присут-

ствовавшихъ находило нужнымъ различать въ дѣятельности совѣщанія двѣ стороны, а именно: 1) обсужденіе вопросовъ, вносимыхъ въ совѣщаніе губернскою управой по порученію губернскаго земскаго собранія, и 2) совмѣстныя бесѣды по вопросамъ, возникающимъ въ служебной дѣятельности предсѣдателей управъ, но еще не ставящимся оффиціально. Въ законности существованія совѣщанія не возбуждалось никогда сомнѣній и мѣстною администраціей, ибо ни одно изъ постановленій собранія, касающихся совѣщанія, не было опротестовано губернаторомъ, а въ одномъ случаѣ совѣщаніе получило даже прямое оффиціальное признаніе со стороны губернскаго начальства, предложившаго предсѣдателю губернской земской управы объявить въ совѣщаніи предсѣдателямъ уѣздныхъ управъ Высочайшее повелѣніе о недопущеніи цѣнныхъ подношеній Его Императорскому Величеству. Что касается другой стороны дѣятельности совѣщанія, выражающейся въ подготовительныхъ бесѣдахъ по возникающимъ въ служебной практикѣ предсѣдателей управъ вопросамъ, то подобныя бесѣды, а равно и формулировка результатовъ ихъ въ видѣ опредѣленныхъ выводовъ, нигдѣ закономъ не воспрещены и по существу дѣла являются совершенно необходимыми.

Въ результатѣ обмѣна мнѣній по вопросу о законности совѣщанія предсѣдателей управъ было формулировано слѣдующее заключеніе: «Совѣщаніе предсѣдателей земскихъ управъ Московской губ. въ той части его дѣятельности, которая касается исполненія порученій собранія, санкціонировано закономъ, дающимъ земскому собранію право организовывать изъ своихъ членовъ коммиссіи для разсмотрѣнія вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію собранія; въ остальной же своей дѣятельности, выражающейся въ подготовительныхъ бесѣдахъ, совѣщаніе не противорѣчитъ дѣйствующимъ узаконеніямъ». Заключеніе это было принято большинствомъ всѣхъ членовъ совѣщанія противъ одного, который, вполнѣ признавая необходимость совѣщанія, полагалъ, однако, что оно во всѣхъ проявленіяхъ своей дѣятельности должно носить характеръ неоффиціальной товарищеской бесѣды лицъ, занимающихъ одинаковое служебное положеніе.

Затѣмъ былъ поставленъ на обсужденіе вопросъ о томъ, не противорѣчитъ ли существованіе и дѣятельность совѣщанія интересамъ земскаго дѣла, отражаясь вреднымъ образомъ на самостоятельности уѣздныхъ земствъ. Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ отрицательно, причемъ было указано, что совѣщаніе не можетъ служить орудіемъ подчиненія уѣздныхъ земствъ губернскому какъ по самому своему составу, такъ и потому, что заключенія совѣщанія, поскольку они относятся къ сферѣ дѣятельности уѣздныхъ земствъ, носятъ характеръ пожеланій, а не обязательныхъ для кого-либо предписаній. Лучшимъ доказательствомъ того, что эти заключенія не оказываютъ гнета или нравственнаго давленія на уѣздныя земства и не стѣсняютъ свободы ихъ дѣйствій, можетъ служить упомянутый во всеподданнѣйшемъ рапортѣ сенатора Н. А. Зиновьева проектъ школьныхъ совѣтовъ. Хотя учрежденіе школьныхъ совѣтовъ и было рекомендовано большинствомъ совѣщанія, тѣмъ не менѣе соотвѣтствующее предложеніе было внесено только тремя уѣздными управами, а нѣкоторыя отнеслись къ нему прямо отрицательно.

Исходя изъ изложенныхъ соображеній, совѣщаніе пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) дальнѣйшее существованіе совѣщанія предсѣдателей земскихъ управъ Московской губ. является безусловно необходимымъ въ интересахъ земскаго дѣла; 2) совѣщаніе предсѣдателей земскихъ управъ, уважая и оберегая самостоятельность уѣздныхъ земствъ, не ограничиваетъ и не можетъ ограничивать этой самостоятельности ни путемъ нравственнаго давленія, ни какимъ бы то ни было инымъ образомъ.

Жалоба курскаго земства. Недавно курскою губернскою земской управой по уполномочію губернскаго земскаго собранія принесена въ правительствующій сенатъ жалоба на губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе, которое отмѣнило постановленіе земскаго собранія о выраженіи бывшему губернскому гласному и предсѣдателю губернской коммиссіи по народному образованію кн. П. Д. Долгорукову благодарности губернскаго земства за оказанныя услуги.

Опираясь на невоспрещеніе земскимъ учрежденіямъ закономъ заявлять о своей признательности лицамъ, особенно потрудившимся въ земствѣ, и руководствуясь указомъ сената по дѣлу бывшаго московскаго проф. Ѳ. Ѳ. Эрисмана, губернская управа ходатайствовала передъ сенатомъ о признаніи за курскимъ земствомъ права принести благодарность кн. П. Д. Долгорукову. Изложенная жалоба является 17-ю жалобой губернскаго земства въ сенатъ за послѣднее десятилѣтіе. Изъ 16-ти предыдущихъ жалобъ 15 уже разсмотрѣны правительствующимъ сенатомъ; при этомъ оказывается, что въ девяти случаяхъ земскія жалобы были уважены сенатомъ; одна жалоба по формальнымъ основаніямъ признана сенатомъ неподлежащею обсужденію сената; въ одномъ случаѣ жалоба разрѣшена не въ пользу земства въ виду изданія новаго закона въ промежутокъ между подачей жалобъ и ея разсмотрѣніемъ; по одной жалобѣ полученъ сенатскій указъ, хотя и не отмѣняющій распоряженія администраціи, но вполнѣ удовлетворившій земство своимъ разъясненіемъ (по вопросу о библіотечныхъ попечительствахъ); въ трехъ случаяхъ (изъ 15-ти) сенатъ призналъ земскія жалобы неосновательными. Одна жалоба (16-я),—на неразрѣшеніе земству открыть книжный складъ на общихъ основаніяхъ устава о печати,—до сихъ поръ съ 1899 г. остается безъ отвѣта. Изъ 16-ти жалобъ, поданныхъ курскимъ губернскимъ земствомъ за послѣдніе 10 лѣтъ, 7 жалобъ связаны съ вопросами и мѣропріятіями по народному просвѣщенію и 4 жалобы—съ вопросами земскаго страхованія и страхованія капитала.

Книга въ деревнѣ. Въ «Рус. Вѣдомостяхъ» г. Алексѣй Смирновъ, пользуясь сообщеніемъ корреспондентовъ владимірской губернской земской управы, приводитъ интересныя данныя о значеніи книги въ деревнѣ.

«У насъ книги—глупыя, Никольскаго рынка, а хорошихъ книгъ и полезныхъ очень мало». «Въ нашей мѣстности грамотеи самые плачевные; развѣ кое у кого найдется псалтырь, а рѣже всего евангеліе въ гражданскомъ пе-

реводѣ. Всякаго разговора о научныхъ цѣляхъ избѣгаютъ, предпочитаютъ всему болтать чтó подъ языкъ попало». «О книгахъ крестьяне не разсуждаютъ, и я никакого мнѣнія ихъ о книгахъ не слыхалъ, да и имѣть какое-нибудь мнѣніе нельзя, такъ какъ они о книгахъ почти совсѣмъ не знаютъ, кромѣ сказокъ или житія святыхъ». «Не читывали никакихъ книгъ, потому что у насъ ихъ очень мало находится, даже не знаемъ, какія книги лучше». Такъ отзываются о книгахъ, ходящихъ по деревнямъ, корреспонденты владимірской губернской земской управы.

Списки домашнихъ крестьянскихъ библіотечекъ (90 списковъ съ 1.800 названіями) обнаруживаютъ, что циркулирующія по деревнямъ книги почти исключительно лубочнаго изданія. Подавляющее большинство этихъ книгъ (59$^0/_0$) падаетъ на отдѣлъ духовно-нравственнаго содержанія, тогда какъ научно-популярныя книги даютъ всего 2,9$^0/_0$, въ томъ числѣ сельскохозяйственныя—0,8$^0/_0$. Въ средѣ, гдѣ всѣ интересы прикованы къ землѣ, сельскохозяйственныя книги занимаютъ всего только 0,8$^0/_0$ среди вообще-то скудной литературы въ деревнѣ! Изъ всѣхъ 415-ти книжекъ беллетристическаго содержанія книгъ извѣстныхъ авторовъ нашлось только 82, остальныя всѣ—«лубочная дребедень», какъ выражаются сами крестьяне. «А хорошихъ книгъ и полезныхъ очень мало». «Конечно,—пишетъ одинъ священникъ,—теперь есть дешевыя книги по огородничеству, садоводству, ветеринаріи, медицинѣ, но купить ихъ негдѣ. Я самъ очень долго искалъ по книжнымъ магазинамъ гор. Владиміра нужныхъ мнѣ и рекомендуемыхъ «Сельскимъ календаремъ» книгъ, касающихся полеводства, огородничества, крестьянскаго житья-бытья, ветеринаріи, и ничего не нашелъ, и это всего въ 150-ти верстахъ отъ Москвы!» Намъ лично пришлось наблюдать, насколько крестьяне безпомощны, чтобы добыть себѣ, когда нужно, полезную, дѣльную книгу. Въ одномъ уголкѣ Покровскаго уѣзда крестьяне заинтересовались садоводствомъ. Стали сажать яблони, но дѣло у нихъ шло неважно; они не умѣли какъ слѣдуетъ ухаживать за молодыми деревьями, а какъ достать руководство по этому предмету, не знали. Увидѣвъ, что мы выразили интересъ къ ихъ бѣдѣ, крестьяне стали просить выслать имъ изъ Москвы книжку по уходу за яблонями хоть въ 2, хоть въ 3 рубля,—это все равно, такъ какъ они будутъ пользоваться ею сообща.

Такъ далека еще и недоступна для деревни хорошая, полезная книжка, хотя нужда въ ней здѣсь настоятельная. Спросъ на дѣльную книгу большой.

«Хотя мы и мало учены—въ церковно-приходской школѣ,—пишетъ одинъ крестьянинъ,—но жажда къ чтенію ненасытная. Я пишу только со своего примѣра. Я получаю черезъ волостное правленіе «Сельскій Вѣстникъ», выписанный на свои скудныя средства, а болѣе ничего, если же какая-либо попадетъ газета или историческая книга, я съ жадностью набрасываюсь читать, такъ какъ при чтеніи такихъ исторій бываетъ иногда больно до слезъ, а то бываетъ какой-то подъемъ духа—свѣтло, радостно—и непоколебимая вѣра въ промыселъ Всемогущаго». Нерѣдко приходится встрѣчать въ деревнѣ крестьянъ, которые «зачитываются до помѣшательства».

Надо видѣть, съ какой благодарностью относятся корреспонденты къ полу-

ченію отъ владимірской губернской земской управы книгъ (въ вознагражденіе за свой трудъ), чтобы понять, какъ дорога въ деревнѣ настоящая, дѣльная книга:

«Въ виду благодѣянія губернской земской управы не могу умолчать, чтобы не принести большой благодарности за высылаемый «Журналъ для Всѣхъ», а въ особенности за присланныя книжки, которыми не токмо я пользуюсь, но даже многіе наши деревенскіе жители приносятъ большую благодарность, такъ что каждая книжечка ясно показываетъ, какъ въ земледѣліи, такъ и въ скотоводствѣ, которое у насъ, крестьянъ, постоянно въ рукахъ, и мы вышесказанными книжечками постоянно руководствуемся».

Промышленная владимірская деревня достаточно созрѣла для того, чтобы сознавать всю пользу и значеніе книги, чтобы предъявлять къ ней опредѣленныя требованія. Сама жизнь выдвинула это требованіе на книгу въ современной деревнѣ.

Одинъ священникъ-корреспондентъ пишетъ: «Въ настоящее время для подъема хлѣбопашества и вообще сельскаго хозяйства, когда уже нельзя пользоваться при обработкѣ земли старыми способами, необходимо распространять книги, обучающія новому способу обработки земли». Крестьяне сами прекрасно сознаютъ, для чего нужна имъ книга: «Свѣдѣнія сихъ книгъ побуждаютъ примѣнять въ веденіи хозяйства много новаго взамѣнъ стараго».

Область примѣненія книги—самая обширная. Крестьяне просятъ книгу не только для того, чтобы научиться правильному хлѣбопашеству, но чтобы знать все: и ветеринарію, и медицину, и законы, и общеобразовательныя науки.

Одинъ корреспондентъ проситъ прислать ему книжекъ по ветеринаріи: «Что побудило меня обратить серьезное вниманіе на отдѣлъ по этой части, такъ это то, что я хочу оказать ревнующую свою помощь бѣдному крестьянскому люду, у котораго сосредоточено всевеликое богатство въ единственной лошади, какъ великой помощницѣ въ крестьянской работѣ, и коровѣ, какъ единственной кормилицѣ бѣдной крестьянской семьи, а ближайшій ветеринарный пунктъ находится отъ насъ на 18 верстъ». Другой пишетъ: «Питая страстное желаніе знать, какъ нужно жить каждому подданному нашего отечества, какими законами нужно пользоваться въ жизни какъ въ подчиненіи властямъ, такъ и по отношенію къ равнымъ себѣ, и вообще жить такъ, чтобы какъ мнѣ лично самому, такъ равно и сроднымъ со мною жителямъ,—насколько это, конечно, можно будетъ усвоить,—«не страдать невѣдѣніемъ закона» (Основн. Зак., ст. 62), я желалъ бы, если владимірской губернской земской управѣ не будетъ обременительнымъ, снабдить меня полнымъ закономъ Россійской имперіи, такъ какъ въ нынѣшнее время жить напросто, какъ это жилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ, не приходится, а съ ошибками, которыя дѣлаются нами, справляться послѣ трудно и убыточно». Третій кореспондентъ сообщаетъ: «Прочелъ на сходѣ брошюрку Гольцева «Что такое подати» и Ладыженскаго «Что такое земство», и жители просили повторить, что и было исполнено». Самъ онъ отзывается объ этихъ книгахъ: «Жалко, что вкратцѣ, но очень полезно для каждаго земскаго плательщика». Четвертому нравится дру-

гое: «Ремесленную книжку прочиталъ,—глядишь, и самъ сдѣлалъ по ней такую вещь, хотя на первый разъ и не такъ удачно, но впослѣдствіи дойдешь и будешь дѣлать много лучше; и скорѣе берешься за ремесленную или техническую книжку, чѣмъ за журналъ; да и дѣти, начитавшись ремесленныхъ и техническихъ книгъ, у нихъ является желаніе что-нибудь дѣлать». Пятый, восхваляя научно-популярныя книги, говоритъ: «Всѣхъ интереснѣе слушаютъ книгу «Тайны и чудеса Божьяго міра», гдѣ какія есть страны и моря и что есть на небѣ; съ приближеніемъ науки до чего люди стали доходить: какія устроили подзорныя трубы и что стали видѣть; даже съ планеты Марса сняли планъ, да еще хочется увидать, кто тамъ живетъ. Книга требуется въ деревнѣ для удовлетворенія самыхъ разнообразныхъ нуждъ. Бѣда только, что негдѣ въ деревнѣ достать такую книгу. Единственный источникъ, которымъ она проникаетъ въ деревню, это—бродячіе офени, носящіе въ своемъ коробѣ вмѣстѣ съ «мыломъ, гребешками» и всякую «лубочную дребедень», да въ послѣднее время мѣстныя мелочныя лавочки, гдѣ рядомъ съ дегтемъ и керосиномъ появляются теперь и книжки. Оба рода этой торговли находятся въ полной зависимости отъ московскихъ лубочниковъ, отъ которыхъ выписываются книжки. Выписывая книги, эти торговцы даже не знаютъ, что имъ будетъ выслано: берутъ, что пришлютъ. При выпискѣ бываетъ, что подсовываютъ и ненужный товаръ».

Больно видѣть безпомощность нашего крестьянства въ порываніи къ свѣту и знанію, но, съ другой стороны, пріятно сознавать, какъ тьма и невѣжество нашей деревни постепенно уступаютъ мѣсто новой жизни, заявляющей о себѣ въ мощномъ умственномъ развитіи нашего промысловаго крестьянства. Довольно посмотрѣть на тотъ переворотъ, что произвели въ деревенскомъ хозяйствѣ сельско-хозяйственныя книжки за такой короткій промежутокъ времени, какъ три года (владимірское губернское земство только послѣдніе три года стало разсылать своимъ корреспондентамъ книжки на 800—1.000 руб. ежегодно), чтобы понять, какую благопріятную почву находятъ для себя новые порядки въ земледѣліи въ нашей промысловой деревнѣ. Владимірскій —да и не только владимірскій крестьянинъ уже достаточно созрѣлъ для основательнаго знакомства съ литературой, какъ общей, такъ и спеціальной сельско-хозяйственной.

„Хозяинъ" волости. Въ «Саратовскомъ Листкѣ» находимъ письмо кр. Кузнецкаго уѣзда, которое можетъ служить недурной иллюстраціей къ тому произволу, какой существуетъ у насъ въ деревнѣ, гдѣ волостной старшина является въ полномъ смыслѣ хозяиномъ волости.

«На почвѣ разногласія между юридическими установленіями и народными воззрѣніями на право обезпеченія землею въ жизни кулясовскаго общества возникли большія недоразумѣнія...

«Въ началѣ 70 гг. въ общество были приняты двѣ семьи Кудяковыхъ, бывшихъ стражниками въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ, причемъ имъ одновременно была отведена земля и изъ казенныхъ участковъ. Съ тѣхъ поръ семьи

Кудяковыхъ пользовались надѣльною землею наравнѣ съ остальными крестьянами общества. Но въ 1902 г., при передѣлѣ общинной земли среди крестьянъ возникъ вопросъ: «а вправѣ ли Кудяковы владѣть двумя надѣлами—изъ общественной земли и изъ казенной?.. Всѣ мы—разсуждають кулясовцы—пользуемся однимъ надѣломъ—по 1 дес. на душу на каждомъ полѣ; почему же Кудяковы счастливѣе насъ?!.» И вотъ, чтобы сравнять всѣхъ, крестьяне рѣшили отказать имъ въ пользованіи общественною землею, оставивъ ихъ только на отведенной изъ казны. Само собою разумѣется, Кудяковы запротестовали противъ такого рѣшенія общества и, выправивъ въ казенной палатѣ копію съ пріемнаго приговора, обратились въ волостной судъ, предъявивъ искъ въ 800 руб. за причиненные убытки. Судъ, стоя исключительно на формальной почвѣ, призналъ жалобу правильною и утвердилъ искъ въ означенной суммѣ.

«Понятно, какое недовольство должно было вызвать это рѣшеніе въ обществѣ!.. Особенно обидно было крестьянамъ утвержденіе иска въ 800 рублей. Поэтому они избрали уполномоченныхъ для обжалованія означеннаго рѣшенія. Но пока шла эта процедура, затѣмъ проволочка въ волостномъ правленіи съ выдачею копій съ разрѣшенія суда—уполномоченные установленный срокъ пропустили. Ихъ ходатайство объ отсрочкѣ волостной судъ оставилъ безъ удовлетворенія. Такимъ образомъ общество было лишено возможности обжаловать рѣшеніе суда по существу и доказать, что сумма иска слишкомъ повышена въ сравненіи съ понесенными убытками...

«Не взирая на это, волостной старшина сталъ спѣшить съ исполненіемъ приговора. Онъ велѣлъ произвести опись крестьянскаго скота и на-дняхъ назначилъ продажу его. Въ прошлую субботу онъ присылаетъ нарочнаго съ приказаніемъ, чтобы въ воскресенье съ утра оставить весь скотъ (болѣе 1000 головъ) во дворахъ. Можете себѣ представить, какой ревъ поднялъ въ селеніи голодный скотъ... А старшина—не идетъ и не ѣдетъ. Ревъ и безпокойство голоднаго скота увеличиваетъ нервное возбужденіе крестьянъ. Они мечутся и волнуются, не зная, что дѣлать, а его степенство все не ѣдетъ!.. Наконецъ, терпѣніе крестьянъ кончается, и они рѣшаются выпустить скотъ въ поле. Часа въ 3 пополудни пріѣзжаетъ, наконецъ, старшина и, видя, что приказаніе его нарушено, набрасывается на старосту и стариковъ, собравшихся на сходъ, съ выговоромъ и бранью... «Я хозяинъ волости... Какъ вы смѣли ослушаться?! Я приказалъ—должны исполнять» и т. д.—кричитъ расходившійся старшина. Этого мало—староста отправляется на 7 сутокъ, а нѣсколько стариковъ на 2 сутокъ подъ арестъ въ дубровское волостное правленіе. Старики арестованы были только за то, что осмѣлились сказать: «и зачѣмъ, ваше степенство, эта опись и продажа—ништо мы безъ этого не уплатили бы?!.» Но старшина былъ слишкомъ возмущенъ, чтобы согласиться съ разумными доводами, и не постыдился отправить крестьянъ подъ арестъ за 15 верстъ! И это въ рабочую пору, когда день для крестьянина имѣетъ громадную цѣнность»...

Очагъ эпидемій. Такимъ очагомъ, по словамъ «Русскихъ Вѣд.» является Астраханская губернія, географическое положеніе которой дѣлаетъ ее

однимъ изъ первыхъ этаповъ по пути шествія разныхъ эпидемическихъ заболѣваній. Такъ было и въ 1892 г. Можно ожидать, что такъ будетъ и теперь, если только надвигающаяся эпидемія проникнетъ въ Россію. Поэтому вопросъ о санитарномъ состояніи Астраханской губерніи, казалось бы, долженъ имѣть жгучій и не исключительно мѣстный интересъ. Таковой и принимаетъ онъ, несомнѣнно, теперь, но только теперь, когда, можетъ быть, уже трудно что-нибудь сдѣлать.

Урокъ 1892 г. какъ будто прошелъ безъ результата, и теперь, 12 лѣтъ спустя, сама Астрахань является такою же грязною клоакой, какою она была и прежде. Правда, при первой же вѣсти о надвигающейся холерѣ начались засѣданія коммиссій, кое-какіе шаги предприняли администрація и городскія управленія. Но этотъ проснувшійся интересъ не могъ сразу исправить всѣ недочеты и только вскрылъ ихъ. Уѣздные административные центры поставлены еще въ сколько-нибудь сносныя санитарныя условія вслѣдствіе малочисленности своего населенія. Такъ, въ самомъ крупномъ изъ уѣздныхъ городовъ — Красномъ Ярѣ — всего 8.000 жителей, въ остальныхъ — еще меньше. Къ тому же значительная часть населенія этихъ городовъ большую часть года проводитъ на отхожихъ заработкахъ. Но уѣздные города Астраханской губерніи сплошь и рядомъ по своей населенности далеко уступаютъ разнымъ слободамъ, селамъ, станицамъ, гдѣ, главнымъ образомъ, и сосредоточивается промышленное населеніе губерніи. Если къ этому прибавить обширныя пространства, занимаемыя уѣздами, отдаленность населенныхъ пунктовъ другъ отъ друга и первобытный способъ передвиженія, то въ связи со скудостью медицинской помощи картина получится безотрадная. Такъ, въ Астраханскомъ уѣздѣ всего 7 врачей, въ Красноярскомъ, Енотаевскомъ и Черноярскомъ—по 5 и въ Царевскомъ—8. Если такой количественный составъ медицинскаго персонала недостаточенъ и въ обыкновенное время, что же онъ можетъ сдѣлать при эпидеміи? Въ самой Астрахани санитарная коммиссія обнаружила удивительныя вещи. Оказалось, что, несмотря на отводъ подъ отбросы новаго мѣста (въ бывшемъ Лебедевскомъ саду), старая свалка представляетъ изъ себя огромное озеро жидкой вонючей грязи. Своею грязью Астрахань вообще извѣстна, кажется, по всей Россіи, но подобное скопленіе грязи въ видѣ огромныхъ не всасывающихся озеръ будетъ, пожалуй, для многихъ сюрпризомъ. Санитарная коммиссія выработала рядъ мѣръ, направленныхъ къ обеззараживанію этого скопленія нечистотъ; но пока все это еще въ проектѣ; такъ, предполагается вспахивать сосѣднія мѣста и на нихъ выкачивать скопившуюся грязь; самое озеро же покрыть пока слоемъ мазута; при такихъ условіяхъ санитаріи, конечно, не легко придется бороться съ холерой въ случаѣ ея появленія. Единственная надежда на то, что теперь уже довольно поздно: самыя сильныя жары прошли и потому шансы на распространеніе эпидеміи уменьшились. Что касается загрязненности Волги, по которой такъ быстро распространилась холера въ 1892 г., то за послѣдніе 12 лѣтъ ея загрязненность все время прогрессировала.

Разъясненіе Комитета III-го съѣзда по техническому образованію. Въ «Запискахъ Императорскаго Русскаго техническаго общества» опубликованъ слѣдующій докладъ комитета «объ обстоятельствахъ закрытія III съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію».

Къ концу 1903 года выяснилось, что съѣздъ и по числу членовъ, и по количеству докладовъ не будетъ уступать II съѣзду, бывшему въ Москвѣ въ 1895 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ до нѣкоторыхъ членовъ комитета стали доходить неопредѣленные слухи о томъ, что на съѣздѣ готовятся какіе-то демонстраціи и безпорядки. Въ началѣ декабря комитетъ подробно обсудилъ вопросъ, насколько подготовленъ съѣздъ и насколько можетъ считаться обезпеченнымъ успѣшный ходъ его занятій, и единогласно призналъ, что нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ плодотворной дѣятельности съѣзда. «Комитетъ *) ждалъ открытія съѣзда съ полною вѣрой въ то, что труды этого съѣзда окажутся столь же цѣнными, какъ II съѣзда, за который въ свое время комитету была выражена Высочайшая благодарность». 26-го декабря состялось открытіе съѣзда въ торжественномъ засѣданіи, «которое при огромномъ стеченіи публики прошло во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно». 27-го декабря начались занятія съѣзда. Въ первыхъ же засѣданіяхъ нѣкоторыхъ секцій, особенно секціи X (Курсы и школы для рабочихъ), въ которыхъ въ виду ихъ общаго интереса приняла участіе значительная доля всѣхъ членовъ съѣзда, ясно обнаружилось нѣсколько повышенное настроеніе аудиторіи, особенно оживленное и сочувственное отношеніе къ вопросамъ общаго значенія и характера, выходившимъ изъ сферы узко-дѣловой, профессіональной. Комитетъ, озабоченной правильнымъ и успѣшнымъ веденіемъ занятій на съѣздѣ, 29-го декабря подробно разсмотрѣлъ всѣ обстоятельства, относящіяся къ предмету и характеру занятій съѣзда, причемъ особенное вниманіе удѣлилъ X секціи и нашелъ, «что работа во всѣхъ секціяхъ шла удовлетворительно».

Въ комитетѣ между прочимъ былъ затронутъ вопросъ о присутствіи на съѣздѣ постороннихъ лицъ, не состоящихъ членами.

«Признавая присутствіе постороннихъ недопустимымъ и нежелательнымъ, комитетъ, однако, не могъ не видѣть крайней трудности, практической—даже невозможности установить на этотъ предметъ строгій дѣйствительный контроль». Поэтому на засѣданіяхъ секцій, конечно, присутствовали посторонніе, «но они при общемъ числѣ записавшихся до 3.000 человѣкъ едва ли могли имѣть значеніе». «Комитетъ, оцѣнивая всю уже протекшую дѣятельность съѣзда, считаетъ себя въ правѣ высказать, что эти посторонніе, быть можетъ, увеличивали суету и движеніе на съѣздѣ, но что они не выходили изъ роли слушателей и не принимали активнаго участія въ дѣлахъ съѣзда. Резолюціи секцій обсуждались и принимались членами, учавствовавшими въ занятіяхъ данной секціи; въ частности въ X секціи на послѣднее засѣданіе, въ которомъ были приняты резолюціи, допускались только члены съѣзда по предъявленію членскаго билета».

*) Предсѣдателемъ комитета состоялъ инженеръ генералъ Н. П. Петровъ.

Что касается повышеннаго настроенія членовъ съѣзда, то оно, какъ указываетъ комитетъ, «выражалось въ слишкомъ оживленномъ отношеніи къ такъ называемымъ общимъ вопросамъ, относящимся къ начальному образованію». Комитетъ полагаетъ, что «этотъ интересъ къ вопросамъ начальнаго образованія, однако, никакъ не можетъ считаться противорѣчащимъ основнымъ положеніямъ съѣзда».

«Стремленіе секціи особенно подчеркнуть значеніе общихъ вопросовъ, относящихся къ образованію въ Россіи, не представлялось комитету ни неожиданнымъ, ни тревожнымъ. Оно было очень сильно и на II съѣздѣ, что, однако не помѣшало ему пройти съ безусловнымъ и полнымъ успѣхомъ. Въ то же время настроеніе, отмѣченное выше, не проявлялось въ какихъ-либо рѣзкихъ формахъ; оно требовало только особеннаго напряженія и такта со стороны предсѣдателей». Комитетъ въ засѣданіи 29-го декабря призналъ, «что на съѣздѣ не замѣчается рѣзкихъ явленій, которыя заставили бы поставить вопросъ о какихъ-либо экстренныхъ мѣрахъ по обезпеченію правильнаго хода его занятій, и просилъ предсѣдателей секцій, если бы ими было усмотрѣно въ засѣданіяхъ что-либо необычайное, тревожное, немедленно поставить въ извѣстность объ этомъ комитетъ для принятія соотвѣтствующихъ рѣшеній и мѣръ».

Послѣ указаннаго засѣданія комитета, 29-го декабря, и кончая послѣднимъ днемъ работъ съѣзда, 4-го января, «занятія во всѣхъ секціяхъ шли въ общемъ правильно, причемъ недоразумѣнія, возникавшія въ отдѣльныхъ случаяхъ, не получали замѣтнаго развитія и улаживались безъ особыхъ затрудненій. За все это время ни отъ одного изъ предсѣдателей не поступало заявленія о томъ, что въ его секціи замѣчается что-либо необычное, требующее вмѣшательства комитета. 4-го января занятія съѣзда должны были приходить къ концу. Въ нѣкоторыхъ секціяхъ (въ томъ числѣ и въ X) послѣднія засѣданія были назначены на 4-е января. Въ другихъ секціяхъ хотя и предположены были засѣданія днемъ 5-го января, но они не могли оказать существеннаго вліянія на добытые уже результаты, и къ тому же для этихъ засѣданій оставалось немного докладовъ спеціальнаго характера».

4-го января, въ 2 часа дня, произошелъ въ корридорѣ университета извѣстный инциндентъ съ однимъ изъ членовъ съѣзда (кишиневскимъ ремесленнымъ старшиной Степановымъ). Не входя подробно въ оцѣнку этого инцидента, комитетъ, однако, считаетъ необходимымъ отмѣтить, «что инцидентъ этотъ имѣлъ къ съѣзду чисто внѣшнее отношеніе: онъ разыгрался въ корридорѣ и ни мало не отразился на работахъ секціи. Засѣданія секцій нигдѣ не прерывались, гдѣ они происходили. Соединенное засѣданіе II, III и IV секцій подъ предсѣдательствомъ Н. Ф. Рудольфа, начавшееся немедленно послѣ этого инцидента, происходило въ полномъ порядкѣ, безъ малѣйшихъ признаковъ возбужденія. Такимъ образомъ, вся программа съѣзда по всѣмъ секціямъ, назначенная на 4-ое января, была выполнена безъ всякихъ осложненій. Нѣкоторыя секціи, въ томъ числѣ X, совсѣмъ закончили свои занятія; у другихъ оставалось еще одно засѣданіе утромъ слѣдующаго дня. 5-го января, утромъ,

съѣздъ оказался закрытымъ по распоряженію и. д. градоначальника. Насколько вѣски были основанія къ такой мѣрѣ, комитетъ не можетъ судить, такъ какъ эти основанія остались ему неизвѣстными. Возможно, что комитетъ не располагалъ всѣми тѣми свѣдѣніями, которыя имѣются у администраціи. Но члены комитета стояли близко у самаго дѣла, они были руководителями въ работахъ съѣзда, были свидѣтелями всего происходившаго на съѣздѣ. Теперь, когда дѣятельность съѣзда прекратилась, она въ значительной степени характеризовалась въ тѣхъ резолюціяхъ, которыя были приняты секціями. Для сужденія о настроеніи членовъ съѣзда, поскольку оно выразилось въ работахъ съѣзда, особенный интересъ могутъ представлять именно резолюціи X секціи. Разсматривая эти резолюціи, комитетъ не можетъ не отмѣтить, что нѣкоторыя изъ нихъ выходятъ изъ рамокъ съѣзда, какъ, напримѣръ, резолюціи о введеніи мелкой земской единицы, о предѣльности земскаго обложенія и нѣкоторыя другія. Но въ то же время комитетъ считаетъ долгомъ высказать, что всѣ эти пожеланія и резолюціи не выходили за предѣлы тѣхъ сужденій, которыя распространены въ современномъ русскомъ обществѣ и которыя трактуются въ текущей прессѣ, журнальной и газетной. Именно всѣ эти пожеланія относятся къ возможному расширенію и распространенію образованія въ народѣ, къ улучшенію быта рабочихъ и расширенію общественной самодѣятельности, на почвѣ развитія существующихъ формъ самоуправленія». «Указанные выше общіе вопросы, быть можетъ, ослабили дѣловую, практическую сторону дѣятельности съѣзда; они отразились, быть можетъ, на его дѣловыхъ результатахъ, но комитетъ держится взгляда, что всѣ эти пожеланія и резолюціи не заключаютъ въ себѣ рѣшительно ничего преступнаго, наказуемаго, требующаго принятія экстренныхъ мѣръ пресѣченія. Точно также и въ дѣятельности отдѣльныхъ членовъ, насколько она проявилась открыто на съѣздѣ и была на виду у предсѣдателей секцій—членовъ комитета, не было ничего такого, что заслужило бы наложеніе на нихъ какихъ-либо административныхъ взысканій».

Совѣтъ общества въ засѣданіи своемъ 10-го мая, засѣдавшій подъ предсѣдательствомъ тайн. сов. В. И. Ковалевскаго, выслушавъ изложенный выше докладъ, постановилъ съ небольшими редакціонными исправленіями представить его министру народнаго просвѣщенія и Августѣйшему Покровителю школъ общества и Августѣйшему Покровителю съѣзда и напечатать его при отчетѣ общества за 1903 годъ.

Еще о кризисѣ въ Царствѣ Польскомъ. Варшавскій отдѣлъ «Общества для содѣйствія русской торговли и промышленности» подалъ на имя высшей гражданской власти края слѣдующій меморіалъ:

«Вслѣдствіе стихійнаго бѣдствія, какимъ было прошлогоднее наводненіе, съ одной стороны, и общаго экономическаго застоя, вызваннаго войною, съ другой,—положеніе рабочихъ слоевъ населенія Ц. П. стало очень тяжелымъ. Виды на ближайшую будущность не обѣщаютъ улучшенія этого положенія. Засуха нынѣшняго года усиливаетъ послѣдствія прошлогодняго наводненія, а

экономическія послѣдствія войны съ каждымъ мѣсяцемъ становятся все болѣе ощутительными.

«Желая изслѣдовать дѣйствительное положеніе вещей и установить хоть съ приблизительной точностью число рабочихъ, оставшихся или совершенно безъ заработка, или при уменьшенномъ заработкѣ, «отдѣлъ» обратился къ содѣйствію ремесленныхъ цеховъ и фабричныхъ инспекцій. Разумѣется, свѣдѣнія, полученныя отъ этихъ учрежденій, не могутъ дать полной картины бѣдствій, такъ какъ не обнимаютъ положенія массы такихъ рабочихъ, которые ни въ ремесленныхъ цехахъ не числятся, ни фабричной инспекціи не подвѣдомственны. Тѣмъ не менѣе, полученныя отдѣломъ свѣдѣнія очень поучительны.

«Изъ 57 варшавскихъ ремесленныхъ цеховъ дали свѣдѣнія 38. Оказывается, что застоя нѣтъ или онъ незначителенъ въ слѣдующихъ цехахъ: слесарей, оружейниковъ, переплетчиковъ, литейщиковъ, кузнецовъ, каменщиковъ, кушнировъ, корзинщиковъ, кухмистеровъ (чувствуется даже недостатокъ рабочихъ рукъ, вслѣдствіе выѣзда многихъ въ Россію), шляпочниковъ, плотниковъ, цирульниковъ и парикмахеровъ, рѣзчиковъ и въ нѣкоторыхъ мелкихъ цехахъ.

«Въ наиболѣе развитыхъ цехахъ, считающихъ подмастерьевъ сотнями, застой выражается слѣдующими цифрами: у пивоваровъ безъ работы подмастерьевъ 60 и рабочихъ 200; котельщиковъ—100; сѣдельниковъ 20; у фельдшеровъ (здѣсь есть и такой цехъ) обыкновенно въ это время бываетъ недостатокъ людей, теперь безъ работы 60 подмастерьевъ; мясниковъ—70; ювелировъ, позолотчиковъ и граверовъ—50; пекарей—300; обойщиковъ—100; кондитеровъ—60; канатчиковъ 25 проц. рабочихъ не у дѣлъ; выдѣлывателей стульевъ и креселъ—50 проц.; въ ножевой фабрикѣ Беньковскаго работаютъ только 3/4 дня; бронзовщиковъ и мѣдниковъ не у дѣлъ 80 подмастерьевъ и 100 помощниковъ; у кожевниковъ безъ работы 140 человѣкъ, а для остальныхъ заработокъ съ 12 р. въ недѣлю упалъ до 8-ми и даже 6 руб. Особенно тяжело отозвался застой на портныхъ, сапожникахъ и столярахъ: во всѣхъ этихъ цехахъ безъ работы осталось около 1.000 чел.».

Какъ сказано выше, цеховыя свѣдѣнія не даютъ точной картины кризиса переживаемаго ремесленными производствами. «Меморіалъ» указываетъ, напр., что на 300 столярныхъ подмастерьевъ, оставшихся безъ дѣла, имѣется безъ работы около 3.000 нецеховыхъ рабочихъ. У портныхъ и сапожниковъ еще хуже.

Что касается варшавскихъ фабрикъ, то фабричная инспекція опредѣляетъ число людей, оставшихся безъ работы, около 2.500. Изъ губерніи получены неполныя свѣдѣнія и притомъ довольно устарѣлыя, относящіяся къ маю мѣсяцу, когда застой только зарождался. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что многія фабрики закрылись или сократили работу. Такъ, въ Сѣдлецкой губ. закрылись стекольная и бумажная фабрика, распустивъ 100 рабочихъ спеціалистовъ, остальные рабочіе-крестьяне вернулись въ свои деревни; въ нѣкоторыхъ литейныхъ заводахъ Радомской губ. сократили рабочій день; то же въ Ломжинской губ.—сокращенъ до 7 час. в., кромѣ того, совсѣмъ безъ работы остались 70 чел.; въ Кѣлецкой губ. закрыты два стекольныхъ и одинъ це-

ментный заводъ—осталось безъ работы 272 чел.; въ Калишской губ. всѣхъ оставшихся безъ работы насчитываютъ около 3.000 чел. Въ Петроковской губ. дѣло обстоитъ нанхуже. Тамъ 210 промышленныхъ заведеній съ 60 тыс. рабочихъ сократили рабочее время на 20—30 проц., а въ нѣкоторыхъ даже до 50 проц. Масса мелкихъ промышленныхъ учрежденій совершенно закрылись. Совершенно оставшихся безъ работы насчитывали въ маѣ около 4.000 чел. Въ Варшавской губ. фабрики уволили 2.253 чел. спеціалистовъ и около 3.000 простыхъ рабочихъ.

Безпорядки въ Смѣлѣ и Сосновицахъ. «Кіевлянинъ» даетъ нижеслѣдующее описаніе безпорядковъ, возникшихъ въ м. Смѣлѣ, Кіевской губ.:

«Въ воскресенье, 20-го августа, и па слѣдующій день, въ понедѣльникъ, въ нашемъ мѣстечкѣ произошли безпорядки. Смѣла, одно изъ большихъ мѣстечекъ нашего края, имѣетъ болѣе 25 тыс. жителей, въ томъ числѣ 10 тысячъ евреевъ, главнымъ образомъ бѣдноты. Мѣстечко соединено желѣзнодорожною вѣткою, съ одной стороны, со станціей Фастовской дороги «Бобринская», а съ другой—съ г. Черкасами. Центръ этого мѣстечка, похожаго скорѣе на уѣздный городъ, занимаетъ базаръ, который бываетъ весьма оживленъ въ воскресные и праздничные дни, когда для покупокъ являются рабочіе изъ мастерскихъ ст. «Бобринская» и экономіи графовъ Бобринскихъ.

На базарѣ часто возникаютъ мелкія ссоры и драки, но онѣ всегда оканчивались пустяками. 22-го августа по обыкновенію базарная площадь была запружена народомъ, но никто не ожидалъ безпорядковъ. Въ лавку съ красным товаромъ Фейги и Дувида Ковальскихъ явилась крестьянка Феодора Пустовойтъ для покупки ситца на платье. Владѣлецъ лавки заподозрилъ, что Пустовойтъ украла платокъ, и во время ссоры ее ударилъ. Феодора Пустовойтъ, зажиточная крестьянка, увѣряетъ, что она платка не крала, но ее, повидимому, заподозрили въ кражѣ, такъ какъ совершенно неожиданно для нея ее ударилъ хозяинъ лавки, вслѣдствіе чего она, выйдя на улицу, и стала плакать. Ее окружили рабочіе, стали разспрашивать, а затѣмъ толпа принялась ломать сосѣднія лавки. Какъ разъ въ это время черезъ м. Смѣлу проѣзжалъ высокопреосвященнѣйшій Флавіанъ и ограниченное число мѣстныхъ полицейскихъ силъ были заняты поддержаніемъ порядка при проѣздѣ владыки. Скоро собралась большая толпа, среди которой было не мало пьяныхъ, и начала разбивать лавки. Въ то время, когда одна толпа разбивала лавки на базарѣ, другая бросалась на еврейскіе дома.

«Толпа не трогала, впрочемъ, лично евреевъ и уклонялась отъ дракъ, а лишь упорно занималась уничтоженіемъ имущества и его расхищеніемъ. Произошли обычныя въ такихъ случаяхъ безобразныя сцены: масса мебели разбита, товары уничтожены. Такъ продолжалось до вечера. Вечеромъ, человѣкъ 60 молодыхъ евреевъ стали драться и стрѣлять. Тогда же явился изъ города Черкасъ отрядъ полицейскихъ, которые, въ свою очередь, принуждены были дать залпъ изъ револьверовъ, такъ какъ изъ толпы стали раздаваться въ команду выстрѣлы. Въ этотъ моментъ произошла драка и въ результатѣ двое

оказались ранеными револьверными пулями: крестьянка Феодора Данченко въ ногу и 14-лѣтній Пинхасъ Заславскій тяжело въ спину, и крестьянинъ Андрей Козеловъ, которому камнемъ разбили голову, умеръ въ больницѣ. Ранены также сторожъ Софійской больницы Иванъ Лихнюкъ, Николай Хижнякъ и Соломонъ Соколовъ. Кромѣ того, нѣсколько десятковъ человѣкъ получили ушибы въ дракѣ и въ больничномъ леченіи не нуждаются.

«Вызванныя изъ Черкасъ войска прибыли только въ понедѣльникъ, въ 11 час. дня, а до этого времени нѣсколько сотъ рабочихъ со станціи «Бобринской» сѣли въ поѣздъ и, несмотря на противодѣйствіе мѣстнаго желѣзнодорожнаго начальства, отправились въ Смѣлу и продолжали погромъ.

«Въ понедѣльникъ мѣстечко посѣтилъ Кіевскій губернаторъ, генералъ-маіоръ П. С. Саввичъ. На мѣсто прибыли судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ при Кіевскомъ окружномъ судѣ Яценко, товарищъ прокурора Шиманскій и помощникъ Кіевскаго полиціймейстера Гуминскій. Изъ Кіева для временнаго усиленія полиціи посланы 10 околоточныхъ надзирателей. Отовсюду съ обысковъ они доставляютъ цѣлые возы всякаго еврейскаго добра. Всего оказалось разбитыми около 100 еврейскихъ домовъ и около 150 еврейскихъ торговыхъ заведеній. Кромѣ того, разгромлены совершенно 2 еврейскихъ синагоги и два еврейскихъ училища. Отъ общественной библіотеки, учрежденной женой доктора М. А. Штерна, въ которой насчитывалось нѣсколько тысячъ книгъ, осталась лишь гора отдѣльныхъ печатныхъ листковъ. Около 250 бѣдныхъ лишились имущества. Мѣстная интеллигенція оказала кой-какую помощь и съ разрѣшенія губернатора учрежденъ комитетъ для сбора пожертвованій и помощи пострадавшимъ. Лаз. И. Бродскій прислалъ 3 тыс. руб. Пока изъ массы подозрѣваемыхъ уже нѣсколько десятковъ человѣкъ уличаются слѣдственной властью въ грабежѣ скопомъ».

Въ Сосновицахъ, 30-го августа, подъ вечеръ еврейскія дѣти затѣяли на дорогѣ въ Острогорку игру въ «русско-японскую войну». Неловко брошеннымъ камнемъ была задѣта и слегка оцарапана смотрѣвшая на сраженіе дѣвочка-христіанка. Этого было достаточно. Въ городкѣ тотчасъ распространился слухъ, что евреи убили христіанское дитя! На Модрецовской улицѣ — главная торговая улица мѣстечка — собралась толпа, начавшая погромъ: были разнесены лавки, выбиты стекла въ синагогѣ. Полиція тщетно старалась прекратить погромъ. Только явившейся къ часу ночи сотнѣ казаковъ удалось возстановить порядокъ.

Другой корреспондентъ той же газеты приводитъ нѣсколько эпизодовъ погрома. Мясникъ Федерманъ выходилъ изъ своей квартиры, когда на него напали стекольщики мѣстнаго завода и забросали его камнями, причемъ нанесли ему довольно серьезныя поврежденія. Онъ попытался вернуться домой, но тутъ на него напали вторично и въ дракѣ отрубили ему ножомъ пальцы на правой рукѣ. Безчинства были сильнѣе всего на Модрецовской и Острогорной улицахъ, гдѣ почти всѣ еврейскія жилища подверглись бомбардировкѣ камнями. Около восьми часовъ вечера буяны разграбили лавку еврея Захарьяша на Старососновицкой улицѣ. Жена хозяина получила рану въ голову. Въ

Старыхъ-Сосновицахъ какая-то еврейка получила три тяжелыхъ раны въ грудь. Евреевъ, попадавшихся на улицѣ, толпа избивала и подвергала истязаніямъ. Всего было ранено тяжело 10 человѣкъ, и около 25 человѣкъ пострадало легко.

За мѣсяцъ. Именной Высочайшій указъ, данный правительствующему сенату. «1904 года, августа 26-го. Нашему генералъ-адъютанту, виленскому, ковенскому и гродненскому генералъ-губернатору, генералъ-лейтенанту князю Святополкъ-Мирскому—Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта Нашего».

— 16-го сентября, при представленіи чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ, кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій обратился къ нимъ съ слѣдующею рѣчью: «Приступая сегодня къ выполненію возложенныхъ на меня Монаршимъ довѣріемъ обязанностей, я считаю своимъ долгомъ заявить, что въ основу направленія ввѣреннаго мнѣ министерства мною будутъ положены начала, провозглашенныя съ высоты Престола Всемилостивѣйшимъ манифестомъ 26-го февраля 1903 года. Приглашаю васъ, господа, къ дѣятельному, самоотверженному сотрудничеству именно въ этомъ направленіи. Административный опытъ привелъ меня къ глубокому убѣжденію, что плодотворность правительственнаго труда основана на искренно довѣрчивомъ отношеніи къ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ и къ населенію вообще. Лишь при этихъ условіяхъ работы можно получить взаимное довѣріе, безъ котораго невозможно ожидать прочнаго успѣха въ дѣлѣ устроенія государства. Призывая васъ, господа, къ неустанной работѣ, я вѣрю въ силы и опытность ваши, которыя мнѣ помогутъ достигнуть цѣли въ предстоящемъ трудѣ».

— По сообщенію «Россійскаго Телеграфнаго Агентства», въ Вильнѣ, по окончаніи церемоніи освященія памятника императрицѣ Екатеринѣ II, министръ внутреннихъ дѣлъ князь Святополкъ-Мирскій принялъ представителя американской «Associated Press», Говарда Томсона. Въ бесѣдѣ съ нимъ министръ сказалъ, что онъ отнюдь не заблуждается относительно серьезности падающей на него отвѣтственности, равно какъ и относительно большихъ препятствій, которыя онъ встрѣтитъ передъ собой, принимая свой министерскій постъ. Положеніе трудное. На этомъ посту приходится разрѣшать самыя важныя задачи исполинской Имперіи, задачи, касающіяся блага болѣе 100 милліоновъ народа. Онъ приступитъ къ выполненію новыхъ своихъ обязанностей, преисполненный надеждой и съ твердой рѣшимостью исполнить свой долгъ передъ Государемъ, сообразно полученнымъ указзніямъ. «Я былъ бы неправъ,—прибавилъ министръ,—ежели бы сказалъ, что у меня уже теперь есть опредѣленная программа. Мои, твердо опредѣленные, взгляды всѣ направлены къ одной цѣли—благу народа. Если можно сказать, что у меня есть программа, то она состоитъ изъ этихъ двухъ словъ. Я радъ, что много служилъ въ провинціи. Это дало мнѣ возможность близко ознакомиться съ народомъ, его нуждами и его положеніемъ. Я увѣренъ, что опытъ этотъ будетъ чрезвычайно цѣненъ при переходѣ съ поста исполнителя на постъ руководителя. Я вполнѣ сознаю, какъ

многочисленны, какъ сложны задачи внутренней администраціи. Онѣ затрагиваютъ интересы милліоновъ. Мы должны запастись терпѣніемъ. Задачи эти не могутъ быть разрѣшены ни академически, ни немедленно. Значеніе ихъ едва ли сознается за границей. Время многое исправитъ. Если мы спокойно будемъ преслѣдовать свои задачи, наши желанія исполнятся быстро. Все, что мы можемъ сдѣлать,—это стремиться къ нашей окончательной цѣли, имѣя въ виду и улучшая, насколько возможно, современное положеніе. Мы должны исполнить нашу обязанность по отношенію къ настоящему времени и передать нашу работу въ наслѣдство потомству, которое должно будетъ заботиться о будущемъ. Какое положеніе займетъ Россія черезъ сто лѣтъ? Этого никто не можетъ сказать. Но у насъ есть мѣстное самоуправленіе въ видѣ земства. Я вѣрю въ успѣхъ земства. Я прошелъ всѣ стадіи службы въ немъ и увѣренъ, что оно можетъ работать съ большой пользой. Есть и другія весьма важныя задачи внутренней политики, напр., еврейскій вопросъ, который меня сильно интересуетъ. Я внимательно изучилъ его серьезный характеръ и знаю, какъ трудно его разрѣшить. Недавній Манифестъ Государя Императора расширилъ ихъ права относительно черты осѣдлости и права избрать занятія. Однако, положеніе бѣднѣйшихъ классовъ еще очень тяжелое. Они ограничены правомъ пребыванія въ городахъ и мѣстечкахъ въ предѣлахъ черты осѣдлости. Лучшее, что я могу для нихъ серьезно желать, это дать имъ широкій выборъ способа существованія и работы. Говоря вообще, не входя въ дальнѣйшія подробности, я могу сказать, что Манифестъ Государя Императора 1903 года представляетъ собой основанія, на которыхъ я принимаю министерство внутреннихъ дѣлъ. Вѣротерпимость и децентрализація являются его основными принципами. Если они будутъ поняты доброжелательно, то мы будемъ имѣть спокойствіе и прогрессъ въ развитіи внутренней Россіи».

— Именной Высочайшій указъ, данный правительствующему сенату. «1904 года, сентября 3-го. Двора Нашего гофмейстеру, директору департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ Штюрмеру—Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть членомъ государственнаго совѣта съ оставленіемъ его гофмейстеромъ».

— Именные Высочайшіе указы, данные государственному совѣту: 1904 года сентября 14-го. «Товарищу министра внутреннихъ дѣлъ, сенатору, тайному совѣтнику Зиновьеву—Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть членомъ государственнаго совѣта, съ оставленіемъ въ званіи сенатора.

«Товарищу министра внутреннихъ дѣлъ, тайному совѣтнику Стишинскому—Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть членомъ государственнаго совѣта».

— Изъ Гельсингфорса сообщаютъ, что дѣло о бывшемъ сенаторѣ Императорскаго финляндскаго сената, тайномъ совѣтникѣ Фридрихѣ-Вольдемарѣ Шауманѣ, обвиняемомъ въ совершеніи преступленія, предусмотрѣннаго § 4 главы 11 уголовнаго уложенія Великаго Княжества Финляндскаго, передано прокурору Императорскаго финляндскаго сената, согласно § 2 главы 8 отдѣла о судопроизводствѣ, для законнаго направленія. На основаніи этого закона г. Шауманъ подлежитъ суду Императорскаго абоскаго гофгерихта.

— 9-го сентября совершено въ Одессѣ на бульварѣ покушеніе на жизнь одесскаго градоначальника Д. Б. Нейгардта, причемъ градоначальникъ остался невредимъ. Стрѣлявшій изъ револьвера преступникъ, молодой человѣкъ, задержанъ. Имя его В. Поляковъ.

— Преступникъ, убившій министра внутреннихъ дѣлъ фонъ-Плеве, опознанъ. Онъ оказался, по словамъ «Кроншт. Вѣстника», сыномъ уфимскаго купца Сазоновымъ, слушалъ лекціи въ московскомъ университетѣ, но былъ высланъ въ Томскую губернію, откуда самовольно возвратился на югъ Россіи, гдѣ работалъ въ газетахъ и служилъ на желѣзной дорогѣ. Здоровье его настолько удовлетворительно, что онъ скоро будетъ перемѣщенъ изъ тюремной больницы въ камеру. Но въ городѣ недѣли двѣ циркулировалъ упорный слухъ, что убійца Плеве обманомъ увезенъ изъ тюрьмы (на Выборгской сторонѣ). Слухъ этотъ проникъ въ заграничную печать и настолько упорно циркулировалъ въ Петербургѣ, что одновременно съ сотрудникомъ «Кроншт. Вѣстн.» къ начальству тюрьмы явился чиновникъ градоначальства провѣрить слухъ, который оказался ложнымъ. Помощникъ начальника тюрьмы сказалъ, что при настоящемъ положеніи тюремнаго дѣла такіе случаи немыслимы. Тюрьма не вѣритъ никакимъ предписаніямъ и провѣряетъ ихъ по телефону у того учрежденія, которое прислало предписаніе. Это дѣлается не только съ важными преступниками, но и съ обыкновенными. Вотъ почему администрація тюрьмы выразила удивленіе глупому вымыслу.

Жертва войны. Въ числѣ павшихъ на поляхъ Лаояна, какъ напечатано въ «Русск. Инвалидѣ», въ битвѣ 17-го и 18-го августа упоминается: «остался на полѣ сраженія прапорщикъ запаса *Дегенъ, Евгеній*».

Евгеній Викторовичъ Дегенъ—постоянный сотрудникъ нашего журнала съ 1897 года. Ему принадлежитъ рядъ рецензій по отдѣлу иностранной литературы и критики, а также рядъ статей: «Бомарше», «Патріархъ нѣмецкой литературы», «Новалисъ, пѣвецъ голубого цвѣтка», «Поэты въ современной Германіи», «Жоржъ Зандъ и ея время», «Два парнассца», «Гофманъ», «Воспоминанія дерптскаго студента», «Интеллигенція и демократія во Франціи», «О всенародномъ искусствѣ».

Мы не теряемъ надежды, что Ев. Дегенъ, можетъ быть, былъ поднятъ въ числѣ раненыхъ, оставшихся у японцевъ.

ПО ПОВОДУ НОВАГО ЗАКОНА О ЕВРЕЯХЪ.

Опубликованный 20-го августа сего года именной Высочайшій указъ правительствующему сенату о «Нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ дѣйствующихъ постановленіяхъ о правахъ жительства евреевъ въ различныхъ мѣстностяхъ Имперіи», обратилъ на себя вниманіе не только всего еврейскаго населенія, но также широкихъ слоевъ мыслящаго русскаго общества. О новомъ законѣ очень много говорили и писали. И столичныя, и провинціальныя газеты по-

свящали ему весьма пространныя статьи, въ которыхъ онъ обсуждался не только съ точки зрѣнія того, что онъ принесъ положительнаго евреямъ, но также съ точки зрѣнія тѣхъ новыхъ перспективъ, которыя открываются для евреевъ въ будущемъ съ момента обнародованія Высочайшаго указа. Словомъ, новому закону о евреяхъ всѣ, и общество, и печать, придали значеніе выдающагося общественнаго событія.

Въ виду столь значительнаго интереса, возбужденнаго закономъ 11-го августа 1904 г. (указъ помѣченъ 11-мъ числомъ), намъ представляется весьма важнымъ выяснить, въ силу какихъ внутреннихъ свойствъ своихъ новый законъ о евреяхъ, не въ примѣръ многимъ другимъ законамъ, касавшимся еврейскаго населенія въ Россіи, привлекъ къ себѣ сразу всеобщее вниманіе. По нашему мнѣнію, самая выдающаяся и характерная черта опубликованнаго Высочайшаго указа отъ 11-го августа 1904 г. заключается въ томъ, что этотъ указъ *не содержитъ ни одного новаго ограниченія для евреевъ*. Огромное значеніе этого обстоятельства станетъ понятнымъ всякому, если принять въ соображеніе, что послѣдніе 25 лѣтъ являются для евреевъ періодомъ систематическаго неуклоннаго ограниченія ихъ въ самыхъ элементарныхъ правахъ.

Въ нашу задачу не входитъ подробное ознакомленіе читателя съ содержаніемъ этихъ ограничительныхъ законовъ, но достаточно напомнить въ немногихъ словахъ, какихъ сторонъ жизни и быта еврейскаго населенія они касались, чтобы дать себѣ отчетъ въ ихъ чрезвычайной обременительности.

Такъ, съ 1882 г. евреямъ было воспрещено вновь селиться внѣ городовъ и мѣстечекъ черты осѣдлости, а также совершать купчія крѣпости, закладныя и арендные договоры на недвижимыя имущества, находящіяся внѣ черты городовъ и мѣстечекъ.

Въ 1887 г. устанавливается процентная норма для учащихся іудейскаго вѣроисповѣданія, желающихъ поступить въ среднія и высшія учебныя заведенія.

Въ 1889 г. появляются новыя правила, въ силу которыхъ ни одинъ еврей, состоящій въ сословіи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, не можетъ получить свидѣтельство на право веденія чужихъ дѣлъ, а также не можетъ быть удостоенъ званія присяжнаго повѣреннаго безъ спеціальнаго разрѣшенія министра юстиціи (какъ извѣстно, такое разрѣшеніе цѣлыхъ 15 лѣтъ никому не давалось).

90-е годы являются временемъ созданія мѣстностей, «особо охраняемыхъ отъ заселенія евреями». Городъ Москва и Московская губернія, область войска Донского и области Терская и Кубанская объявляются закрытыми для ремесленниковъ, отставныхъ нижнихъ чиновъ, служившихъ по рекрутскому уставу аптекарскихъ помощниковъ, фельдшеровъ, акушерокъ и т. д., т.-е. для тѣхъ категорій евреевъ, которымъ спеціальными узаконеніями предоставлено право повсемѣстнаго жительства въ имперіи.

Городовымъ Положеніемъ 1891 г. евреи лишены права какъ активнаго такъ и пассивнаго участія въ городскомъ самоуправленіи.

Наконецъ, въ маѣ 1903 г. утверждено Положеніе Комитета Министровъ

коимъ всѣмъ евреямъ воспрещается совершеніе въ губерніяхъ, не входящихъ въ черту общей еврейской осѣдлости, всякаго рода крѣпостныхъ актовъ, служащихъ къ укрѣпленію за ними правъ собственности, владѣнія и пользованія недвижимыми имуществами, внѣ городскихъ поселеній расположенными.

Таковы наиболѣе существенныя ограничительныя мѣропріятія, по отношенію къ евреямъ за періодъ отъ 1881 г. до 1904 г.

Эти ограниченія не могли не отразиться весьма тяжело на экономическомъ благосостояніи еврейской массы, причиняя ей также глубокія нравственныя страданія. Это тяжелое состояніе духа усугублялось сознаніемъ, что стѣсненія, которымъ, казалось, не видно конца, вытекали изъ систематической политики, признававшей... нужнымъ всячески урѣзывать евреевъ въ правахъ. При наличности же такой политики драконовскіе законы о евреяхъ могли слѣдовать одинъ за другимъ еще Богъ вѣсть сколько времени.

И вотъ послѣ такого долгаго и мучительнаго для евреевъ періода появляется законъ, который не только не заключаетъ новыхъ ограниченій, но даже предоставляетъ нѣкоторымъ категоріямъ евреевъ несомнѣнныя облегченія. Удивительно ли, что евреи ему обрадовались, что всѣ усмотрѣли въ немъ начало новой эры въ отношеніяхъ правительства къ евреямъ?

Обращаясь къ положительному содержанію новаго закона, мы должны отмѣтить, что наиболѣе существенные пункты Высочайшаго указа направлены исключительно на то, чтобы по нѣкоторымъ вопросамъ русскаго законодательства о евреяхъ санкціонировать наиболѣе гуманные и справедливые принципы, установленные въ этой области первымъ департаментомъ правительствующаго сената въ лучшую пору его дѣятельности.

Мы говоримъ—въ лучшую пору дѣятельности правительствующаго сената потому, что практика перваго департамента по еврейскимъ дѣламъ за послѣднія 4—5 лѣтъ нерѣдко представляетъ собою весьма серьезныя уклоненія отъ прежнихъ традицій.

Какъ ни элементарно юридическое положеніе, что ограничительные законы не подлежатъ распространительному толкованію, высшее учрежденіе въ Имперіи въ лицѣ перваго департамента далеко не всегда слѣдовало ему, когда дѣло касалось евреевъ. Послѣдніе же годы, къ сожалѣнію, особенно богаты случаями, когда первый департаментъ правительствующаго сената подъ непрерывнымъ воздѣйствіемъ на него антиеврейскихъ тенденцій мѣстной и центральной администраціи все болѣе и болѣе склонялся къ распространительному толкованію ограничительныхъ законовъ о евреяхъ.

Такъ, до 1900 г. евреи купцы, платившіе непрерывно въ теченіе 10-ти лѣтъ первую гильдію внѣ черты еврейской осѣдлости пріобрѣтали вмѣстѣ съ членами своихъ семействъ и по выбытіи изъ гильдіи право повсемѣстнаго жительства въ Имперіи. Но рѣшеніемъ 1-го общаго собранія правительствующаго сената отъ 28-го апрѣля 1900 г. было разъяснено, что евреи купцы, состоявшіе непрерывно въ теченіе 10-ти лѣтъ въ первой гильдіи внѣ черты сохраняютъ по выбытіи изъ гильдіи только право жительства въ тѣхъ городахъ, къ которымъ они были приписаны,—и разомъ, неожиданно, тысячи

еврейскихъ семействъ оказались прикрѣпленными къ городамъ, въ купечествѣ коихъ они числились иногда совершенно случайно...

Ст. 100 1 ч. X т. Свода законовъ гласитъ, что жена пользуется всѣми правами и преимуществами, сопряженными съ состояніемъ или чиномъ, или званіемъ ея мужа. На этомъ весьма ясномъ основаніи за женами дипломированныхъ евреевъ много лѣтъ подрядъ признавалось право повсемѣстнаго жительства отдѣльно отъ мужа (конечно, съ его согласія). Но нѣкоторымъ администраторамъ такое раздѣльное жительство женъ евреевъ, получившихъ высшее образованіе, не понравилось, и они стали выселять несчастныхъ женщинъ, не считаясь ни съ какими уважительными причинами этого раздѣльнаго жительства. Выселяемыя, конечно, жаловались въ сенатъ, который долго и стойко держался на почвѣ строгаго и разумнаго толкованія упомянутой уже 100 ст.; но времена мѣнялись, мѣнялись настроенія и люди, и первый департаментъ правительствующаго сената, а вмѣстѣ съ нимъ и министерство юстиціи стали наконецъ на сторону тѣхъ, которые считали почему-то нужнымъ все сильнѣе затягивать на шеѣ евреевъ петлю ограниченій, и по жалобѣ присяжнаго повѣреннаго Бернштейна, жена котораго была выселена изъ Ялты, состоялось рѣшеніе, коимъ за женами дипломированныхъ евреевъ самостоятельнаго права жительства внѣ черты еврейской осѣдлости не признается: онѣ могутъ жить только при мужьяхъ.

Какимъ тяжелымъ и оскорбительнымъ ограниченіемъ для заинтересованныхъ въ этомъ вопросѣ лицъ явилось подобное разъясненіе правительствующаго сената легко себѣ представить... Въ нѣкоторыхъ городахъ внутреннихъ губерній доходило до того, что стоило врачу или адвокату еврею временно отлучиться съ мѣста своего постояннаго жительства, какъ къ женамъ ихъ тотчасъ же являлась полиція и требовала, чтобы онѣ выѣзжали въ черту осѣдлости, такъ какъ въ отсутствіе мужей онѣ лишены права жительства внѣ черты...

Всѣмъ памятенъ также случай, когда многія семейства врачей, отправленныхъ на Дальній Востокъ, чуть не подверглись принудительному выселенію изъ Кіева. Выселеніе это было пріостановлено въ видѣ особой милости, но, согласно установившейся за послѣдніе годы сенатской практикѣ, эти семейства могли быть выселены на законномъ основаніи. Но наиболѣе характернымъ является слѣдующій случай. Когда были изданы майскія правила 1882 г., воспретившія евреямъ вновь селиться въ деревняхъ и селахъ черты осѣдлости, всѣ были увѣрены, что этотъ тяжелый, ограничительный законъ не распространится на тѣ классы еврейскаго населенія, коимъ спеціальными узаконеніямъ предоставлено право повсемѣстнаго жительства въ Имперіи. Въ этомъ же духѣ высказывался неоднократно первый департаментъ правительствующаго сената, и въ одинъ очень грустный для евреевъ день правительствующій сенатъ вынесъ рѣшеніе (по дѣлу инженеръ-технолога Заблудовскаго), въ силу котораго даже за дипломированными евреями не признается права жительства въ деревнахъ и селахъ черты осѣдлости. И однимъ почеркомъ пера сельскія мѣстности 15-ти губерній западной Россіи были закрыты

для многихъ тысячъ еврейскихъ семействъ, которымъ, во вниманіе къ ихъ полезной дѣятельности, еще въ началѣ царствованія императора Александра II-го было предоставлено право повсемѣстнаго въ Россійской имперіи жительства.

Такихъ примѣровъ можно было бы привести очень много, но и того, что сказано, кажется вполнѣ достаточно, чтобы понять, какіе тяжкіе удары матеріальные и нравственные наносили евреямъ въ послѣднее время ограничительныя толкованія правительствующаго сената. Внимательное чтеніе новаго закона убѣждаетъ насъ, что онъ является лишь первымъ серьезнымъ шагомъ къ возстановленію евреевъ въ правахъ, которыхъ они систематически лишались не путемъ законодательнымъ, а слишкомъ тенденціознымъ толкованіемъ существующихъ о нихъ узаконеній.

Въ ясной опредѣленной формѣ новый законъ предоставляетъ право вновь селиться внѣ городовъ и мѣстечекъ черты еврейской осѣдлости слѣдующимъ категоріямъ евреевъ вмѣстѣ съ ихъ семействами:

1) лицамъ, окончившимъ курсъ высшихъ учебныхъ заведеній;

2) купцамъ первой гильдіи;

3) ремесленникамъ и

4) отставнымъ нижнимъ чинамъ, поступившимъ на службу по рекрутскому уставу.

Всѣмъ этимъ категоріямъ евреевъ предоставляется также на время пребыванія ихъ внѣ городовъ и мѣстечекъ, въ чертѣ еврейской осѣдлости расположенныхъ, заключать сдѣлки по найму имуществъ для ихъ жилья и для производства ими торговли и промысловъ. Этотъ дополнительный пунктъ пріобрѣтаетъ особенное значеніе, если вспомнить, что мѣстная администрація сплошь и рядомъ, вопреки закону и здравому смыслу, воспрещала евреямъ, даже сохранившимъ право жительства въ деревняхъ, арендовать усадьбы для жилья или помѣщенія для торговыхъ или промышленныхъ заведеній.

Новый законъ, далѣе, признаетъ за членами семействъ дипломированныхъ евреевъ самостоятельное право жительства повсемѣстно въ Имперіи — за женами пожизненное, за дочерьми до замужества, а за сыновьями до совершеннолѣтія или до окончанія высшихъ учебныхъ заведеній (не долѣе 25-ти-лѣтняго возраста).

Наконецъ, евреи купцы платившіе внѣ черты осѣдлости первую гильдію въ теченіе 10-ти лѣтъ, возстановляются въ прежнемъ своемъ правѣ проживать повсемѣстно въ имперіи и по выбытіи изъ гильдіи.

Новыми льготами для евреевъ въ законѣ 11-го августа 1904 г. являются:

1) предоставленіе коммерціи и мануфактуръ-совѣтникамъ права повсемѣстнаго въ Имперіи жительства;

2) разрѣшеніе купцамъ уплачивать первую гильдію внѣ черты еврейской осѣдлости съ перерывами;

3) разрѣшеніе евреямъ купцамъ I и II гильдіи пріѣзжать во всѣ города внутреннихъ губерній для производства торговли и промысловъ—первымъ на 6 мѣсяцевъ, а вторымъ на 3 мѣсяца ежегодно безъ ограниченія числа такихъ пріѣздовъ и

*

4) предоставленіе права повсемѣстнаго жительства въ Имперіи воинскимъ чинамъ изъ евреевъ, кои, участвуя въ военныхъ дѣйствіяхъ на Дальнемъ Востокѣ, удостоились пожалованія знаками отличія или вообще безпорочно несли службу въ дѣйствующихъ войскахъ.

Таково въ существенныхъ чертахъ содержаніе новаго закона, повидимому, имѣвшаго цѣлью улучшить правовое положеніе евреевъ въ Россіи.

Намъ кажется однако, что цѣль эта была достигнута лишь въ незначительной степени. Помимо того, что почти всѣ перечисленныя въ новомъ законѣ льготы являются по существу только возстановленіемъ нѣкоторыхъ группъ евреевъ въ присвоенныхъ имъ спеціальныхъправахъ, эти льготы коснулись исключительно такихъ категорій евреевъ, которыя и безъ того уже находились въ привиллегированномъ правовомъ положеніи въ сравненіи съ остальной еврейской массой. Широкимъ же слоямъ еврейскаго населенія, которые болѣе всего терпятъ отъ страшной скученности въ городахъ и мѣстечкахъ черты осѣдлости и отъ свирѣпствующей тамъ жестокой борьбы за существованіе, новый законъ абсолютно ничего не принесъ.

Объ этомъ приходится тѣмъ болѣе пожалѣть, что засѣдавшая въ прошломъ году подъ предсѣдательствомъ князя Оболенскаго коммиссія по еврейскому вопросу, какъ извѣстно, признала настоятельно необходимымъ открыть сельскія мѣстности черты осѣдлости *для всѣхъ евреевъ безъ исключенія.*

Не допуская мысли, чтобы участь обнищавшей еврейской массы, задыхающейся въ чертѣ осѣдлости, меньше привлекала къ себѣ вниманія, нежели участь евреевъ болѣе зажиточныхъ классовъ, мы твердо надѣемся, что высшее правительство не замедлитъ въ ближайшемъ будущемъ также улучшить правовое положеніе бѣднѣйшей части еврейскаго населенія и тѣмъ самымъ принести ей то экономическое освобожденіе, котораго она такъ давно и тщетно ждетъ и которое явилось бы единственнымъ, дѣйствительнымъ средствомъ спасти ее отъ повальной нищеты и вырожденія.

М. Кр—ль.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(„Русское Богатство"—августъ, „Вѣстникъ Знанія"—№ 8, „Образованіе"—августъ, „Историческій Вѣстникъ"—сентябрь, „Вѣстникъ Европы"—сентябрь).

Несоотвѣтствіе крестьянскихъ платежей съ доходами отъ хозяйства—давнишній вопросъ русской жизни, совершенно опредѣленно рѣшенный экономической литературой еще въ семидесятыхъ годахъ. Экономическая политика послѣднихъ десятилѣтій дала свой отвѣтъ на этотъ вопросъ, увеличивъ еще больше это несоотвѣтствіе. Этой темѣ посвящена въ августовской книжкѣ «Русскаго Богатства» статья Н. Ѳ. Анненскаго, само заглавіе которой «Государственное *тягло* и его роль въ крестьянской жизни» —довольно опредѣленно

говоритъ о невеселыхъ выводахъ, къ которымъ пришелъ компетентный авторъ, изучившій данный вопросъ по трудамъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ.

При изученіи нашего хозяйства прежде всего останавливаетъ вниманіе тотъ поразительный фактъ, что при государственномъ бюджетѣ въ 2 милліарда рублей, общая цѣнность всего земледѣльческаго и фабрично-заводскаго производства страны оцѣнивается по даннымъ оффиціальной статистики только въ 4 милліарда руб. «Когда государство,—говоритъ Н. Ѳ. Анненскій, выростаетъ до такихъ размѣровъ, что бюджетъ его поглощаетъ собою львиную долю годового дохода страны,—государственное хозяйство по необходимости дѣлается хищническимъ и вся хозяйственная жизнь неизбѣжно получаетъ тяглый характеръ».

По мнѣнію большинства сельскохозяйственныхъ комитетовъ, говоритъ авторъ, «государственный бюджетъ растетъ не на почвѣ сопутствующаго ему роста народнаго благосостоянія, а на почвѣ прогрессирующаго народнаго *оскудѣнія*. Это оскудѣніе въ значительной степени и обусловливается именно *непосильностью тѣхъ требованій*, которыя не въ мѣру экономическихъ силъ страны разросшееся государство ставитъ массѣ недостаточнаго деревенскаго населенія.

«Оскудѣніе деревни» предоставляется мѣстнымъ людямъ настолько очевиднымъ и безспорнымъ, что въ подробныхъ доказательствахъ его едва ли настоитъ какая-либо надобность».

«Доказывать въ настоящей запискѣ оскудѣніе крестьянскаго населенія,—читаемъ мы въ заявленіи земскихъ представителей новгородскому губернскому комитету,—нѣтъ надобности, ибо фактъ этотъ настолько уже рѣзко выразился, что сталъ неизбѣжно общепризнаннымъ». «Полагаю,—говоритъ въ свое запискѣ членъ харьковскаго комитета Н. Н. Ковалевскій,—что никто не потребуетъ отъ меня доказательство тому, что наша деревня хирѣетъ. Процессъ этотъ не сегодня начался: онъ развивается на нашихъ глазахъ, быстро прогрессируя; мы, живя въ деревнѣ, непосредственно можемъ наблюдать, какъ, съ одной стороны, бѣднѣетъ и опускается крестьянское хозяйство, какъ вырождается и мельчаетъ крестьянское населеніе, благодаря дурному питанію, негигіеничности жилищъ, трахомѣ и проч. и какъ съ другой стороны, опускается болѣе крупное землевладѣніе».

«Для лицъ, не живущихъ въ деревнѣ и не имѣющихъ возможности дѣлать непосредственныя наблюденія,—говорится далѣе въ той же запискѣ,—картина всеобщаго оскудѣнія обрисуется вполнѣ ярко изъ обозрѣнія оффиціальныхъ свѣдѣній о правильно возрастающей недоимочности, о прогрессивномъ увеличеніи числа безлошадныхъ и безкоровныхъ дворовъ, о суммахъ затрачиваемыхъ правительствомъ и частными лицами для кормленія голодающихъ, объ экспедиціяхъ Краснаго Креста для борьбы съ цынгой и голоднымъ тифомъ и, наконецъ, показателемъ вырожденія служитъ пониженіе требованій размѣра груди и роста у новобранцевъ». «Поголовная бѣдность деревни,—говоритъ въ Мензелинскомъ уѣздномъ комитетѣ земскій начальникъ Красовскій,—бьетъ въ глаза всѣмъ укладомъ крестьянской жизни. Если мы посмотримъ, чѣмъ питается

крестьянинъ, то увидимъ, что въ его пищѣ нѣтъ ни мяса, ни молока, ни яицъ; есть только, да и то не всегда, черный хлѣбъ и жидкій кирпичный чай. Эта пища особенно тяжело отзывается на дѣтяхъ, изъ которыхъ выживаютъ только двужильные экземпляры. Милліоны пудовъ хлѣба и милліоны штукъ яицъ отправляются за границу, а рядомъ съ этимъ, при недостаткѣ питанія, различныя заболѣванія, какъ сельскій пожаръ, съ удивительною быстротою распространяются среди населенія. Нельзя допустить, чтобы крестьяне не понимали питательности и вкуса мяса, молока, яицъ и другой человѣческой пищи, но эта человѣческая пища для нихъ недоступна. Дѣло спеціалистовъ,—продолжаетъ г. Красовскій,—выяснить причинную связь между такими крайними явленіями, какъ, напр., хроническое недоѣданіе русской деревни, не исключая и урожайные годы, дороговизна предметовъ первой необходимости, страшно высокая смертность дѣтей въ русской деревнѣ, превышающая дѣтскую смертность въ концентраціонныхъ лагеряхъ во время англо-бурской войны, смертность, ужасавшую весь міръ,—а съ другой стороны, покровительственная политика и льготы фабрично-заводской промышленности за счетъ сельскаго хозяйства, облагаемаго все новыми и новыми, за послѣднее время косвенными, налогами,—но во всякомъ случаѣ представляется совершенно очевиднымъ, что выходъ изъ тяжелаго положенія деревни невозможенъ безъ уменьшенія бремени платежей, лежащихъ на сельскомъ населеніи».

«Мы могли бы продолжить подобныя приведеннымъ выдержки безъ конца: указанія на деревенское оскудѣніе и на связь этого оскудѣнія съ непосильнымъ для населенія налоговымъ бременемъ встрѣчаются въ огромномъ числѣ комитетовъ. Идутъ они и изъ черноземной и изъ промышленной областей, съ Поволжья и изъ степной полосы, съ окраинъ и изъ центра» *). Общее положеніе о непосильности налоговаго бремени иллюстрируется авторомъ сопоставленіемъ количества крестьянскихъ доходовъ съ налогами разныхъ формъ, уплачиваемыми въ казну. Сельскохозяйственные комитеты пользовались для такого сопоставленія различными методами, и для лицъ, интересующихся экономической статистикой, работа Н. Ѳ. Анненскаго, въ которой сопоставлены эти методы, можетъ представить значительный интересъ, независимый отъ выводовъ по данному частному вопросу.

Въ запискѣ 18 земскихъ дѣятелей, поданной въ московскій губернскій сельскохозяйственный комитетъ, данная задача рѣшается анализомъ бюджета средней крестьянской семьи. Цифры были взяты изъ расходной книжки крестьянина, въ которой въ теченіе цѣлаго года онъ записывалъ всѣ свои расходы даже въ 1 копейку. Весь годовой расходъ его составилъ 390 р., а при-

---

*) Заявленія въ этомъ смыслѣ мы находимъ въ работахъ цѣлаго ряда комитетовъ губерній: Архангельской, Вологодской, Новгородской, Псковской, Пермской, Вятской, Тверской, Московской, Смоленской, Владимірской, Ярославской, Нижегородской, Самарской, Саратовской, Уфимской, Орловской, Тульской, Рязанской, Пензенской, Тамбовской, Курской, Воронежской, Полтавской, Харьковской, Таврической, Подольской, Витебской, Эстляндской, Енисейской.

ходъ 386 р., причемъ рукою крестьянина было приписано: «сколько денегъ не хватаетъ—долги».

Расходы на предметы, которые облагаются акцизомъ или несутъ таможенныя пошлины, опредѣлились въ 101 р. 20 к., а сумма уплаченныхъ пошлинъ въ 44 р. 21 к. Авторы записки приводятъ различныя соображенія, по которымъ указанная сумма косвенныхъ налоговъ должна быть признана ниже дѣйствительной. Сумма прямыхъ налоговъ, лежащихъ на данной семьѣ, равнялась 22 р. 50 к., что вмѣстѣ съ косвенными налогами составитъ 66 р. 71 к., т.-е. болѣе, чѣмъ шестую часть всего доходм семьи. Аналогичные разсчеты Клинскаго уѣзднаго комитета, принявшаго во вниманіе не одни казенные платежи, а и всѣ другіе, привели къ выводу, что крестьянская семья со среднимъ бюджетомъ въ 220 р. уплачиваетъ налоговъ около 75 руб.

Исчисленія крестьянскихъ платежей и доходовъ въ другихъ губерніяхъ производились по инымъ методамъ: исчислялась приблизительно общая доходность по губерніи или уѣзду и сопоставлялась съ точно извѣстной цифрой прямыхъ налоговъ и приблизительной цифрой косвенныхъ. Выводы всюду получались почти однородные. Въ докладѣ орловской земской управы находимъ слѣдующее: «если населенію приходится выплачивать въ видѣ важнѣйшихъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ порой даже болѣе 3/4 всего денежнаго дохода, который даетъ сельское хозяйство, то едва ли умѣстно говорить о возможности для него дѣлать сбереженія, направленныя на поддержаніе хозяйства въ годину бѣдствія и на его усовершенствованіе».

По исчисленіи балашовскаго комитета (Саратовская губ.), средній доходъ крестьянскаго двора не превышаетъ 114 р., налоги же прямые и косвенные достигаютъ 58 р. Въ результатѣ оказывается дефицитъ, покрываемый недоѣданіемъ и вообще сокращеніемъ потребностей.

Вся сумма фактовъ, приводимыхъ авторомъ, совершенно опредѣленно указываетъ, что слово—«тягло», употребленное имъ въ заглавіи статьи, выбрано имъ далеко не случайно: не съ капиталистической формой присвоенія доходовъ мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло.

При всѣхъ отрицательныхъ сторонахъ капиталистическаго типа производства, у него есть весьма важная положительная сторона,—увеличеніе производительности труда. Чрезмѣрное присвоеніе доходовъ некапиталистическимъ путемъ, даже при наличности капиталистической диференціаціи хозяйствъ, имѣетъ своимъ результатомъ то, что указанная положительная сторона тонетъ въ общемъ массовомъ обѣднѣніи населенія. Иллюстраціей этого могутъ служить до нѣкоторой степени приводимыя авторомъ данныя объ измѣненіяхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ Кромскаго уѣзда за періодъ съ 1887 г. по 1901 г. «Въ 1887 г. на 100 дворовъ приходилось 115 лошадей, 86 коровъ и 554 овцы; черезъ 14 лѣтъ эти среднія давали уже всего 94 лошади, 82 коровы и 523 овцы. Средній крестьянскій дворъ въ этомъ исключительно земледѣльческомъ уѣздѣ обѣднѣлъ всѣми видами скота, въ особенности же рабочими лошадьми. Это обѣднѣніе *средняго двора* зависѣло отъ общаго пониженія уровня зажиточности *всей массы дворовъ*, а не одного какого-нибудь ея

слоя. Если сравнимъ относительныя числа дворовъ разной степени состоятельности (по числу лошадей—признаку для земледѣльческаго района достаточно характеристическому) по переписямъ 1897 и 1901 г., то получимъ такіе ряды:

На 100 дворовъ приходилось:

	въ 1887 г. *)	въ 1901 г.
дворовъ безлошадныхъ	30,6	38,2
» съ 1 лошадью	37,2	38,2
» » 2 лошадьми	23,0	18,1
» » 3 »	6,7	2,6
» » 4 и болѣе лошадьми. . . .	2,5	1,1

«Выросла замѣтно группа дворовъ безлошадныхъ и группа дворовъ съ 1 лошадью—всѣ же группы болѣе зажиточныя сократились въ численности».

На тотъ же процессъ общаго обѣднѣнія крестьянъ въ значительной части Орловской губ. указываютъ результаты военно-конскихъ переписей. Число лошадей въ семи черноземныхъ уѣздахъ Орловской губ. въ 1888, 1893 и 1899 гг. быстро уменьшалось: съ 222 тыс. головъ до 189 и 178.

Въ восьмой книжкѣ «Вѣстника Знанія» А. А. Радцигъ, хорошо извѣстный своими статистическими работами, знакомитъ насъ съ торговлей Манчжуріи за 1903 г. Главнымъ источникомъ для автора служили донесенія англійскаго консула въ Инкоу, такъ какъ русскихъ статистическихъ данныхъ о торговлѣ Дальняго и Портъ-Артура пока не имѣется. «Какъ и раньше,—говоритъ А. А. Радцигъ,—несмотря на проведеніе желѣзной дорогѣ черезъ Манчжурію, львиная доля внѣшней торговли приходится на портъ Инкоу, что очень естественно, если вспомнить, что изъ всѣхъ товаровъ, могущихъ быть перевезенными въ Манчжуріи или вывезенными изъ нея, лишь одинъ шелкъ могъ бы выдержать дорогую желѣзнодорожную перевозку, всѣ же остальные товары должны слѣдовать дешевыми водными путямивъ Инкоу моремъ, а изъ Инкоу въ Манчжурію рѣкою Ляо-хэ».

Въ 1903 г. иностранныхъ товаровъ было привезено въ Инкоу на 25,3 мил. рублей, въ томъ числѣ на 18 мил. рублей хлопчатобумажныхъ издѣлій, главными поставщиками которыхъ были Соединенные Штаты, Англія и Японія. Кромѣ того, изъ Британской Индіи было привезено болѣе полумилліона пудовъ суровой бумажной пряжи и изъ Японіи болѣе 100 тыс. пуд. бѣленой пряжи. Къ возможности вывоза нашихъ хлопчатобумажныхъ издѣлій въ Манчжуріи авторъ относится весьма скептически, такъ какъ у насъ они стоятъ вдвое дороже, чѣмъ въ Сѣверной Америкѣ, Англіи и Японіи; кромѣ того одна

---

*) Въ этой части статьи нѣсколько разъ повторяется опечатка: вмѣсто 1887 г. напечатано 1897 г.; въ процентахъ за 1901 г., къ сожалѣнію, тоже опечатка или ошибка: сумма—не 100, а 98,2. Всѣ подробности доклада указываютъ, что послѣдняя неточность, не могла имѣть никакого значенія па доказательность выводовъ.

только близость Японіи исключаетъ съ нашей стороны возможность торговать этими издѣліями, такъ какъ намъ приходилось бы ихъ подвозить на громадномъ разстояніи. Вторымъ по значенію изъ привозныхъ въ Манчжурію товаровъ были металлы, главнымъ образомъ желѣзо (1,2 милл. рублей). Шансы для провоза нашего желѣза весьма малы, такъ какъ до сихъ поръ производство его у насъ весьма дорого, и, несмотря на высокія пошлины, привозъ иностраннаго желѣза въ Россію весьма великъ.

Слѣдующимъ по значенію товаромъ является сахаръ (0,8 милл. рублей), значительное количество котораго было привезено въ Манчжурію черезъ Владивостокъ, Дальній и Артуръ. Какъ извѣстно, съ сахара, идущаго на Дальній Востокъ, акциза не взимается и наши сахарозаводчики при существующей системѣ нормировки производства находятъ выгоднымъ продавать его за границу и на Дальній Востокъ по цѣнамъ почти равнымъ расходамъ по производству. Въ результатѣ такой финансовой политики цѣны на сахаръ во всей Манчжуріи и даже лѣтомъ въ осажденномъ Портъ-Артурѣ были ниже, чѣмъ въ Петербургѣ и Москвѣ.

Привозъ въ Дальній въ 1903 г. достигъ 31 милл. руб., въ томъ числѣ чая, предназначеннаго для транзита въ Россію, было на 18 милл. руб. Значительная перевозка чая въ Европейскую Россію по манчжурской дорогѣ, по словамъ автора, происходитъ вслѣдствіе того, что «государство отказывается отъ 6 руб. пошлины на пудъ въ пользу желѣзной дороги. Моремъ перевозка чая въ Одессу изъ Шанхая стоитъ maximum 50 коп. съ пуда, желѣзнодорожный тарифъ изъ Одессы въ Москву составляетъ 90 коп. съ пуда. Провозъ чая изъ Шанхая черезъ Портъ-Артуръ или Дальній въ Москву обходится около 5 руб. съ пуда, и если бы пошлина по европейской и азіатской границамъ Россіи была одинакова, то конечно, весь чай отправлялся бы моремъ. При пошлинѣ въ 25 руб. 50 коп. по азіатской границѣ и въ 51 руб. 50 коп. по европейской, выгоднѣй везти чай изъ Шанхая пароходомъ въ Дальній и оттуда желѣзной дорогой до Москвы. Но это искусственно, за счетъ плательщиковъ податей, созданныя перевозки». Кромѣ чая, идущаго транзитомъ въ Россію, важнѣйшими грузами, привозимыми въ Артуръ и Дальній, были предметы, необходимые для желѣзной дороги, арміи и флота. Главныя заключенія автора таковы:

1) Манчжурія ведетъ наибольшую торговлю съ Японіей, что въ виду ея географическаго положенія очень естественно. Для насъ торговля съ Манчжуріей имѣетъ мало значенія, для Японіи же наоборотъ, торговля съ сосѣдними государствами—Кореей и Китаемъ—имѣетъ очень важное значеніе.

2) Построенная нами въ Манчжуріи дорога, при условіи открытыхъ дверей (т.-е. при невозможности обложить американскія, англійскія и японскія издѣлія пошлинами), принесетъ пользу, главнымъ образомъ, жителямъ Манчжуріи и иностранцамъ.

3) Тарифу Манчжурской желѣзной дороги присвоенъ характеръ скрытой преміи, имѣющей цѣлью затруднить доступъ иностранныхъ товаровъ и дать преимущество русскимъ товарамъ.

«Скрытыя преміи въ желѣзнодорожномъ тарифѣ, по мнѣнію А. Радцига, существуютъ и у насъ и составляютъ страшное зло, потому что препятствуютъ правильной эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ. Такъ, напр., по Николаевской желѣзной дорогѣ было бы выгодно возить, даже по очень низкому тарифу, въ сторону слабаго движенія отъ Петербурга въ Москву, англійскій каменный уголь, пользуясь порожними вагонами, а между тѣмъ такія перевозки не допускаются, а наоборотъ везутъ русскій уголь по страшно низкой ставкѣ, въ сторону главнаго движенія, гоняя изъ Петербурга вагоны обратно въ Москву порожними. Однобокое движеніе нашихъ желѣзныхъ дорогъ, ведущихъ въ порты, удорожаетъ эксплоатаціонные расходы, почему нельзя возить другіе товары по низкимъ тарифнымъ ставкамъ».

Нельзя не видѣть того ненормальнаго положенія, въ которомъ находится вопросъ о наказаніи преступниковъ, въ частности тюремный вопросъ. Въ общественное сознаніе уже проникла мысль, что тюрьма никого не исправляетъ, а скорѣе калѣчитъ и толкаетъ на новыя преступленія, и тѣмъ не менѣе современное общество не могло до сихъ поръ ничего дать преступнику, кромѣ тюрьмы и ссылки. Прогрессъ въ этой области проявляется только въ смягченіи суровости заключенія и въ общемъ постепенномъ уменьшеніи каръ за преступленія. Старые вѣковые предразсудки объ устрашающемъ значеніи тюрьмы мѣшаютъ дѣйствительно серьезно, а не фарисейски, поставить вопросъ объ исправленіи преступника даже постольку, по скольку это допустимо въ условіяхъ тюремнаго заключенія.

Если тюрьма не можетъ бороться съ бѣдностью, которая толкаетъ на преступленія, то нельзя этого сказать о невѣжествѣ, въ борьбѣ съ которымъ она могла бы много сдѣлать.

Въ августовской книжкѣ «Образованія» М. Лесгафтъ посвящаетъ статью этому дѣйствительно «забытому вопросу», какъ онъ его называетъ. Въ Россіи вопросъ о тюремныхъ школахъ и вообще о просвѣщеніи преступниковъ почти не ставился, несмотря на то, что у насъ онъ имѣлъ бы особенно важное значеніе. По словамъ «Тюремнаго Вѣстника», «въ Петербургской одиночной тюрьмѣ главный контингентъ тюремнаго населенія составляютъ пришлые неграмотные крестьяне столичной и сосѣднихъ со столичною губерній... Чернорабочая масса стремится къ большимъ центрамъ на заработки, не подозрѣвая того, что безграмотный людъ въ городѣ — обуза, что отсутствіе грамотности въ человѣкѣ лишаетъ его возможности въ городѣ получить мѣсто не только какого-нибудь артельщика, но даже младшаго дворника, сторожа и т. п. На долю безграмотныхъ въ большихъ городахъ остаются почти только случайныя работы, а за недостаткомъ ихъ—преступленія».

Во всѣхъ культурныхъ государствахъ существуютъ законы объ обязательномъ устройствѣ тюремныхъ школъ. Въ большинствѣ случаевъ онѣ ограничиваются сообщеніемъ элементарныхъ знаній: обученіемъ грамотѣ и четыремъ правиламъ ариѳметики. Наиболѣе широко поставлено дѣло просвѣщенія пре-

ступниковъ въ Швейцаріи и въ Соединенныхъ Штатахъ, въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ которыхъ преступники обучаются всѣмъ предметамъ гимназическаго курса, начиная съ алгебры и геометріи, и кончая политической экономіей и философіей.

Въ нашемъ законодательствѣ не имѣется указаній на обязательное устройство школъ при тюрьмахъ. То немногое, что въ этомъ отношеніи сдѣлано, почти всецѣло принадлежитъ частной иниціативѣ, которая проявилась въ этомъ отношеніи только въ девяностыхъ годахъ, если не считать одной тюремной школы въ шестидесятыхъ годахъ, просуществовавшей всего одну зиму. По словамъ автора, программы существующихъ тюремныхъ школъ не идутъ дальше школъ грамоты, и занятія въ нихъ происходятъ разъ или два въ недѣлю. Кромѣ того, арестанты часто не въ состояніи регулярно посѣщать уроки, т. к. при безправномъ положеніи тюремныхъ школъ, занятія въ нихъ не даютъ права освобождаться даже на время отъ обязательныхъ работъ, если таковыя существуютъ въ тюрьмѣ.

Организація воскресныхъ чтеній и библіотекъ въ тюрьмахъ, по словамъ автора, находится не въ лучшемъ положеніи. «Правда,—говоритъ онъ,—почти при каждой тюрьмѣ, въ видахъ религіозно-нравственнаго совершенствованія заключенныхъ, устраиваются тюремнымъ начальствомъ и духовенствомъ библіотеки. Въ этихъ библіотекахъ имѣется обыкновенно только Евангеліе, нѣсколько книгъ духовнаго содержанія, но и тѣ неохотно выдаются арестантамъ изъ опасенія, какъ бы послѣдніе не изорвали и не затеряли книгъ. Библіотеки эти далеко не удовлетворяютъ запросамъ читателей арестантовъ. Даже въ Петербургской одиночной тюрьмѣ, обставленной въ этомъ отношеніи сравнительно лучше другихъ тюремъ, библіотека не выдерживаетъ критики. «Въ тюрьмѣ существуетъ небольшая библіотека, — пишетъ г. Ник—скій въ «Правѣ», — но ею завѣдуетъ надзиратель изъ нижнихъ чиновъ, компетентность котораго болѣе чѣмъ сомнительна. Кромѣ того, выборъ книгъ мало отвѣчаетъ просвѣтительнымъ цѣлямъ». Что касается воскресныхъ чтеній, то они сводятся къ религіозно-нравственнымъ собесѣдованіямъ. Но и эти послѣднія устраиваются очень рѣдко».

Воскресныя чтенія, возникшія по частной иниціативѣ, организованы значительно лучше. Такъ, напр., въ нижегородской тюрьмѣ въ 1901 г. состоялось 58 чтеній, причемъ слушатели ознакомились съ довольно подробнымъ курсомъ русской исторіи, кромѣ того были прочитаны: біогрзфія Гоголя и Никитина, «Сигналъ» Гаршина, «Тарасъ Бульба» и нѣсколько другихъ произведеній Гоголя, «Бѣжинъ Лугъ» Тургенева и другія произведенія.

Авторъ приводитъ нѣсколько сообщеній о томъ успѣхѣ, какимъ пользуются эти чтенія у тюремной аудиторіи. «Большимъ успѣхомъ у заключенныхъ,—говоритъ онъ,—пользуются юридическія бесѣды. Онѣ имѣютъ особое практическое значеніе, знакомя арестанта въ общихъ чертахъ съ русскими законами, съ судебными и административными порядками, съ которыми ему приходится непосредственно сталкиваться. Опытъ бесѣдъ былъ сдѣланъ въ мартѣ 1903 г. при Иркутекомъ тюремномъ замкѣ. Лекторъ, членъ мѣстной судебной палаты

Н. И. Раевскій, по опыту зная безпомощность подсудимыхъ въ юридическихъ дѣлахъ, поставилъ себѣ задачею придти подсудимымъ на помощь. Надо видѣть то глубокое вниманіе, съ которымъ толпа въ 150—200 человѣкъ слушаетъ затаивъ дыханіе, вполнѣ ясное, толковое и, можно сказать, картинное изложеніе порядка уголовнаго судопроизводства; надо слышать дружный гулъ благодарности со стороны арестантовъ и просьбы ихъ пожаловать на слѣдующее чтеніе, чтобы понять, какъ велика потребность въ такихъ свѣдѣніяхъ среди тюремнаго люда! Сплошь и рядомъ бываетъ, что послѣ чтенія слушатели обращаются къ почтенному лектору для выясненія различныхъ вопросовъ чисто личнаго свойства, вызванныхъ чтеніемъ, и лекторъ не отказываетъ въ своихъ объясненіяхъ, чѣмъ еще больше закрѣпляетъ интересъ сѣрой братіи къ юридическимъ чтеніямъ».

Тѣ немногія свѣдѣнія, которыя проникли въ печать о дѣятельности небольшихъ библіотекъ, устроенныхъ въ тюрьмахъ по частной иниціативѣ, единогласно свидѣтельствуютъ о настоятельной потребности книги для арестанта.

Пока вопросъ о просвѣщеніи арестантовъ не будетъ поставленъ широко, до той поры не можетъ быть и рѣчи объ исправительномъ значеніи тюрьмы. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что частныя лица и общественныя учрежденія проявили бы въ этомъ дѣлѣ гораздо больше иниціативы и дѣятельности, если бы былъ устраненъ цѣлый рядъ формальностей, затрудняющихъ организацію всякаго просвѣтительнаго дѣла въ тюрьмѣ. Общественная совѣсть никогда не примирится съ мыслью, что общество, отправивъ преступника въ тюрьму, сдѣлало для него все, что могло. Просвѣщеніе преступниковъ первый и неотложный шагъ, который должно сдѣлать общество въ рѣшеніи сложнаго и труднаго тюремнаго вопроса.

Въ сентябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» П. В. Засодимскій началъ печатать весьма интересныя воспоминанія, относящіяся къ недавнему прошлому—1891 и 1892 годамъ. Въ первой главѣ онъ разсказываетъ о послѣднихъ дняхъ Николая Васильевича Шелгунова и его похоронахъ. Горячія симпатіи, которыми пользовался незабвенный публицистъ, ярко обнаружились, какъ только извѣстіе о его смерти распространилось по городу.

«13-го и 14-го апрѣля (1891 г.),—разсказываетъ авторъ,—съ утра до вечера въ тѣсныхъ комнатахъ Шелгуновской квартиры толпились люди всякаго званія и состоянія, мужчины, женщины, старики, юноши, статскіе и военные, студенты, гимназисты, курсистки, художники, литераторы, ученые и простой людъ... Всѣ комнаты были увѣшаны, уставлены вѣнками и гирляндами. На панихидахъ была тѣснота. И многихъ изъ писателей, бывавшихъ на этихъ панихидахъ, давно уже нѣтъ въ живыхъ...

«Наканунѣ похоронъ, 14-го апрѣля, явился въ квартиру Шелгуновыхъ какой-то старичекъ-священникъ съ псаломщикомъ служить панихиду. Панихиды, какъ водится, дважды въ день служилъ приходскій священникъ съ причтомъ. При видѣ старичка-священника подумали, что, вѣроятно, произошло какое-

нибудь недоразумѣніе, и объяснили пришедшему, что панихиду уже служили.

«— Я пришелъ незваный,—сказалъ на это старичекъ,—я пришелъ помолиться о почтеннѣйшемъ Николаѣ Васильевичѣ, хочу отслужить по немъ панихиду!—Неторопливо, съ глубокимъ чувствомъ, и самъ растроганный и грустный, отслужилъ онъ панихиду и ушелъ. Осталось неизвѣстно, отъ какой церкви былъ этотъ священникъ... Похороны были назначены 15-го апрѣля, которое въ тотъ годъ приходилось въ понедѣльникъ на страстной недѣлѣ». На похоронахъ Николая Васильевича произошло нѣсколько тягостныхъ недоразумѣній. «Съ 8 часовъ утра (15-го апрѣля) во дворѣ и у воротъ дома, гдѣ жилъ Шелгуновъ, стояли толпы народа. И опять писатели, профессора, учащаяся молодежь, люди всякаго званія, начиная съ генераловъ и кончая субъектами въ обтерханныхъ пальто, составляли эти толпы». Когда вынесли гробъ на улицу, молодежь хотѣла нести его на рукахъ до кладбища, но явились внѣшнія, совершенно неожиданныя, препятствія, и гробъ былъ поставленъ на колесницу. Многочисленные вѣнки, лежавшіе на дрогахъ, были разобраны толпой, и ихъ несли передъ колесницей. Кромѣ вѣнковъ отъ редакцій журналовъ и газетъ, отъ студентовъ, курсистокъ, было не мало вѣнковъ отъ сельскихъ учителей, рабочихъ и другихъ почитателей покойнаго писателя и человѣка. Посреди вѣнковъ обращалъ на себя особое вниманіе терновый крестъ.

Авторъ воспоминаній сказалъ на могилѣ рѣчь о значеніи общественной дѣятельности Шелгунова, причемъ «нашелъ достаточнымъ повторить надписи на вѣнкахъ, принесенныхъ на его гробъ». По словамъ автора, онъ не находилъ въ своей рѣчи ничего, что могло бы возбудить противъ него неудовольствіе.

Семидесятые годы, съ ихъ огромнымъ идеалистическимъ подъемомъ въ лучшей части нашей интеллигенціи, еще далеко не стали доступными для историческаго изученія. Не говоря уже о томъ, что они слишкомъ близки къ намъ, и мысли и чувства, одушевлявшія ихъ дѣятелей, еще живутъ въ современномъ обществѣ, мы пока еще не имѣемъ массы документовъ, которые въ свое время появятся, и, выясняя жизнь отдѣльныхъ дѣятелей той эпохи, дадутъ матеріалъ для пониманія взаимнаго отношенія и глубокой связи идейныхъ теченій, повидимому имѣющихъ мало общаго. А. Фаресовъ въ сентябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы» знакомитъ читателей съ мало извѣстной жизнью А. Маликова, имѣвшаго значительное вліяніе на передовую молодежь первой половины семидесятыхъ годовъ, предвосхитившаго въ своей проповѣди ученіе Л. Толстого о непротивленіи злу насиліемъ. Исторія жизни Маликова, и среда, въ которой его проповѣдь впервые нашла отголосокъ, среда, на первый взглядъ очень неподходящая для проповѣди непротивленія злу насиліемъ, заслуживаютъ глубокаго вниманія.

Александръ Капитонычъ Маликовъ происходилъ изъ крестьянской среды и кончилъ курсъ образованія въ московскомъ университетѣ. Съ горячимъ желаніемъ быть полезнымъ народу, онъ, по окончаніи курса, поѣхалъ служить

судебнымъ слѣдователемъ въ Калужскую губ., въ мальцевскій районъ съ заводскимъ населеніемъ.

«Молодой слѣдователь, воодушевленный самыми лучшими и законными намѣреніями однако, возбудилъ противъ себя подозрѣніе въ излишнемъ сочувствіи къ рабочему населенію, особенно когда возникло у него столкновеніе съ однимъ изъ мѣстныхъ тузовъ. Губернаторъ потребовалъ къ себѣ Маликова для объясненій, но послѣдній считалъ себя въ вѣдѣніи министерства юстиціи, а не внутреннихъ дѣлъ, и, кромѣ того, не имѣлъ права по закону оставлять свой участокъ, не передавъ дѣла своему замѣстителю. Онъ не поѣхалъ къ губернатору»; вскорѣ послѣ этого Маликовъ былъ уволенъ со службы по III-му пункту.

Послѣ долгихъ хлопотъ одного профессора, имѣвшаго большія связи и очень сердечно относившагося къ своему бывшему слушателю въ теченіе всей его жизни, Маликову удалось вновь поступить на службу судебнымъ слѣдователемъ въ Холмскій уѣздъ, Псковской губ. «Здѣсь онъ женился на дѣвушкѣ крестьянскаго сословія и, своей заботливостью о ней, съумѣлъ повысить ея пониманіе жизни; но вскорѣ Маликовъ былъ арестованъ по другому «политическому» дѣлу, судимъ и осужденъ въ ссылку въ Холмогоры. Пребывая на дальнемъ сѣверѣ и вращаясь исключительно среди единомышленниковъ, онъ еще болѣе укрѣплялся мыслью въ вѣрности пути, которымъ шелъ ранѣе, и дошелъ до Холмогоръ, гдѣ уже не было никакихъ «путей» и оставалось только ежедневно являться въ участокъ на повѣрку».

Авторъ очерка слишкомъ мало сообщаетъ о міросозерцаніи Маликова во время пребыванія его въ кратковременной ссылкѣ и вскорѣ по возвращеніи изъ нея, ограничиваясь общимъ замѣчаніемъ, что онъ былъ человѣкъ радикальнаго образа мыслей, сходнаго съ воззрѣніями самого автора, который въ то время посѣщалъ различныя мѣстности «съ запасомъ популярныхъ книгъ». Авторъ не разсказываетъ ничего о переходныхъ ступеняхъ въ воззрѣніяхъ Маликова, и крутой поворотъ къ «непротивленію злу насиліемъ», повидимому, и для него былъ неожиданнымъ. Въ началѣ 1874 г. Маликовъ говорилъ автору: «Послушайте, вскройте и вы въ себѣ «божественную душу». Сдѣлайтесь христіаниномъ. Откажитесь отъ мысли — насиліемъ уничтожить насиліе, огонь залить огнемъ. Въ нашъ вѣкъ борьба со зломъ имѣетъ совсѣмъ иную физіономію, чѣмъ прежде. Милитаризмъ такъ силенъ, что даже на Западѣ баррикады перестали играть роль въ исторіи, уступая мѣсто мирной избирательной борьбѣ... Эта борьба должна идти исключительно на нравственныхъ и умственныхъ началахъ. Противъ насилія пойдемте съ любовью... Не въ наукѣ и не въ политической организаціи наше спасеніе, а въ союзѣ человѣка съ человѣкомъ во имя Христа. Вы же остаетесь носителемъ вражды, а не примиренія и единенія. Что сдѣлало ваше ученіе о Каинѣ и Авелѣ? Революціи смѣнялись реакціями, реакціи опять революціями съ тѣми же послѣдствіями... Добрыя и гуманныя начала даются намъ христіанствомъ, которое существуетъ при любомъ порядкѣ вещей... Всѣ мы миротворцы... И нищій, и капиталистъ, судья и подсудимый—всѣ богочеловѣки... Всѣ одинаково олицетворяютъ загадку

и силу Творца... Любите ближнихъ и вы устраните вражду... Если у васъ берутъ послѣднюю корову на дурное дѣло—не молчите объ этомъ и не помогайте имъ дѣлать дурное дѣло; но не будьте врагомъ, если ваша мольба не тронула ихъ». О силѣ проповѣди Маликова краснорѣчиво говоритъ то, что въ томъ же году 1874 г. къ его ученію примкнулъ Николай Васильевичъ Чайковскій, именемъ котораго за его предыдущую дѣятельность былъ окрещенъ цѣлый кружокъ (чайковцы); примкнули также многіе изъ тѣхъ, которые потомъ участвовали въ извѣстномъ процессѣ «193».

Въ 1874 г. Маликовъ былъ арестованъ, но вскорѣ былъ освобожденъ послѣ того какъ на допросѣ изложилъ свои воззрѣнія, чуждыя всякой вражды и насильственныхъ мѣръ. Впрочемъ, дальнѣйша пропаганда ему была воспрещена, что отчасти и послужило причиной того, что Маликовъ и его послѣдователи эмигрировали въ Америку, для устройства тамъ коммунистической общины.

Задачей общины было, во-первыхъ, осуществленіе въ настоящій же моментъ такого общежитія, въ которомъ каждое лицо могло бы достигнуть возможнаго нравственнаго совершенства, и во-вторыхъ, община должна была послужить образцомъ для окружающихъ и вызвать подражаніе, къ чему члены общины должны были стремиться *). Авторъ подробно разсказываетъ трогательную эпопею маликовской общины, просуществовавшей около двухъ лѣтъ. Много горя перенесли общинники отъ матеріальной нужды, но, кажется, еще больше пришлось перенесть моральныхъ страданій отъ сознанія неуспѣха своего дѣла и той искуственности жизни, какая получилась при искреннемъ желаніи общинниковъ уничтожить въ ней всякую искусственность и неправду.

Отдѣльно взятыя черты изъ жизни общины заключаютъ въ себѣ много комическаго; трудно безъ улыбки читать о принципіальномъ отрицаніи квашенаго тѣста и соли, какъ искуственныхъ продуктовъ, о частомъ посѣщеніи бани, какъ необходимомъ условіи нравственнаго совершенствованія, о постоянныхъ взаимныхъ исповѣдяхъ и покаяніяхъ и т.-д., но за всѣмъ этимъ постепенно проникаешься глубокимъ уваженіемъ къ этимъ искателямъ нравственной правды въ жизни, къ людямъ, мужественно рѣшившимся силою духа своего «сломать въ себѣ ветхаго человѣка» и цѣною собственнаго страданіи помочь человѣчеству обновиться и указать ему форму жизни, основанную на взаимной любвя и довѣріи. Отрицательные опыты и въ общественномъ прогрессѣ такъ же важны, какъ и въ наукѣ.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ Маликовъ возвратился въ Россію и умеръ въ текущемъ году 8-го марта въ Вильнѣ 63-хъ лѣтъ отъ роду.

Левъ Толстой, съ которымъ А. Фаресовъ разговаривалъ о Маликовѣ, весьма тонко отмѣтилъ ту служебную роль, которую у Маликова и его послѣдователей занимало христіанское ученіе: предметъ вѣры, по его словамъ, былъ у маликовцевъ только средствомъ для житейскихъ цѣлей,—въ частности для устрой-

*) Къ общинѣ Маликова присоединилась небольшая группа лицъ, жившихъ въ общинѣ Фрея, и самъ онъ. Фрей былъ наиболѣе фанатичнымъ послѣдователемъ принциповъ, господствовавшихъ въ общинѣ.

ства коммунистической колоніи. Нравственное совершенствованіе являлось цѣлью подчиненной, а не самой главной. Такой характеристикой А. Маликова, Левъ Толстой даетъ очень точное указаніе на общественный характеръ маликовцевъ, отличавшій ихъ отъ толстовцевъ весьмидесятыхъ и девятидесятыхъ годовъ.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Чэмберленизмъ и англійская политика. — Конгрессъ трэдъ-юніоновъ.—Военная реформа. Чэмберленъ обладаетъ особеннымъ даромъ вносить оживленіе, жизнь и увлеченіе всюду и во всякое дѣло, въ которое онъ пожелаетъ вмѣшаться, и хотя страна, какъ это указываютъ всѣ дополнительные выборы, рѣшительно не хочетъ протекціонизма, тѣмъ не менѣе Чэмберленъ продолжаетъ занимать доминирующее положеніе въ правительственной партіи. На него все еще возлагаются надежды, хотя правящая партія и не думаетъ, чтобы ему удалось привлечь на свою сторону большинство избирателей. Но если даже будетъ либеральное министерство, то, по мнѣнію консерваторовъ, оно просуществуетъ не долго и тогда-то пробьетъ «часъ Чэмберлена».

Либеральная партія слишкомъ разрознена, говорятъ ея противники, и поэтому она не можетъ держаться, такъ какъ страдаетъ не только отъ внутреннихъ разногласій, но также и отъ чисто личныхъ раздоровъ и даже если бы удалось удержать вмѣстѣ радикаловъ и сторонниковъ Розберри, то все же остаются ирландцы и рабочая партія, которые могутъ причинить много затрудненій. Тѣмъ не менѣе, увѣренность, что консервативному кабинету осталось существовать не долго и на смѣну ему должно явиться либеральное министерство, настолько велика, что теперь въ газетахъ и журналахъ открыто обсуждается вопросъ о составѣ этого министерства и печатаются списки предполагаемыхъ министровъ. Повидимому, 69-ти-лѣтній лордъ Спенсеръ имѣетъ больше всего шансовъ сдѣлаться наслѣдникомъ Бальфура.

Передъ закрытіемъ парламентской сессіи между министерствомъ и оппозиціей произошелъ поединокъ, напоминающій парнеллевскія времена. Вслѣдствіе упорнаго сопротивленія оппозиціи, одно изъ послѣднихъ засѣданій парламента продолжалось 25 часовъ! Начавшись во вторникъ, въ 2 часа пополудни, оно закончилось лишь въ среду, въ 3 часа 38 минутъ дня, да и то лишь благодаря примѣненію такъ называемой «парламентской гильотины», съ цѣлью прекращенія преній. Такимъ образомъ правительство осталось побѣдителемъ въ концѣ концовъ, но побѣда была куплена не дешево и вызвала сильнѣйшее негодованіе всѣхъ оппозиціонныхъ фракцій, тѣмъ болѣе, что вотированный законопроектъ о продажѣ спиртныхъ напитковъ долженъ обезпечить правительству поддержку кабатчиковъ, что на выборахъ имѣетъ довольно большое значеніе.

Депутаты, какъ и во времена Парнелля, когда засѣданія сплошь да рядомъ затягивались, устроили также очередь для отдыха, но нашлись все-таки

между ними такіе, которые лишь на самое короткое время удалялись въ другую комнату, и немного вздремнувъ тамъ, снова возвращались въ залу засѣданія и продолжали свое дѣло. Разсказываютъ, что произошло при этомъ небольшое недоразумѣніе. Одинъ изъ членовъ правительственной партіи удалился въ сосѣднее помѣщеніе, куда, при баллотировкѣ, входятъ члены, подающіе голоса противъ законопроекта. Около 4-хъ часовъ, когда было объявлено голосованіе, члены либеральной партіи, входя въ это помѣщеніе, замѣтили крѣпко спящаго противника, но рѣшили не будить его раньше, чѣмъ будутъ закрыты двери помѣщенія и приступлено къ подсчету голосовъ. Согласно парламентскому уставу, всѣ, находящіеся въ этой комнатѣ, считаются вотировавшими отрицательно, и поэтому они были въ восторгѣ, что членъ правительственной партіи, ярый сторонникъ законопроекта, вдругъ оказался въ числѣ его противниковъ и, помимо своей воли, подалъ противъ него свой голосъ. Нельзя сказать, чтобы положеніе этого депутата было пріятное, когда онъ проснулся и увидалъ, что произошло.

Англійское правительство очень озабочено положеніемъ дѣлъ въ Капской колоніи, такъ какъ всѣ слухи указываютъ на возможность серьезныхъ недоразумѣній съ туземцами. Мѣстныя газеты подсмѣиваются надъ этими странами и надъ мыслью о возстаніи туземцевъ. Однако, несомнѣнно, что между ними господствуетъ теперь сильное броженіе и особенно можно опасаться возстанія сильнаго и вліятельнаго племени базутосовъ, которое можетъ увлечь за собою другихъ. Базутосы не только сильны, но и хорошо вооружены и могутъ причинить много вреда, прежде чѣмъ удастся совладать съ ними. Что вопросъ о китайскихъ рабочихъ находится въ связи съ волненіями туземцевъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣній. Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе многихъ лѣтъ кафръ могъ всегда заработать изрядную сумму денегъ въ копяхъ и осуществить свою мечту о собственномъ хозяйствѣ, т.-е. завести скотъ, а затѣмъ уже пріобрѣсти одну или нѣсколько женъ. Теперь, съ наплывомъ китайцевъ въ Южную Африку, все это мѣняется и заработокъ кафровъ долженъ сильно уменьшиться. Пока въ кафрской землѣ населеніе не терпитъ недостатка въ пищевыхъ припасахъ, до тѣхъ поръ еще можно быть спокойнымъ. Но пусть только наступятъ трудныя времена, то слѣдуетъ быть готовымъ къ худшему—таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе всѣхъ знающихъ кафровъ и давно живущихъ въ Южной Африкѣ компетентныхъ людей.

Происходившій въ Лидсѣ 37-й конгрессъ трэдъ-юніоновъ прошелъ необыкновенно спокойно. Ожидали оживленныхъ и бурныхъ дебатовъ по вопросу о комитетѣ представителей труда, который образовался въ февралѣ 1900 года независимо отъ конгрессовъ и представляетъ совершенно особую организацію. Вначалѣ наиболѣе крупные союзы рудокоповъ и рабочихъ бумагопрядильныхъ фабрикъ ничего и слышать не хотѣли о немъ, но теперь, повидимому, дѣло наладилось и конгрессъ формально призналъ комитетъ какъ самостоятельную организацію, чѣмъ конечно остались недовольны непримиримые трэдъ-юніонисты, не сочувствующіе движенію, извѣстному подъ именемъ «New unionism'а», благодаря которому исчезаетъ замкнутость трэдъ-юніоновъ и въ

союзный рабочій міръ вступаютъ въ организаціи рабочихъ, характеризующіяся низкимъ размѣромъ членскихъ взносовъ и вообще болѣе легкою доступностью. Къ числу именно такихъ организацій принадлежитъ и новый комитетъ, обозначающійся тремя буквами: «L, R. C.» («Labour Representation Comitee»), въ которомъ теперь, по словамъ его представителя на конгрессѣ, насчитывается уже милліонъ членовъ. Толчокъ къ образованію этого комитета исходилъ отъ представителей крайней лѣвой конгресса, въ составъ которой входятъ союзы землекоповъ, газовыхъ рабочихъ, подмастерьевъ строительнаго дѣла и доковъ, а также союзы такихъ рабочихъ, какъ машиностроители и наборщики. Вообще, въ духѣ англійскаго трэдъ-юніонизма замѣчаются большія перемѣны и это можно ясно замѣтить на конгрессахъ. Старый трэдъ-юніонизмъ держался оборонительной политики, новый же переходитъ въ наступательную. Было время, когда трэдъ-юніоны представляли какъ бы аристократію британскихъ рабочихъ классовъ, тщательно держащуюся въ сторонѣ отъ соціалистическихъ тенденцій и допускающую въ свою среду только обученныхъ рабочихъ (skilled labourers), и притомъ такихъ, которые могутъ представить доказательства своей обученности и того, что они получали установленную для данной профессіи заработную плату. Такимъ образомъ въ трэдъ-юніоны не могли попасть простые поденщики, чернорабочіе, не принадлежащіе къ избранному классу и въ политическомъ отношеніи осуществился парадоксъ Дизраэли-Биконсфильда: дѣйствительно среди трэдъ-юніонистовъ было много консерваторовъ и приверженцевъ торійской партіи. Однако, за послѣдніе тридцать лѣтъ, подъ вліяніемъ разнообразныхъ причинъ рамки трэдъ-юніонизма расширились и вмѣстѣ съ этимъ измѣнилось къ нему отношеніе правящихъ сферъ. Вмѣсто того, чтобы прославлять попрежнему благоразуміе англійскихъ синдикатовъ, такіе органы какъ «Times» яростно обрушиваются на нихъ и организуютъ походъ противъ синдикальной тиранніи, доказывая, что она влечетъ за собою всевозможныя экономическія и соціальныя бѣдствія. Весьма возможно, что тѣ самыя причины, которыя вызвали эволюцію трэдъ-юніоновъ, теперь приведутъ къ объединенію всѣхъ ихъ разрозненныхъ элементовъ и такія отдѣльныя организаціи, какъ «независимая рабочая партія», «соціалъ-демократическая федерація», «комитетъ представителей труда» и фабіанцы получатъ подкрѣпленіе въ видѣ 1.600.000 дисциплинированныхъ и дѣятельныхъ трэдъ-юніонистовъ, сознавшихъ необходимость активной дѣятельности, не ограничивающейся однимъ только стремленіемъ къ непосредственной экономической выгодѣ, повышенію рабочей платы, уменьшенію числа рабочихъ часовъ и улучшенію быта своихъ членовъ.

На конгрессѣ присутствовали, между прочимъ, новые делегаты; это были представители желѣзнодорожныхъ клэрковъ, лондонскихъ извозчиковъ и слѣпыхъ. Послѣдніе предъявили конгрессу жалобу на то, что государство нисколько о нихъ не заботится, всецѣло предоставляя ихъ частной благотворительности. Жгучій вопросъ о военной реформѣ также былъ затронутъ на конгрессѣ и делегатъ О'Грэди предложилъ резолюцію, выражающую протестъ противъ всеобщей воинской повинности. Эту резолюцію поддерживалъ Джонъ Уордъ, делегатъ союзовъ землекоповъ и строительныхъ подмастерьевъ, выступающій кандида-

томъ на предстоящихъ парламентскихъ выборахъ. Горячая рѣчь Джона Уорда противъ войны произвела громадное впечатлѣніе и можно сказать, что ни одинъ изъ ораторовъ конгресса не имѣлъ такого успѣха. Его замѣчаніе, что король Эдуардъ пожалуй «единственный государственный человѣкъ въ Англіи», который стремится къ заключенію договоровъ о третейскомъ судѣ, и что онъ указываетъ своимъ министрамъ путь, по которому они должны слѣдовать, когда надо улаживать споры, вызвало бурные аплодисменты.

Трудная задача реорганизаціи англійской арміи несомнѣнно озабочиваетъ англійское правительство и каждый военный министръ неизмѣнно выступаетъ съ новымъ проектомъ реформы. Теперешній военный министръ Арнольдъ Форстеръ также представилъ свою схему, которая имѣетъ въ виду широкую военную организацію, оставляя, однако, совершенно въ сторонѣ вопросъ о всеобщей воинской повинности, призракъ которой такъ пугаетъ огромное большинство англичанъ, тогда какъ нѣкоторые настаиваютъ на ея безусловной необходимости. Реформа Арнольда Форстера, пожалуй, является, послѣднею попыткой реорганизаціи англійской арміи согласно современнымъ военнымъ требованіямъ, не прибѣгая въ то же время къ введенію всеобщей воинской повинности. Однако Арнольдъ Форстеръ думаетъ не только создать подходящую армію въ Англіи, при помощи своей схемы, но утверждаетъ, кромѣ того, что его реформа дастъ экономію въ полмилліона фунтовъ стерлинговъ по крайней мѣрѣ. Конечно, она очень сложна, также какъ и вся организація англійской обороны, и, вѣроятно, только примѣненіе ея на практикѣ укажетъ, насколько могутъ оправдаться ожиданія, которыя на нее возлагаютъ. Прежде всего въ новой схемѣ гораздо рѣзче выраженъ основной принципъ различія между территоріальною и континентальною арміей и раздѣленіе той отъ другой. Оборону англійскихъ береговъ Арнольдъ Форстеръ всецѣло предоставляетъ флоту и такъ какъ колоніальная армія, съ болѣе длиннымъ срокомъ службы, будетъ совершенно отдѣлена отъ территоріальной, то количество войска, стоящаго въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи должно будетъ сократиться, что и произведетъ желаемую экономію въ военномъ бюджетѣ. Кромѣ созданія двухъ отдѣльныхъ армій Арнольдъ Форстеръ имѣетъ въ виду реформу корпуса волонтеровъ и милиціи. Послѣдней онъ придаетъ очень мало значенія, такъ какъ вообще, въ его проектѣ. оборона страны занимаетъ второстепенное мѣсто. Онъ откровенно сознается, что совершенно отмѣнилъ бы милицію, если бы общественное мнѣніе Англіи допустило такой разрывъ со старинными традиціями. Въ своей схемѣ Арнольдъ Форстеръ ничего не говоритъ о томъ, какимъ образомъ онъ думаетъ привлечь рекрутъ въ колоніальную армію, такъ какъ по всѣмъ вѣроятіямъ, солдаты предпочтутъ болѣе краткосрочную службу (2 года) на родинѣ долгосрочной (девять лѣтъ) службѣ въ тропическихъ странахъ. Врядъ ли найдется много добровольныхъ охотниковъ для такой долгой службы. Извѣстно вѣдь, какъ мало оправдались надежды бывшаго военнаго министра Бродрика, ожидавшаго, что солдаты, прослуживъ свои три года, останутся еще на другіе три года. Въ нѣкоторыхъ полкахъ ни одинъ изъ прежнихъ солдатъ не вернулся на службу. Придется, вѣроятно, прибѣгнуть къ соблазну въ видѣ большого жалованья и

пенсіи, что совершенно упускаетъ изъ вида Арнольдъ Форстеръ, и слѣдовательно проектируемая имъ экономія окажется призрачной. Все это указываетъ, что предлагаемая схема далеко не разрѣшаетъ жгучаго вопроса. Это сознаютъ и сторонники его реформы, которые видятъ въ ней только нѣкоторый шагъ впередъ, и во всякомъ случаѣ центръ тяжести вопроса заключается въ томъ, согласятся ли англичане отказаться отъ своихъ традицій и надѣть на себя то ярмо, противъ котораго такъ возмущается ихъ свободолюбивая индивидуальность.

Въ Австріи: юбилей государства. Въ этомъ году Австрія праздновала свой политическій юбилей: столѣтнюю годовщину австрійской имперіи, какъ независимаго государственнаго организма. Сто лѣтъ—это сравнительно небольшой срокъ въ жизни великой державы, но все же онъ достаточенъ для выясненія задачи государства и основныхъ принциповъ его существованія. Между тѣмъ Австрія, получившая съ 1867 года названіе Австро-Венгріи, до сихъ поръ не сдѣлала этого и, образовавшись изъ отдѣльныхъ народностей, отличающихся другъ отъ друга исторіей, національностью, языкомъ и культурой, не выработала общаго государственнаго принципа, который бы, подобно прочному цементу, сплотилъ эти отдѣльныя части въ одно цѣлое. Австрійскіе монархи и государственные люди видѣли такое средство въ абсолютизмѣ, забывая, что это обоюдоострое оружіе, приносящее вредъ даже тамъ, гдѣ оно примѣняется съ добрыми намѣреніями. Австрійскому государству приходилось на каждомъ шагу убѣждаться въ этомъ. Прежде всего надо было угождать церкви, духовенству и высшему дворянству, которыя, въ сущности, свои собственныя выгоды ставили выше интересовъ государства, поэтому-то въ Австріи такъ и противились введенію всеобщаго избирательнаго права, которое только одно могло бы сплотить различныя національности, входящія въ составъ Австро-Венгріи, и объединить ихъ общими государственными интересами. Профессоръ Шеффле, призванный императоромъ въ 1870 году, откровенно высказалъ ему свой взглядъ на это. Габсбургская монархія не имѣетъ опредѣленной національности, такъ какъ она состоитъ изъ восьми отдѣльныхъ націй, причемъ ни одна изъ нихъ не представляетъ большинства. Необходимо, слѣдовательно, чтобы государственная политика преслѣдовала цѣли, выходящія за предѣлы узкихъ національныхъ стремленій, и такою цѣлью должно быть общее благо государства, всеобщее просвѣщеніе и всеобщая свобода. Разумѣется, только свободно избранный и сильный парламентъ можетъ преслѣдовать такія цѣли, не тратя время на національныя распри, которыя, за неимѣніемъ пищи, не могли бы никогда достигнуть такихъ безобразныхъ размѣровъ, какими онѣ выражаются теперь въ австрійскомъ рейхсратѣ и въ обществѣ. Во всякомъ случаѣ, ко дню своего перваго юбилея Австро-Венгрія представляетъ далеко не веселую картину глубокихъ внутреннихъ раздоровъ и даже этотъ юбилей послужилъ поводомъ къ безпорядкамъ, ярко выразившимъ національную ненависть и вражду.

Теодоръ Герцль. Австрійская журналистика понесла въ этомъ году большую потерю: умеръ Теодоръ Герцль, одинъ изъ редакторовъ вліятельной и распространенной газеты «Neue Freie Presse». Но въ Европѣ Герцль сдѣлался извѣстенъ не какъ писатель, а какъ духовный основатель и руководитель сіонистскаго движенія. Въ первый разъ онъ изложилъ свои идеи въ своей брошюрѣ «Der Jüdische Staat», появившейся въ 1896 году и тотчасъ же переведенной на нѣмецкій, французскій, англійскій и русскій языки. Какъ извѣстно, онъ проповѣдывалъ основаніе еврейскаго государства и объединеніе евреевъ въ такомъ союзѣ, который бы могъ, путемъ международнаго соглашенія, добиться отъ Турціи уступки территоріи въ Палестинѣ для образованія этого государства. Идеи Герцля имѣли успѣхъ, и теперь сіонизмъ насчитываетъ до четверти милліона приверженцевъ. Но вмѣстѣ съ этимъ сіонизмъ вызвалъ также сильную борьбу разныхъ теченій въ еврейскомъ обществѣ, выразившуюся въ обширной полемикѣ. Несмотря на разногласія, возникшія среди евреевъ во взглядахъ на цѣлесообразность сіонистскаго движенія, Герцль всетаки глубоко вѣрилъ въ сіонизмъ и въ свою утопію. Его искренность не подлежитъ сомнѣнію и хорошо знавшіе его люди и его товарищи по профессіи, но въ то же время его противники по взглядамъ на этотъ вопросъ, нѣмецкіе журналисты, говорятъ, что онъ посвятилъ всѣ свои силы сіонизму, въ которомъ онъ видѣлъ не только движеніе съ цѣлью созданія для еврейскаго народа обезпеченнаго публичнымъ правомъ убѣжища, новой родины, но также тотъ народный идеалъ, то чисто этическое стремленіе, которое возвышаетъ народную душу и даетъ смыслъ существованію народа. За и противъ сіонизма возникла уже цѣлая литература и это одно указываетъ, что современный сіонизмъ представляетъ такое явленіе европейской жизни, съ которымъ надо считаться. Герцль исходилъ изъ того убѣжденія, что организація угнетенныхъ, порабощенныхъ народныхъ массъ необходима, но для этого ему нужно было найти лозунгъ и такимъ лозунгомъ послужилъ Сіонъ, въ особенности воодушевившій жаждущія культуры и просвѣщенія массы восточнаго еврейства, которымъ этотъ свѣточъ служитъ до нѣкоторой степени путеводительною звѣздой среди умственнаго мрака и окружающей ихъ экономической нужды. Герцль, для котораго сіонизмъ былъ дѣломъ жизни, всѣ свои агитаторскія способности употребилъ на пропаганду этого движенія. Онъ былъ принятъ въ аудіенціи многими монархами, съ которыми бесѣдовалъ о своемъ великомъ планѣ. Германскій императоръ и англійскій король лично высказали ему сочувствіе его идеѣ, но, къ несчастью для него, какъ разъ тотъ монархъ, въ поддержкѣ котораго онъ больше всего нуждался, а именно турецкій султанъ, отнесся несочувственно къ его идеѣ. Вначалѣ казалось, будто султанъ покровительствуетъ сіонистскому движенію, и Герцль, послѣ двухъ аудіенцій у султана, имѣлъ право надѣяться на полученіе желаемыхъ концессій въ Палестинѣ. Однако планъ этотъ рушился, потому что Турція вовсе не была склонна поощрять сіонизмъ, опасаясь, что онъ породитъ новое національное движеніе въ Палестинѣ. Скрѣпя сердце, Герцль долженъ былъ объявить на послѣднемъ сіонистскомъ конгрессѣ о невозможности осуществленія его плановъ относительно

Палестины, но одновременно съ этимъ онъ заявилъ о новыхъ переговорахъ съ англійскимъ правительствомъ насчетъ уступки части территоріи въ Угандѣ для такихъ же цѣлей. Однако и этотъ проектъ рухнулъ, вслѣдствіе сопротивленія англійскаго парламента. Самъ Герцль не связывалъ своего движенія такъ тѣсно съ какою-нибудь топографическою цѣлью и вообще имѣлъ въ виду всякую годную для колонизаціонныхъ цѣлей землю, но воодушевленіе, которое вызывалъ Сіонъ среди широкихъ массъ еврейскаго населенія, вынуждало его держаться узкой программы сіонистскаго движенія. Онъ умеръ, не дождавшись осуществленія своей мечты, умеръ во цвѣтѣ лѣтъ, такъ какъ ему только что минуло 44 года, и сіонистское движеніе потеряло въ лицѣ его истиннаго вождя и самоотверженнаго работника. Его похоронили на вѣнскомъ кладбищѣ, гдѣ онъ будетъ лежать, пока «еврейскій народъ не перешлетъ его праха въ Палестину», какъ сказано имъ въ его послѣдней волѣ. Два года тому назадъ онъ написалъ политическую фантазію въ формѣ романа подъ заглавіемъ «Alt Neuland» и въ этой книгѣ нарисовалъ Палестину такой, какъ онъ ее представлялъ себѣ послѣ осуществленія своего идеала и національнаго возрожденія евреевъ *).

Германскій императоръ о солидарности націй.—Протестъ противъ празднованія седанской годовщины. Рѣчи императора Вильгельма въ послѣднее время не возбуждаютъ уже такого всеобщаго вниманія и не подвергаются такому тщательному анализу, какъ это было раньше. Однако, рѣчь, сказанная имъ въ Куксгавенѣ, вызвала коментаріи, и въ германской печати явно проглядываетъ стремленіе придать ей особенный смыслъ и значеніе, быть можетъ больше, чѣмъ она того заслуживаетъ. Либеральныя германскія газеты давно не отзывались такъ сочувственно о словахъ императора, какъ теперь, когда онъ заговорилъ «о солидарности культурныхъ націй», и видятъ въ этомъ знаменіе времени. Своими рѣчами Вильгельмъ II не разъ приводилъ въ изумленіе міръ и вызывалъ сильную оппозицію и критику въ Германіи, и теперь впервые, какъ замѣчаетъ франкфуртская газета, въ его рѣчи не слышно ни бряцаній меча, ни рѣзкихъ нотъ, касающихся внутренней политики, къ которымъ онъ такъ часто прибѣгалъ раньше. «Я смотрю съ абсолютнымъ довѣріемъ и спокойствіемъ въ будущее», сказалъ императоръ, и это довѣріе и спокойствіе онъ основываетъ на стремленіи культурныхъ націй къ солидарности. Какъ рѣшительно звучитъ эта увѣренность въ сохраненіи мира, тѣмъ болѣе заслуживающая вниманія, что еще 28-го апрѣля этого года, въ Карльсруэ, императоръ Вильгельмъ намекнулъ на возможную необходимость вмѣшательства Германіи въ міровую политику. Очевидно, тѣ «темныя тучи», которыя еще такъ недавно графъ Бюловъ видѣлъ на политическомъ горизонтѣ, теперь разсѣялись.

Характернымъ симптомомъ является также воззваніе, обращенное къ печати германскимъ обществомъ мира. Въ этомъ воззваніи заключается про-

*) См. „Библіографическій отдѣлъ" въ этой книгѣ „М. Б.".

тестъ противъ празднованія годовщины Седана. «Празднованіе годовщины какой-нибудь битвы,—говорится въ этомъ воззваніи,—недостойно страны, желающей идти во главѣ цивилизаціи. Принимая во вниманіе всѣ тѣ бѣдствія, которыя обрушиваются на побѣжденную націю, и горе многочисленныхъ семействъ, слѣдуетъ скорѣе позаботиться о томъ, чтобы все это было предано забвенію. Уваженіе къ побѣжденному противнику и собственное достоинство не должны допускать празднованія такихъ годовщинъ. Зло, однако, заключается не въ одномъ только празднованіи дня битвы, но и въ томъ, какой характеръ носитъ это празднованіе, разжигающее чувство ненависти и вражды».

Главный вредъ такихъ празднованій друзья мира видятъ въ томъ вліяніи, которое они имѣютъ на молодежь страны. Въ этомъ отношеніи дѣлается важная и непростительная ошибка, такъ какъ даже въ школахъ дѣтямъ внушается вражда къ націи, на которую имъ указываютъ, какъ на исконнаго врага, и ихъ пріучаютъ къ мысли о войнѣ, говоря о необходимости держать оружіе наготовѣ. «Пора перестать говорить это! восклицаютъ друзья мира.— Мы должны внушать дѣтямъ стремленіе къ миру, учить ихъ понимать его блага, а никакъ не возбуждать въ нихъ энтузіазмъ при видѣ страшныхъ картинъ войны».

Нѣкоторыя изъ германскихъ газетъ напечатали это воззваніе, не сопровождая его никакими примѣчаніями, другія же высказались въ пользу отмѣны такого празднества, но не на основаніи общей идеи, а въ силу извѣстныхъ политическихъ соображеній, опирающихся на желаніе щадить чувства сосѣда, съ которымъ Германія хочетъ установить болѣе близкія отношенія. Во всякомъ случаѣ, теперь во всѣхъ разсужденіяхъ германской печати преобладаетъ мирная нота и императоръ Вильгельмъ, въ своей рѣчи о солидарности культурныхъ націй, въ первый разъ, пожалуй, оказался выразителемъ всеобщаго настроенія.

Соединенные Штаты: желтая опасность въ лицѣ кандидата на президентство. Въ числѣ кандидатовъ на президентство, стремящихся оспаривать этотъ постъ у Рузвельта, находится нѣкто Вильямъ-Рандольфъ Хирстъ, сынъ милліонера и самъ милліонеръ, издатель восьми главнѣйшихъ газетъ въ Нью-Іоркѣ, Чикаго, Санъ-Франциско и Лосъ-Анжелосъ и основатель такъ называемой «Желтой прессы», такъ что въ лицѣ его, какъ выражаются газеты, не сочувствующія его кандидатурѣ, сѣверо-американской республикѣ грозитъ своя собственная «желтая опасность». Вначалѣ, когда въ газетахъ заговорили о возможности кандидатуры Хирста, то большинство отнеслось къ этому весьма скептически. Но теперь, когда кандидатура эта начинаетъ принимать серьезный характеръ и на всѣхъ пунктахъ американской территоріи возникаютъ такъ называемые «Hearst Clubs», вотирующіе резолюціи въ пользу избранія Хирста, то республиканская партійная печать всполошилась и организовала кампанію противъ него, доказывая, что Хирстъ ни въ нравственномъ, ни въ интеллектуальномъ отношеніи не можетъ быть кандидатомъ на высшій государственный постъ.

Многіе спрашиваютъ себя съ удивленіемъ, откуда взялся этотъ кандидатъ, который былъ совершенно неизвѣстенъ до этой минуты широкой американской публикѣ, никогда не произносилъ ни одной рѣчи въ собраніи и не занималъ ни одной выборной должности. Хирсту въ настоящее время сорокъ лѣтъ; онъ—сынъ сенатора демократа изъ Калифорніи, бывшаго однимъ изъ первыхъ эмигрантовъ, отправившихся на берегъ Тихаго океана. Молодой Хирстъ получилъ общеамериканское воспитаніе въ общественной школѣ, затѣмъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ гарвардскомъ университетѣ. Выйдя изъ университета, Хирстъ не пошелъ по обычной торной дорожкѣ, по которой идутъ всѣ сыновья американскихъ милліонеровъ, а совершенно неожиданно проявилъ честолюбіе особаго рода и выразилъ желаніе имѣть собственную газету. Ни спортъ, ни свѣтскія развлеченія не могли его удовлетворить и онъ такъ настойчиво добивался газеты, что отецъ купилъ ему, наконецъ, погибавшую газету «The Examiner» въ Санъ-Франциско. Молодой Хирстъ былъ въ восторгѣ и съ жаромъ принялся за дѣло. Онъ только что покинулъ школьную скамью и о печатномъ дѣлѣ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, но скоро пріобрѣлъ и опытъ, и знаніе и уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ превратилъ погибающую газету въ одинъ изъ самыхъ блестящихъ, самыхъ живыхъ и самыхъ распространенныхъ, но въ то же время и наименѣе уважаемыхъ органовъ въ Калифорніи. Воодушевленный такимъ успѣхомъ, Хирстъ отправился въ Нью-Іоркъ, съ цѣлью и тамъ завести газету. Его, однако, отговаривали, указывая на то, что въ Нью-Іоркѣ всѣ категоріи читателей имѣютъ свои газеты и для новаго органа нѣтъ мѣста. Онъ возражалъ на это сравненіемъ цифръ населенія съ количествомъ выходящихъ газетъ. Дѣйствительно, разница получилась большая, и Хирстъ объявилъ, что онъ создастъ газету для тѣхъ именно читателей, которые не имѣютъ своего органа. Онъ основалъ «New-York Journal» и вмѣстѣ съ нимъ создалъ «Желтую прессу». Девизомъ ея онъ поставилъ: «американская газета для американцевъ», но вѣрнѣе слѣдовало бы сказать:—для толпы. Его газета разсчитана на вкусы малограмотной и малообразованной толпы и поэтому Хирстъ не жалѣлъ средствъ, чтобы сдѣлать ее болѣе привлекательной для своей публики. Онъ ввелъ иллюстраціи, поясняющія текстъ, сенсаціонныя заглавія, печатающіяся крупнымъ шрифтомъ, гравюры, изображающія наиболѣе драматическіе факты хроники, каррикатуры, комическія сцены, печатаніе разноцвѣтными красками, словомъ, все было пущено въ ходъ, чтобы сдѣлать «New-York Journal» наиболѣе яркою, живою и интересною газетой.

Что касается политическаго отдѣла такой газеты, то онъ служитъ выразителемъ самыхъ ярыхъ воззрѣній и грубаго шовинизма. Хирстъ умѣетъ говорить съ толпою, умѣетъ дѣйствовать на ея воображеніе и примитивныя чувства, восхваляя славу и величіе республики. Онъ самъ редактируетъ свою газету и не уходитъ изъ редакціи раньше трехъ часовъ ночи, рѣшительно входя во всѣ мелочи, какъ печатанія, такъ и составленія номера. Всего больше онъ боится скуки и поэтому не разъ случается, что, прочтя какую-нибудь статью, онъ надписываетъ на ней синимъ карандашемъ: «dull» (скучная) и этимъ участь статьи рѣшается. Не жалѣя денегъ, Хирстъ могъ заручиться не

только лучшими сотрудниками и хроникерами, но также и лучшими каррикатуристами для своей газеты. Вообще, онъ дѣлалъ все, чтобы угодить своимъ читателямъ. Однако при этомъ онъ помнилъ, что дѣтей не только забавляютъ, но и поучаютъ; поэтому изобрѣтенная имъ «желтая печать», не только угощаетъ читателей разными пикантными и кровавыми исторіями, но также преподаетъ ему и хорошіе совѣты практической нравственности, въ родѣ напр. такихъ: не напивайтесь до безчувствія! не курите дрянныхъ сигаръ. Читайте только хорошія книги и т. д. Хозяекъ эта печать наставляетъ уму-разуму, отцовъ поучаетъ какъ управлять семьей, и проповѣдуетъ устройство публичныхъ школъ,—какъ можно больше школъ! и притомъ такихъ хорошихъ, чтобы у богачей не могло быть извиненій въ томъ, что они не посылаютъ туда своихъ дѣтей.

Газета Хирста имѣла чудовищный успѣхъ. Война съ Кубой упрочила ея репутацію и создала ей огромный кругъ читателей. Въ этой газетѣ появились первые разсказы объ испанскихъ жестокостяхъ и она начала пропаганду войны, такъ что можно сказать, что война была ею подготовлена. Когда же война вспыхнула, то Хирстъ принялъ въ ней такое участіе, какъ будто онъ руководилъ ею. Онъ предоставилъ свои многочисленныя суда и свою яхту правительству и самъ отправился на Кубу, чтобы подставить пулямъ свою грудь и на мѣстѣ редактировать свою газету.

Въ Нью-Іоркѣ Хирстъ пользуется любовью населенія. Онъ много дѣлаетъ добра и не разъ прибѣгалъ на помощь въ случаѣ какихъ-либо общественныхъ бѣдствій. Онъ яростно нападалъ на мясной и угольной трёсты, обвиняя ихъ въ преступныхъ происках противъ интересовъ народныхъ массъ, и всегда поддерживалъ рабочіе классы и ихъ притязанія. Конечно, благодаря этому, онъ имѣетъ многочисленныхъ сторонниковъ среди этихъ классовъ, и несмотря на то, что серьезные люди, демократы и республиканцы, презрительно пожимаютъ плечами, когда упоминается его кандидатура, шансы Хирста все возрастаютъ, чему много способствуютъ раздоры въ демократической партіи, расколовшейся на двѣ фракціи, между которыми нѣтъ ничего общаго, кромѣ названія. Возможно поэтому, что радикальная фракція отколется окончательно и образуетъ самостоятельную партію, группирующуюся около Хирста, и если онъ будетъ имѣть успѣхъ, то царство желтой, «шовинистской» прессы будетъ обезпечено надолго.

Турецкія дѣла.—Смерть Мурада. Если вообще все, что дѣлается въ Турціи, всегда тщательно скрывается отъ глазъ Европы, которой трудно узнать правду, то это тѣмъ болѣе относится къ малоазіатской Турціи и въ особенности къ событіямъ въ Арменіи. Извѣстія, проникающія оттуда, указываютъ однако на серьезный характеръ этихъ событій. Снова произошли избіенія армянъ въ Сассунѣ, въ томъ самомъ округѣ, въ которомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ разыгралась кровавая драма и кровь также лилась рѣкой, какъ теперь. Согласно извѣстіямъ, сообщаемымъ иностранною печатью, въ этомъ округѣ разрушено 35 деревень. Изъ 6.000 жителей осталось около

полуторы тысячи, часть которыхъ разбѣжалась по разнымъ мѣстамъ, часть же находится въ Мушѣ, въ страшной нуждѣ. Это преимущественно женщины и дѣти, голодныя и несчастныя, лишившіяся крова и потерявшія своихъ мужей и отцовъ. Турецкія власти, подъ предлогомъ усмиренія бунтующихъ армянъ, повторили кровавую драму 1895—1896 гг. Солдаты, вмѣстѣ съ курдами, оцѣпили деревни, которыя были разрушены посредствомъ орудій, перевезенныхъ на гору на мулахъ. «Это было гнѣздо «fëdaï» (революціонеровъ или эмигрантовъ), заявляютъ турецкія власти, но какъ бы ни старалось турецкое правительство замаскировать свои дѣйствія, правда все-таки выходитъ наружу и эта правда заключается въ томъ, что цѣлыя деревни были разграблены, сожжены и населеніе ихъ уничтожено. Ясно, что турецкое правительство стремится къ истребленію армянскихъ горцевъ и къ водворенію армянъ въ равнинѣ, гдѣ бы они оказались вполнѣ во власти Курдовъ. Турецкое правительство основываетъ свои военныя мѣропріятія на томъ, что среди армянъ замѣчается усиленіе революціоннаго движенія, но въ сущности армяне не требуютъ ничего иного, кромѣ того, что было имъ уже обѣщано державами, подписавшими берлинскій трактатъ, т.-е. введенія нѣкотораго самоуправленія въ армянскихъ провинціяхъ. Но, разумѣется, Порта ни за что не введетъ добровольно подобныя реформы и въ особенности не согласится на введеніе ихъ въ Арменіи, гдѣ курды также энергично сопротивляются всякому ограниченію своей власти, какъ сопротивляются албанцы въ населенныхъ ими провинціяхъ европейской Турціи. Нѣтъ ничего удивительнаго, что армяне, видя полную невозможность добиться справедливости и обезпеченія безопасности своей личности законнымъ путемъ, прибѣгаютъ къ помощи революціонныхъ органовъ. Ихъ голосъ до сихъ поръ былъ «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ», меморандумъ, обращенный къ державамъ послѣ первыхъ сасунскихъ избіеній, также остался безъ послѣдствій; съ тѣхъ поръ же, какъ армяне, доведенные до отчаянія тѣмъ, что никто не слушаетъ ихъ жалобъ, произвели бунтъ въ Константинополѣ, султанъ не выноситъ даже упоминанія объ армянахъ и никто изъ его ближайшихъ совѣтниковъ не рѣшится заговорить съ нимъ о нуждахъ и желаніяхъ армянъ. Между тѣмъ несомнѣнно, что положеніе дѣлъ въ Арменіи все усложняется, и армянскій вопросъ принимаетъ столь же грозный характеръ, какъ и македонскій. Внутри страны революціонная организація сосредоточила свои военныя силы въ Сасунѣ, который, однако, считается турецкою цитаделью въ Арменіи, чѣмъ и объясняется упорство армянъ, защищающихъ этотъ горный и полунезависимый округъ отъ посягательствъ турецкаго правительства, понастроившаго тамъ казармы. Въ этомъ округѣ орудуетъ представитель армянской революціонной федераціи Андроникъ, которому много разъ удавалось давать энергическій отпоръ турецкимъ отрядамъ. Но все же его силы недостаточны и онъ не могъ помѣшать соединеннымъ силамъ турокъ и курдовъ разгромить деревни. Армяне еще разъ пробуютъ обратиться къ державамъ, вызвать ихъ вмѣшательство, но, вѣроятно, и на этотъ разъ европейская дипломатія ограничится только представленіями Портѣ о необходимости реформъ. Боязнь притронуться къ обветшалому государству,

чтобы не вызвать европейской катастрофы, заставляетъ европейскія державы воздерживаться отъ активнаго вмѣшательства. Но положеніе дѣлъ въ Арменіи становится все болѣе невыносимымъ, тогда какъ примѣръ македонцевъ не можетъ не дѣйствовать на армянъ поощряющимъ образомъ.

Султанъ Абдулъ-Гамидъ, который теперь ничего не хочетъ слышать о реформахъ, возбудилъ совсѣмъ иныя ожиданія, когда только что вступилъ на престолъ. Казалось, тогда должна была наступить новая эра. Съ особенною живостью напомнила объ этомъ времени, полномъ надеждъ, недавняя смерть Мурада V, преемникомъ котораго былъ Абдулъ-Гамидъ. Царствованіе Мурада продолжалось не долго, всего нѣсколько мѣсяцевъ, но этого времени было достаточно, чтобы выдвинуть впередъ стремленія реформаторовъ, желавшихъ возродить Турцію къ новой жизни. Во главѣ ихъ стоялъ Мидхатъ паша, членъ политической партіи, возникшей въ шестидесятыхъ годахъ и извѣстной подъ именемъ «Молодой Турціи». Мидхатъ былъ горячимъ сторонникомъ Англіи и врагомъ Россіи и мечталъ объ ограниченіи въ Турціи власти султана и введеніи конституціи по европейскому образцу. Съ этою именно цѣлью онъ составилъ заговоръ противъ султана Абдулъ-Азиса, который былъ свергнутъ и султаномъ провозглашенъ Мурадъ, извѣстный кротостью своего характера, своею любовью къ европейскому просвѣщенію и склонностью къ реформамъ. Мидхатъ возлагалъ на его царствованіе большія надежды. Сдѣлавшись министромъ и предсѣдателемъ государственнаго совѣта, благодаря поддержкѣ Англіи, Мидхатъ тотчасъ же принялся за дѣло. Начались совѣщанія министровъ, которые должны были выработать проектъ конституціонныхъ учрежденій для всего турецкаго государства, но, къ сожалѣнію, Мурадъ оказался неспособнымъ привести въ исполненіе этотъ проектъ, хотя, вступивъ на престолъ, онъ обнародовалъ широкую программу реформы и возвѣстилъ въ своемъ манифестѣ, что онъ призванъ быть султаномъ «Милостію Божіею и волею народа». Однако дальше этого торжественнаго заявленія онъ не пошелъ. Его нервная система, истощенная излишествами и угнетенная вѣчнымъ страхомъ, подъ давленіемъ котораго онъ находился всю свою жизнь, проведенную въ заключеніи, не выдержала и очень скоро у него обнаружились признаки психическаго разстройства, которые все усиливались. Турецкое правительство пригласило профессора вѣнскаго университета, психіатра д-ра Мейдесдорфа, и тотъ призналъ Мурада психически больнымъ. Этимъ воспользовались недовольные и неудовлетворенные положеніемъ дѣлъ, опасавшіеся, что психически больной султанъ можетъ совершить такіе поступки, которые уничтожатъ всѣ ихъ реформаторскіе планы, и поэтому, послѣ трехмѣсячнаго царствованія, Мурадъ былъ низвергнутъ и на престолъ вступилъ его братъ, нынѣ царствующій султанъ Абдулъ-Гамидъ. До вступленія своего на престолъ Абдулъ-Гамидъ поддерживалъ взгляды Мидхада и обнаруживалъ вполнѣ либеральныя тенденціи. Турція переживала трудныя времена. Великія державы требовали назначенія въ Босніи и Герцеговинѣ комиссіи реформъ, подъ непосредственнымъ контролемъ европейскихъ консуловъ; въ Болгаріи же вспыхнуло возстаніе, которое надо было подавить. Такъ какъ регулярныя турецкія войска были заняты въ Герцеговинѣ, то въ Болгарію от-

правили иррегулярное войско, баши-бузуковъ, которые произвели тамъ звѣрскія избіенія населенія, вызвавшія пламенный протестъ Гладстона. Европейскія государства начали смотрѣть на оттоманское царство, какъ на не совершеннолѣтнее государство, надъ которымъ надо учедить опеку, и вотъ, чтобы избѣжать этой опеки, партія «Молодой Турціи» рѣшила превратить турецкій абсолютизмъ въ конституціонную систему и Абдулъ-Гамидъ повидимому раздѣлялъ эти взгляды. Во всякомъ случаѣ, онъ торжественно объявилъ въ декабрѣ 1876 года равноправность всѣхъ турецкихъ подданныхъ и ввелъ конституціонныя учрежденія: отвѣтственность министровъ, два представительныхъ собранія, сенатъ и палату депутатовъ. Исламъ оставался государственной религіей. Въ циркулярѣ ко всѣмъ европейскимъ державамъ было заявлено, что турецкая конституція не носитъ теократическаго характера и что она вводитъ въ государствѣ свободу и равенство и кладетъ основаніе торжеству цивилизаціи. Особенно подчеркивалось при этомъ, что новая конституція не будетъ только обѣщаніемъ и что она будетъ осуществлена на дѣлѣ. Мидхатъ паша торжествовалъ и когда державы представили свой ультиматумъ, то свѣжеиспеченный совѣтъ министровъ отвѣчалъ, что европейскія требованія противорѣчатъ турецкой конституціи. Въ мартѣ 1877 года былъ открытъ турецкій парламентъ, но онъ просуществовалъ не долго. Послѣ двухъ сесій онъ болѣе не созывался. Мидхатъ паша былъ устраненъ. Послѣдовала война съ Россіей, завершившаяся берлинскимъ конгрессомъ, и турецкая конституція канула въ лету. Мидхатъ еще пробовалъ бороться съ реакціей и въ 1878 году издалъ брошюру, въ которой доказывалъ, что принципъ ислама есть демократія и свобода и что виною отсталости Турціи ея международное положеніе и образъ дѣйствій Россіи, не сочувствовавшей прогрессу Турціи. Но въ 1881 г. Мидхатъ уже былъ преданъ суду по обвиненію въ убійствѣ султана Абдулъ-Азиса (который, согласно оффиціальной версіи зарѣзался ножницами) и приговоренъ къ смертной казни. Абдулъ-Гамидъ, однако, помиловалъ его и замѣнилъ смертную казнь изгнаніемъ и пожизненной ссылкой въ Аравію.

Такъ кончились реформаторскіе планы въ Турціи. Послѣ берлинскаго конгресса Абдулъ-Гамидъ повелъ замкнутую жизнь въ своемъ дворцѣ и съ реформами было покончено. Смерть Мурада, однако, снова напомнила объ этомъ краткомъ періодѣ существованія Турціи, какъ прогрессирующаго государства. Не будь Мурадъ душевнобольнымъ — балканскій вопросъ принялъ бы, быть можетъ, совсѣмъ другой характеръ. Но Турція снова впала въ летаргію и врядъ ли что-нибудь другое, кромѣ насильственнаго вмѣшательства или серьезнаго удара событій, можетъ вывести ее изъ этого состоянія.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Корея прежде и теперь.— Сужденіе англійскаго журналиста о германскомъ правительствѣ. — Англійскіе журналы и восточно-азіатскій кризисъ.

Корея, являющаяся яблокомъ раздора между Россіей и Японіей, въ сущности недостаточно извѣстна ни русскимъ, ни японцамъ, и еще менѣе извѣстна Европѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Шарль Гранпре, авторъ статьи «О современной и прежней Кореѣ» въ журналѣ «La Revue». По его словамъ Корея, сдѣлавшаяся автономной послѣ симоносекскаго договора въ 1895 г., далеко опередила Китай, своего бывшаго сюзерена, и быстро усвоила себѣ японскія идеи развитія. Кто бы ни сдѣлался вершителемъ судебъ этой страны, все же несомнѣнно, что начавшаяся въ ней эволюція совершенно уничтожитъ остатки прошлаго, такъ какъ и теперь уже экономическая метаморфоза, которая произошла въ Сеулѣ подъ вліяніемъ соприкосновенія съ духомъ современности, очень значительна и, разумѣется, будетъ все увеличиваться.

Въ еще недавнія времена доступъ на Корейскій полуостровъ былъ закрытъ даже для самыхъ смѣлыхъ авантюристовъ, которые съ трудомъ могли туда проникнуть. Преграды ставило народное суевѣріе и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ какой-нибудь пиратъ или контрабандистъ, потерпѣвшій крушеніе у береговъ Кореи, рѣшался вступить на эту запрещенную территорію. Если онъ попадалъ въ руки корейцевъ, то они предавали его самымъ утонченнымъ истязаніямъ и для того, чтобы вообще предотвратить всякую попытку нашествію чужестранцевъ, корейцы поставили пугало у каждаго горнаго прохода, имѣющее видъ чудовищнаго великана, съ грознымъ лицомъ, громаднѣйшими ушами и въ громаднѣйшей шляпѣ. Эти великаны были стражами дорогъ и корейцы были убѣждены, что никто не посмѣетъ оказать имъ неуваженіе. Кромѣ того на всѣхъ перекресткахъ возвышались святилища и каждый прохожій, проходящій мимо, непремѣнно считалъ своимъ долгомъ принести свою дань духу, отъ котораго зависитъ судьба людей и вещей. Кореецъ, суевѣрный до крайности, вѣчно дрожалъ передъ силами природы. Озера, лѣса, горы—все это, въ его воображеніи, было населено страшными чудовищами, злыми духами, драконами, и всякій, кто осмѣливался дерзко проникнуть въ ихъ убѣжища, неминуемо подвергался страшной опасности.

Суевѣрія очень живучи и хотя проникновеніе въ Корею западныхъ идей и вліяніе японскаго скептицизма нѣсколько пошатнули вѣрованія корейцевъ, но все же пройдетъ еще много времени, прежде чѣмъ рухнутъ эти старыя вѣрованія, подъ которыя, медленно но неизбѣжно, подкапывается прогрессъ со своими желѣзными дорогами, телеграфами, почтовымъ союзомъ, таможеннымъ режимомъ и т. п. Однако кореецъ все еще цѣпляется за свои прежнія традиціи и поэтому контрастъ между стариной и новыми тенденціями особенно поражаетъ въ такихъ городахъ, какъ Чемульпо, гдѣ теперь уже насчитывается 20.000 населенія и притомъ самаго космополитическаго.

Какъ у всѣхъ народовъ, являющихся рабами своихъ предразсудковъ, въ Корѣе существуютъ мѣста и предметы, которые считаются священными и профанація которыхъ требуетъ немедленнаго искупленія. Такъ, напр., корейскій король не смѣлъ прикасаться къ желѣзу и въ началѣ XIX столѣтія одинъ изъ корейскехъ королей согласился лучше умереть, нежели позволить себѣ вскрыть нарывъ ножемъ. Разумѣется, при такихъ условіяхъ колдуны должны играть очень большую роль въ Кореѣ и съ ихъ вліяніемъ бороться необыкновенно трудно.

Кореецъ отъ природы кротокъ и покоренъ судьбѣ и главное необычайно лѣнивъ. Трудъ для корейца—это величайшее изъ несчастій и поэтому онъ всегда старается отъ него отдѣлаться. Всѣ утомительныя, тяжелыя работы кореецъ всегда взваливаетъ на женщину; мужчины же въ Кореѣ считаютъ унизительнымъ для себя работать и ведутъ по возможности самое безпечное существованіе. Женщины заботятся о семьѣ и не жалуясь, исполняютъ всѣ домашнія работы. За ея преданность ей платятъ только презрѣніемъ, какъ мужъ, такъ и всѣ остальные, кто пользуется ея трудомъ. Таковъ обычай и женщина покоряется ему, не протестуя. Въ народныхъ классахъ женщина, безъ исключенія, занимаетъ низкое положеніе и избавляется отъ него только тогда, когда вступаетъ въ ряды проституціи, очень широко развитой въ Кореѣ. Въ высшихъ и зажиточныхъ классахъ женщинѣ все-таки оказывается нѣкоторое уваженіе, но она все же ведетъ уединенную и замкнутую жизнь и никогда не появляется въ обществѣ.

Каждый кореецъ, обладающій честолюбіемъ, непремѣнно, стремится занимать какую-нибудь правительственную должность и взобраться какъ можно выше. Разумѣется, ему надо заплатить за это и такъ какъ, кромѣ того, кореецъ очень тщеславенъ, то получивъ прибыльную должность, онъ начинаетъ широко тратить деньги на свои туалеты, шляпы, платья и т. п. Къ тому же ему приходится содержать и всю свою родню, которая не желаетъ работать, такъ какъ проникнута своею важностью. «Работать—значитъ унизить себя», говоритъ съ достоинствомъ кореецъ.

Столица Кореи—Сеулъ быстро измѣняетъ свой прежній видъ и скоро, вѣроятно, превратится въ современный городъ. Путешественники, пріѣзжающіе въ Сеулъ по желѣзной дорогѣ изъ Чемульпо, находятъ у вокзала электрическіе трамваи, которые доставляютъ ихъ въ городъ или окрестности, на улицахъ уже появляется электрическое освѣщеніе, введены телеграфы и телефоны, устроены банки, школы, издаются газеты и европеизація города совершается довольно быстро. Но внѣшность измѣнить легче, нежели измѣнить идеи; туда реформа проникаетъ труднѣе. Кореецъ не такъ-то легко разстанется съ ними и въ глубинѣ души долго будетъ сохранять свои варварскіе инстинкты. Первобытная Корея постоянно сквозитъ сквозь оболочку современной Кореи. И теперь еще въ Кореѣ не мало найдется политиковъ, проповѣдующихъ возвращеніе къ прежнимъ временамъ, когда ко всѣмъ иностранцамъ въ Кореѣ относились съ непримиримою ненавистью. Многіе даже, пожалуй, мечтаютъ въ глубинѣ своей души о возобновленіи тѣхъ кровавыхъ драмъ, которыя не

прекращались въ XIX вѣкѣ и, несмотря ни на какія морскія демонстраціи европейскихъ государствъ, въ Кореѣ избивали и истязали миссіонеровъ. Тогда Корея всѣми силами противилась цивилизаціи и европейскія государства получали въ отвѣтъ на всѣ свои заявленія презрѣніе и вызовъ. Кореецъ хотѣлъ быть господиномъ у себя дома и безпощадно гналъ пришельцевъ, кто бы они ни были, и даже китайцы не встрѣчали у нихъ пощады; дома и суда ихъ сжигались, а сами они съ трудомъ избѣгали смерти. Таково было положеніе дѣлъ до 1875 года, когда японцы—первые пробили брешь въ корейской стѣнѣ, заставивъ короля въ Сеулѣ подписать торговый договоръ, открывавшій три порта. Въ 1882 г. англичане, американцы и нѣмцы также добились такихъ же уступокъ; очередь же Италіи и Россіи наступила въ 1884 году. Но эти уступки не измѣнили враждебнаго отношенія къ иностранцамъ, которое и теперь еще временами прорывается подъ вліяніемъ наущенія ретроградной партіи. Корея, однако, не въ состояніи противиться чужестранному натиску. У нея нѣтъ арміи, а то войско, которое есть, состоитъ всего лишь изъ нѣсколькихъ тысячъ солдатъ, плохо дисциплинированныхъ, плохо вооруженныхъ и совершенно лишенныхъ мужества. Артиллеріи у нея нѣтъ, флота также. Фактически, послѣ первыхъ же военныхъ операцій, Корея потеряла свою независимость, подобіе которой было ей гарантировано симоноссекскимъ договоромъ. Но теперь и это подобіе должно исчезнуть,—также какъ исчезли драконы и чудовища, защищавшіе проходы въ Кореѣ, исчезла ея неприступность.

«Contemporary Review» печатаетъ статью подъ заглавіемъ: «Личное правительство въ Германіи», въ которой анализируетъ возрастаніе императорскаго авторитета во всѣхъ отдѣлахъ германской національной жизни. Германскій императоръ—говоритъ авторъ статьи,—это единственный настоящій автократъ во всемъ мірѣ. Существуетъ только одна страна, въ которой личное правленіе не является фикціей—это Германія. Тетрархи, диктаторы, феодалы, бароны, императоры и короли въ прежнія времена, безъ сомнѣнія, пользовались большею властью надъ своими подданными, но ни одинъ изъ современныхъ государей не можетъ быть названъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, «господиномъ всего», кромѣ Вильгельма II, который не только законный глава арміи и народа, но и дѣйствительно управляетъ ими. Ни въ одномъ европейскомъ государствѣ контроль надъ государственными дѣлами, какъ внутренними, такъ и внѣшними, не находится до такой степени въ рукахъ одного человѣка, какъ въ Германіи, и ни въ одной странѣ правительство не носитъ столь личнаго характера и правитель не стремится такъ къ абсолютной власти и ко вмѣшательству во всѣ проявленія національной жизни. Не только мельчайшія подробности обмундировки обширной императорской арміи, людей, носящихъ форму включающей собственно армію, флотъ, пожарную команду, полицейскій корпусъ и обширный классъ чиновниковъ,—всѣ пуговки, галуны, жгуты, застежки и т. п. мелочи въ одеждѣ военныхъ и чиновниковъ, все это лично утверждается императоромъ, но даже тонъ, манеры, взгляды на жизнь и даже

вкусы въ этой обширной корпораціи людей болѣе или менѣе выливаются въ такую форму, которая желательна императору и подъ давленіемъ его воли. Даже въ гражданскомъ мірѣ личное правленіе императора даетъ себя чувствовать во всемъ. Императоръ Вильгельмъ возстаетъ противъ импрессіонистской школы въ живописи, противъ тенденцій, выражающихся въ драмахъ Гауптмана, противъ пролетаріанизма Зудермана, противъ «какой-нибудь книги», «какого-нибудь художественнаго произведенія» — и эта книга, это художественное произведеніе подвергаются остракизму. Вильгельмъ II, напримѣръ, высказалъ рѣзкое осужденіе «сецессіонистской школѣ» и сецессіонисты не были допущены въ германскую секцію на выставкѣ въ Сенъ-Луи! Гауптманъ такъ и не получилъ шиллеровской премін, которая была открыто и правильно присуждена ему комитетомъ литературныхъ экспертовъ, и не получилъ потому, что императоръ воспротивился этому. Въ искусствѣ императоръ исключительно покровительствуетъ напыщеннымъ аллегорическимъ изображеніямъ, такому архитектурному стилю, который можетъ быть названъ «гогенцоллернскимъ». Онъ любитъ мраморные монументы съ позолотой, историческія пьесы, напоминающія старинныя мелодрамы, но непремѣнно заканчивающіяся прославленіемъ его знаменитаго дома, затѣмъ книги, восхваляющія дѣянія германцевъ, и какъ въ литературѣ и искусствѣ, такъ и въ наукѣ, философіи, религіи, ассиріологіи и египтологіи, въ механикѣ, физикѣ и химіи. Во всемъ, что касается искусства или «идей», у императора есть свои установившіеся взгляды, которые онъ навязываетъ своему народу. И въ большинствѣ нѣмцы не возражаютъ противъ этого, прибавляетъ авторъ, потому что они любятъ, чтобы ими управляли желѣзнымъ кулакомъ. Примѣръ тому Бисмаркъ! Но зато всякая иниціатива въ германской націи теперь подавлена и результатомъ является полное торжество посредственности. Сильные умы, могучіе таланты, могучія личности, геніи не могутъ существовать рядомъ съ Вильгельмомъ II, который желаетъ быть «всѣмъ» въ своей странѣ и для всѣхъ. Но это неминуемо должно вызвать реакцію и она теперь уже замѣчается въ широкихъ слояхъ германскаго общества, выражаясь протестами въ печати, въ рейхстагѣ и по разнымъ поводамъ.

Англійскіе журналы отводятъ обширное мѣсто восточно-азіатскому вопросу. «Quarterly Review» обсуждаетъ причины быстраго развитія Японіи и превращеніе ея въ современное государство и говоритъ, что, когда деспотическое государство искренно вступаетъ на путь конституціонныхъ реформъ, то оно дѣйствительно начинаетъ работать надъ своимъ возрожденіемъ и въ короткое время закладываетъ основы своего будущаго величія. Лучшимъ примѣромъ этого служитъ переворотъ, который произошелъ въ Японіи и которому она обязана своимъ теперешнимъ превосходствомъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Японія была еще недвижима и прикована къ своимъ стариннымъ учрежде-жденіямъ. Она.вела замкнутую жизнь, не принимая участія въ дѣлахъ міра, и, погруженная въ свое вѣковое оцѣпенѣніе, упорно закрывала свои двери западной цивилизаціи. Европа же, въ своемъ стремленіи къ востоку, протя-

гивала руки къ этой имперіи, также какъ и къ Китаю, желая утвердить свое вліяніе въ обоихъ государствахъ и превратить всѣхъ желтолицыхъ въ своихъ вассаловъ. Но японцы казались болѣе легкою добычей и потому на нихъ были обращены взоры. Однако, разсчеты оказались ошибочными. Японія во время спохватилась и поняла опасность, и, руководимая мудрымъ и мужественнымъ монархомъ, которому помогали умные, искусные и осторожные государственные люди, страна благополучно перенесла одинъ изъ самыхъ опасныхъ кризисовъ, внутреннихъ и внѣшнихъ. Полное превращеніе, которое она испытала, не ослабило пылкости ея патріотическаго атавизма; въ этомъ отношеніи Японія осталась прежней, только теперь она лучше вооружена и защищена противъ какихъ бы то ни было враговъ, благодаря измѣненію своего общественнаго строя и своему культурному развитію во всѣхъ направленіяхъ. Не будь переворота, который совершился въ Японіи, она не была бы такою, чѣмъ она есть теперь и не могла бы претендовать на мѣсто рядомъ съ культурными европейскими державами. Во всякомъ случаѣ мудрость японскихъ государственныхъ дѣятелей, понявшихъ современныя требованія, стоитъ внѣ сомнѣнія.

Арчибальдъ Колкоунъ, въ «North American Review», выражаетъ увѣренность, что такой же переворотъ долженъ въ скоромъ времени совершиться и въ Китаѣ. Англійскій писатель возлагаетъ надежды, въ этомъ отношеніи, на китайскаго генералиссимуса Юанъ-Шикая, главнокомандующаго сѣверною арміей, который работаетъ надъ военною реорганизаціей серединной имперіи, такъ какъ онъ считаетъ ничего не стоющей политику, которая не опирается на силу. Юанъ-Шикай, однако, беретъ своимъ девизомъ: «Китай для китайцевъ», и поэтому не желаетъ, чтобы Китай бросился въ объятія Японіи и Японія могла бы воспользоваться имъ, какъ орудіемъ. Онъ горячій сторонникъ нейтралитета Китая въ теперешней войнѣ, но полагаетъ, что онъ долженъ быть готовъ ко всѣмъ случайностямъ.

«Contemporary Review» находитъ, что возрожденіе востока является однимъ изъ величайшихъ феноменовъ нашей эпохи и нѣтъ ни одного явленія, значеніе котораго было бы такъ велико. Когда Китай подвергнется тому же вліянію, которое пробудило Японію, и когда это же самое вліяніе современнаго прогресса проникнетъ въ Тибетъ и въ Персію, то міръ увидитъ возвращеніе человѣчества къ его древнимъ плодотворнымъ источникамъ и снова оправдается изреченіе «Ex Oriente lux». Въ эволюціи народовъ выступаютъ новые элементы и теперь надлежитъ обратить взоры на далекій востокъ. Столкновеніе Японіи и Россіи, по мнѣнію автора статьи, не было случайнымъ; оно входитъ въ судьбы націй. Походъ англичанъ въ Тибетъ также доказываетъ, что центръ дѣйствій космической драмы XX вѣка находится на берегахъ Тихаго океана. Каковы же будутъ результаты этого? Быть можетъ, западъ извлечетъ изъ этого полезный урокъ, результатомъ этого будетъ подъемъ цивилизаціи, изъ котораго извлекутъ пользу какъ желтая, такъ и бѣлая раса, когда возстановится спокойствіе. Вступленіе Японіи въ международный концертъ вообще, по мнѣнію автора, представляетъ благопріятный фактъ и можетъ пробудить

Европу отъ летаргіи, въ которой она пребывала до сихъ поръ, занимаясь исключительно только безплодными комбинаціями на шахматной доскѣ дипломатіи.

ШВЕЙЦАРСКАЯ ПРЕССА.

Двѣ особенности характеризуютъ швейцарскую прессу. Во-первыхъ, по числу періодическихъ изданій, приходящихся на каждаго жителя, Швецарія превосходитъ всѣ европейскія страны. Во вторыхъ, свобода швейцарской конституціи не въ меньшей мѣрѣ распространяется на прессу, чѣмъ на другія стороны государственной жизни.

Эта свобода прессы, оказавшая уже множество важныхъ услугъ обществу, далась, разумѣется, лишь послѣ долгой борьбы съ рутинными воззрѣніями, полагавшими истинный патріотизмъ въ замалчиваніи вопіющихъ неустройствъ и несправедливостей, въ восхваленіи сентиментальной филантропіи и сладостномъ превозношеніи національныхъ особенностей.

Еще въ концѣ XVIII-го вѣка общественное мнѣніе спало, слѣпо предоставивъ всѣ рѣшенія внутренней и внѣшней жизни маленькой кучкѣ заправилъ изъ аристократическихъ фамилій, стоявшихъ во главѣ кантоновъ; цензура была поэтому доведена до виртуозности. Правда, уже и тогда поднимались отдѣльные голоса противъ духовнаго порабощенія. Такъ въ 1765 году Лафатеръ и Песталоцци писали въ основанной ими газетѣ, что если въ государствѣ нѣтъ свободы слова, то всѣ восхваленія такого отечества суть пустые звуки. «Швейцарская цензура,—жаловался одинъ свободомыслящій пасторъ,—хуже испанской инквизиціи». Немудрено поэтому, что газеты, большинство которыхъ появлялось разъ въ недѣлю, принуждены были ограничиваться выписками изъ иностранныхъ газетъ, внутренняя жизнь не могла находить въ нихъ отклика и слабо давала о себѣ знать лишь въ журналахъ.

Но вотъ подъ вліяніемъ французской революціи комплексъ швейцарскихъ кантоновъ преобразовывается въ единую гельветическую республику съ равенствомъ всѣхъ гражданъ, пресса получаетъ возможность вздохнуть полной грудью; однако, не надолго. Семь мѣсяцевъ спустя, вслѣдствіе начавшейся во Франціи реакціи, появляется и въ Швейцаріи декретъ, ставящій снова всѣ печатныя произведенія подъ надзоръ полиціи. Вторая гельветическая конституція, составленная въ 1802 году, уже ни однимъ словомъ не касается свободы прессы, точно также, какъ и послѣдовавшій въ 1803 году актъ посредничества. Цензура снова поднимаетъ голову, и если отдѣльные кантоны дѣлаютъ попытку ее ослабить, то союзный совѣтъ тотчасъ напоминаетъ имъ о полицейскихъ обязанностяхъ.

Тѣмъ не менѣе отдѣльные голоса, главнымъ образомъ принадлежащіе поселившимся въ Швейцаріи чужеземнымъ эмигрантамъ, все чаще начинаютъ прорывать цензурную броню; это даетъ великимъ державамъ поводъ протестовать противъ свободнаго обсужденія ихъ дѣлъ швейцарской прессой и требовать

заключенія conclusum'а въ 1823 году; этотъ актъ предписываетъ кантонамъ «воспрещать въ газетахъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ все, что можетъ нарушить должное уваженіе къ державамъ, находящимся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Швейцаріей, и не допускать того, чтобы на союзной территоріи жили лица, совершившія въ своемъ отечествѣ преступленія противъ общественнаго спокойствія». Conclusum возобновлялся затѣмъ каждый годъ до 1829.

Несмотря на рутинные наносы, ключъ общественнаго самосознанія выбивается-таки на Божій свѣтъ и въ конституцію 33-го года вводится параграфъ, отнимающій у союзнаго совѣта право уменьшать свободу прессы, принятую отдѣльными кантонами, и возобновлять общую для всей Швейцаріи цензуру. Ростки прессы, попавъ теперь на благопріятную почву свободы, развиваются въ пышные цвѣты. Борцы за соціальныя идеи, главнымъ образомъ эмигранты, талантливо трактуютъ о множествѣ насущныхъ вопросовъ. Противорѣчіе между церковью и школой, между принципомъ свободной торговли и запретительными пошлинами, между федерализмомъ и централизмомъ обсуждаются на всѣ лады; горячей полемикой люди, ставящіе цѣлью своей жизни борьбу за убѣжденіе, добиваются конституціи 1848 года, въ силу которой слабый союзъ кантоновъ окончательно превращается въ самое свободное въ Европѣ кантональное государство, а пресса становится уже подъ защиту всего союза; послѣдній получаетъ теперь власть карать попытки кантоновъ уменьшить свободу печатнаго обмѣна мыслей. Параграфъ, заключающій это рѣшеніе, вводится затѣмъ въ конституцію 1874 года, существующую, за исключеніемъ немногихъ поправокъ, до настоящаго времени.

Пресса получила возможность развиваться безпрепятственно, и, дѣйствительно, со второй половины XIX-го вѣка число періодическихъ изданій увеличивается чрезвычайно быстро.

Если въ 1856 году насчитывалось 256 газетъ и журналовъ,
то въ 1871 » ихъ имѣется уже 402
» 1885 » » » » 643
» 1895 » » » » болѣе тысячи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ чистаго орудія борьбы пресса превращается постепенно въ орудіе наживы; печатныя предпріятія становятся крупнѣе, ставятся на комерческую ногу и все болѣе заботятся о количествѣ прибыльныхъ объявленій.

Въ шестидесятыхъ годахъ снова наступаетъ подъемъ духа протеста, политики и идейные публицисты опять съ жаромъ хватаются за перо, чтобъ отстаивать чистую демократію и требовать пересмотра конституціи, чего они и добиваются въ 1874 году, который даетъ Швейцаріи непосредственное народное правительство посредствомъ періодическихъ народныхъ голосованій. Это поставило ее во главѣ цивилизованныхъ странъ и этимъ она обязана свободѣ ея печати.

Съ тѣхъ поръ швейцарскіе публицисты и журналисты не выказываютъ болѣе подобной энергіи; они ограничиваются покойнымъ обсужденіемъ внѣш-

нихъ и внутреннихъ дѣлъ, не задаваясь большими начинаніями. Кромѣ того, жизнь Швейцаріи, несмотря на ея передовую конституцію, продолжаетъ носить крестьянски-мѣщанскій характеръ наивнаго любованія самимъ собой. Каждый швейцарецъ непремѣнно членъ какого-нибудь общества и не только съ цѣлью практической, но также и съ цѣлью пріятнаго время провожденія; на долю послѣднихъ обществъ приходится 265 *) для одного Цюриха, имѣющаго въ настоящее время 162.000 жителей; въ это число 265 входятъ общества драматическія, пѣвческія, музыкальныя, гимнастическія, стрѣлковыя, спортовыя и просто «общества пріятнаго времяпровожденія». Всѣ эти пѣвцы, музыканты, стрѣлки и т. д. добросовѣстно занимаются въ свободные вечерніе или воскресные часы своимъ диллентантизмомъ, въ потѣ лица разучиваютъ «Stücke» и «Kunststucke», чтобы потомъ блеснуть передъ публикой. Для послѣдней цѣли каждый ферейнъ устраиваетъ одинъ, два, даже три раза въ годъ празднество, объявленія о которомъ печатаются передъ тѣмъ во всѣхъ распространенныхъ въ народѣ газетахъ; въ Цюрихѣ, напр., по воскресеньямъ имѣется сплошь да рядомъ пять, шесть такихъ празднествъ и всѣ они находятъ изрядное количество слушателей и зрителей. Потрудившись для своего и общаго удовольствія швейцарецъ находитъ само собою разумѣющимся, чтобъ его за это хвалили, чтобъ вѣсть объ его искусствѣ распространилась елико возможно дальше. Кто же можетъ все это выполнить, какъ не газеты? И дѣйствительно, частью изъ-за угожденія абонентамъ, частью потому, что редакторы и издатели сами въ душѣ завзятые швейцарцы и прекрасно понимаютъ психологію диллетанствующихъ согражданъ, они наполняютъ цѣлые газетные столбцы описаніями «празднествъ», которымъ расточаются велерѣчивыя похвалы; и только болѣе элегантные, болѣе идейные листки пытаются критиковать «исполненіе» и ратуютъ противъ разбрасыванія здоровья и силъ при выпиваніи огромныхъ количествъ пива, что неизбѣжно практикуется на каждомъ «празднествѣ»; лишь меньшинство передовыхъ газетъ избѣгаютъ вообще дискутировать на эту тему, оставляя вовсе безъ вниманія эти маленькія явленія внутренней жизни. Не мало мѣста въ періодической печати занимаютъ также восхваленія всего швейцарскаго, начиная свободой, Альпами и кончая... овощами, скотомъ и непритязательностью швейцарцевъ на комфортъ. Проповѣдуемое самолюбованіе убаюкиваетъ флегматичнаго грубоватаго жителя горъ и внушаетъ ему почти презрительное, по меньшей мѣрѣ ироническое отношеніе ко всему не швейцарскому, а прессѣ придаетъ чисто мѣстный мелкій характеръ. Разумѣется, сказанное не надо примѣнять абсолютно ко всѣмъ печатнымъ произведеніямъ.

По содержанію швейцарскія періодическія изданія раздѣляются на:

политическія	381
правительственныя	76
спеціальныя для какого-либо ремесла или призванія	336
религіозныя и для домашняго чтенія	178
указатели для иностранцевъ	34

*) Всѣхъ обществъ въ Цюрихѣ показано 841 для 1903 года.

Изъ нихъ $^{2}/_{3}$ ведутся на нѣмецкомъ, 30%—на французскомъ, 2,8%—на итальянскомъ, остальныя—на романскомъ и другихъ языкахъ.

По количеству періодическихъ изданій, Швейцарія, какъ замѣчено выше, является первой страной въ Европѣ. Одно періодическое изданіе приходится:

Въ	Швейцаріи на	3.000	жителей
»	Германіи »	4.700	»
»	Нидерландахъ на	5.000	»
»	Франціи на	6.300	»
»	Англіи »	7.800	»
»	Австріи »	10.000	»
»	Италіи »	12.000	»
»	Россіи »	100.000	»

Въ соотвѣтствіи съ большимъ количествомъ газетъ въ Швейцаріи стоитъ ихъ малое число абонентовъ; лишь немногія могутъ похвалиться числомъ подписчиковъ выше 10.000, несмотря на то, что большая половина періодическихъ изданій стоитъ менѣе 5 франковъ въ годъ.

Кто же участвуетъ въ Швейцаріи въ составленіи многообразнаго матеріала для чтенія? Года три тому назадъ былъ сдѣланъ запросъ у редакторовъ ежедневныхъ газетъ объ ихъ предварительномъ образованіи; оказалось, что 29 изъ нихъ—юристы, 21—философы, филологи и историки, 19—учителя, 11—богословы, 3—чиновники, 4—коммерсанты, 1—медикъ; 27—назвались «журналистами-спеціалистами», по крайней мѣрѣ съ нѣкоторымъ высшимъ образованіемъ.

Какъ видно, преобладаетъ элементъ педагогическій и юридическій; въ общемъ, большинство редакторовъ, прежде чѣмъ стать таковыми, занимаются какой-нибудь другой спеціальностью, и если подобные элементы не обладаютъ достаточной техникой, необходимой для журналиста, то у нихъ имѣется большой запасъ впечатлѣній и опытовъ изъ ихъ прежнихъ спеціальностей; это придаетъ публицистическимъ работамъ силу и яркость и держитъ ихъ въ болѣе тѣсномъ общеніи съ практической жизнью. Редакціонную тактику изучаютъ редакторы уже тогда, когда вся редакціонная отвѣтственность падаетъ на нихъ. Въ большинствѣ случаевъ редакторству все-таки предшествуетъ репортерство или подобное занятіе.

Все болѣе чувствуется необходимость спеціальнаго техническаго образованія для журналистовъ. «Общество швейцарской прессы» сдѣлало поэтому запросъ у университетовъ, не найдутъ ли они возможнымъ ввести журналистику въ учебный планъ. Хотя совѣты и отказали въ учрежденіи особыхъ каѳедръ, но нашли возможнымъ и желательнымъ ввести лекціи по исторіи и техникѣ прессы, а также практическія редакціонныя и техническія упражненія (семинаріи). Съ 1902 года подобныя лекціи ведутся уже въ Бернѣ, а съ 1903 г. въ Цюрихѣ.

Журнализмъ въ Швейцаріи имѣетъ за собой короткій, но немаловажный періодъ развитія. Вмѣстѣ съ расширеніемъ газетнаго дѣла увеличивается самосознаніе журналистовъ. «Газетные писаки», какъ ихъ презрительно называли всего нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, научаются теперь бороться съ неуваженіемъ къ прессѣ и непониманіемъ ея задачъ; они привыкаютъ употреблять свою власть, не злоупотребляя ею. Насколько уваженіе къ нимъ увеличилось въ народѣ, видно изъ того, что въ послѣднее время не рѣдкость избраніе работниковъ печатнаго слова для высшихъ должностей; въ кантональныхъ и городскихъ парламентахъ засѣдаетъ теперь постоянно нѣсколько журналистовъ, хотя, однако, и не въ такомъ большомъ количествѣ, какъ это имѣетъ мѣсто во Франціи; также и въ арміи занимаютъ они часто выдающіеся отвѣтственные посты. Соціальное положеніе работниковъ, безъ сомнѣнія, еще улучшится, если ихъ духовный уровень поднимется хорошей спеціальной подготовкой и увеличеніемъ сознанія собственнаго достоинства. «Журналистъ долженъ быть гордъ», замѣтилъ одинъ изъ редакторовъ, много способствовавшій честностью и тактомъ поднятію престижа швейцарской прессы. Надъ этимъ же продолжаютъ въ настоящее время работать организаціи журналистовъ; онѣ стремятся устранять изъ своей среды неподходящіе сомнительные элементы, усиливать чувство солидарности въ коллегахъ, улучшать ихъ соціальное положеніе и обезпечивать ихъ на случай болѣзни или старости; послѣдній пунктъ является, однако, пока очень слабымъ и работа для его укрѣпленія едва началась. Швейцарскіе журналисты надѣются всего это достигнуть не путемъ государственной регламентаціи или принужденія, но путемъ свободы, которая есть и остается жизненнымъ элементомъ прессы.

Е. Г.

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

I.

Физическая географія и физика.

О явленіяхъ усыханія въ Старомъ Свѣтѣ. Въ этомъ году въ королевскомъ лондонскомъ географическомъ обществѣ князь *П. Кропоткинъ* сдѣлалъ сообщеніе о характерномъ для современной геологической эпохи постепенномъ усыханіи сѣверной части Европы и Азіи и центральной, наиболѣе высокой части послѣдней. Въ виду громадной важности этого вопроса, мы подробно изложимъ это сообщеніе нашего знаменитаго соотечественника.

Новѣйшія изслѣдованія центральной Азіи доставили массу матеріаловъ для доказательства того, что эта обширная область уже на зарѣ исторіи начала усыхать. Постепенно, годъ за годомъ росли, и ширились пустыни и теперь только вблизи горъ, на вершинахъ которыхъ собираются атмосферные осадки, возможна еще жизнь и земледѣліе и то при помощи искусственнаго орошенія. Доказательства и слѣды этого усыханія въ изобиліи встрѣчаются во всей центральной Азіи. Не только у подножія горъ, окружающихъ восточный Туркестанъ, но даже въ самомъ центрѣ песчаной пустыни Такла-Маканъ *), Свенъ-Games Гединъ открылъ развалины многихъ мѣстечекъ и монастырей, а также слѣды орошавшихся когда то полей. Далѣе, къ востоку изысканія, сдѣланныя въ бассейнѣ Лобъ-Нора, показываютъ, что въ эпоху, не очень далекую отъ насъ, вся трехугольная впадина, ограниченная Таримомъ на западѣ, высохшимъ русломъ рѣки Конха на сѣверѣ и южнымъ берегомъ озера Кара-Кошунъ-Куль на югѣ,—въ настоящее время несомнѣнная пустыня,—когда-то была занята громаднымъ озеромъ—Лобъ-Норъ, которое въ слѣдующую затѣмъ эпоху, какъ то упоминаютъ китайскіе историки, раздѣлилось на нѣсколько маленькихъ озеръ; оз. Кара-Кошунъ-Куль единственное изъ нихъ, сохранившееся до нашего времени.

Въ области къ югу отъ восточнаго Тянь-Шаня, считая здѣсь и Лукчун-

---

*) Песчаная пустыня *Такла-Маканъ* занимаетъ внутреннюю часть Восточнаго Туркестана; съ юга на сѣверъ пустыню пересѣкаетъ р. Хотинъ-Дарья и въ ней теряются рѣчки, сбѣгающія съ сѣвернаго склона Кунь-Луня; кромѣ долинъ этихъ рѣчекъ вся остальная пустыня покрыта переносными песками и совершенно лишена всякихъ слѣдовъ органической жизни.

скую впадину *) и дальше—равнины Джунгаріи, лежали когда-то населенныя мѣстечки и деревни. Тоже можно сказать и про обширныя пространства пустыни Гоби и о большей части нижней террасы высокаго плато восточной Азіи. Кропоткинъ утверждаетъ, что даже въ историческую эпоху восточный Туркестанъ и центральная Монголія не были такими пустынями, какъ нынѣ, что тамъ жило населеніе съ довольно высокой культурой. Быстрое усыханіе этихъ областей принудило жителей направиться къ Джунгаріи, къ низинамъ Балкаша и Оби и вытѣснить оттуда аборигеновъ. Вотъ чѣмъ могли быть обусловлены знаменитыя переселенія народовъ Азіи и проникновеніе ихъ въ Европу въ первые вѣка нашей эры.

Аральское озеро и Каспійское море являются остатками громаднаго моря, занимавшаго когда-то теперешнія тюркменскія пустыни. Указанія древнихъ греческихъ и арабскихъ географовъ (собранныя профессоромъ Оскаромъ Ленцомъ для русскаго географическаго общества) не оставляютъ никакого сомнѣнія, что двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, можетъ быть даже нѣсколько больше, Аму-Дарья вливалась прямо въ Каспійское море; работы русскихъ географовъ установили, что причиной этого было не большее протяженіе Аму-Дарьи на западъ, а, наоборотъ, распространеніе нынѣшняго Каспійскаго моря на востокъ, причемъ оно сливалось съ Аральскимъ озеромъ, простиралось дальше до Перовска (65° 30′ восточн. долг.) и принимало въ себя на югѣ Аму-Дарью.

Эти явленія усыханія обнаружены не только въ центральной Азіи, не имѣющей стока въ океанъ; ясные слѣды усыханія констатированы также и на югѣ Западной Сибири, гдѣ усыхаетъ, напримѣръ, цѣлая группа озеръ—Чаны, Абышканъ и Сумы. Существуютъ описанія и планы этихъ озеръ отъ 1786 г., отъ 1813—1824 г., отъ 1850—1860 и отъ 1880 г. *Ядринцевъ* опубликовалъ эти документы. Оказывается, что за истекшее XIX-ое столѣтіе озеро Чаны значительно уменьшилось и въ скоромъ времени, вѣроятно, произойдетъ раздѣленіе его на два озера; озера же Сумы, Молоки и Абышканъ за 30 лѣтъ—съ 1850 до 1880 г.—превратились въ пруды. Еще въ 1820 г. общая поверхность всѣхъ этихъ озеръ (Чаны, Сумы, Молоки, Абышканъ) равнялась 8 квадратнымъ верстамъ, а въ 1880 г. уже всего 3 кв. вер. Болѣе 10 деревень расположено теперь по берегамъ озерамъ Чаны, въ мѣстахъ, которыя еще въ началѣ XIX вѣка находились подъ водою; насчитываютъ 8 деревень, лежащихъ на старомъ днѣ озеръ Молоки и Абышкана. Впрочемъ, за послѣднее время эти озера снова увеличили нѣсколько свою площадь, но все же имъ далеко до тѣхъ размѣровъ, которые они имѣли въ XVIII вѣкѣ. Такое

*) Лукчунская впадина занимаетъ всю южную часть Туржанскаго округа Восточнаго Туркестана; въ наиболѣе глубокой части ея находится небольшое горько-соленое озеро, окруженное солончаками; солончаки, въ свою очередь окружены песками и солонцеватыми глинисто-песчаными почвами; въ этой полосѣ лежитъ нѣсколько оазисовъ, а за ними идетъ полоса галечно-щебневой пустыни. Лукчунская впадина открыта въ 1889 и 1890 г. экспедиціями братьевъ Грумъ-Гржимайло и Пѣвцова и составляетъ, по мнѣнію Гр. Грумъ-Гржимайло, западный конецъ большой Притяньшаньской впадины.

же явленіе констатировано и по отношенія къ Аральскому озеру, уровень котораго поднялся больше чѣмъ на метръ въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати, необычайно дождливыхъ годовъ. Но усыханіе не ограничивается только указанными частями Азіи; имѣются многочисленныя доказательства, что и въ Европейской Россіи обширныя пространства, покрытыя когда то озерами и болотами, теперь совершенно высохли. Такъ, татары въ 1238 г., при нашествіи на Россію, не могли добраться на своихъ лошадяхъ до Новгорода, такъ какъ онъ былъ окруженъ непроходимыми болотами, доступными только зимой. Повышеніе уровня материка въ среднимъ на 5 метровъ, происшедшее за 660 лѣтъ, истекшихъ со времени этого монгольскаго нашествія, и улучшеніе дренажа озерной Новгородской области, производившагося сначалѣ только рѣками, привело къ тому, что значительная часть болотъ данной мѣстности теперь высохла.

То же можно сказать и про всю сѣверную Россію. Многіе историческіе документы указываютъ, что семь, восемь столѣтій тому назадъ въ сѣверной и центральной Россіи было несравненно больше озеръ и болотъ, чѣмъ нынѣ. Прогрессивное усыханіе болотъ, озеръ и рѣкъ въ центральной и юго-западной полосѣ европейской Россіи упоминается повсюду въ теченіе XVII, XVIII и XIX столѣтій. Обыкновенно приписывали это явленіе уничтоженію лѣсовъ. Кропоткинъ не отрицаетъ, что обезлѣсеніе оказываетъ здѣсь нѣкоторое вліяніе, значительно уменьшая количество влаги, задерживаемой въ почвѣ послѣ таянія снѣговъ, но, напримѣръ, по отношенію къ Волгѣ онъ присоединяется къ выводамъ Богуславскаго, который при помощи плювіометрическихъ исчисленій доказалъ, что даже такое грандіозное обезлѣсеніе, которому подверглась Россія за послѣдніе два вѣка, все же *одно*, само по себѣ не можетъ объяснить значительнаго уменьшенія количества несомой Волгой воды, констатированнаго въ теченіе XIX вѣка.

Кропоткинъ полагаетъ, что эта работа усыханія есть только одна изъ фазъ болѣе общаго явленія—совершающагося усыханія всего сѣвернаго полушарія, явленія не временнаго физико-географическаго, а чисто геологическаго порядка, такъ какъ оно стоитъ въ прямой непосредственной зависимости отъ предшествующей геологической эпохи—ледниковаго періода.

Геологическія изслѣдованія послѣднихъ 50 лѣтъ установили, что въ теченіе этого ледниковаго періода значительныя части Европы и Азіи были покрыты мощнымъ слоемъ льда. Въ Европѣ южной общей границей этого ледяного покрова являлась приблизительно 50-ая параллель, но южнѣе ея, въ юго-западномъ направленіи, выдавались длинными языками ледники Днѣпра и Дона, простиравшіеся до 47—48 градуса сѣверной широты. Французское центральное плато и Вогезы также находились подъ толстымъ покровомъ льда, то же было и въ сѣверной части Уральскаго хребта, Тяньшаня и Алтая, въ значительной части большого плато восточной Азіи, равно какъ и въ области къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ Байкальскаго озера и т. д. Можно утверждать даже, что большія пространства Тибета, лежащія нынѣ на высотѣ отъ 3.000 до 5.000 метровъ надъ уровнемъ океана, были также погребены подо льдомъ, а менѣе

высокія области Восточнаго Туркестана и Монголіи были заняты громадными внутренними озерами, получавшими воды съ гигантскихъ ледниковъ сосѣднихъ горъ и съ высокаго плато до тѣхъ поръ, пока эти воды не нашли пути черезъ ущелья южно-восточнаго Тибета къ болѣе низкимъ уровнямъ. Также достовѣрно, что въ концѣ ледниковаго періода, непосредственно послѣ отступанія ледниковъ, всѣ части Европы, имѣющія въ настоящее время менѣе 90 метровъ высоты и многія части Азіи были подъ водой. Финляндскій заливъ сливался съ Ладожскимъ озеромъ и былъ отдѣленъ только узкой полосой земли отъ Сѣверно-Ледовитаго океана, который простирался до Вычегды и верховьевъ нынѣшней Печоры. Въ Западной Сибири широкій заливъ Сѣверно-Ледовитаго океана достигалъ почти до линіи теперешней сибирской желѣзной дороги (50°); съ другой стороны нахожденіе въ арктическихъ земляхъ ископаемыхъ моллюсковъ, подобныхъ тѣмъ, которые еще и въ настоящее время живутъ въ Каспійскомъ морѣ, указываетъ, что въ теченіе послѣледниковаго періода Каспійское море сливалось съ нынѣшнимъ Аральскомъ озеромъ и захватывало еще значительную часть теперешней закаспійской области; оно покрывало также степи нижняго теченія Волги, а заливъ этого громаднаго моря простирался къ сѣверу до Казани и Камы.

Когда ледники, покрывавшіе восточную Азію, начали таять, то громадныя массы воды потекли къ югу, затопляя лѣтомъ громадные участки суши и оставляя на ея поверхности мощныя отложенія топкаго ила, на которыхъ появились сначала тундры, затѣмъ луга или «урманы»—болотистые лѣса съ разсѣянными въ нихъ безчисленными озерами и озерками; эти «урманы» встрѣчаются еще и нынѣ въ Западной Сибири. Въ самой же почвѣ, занятой ледникомъ, образовались громадныя озера, служившія резервуарами для водъ, текущихъ въ океанъ. Это—послѣледниковый періодъ, «періодъ большихъ озеръ».

Современныя озера Финляндіи были въ этотъ періодъ однимъ громаднымъ озеромъ съ безчисленными островами; на сѣверѣ Россіи—въ бассейнѣ нынѣшней Онеги, на Валдайскомъ плоскогоріи, въ мезенскихъ тундрахъ, въ областяхъ Печоры и Олонецкой, въ болотистыхъ земляхъ Припети и Березины, въ бассейнѣ верховьевъ Волги, Ветлуги, низовьевъ Камы и т. д. безчисленныя маленькія озера съ низкими и болотистыми берегами являются только наиболѣе глубокими частями относительно недавно (въ геологическомъ смыслѣ) существовавшаго здѣсь громаднаго озера.

Также и въ центральной Азіи встрѣчаются области, указывающія на недавнее существованіе въ нихъ большихъ озеръ; это—озерная область Тибета, обширныя болота Цайдама, Лобнорская котловина и двѣ впадины китайскаго Туркестана, тянущіяся въ Ахтынъ-Тарѣ и въ Ектачъ-Ахтаѣ, и много друг.

Если мы вспомнимъ, что потоки воды, несущіеся изъ озеръ, все болѣе и болѣе углубляютъ свои русла, что все усиливающійся дренажъ почвы все болѣе осушаетъ окрестности этихъ озеръ, что сѣверные берега Европы и Сибири поднимаются приблизительно отъ 0,3 до 1 метра въ столѣтіе, то найдемъ достаточныя причины для объясненія прогрессивнаго и быстраго усыханія всѣхъ упомянутыхъ нами выше мѣстностей. Не только уменьшается поверхность

озеръ, но они съуживаются и цѣлая цѣпь озеръ превращается въ рѣку *). Долины Иркута, Баргузина, Мійи, Джиды—это части высохшихъ озеръ. Вообще, по мнѣнію Кропоткина, сравнительное изученіе топографическихъ и геологическихъ картъ съ неопровержимостью указываетъ на постепенное усыханіе и превращеніе озеръ въ болота, а болотъ въ луга, затопляемыя болѣе или менѣе періодически.

Мы живемъ, говоритъ нашъ знаменитый географъ, въ *геологическую* эпоху, для которой явленія усыханія также характерны, какъ для предшествующей геологической эпохи—ледниковаго періода—было характерно продолжительное накопленіе влаги, явившееся слѣдствіемъ пониженія температуры, въ эпоху, когда и испареніе было меньше и избытокъ влаги превращался въ ледъ. Причиной же пониженія температуры въ ледниковую эпоху можно считать, согласно гипотезѣ шведскаго физика Арреніуса, избытокъ въ атмосферѣ углекислоты, образовавшійся благодаря грандіознымъ вулканическимъ изверженіямъ предшествующаго періода.

Такимъ образомъ, усыханіе, наблюдаемое нынѣ во многихъ областяхъ Сѣвернаго полушарія, Кропоткинъ считаетъ явленіемъ *геологическимъ*, независимымъ отъ человѣческой воли и дѣятельности, съ которымъ можемъ бороться съ нимъ только въ извѣстныхъ предѣлахъ, предпринимая мѣры, ослабляющія развитіе этого усыханія, таковы: облѣсеніе и артезіанскіе колодцы.

Здѣсь интересно будетъ замѣтить, что явленія усыханія констатированы не только въ Азіи и Европѣ, но и въ Африкѣ. Такъ, по свѣдѣніямъ Готскаго географическаго журнала, озеро *Ширва*, лежавшее на ЮВ. отъ озера Ньясса, исчезло совершенно. Озеро это, открытое въ 1859 г. Левингстономъ, было изображено на картахъ, какъ овальная линза въ 48 километровъ длиною и отъ 16 до 24 километровъ въ ширину; теперь отъ него осталось только нѣсколько маленькихъ прудовъ. Озеро Ньями, открытое тѣмъ же Левингстономъ, также съ тѣхъ поръ исчезло. Эти измѣненія, вѣроятно, стоятъ въ зависимости отъ общаго постепеннаго усыханія центральной Африки, но, конечно, для окончательнаго рѣшенія этого вопроса необходимы дальнѣйшія болѣе детальныя изслѣдованія Африки.

О физическихъ и химическихъ измѣненіяхъ, происходящихъ въ твердыхъ тѣлахъ подъ вліяніемъ высокихъ давленій. Спрингъ, давно уже изучаетъ вліяніе высокихъ давленій на твердыя тѣла. Здѣсь мы сообщимъ результаты послѣднихъ его работъ въ этой области. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ *Кальбаумъ* указалъ на тотъ, парадоксальный на первый взглядъ, фактъ, что нѣкоторыя металлическія тѣла, подверженныя высокимъ давленіямъ и затѣмъ снова приведенныя въ обыкновенныя условія, обнаруживаютъ значительное уменьшеніе плотности, притомъ уменьшеніе, остающееся навсегда. Изученіемъ этого свойства металлическихъ тѣлъ и занялся Спрингъ. Онъ поставилъ опыты со свинцомъ, оловомъ, кадміемъ, серебромъ и висмутомъ;

*) Эту теорію образованія рѣкъ сѣверной Россіи изъ озеръ съ особеннымъ успѣхомъ развивалъ покойный профессоръ В. В. Докучаевъ.

Кальбаумъ же производилъ упомянутые выше опыты съ мѣдью, свинцомъ, кадміемъ, цинкомъ, сурьмою, золотомъ и серебромъ. Для всѣхъ этихъ металловъ, за исключеніемъ висмута, было замѣчено, что сильныя давленія, влекущія за собою деформаціи (измѣненія формы), вызываютъ по окончаніи опыта довольно значительное (для иныхъ металловъ до 2%) уменьшеніе плотности. Интересно отмѣтить здѣсь странное совпаденіе: изъ всѣхъ перечисленныхъ выше металловъ только висмутъ обнаруживаетъ въ моментъ своего плавленія уменьшеніе своего объема, всѣ остальные въ этотъ моментъ, наоборотъ, расширяются. Если обобщить это, то можно сказать, что металлы подъ вліяніемъ высокихъ давленій, способныхъ производить въ нихъ деформаціи, обнаруживаютъ такія же измѣненія плотности, какія происходятъ при переходѣ этихъ металловъ въ жидкое состояніе, благодаря соотвѣтственному повышенію температуры, но при обыкновенномъ давленіи.

Спрингъ полагаетъ, что истинно твердое состояніе не совмѣстимо съ значительными измѣненіями формы. Если на такое истинно твердое тѣло дѣйствуетъ какая-нибудь внѣшняя механическая сила и если послѣдняя превосходитъ сопротивленіе, встрѣчаемое въ этомъ тѣлѣ, то вызванная деформація вызываетъ, въ свою очередь, измѣненіе молекулярной структуры этого тѣла; вещество, вынужденное либо течь, либо ломаться, переходитъ въ состояніе, соотвѣтствующее подвижности. Это объясненіе становится болѣе яснымъ, если его дополнить выводами бывшаго дерптскаго, а нынѣ гёттингенскаго проф. *Таммана*, Тамманъ не признаетъ особаго жидкаго состоянія матеріи, а только *аморфное* *) и *кристаллическое*. Аморфнымъ можетъ быть и жидкое, и по внѣшнимъ признакамъ твердое тѣло, но истинно твердымъ тѣломъ является только кристаллическое. Кристаллическое состояніе даннаго вещества имѣетъ при незначительныхъ давленіяхъ наибольшую плотность,—но такъ какъ въ то же время кристаллическое вещество является и наименѣе сжимаемымъ, то оно можетъ при очень большихъ давленіяхъ стать менѣе плотнымъ, чѣмъ то же вещество въ аморфномъ состояніи. Такимъ образомъ, кристаллическое тѣло, подверженное высокому давленію, будетъ вообще имѣть тенденцію перейти въ аморфное состояніе, въ которомъ оно и останется, если это высокое давленіе быстро падетъ. Такъ объясняются факты, наблюдаемые Кальбаумомъ и Спрингомъ.

Въ послѣдней своей работѣ Спрингъ изучалъ тѣ химическія измѣненія, которыя происходятъ подъ вліяніемъ высокихъ давленій въ сложныхъ химическихъ соединеніяхъ, находящихся въ твердомъ состояніи. Исходя изъ приведенныхъ выше фактовъ и соображеній, Спрингъ пришелъ къ слѣдующей мысли. Если сложную соль, состоящую изъ двухъ веществъ—одного твердаго при обыкновенныхъ условіяхъ, другого жидкаго, подвергнуть давленію или истиранію, достаточно сильному для того, чтобы первая—твердая составная

---

*) *Аморфнымъ* называется вещество, котораго свойства по всѣмъ направленіямъ одинаковы; такъ, напримѣръ, аморфными будутъ жидкости, а изъ твердыхъ тѣлъ—стёкла, опалъ, нѣкоторыя вещества въ сплавленномъ состояніи, многія смолы и т. д. *Кристаллическимъ* называется твердое вещество, свойства котораго вокругъ каждой данной точки его измѣняться одинаковымъ образомъ; иначе—свойства котораго одинаковы въ параллельныхъ линіяхъ.

часть пришла въ состояніе истеченія, то можно достигнуть частичнаго, по крайней мѣрѣ, разложенія этой соли.

Для повѣрки этого предположенія Спрингъ поставилъ опыты съ кислыми сѣрнокислыми солями щелочныхъ металловъ. Соли литія и натрія, дѣйствительно, подверглись частичному разложенію, выдѣляя при этомъ сѣрную кислоту и образуя, взамѣнъ этого, нѣкоторое количество средней соли сѣрной кислоты. Это разложеніе для литійной соли шло при обыкновенной температурѣ, а для соли натрія требовало еще повышенія температуры до 80° Цельзія. Сѣрнокислыя соли металловъ съ большимъ атомнымъ вѣсомъ (калій, рубидій, цезій) не разлагались даже при самыхъ высокихъ давленіяхъ и при повышеніи температуръ до 100° Цельзія. Такимъ образомъ, мы видимъ, что степень механической стойкости этихъ тѣлъ соотвѣтствуетъ степени химической ихъ стойкости.

Въ концѣ своей статьи Спрингъ приходитъ къ слѣдующему заключенію. Это разложеніе твердыхъ тѣлъ при обыкновенной температурѣ, но при сильномъ давленіи можетъ намъ выяснить нѣкоторыя явленія метаморфизма, столь часто наблюдаемыя геологами и объяснявшіяся въ большинствѣ случаевъ гипотезой, иногда мало вѣроятной, мѣстнаго возвышенія температуры. Какъ извѣстно, въ горныхъ породахъ въ иныхъ мѣстахъ находятся микроскопическіе минералы, способъ образованія которыхъ часто неясенъ. Встаетъ вопросъ, не входитъ ли образованіе этихъ минераловъ въ циклъ тѣхъ процессовъ, которыхъ мы только что касались, и не является ли земная кора ареной разнообразной механико-химической работы, благодаря которой тѣла, находившіяся въ ней при ея образованіи, исчезли или измѣнились и въ настоящее время въ ней сохранились только тѣ минералы, которыхъ химическая стойкость смогла побѣдить разрушительныя силы, вліявшія на нихъ.

Замѣчательные опыты Спринга представляютъ громадный интересъ не только для химиковъ и физиковъ, но и для геологовъ и нужно пожелать, чтобы они продолжались бы въ этомъ направленіи; геологамъ они могутъ дать сильный толчокъ для совершенно новой постановки многихъ вопросовъ динамической геологіи.

II.

Біологія.

Къ вопросу объ относительной сопротивляемости разрушительному дѣйствію свѣта вегетативныхъ формъ бактерій и ихъ споръ. Извѣстно, что сильный свѣтъ—врагъ бактерій: при болѣе или менѣе продолжительномъ дѣйствіи свѣта онъ убиваетъ и самыя бактеріи и ихъ споры. Въ своихъ опытныхъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ за послѣдніе 6—8 лѣтъ этому губительному дѣйствію свѣта на бактерій, многіе ученые заинтересовались вопросомъ, являются ли споры бактерій и въ данномъ случаѣ болѣе стойкими, чѣмъ ихъ вегетативныя формы. Прежде чѣмъ обратиться къ этимъ работамъ, скажемъ нѣсколько словъ по поводу бактерій и ихъ споръ.

Бактеріи, причисляемыя обыкновенно къ растительному царству, имѣютъ

наименьшіе размѣры изъ всѣхъ живыхъ существъ: наиболѣе крупные изъ нихъ измѣряются тысячными долями миллиметра. Отъ близкихъ къ нимъ сине-зеленыхъ водорослей они (въ громадномъ большинствѣ случаевъ) отличаются отсутствіемъ хлорофила и потому не способны къ прямому усвоенію углерода изъ углекислоты. Въ вегетативномъ состояніи, т.-е. когда бактеріи растутъ и размножаются, они имѣютъ самыя разнообразныя формы, которыя и называются ихъ *вегетативными формами*. Форма бактеріи характерна для даннаго вида и даже семейства ихъ характеризуются той или иной вегетативной формой: бываютъ бактеріи—шаровидной формы—такъ называемые *кокки*, палочкообразныя—собственно *бактеріи*—болѣе короткія и перетянутыя посрединѣ, *бациллы*—болѣе длинныя и прямыя, бактеріи нитевидныя, спиральныя и т. д. Вегетативныя формы бактерій размножаются простымъ поперечнымъ дѣленіемъ клѣтокъ, поэтому бактеріи и называются часто *дробянками*. При благопріятныхъ условіяхъ такое дѣленіе быстро слѣдуетъ одно за другимъ, если въ окружающей средѣ находится достаточно питательнаго матеріала; въ этомъ случаѣ бактерія размножается съ поразителей быстротой. Но когда количество питательнаго матеріала уменьшается, то процессъ дѣленія становится все медленнѣе и рѣже, многія особи погибаютъ, другія вырождаются и принимаютъ особыя, болѣзненныя формы, третьи образуютъ *споры*—особыя клѣтки, покрытыя довольно плотной оболочкой, лучше противостоящія холоду, жару и ядовитымъ веществамъ, чѣмъ вегетативныя формы бактерій. У однихъ бактерій споры образуются внутри клѣтки въ видѣ круглаго или овальнаго тѣльца (напр., у бациллы сибирской язвы), у другихъ—сама бактерія распадается на отдѣльные членики, одинъ изъ которыхъ превращается въ спору, а другіе погибаютъ. Когда вновь наступаютъ благопріятныя условія, то споры бактерій прорастаютъ и снова образуютъ вегетативную форму, которая снова начинаетъ размножаться поперечнымъ дѣленіемъ клѣтки. Какъ всѣмъ, конечно, извѣстно, многіе виды бактерій являются страшными врагами растеній, животныхъ и человѣка—это такъ называемыя болѣзнетворныя бактеріи.

Неблагопріятными условіями для жизни и размноженія бактерій является не только недостатокъ питательнаго матеріала, но и болѣе или менѣе значительныя отклоненія температуры отъ той, при которой данный видъ бактеріи живетъ и размножается наилучшимъ образомъ; въ біологіи такая температура называется *температурнымъ оптимумомъ*. Для большинства бактерій, какъ и вообще для всѣхъ животныхъ, этотъ температурный оптимумъ лежитъ въ очень узкихъ предѣлахъ: многія бактеріи лучше всего развиваются при температурѣ отъ 16° до 20° Цельзія, но для болѣзнетворныхъ бактерій, паразитирующихъ въ крови человѣка и другихъ теплокровныхъ животныхъ, этотъ оптимумъ выше и близокъ къ температурѣ крови даннаго животнаго; для бактерій же, живущихъ въ теплыхъ и горячихъ источникахъ, наиболѣе благопріятной температурой является еще болѣе высокая—въ 50°—70° Цельзія. Съ другой стороны, извѣстны бактеріи, живущія въ морской водѣ при —3—4 градусахъ Ц.

Если температура уклоняется отъ оптимума въ ту или другую сторону, то, конечно, для данной бактеріи наступаютъ менѣе благопріятныя жиз-

ненныя условія, но при этомъ повышеніе температуры оказывается для нихъ болѣе пагубнымъ, чѣмъ пониженіе. Холодъ только задерживаетъ размноженіе бактерій, но не убиваетъ бактерій, уже имѣющихся въ данной средѣ.

Такъ, прямые опыты показали, что дифтеритная и холерная бациллы не убиваются продолжительнымъ (въ теченіе многихъ недѣль) дѣйствіемъ мороза въ —12°—30° Цельзія, и даже получаемыя искусственнымъ способомъ низкія температуры въ —80° и даже —110° Цельзія, конечно, при менѣе продолжительномъ (нѣсколько минутъ) воздѣйствіи на нѣкоторыя бактеріи, не являются безусловно смертельными для послѣднихъ.

Этимъ слабымъ вліяніемъ холода объясняется тотъ фактъ, что замораживаніе воды не уничтожаетъ имѣющихся въ ней бактерій и послѣднія сохраняются во льду. Поэтому ледъ рѣкъ и озеръ, зараженныхъ бактеріями, также опасенъ для здоровья, какъ и самая вода. Зато остановка размноженія бактерій, вызываемая сильнымъ холодомъ, обусловливаетъ тотъ извѣстный фактъ, что въ воздухѣ полярныхъ и даже вообще холодныхъ странъ почти не имѣется бактерій и климатъ этихъ странъ, несмотря на холодъ, является очень здоровымъ.

Наоборотъ, повышеніе температуры дѣйствуетъ губительно на бактеріи: для уничтоженія вегетивныхъ формъ бактерій достаточно продержать ихъ всего нѣсколько минутъ въ температурѣ на нѣсколько градусовъ выше ихъ температуры оптимума. Въ большинствѣ случаевъ бактеріи погибаютъ послѣ десятиминутнаго пребыванія ихъ при температурѣ 60° Ц.

Все это относится, впрочемъ, только къ вегетативнымъ формамъ бактерій, *споры* же ихъ оказываются несравненно болѣе выносливыми. Такъ, споры сѣнной палочки (bac. subtilis) и сибирской язвы bas. anthracis) при дѣйствіи въ нихъ температуры въ —130° Цельзія въ теченіе 20 часовъ (опытахъ Пиктэ), сохраняютъ все же способность прорастать и давать вегетативныя формы столь же ядовитыя, какъ и всякія другія этихъ видовъ. Кипяченіе, даже предохранительное, не уничтожаетъ споръ бактерій и для полной стерилизаціи какой-нибудь среды, напр., воды, молока, нужно продержать ихъ при температурѣ 120° Цельзія въ теченіе, по крайней мѣрѣ, 15 минутъ.

Таково въ общихъ чертахъ вліяніе холода и тепла на вегетивныя формы бактерій и на ихъ споры.

Вовращаясь къ вопросу объ относительной сопротивляемости бактерій и ихъ споръ дѣйствію на нихъ *свѣта*, мы должны прежде всю отмѣтить, что до послѣдняго времени, до работы Янсона, заключенія и выводы ученыхъ были крайне разнорѣчивы.

Остановимся на главнѣйшихъ изъ этихъ разнорѣчій.

Арлоингъ (Arloing), на основаніи своихъ работъ, пришелъ къ выводу, что бацилла сибирской язвы оказываетъ большее сопротивленіе вліянію свѣта, чѣмъ споры этой бактеріи, если опыты вести въ бульонѣ; но при опытахъ въ дистиллированной водѣ онъ замѣтилъ, что смерть для споръ наступаетъ черезъ 16—30 часовъ, почти такъ же быстро, какъ и для самихъ бациллъ. *Ру* объясняетъ это явленіе тѣмъ, что 3—4 часовое освѣщеніе солнцемъ споръ бактерій, находящихся въ питательномъ бульонѣ, вызываетъ химическіе процессы, задержи-

вающіе проростаніе споръ. Ру производилъ слѣдующіе опыты: онъ помѣщалъ въ пробирку каплю культуры, содержащей споры бациллы сибирской язвы, пробирку запаивалъ и затѣмъ подвергалъ дѣйствію солнечнаго свѣта; опыты показали, что стерилизація (т.-е. уничтоженіе споръ этой бациллы) въ такомъ случаѣ наступала только черезъ 29—54 часа, т.-е. въ промежутокъ времени бо̀льшій, чѣмъ требовалось Арлоингу для умерщвленія самихъ бациллъ этого вида (25—30 час.).

Гайльяръ (Gaillard), при опытахъ, касающихся этого же вопроса, не пришелъ ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ, но Панзини (Pansini) на ваніи своихъ изслѣдованій, констатируетъ, что высушенныя споры бациллы сибирской язвы оказываютъ сопротивленіе дѣйствію свѣта въ восемь разъ большее, чѣмъ культура самихъ бациллъ этого вида, разводимая въ висящихъ капляхъ; съ другой стороны, Расне утверждаетъ, что 24 часовая культура этихъ бациллъ, безразлично, ведется ли опытъ въ бульонѣ или въ водѣ, оказываетъ бо̀льшую сопротивляемость дѣйствію свѣта, чѣмъ споры этой бациллы; въ опытахъ *Момонта* (Momont) культура бациллы сибирской язвы убивается солнечнымъ свѣтомъ въ 2—5½ часовъ, тогда какъ споры ея, находящіяся въ водѣ,—только черезъ 44 час., а высушенныя даже черезъ 100 часовъ. Наконецъ, *Крузе* (Kruse) въ 1895 г. въ своихъ многочисленныхъ изысканіяхъ, касающихся даннаго вопроса, пришелъ къ слѣдующему выводу. Въ высушенномъ видѣ споры бациллъ сопротивляются дѣйствію солнца гораздо лучше, чѣмъ сами бациллы, но въ жидкой средѣ такой разницы не замѣтно. При всѣхъ подобныхъ опытахъ, когда источникомъ свѣта является солнце, возникаетъ вопросъ, не благопріятствуетъ ли теплота солнечнаго свѣта, особенно при продолжительномъ его дѣйствіи (десятки часовъ), проростанію споръ бациллъ. Вообще для того, чтобы придти здѣсь къ безспорному выводу, нужно при изслѣдованіяхъ принимать во вниманіе слѣдующее: 1) не допускать проростанія споръ, 2) исключать вліяніе ядовитыхъ веществъ, возникающихъ подъ вліяніемъ свѣта въ окружающей средѣ, 3) брать для опытовъ споры и бациллы одного и того же вида бактерій, но раздѣльно, и освѣщать ихъ совершенно при одинаковыхъ условіяхъ.

Такого рода опыты нельзя поставить съ солнечнымъ свѣтомъ, и потому г. *Янсенъ* (H. Iancen) рѣшилъ производить свои изслѣдованія въ финзеновскомъ институтѣ, такъ какъ тамъ можно поставить опыты съ сильнымъ искусственнымъ свѣтомъ; при этомъ получается та выгода, что первыя два изъ упомянутыхъ нами выше условій успѣшности опыта отпадаютъ, такъ какъ вслѣдствіе силы этого искусственнаго свѣта опыты длятся очень незначительное время: самые продолжительные—въ неконцентрированнымъ свѣтѣ — не долѣе 21 мин., а въ концентрированномъ 5 мин. (только въ единичныхъ спеціальныхъ опытахъ освѣщенія черезъ стекло продолжительность опыта доходила до 30 мин.). Ядовитыя вещества образуются въ питательной средѣ, вѣроятно, при самомъ непродолжительномъ освѣщеніи, но въ крайне незначительныхъ количествахъ, тогда какъ, судя по наблюденіямъ д-ра *Би*, требуется довольно продолжительное время и очень сильное освѣщеніе, чтобы количество этихъ веществъ въ данныхъ опытахъ достигло значительной степени, и съ

нимъ нужно было бы считаться. Для полнаго выясненія этого пункта были произведены контрольные опыты, которые показали, что въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ работалъ г. Янсенъ, характеръ питательной среды не имѣетъ большого значенія.

Для опытовъ г. Янсену служили бактеріи: *Bacillus anthracis* (бацилла сибирской язвы) и *Bacillus subtilis* (сѣнная палочка), какъ ихъ вегетативныя формы, такъ и споры. Опыты распадались на двѣ главныхъ группы, смотря по тому, какой примѣнялся электрическій дуговой свѣтъ: концентрированный или неконцентрированный. Во второмъ случаѣ употреблялась обыкновенная дуговая лампа силою въ 30 амперъ и 48—50 вольтъ. Изслѣдуемая культура бактерій ставилась на разстояніи 60 сантиметровъ отъ верхушки положительнаго угля. Температура окружающей культуру воды была 20°Ц. Культура помѣщается въ аппаратѣ, изобрѣтенномъ Бангомъ, для «постепеннаго освѣщенія». Для работы съ концентрированнымъ свѣтомъ употребляется такая же лампа, но силою въ 25 амперъ и 48—50 вольтъ. Свѣтъ собирается съ помощью маленькаго концентрирующаго прибора Финзена на разстояніи 20 ст. отъ источника свѣта. Въ свѣтовомъ конусѣ, немного позади фокуса, тамъ, гдѣ свѣтовое пятно имѣетъ въ діаметрѣ 1,6 ст., ставится культура или въ видѣ висячихъ капель *), или въ обыкновенной влажной камерѣ на покровномъ стеклѣ изъ кварца, или же, наконецъ, въ особыхъ маленькихъ открытыхъ чашечкахъ.

Опыты Янсена должны были отвѣтить на слѣдующіе вопросы:

1) Какова сопротивляемость споръ бактеріи сибирской язвы въ влажномъ состояніи сравнительно съ таковою же самой бациллы. 2) Въ какой моментъ развитія утрачивается большая сопротивляемость споръ. 3) Какія споры: высушенныя или влажныя, оказываютъ больше сопротивленія свѣту; 4) Убиваются ли споры, подобно вегетативнымъ формамъ, скорѣе всего ультра-фіолетовыми лучами. И, наконецъ, 5) каковы условія лучшаго сопротивленія для споръ Bacillus subtilis (сѣнная палочка).

Относительно перваго пункта Янсенъ пришелъ къ слѣдующему выводу.

При примѣненіи неконцентрированнаго свѣта смерть споръ сибирской язвы никогда не наступала раньше 20 мин., а въ среднемъ даже 27 минутъ. Для бациллъ же сибирской язвы смерть наступала въ среднемъ черезъ $8^1/_2$ мин., а для молодыхъ культуръ бациллъ, совершенно свободныхъ отъ споръ и только что взятыхъ изъ крови,—черезъ 7 мин. Старыя бациллы въ возрастѣ 12—24 час. умерщвляются труднѣе, чѣмъ молодыя или взятыя прямо изъ крови. Вообще продолжительность сопротивленія увеличивается съ возрастомъ культуръ. Обстоятельство это Янсенъ объясняетъ тѣмъ, что и въ культурахъ

*) Когда хотятъ наблюдать въ микроскопъ бактеріи живыми, то часто прибѣгаютъ къ изслѣдованію въ такъ называемой *висячей каплѣ*. Для этого поступаютъ слѣдующимъ образомъ: каплю жидкости, заключающую въ себѣ бактерій, опускаютъ на покровное стеклышко, затѣмъ, послѣднее переворачиваютъ такъ, чтобы капля пришлась надъ особой ямкой, выдолбленной въ предметномъ стеклѣ.

мало-по-малу возникаютъ, вѣроятно, единичные, способные къ сопротивленію индивидуумы, можетъ быть, появляются и споры. Сравненіе сопротивляемости споръ и вегетативныхъ формъ бактерій, при одинаковыхъ условіяхъ, показываетъ, что споры сибирской язвы въ этихъ условіяхъ оказываютъ сопротивляемость свѣту въ 3—4 раза большую, чѣмъ соотвѣтственныя имъ вегетативныя формы. Опыты въ концентрированномъ свѣтѣ съ висящими каплями привели къ подобному же результату. При нѣкоторыхъ опытахъ культура со спорами была предварительно, впродолженіи 5 минутъ, выдержана при температурѣ 70°. Слѣдствіемъ было то, что эти «подогрѣтыя» споры умерли, въ среднемъ, въ 94 сек., между тѣмъ какъ для неподогрѣтыхъ періодъ этотъ былъ 142 сек. Для бациллъ же сибирской язвы потребовалось только 37,5 сек. Сопротивляемость неподогрѣтыхъ споръ, въ общемъ, въ 5 или 6 разъ больше сопротивляемости соотвѣтственныхъ бациллъ.

II. Для рѣшенія вопроса, заключающагося во 2-мъ пунктѣ (см. выше), одна изъ освѣщенныхъ чашечекъ со спорами была тотчасъ же подвергнута вліянію концентрированнаго свѣта, а другая только послѣ 2—3 часового нахожденія въ термостатѣ при 36° въ неконцентрированномъ свѣтѣ. Оказалось, что споры теряютъ часть присущей имъ сопротивляемости, какъ только онѣ начинаютъ проростать.

III. Что касается относительной сопротивляемости влажныхъ и сухихъ споръ бактерій, то, въ противоположность добытыхъ другими результатамъ, Янсенъ утверждаетъ, что въ то время какъ при освѣщеніи капли споровой эмульсіи въ бульонѣ въ концентрированномъ свѣтѣ смерть наступаетъ черезъ $2^1/_2$—3 минуты, при такомъ же освѣщеніи сухой споры смерть наступаетъ черезъ минуту, а если высушенное состояніе продолжалось нѣсколько часовъ, то черезъ $^1/_2$—$^3/_4$ минуты. Причину этой разницы можно видѣть или въ самомъ высыханіи, или же въ измѣнившихся оптическихъ условіяхъ освѣщенія. Произведенные для выясненія этого вопроса опыты показали, что непродолжительное, не болѣе 15 минутъ, высушиваніе не оказываетъ вреднаго вліянія, т.-е. не влечетъ за собою ускоренія смерти, но болѣе продолжительное высушиваніе ускоряетъ наступленіе смерти. Слѣдовательно, нужно допустить вліяніе другихъ обстоятельствъ, чтобы объяснить, почему замѣчается такое значительное ускореніе момента смерти у только что высушенныхъ споръ бактерій; весьма вѣроятно, что, какъ это слѣдуетъ изъ опытовъ, произведенныхъ надъ *Staphylococcus pyogenes aureus* (микробъ, производящій нагноеніе), высушиваніе создаетъ болѣе благопріятныя оптическія условія для умерщвленія. Опыты, произведенные для сравненія споръ съ соотвѣтственными высушенными бациллами показали, что сопротивляемость послѣднихъ достигаетъ едва третьей части сопротивляемости споръ. Выходъ слѣдовательно таковъ: высушенныя споры бациллы сибирской язвы во всякомъ случаѣ не оказываютъ бо́льшаго сопротивленія, чѣмъ влажныя, а подвергшіяся продолжительному высушиванію оказываются, внѣ всякаго сомнѣнія, менѣе устойчивыми.

IV. Относительно 4-го пункта (см. выше) можно считать доказаннымъ, что крайніе ультра-фіолетовые лучи съ болѣе короткой, чѣмъ 100 микромикроновъ, волной оказываютъ наиболѣе сильное дѣйствіе на виды бактерій,

лишенныхъ споръ. Можно было бы думать поэтому, что установленная опытами Янсена большая устойчивость споръ зависитъ отъ слабаго вліянія ультра-фіолетовыхъ лучей, но опыты привели къ убѣжденію, что ультрафіолетовые лучи оказываютъ почти одинаковое дѣйствіе и на споры, и на соотвѣтственныя бациллы, и что даже, повидимому, споры оказываются чувствительнѣе къ этимъ лучамъ, чѣмъ сами бациллы.

V. Изъ наблюденій г. Янсена надъ *Bacillus subtilis* (сѣнная палочка) съ несомнѣнностью ясно, что споры этихъ бациллъ почти въ семь разъ устойчивѣе относительно свѣта, чѣмъ соотвѣтственныя имъ вегетативныя формы.

Никотинъ, полученный путемъ химическаго синтеза, и физіологическія свойства его. Въ первый разъ никотинъ былъ извлеченъ изъ листьевъ табака въ 1828 г. Поссельтомъ и Рейманномъ. Съ тѣхъ поръ многочисленными работами были установлены составъ, химическія, физическія и физіологическія свойства никотина, но его химическое строеніе не было вполнѣ извѣстно. Недавно *Арм. Пиктэ*, *Кремье* и *Ретши* послѣ 9-ти-лѣтней работы въ химической лабораторіи женевскаго университета, удалось произвести синтезъ никотина и тѣмъ, конечно, установить его химическое строеніе. Упомянутые изслѣдователи получили синтетическимъ путемъ 2 рода никотина, отличающіеся только различными и прямо противоположными оптическими свойствами,—никотины правовращающій и лѣвовращающій; послѣдній соотвѣтствуетъ естественному никотину табачныхъ листьевъ. До сихъ поръ было сдѣлано мало опытовъ съ цѣлью узнать, одинаковое ли дѣйствіе на животный организмъ производятъ различныя оптическія модификаціи одного и того же вещества. Только Шабріе показалъ, что правая винная кислота почти вдвое болѣе ядовита для организма, чѣмъ лѣвая, а Піюти замѣтилъ разницу во вкусѣ праваго и лѣваго аспарагина, Меноцци же и Аппіани констатировали то же самое и для глютатаминовой кислоты.

Профессоръ Майоръ взялъ на себя трудъ изслѣдовать физическое дѣйствіе обоихъ разновидностей никотина. Опыты надъ морскими свинками и кроликами показали, что физіологическое дѣйствіе правовращающаго никотина отличалось отъ дѣйствія лѣвовращающаго, безразлично, былъ ли этотъ послѣдній естественный или искуственный никотинъ. При подкожномъ впрыскиваніи морской свинкѣ воднаго 1°/o раствора никотина оказалось, что лѣвый никотинъ вдвое болѣе ядовитъ, чѣмъ правый, подобно тому, что было найдено Шабріе и для винной кислоты. Такъ, чтобы вызвать смерть морской свинки, достаточно впрыснуть лѣваго никотина 1 миллигр. на каждые 100 гр. ея вѣса (300 гр.), праваго же никотина необходимо для этого впрыснуть по 2 миллигр. на каждые 100 гр. вѣсъ тѣла. Кромѣ того, и явленія отравленія различны въ обоихъ случахъ. У морской свинки лѣвый никотинъ (будь то искусственный или естественный) вызываетъ тотчасъ же послѣ впрыскиванія возбужденіе и крики, свидѣтельствующіе о сильной боли. Правый же никотинъ, повидимому, боли не производитъ. Затѣмъ, лѣвый никотинъ вызываетъ параличъ. Сначала парализуются заднія конечно-

сти, потомъ переднія. Дыханіе ускоряется, дѣлается глубокимъ и совершается съ трудомъ. Начинаются слабыя судороги туловища и конечностей, переходящія затѣмъ въ сильнѣйшія судороги всего тѣла. Если впрыснутая доза смертельна, то послѣ того, какъ судороги ослабнутъ, дыханіе становится неправильнымъ и совершается съ большими промежутками, движенія сердца тоже замедляются. Смерть происходитъ вслѣдствіе остановки дыханія, сердце же продолжаетъ биться еще нѣсколько минутъ.

Впрыскиваніе же праваго никотина вызываетъ совсѣмъ другіе симптомы. Правый никотинъ въ количествѣ 1 миллигр. на 100 гр. вѣса тѣла животнаго (въ данномъ случаѣ морской свинки) вызываетъ только легкую, скоропроходящую дрожь. При впрыскиваніи 1,5 миллигр. дрожь усиливается и переходитъ въ припадки, иногда доходитъ до судорогъ. Но животное все-таки понемногу оправляется, а черезъ 2 дня совершенно выздоравливаетъ.

Та же разница въ дѣйствіи обоихъ никотиновъ проявляется и у кролика Употребленный въ количествѣ 2,5 милл. на каждый килогр. вѣса тѣла (въ такомъ количествѣ лѣвый естественный или искусственный никотинъ быстро производитъ сильнѣйшія судороги, почти доводящіе животное до столбняка и даже смерти), правый никотинъ (въ той же дозѣ) вызываетъ у кролика только легкую дрожь и затѣмъ слабость, которая продолжается всего часъ или два. Что разница между обоими видами никотина заключается, дѣйствительно, въ *качествѣ* вызываемыхъ ими симптотовъ, а не въ ихъ интенсивности, видно изъ слѣдующаго. Если довести дозу, впрыскиваемаго кролику праваго никотина до 6,5 миллигр. на килограмъ его вѣса (доза почти смертельная), то это только чрезвычайно усиливаетъ дрожь и оканчивается весьма сильнымъ возбужденіемъ. Уменьшая же дозу лѣваго никотина до 1,5 миллигр., удается сильно ослабить судороги у кролика, но не измѣнить формы и сущности припадка, при которомъ животное, какъ и раньше, ложится на бокъ и мечется въ судорогахъ, прерываемыхъ прыжками, сильнымъ ляганьемъ и криками.

Чувства улитки. Большинство зоологовъ принимаетъ, что большія щупальца у улитки служатъ для воспріятія свѣта и запаха. На концѣ щупалецъ находится сложный глазъ, а около него большой нервный узелъ, находящійся въ связи съ эпителіемъ, покрывающимъ щупальца. Со времени Мокэнъ-Тандона и Флемминга вошло какъ бы въ привычку считать, что эти щупальца несутъ на себѣ не только зрительный, но также и обонятельный органъ и даже очень чувствительный, позволяющій животному узнавать присутствіе любимыхъ пищевыхъ продуктовъ на довольно значительныхъ разстояніяхъ. По мнѣнію же Юнга, произведшаго недавно много опытовъ, касающихся этого вопроса, глазъ можетъ служить улиткѣ только въ разсѣянномъ полусвѣтѣ, но онъ совершенно не чувствителенъ къ сильному освѣщенію; если внезапно передъ глазомъ улитки зажечь электрическую лампочку, то онъ совершенно на это не реагируетъ. Удаленіе глазъ не ведетъ за собой никакихъ видимыхъ измѣненій въ поведеніи животнаго. Такъ что, повидимому, свѣтовыя волны не дѣйствуютъ на глаза улитки, болѣе раздражающимъ образомъ, чѣмъ на какую-нибудь другую часть ея тѣла. То же самое можно сказать и о

чувствѣ обонянія, вовсе не локализированомъ на утолщеніи большихъ щупалецъ. Опыты показываютъ, что кожа вся въ совокупности или, по крайней мѣрѣ, покрывающая ту часть тѣла, которую улитка высовываетъ при ползаніи, способна къ воспріятію запаха. Можно только прибавить, что чувство обонянія на большихъ щупальцахъ и ихъ утолщеніяхъ у улитки сильнѣе развито, чѣмъ въ остальныхъ мѣстахъ. Юнгъ констатировалъ, что запахъ веществъ, которыми улитка обыкновенно питается, воспринимается ею на разстояніи отъ 1 до 3 сант. и рѣдко только на разстояніи 50 сант. На болѣе далекомъ разстояніи улитка не воспринимаетъ никакого запаха. Если отрѣзать большія щупальцы при самомъ ихъ основаніи, то улитка все же отыскиваетъ себѣ пищу, различаетъ, хотя и на болѣе близкомъ разстояніи, чѣмъ въ нормальномъ состояніи, запахъ, который ей пріятенъ и избѣгаетъ прикосновенія съ тѣлами, имѣющими непріятный запахъ. Очевидно, что общая чувствительность преобладаетъ у улитки надъ чувствительностью спеціальной. Сотрясенія почвы, жаръ, движенія травы, колеблемой вѣтромъ, и въ особенности сырость, которую улитка ощущаетъ на разстояніи многихъ метровъ, воспринимаются ею гораздо сильнѣе, чѣмъ свѣтъ, форма и цвѣтъ предметовъ, запахъ и вкусъ.

Нѣкоторыя черты психики рака-отшельника даны Бонномъ (Bohn), благодаря его долгимъ и терпѣливымъ наблюденіямъ и опытамъ. Ракъ-отшельникъ живетъ въ пустыхъ раковинахъ, нѣкоторые элементы внѣшней формы которыхъ онъ различаетъ, какъ-то: степень кривизны,—линію наибольшаго наклона, величину раковины. Когда ему нужно выбрать себѣ раковину, то тѣло его принимаетъ различное положеніе; наичаще онъ изгибается въ дугу и прилипаетъ къ выпуклости раковины; въ то же время 2-ая и 3-я пары ногъ также могутъ представлять различныя степени кривизны и такимъ образомъ могутъ охватывать и приспособляться ко всѣмъ выпуклымъ поверхностямъ. Вполнѣ вѣроятно, что впечатлѣнія, полученныя животнымъ при изслѣдованіи имъ раковины, не что иное, какъ впечатлѣнія, связанныя съ различными положеніями своего тѣла. Точно также вѣроятно, что ракъ-отшельникъ судитъ о формѣ раковины, которую онъ хочетъ занять, по различнымъ положеніямъ своего абдомена. Воспріятіе размѣровъ совершается въ одно время съ воспріятіемъ формы предмета. Если ракъ-отшельникъ встрѣчаетъ какой-нибудь предметъ, то онъ старается окружить его своимъ тѣломъ или ногами; если это ему не удается, то, значитъ, предметъ этотъ слишкомъ великъ для него и онъ его покидаетъ. Когда онъ входитъ въ какую-нибудь полость, то онъ старается поставить придатки, находящіеся на концѣ абдомена и превращенные въ крючки, перпендикулярно оси своего тѣла; если полость слишкомъ велика, то крючками этими онъ не достигаетъ дна и потому оставляетъ такую полость. Наконецъ, раки-отшельники различаютъ и вѣсъ предметовъ по усилію, съ какимъ имъ приходится сбросить съ дороги встрѣчаемые предметы или же носить на собѣ обитаемую имъ раковину. Но все же раковину, въ которой онъ живетъ, ракъ-отшельникъ не можетъ отличить отъ другихъ. Узнаетъ же онъ преимущественно только полость раковины, въ которой живетъ.

В. Аг.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ“.
Октябрь. 1904 г.

Содержаніе: Беллетристика.—Критика и исторія литературы.—Просвѣщеніе.—Исторія всеобщая.—Политическая экономія и соціологія.—Естествознаніе.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

А. Потѣхинъ. „Сочиненія“ т. т. I—VI.—*П. Я.* „Русская Муза“. — *Т. Герцль*. „Обновленная земля“.—*Ф. Данъ*. „Борьба за Римъ“, романъ.

А. А. Потѣхинъ. Сочиненія, тт. I—VI. Книгоиздательство товарищества «Просвѣщеніе». 1904 г. Первое изданіе сочиненій Алексѣя Ант. Потѣхина, въ 7 томахъ (книгопродавца Плотникова), давно стало библіографической рѣдкостью. Правда, оно вышло около тридцати лѣтъ назадъ,—срокъ довольно долгій для распродажи изданія,—но за послѣдніе года цѣна его у букинистовъ возросло до 36 р., хотя, очевидно, въ него не могли войти позднѣйшія произведенія нашего маститаго писателя, доставившія ему особую извѣстность въ 80-хъ годахъ. Уже по этимъ двумъ обстоятельствамъ—недоступности для широкаго круга читателей прежняго изданія и его неполноты,—нельзя не привѣтствовать выбора товарищества «Просвѣщенія», поспѣшившаго дать полное собраніе сочиненій А. А. Потѣхина въ своей серіи «Всемірная Библіотека», по весьма доступной цѣнѣ (1 р. за томъ компактнаго изданія небольшого формата). Всѣ произведенія А. А. Потѣхина расчитаны на 12 томовъ, изъ которыхъ пока мы имѣемъ лишь шесть. Распорядокъ новаго изданія нѣсколько отличается отъ прежняго: такъ, почти все содержаніе перваго тома изданія Плотникова (путевые очерки изъ поѣздокъ на Волгу автора въ началѣ 50-хъ годовъ) не воспроизведено въ новомъ изданіи, за исключеніемъ очерковъ—«Забавы и удовольствія въ городкѣ» (описаніе провинціальной жизни въ 40-хъ годахъ XIX в.). Если не ошибаемся, эти сценки (напечатанныя первоначально въ «Современникѣ» въ 1852 г.) доставили первую литературную извѣстность автору. Интересъ ихъ теперь историческій. Въ первомъ томѣ новаго изданія, открывающагося съ повѣсти изъ народнаго быта—«Титъ Софроновичъ Козонокъ», собрано нѣсколько мелкихъ произведеній А. А. Потѣхина, а затѣмъ идутъ послѣдовательно его романы—«Крестьянка», «Крушинскій», «Бѣдные дворяне», «Крестьянскія дѣти» и «Иванъ да Марья»; въ шестомъ томѣ помѣщены три лучшія повѣсти изъ народнаго быта: «Хай-дѣвка», «Хворая» и «На міру». Не вошла еще въ изданіе повѣсть «Около денегъ», передѣланная потомъ авторомъ въ пьесу, имѣвшую значительный успѣхъ на сценѣ, и затѣмъ остается весь его театръ. Между тѣмъ, отнюдь не имѣя въ виду умалить чисто литературныя достоинства произведеній А. А. Потѣхина, мы не можемъ не вспомнить, что наиболѣе устойчивая его извѣстность связана именно съ его дѣятельностью, какъ драматурга. Если за послѣднее время ставили на видъ писателямъ младшаго поколѣнія, и въ томъ числѣ даже А. П. Чехову,—что, переходя отъ повѣствовательной литературы къ драматической, они выказали свои лучшія свойства отнюдь не въ качествѣ драматур-

говъ, и, кромѣ того, что-де, вообще, въ новѣйшую драму проникаютъ не вполнѣ законно пріемы повѣствовательной литературы, то на примѣрѣ А. А. Потѣхина мы наблюдаемъ обратное явленіе: онъ, по свойствамъ своихъ дарованій, шелъ отъ повѣсти къ драмѣ вполнѣ органическимъ путемъ и въ условіяхъ сценическаго произведенія какъ бы встрѣтилъ свое настоящее поприще. Діалогъ имѣетъ не только рѣшительный перевѣсъ подъ описаніями даже въ его лучшихъ повѣстяхъ, но кажется наиболѣе сродственной формой автору для обрисовки характеровъ и положеній. Дѣйствующія лица неоднократно мыслятъ «монологами»: авторъ какъ бы по преимуществу *видитъ* создаваемые имъ образы въ словахъ, которыя они произносятъ. Не всѣ разговоры одинаково значительны и, быть можетъ, многіе изъ нихъ легко поддавались бы сокращенію, но авторъ видимо съ особымъ успѣхомъ овладѣваетъ манерой каждаго высказываться и потому воспроизводитъ рѣчи съ чрезвычайной обстоятельностью. Въ сценахъ съ рѣчами сосредоточивается и главный интересъ дѣйствія, которое, такимъ образомъ, какъ бы само собой выдѣляется изъ рамки повѣсти и легко могло бы быть пріурочено къ другой формѣ литературы. Напримѣръ, перечитывая «Хай-дѣвку» или «На міру», мы не могли отдѣлаться отъ впечатлѣнія, какія бы эффектныя драмы вышли изъ этихъ повѣстей и какъ типичны разговоры—отдѣльныхъ лицъ и народныхъ сборищъ—въ нѣсколькихъ сценахъ, которыми вполнѣ опредѣляются основныя черты выставленныхъ характеровъ и самаго сюжета повѣсти. И въ этихъ сценахъ, выдѣленныхъ изъ повѣсти, было бы больше формальной законченности, чѣмъ во многихъ современныхъ пьесахъ, нуждающихся въ многочисленныхъ ремаркахъ автора, доступныхъ, очевидно, лишь читателямъ пьесы, а не зрителямъ. На произведеніяхъ А. А. Потѣхина сказалось, такимъ образомъ, нѣкоторое подчиненіе повѣствовательной формы принципамъ драматической литературы, а въ настоящее время мы наблюдаемъ обратное вліяніе повѣсти на драму.

Оцѣнка полувѣковой литературной дѣятельности А. А. Потѣхина по существу уже была не разъ предложена *). Къ ней нельзя подходить безъ исторической перспективы: слишкомъ отошли мы и отъ того общества, которое по преимуществу описываетъ авторъ, и перемѣнились условія жизни даже въ крестьянскомъ быту. Переходъ отъ пріемовъ современной литературы довольно рѣзокъ и въ формальномъ отношеніи: насъ пріучили теперь къ большей сжатости художественной концепціи, къ большей экономіи художественнаго воспріятія. Но основные мотивы произведеній А. А. Потѣхина—борьба съ сословными предразсудками, высокое представленіе о чести и гражданскомъ долгѣ, вѣра въ «природное» благородство человѣка, независимо отъ того положенія, которое онъ занимаетъ въ обществѣ, и отъ происхожденія, а съ другой стороны, самодурство сильныхъ, жестокая логика голодныхъ, несчастія, происходящія отъ темноты и неразвитости,—все это придаетъ и понынѣ живой и вполнѣ гуманитарный интересъ сочиненіямъ «писателя-народника», съ эпическимъ спокойствіемъ вполнѣ объективнаго изложенія описывавшаго многія потрясающія драмы изъ нашего недавняго прошлаго. Авторъ ничего не проповѣдуетъ, не создаетъ какой-либо новой, *своей* концепціи жизни, не стремится къ обобщающему синтезу явленій дѣйствительности, но описываетъ эту дѣйствительность такой, какой онъ ее видѣлъ, съ точки зрѣнія средней нормы внѣспорныхъ положительныхъ идеаловъ человѣчества. И въ наше время тревожнаго рѣшенія проблемъ морали, исканія тѣхъ или иныхъ новыхъ формулъ и концепцій, послѣ испытанныхъ разочарованій и смутно мелькающихъ надеждъ, чтеніе такого автора дѣйствуетъ какъ-то успокоительно, а временами умиляетъ. Неизмѣннымъ преимуществомъ остается и превосходный языкъ, особенно въ повѣстяхъ изъ народнаго быта; сколько въ немъ силы, гибкости и какая выразительность въ образныхъ,

*) См. „Міръ Божій“ 1902 г. Апрѣль.

простонародныхъ эпитетахъ и словечкахъ, изъ которыхъ можно было бы составить отдѣльный лексиконъ. Но еще лучше пожелаемъ, чтобы, съ легкой руки автора, они пріобрѣли бы у насъ полныя права гражданства, обогативъ нашъ общій «литературный» языкъ. *Ѳ. Бат—овъ.*

«Русская Муза». Собраніе лучшихъ, оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній русскихъ поэтовъ XIX в. Составилъ П. Я. Изд. журнала «Русское Богатство». 1904 г. Ц. 1 р. 75 к. Сборники, составленные изъ лучшихъ, болѣе характерныхъ для взятыхъ поэтовъ стихотвореній, являются вполнѣ понятной потребностью для читателей, которые не могутъ имѣть всегда подъ рукою всѣхъ своихъ любимцевъ вкупѣ. Чѣмъ шире, поэтому, планъ такихъ сборниковъ, чѣмъ менѣе руководствуются составители личнымъ чувствомъ и субъективной оцѣнкой, тѣмъ полнѣе и болѣе отвѣчаютъ такіе сборники запросамъ читателей. Въ прошломъ мы можемъ указать на сборникъ Гербеля «Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ», «Лирика и антологія русскихъ поэтовъ» Порфирова, сборникъ г. Бончъ-Бруевича «Русская поэзія» и «Русская лира» г. М. Л. Б. Сборникъ Гербеля, конечно, сильно устарѣлъ для нашего времени, такъ какъ онъ составленъ до 70-хъ годовъ. Сборникъ г. Порфирова, самъ по себѣ очень изящный по подбору, очень съуженъ, давая образцы только лирической поэзіи. Еще ýже по замыслу сборникъ г. Бончъ-Бруевича, куда вошли *только* гражданскіе мотивы, причемъ составитель совершенно не считался съ поэзіей. Нѣсколько искусственно и тоже неполно составлена и «Русская Лира» г. М. Л. Б., изъ которой по непонятнымъ мотивамъ исключены всѣ стихотворенія съ общественно-гражданскимъ оттѣнкомъ.

Новый сборникъ «Русская Муза», составленный г. П. Я., обладаетъ многими преимуществами предъ всѣми указанными. Самъ поэтъ и критикъ, г. П. Я. счастливо избѣгъ всѣхъ крайностей, не упустивъ изъ виду почти ничего, что заслуживаетъ вниманія, какъ въ лирикѣ, такъ и въ гражданской поэзіи, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Конечно, извѣстный субъективизмъ выбора долженъ всегда сказаться, въ особенности въ такомъ дѣлѣ, какъ поэзія. Но важно для читателя, чтобы избранныя вещи были дѣйствительно *поэтичными*, и въ этомъ отношеніи мы не могли бы указать въ «Русской Музѣ» на совершенно неудачныя пьесы, включенныя по ошибкѣ или недостойныя помѣщенія въ «Русск. Музѣ». Въ общемъ подборъ хорошъ и тщателенъ, хотя тотъ или иной читатель можетъ и не найти излюбленнаго стихотворенія. Нѣкоторымъ поэтамъ отведено, быть можетъ, больше мѣста, чѣмъ другимъ, не уступающимъ имъ по значенію, какъ, напр., Некрасову и Надсону, тѣмъ болѣе что оба поэта очень распространены. Нѣкоторыхъ нѣтъ совсѣмъ, другіе, какъ намъ кажется, попали въ «Рус. Музу» слишкомъ рано. Вполнѣ понятно, хотя и досадно для читателя, что нѣтъ въ сборникѣ самого г. П. Я. Но странно, что почтенный составитель пропустилъ, вѣроятно, по недосмотру, такихъ поэтовъ, какъ, напр., Михаловскій Д. Л., Подолинскій, Хвощинская, Шеллеръ (А. Михайловъ), или изъ новѣйшихъ и нынѣ здравствующихъ, какъ О. Чюмина (Михайлова) и А. Ѳедоровъ. Между тѣмъ, вошли авторы, можно сказать, вчерашняго, даже сегодняшняго дня, написавшіе одно—два недурныхъ стихотворенія, какъ г.г. Башкинъ и Шрейтеръ, поэтическая физіономія которыхъ еще совершенно невѣдома, тогда какъ отмѣченные выше, пропущенные поэты, конечно, представляютъ гораздо больше интереса и имѣютъ несомнѣнно больше права на вниманіе читателей. Но при всѣхъ указанныхъ недочетахъ «Русская Муза» все же составлена хорошо, полно и даетъ образцы дѣйствительно цѣнные и характерные. Небольшія, сжатыя указанія, сопровождающія почти всякаго поэта то же небезполезны для широкой публики, давая ей возможность оріентироваться во времени, когда писалъ поэтъ, и къ какой группѣ его отнести. Сборникъ изданъ хорошо, въ видѣ большого фоліанта въ два столбца, почти 30 печатныхъ листовъ. Цѣна, въ виду его размѣровъ, очень скромная. *А. Б.*

Теодоръ Герцль. Обновленная земля. Романъ. Пер. съ нѣм. А. Доманской. Ц. 1 р. Спб. 1904 г. Умершій недавно вождь и проповѣдникъ сіонизма Теодоръ Герцль, талантливый фельетонистъ и авторъ цѣлаго ряда идейныхъ очерковъ и разсказовъ, издалъ незадолго до смерти романъ-утопію «Обновленная земля», въ которомъ въ беллетристической формѣ пытается изобразить будущее свободнаго еврейскаго государства въ Палестинѣ. Какъ и во всѣхъ утопіяхъ, начиная съ знаменитой «Утопіи» Томаса Мора и до Беллами, въ книгѣ Герцля художественная форма не удачна, да и не въ ней, конечно, сила. Все значеніе въ развиваемыхъ авторомъ идеяхъ и въ формѣ ихъ осуществленія, какъ она представляется автору. Герцль изображаетъ свою новую общину евреевъ не черезъ 100 или 1,000 лѣтъ, какъ другіе утописты, а черезъ 20, что даетъ ему возможность, не дѣлая головокружительнаго перехода черезъ столѣтія, рисовать новый строй въ формахѣ, возможно близкихъ къ современности. Его «Новая Община»—не соціалистическое государство, а скорѣе чрезвычайно развитое корпоративное общество, на началахъ артельности. Частная собственность остается неприкосновенной, но высоко развито все, что имѣетъ общее значеніе въ развитіи «Новой Общины». Нельзя не признать, однако, что именно эта-то сторона плохо развита въ его романѣ. Главное содержаніе его—это восторженное описаніе того, какъ хорошо устроилась Палестина послѣ переселенія туда евреевъ. По правдѣ сказать, все это довольно скучно и наивно, не говоря уже малой вѣроятности, чтобы въ два десятка лѣтъ люди могли натворить столько чудесъ въ странѣ, которая въ теченіе тысячелѣтій спала. Это соображеніе въ значительной степени ослабляетъ интересъ къ книгѣ. Присутствіе лакеевъ въ домѣ главнаго представителя «Новой Общины» дѣлаетъ нѣсколько сомнительнымъ и восторженное отношеніе къ ея основамъ; яко бы по справедливости заслуживающимъ общаго признанія. Невѣроятнымъ представляется и самый процессъ массового исхода евреевъ изъ Европы въ Палестину въ какой-нибудь десятокъ лѣтъ. Страстно увлекаясь идеей сіонизма, Герцль лишь бѣгло касается тѣхъ безчисленныхъ практическихъ затрудненій, съ которыми связано такое переселеніе. Едва ли многихъ убѣдитъ его книга въ возможности осуществить новый исходъ евреевъ, какъ бы заманчиво ни изображалось ихъ процвѣтаніе въ «Новой Общинѣ». Книга дѣлаетъ несомнѣнную честь сердцу Герцля, она проникнута страстной любовью къ своему народу, вѣрой въ его будущее и желаніемъ жизнь отдать на служеніе ему. Но и какъ художественное произведеніе, и какъ идейное, романъ—вещь слабая и мало интересная. Тѣмъ не менѣе для сіонистовъ онъ, конечно, не лишенъ значенія. *А. Б.*

«Борьба за Римъ». Феликса Дана. Историческій романъ. Переводъ съ нѣмецкаго Котляра. («Библіотека-Другъ». Изд. Поповой). Traduttori—traditori; эта итальянская поговорка невольно приходитъ въ голову по поводу лежащаго передо мной произведенія г. Котляра, изданнаго—какъ это ни странно—столь добросовѣстнымъ и щепетильнымъ издательствомъ г-жи Поповой, отъ котораго, казалось бы, нельзя было ожидать такой плохой услуги по отношенію къ русскому читателю и даровитому нѣмецкому писателю.

Творчество Феликса Дана замѣчательно своею разносторонностью и плодовитостью. Это извѣстный поэтъ, историкъ и юристъ, авторъ многочисленныхъ научныхъ сочиненій, свидѣтельствующихъ о большой эрудиціи и выдающейся ясности исторической и историко-философской мысли—если и не всегда творческой, то плодотворно критической, мѣтко обобщающей и разюмирующей выводы предшествующихъ изслѣдователей. Нѣкоторые изъ трудовъ Дана («Die Könige der Germanen») остаются до сихъ поръ капитальнѣйшими сочиненіями въ обнимаемой ими области. Обладая не первостепеннымъ, но сильнымъ и самобытнымъ литературнымъ талантомъ, Данъ написалъ рядъ беллетристическихъ произведеній, главнымъ образомъ, изъ детально изученной имъ эпохи великаго переселенія

народовъ. Сюда относится «Attila», «Biffula», «Stilicho», «Gelimer» (переведенъ на русскій языкъ) и мн. др.—въ томъ числѣ главный его романъ «Борьба за Римъ» («Ein Kampf um Rom»), выдержавшій въ Германіи, за 10 лѣтъ, 12 изданій.

Романъ обнимаетъ собою періодъ съ 526 г. по Р. Х. (смерь Теодериха Великаго) до 553 г.; содержаніе его составляетъ исторія паденія королевства остготовъ въ Италіи, переплетенное въ одно неразрывное цѣлое съ жизненными судьбами героевъ романа. Это была эпоха броженія народныхъ силъ, бурныхъ столкновеній и мирнаго взаимопроникновенія національностей, религій, міросозерцаній; броженія, изъ результатовъ котораго въ теченіе ряда вѣковъ долженъ былъ создаваться германо-романскій міръ на развалинахъ отжившей римской имперіи. Среди множества растущихъ и сталкивающихся силъ, выступаютъ на первый планъ три силы, играющія главную роль въ борьбѣ за Римъ, или вѣрнѣе, за господство въ Италіи. Съ одной стороны, восточно-римская (византійская) имперія—съ ея глубокимъ, разъѣдающимъ весь общественный строй, упадкомъ, но съ неумирающею культурною силою,—разрушаемая со всѣхъ сторонъ ударами внѣшнихъ враговъ, главнымъ образомъ сѣверныхъ народовъ, желѣзною необходимостью принуждаемыхъ двигаться на югъ, за новыми землями для пропитанія неудержимо растущаго населенія; съ другой стороны, наиболѣе даровитый изъ этихъ сѣверныхъ народовъ *)—остготы, соединявшіе свѣжія силы молодой нетронутой расы съ блестящими интеллектуальными дарованіями, но осужденные на гибель вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій—главнымъ образомъ, вслѣдствіе исторической преждевременности созданія въ Италіи германо романскаго государства; наконецъ, еще въ тѣни, мало замѣтная—сама Италія, гдѣ наряду съ вѣяніями древнихъ идеаловъ римскаго могущества, одушевляющихъ небольшую, но блестящую, группу даровитыхъ мечтателей—понемногу пробивается новая реальная сила: римская церковь. На этомъ историческомъ фонѣ, глубоко и ярко освѣщенномъ авторомъ, движутся и дѣйствуютъ его герои, историческія и не историческія личности съ ихъ страстями, надеждами, желаніями. Особенно удачны историческія фигуры Дана; это не манекены, облеченные въ туманную ткань расплывчатыхъ характеристикъ, это живые люди. Византійскій историкъ Прокопъ съ его слабымъ, но не чуждымъ благородства характеромъ, съ его противорѣчивымъ умомъ—то острымъ и трезвымъ, то наивно близорукимъ, то насмѣшливо скептическимъ, то дѣтски суевѣрнымъ, съ его политическимъ равнодушіемъ и глухою оппозиціей противъ византійскаго режима; сложная, не менѣе противорѣчивая личность императора Юстиніана; король Теодерихъ, геніальный основатель могущества остготовъ въ Италіи, съ его желѣзною волей, неукротимымъ нравомъ и свѣтлымъ умственнымъ взоромъ величайшаго государя своего времени; всѣ эти лица превосходны. Это поистинѣ близкіе къ совершенству образцы гармоническаго соединенія художественной и исторической правды. Среди тѣхъ героевъ романа, созданіе которыхъ почти цѣликомъ принадлежитъ вымыслу автора, приковываетъ вниманіе, болѣе другихъ, полный эпическимъ величіемъ могучій образъ Гильдебранда, героя народныхъ сагъ, стараго оруженосца Теодориха; а также прелестная, привлекательная фигура молодого герцога Адальгота, свѣтлаго, жизнерадостнаго и чистаго юноши, вносящаго отрадный лучъ безмятежнаго свѣта въ послѣднюю часть романа, гдѣ долго подготовлявшееся паденіе королевства разрѣшается неизбѣжной катастрофой. Самъ авторъ въ одномъ мѣстѣ романа сопоставляетъ эти двѣ фигуры образнымъ выраженіемъ: «серебристо-сѣдое прошлое и золотая будущность».

---

*) См. *Gregorovius*. „Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter“.

Женскіе характеры въ «Борьбѣ за Римъ» (какъ и вообще въ романахъ Дана) значительно слабѣе: они отличаются меньшею выдержанностью и меньшею оригинальностью. Послѣднее, впрочемъ, не мѣшаетъ нѣкоторымъ изъ нихъ обладать чарующимъ обаяніемъ; таковъ милый образъ еврейки Миріамъ, воплощеніе беззавѣтной женской любви и самоотверженія. Другія женскія лица болѣе блѣдны; зато одинъ изъ нихъ—императрица Θеодора — изображенъ съ рѣдкимъ мастерствомъ, несмотря на неоднократную трактовку этого образа въ литературѣ. Рядъ славныхъ готскихъ дѣятелей завершаетъ собою послѣдній готскій король Тейя, человѣкъ, съумѣвшій—когда оставался только выборъ между гибелью или подчиненіемъ Византіи—сознательно повести свой народъ на смерть, съ геніальною прозорливостью и съ доблестью, въ которой, по словамъ византійца Прокопа «не превзошелъ его ни одинъ герой». Въ этой глубоко-сознательной, возвышенной и чистой личности пылкая мощь огромной индивидуальности, навсегда омраченной, но не сломленной страшной трагедіей личной жизни и безысходнымъ сознаніемъ неотвратимой гибели королевства, соединяется у Дана съ даромъ поэтическаго творчества. Отдѣльные эпизодическіе типы въ романѣ—еврей Іохемъ, римлянинъ Бальбусъ, германскій наемникъ Гарицо и др.—обрисованы съ такою же тщательностью, какъ и главныя дѣйствующія лица.

Таково въ общемъ содержаніе романа, которому въ Россіи выпало на долю доставаться переводчикамъ, абсолютно не умѣвшимъ или не желавшимъ создать нѣчто, хоть сколько-нибудь дающее понятіе о подлинникѣ.

Первый переводъ былъ изданъ—въ корректурномъ отношеніи весьма плохо—нѣсколько лѣтъ тому назадъ редакціею журнала «Переводы отдѣльныхъ романовъ» и представляетъ, повидимому, сборный трудъ нѣсколькихъ (болѣе или менѣе неумѣлыхъ) переводчиковъ. Написанный прескевернымъ языкомъ, тяжело и нескладно, онъ переполненъ всякаго рода неточностями и искаженіями смысла, свидѣтельствующими объ основательномъ незнаніи языка подлинника, и вообще въ высшей степени далекъ отъ того, что принято называть удовлетворительнымъ переводомъ. И все-таки этому (мѣстами прямо безграмотному) переводу приходится отдать предпочтеніе передъ вышедшимъ теперь, въ 1904 году, переводомъ г. Котляра. Здѣсь, правда, меньше чисто внѣшнихъ погрѣшностей: языкъ гладокъ и, если не красивъ, то по крайности не рѣжетъ уха. Но это и все. Основнымъ недостаткомъ «перевода», который есть не болѣе какъ сжатый пересказъ подлинника, является совершенно невозможная краткость, въ которой пропадаетъ и историческій колоритъ, и характеры, и событія. Это не романъ, а остовъ, скелетъ романа: и какой скелетъ!.. По поводу него вспоминается извѣстная нѣмецкая сказка о томъ, какъ одинъ солдатъ хотѣлъ повторить чудо колдуна, который, сваривъ тѣло въ котлѣ, сложилъ въ должномъ порядкѣ кости и приказалъ имъ ожить. Солдатъ хотѣлъ продѣлать то же самое, но по невѣдѣнію и неосторожности часть костей растерялъ, а остальныя перепуталъ: сложилъ ключицы съ ступнями, позвонки съ пальцами... и очень удивился, когда несчастный покойникъ не повиновался его приказанію одѣться плотью и воскреснуть.

Переводчикъ сдѣлалъ изъ трехъ томовъ нѣмецкаго изданія одинъ небольшой томикъ, причемъ пропущены не только цѣлыя страницы описанія, разговоровъ, психологическаго анализа (чтобы перечислить эти пропуски, пришлось бы указать почти всѣ страницы романа), но цѣлыя *главы* (во II, IV, V, VI книгахъ нѣмецкаго изданія). Понятно, что эти пропуски совершенно искажаютъ смыслъ; тѣмъ болѣе, что переводчикъ, вырывая середину изъ какого-либо разговора, не даетъ себѣ труда даже связать какъ слѣдуетъ оставшіяся части, и получающіяся несообразности иногда въ высокой степени комичны (стр. 302). Тамъ, гдѣ пропуски достигаютъ уже совсѣмъ неестественныхъ размѣровъ—

перестаютъ быть понятными дальнѣйшія событія, чувства и мотивы, руководящіе героями. Достаточно остановиться на наиболѣе рѣзкомъ примѣрѣ. Въ VI книгѣ пропущены сцены въ Византіи между римскимъ префектомъ Цетегусомъ, одно время держащимъ въ рукахъ всѣ нити политическихъ событій, и императрицей Θеодорой, а также его сцена съ женой Велизарія. Эти сцены проливаютъ свѣтъ на роль всѣхъ трехъ въ процессѣ Велизарія; безъ нихъ рѣшительно невозможно правильно понять послѣдующія событія. О пропускахъ чисто художественныхъ картинъ, которые лишаютъ романъ половины его прелести, и говорить нечего. Сцена народнаго собранія готовъ (ст. 174), свадьба короля Витихиса (195), сцены между Адальготомъ и его будущей женой, между нимъ и Тейей (182), пріѣздъ короля Гаральда на пиръ къ Тотилѣ (184), сцена невѣсты Тотилы, Валеріи, съ влюбленнымъ въ нея корсиканцемъ Агаллой (302), послѣдняя битва готскаго народа при Monte Lactarium (336)—все это обезображено, изуродовано, искалѣчено сокращеніями и перевираніями до неузнаваемости. Пропадаетъ вся художественная красота, пропадаетъ добрая половина смысла. Рядъ стихотвореній, составляющихъ совершенно необходимую часть романа—пѣсни Адальгота, Тейи, Гаральда—переводчикъ безцеремонно пропускаетъ, не давая себѣ труда пересказать ихъ хотя бы кратко въ прозѣ, или, по крайней мѣрѣ хоть *упомянуть* объ ихъ существованіи. Такъ же поступлено и съ многочисленными эпиграфами, изреченіями, латинскими выраженіями, встрѣчающимися въ подлинникѣ.

Но еще худшимъ, чѣмъ все остальное, являются произвольныя перемѣщенія переводчикомъ отдѣльныхъ мѣстъ романа изъ одной главы въ другую. Достаточно иллюстрировать этотъ, не требующій комментарій, «литературный пріемъ» однимъ примѣромъ. Въ IV книгѣ пропущена (кромѣ нѣсколькихъ словъ) вся вторая глава III: разговоръ наединѣ между Витихисомъ и Тейей, въ саду, во время празднества по поводу избранія короля Теодагада. Изъ этой превосходной сцены выхваченъ потрясающій разсказъ Тейи о его юности, перенесенъ вопреки всякому смыслу, въ главу *четырнадцатую* (вмѣсто второй) и, перевранный и до нельзя сокращенный, но все же занимающій страницу, вложенъ въ уста Тейи въ присутствіи тысячной толпы, притомъ въ такое время, когда и ему и Витихису каждая минута дорога!.. Спрашивается, какъ отнестись къ такому «переводу»? Неужели не слѣдовало, при мало-мальски совѣстливомъ отношеніи къ печати и читателю, назвать подобное произведеніе *передѣлкой*, предоставивъ другимъ судить, имѣетъ ли она достаточно общаго съ нѣмецкимъ романомъ?

Что касается до словесной точности, то, какъ и слѣдовало ожидать, она весьма и весьма сомнительна. Безчисленное множество фразъ передано съ уклоненіемъ отъ смысла, иныя вовсе невѣрно. Казалось бы, владѣя нѣмецкимъ языкомъ, невозможно переводить «sie hatten kaum den Freund erkannt» («они едва узнали друга») словами: «всѣ *тотчасъ узнали* Тейю» (стр. 138). А вотъ нѣчто уже совсѣмъ удивительное. Въ подлинникѣ стоитъ «er stürzte wie blitzgetroffen, nieder» («онъ упалъ, какъ пораженный молніей»), а въ переводѣ (стр. 134) «онъ... сталъ». И такихъ курьезовъ въ книгѣ довольно много.

Послѣ этого не заслуживаютъ особаго вниманія искаженія собственныхъ именъ (Амалы—вмѣсто Амалеры), какъ и то обстоятельство, что переводчикъ, повидимому, не знаетъ разницы между Іудеей и Іудой (стр. 84)! Интересны выноски. Поясняя въ нихъ такія слова, какъ «готы», «вандалы», переводчикъ, вѣроятно, вслѣдствіе собственнаго непониманія, оставляетъ безъ всякаго объясненія гораздо менѣе понятные термины: «тингъ», «сайоны», и т. п. и допускаетъ въ своемъ текстѣ такое дикое и вовсе не соотвѣтствующее дѣлу слово, какъ «тингъ-стулъ». Встрѣчаются также и слова, недопустимыя въ романѣ VI вѣка, напр., «рыцарь» (стр. 284; въ оригиналѣ «Held»)...

Переводъ г. Котляра принадлежитъ къ числу изданій библіотеки «Другъ». Трудно сказать, чьимъ другомъ можетъ стать это своеобразное твореніе,—одно несомнѣнно—что иностраннымъ авторамъ и русскимъ читателямъ надо пожелать возможно меньше такихъ «друзей». *С.*

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

С. Венгеровъ. „Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ".—*Л. Мельшинъ.* „Очерки русской поэзіи".—*К. Головинъ.* „Русскій романъ и русское общество".

С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. (Историко-литературный сборникъ). Томъ VI Спб. 1897—1904. По мысли С. А. Венгерова, приступившаго къ изданію словаря въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, словарь долженъ былъ представить сводъ біографическихъ (или автобіографическихъ) и библіографическихъ данныхъ и дать критическую оцѣнку дѣятельности всѣхъ русскихъ людей, которые оставили слѣдъ въ русской литературѣ и наукѣ. Съ появленіемъ настоящаго шестого тома измѣняется характеръ изданія: оно превращается въ историко-литературный сборникъ, дающій матеріалы самаго различнаго рода какъ въ обработанномъ, такъ и въ сыромъ видѣ. Съ этого же тома г. Венгеровъ начинаетъ печатать обширный автобіографическій архивъ «Критико-біографическаго словаря». Значеніе словаря, какъ очень цѣннаго собранія матеріаловъ для изученія русской литературы, не уменьшается съ измѣненіями въ его планѣ. Словарь попрежнему остается необходимымъ пособіемъ для всякаго спеціалиста-историка, но онъ имѣетъ не только спеціальное, а и общее значеніе. Всякій читатель, которому дороги судьбы нашей литературы, съ острымъ любопытствомъ пробѣгаетъ десятки біографій и автобіографій. Сначала интересы его сосредоточиваются на лицахъ, наиболѣе крупныхъ и замѣчательныхъ, но потомъ положительно всѣ біографическіе и автобіографическіе этюды становятся одинаково интересными. Это наблюденіе отнюдь не парадоксально: при первомъ знакомствѣ съ словаремъ интересуютъ индивидуальныя частности въ біографіи одного, другого, третьяго писателя, но достаточно прочесть подрядъ нѣсколько статей, какъ вы убѣдитесь, что во всѣхъ біографіяхъ повторяются однѣ и тѣ же подробности. Вниманіе привлечено къ общимъ очертаніямъ біографіи русскаго писателя, къ почти всегда готовымъ рамкамъ для біографіи. Особенность, присущая только русской литературѣ! Нигдѣ не тратится столько писательскихъ силъ на преодолѣніе внѣшнихъ препятствій. Является грустное чувство, когда подумаешь о количествѣ столь безплодно затраченной энергіи. Въ біографіяхъ и автобіографіяхъ передъ читателемъ разыгрывается яркая картина общественныхъ условій, въ которыхъ живетъ русская литература.

Шестой томъ распадается на двѣ части. Въ первой помѣщены статьи въ различной степени обработанныя, иногда съ подборомъ библіографическихъ указаній и на основаніи автобіографическихъ записокъ. Изъ обстоятельныхъ статей этого отдѣла намѣтимъ очерки Вс. Чешихина объ И. Я. Вѣтринскомъ, Венгерова о Рѣшетниковѣ, Боцяновскаго о Брусиловѣ, Стасова объ И. И. Янжулѣ, Н. П. Буличѣ, В. Зайцевѣ и Н. Дмитріевѣ. Статья о Зайцевѣ, написанная анонимомъ, близко знавшимъ покойнаго публициста, критика и эмигранта, содержитъ массу данныхъ, впервые оглашаемыхъ въ русской печати, о заграничной дѣятельности Зайцева, объ его участіи въ интернаціоналѣ и др. Во второй части шестого тома напечатаны автобіографіи цѣлаго ряда лицъ въ алфавитномъ порядкѣ, отъ Абрагамсона до Березовскаго. Автобіографіи

носятъ различный характеръ: однѣ сухи, сжаты и совершенно не раскрываютъ личности автора, другія—искренни и правдивы, третьи ужъ слишкомъ разсчитаны на опредѣленный эффектъ. Но изъ всѣхъ автобіографій быть можетъ одна, двѣ свободны отъ указаній на тяготу русской жизни. А нѣкоторыя признанія прямо поразительны. Вотъ, напр., священникъ Беллюстинъ пишетъ: «главное содержаніе моей автобіографіи—мои борьбы, за все время моей служебной дѣятельности (48 лѣтъ) со своимъ чиноначаліемъ по вопросамъ о духовенствѣ, о свободѣ совѣсти и т. п. и съ духовной цензурой. Возможно-ль сообщать все это теперь, особенно при существующихъ условіяхъ печати». Автобіографія Н. П. Ашешова можетъ быть названа очеркомъ изъ исторіи провинціальной печати въ Россіи. Любопытны свѣдѣнія, сообщенныя о себѣ г. Амфитеатровымъ, котораго принципіальная разница взглядовъ заставила въ мартѣ 1899 года отказаться отъ участія въ «Новомъ Времени». Въ это время онъ, г. Амфитеатровъ, читалъ денно и нощно Герцена и въ результатѣ чтенія могъ заявить: «дорога моя опредѣлилась... Буду идти по ней, покуда живъ». Безусловно интересны съ точки зрѣнія психологіи художественнаго творчества признанія К. Д. Бальмонта. Читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы приведемъ отвѣтъ Бальмонта на вопросъ о замѣчательныхъ событіяхъ его жизни. «Самыми замѣчательными событіями,—пишетъ К. Д. Бальмонтъ,—своей жизни я считаю тѣ внутренніе внезапные просвѣты, которые открываются иногда въ душѣ по поводу самыхъ незначительныхъ внѣшнихъ фактовъ. Я затрудняюсь поэтому отмѣтить, какъ болѣе «значительныя» какія либо событія въ личной жизни. Однако попытаюсь перечислить. Первая страстная мысль о женщинѣ (въ возрастѣ пяти лѣтъ), первая настоящая влюбленность (девяти лѣтъ), первая страсть (четырнадцати лѣтъ). Впервые сверкнувшая, до мистической убѣжденности, мысль о возможности и неизбѣжности всемірнаго счастья (семнадцати лѣтъ, когда однажды во Владимірѣ, въ яркій зимній день съ горы я увидѣлъ вдали чернѣющій длинный мужицкій обозъ). Прочтеніе «Преступленія и наказанія» (шестнадцати лѣтъ) и въ особенности «Братьевъ Карамазовыхъ» (семнадцати лѣтъ). Эта послѣдняя книга дала мнѣ больше, чѣмъ какая либо книга въ мірѣ. Первая женитьба (двадцати одного года, черезъ пять развелся). Вторая женитьба (двадцати восьми лѣтъ). Самоубійство нѣсколькихъ моихъ друзей во время моей юности. Моя попытка убить себя (двадцати двухъ лѣтъ), бросившись черезъ окно на камни съ высоты третьяго этажа (разные переломы, годъ лежанья въ постели и потомъ небывалый расцвѣтъ умственнаго возбужденія и жизнерадостности). Писанье стиховъ (первые въ возрастѣ девяти лѣтъ, затѣмъ семнадцати, двадцати одного). Многочисленныя путешествія въ Европѣ (особенно поразила Англія, Испанія и Италія»).

Изъ другихъ отмѣтимъ автобіографіи Е. В. Аничкова, Берви-Флеровскаго, Н. А. Бердяева, А. Э. Алѣева, Я. И. Баршева. *П. Щ.*

Л. Мельшинъ (П. Ф. Гриневичъ). Очерки русской поэзіи. Изд. ред. журн. «Русское Богатство». Спб. 1904. Поэтъ и авторъ «Въ мірѣ отверженныхъ» выступаетъ нерѣдко на страницахъ «Русскаго Богатсва», какъ критикъ. Нынѣ онъ выпустилъ отдѣльнымъ изданіемъ свои критическіе опыты: собранія удостоились не только статьи, но и замѣтки, даже мельчайшія изъ библіографическаго отдѣла, тѣ замѣтки, которымъ не суждено жить больше мѣсяца. Въ книгѣ находимъ болѣе и менѣе значительные по размѣру этюды о Пушкинѣ, Некрасовѣ, Надсонѣ, Тютчевѣ и Фетѣ и рядъ «библіографическихъ» отзывовъ о современныхъ поэтахъ. Тутъ нашли себѣ оцѣнку Минскій, Андреевскій, Фругъ, К. Льдовъ, К. М. Фофановъ, Коринфскій, Чюмина, Облеуховъ, Бальмонтъ, Брюсовъ, Танъ, Вл. Соловьевъ, Allegro, Федоровъ, Бунинъ, Лохвицкая, Щепкина-Куперникъ, Галина. Что же даетъ намъ г. Мельшинъ

какъ критикъ? Съ какимъ пріемомъ приступаетъ онъ къ критическому изученію поэтовъ и какія задачи онъ предъявляетъ критикѣ искусства? Въ его критическихъ пріемахъ мы не найдемъ ничего оригинальнаго. Онъ слѣдуетъ распространенной у насъ въ послѣднее время критической манерѣ разыскивать основную черту художественной психологіи писателя и, разыскавъ ее, обозначить ее формулой и сквозь призму этой особенности разсмотрѣть все творчество писателя. Такимъ методомъ, между прочимъ, всегда пользовался Н. К. Михайловскій Этотъ методъ приложимъ къ небольшимъ, несложнымъ писателямъ, но онъ совершенно не годится для разъясненія смысла творчества великихъ писателей съ многосложной душой. Искусственно созданная категорія основной черты, особенности совершенно не выражаетъ дѣйствительности и отнюдь не содѣйствуетъ должному пониманію писателя. Самый яркій примѣръ— односторонняя оцѣнка Достоевскаго въ статьѣ Михайловскаго «Жестокій талантъ». И г. Мельшинъ ищетъ основныхъ особенностей и словесныхъ формулъ. Сущность поэта Пушкина вся въ томъ, что онъ «пѣвецъ гуманной красоты»; Надсонъ опредѣляется, какъ «пѣвецъ первыхъ юныхъ силъ», Фетъ—какъ поэтъ-пантеистъ, призванный открывать намъ «чудеса вседневнаго мира». Тютчевъ остается въ своей поэзіи «на высотѣ», и его поэзія «цѣнна именно потому, что держитъ мысль и чувство читателя въ постоянномъ напряженіи, зажигая тоской по идеалу». Такова сущность поэтическихъ оцѣнокъ г. Мельшина. Въ нихъ совсѣмъ не видно желанія подойти ближе къ писателю, заглянуть въ тайники души, настроиться сочувственно его душѣ. Стоило ли на самомъ дѣлѣ браться за изученіе Пушкина для того, чтобы убѣдиться въ справедливости оцѣнки, данной поэтомъ въ «Памятникѣ»: «И долго буду тѣмъ любезенъ я народу, что чувства добрыя я лирой пробуждалъ» и т. д. А въ своемъ стремленіи найти основную категорію г. Мельшинъ совершенно просмотрѣлъ сложность души Пушкина и мучительность его думъ. Когда г. Мельшинъ разсуждаетъ о Тютчевѣ, для него за семью печатями остается мистицизмъ его поэзіи. Положимъ, что г. Мельшину этотъ мистицизмъ, можетъ быть, и непріятенъ, но, вѣдь, онъ существовалъ для Тютчева, а критикъ, собирающійся нащупать центральный нервъ его поэзіи, обязанъ оцѣнить всю значительность мистицизма для поэзіи Тютчева.

Эта методологическая односторонность г. Мельшина стоитъ въ соотвѣтствіи съ его представленіемъ о задачахъ критики. Обязанность критика—выяснить общественную полезность писателя въ данный моментъ. Г. Мельшину легко было сдѣлать это относительно Некрасова. Этюдъ о Некрасовѣ, безспорно, лучшій въ книгѣ: видно, что г. Мельшинъ настроенъ сочувственно музѣ мести и печали и на его языкѣ появляются даже краски. Не трудно было оцѣнить и Надсона, но гораздо труднѣе было сдѣлать это относительно Пушкина и, наконецъ, огромныя трудности представляла расцѣнка Фета и Тютчева, которые и до сихъ поръ для огромнаго большинства являются ничтожными величинами. И несомнѣнно, элементарныя статьи г. Мельшина не поспособствуютъ росту пониманія Фета и Тютчева, но благодѣтельно отзовутся на ихъ репутаціи: вѣдь какъ ни какъ, г. Мельшинъ доказалъ, что и Фетъ съ Тютчевымъ «полезны». Признавая особенностью тютчевской поэзіи горделивое пареніе надъ жизнью и оговариваясь, что одного паренія слишкомъ мало для побѣды, г. Мельшинъ все же признаетъ, что оно—первое и необходимое условіе побѣды: слѣдовательно, Тютчевъ оправданъ! Считая поэзію Фета поэзіей радости и цѣнности земного существованія, г. Мельшинъ указываетъ на то, что такая поэзія является источникомъ наслажденія для палача и для жертвы, въ этомъ ея значеніе. И потому «мы смѣло можемъ признать его, какъ бы ни были для насъ чужды и даже антипатичны общественные идеалы поэта». Итакъ, правда, не безъ нѣкотораго стѣсненія, выносимъ оправдательный приговоръ и Фету! Во всякомъ случаѣ,

знаменательно, что поэзія Фета и Тютчева производитъ внечатлѣніе на критика, хотя все же остается ему мало доступной.

У г. Мельшина встрѣчаемъ поразительныя замѣчанія. Ему, напр., не нравится великолѣпное стихотвореніе Тютчева:

„Слезы людскія, о слезы людскія,
Льетесь вы ранней и поздней порой,—
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,
Неистощимыя, неисчислимыя,
Льетесь, какъ льются струи дождевыя,
Въ осень глухую, порою ночной".

По поводу этихъ стиховъ г. Мельшину «приходится сказать, что это какія-то абстрактныя, лишенныя живой скорби и горечи слезы,—*одинаково слезы нищаго, какъ и вельможи*» (курсивъ нашъ)». Такъ вотъ что смущаетъ г. Мельшина! Тютчева тронула грандіозность человѣческаго горя, необыкновенное, колоссальное до фантастичности обиліе слезъ, а г. Мельшинъ возмутился тѣмъ, что Тютчевъ говоритъ «одинаково о слезахъ нищаго, какъ и вельможи»! Не нужно коментарій и къ другому его мнѣнію о «Черни» Пушкина. Въ глазахъ г. Мельшина—«стихотвореніе «Чернь» навсегда останется свидѣтельствомъ одного изъ печальнѣйшихъ и антипатичнѣйшихъ заблужденій великаго поэта». Но если мы попросимъ г. Мельшина вспомнить все, что онъ знаетъ о Пушкинѣ изъ его біографіи и сочиненій, и сказать, ненавидѣлъ ли, презиралъ ли Пушкинъ свой народъ, этихъ крестьянъ, вѣдь онъ не рѣшится утвердительно отвѣчать на этотъ вопросъ. Онъ разсуждаетъ о народолюбіи Пушкина съ точки зрѣнія семидесятыхъ годовъ, но эта точка зрѣнія никакъ не подойдетъ къ Пушкину: народъ пушкинской эпохи и народъ семидесятыхъ годовъ—созвучныя понятія, окрашенныя въ совершенно различные цвѣта.

У г. Мельшина нѣтъ поэтической чуткости и совсѣмъ недостаточно любовнаго отношенія къ поэзіи, къ поэтамъ, того бережно-любовнаго отношенія, которое такъ необходимо для критика. Развѣ можно, напр., подходить къ Пушкину съ столь незначительными свѣдѣніями, какія есть у г. Мельшина. Г. Мельшинъ, напр., говоритъ, что Пушкинъ держалъ подъ спудомъ «Бориса Годунова», не надѣясь на сочувственный пріемъ публики, но г. Мельшину стыдно не знать исторію «Бориса Годунова». Пушкинъ представилъ пьесу государю Николаю Павловичу, а тотъ написалъ: «Я считаю, что цѣль г. Пушкина была бы выполнена, если бы съ нужнымъ очищеніемъ передѣлалъ комедію свою въ историческую повѣсть или романъ, на подобіе Вальтера Скотта». И Пушкину было предложено переработать «Годунова» и т. д. Понятно, онъ долженъ былъ выждать, когда забудется этотъ отзывъ. Г. Мельшинъ объясняетъ, что Пушкинъ скрывалъ въ своемъ портфелѣ такой шедевръ, какъ «Для береговъ отчизны дальной» опять же изъ пессимистическаго отношенія къ себя и малодушія. Но г. Мельшинъ долженъ знать, что Пушкинъ избѣгалъ опубликовывать слишкомъ интимныя свои произведенія. Г. Мельшину слѣдовало бы лучше изучить Пушкина.

Но если критикомъ «оправданы» Пушкинъ, Тютчевъ и Фетъ, то современнымъ поэтамъ достается отъ него очень сильно. Мы уже отмѣтили неспособность г. Мельшина переноситься въ настроеніе разбираемаго имъ писателя. Понятно, мотивы современной поэзіи остаются ему совершенно чуждыми. Изъ нашихъ современниковъ наиболѣе доступны для пониманія критика Андреевскій, Льдовъ, Облеуховъ, Чюмина, Галина. Уже Минскій непонятенъ ему, Бальмонтъ недоступенъ ему до смѣшного... Въ рецензіяхъ на Минскаго, Бальмонта, Брюсова г. Мельшинъ отдѣлывается остротами и смѣхомъ. Вообще, г. Мельшинъ пишетъ довольно хлестко, не безъ остроты, но въ книгѣ его остроты набиваютъ оскомину. Процессъ зарожденія остротъ у г. Мельшина

крайне однообразенъ. Минскiй выразился, что мысль его превратится въ «сожженную» пустыню. Г. Мельшинъ острить и называетъ Минскаго «сожженнымъ». Эта острота ему такъ нравится, что онъ повторяетъ ее неоднократно. Или, напр., такая острота. Одинъ поэтъ пишетъ: «хочу... въ глубь земли корнями жадно впиться, какъ дубъ растетъ, всю жизнь свою расти». Г. Мельшинъ острить: «это—по истинѣ дубовая мечта». И всѣ остроты въ такомъ же родѣ. *П. Щеголевъ.*

К. Ѳ. Головинъ (Орловскiй). Русскiй романъ и русское общество. Изданiе 2-е. Спб. 1904 г. Стр. 520. Цѣна 3 руб. На обложкѣ книги значится, что первое изданiе ея было одобрено для разныхъ библiотекъ и удостоено пушкинской премiи. Что книга «одобрена», въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго, такъ какъ извѣстно, что для такого одобренiя требуется, главнымъ образомъ, «благонамѣренность» содержанiя. Но получить пушкинскую премiю не такъ легко, какъ одобренiе ученаго комитета. Тутъ одной благонамѣренности недостаточно. Невольно является вопросъ: какiя же достоинства нашла академическая критика въ книгѣ, которая въ свое время была встрѣчена рецензентами довольно сурово, о которой въ одной рецензiи было сказано, что «это скорѣе рядъ небрежныхъ замѣтокъ, пристрастныхъ и одностороннихъ, не связанныхъ какой-либо общей идеей?» Беремъ отчетъ о 13-мъ присужденiи пушкинскихъ премiй и читаемъ обширную рецензiю (болѣе двухъ печатныхъ листовъ) такого почтеннаго критика, какъ К. К. Арсеньевъ. Оказывается, что въ рецензiи говорится гораздо больше о недостаткахъ, чѣмъ о достоинствахъ книги г. Головина, хотя и въ очень мягкой формѣ. Тутъ прежде всего указаны противорѣчiе и путаница въ разсужденiяхъ о тенденцiозности въ искусствѣ. Въ однихъ мѣстахъ своей книги г. Головинъ сурово осуждаетъ тенденцiозность, говоря, что «правда и справедливость для тенденцiозности недоступны», а въ другихъ—онъ «признаетъ невозможность огульнаго осужденiя тенденцiозности» и отмѣчаетъ ее въ величайшихъ произведенiяхъ русской литературы, какъ нѣчто вполнѣ законное. Далѣе отмѣченъ цѣлый рядъ парадоксовъ и ошибокъ въ сужденiяхъ г. Головина. Невѣрно утвержденiе, что «въ Россiи не было почвы для идеализацiи старины». Невѣрно, что мы заимствовали съ Запада одну только «оппозицiонную струю» романтизма. Невѣрно, что смѣхъ у Пушкина веселый, оптимистическiй и даже «похожiй на зубоскальство». Невѣрно, что у Лермонтова не было «принципiальнаго антагонизма съ цѣлымъ складомъ современной ему жизни». Невѣрно, что въ комедiи «Горе отъ ума» нельзя отыскать «ничего, что сколько нибудь» опредѣляло бы мiросозерцанiе Грибоѣдова. Невѣрно, что «у Гоголя нигдѣ не прорывается сочувствiя ни къ матерiальному, ни къ нравственному убожеству». Невѣрно, что въ литературѣ сороковыхъ годовъ только одинъ Некрасовъ горѣлъ негодованiемъ противъ крѣпостного права. Невѣрно, что «главной руководящей темой литературы сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ было изображенiе крупной личности», что вся литература того времени «представляла собою какъ бы сплошную попытку отвѣтить на вопросъ: что дѣлать?» Невѣрно, что Тургеневъ въ своихъ раннихъ произведенiяхъ задавался этими цѣлями, измышленными г. Головинымъ. Невѣрно, что Адуевъ-дядя—идеалъ Гончарова. И т. д., и т. д. Затѣмъ указывается отсутствiе въ книгѣ надлежащей симметрiи. Такъ, о Бѣлинскомъ говорится мимоходомъ, а Чернышевскому, Добролюбову и Писареву отводится 50 страницъ. Романъ Чернышевскаго разбирается въ нѣсколько разъ подробнѣе, чѣмъ, напримѣръ, «Дворянское гнѣздо», «Братья Карамазовы» или «Анна Каренина». Отношенiе г. Головина къ движенiю шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ признается очень далекимъ отъ безпристрастiя и справедливости; такъ, онъ говоритъ «преимущественно» о слабыхъ сторонахъ этого движенiя. Характеристика «современнаго затишья», по мнѣнiю г. Арсеньева,

также «грѣшитъ односторонностью». Въ сужденіяхъ г. Головина о Тургеневѣ и Хвощинской много несправедливаго. Вообще, вся книга г. Головина, по мнѣнію академическаго рецензента, «носитъ на себѣ ясный отпечатокъ симпатій и антипатій автора». Но, не смотря на это признаніе явной тенденціозности, не смотря на обиліе парадоксовъ и ошибокъ, г. Арсеньевъ все-таки призналъ за г. Головинымъ «безспорную и немалую заслугу» и назвалъ его книгу «живой картиной одной изъ самыхъ интересныхъ сторонъ русской жизни».

Въ разборѣ книги г. Головина почтенный рецензентъ проявилъ свою обычную снисходительность. Эта снисходительность доходитъ до того, что въ заслугу г. Головину ставится даже такой фактъ, какъ признаніе Салтыкова «крупнымъ художникомъ и глубокимъ психологомъ». Но при всей снисходительности академической рецензіи общее впечатлѣніе отъ нея все-таки не въ пользу книги г. Головина. Пусть авторъ нарисовалъ «живую картину», но вѣдь эта картина явно тенденціозна, и слѣдовательно, въ ней мало правды и справедливости.

Совершенно иной выводъ былъ сдѣланъ въ краткомъ отзывѣ о книгѣ г. Головина, представленномъ коммиссіи, присуждавшей преміи. Въ этомъ отзывѣ значится слѣдующее: «Трудъ г. Головина принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ явленій современной литературы и по выбору предмета, и по мѣткости и независимости сужденій. Какъ содержаніе, такъ и изложеніе книги доказываетъ, что авторъ обладаетъ и полнымъ знаніемъ дѣла, и несомнѣннымъ талантомъ. Отзывы г. Головина о русскихъ писателяхъ отличаются и серьезностью мысли, и своеобразностью, и умѣлымъ выборомъ чертъ для яркой характеристики различныхъ направленій и ихъ представителей». Нисколько неудивительно, что послѣ такого отзыва коммиссія присудила г. Головину пушкинскую премію; приходится только удивляться, почему эта премія присуждена ему въ половинномъ, а не въ полномъ размѣрѣ. Очевидно, и въ коммиссіи большинство членовъ усомнились въ «полномъ знаніи дѣла» и въ «мѣткости сужденій» г. Головина.

Достаточный матеріалъ для такихъ сомнѣній собранъ г. Арсеньевымъ, но и его обширная рецензія далеко не исчерпываетъ всѣхъ критическихъ перловъ, разсыпанныхъ въ книгѣ «Русскій романъ и русское общество». Вотъ еще нѣсколько образчиковъ критической прозорливости и историко-литературной освѣдомленности г. Головина. Онъ увѣряетъ, что «огромный талантъ Гоголя не оказалъ на его современниковъ особеннаго воздѣйствія» (с. 66). Онъ силится доказать, что «въ сороковые годы у насъ никакой борьбы не только въ дѣйствительной жизни, но и въ литературѣ не происходило» (с. 78). Семью Багровыхъ, изображенную Аксаковымъ, онъ признаетъ такимъ «явленіемъ, на которомъ мысль и чувство могутъ остановиться, какъ на идеальной формѣ» помѣщичьяго быта (с. 127). О Чернышевскомъ говорится, что «ему наша литература обязана тѣмъ безшабашнымъ верхоглядствомъ, которое въ ней водворилось съ конца 60-хъ годовъ» (с. 183). Поэзія Некрасова, по мнѣнію г. Головина, «всегда» отличалась «предвзятымъ злобнымъ отрицаніемъ» (с. 261). Лучшимъ произведеніемъ Писемскаго признается «Взбаломученное море»—тотъ самый романъ, гдѣ, по признанію самого г. Головина, «одна безпросвѣтная гниль, одни продукты разложенія». Изъ произведеній Чехова г. Головину больше всего нравится «Разсказъ неизвѣстнаго человѣка», потому что только въ одномъ этомъ произведеніи онъ находитъ «творческую работу» автора (с. 468). Прочитавъ «Скучную исторію», критикъ задается вопросомъ: «гдѣ та внутренняя органическая идея, которою проникнуты отдѣльныя ея сцены?» И такой вопросъ ставится относительно произведенія, за которое Чеховъ названъ «поэтомъ тоски по общей идеѣ». Достойнымъ завершеніемъ цѣлаго ряда подобныхъ «мѣткихъ сужденій» можетъ служить отзывъ г. Головина

о литературной дѣятельности Горькаго, который сопоставленъ съ Мережковскимъ. Оба эти писателя, по его мнѣнію, поставляютъ читателямъ «сомнительный матеріалъ», оба «какъ бы торгуютъ поддѣльнымъ виномъ», «у обоихъ одинаково чувствуется поддѣлка вдохновенія, поэзіи и попросту искренности чувства» (с. 506).

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы судить о «мѣткости и независимости» критическихъ оцѣнокъ г. Головина. Но эта «независимость» еще нагляднѣе выступаетъ въ тѣхъ противорѣчіяхъ, которыхъ въ книгѣ г. Головина не меньше, чѣмъ явныхъ ошибокъ. Пушкинъ и Гоголь у него то романтики, то реалисты; Лермонтовъ то любуется Печоринымъ, то относится къ нему скептически. Рудинъ то безсердечный эгоистъ, то носитель, «самой горячей, самой безкорыстной любви къ ближнему». На стр. 94-й говорится: «Пора бы, наконецъ, отрѣшиться отъ удивительной маніи отыскивать въ романахъ и повѣстяхъ нашихъ крупныхъ писателей вѣчныя повторенія одного и того же лица, какъ будто такая односторонность творчества годилась бы для воспроизведенія безконечно разнообразной жизни». А на стр. 139-й на ту же тему совершенно иныя рѣчи: «Есть въ творчествѣ гр. Толстого и другая объединяющая черта — это поразительное сходство главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ его произведеніяхъ. Такое сходство встрѣчается не у одного Толстого; оно болѣе или менѣе свойственно всѣмъ писателямъ, создававшимъ живые типы, а не однѣ только безличныя фигуры. Сходство это ничто иное, какъ отраженіе личности писателя на его герояхъ». О людяхъ шестидесятыхъ годовъ на стр. 213-й сказано, что «они хлопотали и боролись не за народное дѣло, а лишь за интересы разночинца»; а на стр. же 414-й говорится, что «наша передовая литература 60-хъ годовъ была исполнена идеи служенія народу». Рѣшетниковъ сначала названъ «единственнымъ представителемъ народничества», а менѣе, чѣмъ черезъ двадцать страницъ говорится, что «его описанія народной жизни скорѣе походятъ на пасквиль, чѣмъ на произведеніе сочувствующаго народу беллетриста» (стр. 267 и 285). О Достоевскомъ говорится, что «на каторгѣ онъ нашелъ душевный миръ, благодаря единенію съ церковными идеалами народа», а нѣсколькими страницами раньше сказано, что «полнаго душевнаго мира въ немъ не было», а продолжалась «тяжелая борьба съ неотступными сомнѣніями». О «Войнѣ и Мирѣ» сначала сказано, что въ этомъ романѣ «очень много» заднихъ и тенденціозныхъ мыслей; черезъ двѣ страницы говорится, что этотъ романъ «ровно ничего не доказываетъ и не пытается доказать», что «подчеркиванія, искусственной группировки, преднамѣренныхъ сопоставленій здѣсь нѣтъ и слѣда» (стр. 360); а въ концѣ книги находится такое категорическое утвержденіе: «что Толстой намѣренно отуманилъ и исказилъ Наполеона, въ угоду своей теоріи ничтожества личности и глубокой мудрости массъ,—это несомнѣнная правда» (стр. 505).

Само собой разумѣется, книга г. Головина наполнена не одними парадоксами, ошибками и противорѣчіями. Но приведенные примѣры его «независимыхъ сужденій» не свидѣтельствуютъ ни о полномъ знаніи предмета, ни о серьезности мысли, и рекомендовать эту книгу неопытному читателю ни въ коемъ случаѣ нельзя.

Въ новомъ изданіи сочиненіе г. Головина дополнено четырьмя главами, трактующими о модернизмѣ, о гг. Мережковскомъ и Горькомъ и о «Воскресеніи» Толстого. Остальныя главы представляютъ буквальное воспроизведеніе перваго изданія. Даже явныя ошибки и опечатки остались неисправленными.

С. Ашевскій.

ПРОСВѢЩЕНІЕ.

„Эпизодическія программы". *Фр. Паульсенъ.* „Германскіе университеты".

Эпизодическія программы. Серія I. Изданіе второе. М. 1904, in 8-vo. Стр. 56. Ц. 20 коп. Въ странахъ, гдѣ понятіе объ академической свободѣ стало живымъ достояніемъ общественнаго сознанія, разнообразныя учрежденія для цѣлей самообразовательныхъ давно признаны важнымъ подспорьемъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Наряду съ университетами и школами прежняго типа, удовлетворяющими потребности болѣе или менѣе состоятельныхъ классовъ, растутъ и крѣпнутъ тамъ организаціи съ задачами просвѣтительной на научныхъ началахъ работы среди народа въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, простонародья, какъ брезгливо выразился бы иной русскій профессоръ-чиновникъ... Тамъ доступны не только научно-популярныя изданія, но и живое слово въ самыхъ разнообразныхъ его проявленіяхъ. Иное дѣло у насъ, гдѣ это живое слово вовсе отсутствуетъ, а если и допускается, то не иначе, какъ съ подлежащаго одобренія той или другой канцеляріи... Какой въ самомъ дѣлѣ смыслъ или интересъ читать публичную лекцію по бумажкѣ, отъ текста которой отступить нельзя, когда нельзя сообразоваться съ уровнемъ, настроеніями, тѣми или другими особенностями публики, собравшейся прослушать живую лекцію... И у насъ однако слово «народный университетъ» стало употребительнымъ, получило право гражданства въ литературѣ, хотя по преимуществу пользуется одностороннимъ значеніемъ. У насъ поневолѣ должны доминировать надъ лекціями и бесѣдами книжка, брошюра, программа, толковый указатель,—болѣе того, намъ приходится прилагать усиленныя заботы къ тому, чтобы доучивать и образовывать человѣка, окончившаго школу. Научный уровень школы настолько элементаренъ и сухъ, настроеніе настолько грубо тенденціозно и чуждо непосредственнаго жизненнаго содержанія, что часто тѣмъ или другимъ организаціямъ трудно миновать средняго человѣка и прямо наброситься на толпу съ своей ученой-миссіей. Къ числу организацій типа «народный университетъ» относится и коммиссія по организаціи домашняго чтенія въ Москвѣ. Ея программы на четыре года систематическаго курса, которыми она дебютировала, разсчитаны на сравнительно большого читателя, на читателя съ образованіемъ отнюдь не ниже средняго, на преподавателей средней школы и т. д. Въ этомъ ихъ достоинство и, если угодно, недостатокъ... Во всякомъ случаѣ не одинъ десятокъ тысячъ экземпляровъ «Программъ домашняго чтенія на четыре года систематическаго курса» пущенъ коммиссіей въ ту часть нашей публики, которая стремится къ образованію и не можетъ въ достаточномъ количествѣ и надлежащаго качества достать его въ школѣ. Нашелся опредѣленнаго сорта крупный читатель, онъ удовлетворенъ и обезпеченъ, такъ какъ коммиссія намѣрена постоянно подновлять и переиздавать указанныя программы. Имѣются однако читатели иного рода, читатели, которымъ большія программы не подъ силу, они интересуются тѣми или другими частными вопросами науки, вопросами текущей минуты или крупными явленіями, требующими скораго, но непремѣнно серьезнаго истолкованія. Нынѣ коммиссія и приступила къ изданію новаго типа программъ, программъ *эпизодическихъ* по отдѣльнымъ вопросамъ различныхъ наукъ съ цѣлью руководства занятіями по этимъ программамъ. Первая серія эпизодическихъ программъ, которая въ полномъ смыслѣ слова немедленно по выходѣ въ свѣтъ потребовала второго изданія, заключаетъ въ себѣ тринадцать темъ: древній Египетъ, средневѣковый городъ, исторія французской революціи, смутное время въ московскомъ государствѣ, исторія кодификаціи гражданскаго

права въ Россіи, растительныя сообщества средней Россіи, Валленштейнъ Шиллера, Байронъ и его время, Новгородскія былины, городское хозяйство и городскіе финансы, факторы преступности, основы судебной реформы 1864 года, вопросъ о смертной казни въ старой и новой литературѣ. Въ каждой такой программѣ, очень небольшой по объему, дается общая постановка темы, планъ ея изученія, провѣрочные вопросы или темы для письменныхъ работъ. Литература указывается въ небольшомъ числѣ и въ наиболѣе доступныхъ изданіяхъ. Особенность этихъ программъ заключается въ ихъ чрезвычайной подвижности: ихъ можно очень быстро переиздавать и сравнительно быстро пополнять все новыми и новыми комплектами; онѣ могутъ составляться не по одному разъ навсегда установленному шаблону, а значительно видоизмѣняться соотвѣтственно взглядамъ ихъ составителей. Дѣло въ томъ, что вопреки систематическимъ программамъ эпизодическія программы—именныя, и коммиссія беретъ на себя отвѣтственность лишь за высоту ихъ научности. Въ настоящей первой серіи самыми темами обращаютъ на себя вниманіе русскаго читателя программы подъ №№ 3 и 9; нетрудно, впрочемъ, замѣтить, что всѣ перечисленныя темы представляютъ интересъ, каждая обслужитъ свой кругъ читателей. Принимая на себя руководство домашнимъ чтеніемъ по этимъ программамъ, коммиссія можетъ по полученіи отъ читателя первой письменной работы видоизмѣнить планъ и порядокъ, намѣченный въ программѣ, примѣнительно къ обнаруженной въ работѣ читателемъ степени подготовленности. Программа такимъ образомъ въ ту или другую сторону можетъ быть приближена къ читателю, что представляется цѣннымъ въ высокой степени. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ рекомендуемъ читающей публикѣ эпизодическія программы коммиссіи по организаціи домашняго чтенія въ Москвѣ. *В. Сторожевъ.*

Фр. Паульсенъ. Германскіе университеты. Пер. съ нѣм. Г. Гроссмана. Изд. «Образованія». Спб. 1904 г. 1 р. 50 к. Сущность и оцѣнка капитальнаго труда нѣмецкаго ученаго «Германскіе университеты» даны уже въ нашемъ журналѣ еще въ февралѣ 1903 г., въ статьѣ г. Лозинскаго «Университетскій вопросъ на Западѣ». Отмѣчая, поэтому, выходъ настоящей книги на русскомъ языкѣ, укажемъ только, что по своему спеціальному характеру и изложенію этотъ цѣнный трудъ не для широкой публики, хотя по важности онъ заслуживаетъ глубокаго вниманія всѣхъ, кто имѣетъ дѣло съ вопросами университетскаго образованія. Въ первой книгѣ авторъ даетъ исторію нѣмецкихъ университетовъ, доведя ее до текущихъ дней. Эта часть, пожалуй, наименѣе интересна, будучи слишкомъ сжата и суха по необходимости, но тутъ же указана литература для тѣхъ, кто заинтересовался бы болѣе подробной исторіей возникновенія и развитія университетовъ въ Германіи. Во второй части изложено подробно современное устройство университетовъ, ихъ правовое положеніе и отношеніе ихъ къ государству и обществу.

Наибольшій интересъ представляютъ двѣ слѣдующихъ части, составляющія сущность книги: «Университетскіе преподаватели и университетское преподаваніе» и «Студенты и университетскія занятія». Здѣсь все настолько отлично отъ того, что мы привыкли видѣть у себя, что каждая мелочь имѣетъ свое значеніе для насъ. Хотя бы мы и не соглашались съ тѣми или иными выводами почтеннаго ученаго, они не теряютъ отъ этого значенія, такъ какъ все это обосновано на глубокомъ изученіи университетской жизни,—изученіи, свободномъ отъ какихъ бы то ни было предвзятыхъ цѣлей, тѣмъ болѣе «видовъ начальства»: предъ нами свободный ученый излагаетъ свободно свои взгляды, поучительные и достойные размышленія. Не слѣдуетъ при этомъ забывать огромной разницы въ положеніи нашихъ университетовъ и германскихъ, нашего студенчества и нѣмецкаго, въ зависимости отъ общихъ условій государственной и общественной жизни у насъ и въ Германіи. «Ученые не могутъ и не должны

заниматься политикой, — говоритъ Паульсенъ.—Они не могутъ этого дѣлать, если хотятъ посвятить свои силы своему призванію... Но, съ другой стороны, это не мѣшаетъ иногда и теоретикамъ приниматься со всею страстностью, на какую только они способны, за осуществленіе познанныхъ ими народныхъ идеаловъ,—достаточно вспомнить Платона и Фихте» (или Вирхова, добавимъ еще). Но первое требованіе Паульсена возможно лишь тамъ, гдѣ политика не вмѣшивается сама въ университетскую жизнь и въ науку. А примѣръ Фихте ярче всего подчеркиваетъ невозможность и для ученаго устраниться отъ политики, разъ жизнь властно ставитъ очередныя задачи, отъ которыхъ никто уже, какъ бы ни хотѣлъ, уклониться не въ силахъ. Въ современной Германіи, дѣйствительно, жизнь сложилась настолько удачно для науки, что раздѣленіе ея и политики вполнѣ возможно, хотя нѣтъ-нѣтъ и тамъ отъ поры до времени приходится ученымъ выступать на трибуну общественной борьбы въ защиту науки или искусства отъ грубыхъ посягательствъ, какъ, напримѣръ, въ извѣстномъ вопросѣ по поводу закона Гейнце противъ свободы искусства, или при повторяющихся иногда посягательствахъ церкви на свободу мысли и преподаванія. Пятая книга имѣетъ вполнѣ спеціальный характеръ, — это описаніе факультетовъ и сущности изучаемыхъ на нихъ научныхъ дисциплинъ. Здѣсь тоже есть много цѣнныхъ и важныхъ указаній, имѣющихъ большое общественное значеніе. *А. Б.*

ИСТОРІЯ.

М. Довнаръ-Запольскій. „Книга для чтенія по русской исторіи“.

Книга для чтенія по русской исторіи, составленная при участіи профессоровъ и преподавателей подъ редакціей проф. М. Б. Довнаръ-Запольскаго. Томъ I. М. 1904 г. Ц. 3 р. Стр. VII+638. Какъ видно изъ предисловія, названная «Книга для чтенія по русской исторіи» имѣетъ цѣлью удовлетворить потребностямъ средней школы и читающей публики, интересующейся предметомъ, отчасти и гг. преподавателей; нельзя не согласиться съ редакторомъ, что русская исторія бѣднѣе другихъ предметовъ и отраслей знанія обставлена пособіями какъ для учащихся и преподавателей, такъ и для широкаго круга читающей публики, желающей познакомиться съ родной исторіей въ хорошей научно-популярной обработкѣ, и такимъ образомъ потребность въ подобнаго рода книгахъ самая настоятельная. До сихъ поръ для класснаго преподаванія приходилось довольствоваться главнымъ образомъ хрестоматіей по русской исторіи Гуревича и Павловича, которая страдаетъ крупными недостатками, отличаясь въ значительной мѣрѣ устарѣлымъ матеріаломъ и охватывая далеко не всѣ стороны исторической жизни нашей родины. Въ виду этого появленіе въ печати такой книги, какъ названная нами хрестоматія подъ редакціей проф. Довнаръ-Запольскаго, пріобрѣтаетъ тѣмъ большій интересъ. Посмотримъ теперь, насколько удачно она составлена и пригодна для намѣченныхъ цѣлей.

Книга разсчитана на подготовленнаго читателя и составлена изъ спеціально для нея написанныхъ авторами статей по отдѣльнымъ вопросамъ, и по своему характеру очень напоминаетъ извѣстную хрестоматію по исторіи среднихъ вѣковъ подъ редакціей проф. П. Г. Виноградова; при выборѣ и составленіи статей редакція имѣла цѣлью, «чтобы послѣдовательный подборъ ихъ... развернулъ передъ читателями общую картину русской исторической жизни, фиксировавъ вниманіе ихъ на наиболѣе существенныхъ звеньихъ историческаго процесса». Все изданіе предположено въ 5 томахъ. Уже судя по одному этому,

а также по объему I-го тома (638 стр.), обнимающаго собою время до половины XIII в., можно надѣяться, что рецензируемая «Книга для чтенія» въ цѣломъ видѣ будетъ богата матеріаломъ. Обратимся къ содержанію I тома. Крупнымъ достоинствомъ книги служитъ разносторонность матеріала, относящагося преимущественно къ внутренней исторіи Руси и обнимающаго самыя разнообразныя стороны древнерусской жизни: читатель найдетъ тутъ статьи и о соціально-экономическомъ строѣ, и объ юридическихъ формахъ, и о матеріальной и духовной культурѣ; ни одна сторона быта не упущена изъ виду. Словомъ, по подбору матеріала сборникъ очень интересенъ. Въ немъ мы находимъ цѣлый рядъ ясно и общедоступно написанныхъ статей, изъ которыхъ особенно стоитъ отмѣтить статьи проф. Довнаръ-Запольскаго: «Скиѳскія могилы», рисующія ярко бытъ скиѳовъ, «Вѣче», «Князь и княжеское управленіе», «Дружина и боярство»—хорошіе очерки соціальнаго и юридическаго характера; «Древне-русскій городъ» и «Промышленность и торговля» г. Катаева (нужно замѣтить, что статьи юридическаго и соціально-экономическаго характера занимаютъ около ½ книги), затѣмъ очерки «Господинъ Великій Новгородъ» (г. Гнѣвушина) и «Очередной порядокъ княжескаго владѣнія» (г. Шмелева), дающіе читателю хорошее знакомство съ данными вопросами. Статьи объ инородческомъ элементѣ въ древне-русской исторіи (напр., «Финны» проф. Смирнова, «Волжскіе болгары»—его же) составлены умѣло, но слишкомъ длинны. Обращаемъ еще вниманіе читателей на живой «Очеркъ быта древнерусскихъ славянъ» (прив.-доц. Шамбинаго), главнымъ образомъ по лѣтописнымъ арабскимъ и византійскимъ источникамъ, и на ст. г. Иванова: «Догосударственный бытъ русскихъ племенъ», въ доступной формѣ излагающую теоріи С. М. Соловьева, славянофиловъ и задружную теорію проф. Леонтовича.

Конечно, можно только привѣтствовать рѣшеніе редакціи «ограничить выборъ темъ наиболѣе существенными вопросами внутренней жизни, устраняя, напр., описанія военныхъ событій, дипломатическихъ сношеній и т. п.», что занимало слишкомъ большое мѣсто въ старыхъ хрестоматіяхъ. При всемъ томъ, первый томъ сборника страдаетъ излишней полнотой: для цѣлей класснаго преподаванія и самообразованія, намъ думается, врядъ ли нужно начинать изложеніе отечественной исторіи съ похода аргонавтовъ и подробнаго изображенія судебъ греческихъ черноморскихъ колоній, понтійскихъ и скиѳскихъ царей, и во всякомъ случаѣ слѣдовало бы отвести имъ гораздо меньше мѣста. Равнымъ образомъ не мѣшало бы сократить и матеріалъ по археологіи. Къ чему также подробный разсказъ о борьбѣ Мстислава Удалого съ суздальскими князьями и Липецкой битвѣ (стр. 487—488) или детальныя свѣдѣнія о системѣ древне-русскихъ монетъ, ихъ курсѣ и вѣсѣ, отношеніи къ арабскимъ и византійскимъ и т. д. (стр. 502—503)? Подобныя сокращенія необходимы и въ цѣляхъ удешевленія изданія, которое, надо признаться, обѣщаетъ быть ужъ очень дорогимъ, разъ I-ый томъ его, обнимающій небольшой періодъ собственно русской исторіи, стоитъ 3 руб. Такія статьи, какъ «Владиміръ Мономахъ» или «Татары и порабощеніе Руси» также, по нашему мнѣнію, излишни, принимая во вниманіе необходимость экономить мѣсто: по этимъ вопросамъ достаточно свѣдѣній сообщается въ учебникахъ исторіи (книга, повторяемъ, пригодна для подготовленнаго читателя), тѣмъ болѣе, что о Владимірѣ Мономахѣ говорится пространно и въ руководствахъ по исторіи русской литературы, а роли татаръ въ древне-русской исторіи посвящена въ сборникѣ особая статья («Русское общество и татарское иго»). Съ другой стороны, бросаются въ глаза нѣкоторые пробѣлы: напр., въ статьѣ «Монастырь» авторъ, подробно разбирая значеніе монастырей, какъ очаговъ просвѣщенія, совсѣмъ не останавливается на замѣтной роли ихъ въ исторіи русской колонизаціи и экономической жизни древней Руси; не говорится также

о невмѣшательствѣ татаръ въ систему княжескаго управленія и въ отношенія князей къ населенію и о значеніи этого факта въ нашей исторіи (въ статьѣ «Русское общество и татарское иго»). Наоборотъ, въ стат. «Вѣче», по нашему мнѣнію, черезчуръ подчеркнута роль послѣдняго въ приглашеніи или изгнаніи князей и значеніе этого факта: говорить о «политическихъ убѣжденіяхъ (курсивъ подлин.), господствовавшихъ въ древне-русскомъ обществѣ» (стр. 338)—пожалуй, слишкомъ сильно и опредѣленно. Далѣе, нельзя не отмѣтить, что «Книга для чтенія по русской исторіи» не отличается должной выдержанностью въ подборѣ матеріала и доступности изложенія: наряду съ указанными выше ясно и общедоступно написанными статьями мы находимъ статьи слишкомъ спеціальныя, пригодныя скорѣе для университетскаго курса, чѣмъ для класснаго преподаванія или для читающей публики (напр., статья о нарѣчіяхъ русскаго языка, носящая характеръ скорѣе лекціи по сравнительному языкознанію, или стат. «Какъ я раскапывалъ курганы»—интересная для весьма немногихъ). Но указанные недостатки не мѣшаютъ рецензируемому сборнику служить очень хорошимъ пособіемъ для учащихся средней школы и для самообразованія и слѣдуетъ только пожелать, чтобы въ слѣдующихъ томахъ редакція устранила обнаружившіеся въ I томѣ недочеты. Издана книга хорошо, причемъ статьи по археологіи и искусству иллюстрируются соотвѣтствующими рисунками. Къ сборнику приложены три карты по исторической географіи древней Руси. *В. Д—въ.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СОЦІОЛОГІЯ.

Вернеръ Зомбартъ. „Современный капитализмъ“ тт. I и II—„Moderne Demokratie“.

Вернеръ Зомбартъ. Современный капитализмъ. I томъ, I вып. Генезисъ капитализма. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей С. Н. Эверлинга съ предисловіемъ профессора Московскаго университета А. А. Мануилова. Изд. Д. С. Горшкова. М. 1903. Стр. VI + XXV + 332. Ц. 1 р. 50 к.

Тоже. I томъ, II вып. Генезисъ капитализма. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей М. А. Курчинскаго. Изд. Д. С. Горшкова. М. 1904. Стр. отъ 333 до 687. Ц. 1 р. Появленіе въ 1902 г. «Современнаго капитализма» (Der Moderne Kapitalismus») было крупнымъ литературнымъ событіемъ, съ одной стороны для всѣхъ интересующихся теоріей и практикой марксизма, съ другой—для исторической науки, и въ частности для экономической исторіи. По внѣшнимъ достоинствамъ, прежде всего бросающимся въ глаза, два большіе тома «Современнаго капитализма» напоминаютъ богатый домъ «въ стилѣ модернъ», въ которомъ прочность и солидность соединяются съ свободой и игривостью архитектурныхъ формъ. Звучныя заманчивыя заглавія, эффектныя мотто изъ разнообразнѣйшихъ источниковъ на разныхъ языкахъ, живой своеобразный слогъ, новая, свободно придуманная терминологія—все показываетъ, что строитель этого научнаго зданія свободенъ отъ духа мелочной разсчетливости и не скупится на затраты, которыя ученому педанту кажутся непроизводительными и прямо убыточными. Но строитель не похожъ и на легкомысленнаго дилеттанта, бросающаго деньги на вѣтеръ. Наоборотъ, онъ ненавидитъ дилеттантизмъ. Онъ хочетъ строить изъ самаго прочнаго матеріала, при помощи самыхъ совершенныхъ, самыхъ новыхъ техническихъ пріемовъ. Онъ хочетъ перещеголять педанта аккуратностью и добросовѣстностью всѣхъ работъ. Онъ хочетъ превзойти ординарнаго разсчетливаго домовладѣльца комфортомъ и всѣми преимуществами въ простотѣ, свѣтѣ, теплѣ, порядкѣ, какими только можно прельстить будущихъ жильцовъ новаго зданія... И это

впечатлѣніе какого-то смѣшенія солидности съ дерзкимъ новаторствомъ вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію, занимаемому Зомбартомъ въ наукѣ и въ литературѣ. Для него характерна увѣренность, что накопившійся въ наукѣ матеріалъ требуетъ болѣе смѣлаго и свободнаго къ себѣ отношенія, чѣмъ то, которое допускалось до сихъ поръ осторожными нѣмецкими историками и экономистами. Въ этомъ стремленіи внести въ науку новый духъ сказалась марксистская закваска. Опредѣляя свое положеніе среди другихъ направленій, Зомбартъ самъ заявляетъ, что онъ очень близокъ къ исторической школѣ экономистовъ, но что отъ этой школы его отдѣляетъ—Марксъ. Для широкаго круга русскихъ читателей Зомбартъ интересенъ больше всего именно какъ ученикъ, критикъ и продолжатель Маркса. Столь хорошо извѣстное у насъ истолкованіе капитализма, данное въ «Капиталѣ», Зомбартъ хочетъ замѣнить новымъ, которое и у него, какъ у Маркса, превращается въ истолкованіе всей новѣйшей исторіи культурнаго человѣчества. Что же осталось отъ марксизма въ новомъ міросозерцаніи? Что выброшено за борта? Что сохранилось безъ измѣненія?

Самое важное, отъ чего Зомбартъ отказался въ наслѣдствѣ Маркса, это—матеріализмъ. Самое важное, что онъ принялъ и сохранилъ—объективизмъ.

Какъ и Марксъ, Зомбартъ признаетъ хозяйственные мотивы—основными, главными въ современной исторической жизни и изъ нихъ выводитъ характерныя черты современнаго общественнаго строя. Но понятіе хозяйственныхъ мотивовъ у него вовсе не совпадаетъ съ понятіемъ матеріальныхъ интересовъ. Наоборотъ, онъ скорѣе идеализируетъ хозяйственную жизнь. Изучая причины, условія и послѣдствія торжества капитализма, какъ основного факта исторіи европейскихъ народовъ въ новые вѣка, Зомбартъ имѣетъ въ виду не торжество матеріальныхъ интересовъ опредѣленнаго класса лицъ, а торжество капиталистическаго «духа». «Духъ» капитализма—вотъ главная тема, занимающая автора «Современнаго капитализма», и среди первоначальныхъ источниковъ этого «духа» онъ называетъ и столь далекіе отъ хозяйственныхъ интересовъ, какъ средневѣковый мистицизмъ.

Объективизмъ же, воспринятый отъ Маркса и сохраненный Зомбартомъ, сказался въ томъ, что и Зомбартъ ставитъ своей задачей доказать историческую необходимость торжества капитализма. Торжество это для него—не результатъ свободнаго развитія, а неизбѣжный исходъ борьбы болѣе сильнаго начала съ болѣе слабымъ. Какъ и для Маркса, исторія для Зомбарта есть картина борьбы, но только не борьбы классовъ, какъ у Маркса, а борьбы хозяйственныхъ системъ, хозяйственныхъ принциповъ, въ данномъ случаѣ—капитализма съ ремесломъ. Поэтому оцѣнка ремесленной промышленности въ прошломъ и настоящемъ и ея видовъ на будущее составляетъ очень важную часть въ системѣ «Современнаго капитализма».

Критиковать систему Зомбарта, такъ тщательно обдуманную, такъ серьезно разработанную,—не стоитъ въ краткой библіографической замѣткѣ. Мы надѣемся еще вернуться къ этой темѣ и дать болѣе подробную характеристику взглядовъ Зомбарта. А пока можемъ только посовѣтовать читателямъ познакомиться съ «Современнымъ капитализмомъ», не пугаясь объема книги. Богатство содержанія, живость изложенія, талантливость теоретическихъ конструкцій—вознаградятъ съ лихвой за затраченный трудъ и за нѣкоторыя разочарованія, ожидающія тѣхъ, кто близко принимаетъ къ сердцу судьбу разореннаго наслѣдства Маркса.

Слѣдуетъ, однако, помнить, что два тома «Современнаго капитализма»—только часть всего задуманнаго труда. Они не даютъ полнаго анализа современной хозяйственной жизни: ихъ тема—торжество капитализма. Зачатки же новаго, будущаго строя оставлены въ сторонѣ. Къ нимъ Зомбартъ обѣщаетъ

вернуться въ особомъ трудѣ, посвященномъ системѣ соціальной *политики*. Но и анализъ капитализма пока еще не законченъ: будетъ еще написанъ отдѣльный томъ о капитализмѣ въ земледѣліи. Въ «Современномъ капитализмѣ» все вниманіе сосредоточено на промышленномъ капитализмѣ и дѣлается это преднамѣренно,—чтобы легче уловить «духъ» капитализма въ его наиболѣе совершенныхъ, чистыхъ, своеобразныхъ формахъ.

Въ вышедшихъ до сихъ поръ двухъ выпускахъ изданія Д. С. Горшкова дается полный (съ сохраненіемъ всѣхъ примѣчаній и приложеній) переводъ перваго изъ двухъ томовъ «Современнаго капитализма». Первый томъ содержитъ обширное введеніе и первую часть, озаглавленную «Генезисъ капитализма». Второй томъ посвященъ «Теоріи капиталистическаго развитія». Впрочемъ, ни первый томъ нельзя назвать исторіей, ни второй—теоріей въ обычномъ смыслѣ этихъ словъ. Первый томъ—скорѣе характеристика, чѣмъ исторія капитализма, и притомъ характеристика сравнительная, въ сопоставленіи съ ремесломъ. Второй томъ, содержащій, какъ и первый, огромный фактическій матеріалъ, описываетъ и опредѣляетъ тѣ силы и преимущества капитализма и тѣ условія современной жизни, благодаря которымъ капитализмъ нашего времени оказывается господствующей, повсемѣстно торжествующей формой хозяйства. Характеристика историческаго капитализма въ первомъ томѣ дается какъ бы посредствомъ двухъ картинъ или двухъ портретовъ, снятыхъ съ героя въ различные моменты, на разстояніи большого промежутка. Первая картина представляетъ самое зарожденіе капитализма; на второй—капитализмъ уже изображенъ полнымъ силъ и жаждущимъ подвиговъ. Сначала дается характеристика средневѣкового ремесла (первая книга), потомъ опредѣляется понятіе капитализма (первый раздѣлъ второй книги) и дается очеркъ зарожденія капитализма на исходѣ среднихъ вѣковъ (2-й, 3-й и 4-й раздѣлы второй книги). Затѣмъ сразу дѣлается скачекъ въ Германію XIX вѣка и описывается ремесло и капитализмъ въ серединѣ XIX вѣка (5-й раздѣлъ), торжество капитализма къ концу XIX вѣка (6-й раздѣлъ) и современоое положеніе ремесла и ремесленниковъ (7-й раздѣлъ).

Переводъ всего «Современнаго капитализма» на русскій языкъ представляетъ не малыя трудности. Нельзя не порадоваться, что эти трудности не остановили иниціаторовъ русскаго изданія. Къ сожалѣнію, приходится отмѣтить, что качество перевода далеко не соотвѣтствуетъ достоинству и значенію книги. Въ первомъ изъ двухъ выпусковъ переводъ прямо плохъ. Какъ на примѣръ непростительной небрежности, укажемъ на смѣшеніе терминовъ *промышленность*, *промышленный* и *ремесло*, *ремесленный* (стр. XXIII, XXIV, 139, 148). Второй выпускъ исполненъ значительно лучше, но все же оставляетъ мѣсто пожеланію, чтобы третій и четвертый были еще лучше.

Краткое предисловіе проф. Мануилова содержитъ восторженную рекомендацію сочиненія Зомбарта и бѣглыя указанія на нѣкоторые его недостатки.

А. Рыкачевъ.

«Moderne Demokratie». Acht Vorträge gehalten in der Demokratischen Vereinigung der Stadt Zürich 1904. 200 ст. («Современная демократія». Цюрихъ. 1904). Подъ сборнымъ заглавіемъ «Современная демократія» цюрихскій «демократическій союзъ» издалъ восемь лекцій, съ разныхъ сторонъ освѣщающихъ дѣятельность демократовъ въ судебномъ мірѣ, въ городскомъ самоуправленіи, въ парламентѣ и т. д. Авторы этихъ лекцій-статей, принадлежащіе къ виднымъ общественнымъ и ученымъ дѣятелямъ Швейцаріи, популярно выясняютъ всѣ многообразныя задачи современной демократіи, указываютъ, какихъ итоговъ она добилась, какіе идеалы она преслѣдуетъ, какъ относится она къ другимъ политическимъ партіямъ.

Въ первой статьѣ проф. Цюрхеръ указываетъ, какое большое значеніе

имѣетъ демократія въ области юридической дѣятельности, какъ она должна взять на себя юридическую охрану экономически слабыхъ элементовъ общества. Во второй статьѣ извѣстный нѣмецкій проф., который вынужденъ былъ покинуть негостепріимную каѳедру нѣмецкаго университета и перемѣнить ее на каѳедру швейцарскаго университета,—Геркнеръ разсматриваетъ соціальныя задачи демократіи. Соціальная задача всякой демократіи состоитъ, по опредѣленію Геркнера, въ томъ, чтобы общество гарантировало всѣмъ своимъ гражданамъ «извѣстное равенство жизненнаго уровня», или, говоря словами Руссо, чтобы не было гражданъ настолько бѣдныхъ, чтобы они вынуждены были себя продавать, и настолько богатыхъ, чтобы они могли купить другихъ.

Но, переходя отъ этихъ красивыхъ словъ Руссо къ развитію практической программы демократіи, Геркнеръ ставитъ рядъ очень скромныхъ задачъ, вполнѣ совмѣстимыхъ съ существованіемъ людей, вынужденныхъ себя продавать, и существованіемъ людей, могущихъ купить себѣ подобныхъ.

Программа эта заключается въ поддержкѣ экономически слабыхъ элементовъ общества, причемъ авторъ находитъ, что въ обязанность демократіи входитъ поддержка мелкихъ ремесленниковъ, мелкихъ собственниковъ «всѣми обѣщающими успѣхъ и не нарушающими общаго блага средствами». Но, намъ кажется, для *современной* демократіи весь вопросъ въ томъ и состоитъ, чтобы не противопоставить свою программу ходу развитія хозяйственныхъ формъ общественной жизни, а на этомъ ходѣ ее обосновать, ибо въ противномъ случаѣ демократія рискуетъ превратиться въ представительницу интересовъ мелкой буржуазіи съ ея реакціонными стремленіями. Геркнеръ и самъ признаетъ, что всѣ мѣры, которыя только можетъ употребить демократія для поддержки мелкихъ и отживающихъ формъ хозяйства, что всѣ онѣ могутъ въ самомъ лучшемъ случаѣ лишь задержать, но не устранить «побѣдное шествіе капиталистическаго производства». Но неужели же, передъ могучею современною демократіей не обидно ставить такія соціальныя задачи, все значеніе которыхъ въ томъ, чтобы искусственными средствами лишь немного отдалить неминуемую смерть отжившихъ формъ хозяйственной жизни?

Правда, Геркнеръ выдвигаетъ эту задачу демократіи лишь на ряду съ цѣлымъ рядомъ другихъ задачъ, которыя можно бы охарактеризовать словами—фабричный конституціонализмъ и государственный соціализмъ. Геркнеръ ставитъ демократіи задачу расширить власть рабочихъ и государства въ дѣлѣ акта купли-продажи рабочей силы, въ дѣлѣ регулированія отношеній между рабочями и фабрикантами, въ дѣлѣ устройства обстановки труда. Въ демократическомъ обществѣ, говоритъ онъ, рабочіе должны не только принимать, но и диктовать условія труда. Рабочимъ должна быть отведена значительная роль въ дѣлѣ регулированія условій рабочаго договора съ капиталистомъ и государство должно энергично выступить въ роли хозяйствующаго субъекта, улучшающаго экономическое и правовое положеніе рабочихъ. Демократія, говоритъ Геркнеръ, пользуясь своимъ политическимъ вліяніемъ должна содѣйствовать тому, чтобы и фабрика представляла собою конституціонное учрежденіе и чтобы рабочіе имѣли вліяніе на весь ея распорядокъ, широкое же вмѣшательство государства въ область экономическихъ отношеній должно съ одной стороны улучшить положеніе рабочихъ, а съ другой—постепенно національзировать различныя отрасли хозяйства.

Остальные очерки, вошедшіе въ интересный томикъ, посвящены роли демократіи въ администраціи, демократіи въ Австраліи, развитію демократіи въ Цюрихѣ и т. д. Наиболѣе общій интересъ представляетъ заключительный очеркъ д-ра Ветштейна, посвященный политической программѣ демократіи и отмежеванію этой программы отъ программъ другихъ политическихъ партій.

Изъ бѣглаго перечня статей рефератовъ, вошедшихъ въ изящный томикъ

«Современная демократія», читатель уже убѣдился, конечно, какой живой интересъ представляетъ этотъ коллективный трудъ швейцарскихъ общественныхъ дѣятелей и ученыхъ. Авторы не ограничились общими фразами о великомъ историческомъ призваніи демократіи, они конкретно показали, что уже сдѣлала и можетъ сдѣлать демократія. Конечный идеалъ швейцарскихъ демократовъ довольно умѣренъ и очень трезвененъ, но въ современномъ государствѣ онъ представляетъ большую и цѣнную рабочую силу, твердо и неустанно ведущую общество къ лучшему будущему. *П. Б—инъ.*

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Образовательная библіотека. Серія V. Издательство О. Н. Поповой. I) Ф.-В. Хеттонъ. Чтенія объ эволюціи. Переводъ съ англійскаго М. Александровича. 77 стр. Цѣна 40 коп. 2) Н. Н. Яковлевъ (бывшій профессоръ с.-петербургскаго горнаго института). Геологическая исторіи животнаго царства. (Введеніе въ изученіе палеонтологіи). 92 стр. Цѣна 40 коп. Двѣ книжечки одной и той же серіи, посвященныя одному и тому же вопросу—эволюціи животныхъ въ связи съ геологической исторіей нашей планеты,—но книжечки совершенно различнаго достоинства. Тогда какъ брошюра бывшаго проф. горнаго института Н. Н. Яковлева составлена вполнѣ научно и достаточно популярно для большой публики, двѣ лекціи г. Хёттона являются удивительнымъ образцомъ той популяризаціи, которая получила довольно сильное распространеніе въ Сѣверной Америкѣ*). Это обыкновенно пестрая смѣсь общепризнанныхъ научныхъ фактовъ съ фактами весьма проблематичными, сдобренная широкими и совсѣмъ уже необоснованными обобщеніями и выводами. Таковы, напримѣръ, утвержденія г. Хёттона, что «не болѣе ста милліоновъ лѣтъ тому назадъ земля находилась въ расплавленномъ состояніи...»(стр. 17), что первые «мелкіе живые организмы» появились на поверхности океана. «Они увеличивались въ объемѣ,—говоритъ авторъ,—видоизмѣнились во всѣхъ направленіяхъ и съ теченіемъ времени пробрались на дно океана, гдѣ и основались на постоянное жительство, постепенно превратившись изъ плавающихъ въ ползающія существа».

Но главнымъ недостаткомъ книжки г. Хёттона является, по нашему мнѣнію, то, что онъ расширилъ рамки своей задачи, введя въ свое изложеніе не только вопросы біологической эволюціи, но и «психологической» и «этической», послѣдняя, по мнѣнію автора, свойственна только человѣку. Разсмотрѣніе всѣхъ этихъ видовъ эволюцій приводитъ г. Хёттона... къ признанію загробной жизни. «Неужели,—съ паѳосомъ восклицаетъ онъ,—человѣку дана жизнь, дана способность мыслить и свобода дѣйствовать—такъ, ни для чего. Я никогда этому не повѣрю, такъ какъ не могу повѣрить, чтобы процессъ эволюціи не имѣлъ смысла. Я не могу повѣрить, чтобы эволюція не имѣла никакихъ причинъ, вѣчныхъ результатовъ. Не могу повѣрить, чтобы послѣ того, какъ матеріальный міръ отживетъ свой вѣкъ и исчезнетъ, міровой духъ, вызвавшій его къ бытію, остался совершенно такимъ же, какимъ онъ былъ до начала психологической эволюціи. Если духъ неистребимъ, то развившійся человѣческій духъ долженъ, въ свою очередь, воздѣйствовать на міровой духъ и измѣнить его. Все это приводитъ меня къ убѣжденію, что эволюція духа мо-

---

*) Мы, конечно, не хотимъ сказать этимъ, что въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ не появляется хорошихъ популярныхъ книгъ, мы только указываемъ на то, что многія популярныя книги носятъ тамъ отмѣчаемый нами нежелательный характеръ.

жетъ продолжаться и по смерти тѣла, въ которомъ временно заточенъ духъ» (стр. 35). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 38) авторъ даже обосновываетъ существованіе загробнаго блаженства слѣдующимъ остроумнымъ образомъ: «а такъ какъ намъ извѣстно, что на землѣ за лучшимъ всегда слѣдуетъ лучшее, то мы можемъ надѣяться, что такъ оно будетъ и въ загробномъ мірѣ». Все это утѣшительно, очень краснорѣчиво, хотя и не доказательно, но какую же связь имѣетъ загробная жизнь съ научной теоріей эволюціи?!

Г. Хёттонъ, видимо, находится еще въ контовскомъ «теологическомъ періодѣ» мышленія, и его частыя и длинныя экскурсіи въ область теологіи и телеологіи нетерпимы въ популярной книжкѣ, особенно въ виду необыкновенной смѣлости автора, утверждающаго, напримѣръ, что онъ «доказалъ существованіе цѣли въ природѣ» (37). Кромѣ этого основнаго недостатка брошюра г. Хёттона имѣетъ еще и много другихъ: въ ней слишкомъ много деталей, латинскихъ названій ископаемыхъ, именъ собственныхъ, въ ущербъ общимъ картинамъ эволюціи жизни въ различные геологическіе періоды ;также крайне затруднитъ и даже прямо собьетъ съ толку европейскаго читателя - неспеціалиста американская классификація геологическихъ эръ и періодовъ; читатель привыкъ къ общепринятой—европейской классификаціи. Если бы авторъ подобной популярной книги былъ русскимъ, то онъ, конечно, никогда не нашелъ бы себѣ издателя, но разъ книжечка написана нѣмцемъ, французомъ или англичаниномъ, то этого достаточно: она переводится и, что еще печальнѣе, находитъ сбытъ среди легковѣрнаго русскаго читателя. Мы еще такъ мало вѣримъ своей культурѣ, своимъ ученымъ и даже своимъ знаніямъ, что все заграничное, будь онъ въ 10 разъ хуже своего, будетъ все же въ гораздо большемъ спросѣ.

Я почти убѣжденъ, что вредная книжечка г. Хёттона расходится гораздо лучше, чѣмъ толково, обстоятельно и доступно составленная брошюра профессора Н. Н. Яковлева «Геологическая исторія животнаго царства», которую можно считать настоящимъ вкладомъ въ нашу популярную литературу по естествознанію. Всего на 92 страницахъ г. Яковлевъ съумѣлъ познакомить читателя и съ задачами, и съ значеніемъ палеонтологіи въ ряду другихъ наукъ о природѣ и съ ея ролью въ построеніи современной теоріи эволюціи; дать краткую характеристику теоріи естественнаго отбора и ламаркизма, нарисовать картину древнѣйшей изъ ископаемыхъ фаунъ, довольно подробно разсмотрѣть вопросъ о причинахъ измѣненія и вымиранія видовъ и, наконецъ, намѣтить основные этапы исторіи вопроса о зоологическомъ развитіи человѣческаго рода.

Все это заставляетъ насъ горячо рекомендовать книжку проф. Яковлева всѣмъ, кто хочетъ познакомиться съ основными вопросами «геологической исторіи животнаго царства». *В. Агафоновъ.*

1) Докучаевъ. Изданіе журнала «Почвовѣдѣніе» (Цѣна 1 р. 50 к.). 2) Памяти проф. Докучаева. Кружокъ любителей естествознанія, сельскаго хозяйства и лѣсоводства при Ново-Александрійскомъ Институтѣ (цѣна 40 к.). 3) Страница изъ исторіи почвовѣдѣнія (Памяти В. В. Докучаева). В. И. Вернадскаго. Въ прошломъ году въ декабрьской книжкѣ нашего журнала нами былъ помѣщенъ некрологъ бывшаго проф. петербургскаго университета и директора ново-александрійскаго института Василія Васильевича Докучаева,*). Въ этомъ некрологѣ мы дали краткую характеристику кипучей научной, педагогической и общественной дѣятельности покойнаго нашего учителя и подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ этой утраты, прошедшей почти незамѣтно, позволили себѣ упрекнуть русское общество въ отсутствіи «обще-

*) Въ этомъ некрологѣ невѣрно отмѣченъ день смерти В. В. Докучаева: онъ скончался 26-го октября 1903 г. *В. Аг.*

ственной памяти». Не отказываясь и теперь отъ этого упрека русскому обществу, мы въ данномъ частномъ случаѣ съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія должны отмѣтить, что ученики покойнаго профессора и даже нѣкоторыя ученыя общества (вольно-экономическое и кружокъ любителей естествознанія etc. при ново-александрійскомъ институтѣ) сдѣлали все, что было въ ихъ силахъ—и почтили память Докучаева торжественными засѣданіями и изданіемъ особыхъ сборниковъ, посвященныхъ характеристикѣ различныхъ сторонъ дѣятельности творца геологическаго почвовѣдѣнія.

Въ первомъ изъ этихъ сборниковъ отмѣтимъ интересный біографическій очеркъ П. Отоцкаго «Жизнь Докучаева». Здѣсь ярко отмѣчены необыкновенная ясность и, если можно такъ выразиться, простота мысли нашего знаменитаго ученаго, и въ тоже время широкій горизонтъ этой мысли. Но не въ этомъ все же была особенная сила Докучаева, а въ желѣзномъ, не русскомъ даже, упорствѣ въ достиженіи поставленной цѣли, въ необыкновенно гибкомъ, пожалуй, то же не русскомъ, организаторскомъ талантѣ, въ колоссальной работоспособности и, выражаясь словами П. В. Отоцкаго, въ «удивительной способности убѣждать, даже покорять людей». Это былъ прирожденный организаторъ и борецъ, борецъ не за какую-нибудь отвлеченную идею, которая можетъ осуществиться только черезъ 100, 200 лѣтъ, а за настоящее, за примѣнимое къ жизни немедленно. Пожалуй, онъ и почвовѣдѣніемъ увлекся потому, что результаты его реформаторской мысли могли быть тотчасъ же примѣнены къ жизни: и къ широкой постановкѣ цѣлаго ряда новыхъ научныхъ и учебныхъ вопросовъ, и къ хозяйственной и экономической жизни Россіи. Проф. Богословскій въ статьѣ «Общій характеръ научной дѣятельности В. В. Докучаева» высказываетъ ту же мысль: «Докучаевъ не могъ замкнуться цѣликомъ въ недосягаемыхъ чисто научныхъ сферахъ, далекихъ отъ жизни, не могъ быть самодовлѣющимъ ученымъ. Онъ тяготѣлъ къ родной, столь ему близкой русской природѣ, тяготѣлъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и къ людямъ, къ людскимъ интересамъ. Конечно, только этой чертой его натуры объясняется его постоянное стремленіе приспособить изученіе почвъ и вообще изученіе русской природы—къ интересамъ народнаго хозяйства, только этимъ можно объяснить его инициативу по устройству мѣстныхъ естественно-историческихъ музеевъ, которые онъ причислялъ къ носителямъ «свѣта и жизни»; наконецъ, тѣ же мотивы побуждали его брать на себя организаціи публичныхъ чтеній и переустройство учебныхъ заведеній... Во всемъ этомъ руководила имъ одна основная идея, которую онъ однажды высказалъ печатно, это—мысль, что «естественно-историческое образованіе народа лежитъ въ корнѣ улучшенія экономическаго быта страны». Необходимой атмосферой для Докучаева были работа и борьба, онъ «чувствуетъ себя прекрасно, какъ никогда» во время реформы и управленія ново-александрійскимъ институтомъ. Въ это время, по словамъ Отоцкаго, «въ рукахъ Докучаева сосредоточивается масса самыхъ разнообразныхъ и крупныхъ дѣлъ: обработка матеріаловъ по полтавскимъ (XV томовъ) и др. изслѣдованіямъ; разгаръ сложной дѣятельности особой экспедиціи (снаряженной Лѣснымъ Департаментомъ); проведеніе вопроса о Почвенномъ Комитетѣ и каѳедрахъ почвовѣдѣнія; переизданіе общей почвенной карты; проекты почвенныхъ изслѣдованій вдоль Сибирской желѣзной дороги и въ нѣсколькихъ губерніяхъ Россіи; изслѣдованія Невской долины и пр., и пр. Но самое главное и самое сложное—реформа и управленіе институтомъ... Это было не жизнь, а какое-то кипѣніе въ теченіе, по крайней, мѣрѣ 18 часовъ въ сутки...»

Это любимое дѣтище—ново-александрійскій институтъ Докучаеву пришлось покинуть. «Почему такой одаренный исключительными силами общественный дѣятель выводится изъ строя 49 лѣтъ, т.-е. въ возрастѣ, который на западѣ считается только зрѣлымъ?» задаетъ вопросъ г. Отоцкій и отвѣчаетъ, что основной причиной

была борьба, которую пришлось вести покойному ученому, «борьба, непрерывная и изнурительная, съ общественной и бюрократической рутиной, съ недоразвитостью и невѣжествомъ, съ квіетизмомъ, наконецъ съ личными самолюбіями и эгоизмомъ... Докучаевъ опутывается сѣтью канцелярскихъ придирокъ, проволочекъ, мелкихъ уколовъ, кляузъ, сплетенъ... Мало привыкшій къ такимъ канцелярски - партизанскимъ пріемамъ, В. В. вначалѣ встрѣчаетъ ихъ довольно бодро. Въ письмахъ его, относящихся къ этому времени, встрѣчаются лишь фразы: «А. рветъ и мечетъ!» «Мои отношенія съ А. натянулись такъ, что могутъ лопнуть къ 1-му сентября» и т. д. Но уже съ конца 1894 г. вкрапливаются указанія на усталость, желаніе «удрать»... Въ концѣ лѣта 1895 г. В. В. Докучаевъ покидаетъ институтъ. Сообщая объ этомъ одному изъ профессоровъ института, при представленіи его въ Варшавѣ, представитель округа сказалъ: «Моего помѣщенія вы все же не занимайте; оставьте его для меня...» Здѣсь у П. В. Отоцкаго имѣется еще слѣдующая объяснительная сноска: «Въ дореформенное (*т.-е. до-Докучаевское. В. Аг.*) время, въ лѣтніе мѣсяцы г. А. пользовался институтскимъ помѣщеніемъ въ качествѣ дачи».

Свѣжо преданіе, но вѣрится съ трудомъ. Намъ кажется только, что уважаемый П. В. Отоцкій слишкомъ деликатно называетъ подобные факты придирками, проволочками и мелкими уколами, въ русскомъ языкѣ есть и другія болѣе опредѣленныя выраженія.

И это приходилось претерпѣвать Докучаеву, человѣку, умѣвшему покорять даже власть имѣющихъ и, что еще важнѣе, стоявшему всегда вдалекѣ отъ того, что въ Россіи называется «политикой». По истинѣ жестокіе нравы и ужасные сѣрые люди, не прощающіе тому, кто поднимается надъ ними и борется съ рутиной...

Кромѣ статей гг. Отоцкаго и Богословскаго, въ этомъ сборникѣ помѣщены статьи: *А. Ферхмина.* «Нижегородскій періодъ дѣятельности В. В. Докучаева»; *А. Ярилова.* В. В. Докучаевъ, какъ педологъ *); *проф. А. Павлова.* «Проф. В. В. Докучаевъ, какъ геологъ»; *проф. Г. Морозова.* «Значеніе работъ проф. Докучаева для лѣсоводства»; *прив.-доц. Г. Танфильева.* «Значеніе работъ В. В. Докучаева для ботанической географіи Россіи» *И. Мещерскаго.* Нѣсколько воспоминаній о В. В. Докучаевѣ, какъ общественномъ дѣятелѣ. *Н. Криштофовича.* Списокъ печатныхъ работъ В. В. Докучаева.

Сборникъ ново-александрійскаго института носитъ, конечно, нѣсколько болѣе спеціальный характеръ и состоитъ изъ статей: *проф. П. Будрина.* «Обстоятельства, подготовившія и выдвинувшія В. В. Докучаева въ роли преобразователя Института Сельскаго хозяйства и Лѣсоводства въ Новой Александріи»; *проф. К. Глинки.* «В. В. Докучаевъ, какъ почвовѣдъ; *Н. Криштофовича* «В. В. Докучаевъ, какъ геологъ»; *проф. П. Баракова* В. В. Докучаевъ, какъ организаторъ опытныхъ учрежденій»; *проф. А. Скворцова.* «Дѣятельность В. В. Докучаева, какъ пробразователя Ново-Александрійскаго Института»; *Н. Криштофовича.* «Списокъ ученыхъ трудовъ проф. «В. В. Докучаева».

Здѣсь мы не можемъ, конечно, даже и вкратцѣ передать содержаніе всѣхъ перечисленныхъ выше статей и отсылаемъ желающихъ познакомиться съ дѣятельностью Докучаева къ самимъ сборникамъ, но уже изъ простого перечня заглавій этихъ статей читатель видитъ, какой широкій захватъ имѣли работы покойнаго и какое разностороннее вліяніе оказали они на различныя области знанія вообще и общественной жизни Россіи въ частности. Перечень же работъ покойнаго—вѣчный памятникъ того колоссальнаго труда, который онъ затратилъ при жизни на любимое имъ дѣло: 142 названія—различныхъ статей, книгъ, докладовъ, лекцій и, кромѣ того, непосредственная редакція

*) Педологія—иначе почвовѣдѣніе.

матеріаловъ имъ же организованныхъ изслѣдованій; многіе изъ этихъ «матеріаловъ» (нижегородскіе, полтавскіе, «Труды Экспедиціи Лѣсного Департамента») состоятъ изъ многочисленныхъ томовъ (14, 15, 19) и являются въ настоящее время основными для всѣхъ дальнѣйшихъ работъ по почвовѣдѣнію и связанному съ нимъ цѣлому ряду научныхъ и практическихъ вопросовъ. *Проф. В. И. Вернадскій* въ своей статьѣ «Страница изъ исторіи почвовѣдѣнія» стремится дать намъ характеристику историческаго значенія трудовъ Докучаева. Совершенно правильно В. И. Вернадскій основными идеями работъ покойнаго почвовѣда считаетъ: во-первыхъ, идею о географическомъ распространеніи почвъ въ связи съ ихъ образованіемъ и происхожденіемъ и идею о почвѣ, какъ особомъ естественно-историческомъ тѣлѣ, являющемся результатомъ взаимодѣйствія между климатомъ, подстилающей горной породой, организмами, живущими въ данной почвѣ и на ней, и, наконецъ, рельефомъ мѣстности. Вернадскій говоритъ о предшественникахъ Докучаева на западѣ и у насъ въ Россіи, но подчеркиваетъ, что никому изъ нихъ не удалось дать такого широкаго развитія этимъ идеямъ и примѣнить ихъ на такомъ громадномъ пространствѣ. «Онъ сумѣлъ собрать вокругъ себя живую и горячую группу молодежи, вызвать интересъ къ работамъ въ соприкасающихся областяхъ знанія, найти средства, нужныя для систематическихъ работъ въ новомъ направленіи... Онъ явился главой цѣлой школы русскихъ ученыхъ; вліяніе его стремленій и его идей ясно сказывается и все увеличивается далеко за предѣлами нашего отечества, и достигнутые имъ результаты, кажется мнѣ, принадлежатъ къ крупнымъ пріобрѣтеніямъ научнаго движенія XIX вѣка». Послѣднія 7 — 8 лѣтъ жизни были для Докучаева ужасной борьбой съ психическимъ недугомъ. Онъ боролся съ болѣзнью также оригинально, какъ и все что онъ дѣлалъ—усиленной работой. Онъ заболѣвалъ нѣсколько разъ, поправлялся и снова кидался въ кипучую, какую то лихорадочную дѣятельность. Наконецъ въ 1900-мъ году начинается мучительная, безпросвѣтная агонія съ невыносимыми физическими и нравственными страданіями: почти во все время болѣзни онъ сохранялъ сознаніе, но сознаніе болѣзненное, указывавшее на измѣненіе всего его нравственнаго облика. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ онъ пишетъ: «За это время я дважды былъ въ больницѣ, но толку никакого: всему, даже Божескому долготерпѣнію, повидимому, есть конецъ. Нельзя прощать и снисходить безъ конца, судя по человѣческому... А между тѣмъ какъ хорошъ Божій міръ, какъ тяжело съ нимъ разставаться. Еще разъ заочно обнимаю васъ. Прощайте и простите. Если можете, молитесь за меня... Ахъ, какъ тяжело... а, вѣдь, казалось, было когда-то такъ свѣтло!» 26-го октября 1903 г. Докучаева не стало.

В. Агафоновъ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(отъ 15-го августа по 15-ое сентября 1904 г.).

Н. К. Михайловскій. Отклики. Т. I и II. Изд. ред. журн. «Русское Богатство». Спб. 1904. Цѣна кажд. т. 1 р. 50 к.

Н. А. Рожковъ. Городъ и деревня въ русской исторіи. Изд. 2-е. Москва. 1904. Ц. 40 к.

Его же. Учебникъ русской исторіи для средне-учебн. заведеній и для самообразованія. Изд. 2-е, исправл. и дополнен. Москва. 1904. Ц. 60 к.

І. Шмеле. Соціалъ-демократическіе профессіональные союзы въ Германіи со времени изданія закона противъ соціалистовъ. Переводъ съ нѣм. И. Давидсона. Изд. Е. Д. Кусковой. Спб. 1904. Цѣна 1 р. 75 к.

В. Богучарскій. Изъ прошлаго русскаго общества Книгоиздат. М. Пирожкова. Спб. 1904 г. Ц. 2 р.

Э. Пименова. Политическіе вожди современной Англіи и Ирландіи. Книгоизд. М. Пирожкова. Спб. 1904. Ц. 2 р.

В. Желѣзновъ. Главныя направленія въ разработкѣ теоріи заработной платы. Кіевъ. 1904 г. Ц. 3 р.

Э. и О. Реклю. Срединная имперія. Переводъ съ франц. О. Косаговской. Книгоиздательство Гершунина и К°. Спб. 1904. Ц. 90 к.

Э. Новомбергскій. Черты врачебной практики изъ Московской Руси. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Проф. В. Бузескулъ. Введеніе въ исторію Греціи. Лекціи. Изд. 2-е. Харьковъ. 1904. Ц. 3 р.

К. И. Шидловскій. Сводка ходатайствъ пироговскаго о-ва врачей за 20 л. Москва. 1904 г. Ц. 30 к.

Книги и журналы для чтенія учащихся въ средн. шк., ч. I. Изд. кн. м. П. Путиловой. Масква. 1904. Ц. 20 к.

Списокъ книгъ и періодическихъ изданій для низшихъ учебн. заведеній, народн. библ. и чтеній. Изд. то же. Москва. 1904. Ц. 10 к. за сотню 7 руб.

А. Ф. Никитинъ. Очеркъ санитарно-эконом. положенія грузчиковъ на Волгѣ. Изд. упр-ія вн. водн. путей и шос. дорогъ. Спб. 1904. Ц.

Его же. Изъ отчета санитарн. врача. Нижегородскій участокъ р. Волги. Спб. 1904. Ц.

Его же. Нагрузка и разгрузка рѣчныхъ судовъ. Спб. 1904. Ц.

Его же. Зимовка судовъ командъ въ затонахъ р. Волги. Спб. 1904. Ц.

М. Метерлинкъ. Мудрость и судьба. Перев. Н. Михайловской. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Отто Вильманъ. Дидактика какъ теорія образованія. Пер. съ нѣм. проф. А. Дружинина. Т. I. Изд. педагогич. библ. Москва. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

Профессоръ-Идеалистъ. Сборникъ статей посвященныхъ памяти проф. П. С. Климентова. Изд. З. Н. Климентовой. Москва. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

А. Рокотковъ. Смерть Бетховена. Москва. 1904. Ц. 25 к.

Склодовская-Кюри. Радій и радіоактивныя вещества. Перев. съ фр. В. Филиппова. Изд. О. Поповой. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Н. Ф. Лучинскій. Основы тюремнаго дѣла. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.

С. Русова. В. В. Верещагинъ. Библ. «Юнаго Читателя». Спб. 1904. Ц. 6 к.

Н. Н. Карповъ. Погибъ талантъ. Оч. пам. В. Верещагина. Спб. 1904. Ц. 20 к.

Брокгаузъ-Ефронъ. Японія и ея обитатели. Корея и корейцы. Изд. ред. Вѣстника и библ. самообр. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

В. Я. Стоюнинъ. О преподаваніи русской литературы. Изд. 6-е. Спб. 1904. Цѣна 1 р. 75 к.

Куно Франке. Исторія нѣмецкой литературы въ связи съ развитіемъ обществен. силъ. Перев. П. Батина. Спб. 1904. Ц. 3 р.

С. Лозинскій. Исторія второй французской республики. Изд. В. Раппъ и В. Потапова. Кіевъ. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

Кустарные промыслы. Изд. стат. бюро яросл. о-ва. Ярославль. 1904 г.

Евгеній Елачичъ. Происхожденіе видовъ и дарвинизмъ. Спб. 1904. Ц. 75 к.

Н. И. Позняковъ. Соловьиный садъ и друг. разсказы. Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Человѣческая трагикомедія. Сборн. стихотв. и отрывк. прозы изъ всемірн. литературы. Въ 3-хъ ч. Сост. М. С. Ломшаковъ. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Л. Ф. Краббе. Атласъ чертежей къ практическихъ кур. начальнаго механическ. черченія съ кр. курс. геометріи. Симферополь. 1904. Ц.

Его же. Практическій курсъ начальн. механическаго черченія съ кр. кур. геометріи. Севастополь 1904 г. Ц. съ атласомъ 2 р. 50 к.

М. Гемфри Уорд. Хелбекъ изъ Бенсделя. Романъ въ трехъ книг. перев. съ англ. М. Дубровиной. Изд. I. Ясинскаго. Спб. 1904. Ц. 30 к. кажд. книги.

Р. Стивенсонъ. Разсказы. Пер. съ англ. М. Дубровиной. Изд. I. Ясинскаго. Спб. 1904. Ц. 30 к.

И. Буханцевъ. Въ глуши. Харьковъ. 1904.

П. В. Борисенка. Стихотворенія. Вып. I. Война и душа народа. Вып. II. Знамя вѣка. Москва. 1904 г. Ц. 20 к.

В. Чернышевъ. Письма о новой орѳографіи. Спб. 1904 г. Ц. 20 к.

Эпизодическія программы. Изд. коммиссія по организаціи домаш. чтенія. Москва. 1904 г. Ц. 15 к.

Сборникъ свѣдѣній по Саратовск. губерніи за 1902 г. Изд. оцѣн. стат. отд. сар. губ. зем. у-вы. Саратовъ. 1904 г.

Пречистенская ярмарка въ с. Васильевкѣ, Полтавск. уѣзда. 6 и 8 сент. 1904 г. Полтава. 1904 г.

С. И. Лисенко. Очерки домашн. промысловъ и ремеслъ Полтавской губ. Вып. III. Полтава. 1904 г.

Народная литература. Сборникъ отзывовъ библіотеч. коммиссіи Кіевск. о-ва грамотн. о книгахъ для нар. чтенія. Кіевъ. 1904 г. Ц. 40 к.

Статистика производствъ, облагаемыхъ акцизомъ. 1902 г. Вып. II. Изд. глав. уп-ія неокл. сб. и каз. продажи винъ. Спб. 1904 г.

В. М. Б—въ. Война съ Японіей. Вып. 2-й. Казань. 1904 г. Ц. 7 к.

Отчетъ яросл. общ. город. Пушкинской библ. за 1903 г. Ярославль. 1904.

Узаконенія о безплатныхъ народныхъ библіотекахъ и читальняхъ. Изд. неоффиціальное. Москва. 1904 г. Ц. 10 к.

Краткій указатель литературы по крестьянскому вопросу. Составл. коммис. по устр отдѣла имени Г. И. Успенскаго при тульск. общ. библ. Тула. 1904. Ц. 20 к.

А. И. Скибневскій. Фарфорово-фаянсовое производство Гжельскаго района, Моск. губ. въ санитарномъ отношеніи. Вып. III. Изд. моск. губ. з-ва. Москва. 1904 г. Ц.

Отчетъ по крестьянскому уѣздному комитету Попечительства о народн. трезвости за 1903 г. Красный. 1904. Ц.

Сокровища искусства. Картины знаменитыхъ мастеровъ. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Вып. I. Ц. 3 р. Всего будетъ 25 выпусковъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«The web of Indian Life» by the Sisler Nividita (*Miss Margaret E. Nable*) (*Heinemann*). 7 *s.* 6 *d.* (*Ткань индійской жизни*). Книга имѣетъ цѣлью дать полное и вѣрное изображеніе жизни въ Индіи. Отправившись туда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, чтобы работать вмѣстѣ съ индусами на почвѣ просвѣщенія, авторъ поселился не въ европейскомъ кварталѣ, а среди индусовъ. Благодаря своему положенію, авторъ могъ познакомиться съ интимною жизнью индусскихъ семействъ, куда получалъ доступъ не какъ посторонній изслѣдователь, а какъ близкій другъ и помощникъ.

(Athaeneum)

«L'Ecole et la vie» Par Georges Leygues. Paris (*Calmann-Lédy*) (*Школа и жизнь*). Это живо и дѣльно написанный историческій очеркъ тѣхъ измѣненій, которыя произошли во Франціи въ области воспитанія. Вниманіе автора, главнымъ образомъ, сосредоточено на средней школѣ, которая въ особенности является ареною борьбы между церковью и университетомъ. Послѣдователи Игнатія Лойолы служатъ представителями церкви и между ними и университетскими силами борьба никогда не прекращалась, и даже теперь, хотя побѣдительницей является свѣтская власть, іезуиты еще не сказали своего послѣдняго слова. Авторъ обсуждаетъ тѣ реформы, которыя произведены уже во Франціи, и проблемы, ожидающія своего разрѣшенія.

(Journal des Débats).

«Psychologie de l'éducation» par le D-r Gustave Le-Bon. Paris (*Flammarion*). 3 *fr.* 50 (*Психологія воспитанія*). Эпиграфомъ къ своей книгѣ авторъ ставитъ слѣдующее правило: «Воспитаніе это искусство, посредствомъ котораго мы заставляемъ сознательное переходить въ область безсознательнаго». Первую часть онъ посвящаетъ развитію этого тезиса, указывая на важную роль, которую играетъ автоматизмъ въ дѣлѣ воспитанія. Во второй части авторъ изслѣдуетъ различные методы воспитанія и съ своей точки зрѣнія доказываетъ необходимосгь автоматическаго изученія наукъ и пользу экспериментальнаго метода, какъ лучшаго способа усвоенія того или другого научнаго предмета.

(Revue Bleue).

«L'Education fondée sur la science» par Laisant (*Alcan*) (*Воспитаніе, основанное на наукѣ*). Авторъ критикуетъ современный теоретическій методъ преподаванія и доказываетъ, что даже математику можно преподавать опытнымъ путемъ. По его мнѣнію, всѣ науки, безъ исключенія, могутъ носить экспериментальный характеръ, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, но воспитаніе должно преслѣдовать еще и другую цѣль—развитіе способностей того сложнаго инструмента, который мы называемъ мозгомъ, для того чтобы онъ самъ могъ разрѣшать проблемы, которыя не могутъ быть разрѣшены имъ безъ предварительнаго воспитанія. Автоматизмъ облегчаетъ работу ума, но творчество и изобрѣтательность являются все же результатами его самопроизвольной дѣятельности.

(Revue Bleue).

«Les Etats Unis au XX siècle» par Pierre Leroy Beaulieu. (*Armand Colin*) (*Соединенные Штаты въ XX вѣкѣ*). Въ своемъ трудѣ авторъ изучаетъ дѣятельность американскаго народа во всѣхъ направленіяхъ и изслѣдуетъ истинныя причины прогресса, достигнутаго американцами въ XX вѣкѣ, выясняя какъ соціальную, такъ и экономическую сторону вопросовъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ его книгѣ.

(Revue des deux Mondes).

«Ueber Liebe und Ehe» von Ellen Key (*Fisher*). *Berlin.* (*О любви и бракѣ*). Эта книга представляетъ нѣмецкій переводъ очерковъ, въ которыхъ извѣстная шведская писательница Элленъ Кей занимается вопросомъ о бракѣ и любви. Особенно интересна глава, посвященная нравственности, гдѣ она доказываетъ, что моногамія не соблюдается даже христіанскими народами и что нравственность падаетъ именно потому, что современный бракъ,

*

въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не представляетъ союза любви, а основывается на разсчетѣ. Элленъ Кей проводитъ рѣзкую черту между условною и настоящею нравственностью и доказываетъ, что въ каждомъ нормальномъ союзѣ мужчины и женщины должна преобладать идея ребенка.

(Berliner Tageblatt).

«Pages sombres» par duchesse de Brissac (*Plon*). *3 fr. 50.* (*Темныя страницы*). Въ этой небольшой книгѣ авторъ рисуетъ картину французской революціи и сначала вводитъ читателя въ салоны стараго режима, куда проникали все таки, несмотря на страсть къ удовольствіямъ и безпечность общества, идеи либерализма и соціальной реформы. Затѣмъ читатель присутствуетъ при постепенномъ развитіи революціоннаго духа, все болѣе укрѣпляющагося среди духовенства, дворянства и арміи, пока, наконецъ, не разражается буря революціи, оставившая послѣ себя столько развалинъ и столько разочарованій.

(Revue internationale).

«Ueber Naturschilderung» von Friedrich Ratzel (*Verlag von Oldenburg in München und Berlin*). (*Объ изображеніи природы*). Это послѣднее произведеніе извѣстнаго географа было закончено имъ всего лишь за нѣсколько дней до смерти. Онъ посвящаетъ его всѣмъ друзьямъ природы, въ особенности же учителямъ географіи, естественной исторіи, желающимъ пробудить въ душѣ своихъ учениковъ пониманіе величія и красоты міра.

(Berliner Tageblatt).

«Die Ehre im Lichte vergangener Zeit» von D-r Christian Meyer. München. 1904 (*Selbstverlag*). *1 м.* (*Честь въ освѣщеніи прошлыхъ временъ*). Въ этой небольшой книгѣ авторъ изслѣдуетъ условія, которыя вызывали потерю чести въ прошлыя времена, и развертываетъ передъ глазами читателя пеструю картину человѣческихъ предразсудковъ. Въ старинномъ обществѣ классы людей, лишенныхъ чести, были очень многочисленны и разнообразны, и къ нимъ принадлежали не только тѣ, кто своимъ поведеніемъ нарушалъ установленныя правила чести, но также люди разныхъ профессій, считающихся унизительными. Такіе, лишенные чести, являлись въ тоже время и безправными людьми. Авторъ доводитъ свой обзоръ до наступленія такого періода въ XVIII вѣкѣ, когда началъ возникать протестъ противъ подобныхъ соціальныхъ несправедливостей, завершившійся исчезновеніемъ такихъ выводовъ, благодаря которымъ извѣстныя профессіи и принадлежность къ извѣстному классу неизбѣжно влекли за собою потерю чести.

(Berliner Tageblatt).

«Ethik als Kulturphilosophie» von Paul Bergemann. Leipzig. (*Theodor Hofmann*). (*Этика какъ культурная философія*). Авторъ поставилъ себѣ задачей представить исторію развитія нравственныхъ взглядовъ человѣчества. Этому онъ посвящаетъ первую и обширную часть своего труда; во второй же, практической части, онъ высказываетъ свои взгляды на воспитаніе, на соціальную работу и благотворительныя учрежденія и т. п. Авторъ стоитъ на строго этической точкѣ зрѣнія и развиваетъ мысль, что все человѣчество должно представлять только одно великое, хотя и распадающееся на многочисленныя и разнообразныя группы, культурное общество.

(Frankfurt. Zeit).

«Psychologie du député» par Jules Delafosse. 1 vol. (*Plon*) (*Психологія депутата*). Очень интересная книга, въ первыхъ главахъ которой изображается заурядный депутатъ или же самый обыкновенный и наиболѣе часто встрѣчающійся типъ депутата. Въ другихъ главахъ авторъ обрисовываетъ характеръ нѣкоторыхъ депутатовъ, изъ наиболѣе извѣстныхъ. Два очерка, помѣщенные въ книгѣ: «Мертвые, которые говорятъ» и «Парламентская буржуазія», имѣютъ непосредственное отношеніе къ сюжету и обрисовываютъ, кромѣ того, среду, въ которой вращаются депутаты.

(Revue des deux Mondes).

«L'Idéal esthétique», esquisse d'une philosophie de la beauté, par Fr. Roussel-Despierres. (*Felix Altan*) (*Эстетическій идеалъ*). Человѣческое сознаніе, говоритъ авторъ, освобожденное отъ стѣсненій, налагаемыхъ на него догматами, нуждается въ такомъ идеалѣ, который бы сдѣлался для него закономъ. Такимъ идеаломъ можетъ быть красота, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, въ области физической, интеллектуальной и нравственной, и она-то и должна, по мнѣнію автора, служить основою соціальной философіи.

(Revue internationale).

«Le Roman Social en Angleterre» 1830—1850, par Louis Cazamian. (*Société Nouvelle de librairie et d'édition. 1904. 3 fr. 50.* (*Соціальный романъ*). Съ большимъ искусствомъ и эрудиціей авторъ анализируетъ произведенія англійскихъ писателей, занимавшихся соціальными проблемами въ XIX вѣкѣ. Авторъ разсматриваетъ политическія или соціальныя событія, послужившія источникомъ для романическихъ произведеній литературы. Изслѣдовавъ болѣе или менѣе подробно общія тенденціи въ политикѣ и экономикѣ и выраженіи ихъ въ литературѣ, авторъ останавливается на четырехъ англійскихъ писате-

ляхъ, какъ наиболѣе типичныхъ представителяхъ этихъ теченій; эти писатели: Диккенсъ, Дизраэли, мистриссъ Гаскелль и Чарльзъ Кингсли.

(Saturday Review).

«*Aspects of social Evolution*» *by John Lionel Tayles with 10 illustrations* (*Smith, Elder und C°*) *7 v. 6 d.* (*Виды соціальной эволюціи*). Авторъ изучаетъ различныя стороны соціальной эволюціи съ научной точки зрѣнія и свои разсужденія подтверждаетъ такими аргументами, которые основываются на фактахъ и на тщательномъ изслѣдованіи соціальныхъ явленій.

(Saturday Review).

«*La Démocratie devant la science, études critiques sus l'hérédité, la concurrence et la différenciation*», *par C. Bouglé. Paris.* (*Alcan*). *6 фр.* (*Демократія передъ наукой*). Въ книгѣ заключается критическое изслѣдованіе вопросовъ о «наслѣдственности, конкурренціи и диференціаціи», стоящихъ на стражѣ всемірнаго прогресса. Авторъ говоритъ о естественныхъ законахъ, о вмѣшательствѣ натуралистовъ, «реагирующихъ противъ высокомѣрія спиритуалистовъ», и о необходимости выводить законы соціальнаго міра путемъ анализа соціальной природы, исторіи и біологическихъ изслѣдованій.

(Polybiblion).

«*L'Enfance coupable*» *par Heuri Loly* (*Lecoffre*). *Paris. 2 fr.* (*Дѣтская преступность*). Книга эта состоитъ изъ статистики, фактовъ и практическихъ выводовъ. Авторъ—тонкій наблюдатель и его описанія оставляютъ въ душѣ неизгладимыя впечатлѣнія. Онъ анализируетъ дѣтскую преступность и указываетъ на ту роль, которая выпадаетъ въ этомъ дѣлѣ обществу.

(Journal des Débats).

«*La terre etl'attelier. Jardins ouvriers*» *par Louis Rivière. Paris* (*Lecoffre*). *2 fr.* (*Земля и мастерская*). Авторъ — горячій сторонникъ устройства садовъ для рабочихъ и въ своей книгѣ разсказываетъ исторію этихъ учрежденій, знакомитъ читателя съ ихъ организаціей и уставомъ и сообщаетъ нравственные и матеріальные результаты такихъ попытокъ, направленныхъ къ улучшенію быта рабочихъ.

(Polybiblion).

«*L'Orgueil humain*» *par Ernest Zyramski, professeur à l'Université de Toulouse.* (*Armand Colin*) *4 fr.* (*Человѣческая гордость*). Книга заключаетъ въ себѣ исторію великихъ человѣческихъ заблужденій. Авторъ призываетъ къ единенію, къ возвращенію къ тому первобытному культу, который вдохновилъ и успокоилъ нашихъ предковъ, и къ первобытному натурализму, но очищенному и укрѣпленному посредствомъ новаго метода. Въ своемъ подробномъ историческомъ изслѣдованіи авторъ разсматриваетъ первобытный натурализмъ и его первыя искаженія: браманизмъ и буддизмъ, затѣмъ онъ переходитъ къ Греціи, къ христіанству, эпохѣ гуманистовъ и эпохѣ классицизма, къ Руссо и Шенье и возникшему конфликту и заканчиваетъ провозглашеніемъ первенства природы.

(Polybiblion).

«*Sous l'Horison*». *Hommes et choses d'Hier, par le vicomte E. M. de Vogüé* (*Armand Colin*). *3 fr. 50* (*За горизонтомъ*). Рядъ интересныхъ очерковъ, въ которыхъ авторъ описываетъ описываетъ крупныхъ людей, ученыхъ и дѣятелей, изъ его современниковъ, уже исчезнувшихъ «за горизонтомъ жизни». Онъ говоритъ о тѣхъ людяхъ, которыхъ онъ лично зналъ и любилъ, Дюрюи, Тэнѣ, Пастёрѣ, герцогѣ Омальскомъ и др. Кромѣ того онъ касается также и современныхъ проблемъ, волнующихъ умы, говоритъ о метаморфозахъ, которымъ подверглась Америка и о дѣйствіяхъ президента Рузвельта, обсуждаетъ дѣятельность Чэмберлена въ Англіи и русско-японскую войну.

(Polybiblion).

«*Three Years in the Klondike*» *by Jeremiah Lynch. With numerus illustrations.* (*Edward Arnold*). *12 s. 6 d.* (*Три года въ Клондайкѣ*). Чрезвычайно интересное описаніе «Страны золота», условій жизни и различныхъ типовъ людей, стекающихся въ Клондайкъ съ разныхъ сторонъ въ поискахъ за счастьемъ.

(Athaeneum).

«*Italy; a popular Account of the Country its People and its Institutions*» *by prof. W. Deecke. Illustrated* (*Sonnenschein*). *15 s.* (*Италія; популярное описаніе страны, народа и учрежденій*). Авторъ изслѣдуетъ всѣ силы и элементы, участвовавшіе въ развитіи Италіи, разсматриваетъ геологическія и гидрографическія условія страны, ея климатъ и почву, экономическія, политическія и соціальныя условія, вліявшія на ея исторію и высказываетъ весьма оптимистическіе взгляды на будущее этого молодого королевства.

(Academy).

«*The Exploration of Tibet*» *by Graham Sandbery* (*Thackes and C°*). (*Изслѣдованіе Тибета*). Въ книгѣ заключается подробный историческій обзоръ путешествій въ Тибетъ и всѣхъ попытокъ проникнуть въ эту запретную страну, начиная отъ временъ Марко Поло вплоть до новѣйшаго времени.

(Daily News).

О СОВРЕМЕННОМЪ ХУДОЖЕСТВѢ.

(По поводу сборниковъ «Знанія»).

II.

Повѣсть г. Андреева.—Лирико-философскіе мотивы въ сборникахъ.— „Евреи“ г. Юшкевича.—Кое-какіе итоги.

Два года молчалъ г. Л. Андреевъ. Со времени появленія (въ 1902 г., въ декабрьской книжкѣ «Русскаго Богатства») его «Иностранца» мы имѣли отъ него только небольшой эскизъ-шаржъ «Нѣтъ прощенія», напечатанный въ фельетонахъ двухъ первыхъ №№ «Курьера» за настоящій годъ. Это въ высшей степени остроумная, необыкновенно живо и мастерски написанная бездѣлушка; при явно-шаржированной, искусственной фабулѣ, она содержитъ въ себѣ, какъ всегда у г. Андреева, очень серьезную мысль и прямо трагическія мѣста; такова особенно заключительная сцена, гдѣ герой, учитель гимназіи, отъ скуки, усталости, дурной погоды вздумавшій разыграть изъ себя сыщика и не знающій, какъ и чѣмъ «реабилитировать» себя, по совѣту жены «измѣняетъ свою внѣшность»—брѣется ночью передъ зеркаломъ. «Объективное» въ ночной часъ, въ зеркалѣ созерцаніе своей физіономіи, съ ея бездушными, никому не нужными, пошлыми чертами побуждаетъ его подвести итогъ всему его никчемному существованію: во всемъ своемъ прошломъ онъ не можетъ найти ни одного проблеска самостоятельной и честной мысли, ни одного поступка, на который могъ бы опереться для «реабилитаціи» передъ судомъ собственнаго сознанія, и рука съ бритвой соблазняется близостью шейной артеріи и чуть не вскрываетъ ея... Но при всемъ томъ, при всѣхъ ея достоинствахъ,—это именно бездѣлушка, набросокъ, въ которомъ нельзя усмотрѣть ничего новаго, по сравненію съ прежними произведеніями художника,—который нельзя считать шагомъ въ развитіи его творчества. Слѣдуетъ, однако, отмѣтить тотъ неподдѣльный общественный идеализмъ, духомъ котораго проникнута эта бездѣлушка: фигурка дѣвушки-курсистки, жертвы преслѣдованій псевдо-сыщика, набросана съ такой любовностью, съ такимъ добродушнымъ юморомъ, ея бѣлокурая головка съ пухлыми «незаконченными» губками, «отъ которыхъ какъ будто пахнетъ шоколадными конфектами и красной карамелью», окружена такимъ ореоломъ юности, чистоты, непосредственности и наивнаго идеализма, что этотъ образъ совершенно выдѣляется изъ всей серіи фигуръ,

созданныхъ г. Андреевымъ. Если это не минутное настроеніе, не случйность... Да нѣтъ, несомнѣнно, не случайность! Объ этомъ свидѣтельствуетъ новая большая повѣсть г. Андреева «Жизнь Василія Ѳивейскаго», напечатанная въ I-омъ томѣ сборниковъ «Знанія», нарушившая двухгодичное почти абсолютное молчаніе автора. Перемѣна есть, перемѣна значительная, и мы горячо привѣтствуемъ ее. Помимо этой перемѣны въ настроеніи автора, новая повѣсть свидѣтельствуетъ, что талантъ его далеко не остановился въ своемъ развитіи. Мы уже высказали въ прошлый разъ, что «Жизнь Василія Ѳивейскаго» является крупной новинкой въ нашей литературной жизни. Г. Андреевъ молчалъ два года, а выросъ за это время чуть не на десять лѣтъ: такъ возмужалъ, настолько углубился, окрѣпъ и сосредоточился его талантъ.

Г. Андреевъ уже занялъ теперь въ нашемъ художествѣ такое мѣсто, что каждая новинка, исходящая изъ-подъ его пера, встрѣчается съ жаднымъ интересомъ. Два-три другихъ имени могутъ разсчитывать на сколько-нибудь аналогичное отношенію читателя, два-три и только... Развѣ не такъ, читатель? *)

Разбирая его первый сборникъ, мы характеризовали г. Андреева, какъ полу-реалиста, полу-символиста, задающагося всегда опредѣленной мыслью, преимущественно философскаго характера, отправляющагося не столько отъ наблюденій надъ жизнью, сколько отъ занимающей его, *впередъ избранной* темы, богато пользующагося всѣми техническими средствами современнаго европейскаго художества въ своей безподобной литературной живописи. Отмѣчали мы, кромѣ того, отсутствіе чувства мѣры, особенно въ «жестокихъ» картинахъ, въ изображеніи ужасовъ жизни, и нѣкоторую искусственность, даже вычурность, которою страдаютъ у него иныя импрессіонистскія мѣста.

Все это приходится повторить и относительно новой его повѣсти. Опять работа на «заданную впередъ тему», побудившая одного критика сравнить построеніе повѣсти съ «рѣшеніемъ шахматной задачи»; правда, въ новой повѣсти въ значительно меньшей степени ощущается двойственность сим-

---

*) Одинъ изъ постоянныхъ спутниковъ успѣха—появленіе подражателей. Ихъ уже не мало у г. Андреева. До послѣдней степени самобытная (и вполнѣ законная только у него, какъ органически вытекающая изъ его индивидуальности) манера г. Андреева соблазняетъ многихъ изъ „малыхъ сихъ". Въ „Образованіи" шла, недурная впрочемъ, повѣсть, озаглавленная „Они" (г. Андреевъ часто начинаетъ съ *мѣстоимѣній* свои очерки, авторъ пошелъ „дальше") и написана она была совсѣмъ, до смѣшного—„по-андреевски!" Въ „Правдѣ" мы въ одной повѣсти вычитали такое мѣсто: „А горе, вонзившись, душитъ ее, стѣсняя грудь, и, сладострастно цѣпляясь длинными, острыми когтями, сжимаетъ горло"... Это по части „малыхъ сихъ". Но курьезно, что кое-какіе слѣды, конечно, невольнаго подражанія мы нашли и въ очеркахъ гг. Куприна и Чирикова (II томъ сборника „Знанія"). Такъ, у г. Куприна церковный колоколъ отлитъ почти въ томъ же тонѣ, что и въ „Набатѣ" г. Андреева: „Банн... банн... протяжно и важно выпѣвалъ огромный соборный колоколъ и послѣ каждаго удара долго разливались и таяли въ воздухѣ упругія, трепещущія волны". А у г. Чирикова „звукъ колокола... *падалъ* сверху и медленно расплывался въ серебристыхъ лучахъ луннаго свѣта". Есть у обоихъ и еще кое-что по части такихъ „созвучій"...

воловъ, облеченныхъ въ ризы реальной дѣйствительности, но за то по-прежнему на лицо — и «жестокое» отсутствіе чувства мѣры, и кое-какая вычурность, въ родѣ «черныхъ и блестящихъ, какъ стеклярусъ словъ», «мертвой водяной пыли съ ледяными объятіями», и т. д. Рука отца Василья ложится на плечо исповѣдника легко и нѣжно, «какъ осенняя паутинка»; молчаливыя фигуры прихожанъ «безцвѣтны, какъ колокольный звонъ»; мятель «бросалась на домъ, выла въ трубѣ голоднымъ воемъ ненасытимой злобы и тоски и *обманывала: у нея не было дѣтей, она сожрала ихъ и схоронила въ полѣ, въ полѣ, въ полѣ»*... Все это есть въ новой повѣсти г. Андреева; все это либо чрезмѣрно индивидуальная впечатлительность (аналогичная съ цвѣтовыми ассоціаціями къ звукамъ у иныхъ нервныхъ людей), неспособная «заражать» читателя, и потому не законная въ художественномъ произведеніи; либо — черезчуръ рискованные, искусственно и разсудочно преувеличенные оттѣнки ощущеній, производящія впечатлѣніе именно *вычуръ*. Но распространяться на эту тему не стоитъ. Мы довольно обстоятельно отмѣчали эти деффекты въ манерѣ г. Андреева въ прошлогодней нашей статьѣ, да и помимо насъ, это сдѣлано многими писавшими спеціально о послѣдней его повѣсти. Вообще это слишкомъ благодарная, а по тому самому и неблагодарная задача. Скажемъ только, что эти деффекты кое-гдѣ расхолаживаютъ впечатлѣніе; что при чтеніи, натолкнувшись на нихъ, каждый разъ какъ бы спотыкаешься, и отъ толчка спадаетъ то мрачное очарованіе, подъ властью котораго васъ держитъ и глубокая общечеловѣческая тема повѣсти, и шагъ за шагомъ развертывающаяся психологія суровой, мужественной и страдальческой души отца Василія, и удивительный, на рѣдкость выдержанный стиль.

Этотъ стиль представляетъ своеобразное сочетаніе эпически-библейскаго языка, родственнаго духу героя повѣсти, съ нервнымъ, полнымъ тончайшихъ и «современнѣйшихъ» нюансовъ импрессіонизмомъ, въ которомъ изливается впечатлительность самого автора: читатель такимъ образомъ заразъ роднится съ обоими, и съ авторомъ, и съ его героемъ, и, быть можетъ, именно въ этомъ лежитъ отчасти секретъ гипнотизирующей силы разсказа... «Жестокое» отсутствіе чувства мѣры сказалось на этотъ разъ не въ изобиліи кроваво-натуралистическихъ подробностей, а въ нагроможденіи безконечнаго ряда бѣдъ на голову несчастнаго отца Василія. Средняя часть повѣсти, благодаря этому нагроможденію, кажется блѣднѣе. Начинаетъ сдаваться, что авторъ усталъ изображать одну муку за другой, и уже не въ силахъ подыскать достаточно сильныхъ образовъ. На самомъ же дѣлѣ устаетъ читатель (если раскрыть повѣсть на серединѣ и начать чтеніе, то эта часть ничуть не уступаетъ другимъ). Очевидно, тутъ, вступаеть въ свои права законъ Фехнера: впечатлительность ослаблена, а новыхъ усиливающихъ раздраженіе средствъ уже не изобрѣсти даже такому изобрѣтательному по этой части человѣку, какъ г. Андреевъ... Послѣ отдыха въ двѣ-три страницы, въ которыхъ изображается короткая передышка и въ рядѣ бѣдствій, сыплющихся на семью священника, изображается моментъ, когда они съ попадьей начинаютъ строить новые планы мирнаго, трудового житья,—послѣ этого отдыха мрачное очарованіе снова овла-

дѣваетъ вами: дальнѣйшія страницы, смерть попадьи, подготовка отца Василія къ «подвигу» и, наконецъ, сцена въ церкви, гдѣ онъ пытается воскресить умершаго, окончательно покоряютъ и захватываютъ своимъ трагизмомъ. Фигура Василія Ѳивейскаго вообще истинно трагическая. Онъ трагиченъ, какъ ибсеновскій Брандъ Это трагизмъ въ истинномъ, специфическомъ значеніи этого слова—въ томъ значеніи, какое придавалъ ему Ницше: это не только тяжелая коллизія, которая можетъ дѣйствовать на чувство жалости или вообще трогать насъ, повергая въ печальное, горькое настроеніе, — это коллизія полной жизненныхъ силъ натуры, всецѣло отдавшейся одной завѣтной, органически родной ей идеѣ,—съ объективными непреоборимыми условіями реальной дѣйствительности, — коллизія, не имѣющая другого исхода, кромѣ смерти, одновременно наполняющая насъ восторгомъ передъ душевной мощью героя и потрясающая насъ своей фатальностью... И написаны эти страницы, особенно заключительная сцена въ церкви, съ огромной силой. Подобной силы мѣста мы можемъ указать только у такихъ перворазрядныхъ писателей нашихъ, какъ Л. Толстой да Достоевскій...

Какою же темою «задался» на этотъ разъ г. Андреевъ? Какъ всегда, когда рѣчь идетъ объ этомъ авторѣ, на этотъ вопросъ можно дать вполнѣ ясный и опредѣленный отвѣтъ. Тема эта—опять философская: вскрытіе внутреннихъ противорѣчій мистической и эвдемонической телеологіи, присущихъ тому пониманію христіанства, которымъ пробавляется огромное большинство его адептовъ. Не нужно быть искуснымъ богословомъ, чтобы доказать всю несостоятельность такого пониманія христіанства, и не въ этомъ интересъ повѣсти. Повѣсть г. Андреева представляетъ огромный интересъ въ силу того обстоятельства, что она имѣетъ своимъ предметомъ *общераспространенный психологическій фактъ*, *общераспространенное*, какъ мы сказали, толкованіе идеи христіанства.

Это толкованіе — утилитарно-эвдемонистическое. Оно усматриваетъ смыслъ всего міропорядка въ осуществляемомъ имъ благѣ индивидовъ, которое отождествляется съ ихъ счастьемъ. Отецъ Василій Ѳивейскій въ своихъ поискахъ «правды жизни» видѣлъ вокругъ себя только бѣдствія и ужасы, только безконечныя страданія и безконечныя же, но никогда не осуществляющіяся надежды; изнемогая подъ ударами собственной судьбы, разившими его самого и семью его, онъ отъ сомнѣній въ благости міропорядка перешелъ къ фантастической идеѣ о своемъ «избранничествѣ», о чудесномъ избавленіи, которое должно прійдти въ міръ именно черезъ него, и наконецъ, послѣ крушенія и этой надежды, впалъ въ полное отрицаніе, котораго уже не могла выдержать измученная душа: онъ умираетъ въ минуту отчаянія, граничащаго съ безуміемъ.

Какой-нибудь богословъ могъ бы сказать отцу Василію, что все его горе въ томъ, что онъ не былъ истиннымъ христіаниномъ, и аргументировалъ бы этотъ богословъ приблизительно въ томъ родѣ, какъ нѣкогда писалъ Леонтьевъ по адресу Достоевскаго въ своей статьѣ «Наши христіане»:

«До сихъ поръ еще не совсѣмъ было понятно, что Христосъ значитъ почти то же что *земной эвдемонизмъ*... О воцареніи «правды» и «благоденствія»

на землѣ—я не буду много говорить... Въ глазахъ христіанина подобная мечта противорѣчитъ *прямому* и очень *ясному* пророчеству Евангелія о томъ, что зло усилится передъ концомъ»...

И признаться, мысль Леонтьева, несмотря на совсѣмъ не христіанскіе, саркастическіе «курсивы» и саркастическій тонъ, въ которомъ она высказана, гораздо вѣрнѣе духу христіанской тео- и телео-логіи, чѣмъ идеи Достоевскаго или идеи Василія Өивейскаго...

Но какъ какъ краснорѣчиво, какъ чудовищно-выразительно у г. Л. Андреева это опроверженіе эвдемонистическаго или, пожалуй, раціоналистическаго, въ духѣ протестантизма истолкованнаго христіанства! Всякаго читателя, склоннаго къ такому истолкованію, эта яркая и при всей своей сконцентрированности правдивая картина полнаго отсутствія всякой «правды» и «благоденствія» на землѣ, заставитъ задуматься надъ правильностью его точки зрѣнія. Можетъ быть, онъ перейдетъ на точку зрѣнія Леонтьева?... Это уже дѣло его разумѣнія и совѣсти... Съ другой стороны, врядъ ли можно найти болѣе общечеловѣческую и болѣе кровную черту въ душѣ человѣка, особенно въ душѣ несчастнаго человѣка, чѣмъ жажда счастья, надежды на счастье, и врядъ ли можно найти болѣе трагическую коллизію, чѣмъ окончательное крушеніе этихъ надеждъ на счастье для себя и другихъ—въ силу крушенія, при свѣтѣ умудреннаго опытомъ жизни разума, всѣхъ мистическихъ опоръ, на которыхъ зиждились эти надежды. Вѣдь одновременно съ этими надеждами меркнетъ и исчезаетъ и воплощенный мистической мыслью идеалъ, источникъ и критерій добра и свѣта. Про этотъ именно моментъ писалъ Ницше въ своей «Fröhliche Wissenschaft» слѣдующія мрачныя строки:

„Не блуждаемъ ли мы какъ бы въ безконечномъ *ничто*? Не дышитъ ли на насъ своимъ дыханіемъ безпредѣльная пустота? Развѣ не холоднѣе стало? Развѣ ночь не подвигается ближе и ближе—все темнѣя?..“

Трагизмъ момента осложняется и усугубляется еще тѣмъ чувствомъ оскорбленнаго человѣческаго достоинства, которое заставляетъ Василія Өивейскаго восклицать въ изступленіи:

„Такъ зачѣмъ же я вѣрилъ?

„Такъ зачѣмъ же Ты далъ мнѣ любовь къ людямъ и жалость—чтобы посмѣяться надо мною?

Такъ зачѣмъ же всю жизнь мою Ты держалъ меня въ плѣну, въ рабствѣ, въ оковахъ? Ни мысли свободной! Ни чувства! Ни вздоха! Все однимъ Тобою, все для Тебя. Одинъ Ты!..“

До сихъ поръ мы видѣли въ повѣстяхъ г. Андреева только сѣрыхъ одинокихъ людей, въ минуты особеннаго напряженія духовныхъ силъ разрѣшавшихъ поставленные авторомъ вопросы. Вопросы были всегда интересные; проблески психологическаго анализа этихъ экстренныхъ минутъ обладали тоже гипнотизирующей силой мрачнаго очарованія. Но «Жизнь Василія Өивейскаго» — это сплошной рядъ такихъ экстренныхъ, трагическихъ минутъ; это — цѣлая трагическая жизнь, а психологія, которою надѣленъ новый созданный г. Андреевымъ «одиночка», не только прекрасно разрѣшаетъ «шахматную задачу», но

совершенно *оживотворяетъ* этотъ образъ-символъ. Такова сила символической фантазіи созрѣвшаго таланта. Нигдѣ еще г. Андреевъ не доходилъ до такого *перевоплощенія* въ намечтанный имъ и, странно сказать, почти «безплотный» образъ...

Что Василій Өивейскій ирреалистиченъ, что такого попа трудно себѣ и представить въ условіяхъ нашей дѣйствительности—это врядъ ли надо и доказывать. Реальные попы гораздо больше смахиваютъ на того героя очерка г. Дмитріева-Оренбургскаго, о которомъ мы говорили прошлый разъ. Василій Өивейскій стоитъ передъ нами такимъ, какимъ онъ описанъ въ заключительной сценѣ отпѣванія Мосягина въ церкви, среди надвигающихся вмѣстѣ съ грозою сумерокъ: «И всю, казалось, темноту, молчаливымъ и широкимъ потокомъ вливавшуюся въ окна, впитали въ себя черный гробъ и черный священникъ: такъ черенъ былъ этотъ нѣмой гробъ, такъ черенъ былъ этотъ высокій, холодный и строгій человѣкъ». Василій Өивайскій—это, именно, «что-то длинное, прямое, смутное, какъ призракъ», и на насъ, при чтеніи, какъ на несчастную попадью, «смотритъ лицо, но смотритъ не глазами, сокрытыми черною тѣнью бровей, а бѣлыми пятнами острыхъ скулъ и лба»... Именно *призракъ*, воплощающій въ своемъ суровомъ обликѣ безпредѣльную «любовь къ людямъ и жалость»... Призракъ—не болѣе. Но въ то же время—нѣчто настолько родное, близкое, понятное, и привлекательное, и живое, что оно навсегда и властно вселяется въ наше сознаніе и будетъ жить тамъ, вопреки всѣмъ реалистическимъ вкусамъ и требованіямъ, въ которыхъ мы воспитаны и отвѣчать которымъ такъ давно считаемъ обязательнымъ для всякаго художественнаго произведенія... Приходится, значитъ, покориться и признать и этотъ путь законнымъ въ художествѣ. Какъ мы увидимъ ниже, приходится пойти и дальше этого—въ отказѣ отъ своихъ привычекъ. Въ новой повѣсти г. Андреева, какъ мы уже сказали, меньше, нежели въ прежнихъ его вещахъ, чувствуется и двойственность символики и реалистическихъ пріемовъ. Тривіально-натуралистическаго въ фигурѣ священника ничего нѣтъ. Это чистой воды—идеалистическій символъ. Курьезно-трогательная со стороны автора попытка реалистически конкретизировать этотъ образъ отмѣчаніемъ «испорченныхъ зубовъ»—успѣхомъ не увѣнчивается. Здѣсь, вѣроятно, сказывается боязнь окончательно отрѣшиться отъ привычныхъ и для г. Андреева эстетическихъ требованій, какъ ни чужды они по существу всему строю его творчества и мысли. Но въ общемъ вся концепція чисто *символическая*, гораздо болѣе цѣлостная, чѣмъ въ предшествующихъ произведеніяхъ. Это, разумѣется, не *минусъ*, а громадный *плюсъ* въ новой повѣсти. Г. Андреевъ, несомнѣнно, созрѣлъ, нашелъ *свою* дорогу, утвердился въ манерѣ, вполнѣ вытекающей изъ его индивидуальности, и не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать, что въ близкомъ будущемъ мы не увидимъ у него и этихъ робкихъ попытокъ, этой «трогательной» дани привычнымъ требованіямъ.

Василій Өивейскій это, конечно, не обыкновенный священникъ, вѣрующій въ Бога «торжественно и просто: какъ іерей и какъ человѣкъ съ незлобивой душой», какимъ въ началѣ повѣсти старается выставить его авторъ, быть можетъ, въ

заботѣ о тѣхъ же привычныхъ эстетическихъ требованіяхъ. Въ его высокой, сухопарой и крѣпкой фигурѣ живетъ упругая душа и самостоятельный умъ истиннаго протестанта. Это, прежде всего, и роднитъ съ ней читателя—и до такой степени, что постоянно забываешь объ облекающей его профессіональной одеждѣ... Но положеніе въ жизни, въ которое поставилъ его авторъ, эта непосредственная близость къ злосчастію людскому, эта возможность читать въ измученныхъ душахъ книгу жизни (напомнимъ безподобныя сцены исповѣди)—даютъ въ руки автора богатѣйшій матеріалъ, который врядъ ли представился бы ему иначе. Г. Андреевъ зналъ, что дѣлаетъ, когда выбиралъ профессію для своего героя. Это же дало возможность автору изобразить развитіе души человѣческой отъ совершенной *нетронутости*, отъ наивнаго, общепринятаго дѣтскаго міропониманія, до глубочайшихъ исканій и запросовъ человѣческаго духа. Василій Ѳивейскій—это человѣкъ, человѣкъ прежде всего, подобно Бранту, тоже священнику, подобно тому символическому, не совсѣмъ удавшемуся образу, который задумывалъ М. Горькій для своего прозаическаго стихотворенія «Человѣкъ». Человѣкъ вообще, безотносительно къ «профессіональнымъ одеждамъ», къ классамъ и національностямъ, человѣческая личность сама по себѣ — вотъ основная тема лучшихъ современныхъ художниковъ... Но объ этомъ рѣчь впереди.

Прослѣдимъ за этапами духовнаго развитія Василія Ѳивейскаго.

Впервые всколебала его наивное міросозерцаніе смерть любимаго сынишки Васи, утонувшаго въ рѣкѣ въ ясный лѣтній полдень. Молодая попадья отъ горя дошла до галлюцинацій, не выносила солнечнаго свѣта, запирала ставни и бродила по комнатамъ, перебирая вещи. Затѣмъ она начала пить. Когда онъ въ первый разъ увидалъ ее пьяную и понялъ, что «это навсегда»,—о. Василій ушелъ изъ дому въ поле и бродилъ «затерянный среди колосьевъ» со своею душой. Поднявъ глаза къ небу, онъ, «скрипнувъ зубами... съ движеніемъ устъ, похожимъ на судорожную зѣвоту, громко проговорилъ: «Я вѣрю». Безъ отзвука потерялся въ пустынѣ неба и частыхъ колосьевъ этотъ молитвенный вопль, такъ безумно похожій на вызовъ. И точно кому-то возражая, кого-то страстно убѣждая и предостерегая, онъ снова повторилъ: «Я вѣрю».

И вотъ они влачатъ свои дни втроемъ—о. Василій, попадья и дочь-подростокъ, угрюмая Настя—среди обычной работы и требъ, среди запоя и мучительныхъ галлюцинацій молодой попадьи, пока въ разстроенной головѣ попадьи не возникаетъ мысль воскресить погибшаго Васю, родивши другого мальчика. О. Василій со смерти сына не жилъ съ ней, какъ съ женою; но страстныя мольбы и угрозы несчастной и дико-красивой въ своемъ болѣзненномъ экстазѣ женщины сломили его волю. И въ эту ночь онъ опять уходитъ далеко отъ жилья и въ темнотѣ невидимый голосъ съ «угрозой, молитвой, предостереженіемъ и надеждой» повторяетъ тѣ же слова: «Я—вѣрю».

Весною попадья забеременѣла, цѣлое лѣто не пила и въ домѣ о. Василія воцарился тихій и радостный покой. Попадья преобразилась: «она похорошѣла, перестала бояться Ивана Порфирыча (церковнаго старосты, деревенскаго кулака, который однажды громко сказалъ при ней въ церкви: «эту пьяницу совсѣмъ

бы въ церковь пускать не слѣдовало. Стыдъ!») и въ церкви, идя на свое мѣсто, гордо выпячивала округлившійся животъ и бросала на людей смѣлые, самоувѣренные взгляды».

Мы не можемъ удержаться, чтобы не привести здѣсь цѣликомъ чудесное мѣсто, описывающее настроеніе молодой женщины въ эту пору воскресшей надежды:

„Чтобы какъ-нибудь не повредить ребенку, она перестата работать тяжелую домашнюю работу и цѣлые дни проводила въ сосѣднемъ казенномъ лѣсу, собирая грибы, она очень боялась родовъ и по грибамъ загадывала, будутъ они благополучны или нѣтъ; большею частью выходило, что будутъ благополучны. Иногда среди прошлогодней слежавшейся листвы, темной и пахучей, подъ непроницаемымъ зеленымъ сводомъ высокихъ вѣтвей, она отыскивала семейку бѣлыхъ грибковъ; они тѣсно прижимались другъ къ другу и темноголовые, наивные казались ей похожими на маленькихъ дѣтей и вызывали острую нѣжность и умиленіе. Съ той особенной, правдивой улыбкою, какая бываетъ у людей, когда у нихъ хорошія мысли и они одни, она осторожно раскапывала вокругъ корней волокнистую, сѣро-пепельную землю, садилась около грибковъ и долго любовалась ими, немного блѣдная отъ зеленыхъ тѣней лѣса, но красивая, спокойная и добрая. Потомъ опять шла развалистой и осторожною походкой беременной женщины, и густой лѣсъ, въ которомъ прятались маленькіе грибки, казался ей живымъ, умнымъ и ласковымъ“.

Это тоже «ирреалистическое» мѣсто, читатель; это, если хотите, романтично, фантастично—все, что хотите! Но это полно внутренней правды и чудесно, какъ живопись, т.-е.—прекрасно. А дальше, пожалуй, еще лучше:

„По вечерамъ попадья шила маленькія распашонки и свивальники, задумчиво расправляя матерію бѣлыми пальцами, озаренными яркимъ свѣтомъ лампы. Она расправляла и разглаживала рукою мягкую ткань, точно ласкала ее, и думала что-то свое, особенное, материнское, и въ голубой тѣни абажура красивое лицо ея казалось попу освѣщеннымъ изнутри какимъ-то мягкимъ и нѣжнымъ свѣтомъ. Боясь неосторожнымъ движеніемъ спугнуть ея прекрасную и радостную думу, о. Василій тихо расхаживалъ по комнатѣ и ноги его въ мягкихъ туфляхъ ступали неслышно и нѣжно“.

Родился мальчикъ. Его назвали, по имени погибшаго брата, Василіемъ. Вскорѣ оказалось, что онъ родился идіотомъ. Это былъ второй ударъ судьбы, горшій, нежели первый. Въ гибели перваго Васи о. Василій могъ видѣть простую несчастную случайность. Въ рожденіи идіота, «въ безуміи зачатаго», онъ долженъ былъ чувствовать возмездіе за «грѣхъ» и непосредственную близость тяготѣющей надъ нимъ десницы Бога. О. Василій не ропщетъ, какъ тогда въ первый разъ, и не сомнѣвается. Онъ точно уходитъ внутрь себя, настораживается. Жизнь семьи становится настоящимъ кошмаромъ. Запои и галлюцинаціи несчастной матери, возня съ жаднымъ и злымъ, какъ звѣренышъ, идіотомъ, и день и ночь одна мысль, одно неотвязное ощущеніе, что въ жизни ихъ «владыкою сталъ все тотъ же загадочный и страшный образъ полуребенка-полузвѣря», съ большимъ лицомъ, съ маленькими ножками, съ «тупымъ и безсмысленнымъ взглядомъ круглыхъ глазъ».

Въ такомъ кошмарѣ проходили годы. О. Василій жилъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Можетъ быть, на днѣ души опять подымали свою голову сомнѣнія,

но онъ молчалъ. А когда попадья, послѣ особенно тяжелаго болѣзненнаго припадка, съ дикой откровенностью бросила ему въ лицо страшную догадку: «Знаю, о чемъ ты думаешь. Ты... ты... въ Бога не вѣришь. Вотъ что!»,— «поблѣднѣвшій попъ рѣзко и наставительно отвѣтилъ: «Это не правда. Думай, что говоришь. Я вѣрю въ Бога». И о. Василій все думалъ и думалъ—«о Богѣ и о людяхъ, и о таинственныхъ судьбахъ человѣческой жизни»... «И кто бы ни видѣлъ его, всякій спрашивалъ себя: о чемъ думаетъ этотъ человѣкъ?—такъ явственно была начертана глубокая дума на всѣхъ его движеніяхъ. Была она въ его тяжелой поступи, въ медлительности запинающейся рѣчи... тяжелой пеленой висѣла она надъ его глазами, и туманенъ былъ далекій взоръ, тускло мерцавшій изъ-подъ нависшихъ бровей». Онъ чуждался людей и робѣлъ передъ ними, особенно передъ сытымъ счастливцемъ церковнымъ старостой. Эта была первая фаза несчастья, еще стыдливая, не знающая ожесточенія, стадія подавленности и усиленнаго «объективнаго» вглядыванія въ окружающія отношенія.

Духовныя очи его прозрѣли, благодаря незначительному, столько разъ проходившему ранѣе мимо его сознанія случаю. На исповѣди онъ сталъ вглядываться въ лицо старухи-исповѣдницы, какихъ сотни, конечно, онъ видѣлъ на своемъ вѣку. «На головѣ у старухи подъ ситцевымъ платкомъ о. Василій замѣтилъ проборъ—сѣренькую полоску кожи среди тщательно расчесанныхъ волосъ. И этотъ жалкій проборъ, эта глухая забота о старой, некрасивой, никому не нужной головѣ были также правдой: печальной правдой о вѣчно одинокой, вѣчно скорбной человѣческой жизни». Этотъ «жалкій проборъ» произвелъ переворотъ въ душѣ священника.

«...Тутъ впервые на сороковомъ году своего бытія о. Василій Ѳивейскій понялъ глазами и слухомъ, и всѣми чувствами своими, что кромѣ него есть на землѣ другіе люди—подобныя ему существа, и у нихъ своя жизнь, свое горе,—своя судьба». Онъ выходитъ изъ своего одиночества, пріобщается къ жизни міра, но не на радость себѣ, конечно: теперь онъ болѣетъ не однѣми своими печалями, а печалями всѣхъ несчастныхъ. Въ ихъ душахъ онъ чувствуетъ «огромную правду, и чувствуетъ ее, то какъ отчаяніе и безумный страхъ, то какъ жалость, гнѣвъ и надежду». Обновленный душою, онъ теперь словно впервые замѣчаетъ свою заброшенную и озлобившуюся дочку Настю. Однажды, послѣ страннаго и ужасающаго своей обнаженной правдой разговора, гдѣ Настя высказала, что надо бы убить и попадью, и идіота (мы еще вернемся къ этой сценѣ: это одно изъ тѣхъ мѣстъ, которыя даются только г. Андрееву, которыя въ высшей степени характерны для его дарованія)—послѣ этого разговора священникъ, какъ бы самъ робѣя передъ ней, неуклюже ласкаетъ ее—первый разъ за долгіе годы, и унося ее на рукахъ, какъ маленькую, шепчетъ ей: «жалѣй маму»...

Въ великомъ посту на исповѣдь являются сначала двѣ старухи съ жалобами и слезами, «не имѣвшими начала, не приходившими къ концу»: «какъ будто и слезы, и слова уже состарились на долгой службѣ и хотятъ покоя»... А затѣмъ приходитъ крестьянинъ Семенъ Мосягинъ, играющій совершенно осо-

бенную роль въ жизни о. Василія. Сцена его исповѣди—одна изъ лучшихъ во всей повѣсти. А самая фигура Мосягина,—представляетъ такой глубокій, такой много охватывающій символъ, и отношеніе къ нему о. Василія (или, вѣдь это совершенно очевидно, и самого автора) таково, что я не знаю болѣе проникновеннаго, болѣе глубокаго итога и лучшей оцѣнки многострадальному бытію нашей сельской массы. На мой взглядъ, это совсѣмъ *новое слово* въ нашей литературѣ. Я не боюсь, что выразился слишкомъ громко, и только прошу у читателя позволенія мотивировать это утвержденіе немного ниже. «Уродливое прозябаніе гдѣ-то на границѣ между жизнью и смертью», несмотря «на крѣпкую стихійную волю къ такому же стихійному, могучему творчеству»—эта не разрѣшимая загадка окончательно поглощаетъ о. Василія. Измученный его разспросами Мосягинъ начинаетъ плакать. Священникъ не выдерживаетъ: «Не плачь! Не смѣй плакать! Ревутъ какъ телята. Что я могу сдѣлать?.. Что я Богъ что ли? Его проси. Ну, проси! Тебѣ говорю». И онъ толкаетъ мужика на колѣни...

«*Что можетъ онъ сдѣлать?*»—въ этомъ воплѣ уже заложена мысль, которая скоро погубитъ о. Василія... Онъ не можетъ оставаться пассивнымъ зрителемъ горя людского. Его упругой, полной жизненныхъ силъ душѣ нужно *дѣло*. Но пока онъ разгадываетъ загадку жизни, и съ суровой настойчивостью вывѣдываетъ тайны исповѣдниковъ, которыхъ цѣлыми часами держитъ у своего аналоя. «Всѣ осуждали жизнь, но никто не хотѣлъ умирать, и всѣ чего-то ждали напряженно и страстно»... И минутами онъ какъ бы заряжался ихъ настроеніемъ и самъ начиналъ чего-то ждать... Но его ожиданіе не походило на вѣру этихъ пригнетенныхъ жизнью душъ: онъ «ждалъ нетерпѣливо, ждалъ грозно». И въ то же время чувствовалъ, что онъ «не господинъ среди людей, и не сосѣдъ ихъ, а ихъ слуга и рабъ», отъ котораго эти несчастные въ правѣ чего-то требовать... Такъ впервые, смутно еще, запала въ его душу роковая мысль объ «избранничествѣ»...

Но тутъ новый ударъ судьбы, новое личное горе, опять повергаютъ его въ новыя еще болѣе сильныя сомнѣнія. Попадья въ припадкѣ тоски пытается повѣситься. О. Василій съ Настей освобождаютъ ее отъ петли...

«— Опять же онъ. Ты понимаешь, о комъ я,—тихо оправдывается несчастная женщина:—конечно, ребенокъ онъ и жаль его, а вотъ скоро начнетъ онъ ходить—загрызетъ онъ меня. И ни откуда нѣтъ помощи. Вотъ тебѣ пожаловалась, а что изъ этого? Какъ быть и не знаю».

О. Василій не выдерживаетъ: слишкомъ много страданій даже для его крѣпкой натуры, и она готова къ мятежу. Онъ кричитъ пронзительно и изступленно: «И Ты терпишь это! Терпишь! Такъ вотъ же...—Онъ высоко поднялъ сжатый кулакъ, но у ногъ его, охвативъ руками колѣна, билась въ истерикѣ попадья и бормотала, захлебываясь слезами и хохотомъ: «Не надо! Не надо! Голубчикъ, милый. Я не буду больше!..»

Съ этого дня началось особенно нѣжное, бережное отношеніе о. Василія къ попадьѣ. Должно быть, помимо ея самой, онъ начинаетъ любить въ ней

олицетворенное злосчастье всего міра, любить—человѣчной, до сихъ поръ невѣдомой ему любовью. И на исповѣди ему хочется «каждаго, кто подходилъ къ нему, заключить въ братскія объятія и сказать: «бѣдный другъ, давай бороться вмѣстѣ и плакать и искать. *Ибо ни откуда нѣтъ человѣку помощи»*: Но онъ не говоритъ этого, а твердитъ попрежнему съ отчаяніемъ въ душѣ: «Его проси. Его проси»...

Довершаетъ дѣло исповѣдь безногаго калѣки Трифона. Выслушавъ его фантастически-гнусный разсказъ объ изнасилованіи и убійствѣ дѣвочки, о. Василій сначала грозилъ ему адомъ, а затѣмъ, присѣвъ на корточки, шепчетъ ему въ ухо: «Ты не бойся. Ада не будетъ. Это я вѣрно тебѣ говорю... Ты будешь въ раю. Понимаешь, со святыми, съ праведниками. Выше всѣхъ»... Чаша переполнена. Сомнѣній слишкомъ много, слишкомъ много злосчастья, чтобы уцѣлѣть вѣрѣ въ благость міропорядка. Онъ возвращается домой полубольнымъ и, блѣдный какъ мертвецъ, съ безсильно отвисшей челюстью всю ночь шагаетъ по комнатѣ, засвѣтивъ всѣ лампы и свѣчи, какія были въ домѣ (какъ бы спасаясь отъ мрака той духовной ночи, о которой писалъ Ницше)... Онъ еще съ вечера сказалъ попадьѣ, что *не можетъ* идти въ церковь служить, а дѣло было въ среду на страстной недѣлѣ. На утро душевный кризисъ завершился: онъ объявилъ женѣ, что сниметъ съ себя санъ и они уѣдутъ куда-нибудь далеко, а идіота отдадутъ на воспитаніе... Сомнѣнія, очевидно, перешли уже въ отрицаніе, а изнемогающая душа страстно жаждетъ отдыха, и только отдыха, и простой, хотя бы животной, но мирной жизни... И мысль объ этомъ отдыхѣ вызываетъ какую-то загадочную улыбку на его блѣдномъ лицѣ, съ черными кругами вокругъ глазъ... Улыбнулась и попадья. И три мѣсяца отдыхала ихъ душа; три мѣсяца жила попадья смутной надеждой на совсѣмъ новую, прекрасную жизнь, и почти перестала пить.

О. Василій возвращался съ работы въ полѣ: «хорошо на землѣ, — говорилъ онъ и сдержано смѣялся загадочнымъ и темнымъ смѣхомъ: какъ будто насмѣхался онъ надъ кѣмъ-то, или надъ самимъ собою». Въ этомъ смѣхѣ былъ и вызовъ той силѣ, изъ-подъ власти которой онъ почти освободился, и невѣріе въ свою свободу.

Мы до сихъ поръ такъ подробно, сравнительно, останавливались на перепетіяхъ, «суроваго и загадочнаго рока, тяготѣвшаго надъ жизнью о. Василія», чтобы прослѣдить этапъ за этапомъ его духовную эволюцію и попутно отмѣтить нѣсколько захватывающихъ своей внутренней правдой и красотой мѣстъ повѣсти. Намъ осталось досказать уже немного. Мы вплотную подошли къ финальной катастрофѣ, которой должна была разрѣшиться трагическая коллизія утопіи мистическаго «земнаго» эвдемонизма съ правдой реальной жизни.

Во время отлучки о. Василія на полевую работу попадья напилась, заснула съ папиросой, и подожгла домъ. Идіота и Настю спасли, а она обгорѣла, превратилась въ «безформенную, глухо стонущую массу, въ сплошной бѣлый пузырь,—страшно замѣнившій знакомое и дорогое лицо»: такой засталъ ее въ квартирѣ діакона примчавшійся на зарево о. Василій... Попадья умерла въ ту же ночь. Странное спокойствіе водворяется въ душѣ священ-

ника. Потрясенный духъ опять отдаетъ себя той власти, изъ-подъ которой недавно мнилъ себя освободить, и на этотъ разъ уже безраздѣльно.

«— Нѣтъ! Нѣтъ!—заговорилъ попъ громко и испуганно. — Нѣтъ! Нѣтъ! Я вѣрю. Ты правъ. Я вѣрю».

Но это далеко не было истинно-христіанскимъ смиреніемъ *). Идея о справедливости и благости этой власти—идея, съ которой срослась душа священника,—именно она подсказала его гордому и «дѣйственному» духу новый фантастическій, но единственно-логичный исходъ изъ всѣхъ противорѣчій. Новое горе, ему посланное, раздуло уже искру, которая и раньше минутами тлѣла въ немъ. Въ своей фатальной судьбѣ онъ увидалъ перстъ Божій, намѣтившій въ немъ избранника. Мы опускаемъ подробности безподобной сцены, гдѣ о. Василій, всю ночь, до разсвѣта, расхаживая по саду діакона, постепенно приходитъ къ этой мысли. Мы не хотимъ портить ее своимъ пересказомъ. Приведемъ только итогъ его душевной работы:

„И чудны были его мысли—яркія и чистыя онѣ были, какъ воздухъ ранняго утра, и какія-то новыя: такихъ мыслей никогда еще не пробѣгало въ его головѣ, омраченной скорбными и тягостными думами. Онъ думалъ, что тамъ, гдѣ видѣлъ онъ хаосъ и злую безсмыслицу, тамъ могучею рукой былъ начертанъ вѣрный и прямой путь. Черезъ горнило бѣдствій, насильственно отторгая его отъ дома, отъ семьи, отъ суетныхъ заботъ о жизни—вела его могучая рука къ великому подвигу, къ великой жертвѣ. Всю жизнь его Богъ обратилъ въ пустыню, но лишь для того, чтобы не блуждалъ онъ по старымъ изъѣзженнымъ дорогамъ, по кривымъ и обманчивымъ путямъ, какъ блуждаютъ люди, а въ безбрежномъ и свободномъ просторѣ ея искалъ новаго и смѣлаго пути. Вчерашній столбъ дыма и огня—развѣ онъ не былъ тѣмъ огненнымъ столбомъ, что указывалъ евреямъ дорогу въ бездорожной пустынѣ. Онъ думалъ: Боже, хватитъ ли слабыхъ силъ моихъ? — но отвѣтомъ былъ пламень, озарявшій его душу, какъ новое солнце.

„Онъ избранъ.

„На невѣдомый подвигъ и невѣдомую жертву избранъ онъ, Василій Ѳивейскій, тотъ, что святотатственно и безумно жаловался на судьбу свою. Онъ избранъ".

Съ этого момента вся жизнь его посвящена приготовленію къ невѣдомому подвигу. Онъ отослалъ Настю въ ученье въ городъ, а самъ вдвоемъ со «своимъ грѣхомъ»—идіотомъ поселился въ новомъ полудостроенномъ домѣ. Дни и ночи проводитъ онъ въ думахъ, въ постѣ, молитвахъ и чтеніи Евангелія. Здѣсь опять г. Андреевъ даетъ страшной силы картину, описывающую чтеніе Евангелія вслухъ, подъ завыванія бури и метели: священникъ читаетъ разсказъ объ исцѣленіи слѣпорожденнаго, а идіотъ сидитъ

*) Мнѣ опять слышится истинно-христіанская рѣчь Леонтьева: „Прежде всего *страхъ*, потомъ „смиреніе" или прежде всего *смиреніе ума*, презрительно относящагося не къ себѣ только одному, но и ко всѣмъ другимъ, даже и геніальнымъ человѣческимъ умамъ безпрестанно ошибающимся. Такое смиреніе, шагъ за шагомъ, ведетъ къ страху передъ именемъ Божіемъ, къ *послушанію ученію* церкви, этого Бога намъ поясняющей". (Леонтьевъ „Наши христіане", курсивы вездѣ принадлежатъ ему).

передъ нимъ со своимъ лицомъ полу-звѣря. И когда о. Василій доходитъ до момента, гдѣ слѣпой становится зрячимъ, подчеркивая голосомъ это мѣсто (онъ чувствуетъ въ немъ какую-то темную связь съ предстоящимъ ему подвигомъ) онъ обращается къ идіоту:

«Зрячимъ, Вася, зрячимъ!—грозно кричитъ онъ и въ волненіи быстро шагаетъ по комнатѣ, а затѣмъ останавливается и восклицаетъ: «Вѣрую, Господи! Вѣрую!» И послѣ минутной тишины раздается «громкій, скачущій, безсмысленно-зловѣщій хохотъ идіота». Это было словно предостереженіе судьбы. Во всей фигурѣ идіота о. Василію должна была мерещиться та темная и тяжкая связь съ земной, «звѣриной», «грѣховной» и смертной природой, которая тянетъ его къ землѣ, которая не дастъ ему оторваться отъ нея, чтобы возвыситься до подвига-чуда. Но онъ не внялъ предостереженію. Каждое утро въ этотъ періодъ искуса и подготовки къ подвигу онъ, не взирая на морозъ и отсутствіе молящихся, вдвоемъ со старымъ, «увѣровавшимъ» въ него, пономаремъ ревностно экстатически отправляетъ раннюю обѣдню. Мало-по-малу, впрочемъ, въ темной церкви начинаютъ появляться фигуры молящихся; и одновременно по селу и далеко по окрестностямъ расходится смутная молва о какой-то «новой вѣрѣ», о какихъ-то таинственныхъ замыслахъ о. Василія.

Приходитъ время свершать подвигъ. Мосягинъ, — тотъ самый крестьянинъ, въ которомъ о. Василій видѣлъ олицетвореніе всей безмѣрно несправедливой судьбы, тяготѣющей надъ деревенскими людьми,— копая песокъ для Копрова обрушилъ, на себя стѣну песочной ямы, и его засыпало пескомъ. Осталась голодная вдова и двое дѣтей. О. Василій идетъ служить панихиду «блѣдный, отягощенный какою-то неясной думой, но улыбающійся». Всѣ въ деревнѣ чувствуютъ, что назрѣваетъ что-то чрезвычайное, и робко разступаются передъ высокой фигурой попа. Слухи о смерти Мосягина и о томъ, что готовится что-то загадочное, проникаютъ въ округу, и на похороны сходятся люди изъ другихъ селъ. Надвигается гроза. Въ церкви душно и темно, и стоитъ смрадъ отъ разлагающагося на жарѣ трупа. Обѣдня и панихида проходятъ среди все растущаго напряженія. Наконецъ «совершилось то безумное и великое, чего съ такимъ ужасомъ, такъ загадочно ожидали всѣ». О. Василій пытается воскресить покойника... Мы отказываемся передавать эту картину, ибо ее надо читать въ подлинникѣ. Со страшной кошмарной силой рисуетъ г. Андреевъ этотъ финалъ всей драмы. Психологія безумнаго страдальца-мечтателя въ этотъ дикій моментъ изображена съ внутренней правдой истиннаго вдохновенія. Вся сцена—это именно кошмаръ, какой то крикъ боли, воплощенный въ лицахъ и дѣйствіяхъ, какая-то судорога души... Гніющій трупъ остается трупомъ, а очутившійся одинъ на одинъ съ нимъ «избранникъ» (всѣ молящіеся, въ томъ числѣ и семья умершаго, въ ужасѣ выбѣжали изъ церкви),—послѣ того изступленнаго вопля-повелѣнія, обращеннаго къ Богу, который мы привели выше, кричитъ:

„Ты долженъ! Отдай ему жизнь! Бери у другихъ, а ему отдай! Я прошу. Затѣмъ обращается къ молчаливо разлагающемуся трупу и приказываетъ съ гнѣвомъ, съ презрѣніемъ:

„—Ты! Проси его! Проси.

„И кричитъ святотатственно, безумно:

„— Ему не нужно рая. Тутъ его дѣти. Они будутъ звать: отецъ. Онъ скажетъ: сними съ головы моей вѣнецъ небесный, ибо тамъ—тамъ соромъ и грязью покрываютъ головы моихъ дѣтей! Онъ скажетъ! Онъ скажетъ!

„Со злобою трясетъ черный гробъ и кричитъ:

„— Да говори же ты, проклятое мясо!"

И съ этого момента начинается безуміе: одновременно съ надеждой на подвигъ, рушится самая сила мысли. Въ гробу ему уже видится не трупъ, а фигура идіота. На уродливомъ лицѣ — «зарождающійся, молчаливый смѣхъ». Идіотъ «молчитъ и смотритъ и медленно высовывается изъ гроба,—несказанно ужасный въ непостижимомъ сліяніи вѣчной жизни и вѣчной смерти».

Въ дикомъ гнѣвѣ замахивается о. Василій на это привидѣніе. Въ это время гроза разражается громовымъ ударомъ, который онъ принимаетъ за хохотъ идіота. Въ церкви полная тьма. Въ ужасѣ, натыкаясь на стѣны, о. Василій, наконецъ, находитъ выходъ, и бѣжитъ, пока не падаетъ мертвый — «ничкомъ, костлявымъ лицомъ въ придорожную сѣрую пыль, измолотую колесами, истолченную ногами людей и животныхъ», и въ такой позѣ—«какъ будто и мертвый продолжалъ онъ бѣжать»...

Такъ рѣшается «Жизнью Василія Ѳивейскаго» та *шахматная задача*, которую задалъ себѣ на этотъ разъ г. Андреевъ. Воспринятое всѣмъ существомъ глубокой и сильной натуры «земное», эвдемонистическое истолкованіе христіанства, приводитъ фаталистически къ такому крушенію, къ такому «мату». Эта идея проведена въ повѣсти, можетъ быть, съ чрезмѣрной ясностью. У французовъ есть особенное слово для обозначенія драмъ, построенныхъ на заданную тему: они называютъ ихъ pièces à thèse. Всѣ вещи г. Андреева именно вещи à thèse. Мы еще въ прошлогодней нашей статьѣ отмѣчали этотъ недостатокъ, какъ самый существенный въ его творчествѣ. Въ самомъ замыслѣ у него мало непосредственности; произведенія его до извѣстной степени, говоря словами Бѣлинскаго, — *сочинены*, а не рождены художникомъ. Но «сочиненный» замыселъ облекается въ картины, гдѣ то и дѣло сверкаетъ истинное и необычайное по своей силѣ и непосредственности вдохновеніе. Новая повѣсть его, самое большое, цѣлостное, самое зрѣлое изъ его произведеній, даетъ цѣлый рядъ такихъ несомнѣнно *рожденныхъ*, истинно творческихъ картинъ. Съ другой стороны, если въ прошломъ году мы могли высказать, что намъ чувствуется какъ бы отсутствіе идеалистическихъ элементовъ въ міросозерцаніи автора, то «Василій Ѳивейскій»—свидѣтельствуетъ краснорѣчиво, что либо мы ошибались, либо въ настроеніи г. Андреева произошла перемѣна, которая въ нашихъ глазахъ придаетъ его творчеству удесятеренную цѣнность. Вся повѣсть дышитъ скорбнымъ, но глубоко идеалистическимъ, глубоко привлекательнымъ отношеніемъ къ человѣку.

Чтобы закончить этотъ растянувшійся разборъ, намъ надо упомянуть о бѣгло, но мастерски очерченномъ образѣ церковнаго старосты Копрова, который служитъ антитезой главному герою. Страдальческій, ищущій, протестующій эвдемонизмъ Василія Ѳивейскаго чудесно оттѣняется сытымъ и тупымъ

(истинно *коровьимъ*, какъ сказалъ бы Ницше) эвдемонизмомъ этой фигуры. Это «богатый, очень счастливый и всѣми уважаемый человѣкъ». Онъ вѣритъ въ то, что волосы на тѣлѣ приносятъ ему счастье—«также крѣпко, какъ и въ Бога». Онъ инстинктивно ненавидитъ о. Василія, очевидно, чуя въ немъ совершенно непонятную для него силу. Въ церкви онъ аккуратно складываетъ стопочками собранныя мѣдныя деньги, и когда всѣ становятся на колѣни, онъ только наклоняетъ голову и крестится, «и видно было, что онъ считаетъ себя близкимъ и нужнымъ Богу человѣкомъ и знаетъ, что безъ него Богу было бы трудно устроить все такъ хорошо и въ такомъ порядкѣ». Копровъ первый догадывается о странныхъ замыслахъ о. Василія и въ дни передъ похоронами Мосягина, бродитъ за священникомъ ночью, какъ тѣнь, не то высматривая его, не то безсознательно поддаваясь какому-то гипнозу — напряженнаго ожиданія... Въ двухъ-трехъ штрихахъ данъ съ почти исчерпывающей полнотой цѣлый «моральный» типъ.

Двумя-тремя штрихами умѣетъ также г. Андреевъ вскрывать сущность отношеній людскихъ. Мы обѣщали привести, въ качествѣ образчика совершенно оригинальныхъ его пріемовъ, сцену между Настей и о. Василіемъ, гдѣ съ ясностью, отъ которой жутко становится, подводится итогъ всей жизни семьи. Вотъ эта сцена. Попадья только что передъ тѣмъ застала Настю передъ зеркаломъ: Настя съ страннымъ стараніемъ пыталась сдѣлать такое лицо, какъ у идіота. Попадья привела о. Василія и оставила ихъ вдвоемъ:

„— Зачѣмъ ты дѣлаешь, какъ онъ? Развѣ тебѣ нравится лицо, какъ у него?

„Настя отвѣчаетъ сначала: „не знаю“, а затѣмъ добавляетъ: „нравится“, и полуутвердительно спрашиваетъ: „А вамъ не нравится?“

„— Нѣтъ.

„— А зачѣмъ же вы о немъ думаете. Я бы его убила“.

„Отцу почудилось въ ея лицѣ что-то тупое и звѣрское, какъ у идіота, и онъ говоритъ рѣзко: „ступай!“, но Настя не двигается.

„—А обо мнѣ вы не думаете,—сказала она просто, какъ безразличную правду.

„И тогда въ наростающей мглѣ зимнихъ сумерекъ между ними, похожими и разными, произошелъ короткій и странный разговоръ:

„— Ты дочь моя? Почему же я этого не зналъ. Ты знаешь?

„— Нѣтъ.

„— Пойди и поцѣлуй меня.

„— Не хочу.

„— Ты меня не любишь?

„— Нѣтъ. Я никого не люблю.

„— Какъ и я.—И ноздри попа раздулись отъ сдержаннаго смѣха.

„— А вы тоже никого не любите? А маму? Она очень пьетъ. Ее я тоже бы убила.

„— А меня?

„— Васъ нѣтъ. Вы со мной разговариваете. Мнѣ васъ бываетъ жалко...“

Странное напряженное состояніе, когда волевые импульсы совершенно замираютъ и самая мысль не сознаетъ, а лишь послушно формулируетъ итогъ всего безсознательно переживаемаго,—вотъ чѣмъ обусловлены такія минуты.

Г. Андреевъ мастерски использовалъ это особенное психическое состояніе.

Онъ не любитъ изображать будней, вообще не любитъ середины. У него всегда экстренные моменты: либо трагедія, либо счастье или поэтическое мечтаніе о счастьѣ. И вотъ, чтобы заразъ, однимъ мазкомъ изобразить намъ *будничныя* переживанія семьи, онъ приводитъ этотъ болѣзненно-откровенный, все до конца цинически обнажающій, жуткій разговоръ-символъ. Подобную же «цинически обнажающую», и подводящую итоги сцену мы отмѣчали въ свое время въ его очеркѣ «Въ темную даль». Повторяемъ, это совсѣмъ оригинальный, ему одному принадлежащій, художественный пріемъ, эти «разговоры-символы»...

Необходимо еще отмѣтить, что странная, фантастическая по своему замыслу повѣсть г. Андреева, порожденная какъ бы совершенно индивидуальнымъ строемъ мысли самого автора, оказывается, однако, въ полной гармоніи съ нѣкоторыми нотами современности. Совершенно непозволительно было бы обезцѣнивать значеніе того явленія, которое сказывается, съ одной стороны, въ раціоналистическихъ по своимъ тенденціямъ религіозныхъ исканіяхъ массъ, а съ другой—въ тѣхъ богословскихъ дебатахъ, которыми съ такимъ повышеннымъ интересомъ занимаются образованные представители духовенства на «религіозно-философскихъ собраніяхъ» *). Нужды нѣтъ, что дебаты эти ведутся чуть не по иниціативѣ и подъ руководствомъ акробатовъ изъ «Новаго Пути». Обидно, конечно, за искренно и серьезно вступающихъ съ ними въ споръ представителей духовенства. Но это не мѣняетъ сути дѣла. Эти акробаты изобрѣли, разумѣется, лишь новый, по ихъ мнѣнію особенно эффектный, *номеръ* въ своихъ упражненіяхъ. Для нихъ, этихъ «человѣко-боговъ», этихъ «слишкомъ раннихъ предтечей слишкомъ медленной весны»,—и какъ они еще тамъ величаютъ себя?—это, конечно, лишь новый способъ пошумѣть, вызвать аплодисменты, обратить на себя вниманіе. Но вѣдь соучастники ихъ по этимъ собраніямъ люди совсѣмъ иного настроенія... И мнѣ кажется, это настроеніе серьезное, а стало быть и явленіе—серьезное... А наряду съ этимъ, въ рафинированно-раціоналистическое христіанство ударились разные господа, шагнувшіе, по ихъ терминологіи,—«отъ марксизма къ идеализму...» Выходитъ такъ, что тема г. Андреева не лишена злободневнаго характера...

Перейдемъ теперь къ лирико-философскому очерку г. Вересаева, являющемуся какъ бы возраженіемъ, какъ бы «репликой» на это самое «рафинированное»

---

*) Мостъ между этими двумя рядами явленій уже перекинутъ однимъ изъ сотрудниковъ „Новаго пути", этого оффиціознаго органа „религіозно-философскихъ собраній". Кстати: публикуемые въ семъ журналѣ отчеты этихъ собраній придаютъ ему несомнѣнный интересъ (зачѣмъ, однако, публикуется рядомъ съ отчетами все прочее—это вопросъ, на который отвѣтить трудно). Г-жа Гиппіусъ недавно напечатала въ „Новомъ пути" повѣсть: „На свѣтломъ озерѣ", гдѣ описываетъ, какъ, зажимая носъ отъ нестерпимаго запаха простонародья, общалась съ нашими сектантами—этими „безконечно-далекими и безконечно-близкими" ей и ея спутнику людьми. Надо замѣтить, что сцены, гдѣ авторъ страдаетъ отъ запаха, происходятъ на воздухѣ... Вотъ тонкое, къ сожалѣнію, не могу сказать „художественное"—чутье... Не правда ли, читатель?

мистическое настроеніе нѣкоторыхъ «идеалистовъ», о которомъ мы только что упомянули. Мы, впрочемъ, не долго будемъ останавливаться надъ нимъ такъ же какъ и надъ прозаическимъ стихотвореніемъ Максима Горькаго, ибо эти вещи только отчасти относятся къ нашей основной темѣ.

Тема наша, какъ читатель, быть можетъ, припомнитъ, была сформулирована нами въ первой части статьи такъ:

Воспроизводитъ ли современное художество современную дѣйствительность, сводитъ ли оно явленія жизни въ какую-нибудь систему, аналогичную той, которая такъ ясно чувствуется во всѣхъ выдающихся произведеніяхъ реалистическаго художества прошедшихъ десятилѣтій?

Мы обѣщали заглянуть во *внутреннюю* сторону современнаго художества, въ его отношеніе къ жизни, и пока отмѣтили два предварительныхъ вывода: тенденцію къ символическому, очень обобщенному трактованью жизни, являющуюся основной, объединяющей чертой новой беллетристики, и затѣмъ, общій *тонъ* содержанія—безпокойный, «хмуро»-отрицательный, ищущій, вполнѣ соотвѣтствующій на нашъ взглядъ всему тону современной нашей жизни. Г. Андреевымъ мы потому такъ подробно и занимались, что онъ, какъ одинъ изъ лучшихъ современныхъ нашихъ художниковъ, долженъ намъ дать особенно много матеріала для нашихъ выводовъ, если эти выводы сколько-нибудь правильны. Читатель, надѣемся, видитъ, что выводы наши подтверждаются всецѣло его новою повѣстью. Она сплошь состоитъ изъ символовъ, символическихъ фигуръ, символическихъ картинъ, даже символическихъ разговоровъ, какъ мы отмѣтили только что. А тонъ ея—тонъ Василія Ѳивейскаго—это даже не хмурый тонъ, а тонъ болѣзненнаго, ожесточеннаго отрицанія, почти проклятія всѣмъ дикимъ противорѣчіямъ нашего бытья.

Произведенія гг. Вересаева и М. Горькаго уже потому мало относятся къ нашей темѣ, что на воспроизведеніе жизни сколько-нибудь непосредственное они и не претендуютъ. Это по существу лирико-философскія вещи, парящія на изрядной высотѣ отвлеченности. Но тонъ, общій тонъ сборниковъ выдержанъ и здѣсь, а символизмъ замысловъ очевидный. Заглавіе очерка г. Вересаева. «Передъ завѣсой» находится въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ самою мыслью очерка. Мысль отважно, мнѣ хочется даже сказать *бравирующе* реалистичная. Поддавшись обаянію музыки квартета Баха «Семи послѣднихъ словъ Христа», въ гармонію которой влился звонъ отдаленнаго благовѣста, авторъ почувствовалъ всѣмъ существомъ единство всей природы, общую единую «душу» всего живущаго. Этому ощущенію благопріятствовали и сумерки теплаго осенняго вечера передъ надвигающейся грозой, съ таинственнымъ, натягивающимъ нервы полумракомъ, съ мягкими, жаркими порывами вѣтра, въ которыхъ чудится «страстная ласка»... Но на слѣдующее утро онъ смотритъ, въ «мертвый сырой просторъ» ненастнаго сѣраго дня, смотритъ,—«какъ проспавшійся пьяный—съ чуждымъ отказывающимся чувствомъ вспоминаетъ вчерашняго себя: Что это вчера было?» Теперь онъ опять отчетливо и ясно сознаетъ истину: «Ничему ни до чего нѣтъ дѣла, и мнѣ нѣтъ дѣла до этого мертваго сырого простора, охватывающаго милліоны маленькихъ, одинокихъ, ушедшихъ въ себя жизней». Вчерашняя «высшая

правда», примирявшая всѣ противорѣчія, отъ которой все становилось «радостно понятнымъ, ибо нѣтъ ничего отдѣльнаго, нѣтъ прошедшаго и будущаго, все заключается въ каждомъ и каждое во всемъ», эта вчерашняя правда представляется ему теперь жалкимъ обманомъ, за который прячется боящаяся своей самостоятельности душа: «неужели я хоть на минуту могъ стать такимъ рабомъ, чтобы подчиниться этой унижающей правдѣ?» Вчера передъ очарованными музыкой глазами распахнулась «какая-то невидимая *завѣса*» и заговорили мистическіе элементы души, съ дѣтства взрощенныя въ ней. Сегодня трезвый взоръ взрослаго человѣка видитъ, что завѣса не раздвигалась, что недоступное познанію навсегда скрыто отъ насъ этой невидимой *завѣсой*. И вотъ именно въ этомъ образѣ, который избралъ авторъ, намъ и чувствуется нѣчто, не совсѣмъ далекое отъ мистицизма, нѣчто противорѣчащее самому замыслу очерка. Утверждать, что есть завѣса, скрывающая нѣчто отъ нашихъ глазъ, не равносильно-ли это утвержденію, что есть нѣчто, дѣйствительно скрывающееся за этой завѣсой? А что же именно? Быть можетъ, какъ разъ та единая душа, та всепроникающая и всеоправдывающая «радостная» общность всего сущаго, о которой говорятъ мистики и метафизики и о которой грезилъ въ первой половинѣ очерка авторъ? На самомъ дѣлѣ для истиннаго реализма вѣдь не существуетъ и этой завѣсы. Я лично очень склоненъ думать, что египетскій юноша, легенду о которомъ разсказалъ въ стихахъ Шиллеръ, потому такъ и упалъ духомъ, сорвавъ покрывало въ храмѣ Изиды, что никакой «истины» подъ покрываломъ не оказалось. Покрывало было лишъ хитрой «мистической» выдумкой жрецовъ. Вмѣсто статуи, вмѣсто истины тамъ, вѣроятно, предстала очамъ любознательнаго юноши зіяющая обезкураживающая пустота... Ибо самое допущеніе, что существуетъ какое-то живое объединяющее все начало есть лишь остатокъ антропорфизма, стремленіе истолковывать міръ аналогіями съ собственной персоной. Шиллеръ поучаетъ читателя, что нельзя покупать истины «цѣною преступленія». Г. Вересаевъ видитъ малодушіе въ желаніи заглянуть по ту сторону завѣсы, какъ это ни заманчиво. Я полагаю, что и заманчиваго тутъ нѣтъ ничего, что всѣ эти мистическія экскурсіи суть лишь проектированіе нашего я на фонѣ пустого пространства. Не агностицизмъ позитивистовъ, а критицизмъ истиннаго реализма— вотъ точка зрѣнія, которая мнѣ кажется наиболѣе привлекательной. Напрасно также такъ несправедливо распредѣлилъ г. Вересаевъ погоду: онъ изукрасилъ мистическій вечеръ всей поэзіей теплой осенней погоды, когда лѣто послѣдней лаской прощается съ землей; а реалистическому утру онъ удѣлилъ слякоть и ненастье. Отчего бы не взять яснаго, солнечнаго, тоже осенняго, дня, съ бѣлымъ свѣтомъ, льющимся съ высокаго купола неба, съ особенной осенней прозрачностью воздуха, когда видны такія дали, такіе горизонты, какихъ не увидишь не только въ мистическія ночи, а и въ лѣтній полдень *)...

*) Критикъ „Русскаго Богатства", подписывающійся *Журналистъ*, нашелъ въ міросозерцаніи г. Андреева мистическую складку. Я не вижу ея въ новой повѣсти г. Андреева, — наоборотъ даже: это скорѣе окончательный разрывъ съ мистицизмомъ, если авторъ когда-нибудь и былъ склоненъ къ нему. Описаніе мятели и отношеніе къ идіоту, на которыя, главнымъ образомъ, ссы-

Мы не обладаемъ ничѣмъ, кромѣ добытаго научной мыслью пониманія міра—пониманія «человѣческаго, вполнѣ человѣческаго». Это не значитъ, что мы бѣдны въ настоящемъ, еще менѣе, что мы обречены на бѣдность и въ будущемъ. Мы обладаемъ вселенной. Установить предѣлы, предугадать границы будущихъ завоеваній разума совершенно немыслимо, и скептицизмъ въ этой области есть только результатъ настроенія, а не плодъ научнаго мышленія. Горизонты мысли безпредѣльны, какъ возможность. Съ другой стороны, это единственные горизонты, которые мы дѣйствительно, *видимъ*,—видимъ на яву, а не въ грезахъ. И, что меня касается, то я горячо предпочитаю это *видѣніе на яву*—сновидѣніямъ: я усматриваю лишь пережитокъ старины, пережитокъ все той же антропоморфической тенденціи, которая сказывалась во всѣхъ религіяхъ (начиная съ фетишизма)—въ очень распространенной идеѣ, будто грезы и сновидѣнія поэтичнѣе дѣйствительности. Въ ясномъ осеннемъ полуднѣ есть своя лучезарная и могучая поэзія. «Глаза съ враждебнымъ вызовомъ устремлялись въ мутную пустоту дали—говоритъ г. Вересаевъ:—да, я съумѣю принять ее такою, какая она есть, со всѣмъ холоднымъ ужасомъ ея пустоты и со всею завлекательностью этого ужаса; не съумѣю,—умру; но не склонюсь передъ тою правдою, которая только потому правда, что жить съ нею легко и радостно». Это заключительныя строки очерка. По моему, этотъ глубоко симпатичный реалистическій *вызовъ* черезчуръ грустенъ и трагиченъ. Помоему, можно съ жаднымъ и *бодрымъ* интересомъ вглядываться въ безконечныя дали осенняго полудня. И трагическій, мрачный тонъ автора, сдается мнѣ, опредѣляется вовсе не философскими элементами его міросозерцанія, а той «сырой мутью», той слякотью, холодомъ и мерзостью, которыя онъ видитъ вокругъ себя въ специфической области нашего русскаго бытія, въ тѣхъ условіяхъ нашей жизни, которыя порождаютъ хмуро-отрицательный тонъ всѣхъ лучшихъ образцовъ современнаго художества. Этотъ *тонъ* нашей жизни прозвучалъ и въ вызовѣ г. Вересаева. По сравненію съ этимъ тономъ, дѣйствительно, могутъ показаться заманчивыми и грезы, и откровенія души, навѣваемыя осенней теплой ночью, и тонъ мистической музыки Баха... Въ итогѣ, послѣ этой небольшой полемики по существу, мы должны сказать, что маленькій, въ 6 страничекъ, очеркъ г. Вересаева, какъ всегда у него, полонъ серьезной мысли, и что два символизирующихъ эту мысль настроенія переданы съ обычной его неподкупной искренностью.

лается критикъ, содержатъ въ себѣ на мой взглядъ только импрессіонизмъ, да еще трактуются вѣдь съ точки зрѣнія экстатически настроеннаго о. Василья. Но если допустить, что критикъ сколько-нибудь правъ, тогда можно думать, что г. Вересаевъ намѣренно впалъ въ тонъ г. Андреева въ поэтической картинкѣ вечера, чтобы затѣмъ явиться оппонентомъ ему въ утренней сценѣ. Въ самомъ началѣ очерка есть такое мѣсто: „Бо-омъ! Боомъ!“ продолжалъ звучать воздухъ, и только теперь становилось понятнымъ: въ городкѣ зазвонили къ вечернѣ и это звучалъ колоколъ,—звучалъ мѣрно, увѣренно, какъ разъ въ тактъ и въ тонъ музыкѣ. И это было не менѣе удивительно“... Сильное впечатлѣніе производитъ „Набатъ“ г. Андреева: у цѣлыхъ трехъ изъ участниковъ сборниковъ „Знанія“ мы слышимъ отзвуки этого набата,—не курьезно ли, читатель?

Злая судьба постоянно сталкиваетъ Максима Горькаго съ его настоящей дороги и, на нашъ взглядъ—временно, конечно—мѣшаетъ ему идти «все впередъ и выше!», какъ онъ чудесно выражается въ своемъ «Человѣкѣ». Врядъ ли кто станетъ оспаривать насъ, если мы скажемъ, что истинный его *фахъ*—это беллетристическіе непосредственно-художественные очерки, въ которыхъ онъ широкою кистью намѣтилъ не одинъ моральный типъ, не одну моральную категорію среди представителей вида homo sapiens, въ которыхъ онъ раскрывалъ свое творчески-отрицательное настроеніе, въ которыхъ рядомъ съ моральной пропагандой то и дѣло проглядываютъ блестящія импровизаціи литературной живописи. Въ этой послѣдней области, на нашъ взглядъ, онъ одаренъ совершенно исключительно: это именно импровизаціи, непосредственныя и живыя, мопассановской тонкости и яркости, истинные перлы. Правда, наряду съ перлами, встрѣчаются и красочныя, скажемъ безъ обиняковъ—лубочнаго характера мазки. Но послѣднихъ немного, а первыхъ цѣлая коллекція... И вотъ, который годъ уже, все это брошено, краски сохнутъ на палитрѣ, импровизаторъ молчитъ, а говоритъ проповѣдникъ то въ драматической, то въ публицистической или лирико-публицистической формѣ...

Быть можетъ, удивляться этому не приходится. Ужъ если такой терпѣливый созерцатель и чистой воды художникъ, какъ Чеховъ, по свидѣтельству г. В. Лаврова, мечталъ въ послѣдніе годы о публицистикѣ, то о «моральномъ пропагандистѣ» и говорить нечего. Драма, въ которой онъ можетъ кинуть свою идею непосредственно въ лицо цѣлому собранію слушателей, и публицистика, explicite выражающая его думу, конечно, должны соблазнять этого нетерпѣливаго человѣка. Но если удивляться не приходится, то пожалѣть можно. Именно такимъ непосредственнымъ, почти чуждымъ разсудочныхъ элементовъ въ творчествѣ, художникамъ публицистика дается хуже всего; именно такимъ нетерпѣливымъ людямъ не дается и всегда требующая извѣстной созерцательности, объективности—драма. На мой взглядъ, одинъ такой очеркъ, какъ «На плотахъ» или «Мой спутникъ», даетъ въ десять разъ больше и «Мѣщанъ», и «На днѣ», вмѣстѣ взятыхъ. Образъ Луки и, пожалуй, Безсѣменова-отца, конечно, значительные подарки нашей литературѣ. Но эти подарки преподнесены въ такой неудачной «упаковкѣ»,—столько приходится вычитáть изъ нихъ художественныхъ минусовъ, заложенныхъ въ обѣихъ драмахъ... А изъ названныхъ и подобныхъ имъ очерковъ ничего вычитáть не надо, это сплошные плюсы.

Мы назвали новое произведеніе М. Горькаго *прозаическимъ стихотвореніемъ*. Это нѣчто діаметрально-противоположное «стихотвореніямъ въ прозѣ». Въ скандированной рѣчи «Человѣка» есть стихотворный размѣръ, есть, пожалуй, поэтическій замыселъ, но поэзіи, которая нуждается въ стихотворной формѣ,—нѣтъ.

Возьмемъ одно изъ лучшихъ, наиболѣе поэтическихъ мѣстъ «Человѣка»: «Вооруженный только силой мысли, которая то молніи подобна, то холодноспокойна, точно мечъ, — идетъ свободный, гордый Человѣкъ далеко впереди людей и выше жизни. Одинъ—среди загадокъ бытія, одинъ среди толпы своихъ ошибокъ...»

Развѣ всѣ эти «мечи», «молніи», «толпы ошибокъ» можно назвать элементами, изъ которыхъ слагается поэтическій образъ? Элементы такого образа всѣ конкретны, и всѣ вызываютъ цѣлый рядъ конкретныхъ же ассоціацій, а все въ совокупности даетъ образъ, который мы можемъ тоже охватить лишь чувствомъ, произведя ирраціональнымъ путемъ извѣстный синтезъ. Этотъ синтезъ ни произвести, ни передать нельзя иначе, какъ въ образахъ, иначе, какъ въ поэзіи. Фигуральныя рѣченія у г. Горькаго всѣ идутъ отъ разсудка и обращаются къ разсудку, всѣ эти «мечи» и «молніи» разсудочно-холодны и отвлеченны; вдобавокъ,—это ходячая монета, истертая до того, что высокопоставленный ликъ, нѣкогда на ней отчеканенный, сталъ совершенно неузнаваемъ... Все это никакого синтеза не даетъ, а остается само по себѣ—обыкновенными, прозаическими словами, и въ совокупности даетъ лишь мысли, а не образы, лишь прозу въ стихотворной формѣ. Французы говорятъ: l'amour finit là, où la raison commence. Почти тоже можно сказать и о поэзіи: и она кончается тамъ, гдѣ начинается разсудочность. Размѣръ усиливаетъ своею музыкой общее настроеніе, и придаетъ плавность страшно сжатому «экономному» стилю истинныхъ поэтовъ стихотворцевъ. У г. Горькаго размѣръ производитъ не музыку, а развѣ «завыванія» и только мѣшаетъ при чтеніи, а смягчать сжатость стиля не приходится, ибо его стиль—самой обычной пространной разсудочной рѣчи... Зачѣмъ же было вкладывать эту рѣчь въ стихи?

Мы уже не говоримъ о лишенныхъ вкуса и комичныхъ «родословныхъ» пороковъ человѣчества, какъ—«слабостью рожденныя три птицы: Уныніе, Отчаяніе, Точка»; «Лѣнь и Скука, дочь ея»; наконецъ, «гнилая Пошлость, подлой Скуки дочь» (и, стало быть, *внучка* Лѣни) и т. п.—Подобные «пріемы», несмотря на заглавныя буквы, долженствующія «персонифицировать» эти качества, конечно, не вносятъ ничего поэтическаго, а напоминаютъ только тяжеловѣсную реторику иныхъ церковныхъ проповѣдниковъ и ничего болѣе.

Но попробуйте сейчасъ же послѣ «Человѣка» прочитать хотя бы то мѣсто изъ «Вареньки Олесовой», гдѣ описывается утро послѣ грозы, и вы скажете: а вѣдь этотъ М. Горькій несомнѣнный, подлинный поэтъ...

Въ чемъ же тутъ дѣло? Мнѣ кажется, что дѣло тутъ не только въ томъ разстояніи, которое, въ смыслѣ психологіи мышленія и творчества, лежитъ между стихотворной лирикой и повѣствовательной поэзіей (а это разстояніе ничуть не меньше того, которое отдѣляетъ музыку отъ стихотворной лирики; что оно велико — доказательствомъ могутъ служить, напримѣръ, стихотворенія такого поэта-повѣствователя, какъ Тургеневъ: и у него они поразительно сухи, разсудочны и прозаичны). Но помимо этого, въ неудачѣ «Человѣка» мнѣ, кажется, повинно еще одно обстоятельство. Когда художники, особенно столь непосредственно одаренные, какъ М. Горькій, забираются въ чуждую имъ область публицистики, этико-философской проповѣди, въ область *разсужденій* словомъ (корень этого слова разсудокъ), они утрачиваютъ самое цѣнное, что въ нихъ есть, не подрѣзываютъ только, а ощипываютъ себѣ крылья и, естественно, уже не могутъ удачно управлять своими крыльями... Они становятся въ такихъ случаяхъ неловкими и разсудочными—въ большей

мѣрѣ, чѣмъ любой заурядный публицистъ или критикъ. Они въ этихъ случаяхъ говорятъ часто не совсѣмъ то или и совсѣмъ не то, что хотѣли бы сказать, и ужъ всегда *не такъ*, какъ хотѣли бы... И тутъ не спасутъ ни размѣръ, ни «мечи», «ни молніи»: только шумливѣе все выходитъ, благодаря этому арсеналу всякихъ украшеній...

А *хотѣлъ* г. Горькій сказать несомнѣнно много хорошаго. Его гордый и неутомимый въ борьбѣ «Человѣкъ», провозглашающій: «Все въ человѣкѣ, все — для человѣка», «Смыслъ жизни вижу въ творчествѣ», желающій «опрокинуть, разрушить, растоптать все старое, все тѣсное и грязное, все злое, — и новое создать на выкованныхъ мыслью незыблемыхъ устояхъ свободы, красоты и уваженья къ людямъ» — этотъ «Человѣкъ», несомнѣнно, очень хорошій человѣкъ. Замыселъ г. Горькаго — чудесный замыселъ и только что приведенныя формулы сводятъ воедино самыя идеальныя требованія, самыя возвышенныя идеи, какими живетъ современность. По духу своему его «Человѣкъ» какъ бы даетъ намъ прямо въ руки резюме всѣхъ тѣхъ идей, во имя которыхъ «хмуро» или «ожесточенно» *отрицаютъ* всѣ лучшіе представители современнаго художества. И если бы не риторически-прозаическая, неудачная форма, вещь г. Горькаго давала бы хорошій заключительный аккордъ, къ обоимъ сборникамъ «Знанія». Образъ человѣка, имъ начертанный, въ значительной степени отвлеченный. Въ немъ двѣ-три кардинальныхъ черты: трагическая красота, анти-эвдемонизмъ, творчески-индивидуалистическое настроеніе... Но и это въ высшей степени характерно, какъ намъ представляется, для переживаемаго нами момента: характерна именно отвлеченность этого образа, опредѣляющаяся высотой и исторической отдаленностью отъ насъ того идеала, который въ немъ ищетъ воплощенія.

Два слова о творческомъ индивидуализмѣ. Какъ нужно было ожидать, «Человѣкъ» г. Горькаго уже вызвалъ кое-какія «демократическія» замѣчанія—тѣ самыя, которыми извѣстная часть нашей прогрессивной печати всегда считала своимъ долгомъ выдвигать противъ «увлеченія» идеями Нитцше. Припомнивъ изреченіе Гёте, что «великаго человѣка мы познаемъ только въ совокупности человѣчества», критикъ «Русск. Богатства», о которомъ мы уже упоминали, противополагаетъ этому изреченію геніальнаго писателя— ницшеанскій антидемократизмъ, усмотрѣнный имъ въ «фантомѣ» человѣка М. Горькаго.

„Могутъ быть ничтожные люди,— пишетъ онъ: — очень много ничтожныхъ людей, но человѣчество не ничтожно, передъ всѣмъ человѣчествомъ самый великій человѣкъ — только атомъ, только одна капля, лишь потому несущаяся на верхушкѣ волны, что ее вмѣстѣ съ волной подняла величайшая и самая могучая изъ стихій, вся состоящая изъ порывовъ мысли, изъ кипѣнія чувства, изъ милліардовъ стремленій, сливающихся въ безграничный океанъ, и создающихъ *въ совокупности* представленіе о величіи все совершенствующейся человѣческой природы. Это представленіе глубоко демократично: все, что литература создала лучшаго, наиболѣе реальнаго и вмѣстѣ наиболѣе идеалистическаго, покоилось, сознательно или безсознательно на этомъ представленіи“... „Человѣкъ“ г-на Горькаго, насколько можно разглядѣть его черты, есть именно человѣкъ ницшеанскій: онъ идетъ свободный, гордый, *далеко впе-*

реди людей (значитъ—не съ ними?) и *выше жизни* (даже самой жизни?) одинъ среди загадокъ бытія"...

Мысль Гёте, съ которой начинается замѣчаніе, мнѣ не совсѣмъ ясна. Если не ошибаюсь, она почерпнута изъ «Разговоровъ Эккермана», которыхъ, къ сожалѣнію, у меня подъ рукою нѣтъ. Что значитъ «познавать въ совокупности человѣчество»? Быть можетъ, тутъ разумѣть нужно лишь полную оцѣнку генія, которая возможна лишь по подсчетѣ тѣхъ результатовъ, которые дала его дѣятельность для всего человѣчества; быть можетъ, однако, что истолкованіе этого изрѣченія г. Журналистомъ и вполнѣ правильно, хотя въ такомъ случаѣ оно не совсѣмъ «въ стилѣ» любимца Ницше, знаменитаго олимпійца. Интересны, однако, эти разсужденія объ «атомахъ» и «капляхъ, несущихся на верхушкахъ волнъ»—въ примѣненіи къ геніальнымъ личностямъ... Совсѣмъ марксистскія рѣчи о личности, какъ «quantité négligeable», на которыя злостно и язвительно обрушивались такъ часто сотрудники «Русскаго Богатства»... Это длительное недоразумѣніе порождено было тѣмъ обстоятельствомъ, что одни, марксисты, говорили о соціологіи и соціологическихъ (или что тоже—статистическихъ) *среднихъ* числахъ, а народники понимали это, какъ «отрицаніе значенія личности» и въ общественной психологіи, и въ эволюціи идей. Я не буду отрицать, что кое-кто изъ марксистскаго лагеря давалъ пищу такому истолкованію. Но я утверждаю, что ничего общаго съ марксизмомъ по существу это не имѣетъ. При анализѣ массовыхъ явленій, молярныхъ измѣненій, говоря языкомъ физиковъ, при выводѣ соціологическихъ среднихъ, при изученіи соціальныхъ явленій, порождаемыхъ прежде всего соціально-экономическими факторами, значеніе личности есть quantité négligeable—вотъ все, что утверждаетъ марксизмъ. Являясь, конечно, продуктомъ среды, геніальная личность имѣетъ однако огромное значеніе въ сферѣ идей, играетъ исключительную роль въ эволюціи человѣческой мысли. «Люди» постоянно отстаютъ отъ нея, и иногда лишь послѣ многовѣковой соціальной эволюціи научаются понимать пророческія идеи такой личности. Вотъ почему «демократизмъ» г. Журналиста кажется мнѣ черезчуръ «марксистскимъ», употребляя этотъ терминъ по народнически. Дѣло, однако, не въ этомъ, а въ томъ, что все это, на мой взглядъ, совершенно не относится къ «Человѣку» М. Горькаго. Его «Человѣкъ», стоящій «выше людей», совсѣмъ не геній, не исключительно одаренная личность, а именно *идея человѣчества*, за которую ратуетъ г. Журналистъ... Это именно образъ, вмѣщающій въ себя «величіе все совершенствующейся человѣческой природы». Это символъ человѣчества, его эмблема, «фантомъ», какъ выражается г. Журналистъ, и съ «величаніемъ» *геніевъ* ничего общаго не имѣетъ. Онъ призванъ «на этой истрадавшейся землѣ, покрытой, какъ накожною болѣзнью, корой несчастій, скорби, горя, злобы, всю злую грязь съ нея смести въ могилу прошлаго»—ясно кажется, что и антисоціальное аристократическое настроеніе Ницше совершенно чуждо «Человѣку». Этотъ человѣкъ, несомнѣнно,— «съ ними», съ людьми. Въ немъ много нравственнаго аристократизма и есть коечто изъ тѣхъ новыхъ «языческихъ» элементовъ морали, которыя такъ привлекали Ницше. Но такой аристократизмъ не противорѣчитъ истинному демократизму,

а сочетается съ нимъ и *долженъ* сочетаться. Демократизмъ, какъ принципъ политическаго, общественнаго уклада жизни, и моральный аристократизмъ, какъ идея, одухотворяющая этотъ укладъ, какъ цѣль всѣхъ укладовъ, какъ требованіе высшаго *творческаго* индивидуализма, вотъ о чемъ говоритъ — или хочетъ сказать—«Человѣкъ» Максима Горькаго. Я нахожу, что это истинный демократизмъ... Инкриминируется также та исключительная роль, которую, будто бы, отводитъ г. Горькій «силѣ мысли». Говорятъ, что онъ какъ бы возобновляетъ давно поконченный споръ о приматѣ мысли надъ чувствомъ и т. д. Это опять удары, попадающіе «не въ то мѣсто», какъ любилъ выражаться покойный Михайловскій. Быть можетъ, неудачная «поэзія» даетъ извѣстный поводъ къ этому толкованію; но оно, несомнѣнно, ошибочное. «Мысль» въ произведеніи г. Горькаго—это, несомнѣнно, синтетическая работа нашего *сознанія*, обнимающая и формальную дѣятельность разума, и матеріальное содержаніе этой дѣятельности, поставляемое чувствами. Наше сознаніе, пока, очень часто идетъ въ разрѣзъ съ нашими чувствами, наши *идеи* постоянно противорѣчатъ нашимъ навыкамъ и инстинктамъ. Въ «Человѣкѣ» указана гармонія, имѣющая замѣнить въ этой области современный разладъ: «Настанетъ день—въ груди моей сольются въ одно великое и творческое пламя міръ чувства моего съ моей безсмертной мыслью». Стало быть, спора о «приматѣ» г. Горькій не подымаетъ; это даже единственная область, въ которой его «мятежный» «Человѣкъ» жаждетъ мира и гармоніи, а не «споритъ»... Одно замѣчаніе г. Журналиста представляется мнѣ, впрочемъ, очень вѣрнымъ. Онъ указываетъ на признаки *аскетическаго* настроенія въ «Человѣкѣ». Я не знаю, быть можетъ, и тутъ г. Горькому не удалось сказать *такъ* и *то самое*, что ему сказать хотѣлось, но несомнѣнно, что «Человѣкъ» черезчуръ многое совершенно напрасно предаетъ анаѳемѣ: тутъ и бѣдной «Надеждѣ» досталось, и особенно «Любви»,—а за что такая немилость?

Повторяемъ, однако, на нашъ взглядъ, идея и замыселъ г. Горькаго такъ же хороши, какъ неудовлетворительна форма его прозаическаго стихотворенія. Критики говорятъ о фальшивой реторикѣ, дѣланномъ паѳосѣ. Это невѣрно. Мнѣ скорѣе видится наивное, но неумѣлое стремленіе выразить глубоко прочувствованныя, глубоко искреннія и дорогія автору мысли.

Чтобы покончить съ разборомъ беллетристики сборниковъ «Знанія», намъ остается сказать два слова объ «отрывкахъ изъ повѣсти» г. Юшкевича: «Евреи». Два слова—потому, что нашъ разборъ принялъ слишкомъ большіе размѣры и намъ давно пора подвести ему итоги, и потому еще, что повѣсть г. Юшкевича представлена въ незаконченномъ видѣ—въ *отрывкахъ*. Кромѣ того мы надѣемся дать отдѣльный этюдъ объ этомъ молодомъ и очень серьезномъ беллетристѣ. Здѣсь скажемъ только, въ самыхъ общихъ чертахъ, что манера его, напоминающая отчасти Золя, представляетъ своеобразное сочетаніе реалистическихъ пріемовъ (описанія массовыхъ сценъ и, особенно, сценъ трудовой жизни) съ извѣстной долей романтики и символизма. По духу г. Юшкевичъ вполнѣ примыкаетъ къ лучшимъ представителямъ современнаго художества. Я,

пожалуй, назвалъ бы самой привлекательной чертой его—*тонъ* его повѣстей, то отношеніе къ человѣческой личности, которое въ нихъ сказывается. Это опять интересъ къ человѣку самому по себѣ, опять духъ того же истиннаго индивидуализма и демократизма, который мы только что отмѣчали въ М. Горькомъ. Въ «Ита Гайнэ», печатавшейся на страницахъ «Міра Божія», г. Юшкевичъ прослѣживалъ тѣ искаженія образа «Человѣка», которыя порождаются трудовой жизнью женщины въ современныхъ условіяхъ нашего города. Тѣмъ же «Человѣкомъ», тѣми же искаженіями его образа занятъ онъ и въ новой повѣсти. И тутъ женская доля рисуется особенно мрачными красками. Но центральная фигура молодого Нахмана носитъ на себѣ всѣ гордыя и мятежныя черты «Человѣка» М. Горькаго. Это сильная, упругая, ищущая правды натура. Несмотря на тѣ тяжелыя условія, въ которыхъ она выросла и живетъ, она не сгибается, не смиряется, не перестаетъ искать. Гейне начинаетъ такъ одно свое стихотвореніе: «Ein Krankenhaus für arme kranke Juden, ein Krankenhaus für dreifach elend Leute»... Перефразируя его, мы скажемъ, что Нахману суждено дѣйствовать въ *трижды* несчастной средѣ: въ средѣ трудового люда, въ средѣ еврейскаго трудового люда, въ средѣ еврейскаго трудового люда—въ Россіи. Повѣсть застаетъ Нахмана въ періодѣ духовнаго роста. Изъ здороваго, цвѣтущаго, полнаго лишь ощущеніемъ своей жизненной силы парня онъ малу-по-малу, этапъ за этапомъ, подходитъ къ глубоко—сознательной оцѣнкѣ всѣхъ окружающихъ его условій. Онъ пробуетъ цѣлый рядъ спеціальностей и вездѣ видитъ все тоже искаженіе человѣческаго образа. Одно время его соблазняютъ туманныя грезы сіонизма, но здоровое природное чутье побуждаетъ его искать правды въ другомъ мѣстѣ. Столкновеніе съ бывалыми, много видавшими, отвѣдавшими американской жизни, знакомыми помогаетъ ему въ его поискахъ. Онъ, очевидно, уже на порогѣ къ тому, чтобы найти исходъ изъ всѣхъ тяготящихъ его противорѣчій. Но тутъ повѣсть обрывается. Если не ошибаюсь, красивая фигура Нахмана должна была, по мысли автора, погибнуть въ одномъ изъ тѣхъ катаклизмовъ, которые пятномъ позора ложатся на нашу родину... Въ этомъ красивомъ образѣ, несомнѣнная доля романтики». Затѣмъ, подобно Василію Ѳивейскому, это—лишь общечеловѣческая личность, облеченная въ спеціальную одежду опредѣленнаго класса, и символъ растущаго сознанія этого класса. Такимъ же символомъ и притомъ романтически же нарисованнымъ является и первая возлюбленная Нахмана Неси, съ ея влеченіемъ къ гордой красотѣ и независимости. Она, если хотите, напоминаетъ даже «эстетическій нигилизмъ» ибсеновской Гедды Габлеръ. Но нужда и безпросвѣтное убожество ея обстановки приводятъ ее къ печальному концу: она становится проституткой... Такъ же романтична фигура стараго сапожника Шлоймы, который своими саркастически-вдохновенными проповѣдями на тему о «наказаніи нищеты» покоряетъ всѣхъ своихъ изстрадавшихся слушателей. Быть можетъ, впрочемъ, подобныя ему фигуры и встрѣчаются въ еврейской массѣ: извѣстная романтическая красочность рѣчи, напримѣръ, безусловно свойственна этому племени. Проповѣди этого Шлоймы—у г. Юшкевича исполнены оригинальной красоты и какой-то сдавленной силы негодующаго

чувства... Но всѣ эти образы при всей своей романтичности символизируетъ несомнѣнный реальный фактъ: то неутомимое исканіе и ту жажду исхода, которыя поддерживаютъ жизнь этого «трижды несчастнаго» люда въ нашихъ западныхъ городахъ. А рядомъ съ этимъ, часто очень удачныя, широкой кистью рисованныя картины уличной жизни рынка, «жизни» двора при желѣзномъ складѣ, гдѣ начинаетъ свою службу Нахманъ, и т. п. даютъ очень реалистическое и полное представленіе о внѣшнихъ подробностяхъ этого существованіи подъ тяжестью «проклятья нищеты». Отмѣтимъ снова двойственность *реализма* и *символизма*, присущую и повѣсти г. Юшкевича. Отмѣтимъ еще одно ея свойство, *совершенно выдѣляющее ее изъ всѣхъ новостей*, помѣщенныхъ въ «Сборникахъ», изъ всѣхъ разобранныхъ нами образчиковъ современнаго художества. Это единственная вещь, трактующая *городъ*. И несмотря на «трижды несчастныя» условія жизни этой городской массы, несмотря на всю тяжесть ихъ труда, на нищенскіе заработки, которые и то дѣло отрываютъ дѣвушекъ отъ семей и ввергаютъ ихъ въ «дома», какъ съ мрачной фамильярностью обозначаютъ герои г. Юшкевича притоны проституціи, несмотря на всю эту ездну злосчастія, основная черта ихъ психики не уныніе, не усталость отъ дикихъ противорѣчій и несправедливостей жизни, не ожесточенныя проклятія этимъ противорѣчіямъ и несправедливости, а упорные *поиски за правдой*, сбивчивыя, но жадныя попытки найти исходъ изъ условій, искажающихъ образъ человѣка.

Сдѣлаемъ еще одно формальное замѣчаніе. Критики уже указывали на необработанность, даже «неряшливость» стиля г. Юшкевича въ новой его повѣсти. Указаніе вполнѣ справедливое,—къ сожалѣнію... Среди горячихъ, съ подъемомъ, написанныхъ мѣстъ рисующихъ психологію того или другого изъ героевъ или какую-нибудь картину города, вы вдругъ наталкиваетесь на грубую иной разъ шереховатость, нарѣжущее глазъ своей «красочностью» слово или даже синтаксическія неправильности. Въ другихъ вещахъ г. Юшкевича эти недостатки давали себя чувствовать въ несравненно меньшей степени, а въ «Ита Гайнэ» совершенно отсутствовали. Очевидно «разрядка», купюры и пр. вели за собою спѣшную передѣлку, искусственное заштопываніе образовавшихся пробѣловъ и т. д. Но, во всякомъ случаѣ, эти шероховатости незаконная вещь въ художественномъ произведеніи.

Обращаемся къ итогамъ.

Передъ нами прошла цѣлая вереница художественныхъ символовъ. Эти символы то охватываютъ цѣлую соціальную группу, какъ отживающіе дворяне Чехова, какъ «хмурые» крестьяне г.г. Бунина и Серафимовича, или «ищущіе» представители городской трудовой массы у г. Юшкевича; то—воспроизводятъ лишь опредѣленный *моральный* типъ, какъ «Василій Ѳивейскій», и пожалуй «Человѣкъ» Максима Горькаго; два такихъ же моральныхъ типа получилось бы изъ тѣхъ двухъ противоположныхъ настроеній, которыя нарисовалъ намъ г. Вересаевъ, если бы онъ пожелалъ персонифицировать ихъ, ибо эти настроенія соотвѣтствуютъ именно двумъ моральнымъ категоріямъ человѣчества: мистикамъ-созерцателямъ и реалистически мыслящимъ дѣйственнымъ на-

турамъ... Но *художественныхъ типовъ* въ общепринятомъ значеніи этого слова, типовъ психологическихъ мы почти не видимъ во всѣхъ этихъ образцахъ современнаго художества.

Тенденція къ символизму, какъ мы уже говорили въ первой части нашей статьи, является характерной особенностью новой нашей беллетристики. Мы отмѣчали, что это тенденція еще не завершившаяся, что у большинства беллетристовъ образы полуреалистическіе, что они какъ бы не рѣшаются разстаться съ укоренившимися въ нашей литературѣ «гоголевскаго періода» пріемами, что этимъ обусловлена извѣстная двойственность въ ихъ концепціи, свидѣтельствующая о переходномъ состояніи нашего современнаго искусства.

Во избѣжаніе неясности, я считаю нужнымъ точнѣе опредѣлить, что разумѣю я подъ понятіемъ *художественнаго символа*, ибо этотъ терминъ слишкомъ часто употребляется безъ опредѣленной цѣли и особенно излюбленъ и захватанъ любителями всяческой глубокомысленной неясности: «Новыми путями», «Вѣсами», Бѣлыми, Крайними и пр.

Мистики разумѣютъ подъ символомъ образъ, переводящій на нашъ человѣчески-ограниченный языкъ вѣчныя и таинственныя истины грезящагося имъ міра абсолютовъ. На моемъ языкѣ символъ есть только очень обобщающій образъ полу-отвлеченнаго характера, служащій для той же обобщающей и классифицирующей работы истолкованія жизни, для которой вообще существуетъ художество.

По сравненію съ художественнымъ типомъ, символъ обладаетъ большею общностью, обнимаетъ болѣе широкій кругъ явленій, но въ то же время онъ отвлеченнѣе, въ немъ меньше художественной плоти.

Символизмъ бываетъ двоякаго происхожденія. Или онъ реалистическаго корня, т.-е. является продуктомъ извѣстной созерцательно-индуктивной работы сознанія. Это тотъ, который мы бы назвали истинно-художественнымъ символизмомъ. Или онъ есть только дедуктивно найденная оболочка для той или иной отвлеченной идеи—это беллетристическій символизмъ.

Въ первомъ случаѣ, художественная мысль избираетъ символъ не потому, что окончательно справилась съ подлежащимъ обобщенію матеріаломъ, не потому, что уже близка къ раціональному итогу и формулѣ, а наоборотъ, именно потому, что подлежащій обобщенію и итогамъ матеріалъ слишкомъ сложенъ и обиленъ, что художественная мысль можетъ только «пристрастно» избрать изъ него нѣсколько субъективно-важныхъ элементовъ и только на нихъ опираться въ своемъ итогѣ. Этотъ субъективизмъ, это пристрастіе—почти всегда моральнаго, этико-философскаго характера. Изъ немногочисленныхъ элементовъ, такимъ образомъ выбранныхъ, не можетъ сложиться цѣлостный, конкретный типъ, а лишь полу-отвлеченный образъ. Это касается перваго, истинно художественнаго символизма, символизма реалистическаго корня.

Символизмъ беллетристическій останавливается на символѣ и не рѣшается доходить до конкретности типа потому, что идея имъ иллюстрируемая находится еще въ той стадіи, которая въ естествознаніи называется гипотезой; эта идея слишкомъ мало имѣетъ за себя жизненнаго опыта, это скорѣе про-

ектъ или эскизъ идеи, нѣчто еще спорное, скорѣе предчувствуемое, чѣмъ сознаваемое, и пріемлемое сознаніемъ опять таки лишь по субъективному, чаще всего моральному «пристрастію». И здѣсь художественная мысль, идя противоположнымъ первому случаю путемъ, старается освободить образъ отъ конкретныхъ элементовъ, которые придаютъ идеѣ слишкомъ рискованно-утвердительное значеніе.

Въ обоихъ случаяхъ получается нѣчто промежуточное, нѣчто среднее между отвлеченной идеей и конкретнымъ художественнымъ образомъ. Символъ есть нѣчто полу-конкретное, полу-отвлеченное. Переходное состояніе нашего художества дѣлаетъ то, что мы можемъ указать лишь очень мало образчиковъ перваго типа символизма. Въ драмѣ Чехова онъ, какъ мы говорили, еще очень нерѣшительный съ явной печатью двойственности. Очерки г. Бунина даютъ слишкомъ незначительный матеріалъ для иллюстраціи нашей мысли. Всего лучше, пожалуй, будетъ указать на творчество М. Горькаго, не на лирико-философскаго его «Человѣка», конечно, а на его повѣсти и очерки, которые даютъ цѣлыя серіи героевъ-символовъ, *моральныхъ* типовъ, какъ мы ихъ назвали выше. Въ самомъ дѣлѣ, вопреки мнѣнію критика «Русскаго Богатства», утверждающаго, что онъ проявлялъ «истинный демократизмъ» отыскивая «искру Божію» въ реалистически изображавшейся имъ, дотолѣ не изслѣдованной, средѣ босяковъ, я, какъ уже высказалъ въ началѣ статьи, не вижу въ его очеркахъ никакого воспроизведенія быта, почти ничего реалистическаго; но зато, цѣлый рядъ моральныхъ типовъ, очень отвлеченныхъ и общихъ, то ненавидимыхъ имъ, то любимыхъ, онъ дѣйствительно изобразилъ въ своихъ очеркахъ. Повидимому они реалистическаго корня. Я не думаю, чтобы онъ находилъ въ босяцкой средѣ *всѣ* данныя для своихъ обобщеній. Нѣтъ, вѣрнѣе, что и въ его творчествѣ не мало дедуктивной беллетристики, не мало иллюстрацій къ идеямъ. Онъ шелъ, въ поискахъ красоты и силы, къ босякамъ—совсѣмъ въ томъ родѣ, какъ романтикъ Шатобріанъ ѣздилъ къ американскимъ индѣйцамъ въ поискахъ за гармонической цѣльностью и идиллической простотой. Но, быть можетъ, кое какихъ реальныхъ чертъ (главнымъ образомъ проявленій извѣстной удали и силы въ отрицаніи всего установленнаго, всего рутиннаго), подмѣченныхъ у этихъ «бывшихъ людей», было достаточно для нашего романтика, чтобы намечтать образъ все же, стало быть, отчасти реалистическаго корня, индуктивнаго происхожденія.

Прекраснымъ представителемъ беллетристическаго символизма является г. Л. Андреевъ. Мы уже достаточно подробно говорили объ символическихъ моральныхъ типахъ, которымъ онъ поручаетъ рѣшать интересующія его «шахматныя задачи»; мы указывали и на то, что въ послѣднемъ произведеніи символизмъ его почти безпримѣсный, что у него кое гдѣ только встрѣчаются пережитки реалистическихъ пріемовъ.

Мнѣ кажется, что переходъ нашего художества отъ пріемовъ реалистической школы къ пріемамъ символизма обусловленъ извѣстной эволюціей нашей жизни, извѣстнымъ измѣненіемъ общественно-психологической почвы.

Какова была общественно-психологическая почва, взростившая нашъ идейный, народническій реализмъ? Это былъ моментъ огромнаго соціальнаго пере-

ворота, паденія феодальныхъ отношеній. Реализмъ нашъ создавался одновременно съ назрѣваніемъ этого великаго соціологическаго факта, разцвѣлъ въ самую эпоху освобожденія, и духовно питался той идеологіей, которая порождалась именно имъ, этимъ освобожденіемъ. Рѣзко измѣнившіяся *формы* жизни сосредоточили на себѣ все вниманіе общественной мысли и особенно лучшихъ, наиболѣе одаренныхъ морально и умственно—ея выразителей. Со временъ Чернышевскаго и Добролюбова именно *формы* жизни явились центромъ прогрессивной мысли, отъ нихъ исходили, на нихъ опирались въ анализѣ явленій современности, исключительно въ ихъ измѣненіи полагали залогъ будущаго развитія. Если внимательно присмотрѣться съ этой точки зрѣнія къ Щедрину, напримѣръ, то прямо поражаешься, до чего могущественная роль приписывается политическому фактору, до чего всѣ мысли и чувства направлены именно сюда. И это отнюдь не публицистика, не тенденціозность имѣющая въ виду воспитательное воздѣйствіе на читателя. Нѣтъ, это глубокое убѣжденіе, по чистой совѣсти излагаемое общественное міросозерцаніе. Личность человѣческая до извѣстной степени мыслится, какъ матеріалъ, однородный и доброкачественный, изъ котораго можно политически «формовать» зданіе будущаго. Даже Михайловскій, во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ отправлявшійся отъ личности, мыслилъ ее какъ-то слишкомъ формально, признавалъ ее (особенно въ первую, полную великихъ надеждъ, половину своей дѣятельности) какъ бы готовой, какъ бы достаточно надѣленной элементами будущаго, элементами творчества и развитія, и видѣлъ въ «пертурбаціонныхъ явленіяхъ» искусственный и вредный тормазъ, единственную задержку на пути этого развитія. Л. Толстой до сихъ поръ увѣряетъ, что люди уже давно все знаютъ, все чувствуютъ, что имъ необходимо только «оглядѣться», чтобы все измѣнилось къ лучшему. Для этого аполитическаго мыслителя желанная форма жизни—это отсутствіе всякихъ формъ; но это не мѣняетъ сути дѣла. Намъ важно отмѣтить, что и въ его представленіи человѣческая личность мыслится отвлеченно и *упрощенно*, что и онъ очищаетъ ее отъ всякихъ историческихъ и соціальныхъ навыковъ, отъ всего наслѣдія вѣковъ и для преобразованія жизни не считаетъ нужнымъ пріобрѣтеніе новыхъ навыковъ, нарожденіе новыхъ элементовъ въ самой личности человѣческой. Суммируя наши замѣчанія, мы скажемъ, что въ эпоху реализма личность человѣческая мыслилась сравнительно *упрощеннымъ* образомъ, что центромъ тяжести всѣхъ разсужденій являлись формы жизни, отъ которыхъ все зависѣло, которыя измѣняли и опредѣляли и всѣ свойства этой личности. Не сложна была и моральная формула отношенія къ личности: въ отношеніи къ своей личности требовалось покаяніе и готовность къ самоотверженію; по отношенію къ массѣ народной—состраданіе, осложняемое «ненавистью великою» къ виновникамъ ея злосчастья. Я отлично сознаю, что говорю черезчуръ схематично и, если хотите, грубо, опуская массу нюансовъ. Но дѣло не въ нюансахъ,—а на существѣ своей мысли я настаиваю.

Сравнительно простъ былъ и укладъ жизни, отъ котораго исходили, рисуя себѣ иныя, болѣе совершенныя формы. Былъ народъ, «землепашецъ», только

что признанный «свободнымъ», и были эксъ-феодалы, за которыми не признавалось моральнаго права на существованіе. Надо было уничтожить тормазы, чтобы землепашецъ сталъ вполнѣ свободнымъ, и царство справедливости водворялось на землѣ,—при этомъ, иные вѣрили еще, что землепашецъ съумѣетъ устроиться въ этомъ царствѣ справедливости, что онъ съумѣетъ и больше того—прыгнуть черезъ ненавистную промежуточную, буржуазную стадію и развернуть всѣ богато заложенныя въ немъ возможности во всемъ блескѣ.

Съ тѣхъ поръ и укладъ жизни нашей, и идеологія наша, и теоретическія основы для постройки зданія будущаго, и взглядъ на человѣческую личность, — усложнились до неузнаваемости. Читая безсмертныя страницы Толстого или Тургенева, я, право, чувствую всегда, что исчерпывающая характеристика типовъ, ими созданныхъ, до извѣстной степени обусловлена именно относительной несложностью и стройной простотой ихъ отношенія къ человѣческой личности. Вотъ почему, помимо ихъ огромнаго творческаго дара, они, думается мнѣ, могли съ такой «зеркальной» ясностью, съ такой реалистической полнотою возсоздавать типы и весь укладъ жизни. И они развертывали передъ нами цѣлыя эпопеи, цѣлыя серіи картинъ жизни одна полнѣе и ярче другой, отражая въ нихъ всѣ явленія, *интересовавшія* ихъ и ихъ современниковъ. Я подчеркиваю *интересовавшія*, желая этимъ отмѣтить все же *субъективную*, лежавшую въ ихъ взглядѣ на жизнь, страшно выгодную для художниковъ, сторону ихъ концепціи.

Но съ того момента, какъ прежняя опредѣленность и простота жизни и идеологіи начинаетъ утрачиваться, съ момента, когда появляется «*критическое* народничество», съ тѣхъ поръ какъ начинается чувствоваться извѣстный разладъ между готовыми формулами жизни и реальной дѣйствительностью, съ тѣхъ поръ—эпопеи исчезаютъ, большихъ романовъ ужъ не пишутъ. Очень интересенъ, съ этой точки зрѣнія, эпизодъ, о которомъ разсказываетъ Михайловскій въ своихъ воспоминаніяхъ. Михайловскій не разъ побуждалъ Глѣба Успенскаго написать «большой романъ». Глубоко-честному, искреннему художнику Успенскому ясно чувствовалась невозможность такой задачи. Онъ упорно отказывался. Тогда Михайловскій какъ бы «на пари» началъ писать свою «Карьеру Оладушкина». Но, какъ извѣстно, она осталась не оконченной, да если бы и была окончена, ничего опровергающаго нашу мысль не представила бы: это написанное «на пари» произведеніе совершенно лишено художественнаго значенія. «Большихъ романовъ», разумѣется, не мало появлялось и тогда, какъ появляется и теперь. Но все это—либо дѣло рукъ второстепенныхъ художниковъ, либо простая макулатура, сочинительство, а не творчество. Лучшія же художественныя силы, подобно Успенскому, даютъ только очерки. Назовемъ Гаршина, Чехова, Короленку... Тотъ же «очеркъ» царитъ въ литературѣ и въ наши дни. Тургеневъ говаривалъ, что новому поколѣнію художниковъ не хватаетъ *выдумки*. Я полагаю, что дѣло тутъ не въ выдумкѣ, а въ утратѣ того стройнаго и яснаго, сравнительно упрощеннаго, міросозерцанія, которое незадолго передъ тѣмъ давало возможность создавать эпопеи и большіе романы. Міросозерцаніе и идеологію того «упрощен-

наго» времени мы, широко говоря, называемъ народническими. Кровная связь народнической идеологіи съ деревней отмѣчалась въ литературѣ неоднократно. Реальнымъ фундаментомъ всѣхъ теоретическихъ построеній, всѣхъ надеждъ служила деревня, а слѣдовательно,—какъ же могло иначе и быть? Никакой иной идеологіей не могли жить передовые люди того времени. Укладъ жизни опредѣлялъ ихъ идеологію, а онъ былъ барски-крестьянскій. Если они и отрицали, то отрицали именно *его*, этотъ укладъ, а стало быть, отъ него отправлялись, идя къ своимъ утвержденіямъ. Этотъ укладъ жизни соотвѣтствуетъ господству земледѣльческой, сельской культуры. Вотъ почему мы и всю идеологію народничества, а стало быть, и *идейнаго реализма* въ литературѣ, называемъ *идеологіей сельской культуры*.

«Критическое народничество», внесшее много поправокъ и усложненій въ прежній строй взглядовъ, страдало, однако, значительно меньшей стройностью и опредѣленностью своего отношенія къ жизни. Оно ввело въ свои теоріи много *условныхъ* допущеній, выставлявшихся въ сопровожденіи *если,* ввело много критики, матеріалъ для которой въ изобиліи поставлялся жизнью. Критическое народничество дало Глѣба Успенскаго, этого послѣдняго большого художника полосы идейнаго реализма. За нимъ появляется А. Чеховъ, реализмъ котораго мы готовы бы назвать безыдейнымъ, въ томъ смыслѣ, что онъ совершенно свободенъ отъ всякихъ общественныхъ теорій, отъ всякой сколько-нибудь опредѣленной идеологіи. Чеховъ переживалъ періодъ ликвидаціи народническихъ теорій, періодъ ликвидаціи сельской культуры, и половина изображенныхъ имъ типовъ—провинціальные культурные работники, тоскующіе и изнывающіе подъ тяжестью своей безыдейности. Этимъ самымъ культурнымъ работникамъ совсѣмъ иначе жилось нѣсколькими годами раньше, при свѣтѣ «народнической идеологіи»; но въ дни Чехова она ликвидировала свои дѣла. Восьмидесятнически-«ликвидаціонное» настроеніе самого Чехова сказалось именно въ полной его атеоретичности и въ томъ его свойствѣ, что онъ всегда избѣгалъ изображать типы, сколько-нибудь причастные идеологіи и сколько-нибудь дѣйственные. Какъ мы уже отмѣчали въ другомъ мѣстѣ, онъ, выросши въ атмосферѣ разочарованія, въ эпоху недовѣрія къ народническимъ теоріямъ, еще такъ недавно всюду царившимъ,—страдалъ какъ бы нѣкоторой идеофобіей. Типы, созданные имъ (во всей серіи его очерковъ, почти до самого конца)—являются вполнѣ реалистическими типами, но при всемъ психологическомъ интересѣ, который они представляютъ, и при всемъ мастерствѣ, съ которымъ они трактованы, имъ далеко до тѣхъ законченныхъ, исчерпывающихъ, цѣлостныхъ образовъ, какіе давались Тургеневымъ и Толстымъ. Трактованіе человѣка уже гораздо болѣе осторожное, какъ бы опасливое: многихъ элементовъ, необходимыхъ для художественнаго синтеза, очевидно, уже не хватаетъ. Отношеніе къ жизни и человѣческой личности, видимо, усложнилось. Въ послѣднихъ своихъ очеркахъ и драмахъ онъ все сильнѣе склоняется къ символизму.

Въ наши дни центръ культурной и вообще исторической работы, несомнѣнно, перемѣстился изъ деревни въ городъ. Развитіе городской промышленности сопровождалось нарожденіемъ новыхъ общественныхъ элементовъ, по-

явленіемъ новой, чисто «городской» идеологіи, почерпнутой изъ странъ съ сильно развитой городской культурой,—появленіемъ новыхъ интересовъ, новыхъ оцѣнокъ, новыхъ отправныхъ точекъ и новыхъ для насъ обще-европейскихъ перспективъ будущаго. Я не намѣренъ по доктринерски все сводить къ вліянію новой идеологіи, строющей зданіе будущаго почти исключительно на элементахъ городского населенія. Мнѣ нужно только указать, что вліяніе это—косвенное или прямое—все же было огромно. Прежде всего оно сказалось въ отметаніи старыхъ «сельскихъ» утопій, въ отказѣ отъ прежнихъ надеждъ на быстрый «непосредственный» переходъ въ царство благополучія и справедливости, въ признаніи необходимости и желательности и для насъ общеевропейскаго хода развитія. Сколько бы ни оставалось еще разногласій и толковъ въ средѣ нашей интеллигенціи, одна истина проникла въ общее сознаніе: никакого особаго «культурно-историческаго типа» мы изъ себя не являемъ, никакихъ «семимильныхъ» сапоговъ для прохожденія историческаго пути намъ не дано,—передъ нами лежитъ тотъ же многострадальный, но вѣрный путь упорной культурной работы и развитія самосознанія, которымъ шла (и куда дальше насъ ушла) нѣкогда наименованная «гнилою» Европа. Этотъ медленный историческій ростъ опредѣляется прежде всего ростомъ и развитіемъ *содержанія* человѣческой личности и ея самосознанія.

Представленіе о человѣческой личности совершенно утратило свой *формальный* характеръ. Очень распространенъ взглядъ, что марксизмъ есть ученіе чисто *общественное*, до извѣстной степени приносящее въ жертву интересы личности во имя принципа общественнаго блага. Быть можетъ, этотъ взглядъ и находитъ себѣ оправданіе въ нѣкоторыхъ положеніяхъ того или другого изъ представителей этого направленія. (Надо припомнить здѣсь, что оно въ значительной степени «возражало»—аполитическимъ идеямъ анархическаго индивидуализма). Но на мой взглядъ, марксизмъ не только мирится съ индивидуализмомъ, понимаемомъ въ указанномъ мною выше смыслѣ, но и все болѣе, годъ отъ году, проникается имъ. Идея марксизма есть идея по существу *культурная*: развитіе и совершенствованіе человѣческаго типа, человѣческой личности—вотъ что лежитъ въ ея основѣ. Не даромъ ницшеанскій принципъ «любви къ дальнему», столь претящій эвдемонистамъ и филантропамъ народническаго лагеря, былъ признанъ многими изъ марксистовъ, какъ моральная формула, прекрасно выражающая интимную сторону ихъ идеологіи.

Человѣческая личность со всей сложностью своего реальнаго, историческаго содержанія, со всей многогранностью своей и со всѣми динамическими возможностями, въ ней заложенными, стала центромъ помышленій и вниманія. Этому содѣйствовалъ и тотъ индивидуализмъ, которымъ проникнута вся молодая литература Европы: и тамъ въ общественныхъ теоріяхъ и въ художествѣ центральнымъ пунктомъ становится творческая сила человѣческой личности. Этому способствовала и родная исторія, поставившая, наконецъ, какъ очередную задачу, осуществленіе въ жизни «элементарныхъ параграфовъ естественнаго права», осуществленіе правъ личности.

Сложенъ человѣкъ, со всѣми историческими его наслѣдіями, со всѣми

соціальными навыками, со всѣми безконечными нюансами своей вѣчно измѣняющейся, «текущей» психики. Во всемъ этомъ многообразіи, во всей этой сложности есть однако нѣсколько основныхъ чертъ, которыя можно отмѣтить. И именно эти черты особенно *нужны* сейчасъ, именно онѣ являются надежнѣйшими элементами будущаго, источникомъ жизни и движенія. И вотъ идея человѣческой личности *вообще*, идея о ростущемъ и творящемъ жизнь человѣкѣ, идея очень общая, достаточно отвлеченная, но содержащая нѣсколько неотъемлемыхъ, путемъ долгой вѣковой работы всего человѣчества, незыблемо-установленныхъ, стала руководящей идей всего нашего художества. Наши молодые символисты и сосредоточили свое вниманіе на этихъ драгоцѣнныхъ и *нужныхъ* чертахъ, и прослѣживаютъ ростъ и взаимодѣйствіе ихъ въ коллизіяхъ человѣческой индивидуальной жизни или въ жизни цѣлыхъ группъ. Не обладая тѣмъ стройнымъ синтезомъ, какимъ пробавлялись *идейные реалисты*, они не могутъ «реалистически», цѣлостно и конкретно, въ типахъ и большихъ романахъ рисовать жизнь. И они даютъ *символическіе очерки*.

И мнѣ сдается, что это, пожалуй, единственно-возможный, скажу даже единственный художественно-честный способъ давать въ наши дни изображеніе жизни. Я указывалъ, что «народникамъ реалистамъ» необходимъ былъ извѣстный *субъективизмъ* для созданія синтеза, которымъ питалось ихъ цѣлостное воспроизведеніе жизни. У нихъ была упрощенная, но очень стройная субъективная *система* жизни. Это была утопическая система, она отвергнута, а на смѣну ей ничего, обладающаго подобной стройностью, пока не пріобрѣтено. Ясно, что и отношеніе художества къ дѣйствительности не можетъ остаться прежнее.

Строго говоря, единственный истинный реализмъ, доступный художнику, опредѣляется лишь соотвѣтствіемъ трактованія дѣйствительности съ его, художника, субъективизмомъ — съ той системой, или только *эскизомъ* системы жизни, которые онъ носитъ въ своей душѣ. Въ этомъ смыслѣ я скажу, что единственный возможный въ наши дни реализмъ это именно символы, моральные типы, обобщенные, полуотвлеченные образы.

Подобное художество приведетъ насъ, быть можетъ, къ новой стройной «системѣ» жизни. Во всякомъ случаѣ только оно дастъ намъ въ руки извѣстныя обобщенія и скажу опять—эскизы итоговъ жизни.

А рядомъ съ нимъ страшно нужна и другая совсѣмъ *конкретная* работа, работа собиранія клочковъ дѣйствительности,—маленькія, совсѣмъ безъ «выдумки» и обобщеній, художественныя картинки жизни. Эта работа можетъ вестись въ старомъ реалистическомъ направленіи. Ее исполнялъ отчасти Чеховъ. Ею заняты кое-кто изъ нашихъ реалистовъ, какъ гг. Гусевъ - Оренбургскій, Купринъ и др. Эта работа соберетъ матеріалъ, который будетъ использованъ для итоговъ и системъ.

Въ заключеніе приведемъ обѣщанный образчикъ символическаго трактованія деревни г. Андреевымъ. Цѣлую эволюцію пережило наше отношеніе къ деревнѣ за послѣднія десятилѣтія. Кончилась не только романтическая идеализа-

ція ея, которой предавались Златовратскіе; кончились «условныя» даже надежды, на нее возглавшіяся «критическими народниками». Въ противовѣсъ имъ, въ дни нарожденія марксизма появилось кое у кого изъ его адептовъ курьёзное полемически-отрицательное отношеніе и даже чувство къ «землепашцу»... Кое-кто изъ марксистовъ, какъ бы торжествуя правоту своихъ взглядовъ, съ радостью привѣтствовалъ ту безпощадно-мрачную—и по моему, несправедливую—картину деревни, какую далъ въ своихъ «Мужикахъ» А. Чеховъ. Я думаю, что теперь и это «полемическое» отношеніе уже сдано въ архивъ. И я не знаю во всей нашей литературѣ ни одной картины, которая бы передавала такъ точно и полно мое личное отношеніе къ нашей трудовой сельской массѣ, какъ слѣдующее мѣсто изъ повѣсти г. Андреева. Это сцена исповѣди крестьянина Мосягина. Мосягинъ пересказываетъ свои «грѣхи», а о. Василій вглядывается въ его лицо и размышляетъ:

„— Словно самъ строгій законъ причинности не имѣлъ власти надъ этой простой и фантастической жизнью: такъ неожиданно, такъ шутовски-нелѣпо сцѣплялись въ ней маленькій грѣхъ и большое страданіе, крѣпкая, стихійная воля къ такому же стихійному, могучему творчеству—и уродливое прозябаніе гдѣ-то на границѣ между жизнью и смертью. Ясный умомъ и слегка насмѣшливый, сильный какъ лѣсной звѣрь, выносливый настолько, какъ будто въ груди его билось цѣлыхъ три сердца и когда умирало одно отъ невыносимыхъ страданій, другія два давали жизнь новому—онъ могъ, казалось, перевернуть самую землю, на которой неуклюже, но крѣпко стояли его ноги. А въ дѣйствительности происходило такъ: былъ онъ постоянно голоденъ, голодала его жена, и дѣти, и скотина; и замутившійся умъ его блуждалъ какъ пьяный, не находящій дверей своего дома. Въ отчаяцныхъ потугахъ что-то построить, что-то создать, онъ распластывался по землѣ—и все разсыпалось, все валилось, все отвѣчало ему дикой насмѣшкой и глумленіемъ. Казалось, что слезы не должны были высыхать на глазахъ этого человѣка, крики гнѣва и возмущенія не должны были замирать на его устахъ, — а вмѣсто того онъ былъ постоянно веселъ и шутливъ, и бороду имѣлъ какую-то нелѣпо веселую—огненно-рыжую бороду, въ которой всѣ волоски точно кружились и свивались въ безконечной, затѣйливой пляскѣ. Ходилъ въ хороводахъ наравнѣ съ молодыми дѣвками и ребятами; пѣлъ жалобныя пѣсни высокимъ переливчатымъ голосомъ, и тому, кто его слышалъ, плакать хотѣлось, а онъ насмѣшливо и тихо улыбался.

„И грѣхи его были ничтожные, формальные: то землемѣръ, котораго онъ возилъ на Петровки, далъ ему скоромнаго пирога и онъ съѣлъ; и такъ долго онъ разсказывалъ объ этомъ, какъ будто не пирогъ онъ съѣлъ, а совершилъ убійство; то въ прошломъ году передъ причастіемъ онъ выкурилъ папиросу—и объ этомъ онъ говорилъ долго и мучительно.

„ — Кончилъ!—весело, другимъ голосомъ сказалъ Мосягинъ и вытеръ со лба потъ.

„О Василій медленно повернулъ къ нему костлявую голову.

„— А кто помогаетъ тебѣ?

„— Кто помогаетъ-то?—повторилъ Мосягинъ. — Да никто не помогаетъ. Скудно кормятся жители-то, самъ знаешь. Между прочимъ Иванъ Порфирычъ помогъ,—мужикъ осторожно подмигнулъ попу: — далъ три пуда муки, а къ осени чтобы четыре.

„— А Богъ?

„Семенъ вздохнулъ и лицо его сдѣлалось грустнымъ.

„— Богъ-то? Стало быть не заслужилъ...

„...— Чего же ты ждешь?

„— Чего жду-то? А чего-жъ мнѣ ждать?

„И снова молчаніе. Въ церкви темнѣло, и холодъ забирался подъ рубаху мужика.

„— Такъ, значитъ, и будетъ?—спросилъ попъ, и слова его звучали далеко и глухо, какъ комья земли на опущенный въ могилу гробъ.

„— Такъ, значитъ, и будетъ. Такъ, значитъ, и будетъ,—повторилъ Мосягинъ, вслушиваясь въ свои слова. И представилось ему то, что было въ его жизни: голодныя лица дѣтей, попреки, каторжный трудъ и тупая тяжесть подъ сердцемъ, отъ которой хочется пить водку и драться; и оно будетъ опять, будетъ долго, будетъ непрерывно, пока не придетъ смерть. Часто моргая бѣлыми рѣсницами, Мосягинъ вскинулъ на попа влажный, затуманенный взоръ, встрѣтился съ его острыми блестящими глазами—и что-то увидѣли они другъ въ другѣ близкое, родное и страшно печальное...“

Далъ намъ этотъ лучшій, «справедливѣйшій» *итогъ* деревни — символистъ Л. Андреевъ, при помощи символическаго о. Василія и символическаго Мосягина... Я назвалъ это новымъ словомъ, новымъ этапомъ въ нашемъ художествѣ, имѣя въ виду именно новый этапъ въ эволюціи нашихъ взглядовъ на крестьянство. На мой взглядъ, эта художественно-прекрасная страничка въ то же время въ высшей степени привлекательна и въ моральномъ смыслѣ,—въ высшей степени *справедлива.* Я слышу въ ней голосъ того же человѣка, который вмѣстѣ съ Василіемъ Ѳивейскимъ при видѣ смрадно-злосчастнаго безногаго калѣки Трифона задумывается о принципѣ равноцѣнности личности человѣческой и содрогается: «какъ ужасно и безвозвратно лишенъ этотъ человѣкъ всего человѣческаго, на что онъ имѣетъ такое же право, какъ короли въ своихъ палатахъ, какъ святые въ своихъ кельяхъ»... Я слышу во всемъ этомъ голосъ писателя, подобно всѣмъ лучшимъ представителемъ современнаго художества, возлюбившаго образъ «Человѣка», и проклинающаго все, что искажаетъ этотъ образъ. И получая такіе итоги или эскизы итоговъ, и слыша подобный *тонъ* въ произведеніяхъ нашей молодой литературы, я перестаю завидовать эпохѣ «реализма», эпохѣ «зеркальной ясности», и отказываюсь подпѣвать хору хулителей современнаго художества: да, «были люди» въ старое время, но не перевелись они и теперь...

М. Невѣдомскій.

Издательница **М. К. Куприна-Давыдова.** Редакторъ **Ѳ. Д. Батюшковъ.**

Теперь онъ чувствовалъ себя свободнѣе. Онъ былъ радъ, что по стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ любимая женщина освободилась отъ своего мучителя, онъ былъ радъ, что ѣдетъ съ своимъ полкомъ и что перемѣна мѣста удалила его отъ той обстановки, которая вносила такую путаницу въ его мысли.

И наконецъ у него мелькала слабая надежда: можетъ быть тамъ въ лагеряхъ, гдѣ степень подготовленности войска подвергается самому строгому испытанію, къ нему вернется хоть часть его прежней вѣры въ безукоризненное превосходство нѣмецкой арміи.

Онъ окинулъ веселымъ взглядомъ широкую равнину. Она казалась ему моремъ, бурныя волны котораго улеглись и которое своею тихою гладью разливаетъ вокругъ успокоеніе.

Батарея переѣхала черезъ рѣку, одну изъ тѣхъ мало замѣтныхъ рѣчонокъ, которыя лѣниво текутъ въ песчаныхъ берегахъ и подъ своею невинною внѣшностью часто скрываютъ глубокія ямы и опасные водовороты.

Сзади ѣхалъ взводъ гусаръ. Они очевидно упражнялись въ развѣдочной службѣ. Мостъ считался сломаннымъ и они искали брода для переѣзда черезъ рѣку. Офицеръ первый вогналъ свою лошадь въ воду. Лошадь погрузилась съ головой, но затѣмъ поплыла и скоро достигла противоположнаго берега.

Гусары быстро, не колеблясь, послѣдовали за нимъ. На противоположномъ берегу они продолжали ѣхать скорою рысью, оставляя за собой мокрый слѣдъ на пескѣ. Офицеръ подъѣхалъ къ двигавшейся впереди батареѣ.

Реймерсъ узналъ одного изъ своихъ товарищей по военной школѣ.

— Оттензенъ, ты?—вскричалъ онъ.— Вотъ-то счастливый случай!

— Не правда ли? отвѣчалъ гусаръ.— Жаль только, что мнѣ некогда. Надо учить солдатъ.

Они обмѣнялись рукопожатіемъ, кавалеристъ пришпорилъ своего коня и исчезъ въ облакѣ пыли.

Черезъ нѣсколько времени батарея опять встрѣтила гусаръ. Они спѣшились на опушкѣ стараго соснового лѣса. На солдатахъ и на сѣдлахъ еще видны были мокрые слѣды отъ переѣзда вбродъ рѣки, но лошади уже высохли на солнцѣ.

Гусары должны были поочередно влѣзать на деревья и съ верхушки ихъ обозрѣвать въ бинокль окрестность.

Лейтенантъ допрашивалъ ихъ, провѣряя отвѣты по картѣ.

— Давно мы не видались, Реймерсъ,— засмѣялся онъ, когда батарея поравнялась съ нимъ.—Смотри, какъ солдаты славно лазаютъ, точно обезьяны.

Реймерсъ весело кивнулъ товарищу. Въ самомъ дѣлѣ пріятно было глядѣть на добраго гусара.

— Знаешь,—сказалъ Оттензенъ,—я проѣду немножко вмѣстѣ съ тобой.

Онъ просилъ оберъ-лейтенанта Фроммельта «милостиваго разрѣшенія» и велѣлъ вице-вахмистру вести гусаръ назадъ. Затѣмъ онъ присоединился къ батареѣ, продолжая весело болтать и по временамъ заставляя свою лошадь перескакивать черезъ канаву около дороги.

Онъ сидѣлъ великолѣпно на конѣ и съ своей худощавой, гибкой фигурой представлялся образцомъ кавалериста.

Реймерсъ смотрѣлъ на него съ искреннимъ удовольствіемъ и восхищеніемъ.

— Вы, гусары, ловкіе ребята,—сказалъ онъ.

Оттензенъ улыбнулся, видимо польщенный, и отвѣчалъ:

— Ничего себѣ, живемъ!

— Вы даже на деревья лазаете,—продолжалъ артиллеристъ.

— Еще бы!—вскричалъ Оттензенъ:— на деревья, на заборы, на колокольни, на крыши, на телеграфные столбы, чортъ знаетъ на что, даже на самыя крупныя скалы, ну, да ихъ въ здѣшней мѣстности не имѣется.

— Зато попадаются на маневрахъ.

Гусаръ выронилъ свой монокль и сдѣлалъ удивленное лицо.

— На маневрахъ? — переспросилъ онъ.—Ну тамъ-то все легко.

— Отчего, отчего легко?

— Ну, что тамъ? условиться, гдѣ встрѣтиться съ товарищемъ противной партіи, если можно, позавтракать вмѣ-

стѣ, да составить хорошенькій докладъ, вотъ и все!

Маленькій гусаръ вдругъ громко расхохотался.

— Реймерсъ! Дорогой мой,—вскричалъ онъ, — не дѣлай ты, пожалуйста, такой торжественно похоронной физіономіи. Неужели ты этого не зналъ? Не зналъ? Покорнѣйше благодарю!

— Хорошо, но въ такомъ случаѣ какая же цѣль маневровъ?—спросилъ Реймерсъ.

— Цѣль? Разная цѣль!—отвѣчалъ Оттензенъ.

— Вѣдь цѣль же маневровъ—какъ можно лучше воспроизводить настоящую войну?

— Что цѣль? Цѣль ерунда!—проговорилъ гусаръ.— Ты остался все прежнимъ стрекулистомъ и педантомъ! Цѣль маневра встрѣча двухъ воюющихъ партій, а вовсе не упражненіе для молодыхъ кавалерійскихъ офицеровъ. Эта цѣль достигается навѣрняка по взаимному соглашенію. Я тоже былъ когда-то такимъ невиннымъ младенцемъ, какъ ты, милѣйшій другъ. Никогда этого не забуду. Первый разъ былъ я офицеромъ въ патрулѣ, какъ слѣдуетъ по чести, безъ всякихъ уговоровъ. Ѣду я себѣ и ѣду, пока совсѣмъ стемнѣло. Никакихъ враговъ не видно. Чего я ни наслушался! Все, чему мы учились за зиму, пошло къ чорту, два полка пѣхоты съ огромнымъ дорожнымъ транспортомъ, четыре батареи, четыре эскадрона, все весело маршируетъ другъ за другомъ на получасовомъ разстояніи. Ни одного выстрѣла не сдѣлали. Покорнѣйше благодарю, другой разъ не проведете!

На перекресткѣ Оттензенъ распрощался. Отъѣхавъ нѣсколько, онъ еще разъ сдѣлалъ прощальный знакъ правой рукой въ безукоризненно бѣлой перчаткѣ.

Реймерсъ молча ѣхалъ дальше.

На горизонтѣ показались бѣлыя стѣны бараковъ и водопроводная башня лагеря.

Слова школьнаго товарища произвели на него непріятное впечатлѣніе, они были новымъ доказательствомъ того, какъ много дѣлается въ арміи исключительно напоказъ. Теперь онъ громко расхохочется, если кто-нибудь станетъ разсказывать ему, что на маневрахъ воспроизводятся условія настоящей войны. Это просто игра по предварительному соглашенію, чтобы никакой диссонансъ не нарушилъ гармонію заранѣе подготовленнаго представленія. Грустно было думать, какъ много весьма порядочныхъ офицеровъ портятся, вслѣдствіе подобной системы. Оттензенъ былъ, конечно, не военный геній и не образцовый военный воспитатель, но человѣкъ мужественный, со здоровой головой, ловкій наѣздникъ, отъ природы очень находчивый—идеальный офицеръ для патрульной службы. И вотъ всѣ эти практически полезныя свойства пропадали даромъ изъ-за пристрастія къ внѣшнему блеску, изъ-за отсутствія упражненія. Онъ оставался хорошимъ кавалеристомъ и это въ концѣ концовъ было недурно. Но развѣ Оттензенъ не говорилъ объ общераспространенномъ обычаѣ? Изъ его словъ можно было заключить, что это чисто внѣшняя муштровка, нецѣлесообразная въ военномъ отношеніи, превратилась въ какой-то общій принципъ для всей арміи.

Весь первый день былъ занятъ размѣщеніемъ войска по квартирамъ. Вечеромъ въ шесть часовъ поданъ былъ обѣдъ. Большинство офицеровъ такъ устало отъ бѣготни, разныхъ распоряженій, размѣщеній и перемѣщеній, что тотчасъ послѣ обѣда разошлось по своимъ комнатамъ, чтобы часокъ поспать, прежде чѣмъ приняться за вечернее пиво.

Реймерсъ вышелъ изъ лагеря задними воротами и тихими шагами отправился по опушкѣ лѣса къ стрѣльбищу.

Солнце клонилось къ закату и нижнимъ краемъ своего красноватаго диска почти касалось вершинъ темнаго бора, замыкавшаго горизонтъ. Въ его лучахъ равнина пестрѣла и горѣла какимъ-то красноватымъ свѣтомъ.

Отъ стрѣльбища навстрѣчу шли солдаты съ разными инструментами на плечахъ. За ними съ трудомъ тащи-

лась по песку телѣга съ досками. Нанковая одежда солдатъ тоже принимала красноватый оттѣнокъ при вечернемъ освѣщеніи.

Унтеръ-офицеръ, который велъ солдатъ, спѣшился и доложилъ ему, какъ слѣдовало по формѣ: «Команда, строившая стрѣльбище, возвращается въ бараки. Одинъ унтеръ-офицеръ, четыре ефрейтора, двадцать два канонира и возницы».

Реймерсъ кивнулъ. Онъ не слышалъ, что ему говорилъ черноусый солдатъ. Пройдя дальше, онъ оглянулся на маленькій отрядъ медленно подвигавшійся къ лагерю. Канониры протяжно, заунывно пѣли старую пѣсню:

Три лиліи, три лиліи, я на свою могилу посадилъ,
Пріѣхалъ гордый рыцарь, рыцарь ихъ переломалъ,
Пріѣхалъ гордый рыцарь, рыцарь ихъ переломалъ.
О рыцарь, рыцарь, лилій ты моихъ не тронь,
Пусть милая, желанная увидитъ ихъ,
Пусть милая, желанная увидитъ ихъ.
Коли сегодня я умру, лежать я мертвымъ завтра буду
И на зарѣ меня въ могилу закопаютъ,
И на зарѣ меня въ могилу закопаютъ.

Нѣсколько человѣкъ подсвистывали аккомпаниментъ. Смягченное разстояніемъ пѣніе звучало красиво, а сентиментальная мелодія подходила къ вечернему сумраку, постепенно окутывавшему равнину.

Реймерсъ шелъ дальше.

Перекрестная дорога прорѣзывала красное поле вереска. Онъ машинально свернулъ на нее. Это была дорога, которая въ прежнее время вела въ деревню. Теперь отъ деревни остались однѣ развалины, дорога стала безполезной и никто не поддерживалъ ее. Края канавъ по обѣимъ сторонамъ ея обвалились и заполнили канавы, тощая травка, смѣнившая кусты вереска, грозила окончательно овладѣть ею.

Путникъ приблизился къ разрушеннымъ выстрѣлами домамъ.

Солнце скрылось за лѣсомъ и свѣжій вѣтерокъ, предвѣстникъ ночи, пробѣгалъ по равнинѣ.

Грубо высѣченные камни вывалились изъ разрушенныхъ стѣнъ и лежали на дорогѣ; въ другихъ мѣстахъ гранаты пощадили толстыя ограды и глина сдерживала камни. На нихъ выросли толстыя колосья пшеницы.

Деревенскіе дома съ своими наклоненными стѣнами грозили ежеминутно завалить улицу. Дорога вела прямо посреди дворовъ и терялась въ лѣсной просѣкѣ на горизонтѣ.

Солнце выглянуло въ промежутокъ между двумя стѣнами лѣса и залило все своимъ краснымъ свѣтомъ.

Реймерсъ вошелъ во дворъ самаго богатаго изъ деревенскихъ домовъ. Свалившаяся труба лежала среди гряды, заросшей молодыми буксами. Около стѣны дома розовый кустъ простиралъ свои вѣтви. Прежнія махровыя сентифоліи одичали и стали походить на простой шиповникъ.

Все было залито краснымъ свѣтомъ заходящаго солнца. Сквозь пустыя отверстія оконъ Реймерсу представлялось, что онъ видитъ пожаръ. Бѣлыя розы казались красноватыми, и лужа, оставшаяся послѣ недавняго дождя, блестѣла словно свѣжая кровь.

Опустѣлый садъ, пустыя отверстія оконъ, почернѣвшія отъ дыма стѣны, пожаръ на небѣ и красная лужа на землѣ, все это напоминало битву, въ которой люди падаютъ среди цвѣтущихъ розъ и питаютъ своею кровью корни ихъ.

Недоставало только столбовъ пламени, треска валящихся балокъ, крика сражающихся, стоновъ умирающихъ.

Но вотъ солнце зашло за горизонтъ и темная тѣнь окутала пустынный дворъ.

Реймерсъ вышелъ черезъ покрытыя грязью сѣни и черезъ пробитый порогъ на улицу деревни и повернулъ по направленію къ лагерю.

За нѣсколько минутъ передъ тѣмъ все было залито краснымъ свѣтомъ, напоминавшимъ огонь и кровь, теперь на равнину спускалось сѣрое покрывало, становившееся все болѣе и болѣе темнымъ.

Онъ шелъ среди сгущавшихся суме-

рекъ, погруженный въ свои воспоминанія.

Картина разрушеннаго двора воскресила въ его памяти впечатлѣнія южноафриканской жизни.

Онъ живо представлялъ себѣ, какъ вслѣдъ за убѣгавшими отрядами войска горѣли зажиточныя фермы. Мужчины, оглядываясь назадъ, грозили кулаками и возсылали проникнутыя злобой мольбы къ ветхозавѣтному Богу, на котораго они возлагали всѣ свои надежды. Но они не останавливались, а продолжали бѣжать, охваченные непреодолимой паникой, которая овладѣла всѣми ими въ несчастный періодъ войны послѣ взятія въ плѣнъ Кронье.

Укрѣпленія Преторіи стоили милліоны, а они не отстаивали ихъ и четверти часа. Казалось, будто подъ вліяніемъ паническаго ужаса, они готовы бѣжать далеко за предѣлы страны.

Лишь изрѣдка кучка смѣлыхъ юношей соединялась съ нѣсколькими иностранцами чтобы въ какомъ-нибудь горномъ проходѣ, у какого-нибудь брода оказать сопротивленіе непріятелю.

Это были единственные случаи, о которыхъ онъ вспоминалъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ за все время непрерывнаго отступленія.

Онъ, подобно прочимъ, лежалъ въ высокой травѣ или прятался за скалой и оттуда цѣлился во врага. Около него пуля подкосила стебелекъ травы, и осколки камней чуть не пробили ему глазъ.

Это были честныя схватки съ непріятелемъ и совѣсть не мѣшала ему причинять какъ можно больше вреда англичанамъ. Онъ не зналъ, убилъ онъ врага или только ранилъ. То и другое было возможно. Но развѣ это не являлось неизбѣжнымъ слѣдствіемъ войны?

Въ послѣднее время онъ, впрочемъ, былъ свидѣтелемъ одной сцены, которая произвела на него тяжелое впечатлѣніе.

Это было не далеко отъ португальской границы, среди большой травянистой равнины, похожей на ту, на которой происходитъ лагерное ученье войскъ. Буры старались пробраться въ нейтральную область, чтобы избѣгнуть англійскаго плѣна. Глубокое русло рѣки отдѣляло ихъ отъ отряда англичанъ, на днѣ его лѣниво текли остатки пересохшей за лѣто воды.

Англійскій офицеръ, совсѣмъ еще юноша съ нѣжнымъ лицомъ, беззаботно спустился въ рѣчку. Онъ привѣсилъ свой карабинъ къ сѣдлу и безпечно похлопывалъ хлыстикомъ свои свѣтло коричневые высокіе сапоги. Онъ подъѣзжалъ къ бурамъ, солдаты его остались далеко позади.

Тогда одинъ изъ иностранцевъ, исхудалый ирландецъ, повернулъ свою заѣзженную лошаденку. Съ выраженіемъ дикой ненависти поднялъ ружье, прицѣлился и выстрѣлилъ. Англичанинъ тяжело упалъ на спину лошади, а оттуда свалился въ мутную воду.

Ирландецъ поѣхалъ дальше и очутился рядомъ съ Реймерсомъ. Заношенная одежда и сильно загорѣлое лицо показывали, что онъ давно участвуетъ въ войнѣ.

— Знатный выстрѣлъ, товарищъ!— сказалъ онъ.

Реймерсъ искоса поглядѣлъ на него и ничего не отвѣчалъ.

Тотъ сконфузился и быстро продолжалъ:

— Чортъ возьми, сэръ! Тридцать лѣтъ тому назадъ мой отецъ арендовалъ превосходное имѣніе въ графствѣ Ватерфордъ. А умеръ онъ въ Филадельфіи и ничего у него не было, кромѣ изодранной рубашки, худъ онъ былъ, просто кости да кожа. Это я старый долгъ заплатилъ.

Реймерсъ не могъ не кивнуть сочувственно. Ирландецъ былъ одинъ изъ тѣхъ феніевъ, которые служили въ арміи буровъ, одушевленные яростною ненавистью къ англичанамъ, унаслѣдованною отъ цѣлаго ряда предковъ; со своей точки зрѣнія онъ былъ правъ. Они на войнѣ, зачѣмъ же англійскій офицеръ уѣхалъ впередъ съ безпечностью мальчика?

Несмотря на это, поступокъ ирландца возбуждалъ въ немъ отвращеніе.

И вдругъ въ этотъ ночной часъ, среди цвѣтущей равнины, въ виду не-

ясно рисовавшихся въ сумеркахъ развалинъ деревни, при воспоминаніи о пересохшемъ руслѣ рѣки на границѣ Трансваальской республики, ему ясно и опредѣленно представились всѣ тѣ ужасы войны: люди, которые подобно дикимъ звѣрямъ набрасываются другъ на друга и стараются убивать, кровь и огонь, смерть и разореніе.

Тысячи мыслей толпились въ головѣ его. Кто виноватъ въ томъ, что древнія злодѣйства все еще продолжаются, что они даже стоятъ подъ покровительствомъ законовъ. Кто нынче желаетъ войны? Народы, возстающіе другъ противъ друга изъ за національной или расовой вражды? Ищущіе славы государи? Честолюбивые, корыстные дипломаты? Тайные и тѣмъ болѣе вліятельные интриганы, въ родѣ іозуитовъ? Воинственные генералы, желающіе доказать свое raison d'être? Кто осмѣливается въ виду всѣхъ этихъ ужасовъ взять на себя отвѣтственность за такое страшное преступленіе передъ человѣчествомъ?

Эти мысли пугали его, и онъ не рѣшался углубляться въ нихъ. Онѣ приводили его къ выводамъ, которыхъ онъ въ глубинѣ души страшился, такъ какъ ему съ дѣтства рисовали ихъ какъ преступные и достойные презрѣнія. Робко отворачивался онъ отъ нихъ.

Одно только представлялось ему яснымъ и безспорнымъ. Война, являвшаяся какою-то необходимостью въ жизни народовъ, требуетъ людей цѣльныхъ, закаленныхъ. Тѣ, кто, какъ онъ, внутренно надломлены, тѣ безполезны, негодны, потеряны для офицерскаго призванія. Военный человѣкъ, лишенный горячаго убѣжденнаго увлеченія своимъ призваніемъ, представляетъ пустую куклу, бряцающую саблей.

Ему казалось, что онъ именно такая каррикатура на офицера, каррикатура, которую онъ всегда презиралъ. Какая-то задумчиво-меланхоличная разновидность типа, въ общемъ лишеннаго способности мыслить.

Но послѣ этого что же ему дѣлать на свѣтѣ?

На слѣдующее утро оберъ-лейтенантъ Фроммельтъ, временный командиръ второй батареи, поспѣшными шагами подошелъ къ Реймерсу.

— Дорогой мой Реймерсъ,—сказалъ онъ,—я хочу попросить васъ о большомъ одолженіи. Сегодня послѣ ученія съѣздите, пожалуйста, домой, въ гарнизонъ. Знаете, гдѣ-то на квартирѣ у Гропхузена валяется штрафной журналъ батареи и нѣсколько нужныхъ бумагъ. Вахмистръ отослалъ ихъ туда вечеромъ наканунѣ нашего отъѣзда, а теперь они намъ нужны. Можете вы привезти ихъ? будете такъ добры?

— Да, конечно, мой милый Фроммельтъ,—отвѣчалъ Реймерсъ.

Новый батарейный командиръ, съ непривычки нѣсколько суетившійся, продолжалъ:

— Я могъ бы послать Вейсенгагена, какъ младшаго офицера батареи, но, вѣдь, вы его знаете: онъ не очень-то ловокъ, и я боюсь, что онъ не съумѣетъ довольно деликатно говорить съ дамой о дѣлахъ, которыя касаются ея улизнувшаго супруга.

— Развѣ надобно съ ней говорить?— спросилъ Реймерсъ.

— Я думаю, придется. До сихъ поръ мы не могли ничего отыскать. Опишите ей книги, вы вѣдь знаете, какой у насъ принятъ переплетъ, а потомъ поищите ихъ хорошенько сами.

— Хорошо, я съѣзжу.

Реймерсъ присутствовалъ на стрѣльбѣ, въ которой, не смотря на свою неловкость, отличался лейтенантъ Вейсенгагенъ, но все время былъ погруженъ въ собственныя мысли. При всякомъ выстрѣлѣ онъ вздрагивалъ въ сѣдлѣ, а когда батареѣ пришлось перемѣнить позицію, онъ забылъ повернуть свою лошадь. Къ счастью, добрый конь самъ пошелъ, куда слѣдуетъ.

Реймерсъ погладилъ его по шеѣ и выпрямился. Радость, сначала точно оглушила его, теперь онъ гордо и весело озирался кругомъ. Счастье снова улыбнулось ему на послѣдокъ, передъ концомъ всѣхъ его непріятностей, и онъ увидитъ Анну Гропхузенъ.

Было обѣденное время, когда онъ подъѣхалъ къ казармамъ гарнизона. Всѣ честные граждане сидѣли въ этотъ часъ

за накрытыми столами. На улицахъ почти никого не было видно, и кварталъ, гдѣ помѣщались дома офицеровъ, казался вымершимъ. Шотландская овчарка супруги полковаго адъютанта Кауергофа лѣниво потягивалась, лежа въ тѣни. Она подняла голову, когда услышала бряцанье шпоръ.

Домъ Гропхузена со своими закрытыми ставнями, казалось, спалъ, но въ комнатѣ Анны были только спущены блѣдно-розовыя гардины.

Реймерсъ прошелъ палисадникъ и вошелъ въ сѣни. Дверь за нимъ плотно затворилась. Онъ колебался съ минуту. Нигдѣ не слышно было ни малѣйшаго звука. Онъ позвонилъ. Электрическій звонокъ громко прозвенѣлъ среди окружающей тишины. Попрежнему все оставалось безмолвнымъ. Онъ слышалъ лишь біеніе собственнаго сердца.

Онъ позвонилъ во второй разъ—опять ни звука.

Можетъ быть, несчастная женщина вернулась къ родителямъ? Можетъ быть, въ домѣ уже никто не живетъ?

Но вотъ отворилась одна изъ внутреннихъ дверей, послышались легкіе шаги. Цѣпочка съ двери была снята, замокъ щелкнулъ.

Анна Гропхузенъ вышла на порогъ; блѣдное лицо ея имѣло утомленный видъ, на ней была надѣта блуза изъ бѣлой, тонкой, шелковой матеріи. Казалось, будто ея плечи не въ состояніи носить ничего болѣе плотнаго и тяжелаго, чѣмъ эта нѣжная, воздушная ткань. Маленькая головка клонилась назадъ, точно не могла сдерживать тяжести волосъ.

Глаза ея съ удивленіемъ спросили: «Что тебѣ здѣсь нужно?» и она нерѣшительно ступила шагъ назадъ.

— Я пришелъ по служебному дѣлу,—проговорилъ Реймерсъ.

Тогда Анна открыла дверь и впустила его. Легкимъ знакомъ руки она пригласила его слѣдовать за собой и, ступая легкими, безшумными шагами, привела его въ маленькую комнату.

Она сѣла на край кушетки и показала ему стулъ.

— Садитесь, пожалуйста,—проговорила она тихимъ голосомъ.

Реймерсъ продолжалъ стоять и не сводилъ глазъ съ любимой женщины. Наконецъ-то онъ тутъ, подлѣ нея, онъ ее видитъ, онъ слышитъ ея голосъ.

Она подняла на него глаза съ нѣмымъ вопросомъ, удивляясь, почему онъ не садится.

Взгляды ихъ встрѣтились, въ нихъ было первое робкое признаніе любви, первый страстный поцѣлуй...

Онъ бросился передъ нею на колѣни, онъ покрылъ ея ноги, ея платье, ея руки и колѣни жаркими поцѣлуями и рыдая повторялъ все одни и тѣ же слова:

— Я тебя люблю, я люблю тебя!..

Анна не мѣшала ему. Чувство невыразимаго счастья сковало ее, слезы текли у нея по щекамъ и какъ будто откуда-то издалека доносились до нея чудныя слова: «Я тебя люблю, я люблю тебя!»

Она нагнулась къ нему со счастливой, нѣжной улыбкой, синіе глаза ея потемнѣли и блистали кроткимъ свѣтомъ ночного неба.

— Анна, я тебя люблю! Я всегда, всегда тебя любилъ. Тебя, Анна, одну тебя!

Она положила свою прекрасную, холодную руку на его горячій лобъ.

— Я знаю,—прошептала она.

Онъ продолжалъ увѣрять ее.

— И когда я сватался за Марію Фалькенгеймъ, я любилъ тебя, одну тебя! Анна, вѣришь ли ты мнѣ?

— Я знаю,—кивнула она головой.

Вдругъ лицо ея стало холоднымъ, и выраженіе безконечнаго счастья смѣнилось выраженіемъ горечи.

— И я знаю,—продолжала она шопотомъ,—почему ты разстался съ Маріей Фелькенгеймъ.

Эти слова поразили Реймерса, какъ ударъ. Онъ отпрянулъ назадъ и хотѣлъ отойти отъ нея. Но тонкіе пальцы судорожно, до боли сжимали его руку.

— Ты знаешь! — вскричалъ онъ.—Какъ это можетъ быть?

Анна казалась спокойной. Она нѣжно гладила рукой его волосы.

— Какъ это можетъ быть?—повторила она. — Мой дорогой! Женщина всегда добьется того, чего сильно хочетъ! А мнѣ въ то время сильно хотѣлось знать, почему вы разошлись, и я узнала.

Горькій стыдъ охватилъ Реймерса. Онъ поцѣловалъ край ея одежды и хотѣлъ уйти.

— Прости! Прости!

Но прекрасныя руки не выпускали его и надъ самымъ его ухомъ дрожащій, сдавленный голосъ прошепталъ:

— Останься, мой дорогой! Мы съ тобой пара. Я такая же, какъ ты. Мы оба проклятые. Останься!

Реймерсъ безмолвно глядѣлъ на нее съ вопросомъ въ широко раскрытыхъ отъ ужаса глазахъ.

Анна встала. Вся ея слабость исчезла. Она стояла, гордо выпрямившись, и мрачно указала рукой на ту часть дома, гдѣ раньше жилъ ея мужъ.

— Это его дѣло, — сказала она, — онъ меня погубилъ. Онъ испортилъ всю мою жизнь!

Она взглянула на Реймерса, продолжавшаго стоять на колѣняхъ, и ненависть, суровость сразу исчезли съ лица ея.

— А теперь,—продолжала она мягко,—теперь дѣло сложилось такъ, что я готова благодарить его за то, что онъ сдѣлалъ. Онъ распрощался со мной, какъ вполнѣ галантный человѣкъ, — продолжала она съ горькою ироніей, — онъ теперь въ Парижѣ, хочетъ посвятить себя живописи.

И снова въ голосѣ ея зазвучали печальныя ноты, съ губъ ея сорвалось признаніе въ томъ, что она такъ долго таила отъ всѣхъ въ глубинѣ сердца.

— Видишь ли, милый,—заговорила она, — когда онъ женился на мнѣ, на меня напало точно какое-то ослѣпленіе. Мы жили въ постоянномъ безумномъ опьянѣніи. Мы проклинали тѣ часы, которые не могли проводить вмѣстѣ, я ни въ чемъ не могла отказать ему. Онъ преклонялся передо мною и заставлялъ меня ставить ногу ему на шею, онъ называлъ меня своей царицей, своей богиней. И я отдавалась ему.

Она подняла голову властнымъ движеніемъ, и гордая улыбка скользнула по губамъ ея.

— Я, не скупясь, давала ему наслаждаться моей красотой,—продолжала она, — я безъ одеждъ плясала передъ нимъ. Онъ велѣлъ устроить въ саду палатку, никто не зналъ для чего она ему понадобилась. Тамъ я сидѣла нагая на его рыжей ирландской кобылѣ «Лэди Годивѣ». А онъ со слезами стоялъ на колѣняхъ и поклонялся мнѣ. Онъ хотѣлъ имѣть тысячу глазъ, чтобы упиваться двойною красотою и моей, и благороднаго животнаго, онъ клялся не роптать, если его поразитъ слѣпота, послѣ того какъ онъ наглядится на насъ.

Она на минуту остановилась. Вѣчная сила красоты осѣняла лобъ ея невидимой короной.

Затѣмъ голова ея опустилась и голосъ сталъ глуше.

— Все это я для него дѣлала, ничего для него не жалѣла. Потомъ настали дни, когда я стала раскаиваться въ своей излишней щедрости. Я страдала, когда онъ удалялся отъ меня, но я не знала ревности. Можетъ быть, я виновата въ томъ, что не сразу позвала на помощь всю свою гордость. Но своею любовью онъ показалъ мнѣ, какъ тяжело жить безъ любви.

Она замолчала.

Черты ея лица приняли суровое выраженіе и на ея гладкомъ лбу появилась глубокая морщина.

— А потомъ, потомъ, — снова заговорила она, — настала минута, когда страшная истина открылась мнѣ. Я не знаю, что я тогда дѣлала. Я была точно обожженная молніей, я была раздавлена. Я хотѣла уйти отъ него. Но мои родные не позволили мнѣ этого, а я, вѣдь, не могла сказать имъ, что онъ мнѣ сдѣлалъ. Мною овладѣла апатія и я дѣлала все, что мнѣ приказывали. Я то лежала безъ движенія, безъ чувства, какъ мертвая, то начинала метаться, бросаться во всѣ стороны и за мной приходилось смотрѣть, какъ за сумасшедшей. А онъ—онъ завершилъ свое преступленіе тѣмъ, что опять захотѣлъ

сблизиться со мною. Я для него стала другою, болѣе желанною. Но я плевала ему въ лицо. Онъ стоялъ передо мною на колѣняхъ и манилъ меня. Я била его и топтала ногами.

Она поднесла судорожно сжатые кулаки ко лбу и погрозила ими невидимому врагу. Въ глазахъ ея горѣла ненависть, она съ трудомъ переводила духъ.

Но вотъ неестественное возбужденіе улеглось. Она тихо опустилась на кушетку и наклонилась къ Реймерсу, который спряталъ лицо въ складкахъ ея платья.

— Милый,—прошептала она безконечно нѣжнымъ голосомъ, — тогда, въ то время, какъ я только что оправлялась отъ своего безумія, ты вернулся. Когда я увидѣла тебя здѣсь, въ этой комнатѣ, я сразу почувствовала, что мы съ тобой близки другъ другу, что ты долженъ чувствовать то же, что я.

Реймерсъ поднялъ на нее глаза и робко взялъ ея руку.

— Теперь я знаю,—сказалъ онъ,— что я уже тогда любилъ тебя, я зналъ, что намъ предстоитъ одинаковая судьба. Но я не хотѣлъ поддаваться ей, потому что твое несчастье пугало меня.

Анна слегка покачала головой.

— Милый,—просила она,—не говори о несчастіи! Развѣ я тебя не люблю, и развѣ ты меня не любишь? Развѣ мы не счастливы?

Она приблизила свои губы къ его лицу и поцѣловала его долгимъ поцѣлуемъ.

— Я мучилась сомнѣніями,—продолжала она.—Что могла я тебѣ дать, я, нечистая, опозоренная! Но у меня было одно только страстное желаніе, чтобы ты меня полюбилъ. Можно ли сравнить мое прежнее безумное опьянѣніе съ тѣмъ блаженствомъ, какое я испытала, когда увѣрилась, что ты меня любишь? Я готова была все, все тебѣ отдать. О, какъ я была счастлива!

Она тихо улыбалась, погрузившись въ нѣжныя воспоминанія. Реймерсъ чувствовалъ, какъ ея рука ласкаетъ его волоса. Онъ схватилъ эту прекрасную руку и почтительно поднесъ ее къ губамъ.

— Да, я была счастлива!—повторила Анна со вздохомъ.—Правда, черезъ нѣсколько времени мнѣ пришлось лишиться этого счастья. Тогда я узнала, что такое ревность, и я возненавидѣла Марію Фалькенгеймъ, возненавидѣла отъ всего сердца. Ты не знаешь, мой милый, какъ это больно, когда любимый человѣкъ смотритъ на другую и не обращаетъ на тебя вниманія! Помнишь тотъ вечеръ, когда вы въ день рожденія Клары сидѣли въ бесѣдкѣ Фалькенгейма? Тогда я для тебя не существовала. Я готова была стать передъ тобой на колѣни и просить тебя: «Да погляди же на меня!» Но ты видѣлъ одну только Марихенъ, и когда я ѣхала домой по темной улицѣ, вы стояли рядомъ у рѣшетки точно женихъ и невѣста. Счастье свѣтилось въ вашихъ глазахъ, и въ твоихъ также, милый!

Реймерсъ поцѣловалъ руку обожаемой женщины.

— Прости,—проговорилъ онъ, рыдая.—Прости, моя бѣдная, моя милая! Мои глаза стремились къ тебѣ, я насильно обращалъ ихъ на Марію. Теперь я знаю, что и тогда я любилъ тебя одну. Во снѣ и въ полуснѣ, когда я не могъ управлять своими чувствами, я страстно желалъ тебя, одну тебя! Моя бѣдная, моя милая, прости!

Анна тихо покачала головой и съ любовью поглядѣла въ его молящіе глаза.

— Успокойся!—прошептала она.— Я была не права, и я сознала это. Ночью, послѣ того, какъ я увидѣла васъ вмѣстѣ, я долго боролась сама съ собой. Наконецъ, я поняла, что съ моей стороны было страшно эгоистично лишать тебя счастья, что я должна любить тебя иначе, болѣе самоотверженною любовью. Но это не легко далось мнѣ, увѣряю тебя. Съ тѣхъ поръ я полюбила Марію Фалькенгеймъ; я какъ будто превратилась въ тебя и горячо привязалась къ ней, вѣроятно, даже горячѣе тебя. Все, что ты находилъ умнымъ и пріятнымъ въ моихъ разговорахъ, я хотѣла бы передать ей, я охотно отдала бы ей остатокъ своей красоты, особенно же хотѣлось мнѣ вложить въ ея сердце мою

пламенную любовь, чтобы она дала тебѣ радость и счастье. Я сама хотѣла украсить и отдать тебѣ твою невѣсту, я хотѣла оберегать ваше счастье, чтобы ничто не нарушило его.

Руки ея крѣпче охватили шею любимаго человѣка и слова ея быстрѣе слетали съ губъ.

— Вдругъ все перемѣнилось, и я также. Я не могла горевать, когда видѣла заплаканные глаза Маріи. Я предчувствовала, что случилось что-то ужасное, что именно я не могла догадаться. пока не выманила всю правду у добряка Андреа. Тогда я плакала отъ горя, что твое счастье погибло, а потомъ плакала отъ радости, что ты сталъ вполнѣ моимъ. Ты вѣдь мой, не правда ли?

Реймерсъ привлекъ къ себѣ обожаемую женщину; она упала въ его объятія; ея губы протянулись для поцѣлуя и она прошептала:

— Если бы случай не привелъ тебя сегодня ко мнѣ, я сама пошла бы къ тебѣ.

Былъ уже почти вечеръ, когда г-жа фонъ-Гропхузенъ позвонила свою горничную. Горничная, съ утра отпущенная барыней со двора, еще не вернулась. На второй звонокъ изъ конюшни прибѣжалъ деньщикъ. Онъ остановился на порогѣ удивленный представившимся зрѣлищемъ: барыня распустила волоса и стояла освѣщенная солнцемъ словно въ золотистой мантіи.

— Ботти еще не вернулась?—спросила она.

— Нѣтъ, сударыня.

— Ничего. Осѣдлайте мнѣ «Лэди Годиву».

— Слушаю-съ. Только позвольте вамъ сказать, барыня, на «Лэди Годивѣ» три дня никто не ѣздилъ, ее только проводили, она будетъ неспокойна.

Г-жа ф. Гропхузенъ улыбнулась и отвѣчала:

— Не безпокойтесь, я съ ней справлюсь.

— Прикажете мнѣ ѣхать съ вами?

— Нѣтъ, я поѣду одна.

Она небрежно подколола волосы передъ зеркаломъ.

На блѣдныхъ щекахъ ея игралъ легкій румянецъ, губы ея были красны и влажны.

Она быстро надѣла амазонку и прикрѣпила къ головѣ шляпу. Когда копыта рыжей кобылы застучали по мостовой передъ домомъ, она была готова.

Горничная встрѣтилась ей у калитки палисадника и разсыпалась въ извиненіяхъ.

— Хорошо, хорошо,—отвѣтила г-жа Гропхузенъ, почти не слушая ее.

«Лэди Годива» нетерпѣливо переступала съ ноги на ногу. Она весело заржала, когда рука хозяйки погладила ее по мягкимъ ноздрямъ.

Деньщикъ помогъ барынѣ подняться на сѣдло.

— Сударыня, надобно бы сегодня потуже натянуть трензеля,—посовѣтывалъ онъ.

Анна кивнула головой.

Лошадь стала на дыбы, когда наѣздница натянула поводъ. Наконецъ, ее пустили рысью и она своей кокетливой ѣздой выказала всю грацію чистокровной породы.

Красавица, сидѣвшая на ней, имѣла видъ невѣсты, стремившейся къ своему жениху.

Анна поѣхала по направленію къ большому плацъ-параду полка. «Лэди Годива» весело заржала, выѣхавъ на знакомую дорогу. Ей пришлось слегка подниматься въ гору, но это не умѣряло ея долго сдержанной рѣзвости.

Плацъ, большой прямоугольникъ, лежалъ на плоскогорьѣ. Внизу въ долинѣ стоялъ жаркій воздухъ, здѣсь наверху дулъ легкій вѣтерокъ, который ласково приподнималъ волосы со лба наѣздницы.

Когда они въѣхали на тощую травку площади, Анна отпустила повода и лошадь понесла ее ровнымъ галопомъ до другого конца плаца.

Узкая дорожка шла вдоль него. По ней крестьяне возили свои тяжелые возы со снопами до шоссе. Дорожка продолжалась до конца плоскогорья, на крутомъ спускѣ котораго устроены были глубокія каменоломни известняка. На случай, если бы какая-нибудь крестьян-

ская лошадь вздумала понести, дорога была загорожена толстымъ бревномъ.

Для такого скакуна, какимъ была «Лэди Годива», бревно составляло слишкомъ ничтожное препятствіе. Она взяла его великолѣпнымъ прыжкомъ.

Анна слегка ударила ее хлыстомъ. Лошадь прижала уши и ускорила бѣгъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи виднѣлось второе препятствіе: ограда изъ кустовъ боярышника.

«Лэди Годива» летѣла, еле касаясь земли копытами. Грива и хвостъ ея развѣвались, отливая золотомъ въ мягкомъ вечернемъ освѣщеніи. Испуганная пара перепелокъ поднялась съ пожелтѣлой нивы.

Лошадь стала на заднія ноги, готовясь сдѣлать прыжокъ. Вдругъ она какъ будто намѣрилась свернуть въ сторону: за кустами боярышнина открывалась пропасть.

Но быстрота движенія увлекала ее, а крѣпкая рука держала ея голову прямо впередъ...

На слѣдующій день рано утромъ каменотесы, придя на работу, нашли у подошвы горы мертвую женщину и мертвую лошадь.

Внѣшнихъ поврежденій не замѣтно было ни у женщины, ни у лошади. Вѣроятно, обѣихъ ихъ убила сила паденія. Лошадь, казалось, съ ужасомъ устремляла глаза въ пространство, глаза женщины,—нѣтъ, молоденькой дѣвушки,—были закрыты, и ея узкія, тонкія ручки еще крѣпко сжимали поводъ.

Главный каменотесъ послалъ молодого парня къ сельскому старшинѣ, прочіе рабочіе окружили убитыхъ.

— Эхъ, жаль, да ничего не подѣлаешь!—сказалъ главный каменотесъ.— Ихъ дѣло кончено! Давайте приниматься за работу.

Но одинъ худой бородатый рабочій не соглашался съ нимъ.

— Постой,—остановилъ онъ,—такъ не ладно, надо сперва хоть «Отче нашъ» сказать за упокой души убитой.

Каменотесы вообще люди благочестивые—они постоянно стоятъ одной ногой въ гробу: катящіеся сверху камни, обрушивающіяся стѣны, слишкомъ рано взрывающіеся патроны грозятъ ихъ жизни, а известковая пыль ложится имъ на легкія и сокращаетъ ихъ дни.

Бородатый рабочій снялъ шляпу и прочелъ молитву. Всѣ остальные молились, обнаживъ головы.

Послѣ словъ: «И избави насъ отъ лукаваго» онъ вставилъ отъ себя слѣдующую молитву: «И дай бѣдной женщинѣ, которая скоропостижно умерла страшною смертью, твое царство небесное. Молимъ тебя объ этомъ, Господи, яко Твое есть царство и сила и слава во вѣки вѣковъ Аминь».

Одинъ изъ рабочихъ, не ожидая товарищей, принялся за работу, это былъ старикъ, колѣни котораго тряслись, когда онъ толкалъ передъ собой тачку съ камнями. Онъ самъ былъ настолько близокъ къ смерти, что видъ умершей не представлялъ для него ничего особеннаго.

Увидя, что остальные молятся, онъ оставилъ тачку. Старческій беззубый ротъ его съ трудомъ выговаривалъ слова:

— Чего вы молитесь?—прошамкалъ онъ.—Чтобы Господь Богъ далъ ей царство небесное? Да вы на нее посмотрите? У нея по лицу видно, что она уже въ царствіи небесномъ.

Реймерсъ вернулся въ лагерь въ то время, когда товарищи его обѣдали въ казино.

Только соскочивъ съ извозчика, вспомнилъ онъ о порученіи Фроммельта. Онъ немного испугался своей небрежности, но стоило ли думать о такихъ мелочахъ? Ему было странно, что онѣ пришли ему въ голову.

Онъ вошелъ въ баракъ и бросился на свою походную кровать. Въ пустой комнатѣ было душно, несмотря на открытое окно. Ему казалось, что подбѣленныя стѣны сдвигаются и душатъ его.

Онъ закрылъ утомленные глаза. Мучительная галлюцинація исчезла, и его охватило ощущеніе свободы, какъ будто стѣны разступились передъ нимъ и онъ летитъ, какъ будто онъ разливается въ безграничномъ пространствѣ вселенной.

Мимо окна проѣхалъ лѣсной страж-

никъ. Онъ спокойно сидѣлъ на лошади, вынувъ ноги изъ стремянъ и стремена звенѣли, хлопая по шпорамъ. Когда онъ подъѣхалъ ближе, можно было различить скрипъ кожи на сѣдлѣ. Этотъ звукъ скоро затихъ, но металлическій звонъ шпоръ слышался еще долго.

Впрочемъ, можетъ быть и этотъ звонъ былъ пустой галлюцинаціей.

Затѣмъ до него донеслись голоса изъ казино, звонкій, крикливый голосъ Вегштетена и сочный басъ маіора Лишке.

Маленькій капитанъ сердился на обѣдъ.

-- Нѣтъ, какъ хотите, г. маіоръ,— ворчалъ онъ,—хозяинъ казино кормитъ насъ по свински. Первое кушанье: вареное мясо и бульонъ съ картофелемъ. Фу! Что это за мясо! Это мясо какой-то старой, худой коровы, жесткое, какъ подошва. А бульонъ? вода съ либиховскимъ экстрактомъ!

— Но послушайте, мой милый Вегштетенъ,—успокаивалъ Лишке,—подумайте какъ трудно доставлять сюда припасы. Два часа на лошадяхъ, и притомъ надо чтобы было недорого.

Возраженіе Вегштетена не было слышно: онъ вышелъ въ сѣни.

Реймерсъ быстро соскочилъ съ кровати. Онъ боялся, что Фроммельтъ придетъ къ нему, и ему придется сочинять какую-нибудь ложь.

Онъ взялъ изъ шкатулки свой маленькій револьверъ и осмотрѣлъ его. Револьверъ былъ заряженъ пятью патронами. Онъ нѣсколько разъ собирался разрядить его.«Къ чему?—останавливалъ онъ самъ себя:—кто знаетъ, можетъ быть, онъ мнѣ понадобится?»

Быстрыми шагами спустился онъ съ лѣстницы офицерскаго барака и почти побѣжалъ по улицѣ къ воротамъ. Часовой не успѣлъ отдать ему честь и съ открытымъ ртомъ смотрѣлъ на убѣгавшаго офицера. Но затѣмъ все-таки вернулся на свое мѣсто къ будкѣ и самымъ серьезнымъ образомъ отдалъ честь, какъ требовали правила.

Удалившись отъ лагеря, Реймерсъ замедлилъ шагъ и, наконецъ, пошелъ совсѣмъ тихо.

Онъ шелъ нетвердыми шагами, какъ будто не чувствовалъ подъ собой земли, на которую ступалъ, и глаза его неподвижно глядѣли въ пространство точно глаза лунатика. Ему казалось, что все далеко ушло отъ него, и песчаная дорога, по которой онъ шелъ, и темный лѣсъ и цвѣтущіе луга по обѣимъ сторонамъ дороги. Въ то же время ему было какъ-то странно легко, какъ будто онъ летитъ и несется по воздуху.

Развалины разрушенной деревни были окутаны ночнымъ сумракомъ.

Реймерсъ съ трудомъ пробрался по грудамъ обломковъ, завалившихъ улицу деревни, до того богатаго дома, гдѣ онъ былъ наканунѣ, и вошелъ во дворъ.

Бѣлыя розы куста, росшаго у стѣны, еще виднѣлись въ темнотѣ. Онъ раздвинулъ кусты сильно разросшагося букса и сѣлъ на обломокъ закоптѣлой трубы.

Гдѣ-то въ расщелинѣ крикнула сова. Крикъ раздался совсѣмъ близко.

Реймерсъ улыбнулся. У суевѣрныхъ бабъ есть примѣта: гдѣ кричитъ сова, тамъ скоро будетъ покойникъ. На этотъ разъ примѣта окажется вѣрной.

Онъ подперъ голову рукою и задумался.

Съ неимовѣрной быстротой мелькали въ умѣ его всевозможныя картины изъ его жизни, неясныя, дѣтскія стремленія мальчика, увлеченія юноши, гордые планы мужчины и тяжелыя сомнѣнія послѣдняго времени. Ему казалось, какъ будто онъ уже поднялся надъ всѣми заблужденіями земной жизни, какъ будто онъ паритъ въ область яснаго свѣта. Всѣ тревожныя мысли, которыя мучили его наканунѣ, отлетѣли, уступивъ мѣсто спокойному разсужденію.

Что за польза возставать противъ неумолимой необходимости? Конечно, война одно изъ величайшихъ бѣдствій, когда-либо существовавшихъ на землѣ, и тотъ, кто избавитъ отъ нея міръ, будетъ новымъ Мессіей. Но когда явится этотъ спаситель?

До тѣхъ поръ всякое государство должно заботиться о собственной безопасности.

Народы изнемогали подъ гнетомъ вооруженій, но никто не хотѣлъ сдѣлать перваго шага для освобожденія себя отъ этого гнета. А нѣмецкій народъ, какъ

будто избранный всемірной исторіей объектомъ ея опытовъ, до того разнообразно и полно противорѣчій складывалась судьба его,—нѣмецкій народъ, который въ одно и то же время можетъ быть и великимъ мыслителемъ и мелочнымъ кропателемъ, и гордымъ и приниженнымъ, и гигантски сильнымъ и немощно слабымъ, который такъ много сдѣлалъ для культуры и никогда не сознавалъ своихъ заслугъ, котораго всѣ ненавидятъ, и который, несмотря на это, не можетъ слиться въ однородное цѣлое—нѣмецкій народъ имѣетъ всего менѣе основаній взять на себя починъ въ этомъ дѣлѣ.

Онъ долженъ, подобно прочимъ, возлагать всѣ свои надежды на сильную армію.

Тяжелая сторона дѣла заключалась въ томъ, что въ настоящее время это уже не та нѣмецкая армія, которая когда-то въ славной войнѣ заслужила невольное удивленіе всего міра.

Реймерсъ съ грустью прощался съ этими горячо любимыми, дорогими борцами, съ героями великой эпохи. Онъ еще разъ мысленно сопутствовалъ съ нѣмецкимъ войскомъ на всемъ ихъ побѣдоносномъ шествіи. Каждое имя звучало въ ушахъ его словно нѣчто родное. Саарбрюкенъ — эта легкая стычка передъ началомъ настоящей войны. Вейссейбургъ и Вертъ, гдѣ баварцы побратались съ сѣверогерманцами, Спихеренъ, гдѣ легкая аріергардная перестрѣлка превратилась въ серьезную битву, Метцъ, стоившій врагу цѣлой арміи и заставившій плакать тысячи нѣмецкихъ матерей, Бомонъ — прелюдія къ исполинской трагедіи Седана, наконецъ, Парижъ и ожесточенныя схватки опытныхъ воиновъ съ молодыми энтузіастами республиканской арміи подъ Орлеаномъ, Бомъ-ла-Роландъ, Ле Мансомъ, С.-Квентининъ и на Лизенѣ. Онъ видѣлъ, какъ увѣнчанная лаврами армія возвращалась домой послѣ похода, и затѣмъ началась та тихая, неутомимая дѣятельность, которая не удовлетворялась достигнутыми успѣхами, но продолжала творить, чтобы защищать и удерживать пріобрѣтенное.

Послѣ этого онъ окинулъ взглядомъ настоящее и въ особенности будущее.

Теперь еще въ арміи не вполнѣ умерла прежняя скромная, самоотверженная преданность долгу, но развѣ пустой внѣшній блескъ и шумное хвастовство, вошедшее нынче въ моду, не вытѣсняютъ добрыхъ старыхъ нравовъ, при которыхъ господствовало безмолвное сознаніе собственной силы? Мѣсто прежней простоты заняло мишурное щегольство и пустыя побрякушки. И это нынче, въ такое время, когда никого нельзя было провести подобными глупостями.

Чѣмъ дальше пойдетъ армія по этому пути, тѣмъ сильнѣе будетъ рости внутреннее разложеніе ея. Неудержимо распространяющіяся среди солдатъ соціалистическія идеи и все возрастающее отвращеніе отъ военной службы довершатъ то разложеніе, которое извнѣ уже колебало крѣпкіе устои арміи. Искреннее увлеченіе войной все болѣе и болѣе исчезаетъ изъ этой арміи, которая воспитывается не столько для войны, сколько для парадовъ, и она слѣпо стремится къ своей погибели. Вдали уже виднѣется огонь, который уничтожитъ ее, слышится гулъ приближающейся катастрофы — наслѣдники седанскихъ побѣдителей идутъ прямо на нее, вытянувшись въ струну, подобравъ колѣни, торжественнымъ параднымъ маршемъ, а на столбахъ, указывающихъ имъ дорогу, стоитъ одно слово: Іена.

Реймерсъ застоналъ отъ внутренней боли.

Неужели ни откуда не придетъ спасеніе?

Онъ поднялъ глаза къ небу и оглянулся во всѣ стороны. Всюду лежала тьма. Покрытое тучами небо казалось немного свѣтлѣе темныхъ стѣнъ, и однѣ только цвѣтущія бѣлыя розы оживляли свѣтлымъ пятномъ безнадежную тьму.

Легкій вѣтерокъ пронесся надъ равниной. Онъ принесъ благоуханіе цвѣтущихъ луговъ и смолистый запахъ хвойнаго лѣса. Съ огородныхъ грядъ поднялся другой запахъ, запахъ почвы, родной почвы.

Онъ влилъ успокоеніе въ растерзанное отчаяніемъ сердце одинокаго человѣка и пробудилъ въ немъ бодрость духа.

Родная почва, вотъ никогда неумирающій источникъ силы нѣмецкаго народа.

Благодаря родной почвѣ, онъ никогда не погибнетъ.

Безсознательное стремленіе гонитъ въ праздники рабочихъ изъ огромныхъ городовъ въ луга и поля, безсознательное стремленіе заставляетъ небогатыхъ людей пріобрѣтать клочокъ земли, на которомъ они чувствуютъ себя хозяевами, на которомъ они могутъ разводить плоды, представляющіеся имъ не въ примѣръ вкуснѣе всѣхъ покупныхъ,—это стремленіе есть живая любовь къ родной почвѣ, къ родной землѣ.

И вдругъ Реймерсу представилось видѣніе.

Онъ стоялъ на какомъ-то возвышенномъ пунктѣ и смотрѣлъ оттуда на землю. Германія лежала прямо подъ нимъ, точно будто онъ глядѣлъ изъ лодочки воздушнаго шара; онъ видѣлъ хорошо знакомыя очертанія, какъ ихъ рисуютъ на картинахъ, и въ тоже время различалъ каждый домъ въ городѣ, каждое дерево въ лѣсу. Вся земля была плодоносна; болота, береговыя отмели и степи превратились въ плодородныя поля и лѣса, но громадныя частновладѣльческія имѣнія исчезли. Отъ Нѣмецкаго моря до Вогезскихъ горъ, отъ Шлезвигскихъ низинъ до Баварскихъ Альпъ,всюду были раскинуты крестьянскія усадьбы. Города перестали разростаться, такъ какъ новое, болѣе счастливое поколѣніе воздѣлываетъ земли, поколѣніе сильное, которое обновило слабое городское населеніе, поколѣніе свободное, которое любитъ отчизну очищенною, самопроизвольною, сознательною любовью. И солнце весело, любовно освѣщало своими лучами эту страну мира и счастья.

Чудная картина исчезла, и глаза его снова не видѣли ничего кромѣ тьмы.

Издалека, изъ лагеря, ночной вѣтерокъ доносилъ звуки вечерней зари. Онъ машинально прислушивался къ нимъ. Разстояніе смягчало рѣзкіе звуки и торжественные заключительные аккорды ея замерли, сливались съ ночною мглою...

Вечерняя заря — это призывъ къ покою.

Онъ подумалъ о блѣдной красавицѣ, которую любилъ, которая дала ему передъ смертью испытать еще разъ блаженство любви.

Нашла ли она покой?

Маленькій револьверъ слабо щелкнулъ.

Сова вылетѣла изъ своего убѣжища въ расщелинѣ стѣны. Боязливо размахивая крыльями, пронеслась она по разрушенной деревнѣ и снова огласила воздухъ своимъ жалобнымъ крикомъ.

XVII.

— Любовь къ отчизнѣ, „любовь свободнаго человѣка“.
(Народный гимнъ).

Францъ Фохтъ разсчиталъ, что срокъ его заключенія въ тюрьмѣ кончится въ началѣ февраля. Ему хотѣлось, чтобы въ тотъ день, когда онъ выйдетъ на свободу, яркое солнце свѣтило съ голубого зимняго неба, чтобы былъ здоровый морозъ и снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами.

На самомъ дѣлѣ все вышло по его желанію.

Ранняя весна, согрѣвшая арестантовъ при ихъ работахъ на большомъ плацу, исчезла въ одну ночь и уступила мѣсто зимѣ, вернувшей себѣ свои законныя права. Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами, паръ замерзалъ при дыханіи и покрывалъ бороду ледяными сосульками, на голубомъ небѣ свѣтило яркое солнце.

Но когда тяжелыя ворота закрылись за нимъ, Фохтъ не обратилъ вниманія на чудную зимнюю погоду. Онъ думалъ о Вольфѣ, котораго застрѣлили при его попыткѣ къ бѣгству. Онъ самъ помо-

галъ поднимать убитаго, черепъ котораго былъ пробитъ насквозь.

Можетъ быть, эта быстрая смерть была самымъ лучшимъ исходомъ для несчастнаго. Онъ избавился отъ долгаго, мучительнаго, ненавистнаго заточенія въ тюрьмѣ, онъ былъ свободенъ.

Фогта отправили обратно въ полкъ въ сопровожденіи сержанта. Ему надобно было оставаться на военной службѣ еще около двухъ мѣсяцевъ—пять мѣсяцевъ тюремнаго заключенія не засчитывались въ срокъ службы,—но такъ какъ отецъ его умеръ, то его отпустили раньше, чтобы имущество его не оставалось безъ призора.

Прошло нѣсколько дней, прежде чѣмъ исполнены были необходимыя формальности. Въ батареѣ не знали, что съ нимъ дѣлать. Нестоило посылать на фронтовую службу, все равно ко времени смотра онъ уже давно будетъ дома. Онъ убиралъ комнаты, стоялъ на часахъ, раза два ходилъ на ученье и дни тянулись для него невыносимо долго.

Канониръ Фохтъ исполнялъ все, что ему приказывали, покорно и исправно, но не съ прежнею добротою, не съ прежнею усердною готовностью, которая дѣлала изъ него такого хорошаго солдата.

Веселый, простодушный парень превратился послѣ наказанія въ мрачнаго, сдержаннаго человѣка.

Товарищи его призыва давно разошлись на всѣ четыре стороны. Изъ нихъ въ полку оставался одинъ только Густавъ Вейзе. Онъ съ достоинствомъ носилъ свои унтеръ-офицерскіе галуны и встрѣтилъ Фохта съ нѣкоторымъ смущеніемъ, но покровительственно ласково. Канониръ сторонился его, соблюдая въ то же время почтительность, какъ слѣдуетъ передъ начальникомъ.

Наконецъ, однажды вечеромъ Кепхенъ, писарь, который при быстрой смѣнѣ должностныхъ лицъ въ батареѣ одинъ только сохранилъ свое мѣсто, сказалъ ему:

— Фохтъ, ваши бумаги получены. Завтра вамъ можно уйти.

— Слушаю-съ, г. унтеръ-офицеръ,— отвѣтилъ Фохтъ.

Онъ былъ одинъ въ комнатѣ № IX, когда на слѣдующее утро надѣвалъ свое штатское платье. Вся батарея уѣхала на ученье. Онъ не спѣшилъ переодѣваться. Да и куда было ему спѣшить? Тамъ никто его не ждалъ, здѣсь никто его не удерживалъ. Онъ былъ одинъ на свѣтѣ. Ничьи глаза не засвѣтятся радостью при его приходѣ, никто не скажетъ ему дружеское слово. Дойдя до двери, онъ еще разъ окинулъ взглядомъ пустую комнату казармы. Одно время эти сѣрыя стѣны представлялись ему чѣмъ-то роднымъ, это было тогда, когда его вѣрный другъ Клицингъ помѣщался тутъ же, подлѣ него. Это время давно прошло.

Онъ спустился съ лѣстницы и вышелъ черезъ заднія ворота. Во дворъ въѣхала батарея, возвращавшаяся съ ученья. Капитанъ Вегштетенъ стоялъ передъ фронтомъ и своимъ громкимъ голосомъ говорилъ о тѣхъ погрѣшностяхъ, какія онъ замѣтилъ на ученьѣ, и о томъ, что слѣдовало исправить.

Фохтъ снялъ шляпу, и батарейный командиръ приложилъ на секунду руку къ козырьку. Въ его отвѣтѣ на поклонъ замѣчалось какъ будто нѣкоторое смущеніе.

Да и дѣйствительно, все на свѣтѣ шло какъ-то навыворотъ. Глаза Вегштетена невольно остановились на Густавѣ Вейзе, который, какъ унтеръ-офицеръ, стоялъ на флангѣ первой колонны. На него нельзя было жаловаться. Вейзе вполнѣ исправно исполнялъ свои обязанности. Но капитану гораздо пріятнѣе было бы видѣть на его мѣстѣ какого-нибудь унтеръ-офицера Фохта.

Впереди Вейзе стоялъ оберъ-лейтенантъ Бретшнейдеръ, какъ командующій первой колонной. У него былъ такой видъ, точно онъ своею вытянутой шеей и высоко поднятой головой хотѣлъ показать, какое громадное разстояніе отдѣляетъ его отъ солдатъ. Между офицеромъ и его подчиненными не существовало ни малѣйшей связи.

Лицо батарейнаго командира омрачилось еще болѣе. Въ военной академіи человѣкъ можетъ блистать своими познаніями по тактикѣ и военной исторіи

и все-таки оказаться совершенно безполезнымъ офицеромъ для фронтовой службы, и въ особенности совершенно неспособнымъ воспитать въ солдатахъ военный духъ и убѣжденный патріотизмъ.

Когда Фохтъ пришелъ на станцію желѣзной дороги, оказалось, что тотъ поѣздъ, съ которымъ онъ долженъ былъ ѣхать, уже ушелъ.

Ну, все равно, онъ подождетъ слѣдующаго.

Пасмурный февральскій день подходилъ къ концу, когда онъ шагалъ по дорогѣ къ родному селу.

Безъ всякой радости узнавалъ онъ мелкія подробности пейзажа. Онъ окинулъ бѣглымъ, угрюмымъ взглядомъ поля, окаймлявшія дорогу, и когда на противоположномъ берегу рѣки, на фонѣ лѣсистой долины, вырисовался замокъ окружного городка, выступавшій среди тумана стройнѣе и величественнѣе, чѣмъ при дневномъ свѣтѣ, онъ еле повернулъ голову въ его сторону.

Передъ домикомъ сборщика податей онъ на минуту остановился. Запыленныя окна смотрѣли на него словно мертвыя, чужія, запертая дверь надъ истоптаннымъ каменнымъ порогомъ, казалось, отталкивала его.

Калитка у воротъ была слегка притворена.

Францъ Фохтъ вошелъ въ свои владѣнія.

Въ эту самую минуту старый калѣка Ваквицъ шагалъ по двору на своей деревяшкѣ, неся въ рукахъ ведро картофеля.

— Чего тебѣ здѣсь нужно! Убирайся прочь!—закричалъ онъ на вошедшаго.

Но затѣмъ онъ узналъ «молодого господина Фохта». Онъ тотчасъ повелъ его въ хлѣвъ и, безсвязно болтая по своему обыкновенію, указалъ ему, какія коровы гладкія, сытыя, какой бѣлый аппетитный жиръ нагуляли себѣ свиньи. И то сказать, гдѣ найдешь другого человѣка, который бы такъ заботился о скотинѣ. И кормилъ онъ ихъ аккуратно, хотя, по правдѣ сказать, старшина не щедро выдавалъ кормъ.

Фохтъ слушалъ его машинально. Онъ кивалъ на все, что говорилъ болтливый старикъ. Правда, животныя имѣли отличный видъ.

Онъ слегка похлопалъ по спинѣ беременную Краснуху, которая лежала, спокойно прожевывая жвачку, и повернула къ нему голову.

Но онъ никакъ не могъ освободиться отъ чувства какой-то неловкости. Онъ оттолкнулъ ногой клокъ соломы, валявшійся около хлѣва, и старался не ступать ногой на навозъ, валявшійся во дворѣ.

Въ конторѣ сельскаго старшины ему отдали ключи отъ дома. Чѣмъ-то затхлымъ, холоднымъ пахнуло на него въ сѣняхъ и въ комнатахъ стоялъ тотъ же спертый леденящій воздухъ. На полу и на всей мебели лежалъ густой слой пыли.

Ни одна вещица не была тронута съ мѣста, ни одна картина на стѣнахъ не была повѣшена иначе, чѣмъ прежде, но Фохту казалось, что комнаты пусты, а стѣны голы. Онъ дрожалъ отъ холода и отъ чувства одиночества.

Въ первой комнатѣ стояло старое кресло отца, близко придвинутое къ столу, а напротивъ него табуретъ, на которомъ въ прежнее время сидѣлъ сынъ. Казалось, они только что ушли въ поле и снова вернутся вмѣстѣ. Но Францъ все-таки не чувствовалъ себя дома.

Онъ съ грустью оглядѣлся кругомъ. Все было такъ же, какъ въ прежнее время. Маленькое окошечко все еще хлопало, когда вѣтеръ раскачивалъ раму, въ углу стояла палка съ краснымъ полосатымъ мѣшочкомъ для сбора денегъ, а отецъ лежалъ на кладбищѣ подъ высокимъ холмикомъ свѣжей могилы, и онъ, сынъ, сидѣлъ въ отцовскомъ домѣ, какъ чужой.

Медленно опустился онъ въ кресло. Въ первую минуту ему показалось это дерзостью, а на самомъ дѣлѣ онъ вѣдь имѣлъ на это право, какъ хозяинъ.

Долго просидѣлъ онъ, подперевъ голову рукою. Насталъ вечеръ и на проѣзжавшихъ телѣгахъ зажглись тусклые фонарики между передними колесами. На хомутахъ верховыхъ лошадей тоже появлялись качающіеся огоньки.

Мычанье коровъ вывело его изъ задумчивости.

Онъ разсчитался со старымъ работникомъ и щедро далъ ему на водку. Онъ хотѣлъ, какъ отецъ, справлять самъ всю работу.

Кормъ для животныхъ былъ приготовленъ съ утра, и онъ снесъ его въ хлѣвъ. Но для него въ домѣ не нашлось ни корочки хлѣба, ни кусочка масла. Онъ въ темнотѣ пошелъ въ деревню и на его счастье булочникъ еще не заперъ своей лавки, а сосѣдъ согласился уступить ему кусочекъ масла.

Когда онъ, утомленный отъ разныхъ впечатлѣній этого дня, захотѣлъ лечь въ постель, оказалось, что на ней нѣтъ простынь. Ему не охота было рыться въ сундукѣ съ бѣльемъ, и онъ съ досадой натянулъ на себя толстое шерстяное одѣяло.

Утромъ онъ опять услышалъ недовольное мычанье коровъ.

Онъ соскочилъ съ постели и наскоро умылся. Надобно было приниматься за работу, и эта непрерывная, утомительная работа пошла каждый день съ ранняго утра до поздняго вечера. Едва успѣвалъ онъ за обѣдомъ съѣсть тарелку горячей пищи въ деревенскомъ трактирѣ.

Онъ не лѣнился и, не жалѣя трудовъ, исполнялъ все, что нужно.

Но развѣ это была та жизнь, о которой онъ такъ часто мечталъ, когда былъ солдатомъ? Эта вѣчно спѣшная работа, это хватанье одного дѣла за другимъ безъ отдыха, безъ передышки.

Онъ горько усмѣхнулся; тускло, невесело глядѣли глаза его.

Прежде работа тоже утомляла его и плечи его нерѣдко ныли послѣ дневныхъ трудовъ, но тогда его оживляла любовь къ работѣ, она облегчала ему трудъ, она утѣшала и ободряла его,—теперь эта любовь не вернулась къ нему.

Настало время весенняго сѣва. Когда молоденькіе листочки липы показываются на вѣтвяхъ завернутые въ нѣжную коричневую кожицу, тогда пора начинать сѣять. Но еще раньше необходимо было вспахать и проборонить поле слежавшееся за зиму.

Францъ Фохтъ запрягъ своихъ обѣихъ желтыхъ коровъ, а Краснуха осталась въ хлѣву.

Зима упорно держалась въ этомъ году. Когда онъ шелъ за плугомъ, снѣжная крупа била его по лицу, а ледяной вѣтеръ проникалъ сквозь всѣ его одежды и сквозь вязаную шерстяную фуфайку до самаго тѣла. Ему приходилось становиться спиной къ вѣтру, чтобы перевести духъ и защищать лицо рукой. Нѣсколько разъ прерывалъ онъ работу и уводилъ коровъ погрѣться въ хлѣву.

Онъ, не жалѣя трудовъ, ухаживалъ за скотиной, и коровы чувствовали себя превосходно, стоя въ тепломъ хлѣву, шурша ногами по толстому слою соломы и спокойно пожевывая кормъ.

А самъ онъ сидѣлъ передъ холоднымъ очагомъ и старался раздуть тлѣвшій торфъ въ свѣтлое пламя. Онъ бросилъ насквозь промокшее платье на спинку стула и, дрожа отъ холода, ждалъ, чтобы огонь разгорѣлся и согрѣлъ его.

При этомъ ему не разъ приходила въ голову мысль, не лучше ли продать всю эту дрянь, и поле, и домъ, да перебраться въ городъ. Развѣ онъ не живетъ словно рабочая скотина? Пожалуй, даже хуже. Съ самаго возвращенія домой у него не было ни одного дня отдыха, ни одного дня, въ которомъ бы онъ не уставалъ до того, что всѣ кости были точно перебиты. Вольфъ разсказывалъ ему, какъ легко рабочему человѣку найти заработокъ въ городѣ, если у него не совсѣмъ глупая голова на плечахъ, какъ свободно и независимо живутъ тамъ люди; у него же, кромѣ всего прочаго, будетъ нѣсколько тысячъ талеровъ въ карманѣ!

А тутъ еще выходитъ такъ счастливо, что сосѣдній помѣщикъ предлагаетъ ему не дурную цѣну за его землю. Она ему нужна, чтобы «округлить» свои владѣнія.

Не слѣдуетъ ли воспользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ?

Это дѣло, конечно, надобно обдумать. Можетъ быть, помѣщикъ накинетъ цѣну, когда увидитъ, что онъ колеблется и не спѣшитъ продавать.

Наконецъ, погода перемѣнилась. Можно было начинать сѣять.

Раннимъ утромъ, когда Францъ Фохтъ шелъ по двору чтобы задать кормъ скотинѣ, въ воздухѣ чувствовалось какъ бы дуновеніе болѣе мягкой погоды. На востокѣ небо было чисто, солнце еще не взошло, но уже посылало лучи свои, предвѣщавшіе хорошую погоду.

Молодой крестьянинъ еще разъ заглянулъ въ хлѣвъ на Краснуху, которая растолстѣла до того, что еле могла стоять на ногахъ. Нѣтъ, ей телиться не раньше, какъ черезъ двѣ недѣли.

Въ первый разъ въ деревнѣ почувствовалъ онъ нѣкоторое удовольствіе. Эта Краснуха была великолѣпная скотина. Она приносила громадныхъ телятъ и притомъ очень веселыхъ, которые пресмѣшно прыгали и отличались замѣчательно красивой окраской. Было просто жаль продавать ихъ мяснику.

Обѣ желтыя коровы весело замычали, выходя изъ хлѣва. Точно будто онѣ почувствовали въ мягкомъ воздухѣ приближеніе лѣта съ обильнымъ зеленымъ кормомъ. Онъ запрягъ ихъ въ маленькую телѣжку, потомъ принесъ изъ кладовой мѣшокъ пшеницы. Онъ давно приготовилъ сѣмена для посѣва и поставилъ ихъ отдѣльно, но все-таки, чтобы убѣдиться, что онъ не ошибся, онъ развязалъ мѣшокъ погрузилъ руку въ зерна и пропускалъ ихъ сквозь пальцы. Полныя зерна тяжело ложились на руку.

И вотъ еще разъ сердце его забилось посильнѣе отъ радостнаго возбужденія. Ему представилось, какъ зазеленѣютъ молодые всходы, какъ они будутъ расти и зрѣть. Толстые стебли станутъ густыми рядами, а когда вѣтерокъ пронесется надъ полемъ они зашелестятъ тяжелыми колосьями.

Довольнымъ взглядомъ осмотрѣлся онъ во все стороны. Домъ и хлѣвъ были въ порядкѣ, борона еще лежала на полѣ; бодро погналъ онъ запряженныхъ въ телѣжку коровъ.

Его поле лежало ниже деревни, на отлогомъ берегу рѣки, и ему пришлось взять въ сторону отъ деревенской улицы. За рѣкой высились среди утренняго тумана башни замка маркграфа. Какими стройными и красивыми казались онѣ, точно выросли за ночь! Самый высокій шпицъ почти доставалъ до золотистыхъ облаковъ.

На полѣ обѣ коровы сами остановились. Францъ Фохтъ улыбнулся. Дѣйствительно, его земля должна была мозолить глаза помѣщику. Поле было узкое, но оно тянулось длиннымъ рукавомъ среди его свекловичныхъ полей, раздѣляя ихъ и не давая имъ задавить и поглотить себя. Земля на немъ была великолѣпная, такая плодородная, что почти не нуждалась въ удобреніи.

Гордость крестьянина проснулась въ молодомъ человѣкѣ. О нѣтъ, продать эту землю не такъ просто, какъ воображаетъ помѣщикъ. Не такъ-то скоро удастся ему «округлить» свои громадныя поля.

Францъ Фохтъ навязалъ себѣ на грудь мѣшокъ и всыпалъ въ него часть зеренъ. Коровы стояли около дороги, пережевывая жвачку.

Онъ обернулся къ полю.

Солнце ярко освѣщало его. Черная земля была готова принять сѣмя, изъ бороздъ поднимался легкій паръ съ сильнымъ запахомъ почвы, жертвенный ѳиміамъ, приносимый землей солнцу передъ актомъ новаго оплодотворенія.

Никогда не ослабѣвающая мощь земли заключалась въ этомъ парѣ и отъ полноты своихъ жизненныхъ силъ вливала бодрость и крѣпость въ душу человѣка.

Чувство благоговѣнія вдругъ охватило молодого крестьянина и заставило его стать на колѣни, онъ робко, почтительно коснулся руками земли, словно святыни.

Въ эту минуту онъ снова нашелъ свою родину.

Къ громадному сосѣднему полю подходила толпа батраковъ, нанятыхъ помѣщикомъ, чужестранцевъ изъ Галиціи. У женщинъ на головахъ были надѣты пестрые платки и высокіе сапоги съ отворотами на ногахъ.

Угрюмые, полусонные, не хотя волоча ноги, вошли они на поле точно толпа рабовъ. Сзади нихъ шелъ смотритель.

— Avanti, avanti!—командовалъ онъ.

Онъ, вѣроятно, воображалъ, что говоритъ по-польски.

И батраки принялись за работу. Они устало склоняли головы и машинально дѣлали, что имъ приказывали.

А Францъ Фохтъ шагалъ навстрѣчу солнцу, высоко поднявъ голову и широкимъ размахомъ руки разбрасывалъ сѣмена въ борозды своей нивы.

КОНЕЦЪ.

тировать увеличеніе отъ 30 до 40% красныхъ кровяныхъ шариковъ. Послѣ этого опытъ Голе былъ повторенъ нѣсколькими французскими медиками, которые при содѣйствія парижскаго муниципалитета и французскаго воздухоплавательнаго общества совершили для этой цѣли рядъ подъемовъ на воздушномъ шарѣ. Результаты ихъ наблюденій, подтверждая фактъ, установленный д-ромъ Гульеминетти и проф. Голе позволили выяснить физіологическое значеніе этого факта и указали на роль красныхъ кровяныхъ шариковъ въ процессѣ приспособленія организма къ условіямъ давленія атмосферы *).

Услугами воздухоплаванія нерѣдко пользуется также астрономія, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда наблюденію астрономическихъ явленій съ поверхности земли препятствуютъ облака или туманъ. Одинъ изъ первыхъ полетовъ этого рода былъ совершенъ во Франціи Вильфридомъ де-Фонвьель и Липпманомъ 3-го іюля 1881 г. для наблюденія появившейся тогда кометы. Результаты наблюденія было весьма удачны. Въ слѣдущемъ году Морисомъ Мале былъ предпринятъ полетъ, имѣвшій въ виду также наблюденія кометы, которую нельзя было видѣть съ обсерваторій Парижа, вслѣдствіе густого тумана, застилавшаго небо надъ городомъ. Затѣмъ во Франціи же было предпринято нѣсколько полетовъ для наблюденія солнечныхъ и лунныхъ затменій, главнымъ образомъ по иниціативѣ извѣстнаго астронома Жансена.

Въ Россіи первый опытъ наблюденія солнечнаго затменія съ воздушнаго шара былъ произведенъ нашимъ знаменитымъ ученымъ Д. И. Менделѣевымъ 7-го августа 1887 г. **). Для этой цѣли въ распоряженіе Менделѣева былъ предоставленъ военнымъ министерствомъ аэростатъ, на которомъ онъ долженъ былъ подняться изъ г. Клина вмѣстѣ съ извѣстнымъ военнымъ воздухоплавателемъ Ковацько. Но при отправленіи оказалось, что подъемная сила аэростата недостаточна для двухъ пассажировъ, и Менделѣевъ рѣшилъ подняться одинъ. Послѣднее обстоятельство не могло, конечно, не повліять на научный успѣхъ полета, такъ какъ одному лицу трудно въ одно и то же время производить наблюденія и управлять аэростатомъ. Тѣмъ не менѣе ученому удалось пробиться черезъ облака и сдѣлать нѣкоторыя наблюденія надъ солнечной короной, а также нѣсколько интересныхъ метеорологическихъ наблюденій.

Интересны астрономическіе полеты для наблюденія надъ падающими

---

*) Какъ извѣстно, главною составною частью красныхъ кровяныхъ шариковъ является гемоглобинъ — вещество, обладающее сильнымъ химическимъ сродствомъ къ кислороду, съ которымъ оно образуетъ такъ называемый оксигемоглобинъ. Послѣдній разносится кровью по всѣмъ тканямъ организма и отдаетъ имъ кислородъ, причемъ снова возстановляется въ гемоглобинъ, который уносясь кровянымъ потокомъ въ легкія, опять окисляется въ нихъ и т. д. Содержащійся въ кровяныхъ шарикахъ гемоглобинъ является такимъ образомъ при процессѣ сгоранія тканей посредникомъ между этими послѣдними и воздухомъ. Но въ разрѣженномъ воздухѣ крислородъ вдыхается подъ уменьшеннымъ давленіемъ, поэтому количество этого газа, удерживаемое каждымъ кровянымъ шарикомъ будетъ меньше, чѣмъ при нормальныхъ условіяхъ давленія. Такимъ образомъ, путемъ усиленной выработки кровяныхъ шариковъ. организмъ стремится, повидимому, возстановить равновѣсіе, нарушенное вслѣдствіе обѣдненія воздуха кислородомъ.

**) Полетъ Менделѣева подробно описанъ имъ въ статьѣ „Воздушный полетъ изъ Клина во время затменія“, напечатанной въ журналѣ „Сѣверный Вѣстникъ„ за 1887 г. (кн. 11 и 12) Статья эта (авторъ которой посвятилъ, между прочимъ, одну изъ своихъ научныхъ работъ теоріи аэростатическаго воздухоплаванія) заключаетъ въ себѣ не мало интересныхъ и цѣнныхъ соображеній, касающихся теоретическихъ и техничекихъ вопросовъ воздухоплаванія.

звѣздами, которыя періодически появляются вблизи нашей планеты въ видѣ цѣлыхъ звѣдныхъ потоковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Леонидъ» и «Біелидъ». Первыя наблюденія такихъ потоковъ съ воздушнаго шара, произведенныя во Франціи въ 1898 г., были настолько интересны, что на слѣдующій годъ (16-го ноября нов. ст.) по иниціативѣ Жансена многими европейскими обсерваторіями была организована настоящая воздушная охота за падающими звѣздами, причемъ въ Парижѣ наблюденія производились съ трехъ аэростатовъ. На одномъ изъ этихъ аэростатовъ поднялась между прочимъ (вмѣстѣ съ де-Фонвьелемъ и Малле) женщина-астрономъ г-жа Клюмпке. Это былъ первый научный полетъ, въ которомъ принимала участіе женщина.

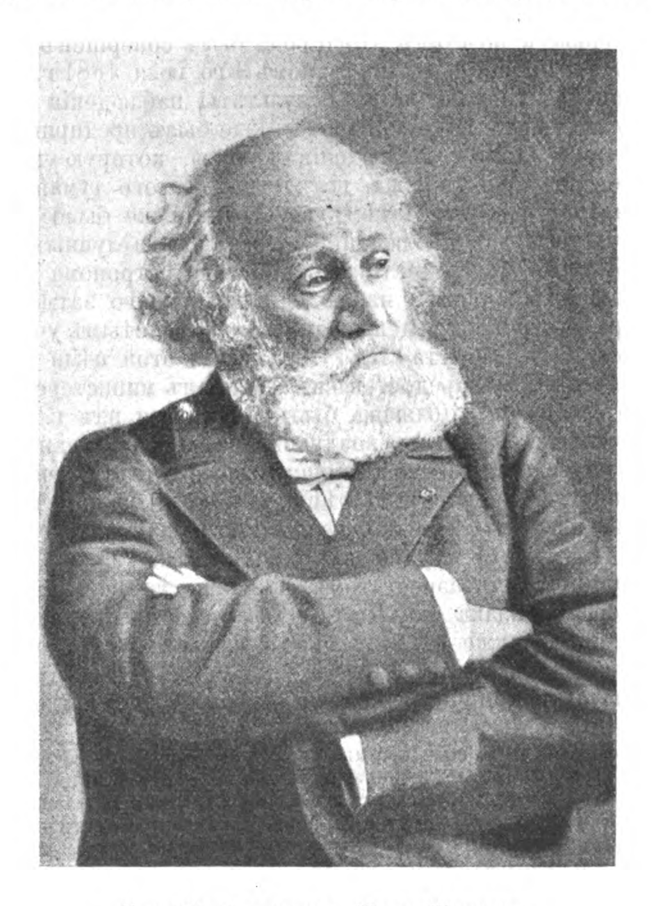


Рис. 79. Академикъ Жюль Жансенъ.

Наконецъ, къ этой же области должны быть отнесены и спектроскопическія наблюденія Кроче-Спинелли, которыя онъ производилъ, по порученію Жансена, въ 1874 г. Наблюденія эти имѣли цѣлью выяснить происхожденіе нѣкоторыхъ линій поглощенія въ солнечномъ спектрѣ, которыя указывали, по мнѣнію итальянскаго астронома Секки, на присутствіе на солнцѣ кислорода. Жансенъ полагалъ, что линіи эти обязаны своимъ происхожденіемъ водянымъ парамъ земной атмосферы и что вмѣстѣ съ уменьшеніемъ количества паровъ на большихъ высотахъ,

они должны исчезнуть или по крайней мѣрѣ значительно ослабнуть. Наблюденіе Кроче-Спинелли (во время его подъема съ Сивелемъ на высоту 7.000 метровъ), повидимому, подтвердили предположенія Жансена.

Говоря о научныхъ примѣненіяхъ воздухоплаванія, нельзя не остановиться на отважной попыткѣ шведскаго воздухоплавателя Андре проникнуть на воздушномъ шарѣ къ сѣверному полюсу, попыткѣ, заинтересовавшей въ концѣ прошлаго вѣка весь образованный міръ. Идея полярной экспедиціи на воздушномъ шарѣ была высказана впервые Дюпюи-Делькуромъ еще въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Съ тѣхъ поръ эта идея занимала многихъ выдающихся воздухоплавателей, выступавшихъ не разъ съ подробными проектами ея осуществленія *).

Рис. 80. Соломонъ-Августъ Андре.

Проекты эти обыкновенно не встрѣчали сочувствія въ ученомъ мірѣ и признавались фантастическими. Въ 1895 г. тщательно разработанный проектъ такой экспедиціи былъ представленъ въ шведскую академію наукъ инженеромъ Андре **).

*) Напр., французъ Ламберъ въ 1863 г., нѣмецъ Зильберманъ въ 1871 г. американецъ Чейнъ 1877—1882 г., французы Сивель, Безансонъ и Эрмитъ и— уже послѣ Андре—Сюркуфъ и Годаръ. Проектъ двухъ послѣднихъ воздухоплавателей встрѣтилъ поддержку со стороны такихъ выдающихся ученыхъ какъ Пуанкаррэ, Фай и др.

**) Инженеръ по образованію, бывшій преподаватель физики въ высшей технической школѣ, Соломонъ-Августъ Андре(род. въ 1854 г.) еще въ 1886 г. участвовалъ въ шведской полярной экспедиціи на Шпицбергенъ. Заинтересовавшись потомъ воздухоплаваніемъ, Андре въ 1893 г. совершилъ свой первый полетъ (въ Стокгольмѣ) на воздушномъ шарѣ и съ тѣхъ поръ сталъ усердно работать надъ задачей отклоненія аэростата отъ линіи вѣтра. Производя многочисленные опыты полета съ гайдъ-ропомъ и парусами надъ Балтійскимъ моремъ, Андре не разъ подвергалъ себя серьезной опасности и однажды чуть было не погибъ, упавъ въ море вмѣстѣ съ аэростатомъ.

*

Проектъ Андре также не встрѣтилъ сочувствія со стороны ученыхъ членовъ академіи, но это не поколебало рѣшимости смѣлаго инженера. Чтобы собрать необходимыя средства для предпріятія, онъ обратился къ общественной подпискѣ, съумѣвъ въ тоже время заинтересовать своимъ проектомъ шведскаго короля, извѣстнаго капиталиста Нобеля и барона Диксона. Благодаря участію названныхъ лицъ, подписка въ теченіе нѣсколькихъ дней дала около 180.000 франковъ, сумму вполнѣ достаточную для покрытія всѣхъ расходовъ по снаряженію экспедиціи. Изготовленіе аэростата было поручено опытному французскому воздухоплавателю Лашамбру, который долженъ былъ произвести также и наполненіе аэростата газомъ на о. Шпицбергенѣ. Къ концу апрѣля 1896 г. аэростатъ былъ готовъ и доставленъ въ Стокгольмъ, откуда въ іюлѣ того же года перевезенъ на пароходѣ «Virgo» на Шпицбергенъ.

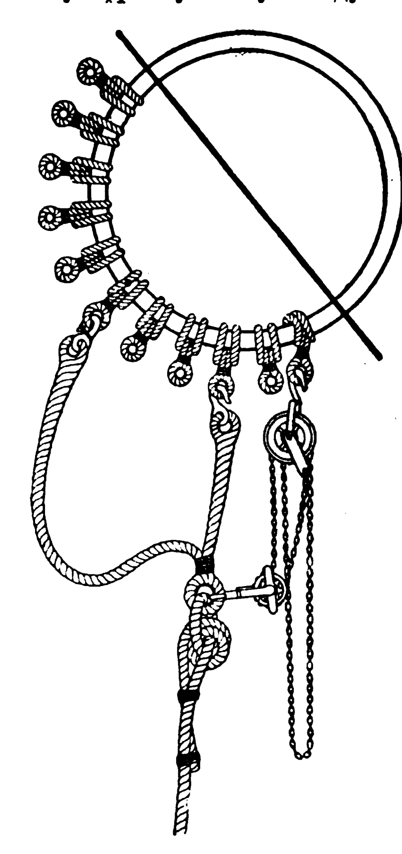


Рис. 81. Способъ прикрѣпленія гайдъ-ропа и паруса къ подвѣсному обручу аэростата Андре.

«Ornen» («Орелъ»—такъ назывался аэростатъ Андре) представлялъ по своей конструкціи послѣднее слово аэростатической техники. Оболочка его, вмѣщавшая 4.500 куб. метровъ газа, была изготовлена изъ тройной шелковой ткани, пропитанной особымъ составомъ, обезпечивавшимъ ея непроницаемость. Въ верхней части она была покрыта чехломъ, смазаннымъ вазелиномъ, чтобы предохранить газъ отъ дѣйствія рѣзкихъ измѣненій температуры. Благодаря устройству 2-хъ клапановъ съ боковъ аэростата, устранялась возможность засыпанія ихъ снѣгомъ и примерзанія. Третій клапанъ, устроенный внизу открывался автоматически, когда давленіе газа превышало извѣстную норму. Корзина аэростата представляла собою цѣлую каюту, снабженную всѣми приспособленіями для отдыха и разогрѣванія пищи (на спиртовой лампѣ). На крышѣ этой каюты находилось помѣщеніе для провизіи и клѣтокъ съ почтовыми голубями; здѣсь же должны были производиться и наблюденія. Кромѣ того, корзина была устроена такимъ образомъ, что, въ случаѣ необходимости, могла служить лодкой и даже могла быть приспособлена къ передвиженіямъ по льду. Но главная особенность аэростата заключалась въ системѣ гайдъ-роповъ и парусовъ, которые прикрѣплялись, по особому способу, къ подвѣсному обручу аэростата (см. рис. 81). При помощи этой системы Андре и предполагалъ производить отклоненія полета, въ случаѣ, если бы вѣтеръ измѣнилъ благопріятное направленіе.

Прибывъ на Шпицбергенъ вмѣстѣ съ двумя своими спутниками—Стриндбергомъ и Френкелемъ, которые вызвались сопровождать Андре въ его опасной экспедиціи, Андре энергично принялся за приготовле-

нія къ полету, надѣясь, что дувшій въ это время сѣверный вѣтеръ скоро измѣнитъ свое направленіе. Однако, его надежды не оправдались: вѣтеръ упорно продолжалъ дуть съ сѣвера. Отправленіе откладывалось со-дня на день, и сотни американскихъ и европейскихъ тури-

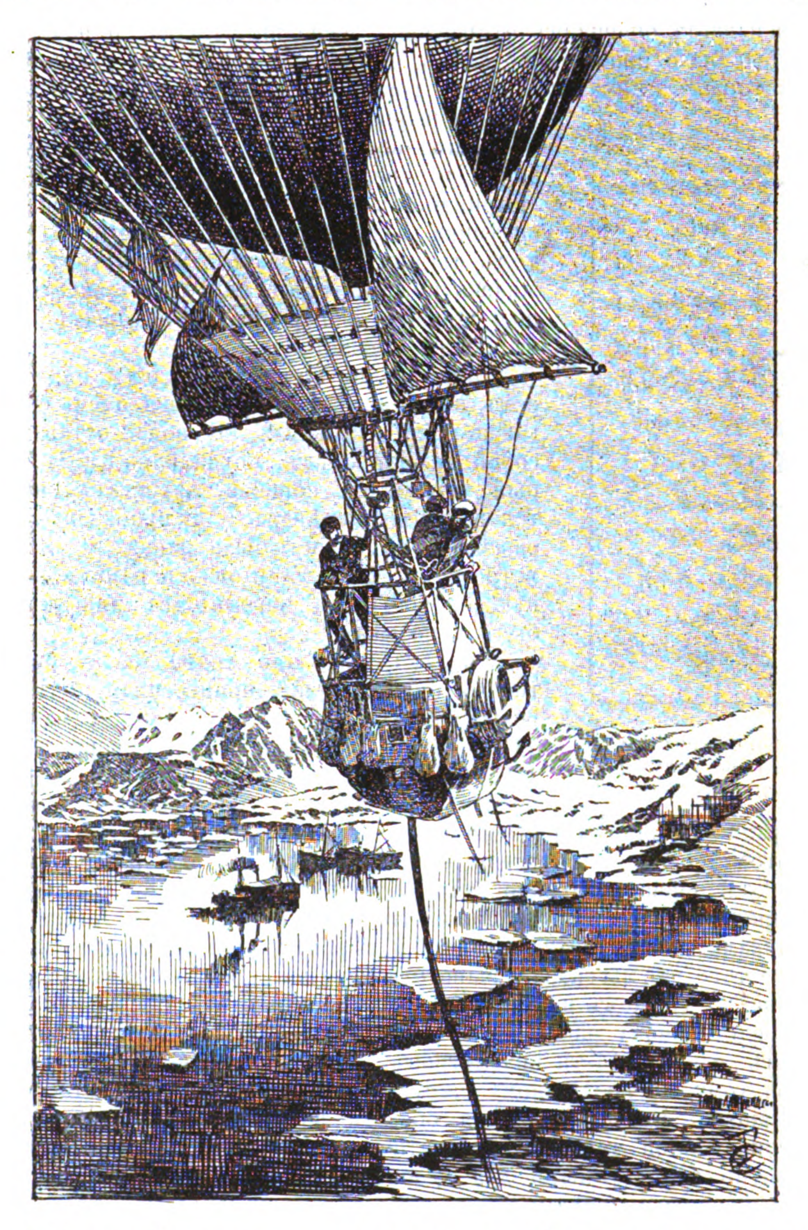


Рис. 82. Экспедиція Андре въ моментъ отправленія къ сѣверному полюсу 11 іюля 1897 г.

стовъ, прибывшихъ на Шпицбергенъ, чтобы посмотрѣть на полетъ Андре, потерявъ терпѣніе, стали оставлять островъ. Андре рѣшилъ ждать до августа, а въ случаѣ, если бы вѣтеръ не измѣнился, тогда отложить

полетъ до слѣдующаго года. Но направленіе вѣтра измѣнилось лишь въ половинѣ августа, т.-е. когда летѣть было уже нельзя за позднимъ временемъ года, и полетъ пришлось отложить. Онъ состоялся на слѣдующій годъ 11-го іюля 1897 г.

«Трогательны были торопливыя прощанья съ присутствовавшими,— разсказываетъ очевидецъ отправленія экспедиціи Андре, Машюронъ,— не много было произнесено словъ, но крѣпкія сердечныя рукопожатія, при которыхъ сжималось сердце, говорили больше всякихъ словъ. Наконецъ, вырвавшись изъ объятій друзей, Андре поспѣшно взобрался на плетеную палубу корзины и твердымъ голосомъ скомандовалъ: «Стриндбергъ! Френкель! Отправляемся!» Оба спутника Андре тотчасъ же заняли мѣста рядомъ съ нимъ на палубѣ, и всѣ трое вооружились ножами, чтобы перерѣзать экваторіальныя привязи и веревки, на которыхъ висѣли мѣшки съ балластомъ...

Från Andrées Polarexp. till Aftonbladet Stockholm.
d. 13 juli
kl. 12.30 midd
Lat. 82° 2'
Long. 15° 5 ost.
god fart åt
ost 10° syd
Allt väl
ombord.
Detta är
tredje dufposten.
Andrée

Рис. 83. Факсимиле депеши Андре, полученной съ почтовымъ голубемъ.

«Держась почти на высотѣ 50 м. надъ уровнемъ воды, аэростатъ удалялся очень быстро; гайдъ-ропы скользили по водѣ оставляя за собой далекій слѣдъ, похожій на слѣдъ, который оставляютъ корабли. Аэростатъ уносился теперь прямо на сѣверъ, и, по приблизительному разсчету, его скорость была равна 30—35 километровъ въ часъ. Если онъ сохранитъ начальную скорость, то черезъ два дня долженъ быть у полюса» *).

Съ тѣхъ поръ отъ Андре была получена только одна депеша, принесенная почтовымъ голубемъ. Въ ней было сказано слѣдующее: «13-го іюля. 12 ч. 30 м. 82°,2′ сѣверн. широты 15°,5′ восточн. долготы. Хорошій ходъ на востокъ. 10° на югъ. Все благополучно. Это четвертая депеша, отправленная съ голубемъ. Андре». Какъ видно изъ этой депеши, направленіе вѣтра измѣнилось, и аэростатъ отклонился отъ первоначальнаго пути на востокъ, но сколько еще времени онъ продержался въ воздухѣ и что потомъ сталось съ Андре и его спутниками, это остается загадкой и, вѣроятно, останется ею навсегда.

Изъ того, что мы сказали выше относительно предѣльной высоты поднятій на воздушномъ шарѣ, слѣдуетъ, что толща атмосферы, доступная непосредственному наблюденію воздухоплавателя, не превышаетъ, во всякомъ случаѣ, 11-ти километровъ. И однако, несмотря на это, благодаря тому же воздушному шару, наука получила въ послѣднее время возможность изучать и такія области воздушнаго океана, которыя при современной техникѣ аэростатическаго воздухоплаванія являются абсолютно недоступными для человѣка. Мы говоримъ о такъ называемыхъ шарахъ-зондахъ.

Мысль о возможности воспользоваться свободными воздушными шарами (т.-е. шарами безъ воздухоплавателей) для изслѣдованія очень высокихъ слоевъ атмосферы была высказана впервые уже вскорѣ послѣ изобрѣтенія воздушныхъ шаровъ. Въ мемуарѣ знаменитаго Менье,

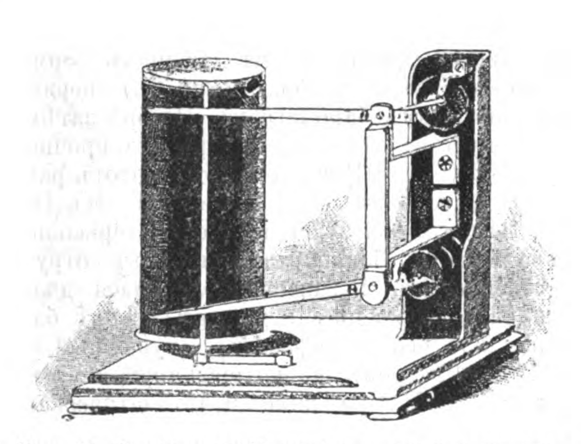
*) Lachambre et Machuron „Andrée. Au pôle nord en ballon".

прочтенномъ имъ въ парижской академіи наукъ въ 1783 г. между прочимъ говорится слѣдующее: «Нѣкоторые, болѣе прницательные умы предложили пускать свободные аэростаты (les aérostats à ballons perdus), снабженные барометрами и термометрами, чтобы узнать такимъ путемъ состояніе наиболѣе высокихъ областей нашей атмосферы: уже указаны и способы, позволяющіе опредѣлять предѣлъ, до котораго ртуть будетъ подниматься въ этихъ приборахъ, при помощи золотой нитки, погруженной въ градуированную колѣнчатую трубку барометра; намъ извѣстны также индустріальные способы изготовленія такихъ термометровъ, которые могли бы отмѣчать степень холода, господствующаго въ наиболѣе удаленныхъ слояхъ нашей атмосферы». Мысль эта не была оцѣнена современниками Менье и оставалась позабытою почти въ теченіе цѣлаго столѣтія. О ней вспомнили лишь въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда нѣкоторыми, главнымъ образомъ французскими, учеными (Жоберъ, Пэно, Муйяръ) былъ снова поднятъ вопросъ объ изслѣдованіи воздушныхъ высотъ при помощи шаровъ-зондовъ. Практическое осуществленіе эта мысль получила, однако, лишь въ 1892 г., когда французскимъ ученымъ Эрмитомъ (Hermite) былъ пущенъ (17-го сентября 1898 г.) первый шаръ-зондъ, снабженный самопишущимъ барометромъ. Вскорѣ затѣмъ Эрмитъ повторилъ свой опытъ пустивъ небольшой шаръ изъ прочной бумаги, пропитанной растворомъ каучука. Шаръ достигъ на этотъ разъ высоты 9.000 метровъ и былъ найденъ въ 350 колометрахъ отъ Парижа, мѣста его отправленія. Затѣмъ, пользуясь щедрой матеріальной поддержкой со стороны принца Роланда Бонапарта, Эрмитъ, въ сотрудничествѣ со своимъ соотечественникомъ Безансономъ, занялся дальнѣйшей разработкой техники шаровъ-зондовъ и достигъ вскорѣ блестящихъ результатовъ. Одинъ изъ его «аэрофиловъ», пущенный въ 1897 г., поднялся на высоту 15.000 метровъ, на которой термометромъ была отмѣчена температура въ—60°. При помощи автоматическаго прибора, построеннаго физикомъ Кальетэ, на этой высотѣ была взята проба воздуха и анализъ этой пробы былъ произведенъ затѣмъ членомъ французской академіи Мюнцемъ. Опыты эти дѣлали очевиднымъ огромное значеніе шаровъ-зондовъ для изученія слоевъ атмосферы, недоступныхъ непосредственному наблюденію, и приборы эти вскорѣ были введены въ практику метеорологическихъ наблюденій большинствомъ выдающихся обсерваторій стараго и новаго свѣта *). Въ настоящее время, помимо отдѣльныхъ систематическихъ наблюденій при помощи шаровъ-зондовъ, съ метеорологическихъ станцій многихъ европейскихъ городовъ производятся (ежемѣсячно) одновременные полеты шаровъ-зондовъ въ заранѣе опредѣленные дни и часы, благодаря чему получается возможность сравнивать состояніе метеорологическихъ элементовъ въ извѣстный моментъ, въ различныхъ пунктахъ европейскаго континента.

*) Наиболѣе замѣчательной въ этомъ отношеніи должна быть признана частная обсерваторія Тэссеранъ де-Бора (Teisserenc de-Bort) въ Траппѣ (близъ Парижа). Наблюденія при помощи шаровъ-зондовъ и съ научной, и съ технической стороны организованы здѣсь образцово и ведутся Тэссеранъ де-Боромъ методически уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ одновременно съ змѣйковыми наблюденіями. Въ 1901 г. одинъ изъ сотрудниковъ Т. де-Бора пріѣзжалъ въ Россію съ цѣлью организаціи нѣсколькихъ полетовъ шаровъ-зондовъ изъ Москвы и Петербурга. Имъ было пущено 26 шаровъ, изъ которыхъ потерялся лишь одинъ. Въ международныхъ ежемѣсячныхъ полетахъ шаровъ-зондовъ въ настоящее время принимаетъ также участіе наша Константиновская обсерваторія въ г. Павловскѣ.

Этотъ методъ метеорологическихъ наблюденія оказался въ высшей степени плодотворнымъ по своимъ результатамъ уже и теперь, несмотря на то, что правильное пользованіе шарами-зондами началось сравнительно очень недавно *).

Для изготовленія оболочки шаровъ-зондовъ употребляется обыкновенно японская бумага, какъ матеріалъ очень дешевый и въ то же время отличающійся сравнительною прочностью **). Употребляются и другіе сорта прочной бумаги (шары Тэссеранъ де-Бора), а также нѣкоторые сорта легкихъ тканей. Чтобы сдѣлать подъемъ болѣе равномѣрнымъ, ранѣе шары снабжались обыкновенно балластомъ въ видѣ песка или смѣси воды съ глицериномъ, (чтобы предупредить замерзаніе чистой воды) который, автоматически выбрасывался по мѣрѣ подъема шара. Но полетъ шара продолжался при этомъ слишкомъ долго и шары уносило очень далеко отъ мѣста ихъ отправленія; въ виду устра-



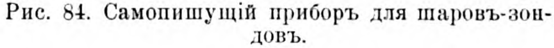


Рис. 84. Самопишущій приборъ для шаровъ-зондовъ.

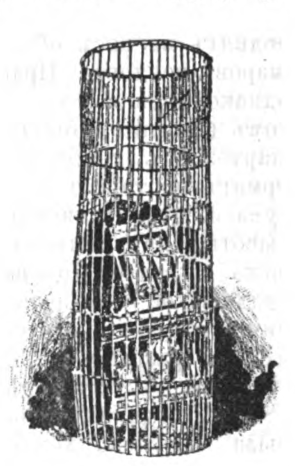


Рис. 85. Корзинка для помѣщенія приборовъ при полетѣ шаровъ-зондовъ.

ненія этихъ неудобствъ, по предложенію проф. Ассмана, стали употреблять автоматически дѣйствующій клапанъ, черезъ который газъ выходитъ изъ оболочки шара, по мѣрѣ подъема послѣдняго. Наиболѣе совершеннымъ типомъ шаровъ-зондовъ являются однако резиновые шары, которые введены на нѣмецкихъ метеорологическихъ станціяхъ, по предложенію того же проф. Ассмана. Преимущество этихъ шаровъ заключается въ томъ, что, не нуждаясь ни въ балластѣ, ни въ клапанахъ, они въ то же время поднимаются довольно равномѣрно и быстро, что имѣетъ большое значеніе для правильнаго функціониро-

*) Такъ, благодаря этимъ наблюденіямъ былъ установленъ чрезвычайно интересный фактъ, что разность температуръ въ зависимости отъ географической широты мѣста чувствуется на огромной высотѣ надъ земной поверхностью: на одной и той же высотѣ въ Петербургѣ всегда получалась температура на нѣсколько градусовъ ниже чѣмъ въ Парижѣ. Замѣчено также, хотя и значительно болѣе слабое, вліяніе годового хода температуры на большихъ высотахъ.

**) 1 кв. метръ японской бумаги, при вѣсѣ въ 50 граммовъ, можетъ выдержать грузъ въ 50 килограммовъ, не давая разрыва.

ванія аспираціонныхъ приборовъ *). По мѣрѣ подъема въ разрѣженные слои, резиновый шаръ, благодаря эластичности оболочки, раздувается до очень значительнаго объема, пока наконецъ не лопается на извѣстной высотѣ. Инструменты при этомъ падаютъ на землю съ парашютомъ. Подъемъ такого шара продолжается обыкновенно не больше 2—3 часовъ. Что касается высоты подъема шаровъ-зондовъ, то она находится въ зависимости отъ объема оболочки и ея вѣса, т.-е. другими словами, матеріала, изъ котораго она изготовлена **). Слѣдующая таблица высотъ подъема, составленная Ренаромъ для шаровъ безъ груза, сдѣланныхъ изъ японской бумаги, указываетъ на характеръ этой зависимости.

Объемъ оболочки въ кубич. метрахъ.	Высота подъема въ километрахъ.	Объемъ оболочки.	Высота подъема.
0,06	5,5	221	27,5
0,22	9	524	29,5
0,52	11	1.020	31,3
1,00	12,8	8.780	37,0
8,20	18,5	654.000	42,5
27,6	21,5	1.020.000	49,5
65,4	23,9	8.200.000	55

Какъ на примѣръ наибольшей высоты, достигнутой до сихъ поръ шарами-зондами, укажемъ на полетъ (6-го сентября 1894 г.) нѣмецкаго шара «Cirrus», который поднялся на высоту 18.500 метровъ, и пролетѣлъ разстояніе въ 1.000 километровъ, причемъ на высшей точкѣ подъема термографомъ была отмѣчена температура—67°. Замѣчательной высоты удалось достигнуть также нѣкоторымъ шарамъ-зондамъ пущеннымъ у насъ въ Россіи. Такъ, шаръ, пущенный въ Москвѣ 8-го марта 1901 г., поднялся на высоту 12.300 метровъ, наинизшая температура, отмѣченная термографомъ, была—66,6°. Во время международнаго полета 2-го апрѣля 1903 г., шаръ пущенный въ Павловскѣ поднялся на высоту 17.465 мет. Минимальная температура—51.

На ряду съ шарами-зондами въ послѣднее время для метеорологическихъ наблюденій съ успѣхомъ стали примѣняться также воздушные змѣи. Этотъ простой, всѣмъ извѣстный приборъ, служившій со времени глубокой древности ***) предметомъ дѣтской забавы, пріобрѣтаетъ въ

*) Самопишущіе приборы, употребляющіеся для наблюденій при помощи шаровъ-зондовъ, отличаются отъ обыкновенныхъ приборовъ этого рода лишь тѣмъ, что запись ведется въ нихъ не чернилами, во избѣжаніе замерзанія послѣднихъ, а острѣемъ, которое чертитъ кривую на закопченой бумагѣ. По той же причинѣ часовые механизмы, вращающіе барабанъ съ діаграммой, въ этихъ приборахъ не смазывается никогда масломъ. Во время полета шара приборы находятся въ тростниковой корзинкѣ съ очень рѣдкимъ плетеніемъ, внутрення часть которой покрывается слоемъ сажи, а наружная оклеивается посеребреной бумагой, для лучшаго отраженія солнечныхъ лучей. На рисункахъ 84 и 85 представлены баротермографъ и корзинка для помѣщенія приборовъ.

**) Высота эта вычисляется по той же формулѣ (Ренара), которая служитъ для опредѣленія высоты подъема обыкновенныхъ аэростатовъ (см. предыдущ. гл., стр. 107, примѣчаніе).

***) Происхожденіе воздушныхъ змѣевъ въ точности неизвѣстно. Одни приписываютъ изобрѣтеніе ихъ Архиту Тарентскому, греческому философу и математику, жившему въ VI-мъ вѣкѣ до Р. Х.; другіе полагаютъ, что изобрѣтеніе змѣевъ принадлежитъ восточнымъ народамъ, именно японцамъ или китайцамъ. Въ пользу послѣдняго мнѣнія приводится между прочимъ то соображеніе, что у многихъ европейскихъ народовъ (у русскихъ, нѣмцевъ, датчанъ, шотландцевъ и др.) змѣи носятъ названіе сказочнаго чудовища, встрѣчающагося въ миѳологіи восточныхъ народовъ (драконъ—летучій змѣй).

настоящее время все болѣе и болѣе серьезное значеніе, какъ очень цѣнное и, благодаря своей простотѣ и дешевизнѣ, всѣмъ доступное орудіе для производства правильныхъ метеорологическихъ наблюденій въ предѣлахъ довольно значительныхъ высотъ атмосферы. Первыя попытки научнаго примѣненія воздушныхъ змѣевъ относятся къ серединѣ XVIII вѣка. Именно въ 1749 г. шотландскій ученый Александръ Уильсонъ (Wilson) пробовалъ запускать систему бумажныхъ змѣевъ (на общей привязи), привязывая къ нимъ термометръ, причемъ верхній змѣй достигалъ высоты кучевыхъ облаковъ. Три года спустя послѣ этого, въ 1752 г., Веніаминъ Франклинъ произвелъ свои знаменитые опыты съ атмосфернымъ электричествомъ при помощи воздушнаго змѣя, что привело его, какъ извѣстно, къ изобрѣтенію громоотвода. Но этимъ первымъ попыткамъ научнаго примѣненія змѣевъ суждено было оставаться позабытыми въ теченіе болѣе чѣмъ ста лѣтъ, и лишь въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, благодаря опытамъ Эрве-Мангона во Франціи и Дугласа Арчибальда въ

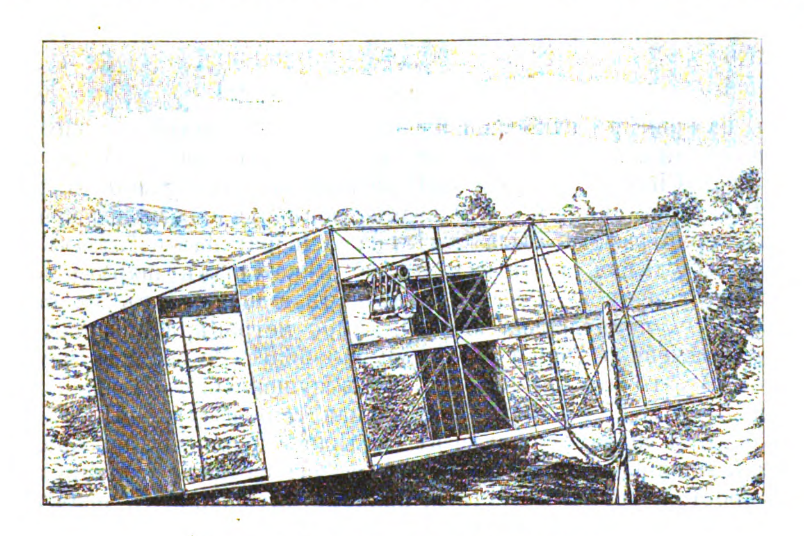


Рис. 86. Воздушный змѣй Марвина.

Англіи идея примѣненія змѣевъ къ метеорологическимъ наблюденіямъ снова привлекаетъ вниманіе ученыхъ и находитъ среди нихъ горячихъ сторонниковъ. Практическимъ же осуществленіемъ этой идеи метеорологія больше всего обязана американцу Ротчу (Lawrence Rotch), директору обсерваторіи въ Blue-Hill близъ Бостона.

Въ 1894 г. Ротчъ первый ввелъ въ своей обсерваторіи правильныя наблюденія при помощи воздушныхъ змѣевъ и довелъ технику этого дѣла до той степени совершенства, благодаря которой обсерваторія въ Blue-Hill сдѣлалась образцомъ для аналогичныхъ учрежденій всего міра. Въ Европѣ, гдѣ змѣйковыя наблюденія въ настоящее время введены въ важнѣйшихъ метеорологическихъ обсерваторіяхъ почти всѣхъ государствъ, наибольшею извѣстностью въ этомъ отношеніи пользуется уже упомянутая выше обсерваторія Тэссеранъ де-Бора въ Траппѣ. У насъ въ Россіи правильныя наблюденія при помощи воздушныхъ змѣевъ производятся ежедневно (съ января настоящаго 1904 г.) въ Константиновской магнитно-метеорологической

обсерваторіи въ г. Павловскѣ, причемъ отчеты объ этихъ наблюденіяхъ печатаются въ ежедневномъ бюллетенѣ главной физической обсерваторіи. Кромѣ того. нѣсколько змѣйковыхъ станцій (въ Кіевѣ, Брестъ-Литовскѣ, Тифлисѣ и Ташкентѣ) устроены были военнымъ вѣдомствомъ въ 1902 г. Изъ всѣхъ существующихъ безчисленныхъ типовъ воздушныхъ змѣевъ наиболѣе цѣлесообразнымъ для метеорологическихъ цѣлей считается въ настоящее время такъ называемый коробочный змѣй, изобрѣтенный американцемъ Харгравомъ (Hargrave). Коробочный змѣй (на прилагаемомъ рис. 86 представлена одна изъ послѣднихъ моделей этого типа—змѣй Марвина) состоитъ обыкновенно изъ четырехъугольнаго каркаса, сдѣланнаго изъ легкихъ, но прочныхъ прутьевъ, который сверху и снизу обтянутъ какою-нибудь легкою тканью, чаще всего — полотномъ. Важныя преимущества этого змѣя заключаются въ его безусловной устойчивости даже при перемѣнномъ и порывистомъ вѣтрѣ и въ его значительной подъемной силѣ *). Послѣдняя въ змѣяхъ, употребляемыхъ для метеорологическихъ цѣлей, должна достигать весьма почтенныхъ размѣровъ, такъ какъ такимъ змѣямъ приходится нести значительный грузъ въ видѣ самопишущихъ инструментовъ и привязи, длина которой достигаетъ иногда нѣсколькихъ километровъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда тяжесть, которую приходится поднимать, очень велика, чтобы не увеличивать слишкомъ поверхности змѣя, чтó сопряжено съ значительными неудобствами, пользуются системой нѣсколькихъ змѣевъ, удерживаемыхъ на общей привязи. Рис. 87, на которомъ изображена система такъ называемыхъ малайскихъ змѣевъ, даетъ понятіе о способахъ соединенія

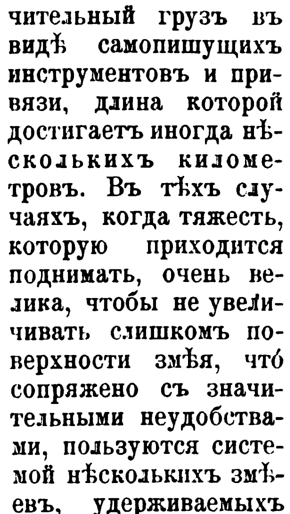


Рис. 87. Обсерваторія-зондъ, подвѣшенная между двумя змѣйками.

*) Подъемъ змѣя обусловливается дѣйствіемъ силы вѣтра на его поверхность, когда послѣдняя образуетъ извѣстный уголъ съ горизонтомъ. Сила вѣтра при этомъ разлагается на двѣ составляющихъ, изъ которыхъ одна направлена перпендикулярно къ поверхности змѣя и, противодѣйствуя силѣ тяжести, заставляетъ его подниматься вверхъ; другая же идетъ параллельно этой поверхности и остается такимъ образомъ безъ вліянія на условія равновѣсія. Величина перпендикулярной составляющей, а слѣдовательно и *подъемная сила* змѣя, зависитъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, отъ величины поверхности, на которую дѣйствуетъ вѣтеръ, величины угла, образуемаго этой поверхностью

змѣевъ въ такихъ случаяхъ и прикрѣпленія къ нимъ самопишущихъ приборовъ. Подъемная сила системы нѣсколькихъ змѣевъ можетъ быть настолько значительна, что легко допускаетъ поднятіе людей. Опыты этого рода неоднократно производились какъ за границей, такъ и у насъ въ Россіи *). Система змѣевъ на общей привязи имѣетъ еще то преимущество, что даетъ возможность достигать большей высоты и, кромѣ того, при ней натяженіе привязи распредѣляется равномѣрно между всѣми участвующими въ ней змѣями. Что касается привязи, то при той высотѣ, которой могутъ достигать метеорологическіе змѣи, она, при достаточной прочности, должна обладать сравнительною легкостью и небольшимъ объемомъ, чтобы не увеличивать собою мертваго груза змѣя. Этимъ свойствамъ удовлетворяетъ лучше всего стальная фортепьянная проволока, которая и употребляется въ настоящее время при всѣхъ змѣйковыхъ наблюденіяхъ, какъ лучшая привязь. Чтобы предохранить ее отъ дѣйствія влажности, проволоку эту обыкновенно покрываютъ предварительно слоемъ цинка, или же смазываютъ саломъ. Коэффиціентъ сопротивленія такой проволоки, при діаметрѣ ея отъ 0,7 до 1 милиметра, равняется отъ 83 до 164 килограммовъ, а вѣсъ 1.000 метровъ ея при тѣхъ же условіяхъ равенъ отъ 3,2 до 6,5 килограммовъ. Проволока наматывается обыкновенно на лебедку, которая приводится въ дѣйствіе или ручнымъ способомъ, или же при помощи паровыхъ и электрическихъ двигателей.

съ горизонтомъ, и отъ силы вѣтра. Зависимость эта выражается формулой: $N=0{,}113\ s.v^2.\sin^2\alpha$, гдѣ s—поверхность, v—скорость вѣтра и α—уголъ змѣя. Такимъ образомъ, напр., подъемная сила змѣя, поверхностью въ 1 кв. метръ, при силѣ вѣтра=10 метрамъ въ секунду и углѣ въ 30°, будетъ равна приблизительно 2,5 килограмма, допуская, что собственная тяжесть такого змѣя= 0,5 килогр. При силѣ вѣтра въ 20 метровъ въ секунду, подъемная способность того же змѣя будетъ уже въ 4 раза больше, т.-е. 10 килогр. и т. д. Устойчивость змѣя и крутизна его подъема зависитъ отъ угла, который образуетъ поверхность съ горизонтомъ, причемъ чѣмъ сильнѣе вѣтеръ, тѣмъ меньше долженъ быть уголъ. Наиболѣе благопріятнымъ для подъема угломъ, въ предѣлахъ средняго вѣтра, считается уголъ отъ 20° до 30°. Наибольшій уголъ, при которомъ возможенъ подъемъ змѣя, составляетъ 54°44′8″, предѣломъ же для наименьшаго угла будетъ 0°, при которомъ змѣй будетъ, что называется, ляжетъ на вѣтеръ. Такимъ образомъ, наклонъ змѣя, по отношенію къ горизонту, долженъ регулироваться сообразно съ силою вѣтра, причемъ желательный наклонъ достигается прикрѣпленіемъ привязи къ соотвѣтствующей точкѣ поверхности змѣя. Точка эта должна всегда находиться выше геометрическаго центра фигуры змѣя и лежать на оси этой фигуры. Въ плоскихъ змѣяхъ, для устойчивости полета, необходимо, чтобы привязь прикрѣплялась не непосредственно къ змѣйку, а при помощи двухъ или трехъ нитей, образующихъ уздечку; для этой же цѣли служитъ и хвостъ, подвязываемый къ этимъ змѣямъ. Въ коробочныхъ змѣяхъ въ хвостѣ и уздечкѣ нѣтъ необходимости, привязь прикрѣпляется къ нимъ обыкновенно въ одной точкѣ.

*) Успѣшные опыты поднятія людей при помощи воздушныхъ змѣевъ производилъ въ Англіи маіоръ Баденъ-Поуэль и въ Америкѣ лейтенантъ Визе. У насъ въ Россіи во время X съѣзда естествоиспытателей и врачей (въ 1898 г. въ Кіевѣ), на которомъ, между прочимъ, въ первый разъ была организована подсекція воздухоплаванія и при ней выставка воздухоплавательныхъ принадлежностей и воздушныхъ змѣевъ, также производились опыты поднятія людей на воздушныхъ змѣяхъ, причемъ было произведено до 20-ти подъемовъ. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что область практическаго примѣненія воздушныхъ змѣевъ далеко не ограничивается одной метеорологіей. Съ проектами и опытами самаго разнообразнаго примѣненія этого прибора (къ военному дѣлу, сигнализаціи, спасенію на водахъ, буксированію судовъ и даже къ охотѣ) знакомитъ интересная монографія Лекорню о воздушныхъ змѣяхъ (Lecornu. „Les Cerfs volants“, Paris, 1902). Къ ней мы и отсылаемъ интересующихся этимъ вопросомъ.

Отдѣльные самопишущіе приборы при змѣйковыхъ наблюденіяхъ замѣняются обыкновенно метеорографами, т.-е. такими приборами которые отмѣчаютъ измѣненіе нѣсколькихъ метеорологическихъ элементовъ сразу (температуру воздуха, влажность, давленіе, силу вѣтра и пр.). Одимъ изъ приборовъ этого рода метеорографъ Марвина изображенъ на рис. 86 (вмѣстѣ со змѣемъ Марвина). Показанія метеорографовъ менѣе точны, нежели показанія отдѣльныхъ самопишущихъ приборовъ, но они имѣютъ то преимущество передъ послѣдними, что значительно легче ихъ. Недавно французомъ Ванземъ (Wenz) былъ изобрѣтенъ приборъ, который въ смыслѣ удобства пользованіи имъ и точности показаній значительно превосходитъ всѣ существующія до

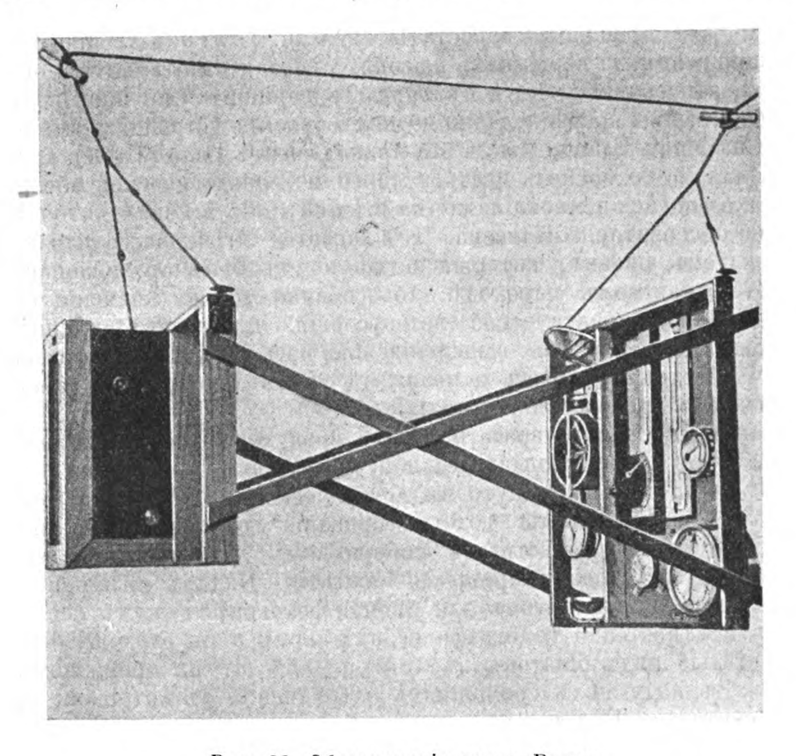


Рис. 88. Обсерваторія-зондъ Ванза.

сихъ поръ системы метеорографовъ. Устройство этого прибора, названнаго Ванземъ обсерваторіей-зондомъ, легко понять изъ прилагаемаго рисунка. См. рис. 88. Противъ небольшой аллюминіевой рамы, на которой помѣщены различные матеорологическіе инструменты, находится небольшой фотографическій аппаратъ, который, благодяря часовому механизму, воспроизводитъ каждую минуту показанія инструментовъ, отмѣчая при этомъ время съ точностью до 1 секунды. На основаніи ряда послѣдовательныхъ снимковъ, легко составить діаграмму, выражающую ходъ измѣненія метеорологическихъ элементовъ, отмѣченныхъ во время наблюденія различными инструментами. Вѣсъ всего аппарата не превышаетъ 3,75 килограммъ; способъ подвѣски его, показанный на рис. 87, гарантируетъ его полную устойчивость. Единственный недостатокъ этого остроумнаго прибора заключается въ томъ, что наблюденія съ нимъ могутъ производиться только днемъ.

Высота, которой могутъ достигать воздушные змѣи уступаетъ, конечно, значительно высотѣ полета аэрастатовъ и шаровъ-зондовъ, тѣмъ не менѣе уже и теперь на обсерваторіи въ Blue-Hill удалось довести эту высоту до 4.000 и даже 5.000 метровъ *). Но уступая шарамъ-зоидомъ въ высотѣ подъема, воздушные змѣи имѣютъ очень важныя преимущества передъ послѣдними. Во-первыхъ, высота подъема змѣя можетъ быть во всякій моментъ легко провѣрена, разъ извѣстна длина привязи и уголъ, образуемый ею съ горизонтомъ. Затѣмъ подъемъ и опусканіе змѣя совершается постепенно и змѣй всегда можетъ быть задержанъ на извѣстой высотѣ, что имѣетъ громадное значеніе для точности записей инструментовъ. Наконецъ, змѣйковыми наблюденіями съ удобствомъ можно пользоваться въ такихъ мѣстахъ, гдѣ шары-зонды и даже привязные аэростаты едва ли могутъ быть примѣнимы, какъ, напримѣръ, на вершинахъ высокихъ горъ и въ открытомъ океанѣ. Попытки запусканія змѣевъ съ горныхъ вершинъ уже производились въ Америкѣ, въ Европѣ недавно возникъ проектъ устройства змѣйковой станціи на Монъ-Бланѣ. Мысль эта принадлежитъ Вало (Valot), который хочетъ для этого воспользоваться своей метеорологической обсерваторіей, находящейся немного ниже (на высотѣ 4.365 м.) знаменитой монъбланской обсерваторіи Жансена. Что касается змѣйковыхъ наблюденій въ открытомъ океанѣ, которыя легко могутъ быть организованы на каждомъ океанскомъ пароходѣ, то особенно цѣнно значеніе такихъ наблюденій для практической метеорологіи, такъ какъ именно они могли бы способствовать выясненію причинъ и условій образованія депрессій среднихъ широтъ и положить этимъ прочное основаніе для раціональнаго предсказанія погоды.

Заканчивая нашъ очеркъ научнаго воздухоплаванія, скажемъ нѣсколько словъ о воздухоплавательной фотографіи.

Какъ уже было упомянуто въ историческомъ очеркѣ воздухоплаванія **), первые опыты фотографированія съ воздушныхъ шаровъ были произведены извѣстнымъ поборникомъ авіаціи Надаромъ еще въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Надаръ имѣлъ въ виду воспользоваться аэростатомъ для съемки фотографическимъ способомъ плановъ мѣстностей и топографическихъ картъ и съ этою цѣлью произвелъ цѣлый рядъ опытовъ въ 1858 и 1868 гг. на привязномъ аэростатѣ. Въ виду тѣхъ громадныхъ затрудненій, съ которыми приходилось считаться Надару въ то время, когда фотографированіе при помощи сухихъ пластинокъ еще не было извѣстно и когда работа на мокромъ коллодіѣ требовала выполненія сложныхъ лабораторныхъ манипуляцій въ корзинѣ аэростата, не мудрено, что результаты этихъ опытовъ не могли удовлетворить Надара и онъ оставилъ свой проектъ. Болѣе удачные опыты въ этомъ направленіи были произведены во время сѣверо-междуусобной войны въ 1862 году при осадѣ гор. Ричмонда. Состоявшимъ въ распоряженіи генерала Макъ-Клелана воздухоплавателямъ Ламонтеню и Аллану удалось сфотографировать съ воздушнаго шара диспозиціи войскъ противника, расположенныхъ между городами Ричмондомъ и Манчестеромъ. Снимки сфотографированной мѣстности были раздѣлены, подобно шахматной доскѣ, на 64 квадрата, которые

*) Общая длина привязи въ послѣднемъ случаѣ достигала 6,300 метровъ, которые представляли собою вѣсъ въ 27 килограммовъ. Натяженіе привязи соотвѣтсвовало вѣсу 48 и 68 килогр. и равнялось лишь половинѣ коэфиціента сопротивленія, которымъ она обладала.

**) См. выше стр. 85.

носили особыя обозначенія. Во время атаки осажденнаго города одинъ изъ экземпляровъ такой карты находился у генерала Макъ-Клелана, другой же въ корзинѣ привязного аэростата, соединеннаго съ землею телеграфнымъ проводомъ. Благодаря этому Макъ-Клеланъ могъ получать съ аэростата самыя точныя донесенія о движеніи непріятеля и отдавать соотвѣтствующія распоряженія, что давало ему возможность атаковать противника въ наиболѣе слабыхъ мѣстахъ и, въ свою очередь, отражать всѣ его атаки. Такимъ образомъ, фотографія имѣла рѣшающее значеніе для исхода очень важной битвы. Послѣ этого опыты фотографированія съ аэростатовъ были возобновлены лишь 1878 г. французскимъ фотографомъ Дагрономъ, извѣстнымъ изобрѣтателемъ фотографическихъ пленокъ для голубиной почты, сослужившихъ такую важную службу во время осады Парижа. Дагронъ воспользовался для своихъ опытовъ привязнымъ шаромъ Жиффара, фигурировавшимъ на парижской выставкѣ 1878 г., причемъ ему удалось получить лишь одинъ сколько-нибудь удовлетворительный снимокъ панорамы части Парижа. Затѣмъ, съ изобрѣтеніемъ сухихъ бромо-желатинныхъ пластинокъ, послѣдовали уже болѣе удачные опыты Демаре, Гастона Тиссандье, Дюкома и др.—во Франціи, Шэдбольта, Эльсдаля и Темплера—въ Англіи и также въ другихъ странахъ, пока, наконецъ, фотографія не сдѣлась необходимою принадлежностью въ воздухоплавательной практикѣ. «Можно сказать,—говоритъ Лекорню—что въ настоящее время не совершается ни одного научнаго и спортивнаго полета безъ фотографическаго аппарата, и полученные при его помощи документы, въ видѣ топографическихъ и панорамическихъ снимковъ земной поверхности, находящейся подъ воздушнымъ шаромъ или въ видѣ снимковъ облаковъ и воздушныхъ пейзажей, имѣютъ чрезвычайно важное значеніе» *). У насъ въ Россіи первые опыты фотографированія съ воздушнаго шара были произведены поручикомъ (нынѣ полковникомъ) А. К. Кованько при полетѣ на военномъ аэростатѣ 18-го мая 1886 г. **). Во время этого полета Кованько удалось снять три вида на Петербургъ съ различной высоты. Первый, наиболѣе удачный изъ нихъ снятъ съ высоты 800 метровъ и представляетъ панораму устья р. Невы, съ Васильевскимъ Островомъ, Петербургскою Стороною, островами и взморьемъ вплоть до Лисьяго Носа. Нѣкоторыя части этой панорамы (Васильевскій Островъ, Петербургская Сторона, Дворцовая набережная) вырисовываются на снимкѣ настолько отчетливо, что на нихъ можно различить многія улицы и наиболѣе извѣстныя зданія. Второй снимокъ, сдѣланный съ высоты 1.200 метровъ, представляетъ почти тотъ же видъ, но вышелъ менѣе удачно, и, наконецъ, на третьемъ сфотографирована съ высоты 1.350 метровъ Петропавловская крѣпость въ планѣ, т.-е. въ тотъ моментъ, когда она находилась прямо подъ объективомъ аппарата. Снимокъ оказался также не совсѣмъ удачнымъ, хотя и позволяетъ отличать на немъ нѣкоторыя частности плана крѣпости. Дальнѣйшіе опыты фотографированія съ воздушныхъ шаровъ производились воздухоплавателемъ Звѣринцевымъ, а также нѣкоторыми офицерами, принадлежащими къ составу учебнаго воздухоплавательнаго парка.

---

*) Lecornu. „La navigation aèrienne“ стр. 364.

**) См. монографію Л. Н. Звѣринцева. „Фотографированіе съ воздушныхъ шаровъ“ Спб. 1887 г., изъ которой мы и заимствуемъ данныя по интересующему насъ вопросу.

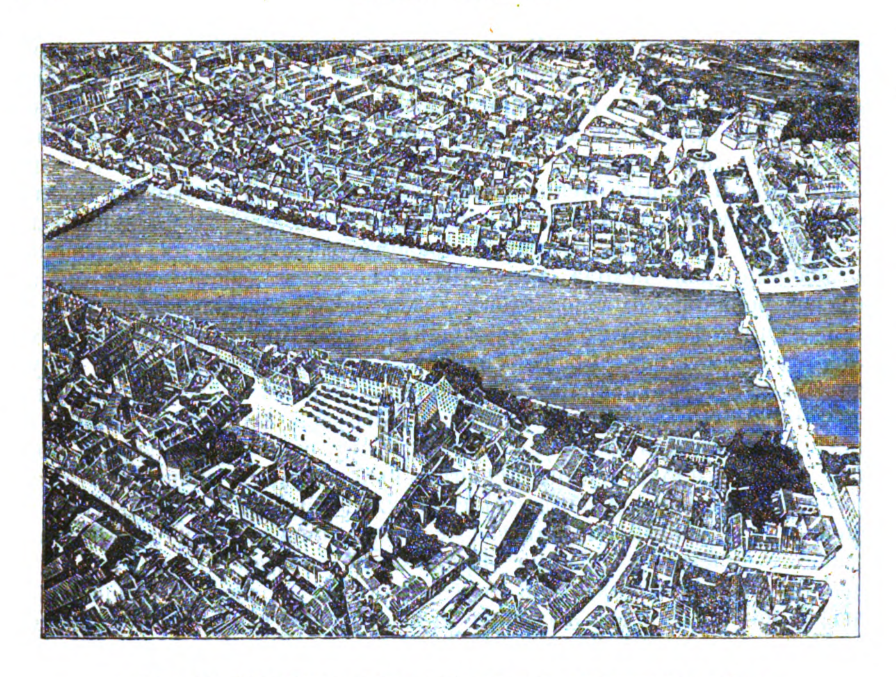


Рис. 89. Панорама города Базеля съ воздушнаго шара.

Рис. 90. Панорама города Науэнъ (8 т. жител.) въ Пруссіи (пров. Бранденбургъ).

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

„МІРЪ БОЖІЙ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(28 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Разъѣзжая, 7 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. **Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы**—въ конторѣ *Печковской*, Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) *Рукописи*, присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны*, снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) **Принятыя статьи**, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе **полугода** и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица*, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ **семикопѣечную марку.**

5) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

6) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

7) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

8) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

9) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 25 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

10) При переходѣ петербургскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногороднихъ въ петербургскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.

11) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, **кромѣ праздниковъ**, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 3 до 4½ час. *и пятницамъ* отъ 3 до 4½ час. *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб.

Адресъ: С.-Петербургъ, Разъѣзжая, 7.

Издательница **М. К. Куприна-Давыдова.** Редакторъ Ѳ. Д. **Батюшковъ.**